СОЗИДАТЕЛИ

**Очерки о людях,
вписавших свое имя
в историю Новосибирска**

Том 2

Новосибирск
2003

ББК 63.3(2)
С–54

Эта книга рассказывает о судьбах людей разных поколений и разных профессий, которых объединяет чувство долга и деятельная любовь к Новосибирску.

Составитель **Александров Н.А.**

Редактор **Городецкий Е.А.**

Авторский коллектив: **Антонов А.Н., Афанасьева Т.Б., Безрядин Н.В., Буторина Е.Б., Веремьянина Л.Ю., Городецкий Е.А., Дегтярев В.Н., Журавлева Г.К., Ибрагимова З.М., Коньякова Т.В., Косарева И.З., Косенков А.Ф., Костин С.С., Лендов В.П., Лендова В.Н., Магалиф Ю.М., Манторова Н.В., Мартышев Е.Ф., Нотман Р.К., Плитченко Е.А., Притвиц Н.А., Сасса Г.А., Семенова Л.А., Сиваковская С.Б., Синиченко Н.А., Скляренко А.Б., Сурнин А.В., Троицкая Г.В., Тучина Л.В., Цыплаков И.Ф., Чернов Ю.В., Шипилова Т.Н.**

Созидатели. Книга очерков.— Новосибирск: «Клуб меценатов». — 2003.— 496 стр.

ISBN 5—88742—054—5

© Гиберт К.К., 2003

Сто характеров — и одна судьба

Еще совсем недавно театр соседствовал с тихими улочками городского центра, с уютной площадью перед фасадом, и лишь по вечерам эта площадь, освещенная не очень ярко и не очень празднично, заполнялась театралами.

И вдруг все изменилось, и театр оказался на развязке бешеных автомагистралей, в окружении громадных гостиниц, пышных офисов, рекламных щитов — на бойком месте. Время ворвалось сюда вместе с потоком машин, разрушая патриархальную цельность этого городского уголка. От такого напора должен был измениться и сам театр, не только его окружение. И он, конечно, изменился.

Теперь в «Красном факеле» не жалеют огней. Ярко горят фонари у парадного подъезда, сияют светильники в фойе, а люстры — в

зале, светом залита сцена, особенно в тот, последний, миг, когда, взявшись за руки, выходят актеры на поклон. Ибо что бы ни менялось в театре — к лучшему или худшему, этот момент здесь вечный: актеры выходят на поклон. Еще в гриме. Еще в необычных нарядах. Еще герои и героини, но уже и реальные люди, освещенные сиянием сцены, светом рампы — теперь в «Красном факеле» не жалеют огней.

И среди них, взявшихся за руки, только что отыгравших, отплакавших, отсмеявшихся — за нас, для нас и с нами, — она, наша любимица, из-за которой многие вообще ходят в «Красный факел».

Ей доводилось плакать и смеяться на сцене чаще, чем другим, — особенно в те сезоны, когда у нее было много ролей. Выпадали такие счастливые времена — и для нее, и для зрителей. Мы слышали ее голос по радио — она читала стихи; мы видели ее лицо на экране телевизора — спокойное, с чистыми, чуть печальными, все понимающими глазами, — в телеспектакле о цветаевской Сонечке... Но чтоб увидеть ее по-настоящему, во всем актерском блеске, во всем многоречии, многосвете, многочувстве, многожизни, — надо пойти в театр. Побывать под его огнями, люстрами, светильниками, посидеть в чуткой темноте зрительного зала и увидеть эту актрису на сцене — как в других мирах, рожденных для нашего волнения, подаренных нам — на счастье. Эти миры мы уносим с собой надолго, когда окончательно закроется занавес, отдаляя нас от жизни сцены, уже умолкнувшей в этот вечер. Сценическая жизнь словно переселяется в нас, как-то по-своему запоминаясь — каждому по-своему.

...Театр являет собой образец единства противоположностей: свет и темнота, голоса сцены и молчание зала, отдых для зрителей и адский труд актеров, выдумка игры и реальность отклика. Здесь публика даже любит тех, кого в жизни бы ненавидела: обожает самых отъявленных негодяев, если их играют любимые актеры.

Ну, в самом деле, как можно любить такую даму, как столичная штучка Мара в спектакле Облдрамы «Парик из Гонконга»?! А зрители отбивали ладошки в аплодисментах и были счастливы, что вот еще и еще она выходит на сцену и — продляется миг прощания. И спешили прийти сюда опять, если не на этот, так на другой спектакль, где любимая актриса была совсем в ином образе, но тоже удивительном. Например, играла в «Красном факеле» странную фрекен Жюли или совсем уж необычную Летицию («Игра воображения»)...

Наверное, уже понятно, о ком идет речь? Да, это Галина Алехина, заслуженная артистка России, ведущая актриса «Красного факела».

Талантливая, умная, красивая, ироничная (чаще — самоироничная) — от нее исходит некая строгость, может быть, от серьезности натуры, от прямоты. Она из тех, кто умеет сказать прямые, резкие слова в любой обстановке. «В дипломаты не гожусь», — говорит о себе сама. За это ее одни любят и уважают, иные — не очень. Вот и с начальством у нее всегда сложные отношения. Слава

Богу, мир состоит далеко не из одних начальников. Сколько людей вокруг, с которыми хорошо!

И все-таки в голосе бывает слишком много горечи, и все дольше задерживается печаль в ее длинных зеленых глазах — глазами она в отца. «Хороша ты моя, хороша! Алехинская породушка!» — приговаривала гордо бабушка, рожавшая только сыновей. А отец просто любил дочку. Приучал ее к театру, потом радовался, что она стала актрисой.

— *Но во мне много именно от мамы,* — говорит сама Галина, — *и с годами все больше. С мамой невероятная, пуповинная связь. От мамы — воспитание, иногда жесткое. От нее и максимализм. И хотя я единственная в семье актриса, природным артистизмом наделены все мои родные. Мама музыкальна и потрясающая рассказчица. Папа неожиданно для всех после шестидесяти стал писать воспоминания. Никто его занятия не принимал всерьез. А я некоторые его зарисовки забыть не могу: страшный голод... мать выскребает из пустой телеги остатки просыпавшейся муки и глотает, глотает ее прямо с сеном... и вдруг видит за тынком глаза ее голодного ребенка...*

Сама Галина в детстве не голодала, хотя родилась в трудном послевоенном году и роскоши особой в семье не было. Коммунальная квартира, большой московский двор, где полным-полно ребятишек — после войны они появлялись как грибы, — так она росла. Ребенком была необычным, во дворе ее звали Луняга. Могла среди детской беготни, игр, шумихи замереть, застыть, засмотревшись в окно или просто в небо. Рано начала рисовать — серьезно, по-настоящему; хотела стать художницей, потом — модельером, потом — театральным художником, создавать костюмы для актеров. «А вышло так, что всю жизнь театральные художники создают костюмы для меня», — шутит она. Впрочем, нередко она и сама себя снаряжает на сцену, перетряхивая домашний гардероб и фантазируя, особенно в тех спектаклях, которые сама ставит. Не от хорошей жизни, конечно. Умение шить, вязать выручало и в быту, когда завела свою семью, родился ребенок. Семья актерская, а наше государство никогда актеров высокими заработками не баловало. И сейчас еще по привычке не может без дела в руках смотреть телевизор: обязательно что-то вяжет, шьет. И видели бы ее в эти минуты зрители — какая она женственная, милая, смешливая...

Коренная москвичка, она жила в основном далеко от Москвы. Сначала судьба привела ее на Урал: в Свердловске Галина окончила театральное училище, в Челябинске работала в драматическом театре; ненадолго задержалась в южных городах (Ашхабад, Орджоникидзе), а почти три десятилетия — в Новосибирске. В Областном театре драмы (ныне «Старый дом») в 70-е годы она переиграла десятки ролей в современных пьесах. Она с удовольствием вспоминает эти годы, своих партнеров по сцене — многие стали друзьями на всю жизнь. Хотя и трудности были, и работать приходилось — ого! Чего стоили хотя бы обязательные гастроли по районам области — два летних месяца ежегодно. Сельские клубы, полевые станы... Условия жизни — не спрашивай! Но были молодыми, все переносилось легко, весело...

Об Алехиной тогда много писали, хорошо и подробно, разбирая роли, давая оценки. *В роли Марии особенно ярко обнаружила себя профессиональность молодой еще актрисы (сценический стаж Алехиной насчитывает всего шесть-семь лет). Вся роль построена на несовпадении внешней заторможенности, скованности с напряженными ритмами внутренней жизни Марии, со значительностью происходящей в ней работы души. Алехина соблюдает этот принцип безупречно...*

В Галину Алехину верит режиссура театра, ей поручают ответственные роли. Нам же, зрителям, разделяющим эту веру, остается ждать новых работ талантливой актрисы. Так писала новосибирская журналистка М. Рубина об одной из лучших ролей Галины Алехиной той поры — сибирячки Марии в спектакле «Деньги для Марии» по В. Распутину.

А это уже краснофакельский период в жизни актрисы.

Она — трагическая актриса. Не актриса на роли в трагедиях, это, конечно, пожалуйста — за милую душу, но я имею в виду ее мироощущение. В пространстве ее творческой и, думаю, человеческой сущности установлено трагическое освещение (В. Лемешонок).

Конечно, более всех зритель сочувствует Г. Алехиной, которая, как и ее героиня (Летиция, «Игра воображения»), не может жить вне игры, вне воображаемой действительности... Она играет с таким наслаждением, изобретательностью, органикой, страстью, что зритель счастлив вместе с ней (Э. Худошина).

Галина Александровна неизменно недовольна собой, и из-за этой ее придирчивости, из-за неутомимого, до бессонниц, поиска выразительных средств и новых красок образы ее героинь от спектакля к спектаклю неизменно приобретают глубину и объем, человеческую притягательность (А. Казанцева).

Перебирая рецензии в стареньких газетах и посвежее — уже в основном в журналах, Галина говорит:

— Раньше и в спектаклях, и в критических статьях было больше внимания к человеку — и персонажу, и творцу. Теперь и театр очень изменился, и театральная критика чаще занята самовыражением... сверхзадача — обратить на себя внимание. Нередко статья — только примитивный пересказ спектакля... Умение критика сопоставлять, предсказывать развитие спектакля или отдельной актерской работы уходит. Ритмы жизни меняются, тут уж не до вдумчивости. На бегу пишут, посмешнее, посолонее. Конечно, не все, но многие... Редкую статью теперь хочется сохранить...

Из Облдрамы в «Красный факел» Галина Алехина пришла в 1987 году — уже зрелым человеком и, несомненно, настоящим мастером. Здесь получила звание заслуженной артистки России, через десять лет после выдвижения. *— Этот факт научил меня спокойно относиться к званиям и наградам...* — И еще с большей определенностью: *— Не жду наград и никогда ничего не делала и не буду делать, чтобы их получить.*

Для нее важно лишь то, что есть «золотой запас», который и помогает не отчаиваться, верить в себя, — спектакли и роли, любимые и ею, и зрителя-

ми. Сколько их? Сто? Или больше — кто считал? Главное — их помнят. В Облдраме это давно ушедшие из репертуара, но не забытые спектакли: «Деньги для Марии», «Парик из Гонконга», «Игра в куклы», «Бабы», «Фантазии Фарятьева», «Смотрите, кто пришел», «Под одной крышей»; в «Красном факеле» — уже упоминавшиеся «Летиция, или Игра воображения», «Фрекен Жюли», а еще «Красный уголок» и «Танго», «Мамаша Кураж и ее дети» и «Козий остров»... — *Это счастливые моменты жизни,* — говорит актриса, — *когда сходилось все: пьеса, роль, серьезная работа. Когда интересно работалось, и команда собиралась, и на поклон не стыдно было выходить...*

Вот алехинская мамаша Кураж, потрясшая несколько лет назад театральную публику трагедийностью, глубиной, яростным стремлением жить и быть счастливой, когда погибают на войне другие, отчаянием матери, теряющей своих детей... Прошедшая по театрам страны в годы холодной войны, эта пьеса Б. Брехта, поставленная в середине 90-х, вдруг стала нам ближе: кровоточили свои раны, в Чечне гибли новобранцы и мирные люди, а кто-то наживался на этой бесконечной «домашней» бойне. Алехина играла неистово, всеохватно, у ее героини кипели разом и плоть, и душа, замирая лишь в минуты высшей трагедии. Это была живая женщина с необычной судьбой, которую она выбрала сама для своих детей и себя в смутное время войны и перемен, когда особенно трудно выбирать и особенно тяжка расплата за ошибки. Можно было бы написать целый том, разбирая психологическую мотивацию, с которой подошла актриса к образу неукротимой мамаши Кураж, исследуя филигранную отточенность и выразительность каждой детали...

— *А сколько моих находок было отброшено, не принято режиссером,* — с горечью вспоминает актриса.

Это оборотная сторона актерской жизни (так и тянет сказать — подневольной жизни), когда режиссеру требуется гораздо меньше, чем может дать талантливый актер. Такая зависимость способна отравить душу, а то и надломить актера, приучить плыть по течению, но Галину Алехину она, пожалуй, подтолкнула к действию: ставить свои спектакли, где она сама себе хозяйка и в выборе материала, и в сценических решениях.

У актрисы-женщины — жизнь сложнее, а значит и исполнение роли тоньше, многокрасочнее, насыщеннее (да не обидят эти слова мужчин-актеров). Рисунок роли иногда возникает, кажется, из ничего, а если разобраться, приглядеться — сколько всего обнаруживается в нем из пережитого! Тут можно задать актрисе вопросы, которые всегда интересуют зрителей. Играет ли она саму себя, когда роль близка ей по натуре? И нет ли тогда ощущения, что она излишне раскрывает свою душу, оголяется, делается беззащитной — за маску легче ведь спрятаться? Ответ один:

— *Для меня интересен исповедальный мотив, не лицедейство (хотя и без него не обойтись — приходилось играть фарсовые, гротескные роли). Но любимыми жанрами всегда были драма, трагедия. А «взять» их можно только,*

как говорится, кишками, своими нервами... Потому душа должна быть «разрыхленной», живой. Об этом в нашей профессии приходится заботиться. Нельзя давать ей умирать — страданиями душа совершенствуется. Весь тяжкий опыт твоей жизни помогает оставаться живой, податливой на сопереживание. Горькое и печальное твоей жизни становится твоим же богатством...

А какое у нее отношение к зрителю? Где легче играть: в маленьком зале, где она видит выражения глаз, или в огромном зале, где нельзя быть близко к каждому, зато можно владеть вниманием сотен людей одновременно? Мне кажется, что Галине Алехиной с годами стало дороже внимание каждого человека, может, потому она и создает свои замечательные моноспектакли, рассчитанные на небольшие залы; находит время для выступлений в Доме Цветаевой, ставшем притягательным для новосибирцев во многом благодаря именно вечерам с участием Галины Алехиной.

Много играла любимых и влюбленных женщин, — выходит, она *об этом* знает все? Эх, кабы так! Тогда и жизнь была бы счастливее! Но, подумав, согласится сама с собой: не так уж и плохо все было. Любили ее, любила она, дом их был гостеприимный, двери в него не закрывались.... Рос сын, Илюшенька, обожаемый, единственный, а наверное, надо было нарожать детей, ее бы хватило на всех... Запас нерастраченной любви иногда бывает даже в тягость, особенно сейчас, когда Илюша уехал в Москву, и она осталась здесь одна... Знала, что так будет — каждая мать знает, что когда-то сын уйдет из родных стен, знала ведь, а все равно разлука оказалась неожиданной. Но и противиться его отъезду не стала, не дала себе такого права. Одаренный, тонкий, вдумчивый, он бредит музыкой — Господи, пусть ему повезет! И пусть он не забудет, как она его любит!

И сразу — сразу, как сон, вспоминается недавний бенефис Галины Алехиной. Там было много волнующего: и полнехонький зал почитателей и друзей — сидели даже на ступеньках прохода! — и горы цветов, обвал цветов, несмотря на зимнюю пору, и шутки, нежность речей — не дежурно-юбилейных, а родных и неповторимых, и спектакль «Мне совершенно все равно, где

совершенно одинокой...», созданный самой актрисой, и участие в спектакле ее учеников, достойных такого педагога... Но самым волнующим было появление в глубине сцены человека с саксофоном — да, он был нужен по сюжету, но ведь это был Илюша, бросивший все дела и прилетевший на мамин спектакль! Ох, как это объединилось и заполонило все вокруг: голос Илюшиного саксофона и радость мамы! И зал почувствовал это, не мог не почувствовать.

С Галиной Алехиной интересно даже просто беседовать, на любые — отвлеченные или конкретные, бытовые — темы. Непосредственность, искренность... И вдруг понимаешь, какая у нее необыкновенная выразительность речи, жестов — это не игра, а профессиональная привычка «доносить» до собеседника смысл каждого слова. Выходит, и в театре каждый зритель для нее собеседник? Может, этим и объясняется прочность взаимосвязей: мы все ей нужны так же, как она нам?

В театр ходят на талантливого человека. Галина Алехина одарена Богом и обучена жизнью и учителями. Жизнь, впрочем, продолжает учить и теперь, а давних своих учителей она помнит и любит, особенно самого первого, Вадима Борисовича, руководителя одной из московских молодежных театральных студий, где начиналась когда-то ее сценическая биография. Она и письма ему пишет в Москву так же часто, как маме.

— Именно он привил мне настоящее, серьезное отношение к театру. По нему я внутренне проверяю свои работы. Делюсь с ним своими проблемами в новом для меня деле — преподавании в театральном училище.

Это новое дело, кажется, уже захлестнуло Галину Александровну: и глаза горят, и без восторга не может говорить о «своих ребятишках».

…Да, жизненный опыт незаменим в актерском деле. Опыт потерь (Господи, хоть бы их было поменьше!), опыт ошибок, но и счастья, но и побед. Чаще всего — над собой же.

Но вдруг (хоть и постепенно) в театре стали как бы лишними серьезность, многозначность, пси-

хологическая наполненность ролей, стало уходить то, что делает театр — Театром, что насыщает и актеров, и зрителей, возвышает, спасает. Теперь здесь больше того, что легче продается.

Наверное, время, мчащееся мимо нас (и мимо театра тоже), в конце концов перебродит, угомонится в своем торгово-мобильном беге, откажется от суетливости, восстановит свой природно-возвышенный ритм. А следуя времени, и театр вновь захочет заглянуть в лицо своего зрителя, задумается о его душе. Такие повороты уже бывали в долгой истории театра.

Только годы актерской жизни, ненаполненные работой, настоящими ролями, теряются бесследно. Суровая реальность этой профессии. Поэт, даже если его не печатают, все равно пишет стихи. Композитор, даже лишенный концертных исполнений, не вырвет музыку из своей души. Актеру нужна сцена, нужны зрители — лучше всего постоянные, преданные, ловящие каждое слово, сказанное со сцены. Ведь как актер постепенно нарабатывает свой творческий багаж, так и публика воспитывается постепенно, годами идет притирка, узнавание. И вот когда все это есть, достигнуто, — оказываешься не у дел, остаются только тающие мечты о несыгранном.

Но умный, многогранный человек, Галина Алехина находит выход и теперь. Нет ролей — разыщу их сама. Так создаются один за другим ее моноспектакли, которые (теперь это уже очевидно) составили целый пласт театральной культуры нашего города в последнее десятилетие.

Особая страница ее актерской биографии — творчество Марины Цветаевой, а именно на нем Галина Алехина строит свои поэтические спектакли.

Отношение к Марине Цветаевой у нее сложилось давно и несет в себе некую тайну, даже мистическую тайну. Знакомство, нет, открытие, состоялось в юности, когда ее сверстники знать не знали о таком поэте. А Галина, уже тогда участница театра-студии, девушка начитанная, водила дружбу с молодыми библиотекаршами, и те давали ей «на вечерок» кое-что из запасников. Так к ней попали тоненькие сборнички стихов Марины Цветаевой, еще прижизненные ее издания. Стихи — завораживали. И запоминались. Потом появились стихи в журналах, опубликовали прозу «Мой Пушкин»...

— Впечатление было оглушающее: талантом, силой, слогом, мыслями — всем. Эту прозу я стала читать публично еще в Свердловском театральном училище.

С Цветаевой она не расстается: читает, перечитывает, только иногда, редко, как будто перенасыщается, как будто устает от того напряжения, которое несет в себе ее творчество, откладывает книги, но ненадолго.

— Возвращаюсь к ее книгам всякий раз как к новому этапу своей жизни. И чем больше постигаю в этом необъятном творчестве, тем больше ощущаю непостижимое в нем.

Много выступала перед публикой — со стихами, поэмами, прозой, потом они стали объединяться, сливаться в нечто единое, вырисовывались целые спектакли. И она их «выстраивала» в полном одиночестве и выносила на

суд зрителей. Уже десять лет спектаклю «Вот опять окно, где опять не спят...» — к 100-летию М. Цветаевой, а к 200-летию А.С. Пушкина она создала спектакль по произведениям Цветаевой о любимом поэте. Спектакли производили ошеломляющее впечатление на публику. *Огромная в своем даре, воле, силе мысли Цветаева и нисколько не меньшая в тех же качествах, победительно женственная и несравнимая в артистическом таланте со-чувствования Алехина: мне, например, всегда чуть-чуть боязно быть свидетелем очередной их встречи, со-единения двух личностей такого творческого масштаба. Потому что, когда я вижу афишу: «Галина Алехина читает Марину Цветаеву», — это означает не праздное времяпрепровождение и не отдохновение, а немалый труд души, ума (Т. Шипилова).*

Убежден, что в России сейчас нет артиста, который бы читал Цветаеву на таком же уровне (Э. Александров).

Созданные Алехиной сценические образы питаются не только талантом актрисы, но и силой ее личности... Я не знаю другой актрисы, которая так читает поэзию (Я. Колесинская).

Сейчас, оглядываясь на уже сделанное, Галина Алехина признается:

— Я росла и взрослела как будто вместе с Цветаевой (и сейчас уже переросла ее возрастно). И то, что я делала, — это не чтение Цветаевой, это служение ей. Чувствую себя неким передатчиком между ею и слушателями... Бывали и случаи бескорыстной помощи — со-творчества, за которые я очень благодарна. С Григорием Гобернником я впервые отважилась на цветаевскую «Поэму Конца». Он же помог мне поставить моноспектакль, который я сыграла в Доме актера, отметив свое сорокалетие. Благодарна Виктору Пушкареву за то, что подтолкнул меня на большую дерзость: прочитать цветаевского «Молодца» в Доме Цветаевой, — эту поэму никто в мире еще не читал публично. Признаюсь, тот вечер едва не кончился для меня трагедией. На репетиции Гобернник, про-

слушав поэму, предложил, вместо музыкального оформления, читать ее над раскрытым роялем. Эффект получился потрясающим... Я начала шаманить... Рояль отвечал: из него шел звук глубокого колодца, тревоги, неожиданно создавая храмовую, соборную высоту... На премьере, к концу чтения, я вдруг почувствовала, что у меня отнялись ноги... Было очень страшно, но надо было дочитать эту историю любви до конца... Может, это расплата за прикосновение к самой поэме — очень сильному и непростому произведению? Даже сатанинскому — ведь там беззаветная любовь к упырю... И когда все отмечали премьеру, я еще долго не могла прийти в себя...

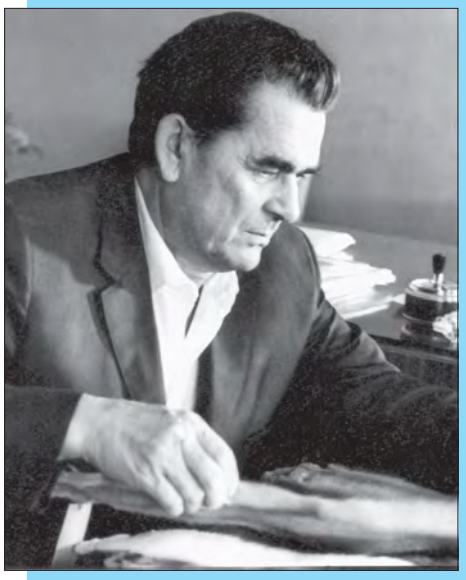
И с цветаевскими книгами происходило в ее доме что-то мистическое. Их у нее целая полка в шкафу, всевозможные издания, но самой Галиной куплена только одна. Остальные книги ей дарили, иногда малознакомые люди.

— Я обнаруживала книги даже в своем почтовом ящике, кто их туда клал, мне неведомо, но для меня это очень дорого, значит люди приняли мои работы и тем самым как бы признали эту мою творческую связь с Цветаевой. А я ее ощущаю всегда. Перед каждым спектаклем разговариваю с ней, прошу у нее поддержки. А после спектакля всегда благодарю зрителя за интерес к Марине Цветаевой.

…Ей иногда снится один и тот же сон: в нем человек, которого она любила до самозабвения (и все-таки устояла перед этой любовью — парадокс цельной натуры!) и который ее предал тихо и комфортно (так и предают чаще всего те, кого мы любим, — парадокс человеческих отношений!). Сюжет очень короткий. Нет ничего, только протянутая рука — она знает, что это *его* рука, и в ответ протягивает свою. Хоть сон повторяется, всякий раз она как будто не ведает финала. *Его* рука, крепкая, надежная, медленно тянет ее вверх, на скалу, вот уже почти достигнута вершина, — и тут *его* рука разжимается... Она летит вниз, бьется о камни, расшибается в кровь, падает в какую-то расщелину и лежит там без сил... А когда, очнувшись, поднимает голову... К ней тянется та же рука, и она снова протягивает свою навстречу... И все повторяется.

Такова и ее жизнь. Любит, верит, падает, разбивается, плачет в отчаянии — и опять верит, поднимается и живет, работает и любит! Любит всем сердцем — иначе не может. Любит многое в своей жизни: детей, животных, стариков, простых теток, повидавших на своем веку всякого, своих друзей, солнце за окном — из ее кухоньки видны долгие закаты, и ей это нравится. И сильнее всего любит сына, своего Илюшу. И больше всего — театр. Чаще придуманный, несуществующий, тот, который должен быть... И обязательно будет!

Надежда СИНИЧЕНКО



«Жизнь — это стресс»

Из опытов академика Беляева

Он очень устал к концу своего не самого длинного земного срока.

Не могу забыть, как растерялась и смутилась я, когда он, подписывая мне очередное интервью для «Литературки», вдруг выдохнул по-детски искренне и беззащитно:

— Я так устал!

Мне, конечно, сделалось дурно — человек нездоров, а я по горячей (как всегда!) газетной надобе являюсь к нему домой вечером с неотложным делом. Но он от этой беседы не отказался — речь шла о создании в стране Института человека, тема его волновала. Нашел и силы и время для работы с журналистом. И вдруг — этот отчаянный выдох…

Забормотала я невнятные извинения, но он только рукой махнул, отпуская мне грех приставания: не в этом, дескать, суть, не в наплыве проходных нагрузок. Куда от них денешься, покуда жив и столько на себя взвалил…

Просто наступал энергетический предел — как биолог он, наверное, понимал это с беспощадной ясностью. И опять — в который уж (теперь — последний) раз — жизнь жестоко испытывала его на мужество. Мужество «белых одежд» — навстречу черным обстоятельствам. И испытание эпилога — неодолимую болезнь — выдерживал стоически, не позволяя ни себе, ни окружающим подчинять недугу остаток его бытия. (Накануне смерти вызывал к себе сотрудника — на двухчасовой разговор об озимой пшенице и «регуляции выраженности генов»).

И вдруг эта секундная слабость — «Я так устал!»…

Было от чего. Академик Дмитрий Константинович Беляев не дожил до семидесяти. Но ему, ровеснику Октябрьской революции, с лихвой хватило стрессов на земном пути вполне «средней продолжительности».

Он говаривал: «Жизнь — это стресс». Суммируя опыты собственного бытия. И не только. Хотел понять, чему обязано неизбежным стрессам развитие жизни на Земле. Как служитель науки, которая и сама по себе надолго стала синонимом «стресса».

Дмитрий Беляев — уроженец села Протасово Костромской губернии. Появился здесь на свет в семье священника — в том грозном году, который не обещал ничего хорошего ни священнослужителям, ни их детям, получившим в наследство подозрительное «социальное происхождение».

В наследство, однако, передаются и гены — качественные накопления поколений в противоборстве «добра и зла». Детям священника Константина Павловича и матушки Евстолии Александровны родословная обеспечила доминанту «добра». Если под таковым иметь в виду высокие духовные и душевные свойства.

Брат Николай был старше Дмитрия на восемнадцать лет — что, кажется, общего у братьев, кроме нежности, при такой возрастной разнице? А общим оказалось главное — профессиональное увлечение. Наукой, которой оба и посвятили свои жизни. И раннему осознанию в себе естествоиспытателя младший, несомненно, обязан старшему.

Солоновато жилось семье священника в родных местах — и вынуждены были Беляевы отправить десятилетнего Диму в Москву, к Николаю.

Николай в столице не потерялся — наоборот, нашел самую благоприятную для творческого роста среду. Работал в Институте экспериментальной биологии, возглавляемом Н.К. Кольцовым. В лаборатории С.С. Четверикова, которую много позже назовут одной из первых и сильнейших отечественных генетических школ, воспитавшей плеяду блестящих ученых. (Все имена из золотого фонда российской науки: основоположники… основатели… первооткрыватели…).

Из воспоминаний жены Дмитрия Константиновича, Светланы Владимировны Аргутинской (Беляевой):

Энергичные, увлеченные наукой, готовые и к длительным экспериментам, и к веселым выдумкам, особенно во время летних экспедиций, молодые ученые

создавали удивительно творческую и дружескую атмосферу. Дмитрий был свидетелем четвериковских чайных сред, знаменитых СООРов (что значило «совместное орание»)… И, что самое важное, эти встречи заставляли всех постоянно учиться.

Дмитрий был еще слишком мал, чтобы стать равноправным участником таких «сред». Но уже достаточно смышлен и уж, разумеется, впечатлителен, чтобы полюбить нравы среды брата на всю дальнейшую жизнь.

Лаборатория Четверикова постепенно расформировалась. Николай занимался шелководством в Закавказье, Дмитрий продолжал учиться в Москве, живя у сестры. Подрабатывал токарем на вагоноремонтном заводе, но будущее свое без биологии не мыслил. Путь в университет сыну священника был закрыт (куда от него денешься, от опасного «социального происхождения») — поступил в Ивановский сельскохозяйственный институт.

И было Дмитрию двадцать, когда его любимый брат разделил трагическую судьбу Н. Вавилова и других жертв репрессивного невежества. Николая обвинили во вредительском применении генетических методов в том самом шелководстве, которое, как выяснилось много позже, именно Николаю Беляеву обязано значительными генетико-селекционными достижениями.

Генетики единодушно называют Николая Константиновича Беляева высокоталантливым ученым, успевшим многое сделать в науке за свою рано оборванную жизнь. Он был расстрелян 10 ноября 1937 года, а родным сообщили, что «осужден на 18 лет без права переписки».

Реабилитирован в 1956-м. Когда генетика все еще подозревается государством в злонамеренной чужеродности. Но это уже сюжеты из бытия младшего Беляева, не повторившего, по счастью, роковой участи брата, однако же — немало «стрессированного» за ту же преданность той же гонимой науке.

Личность и судьба Николая, бесспорно, оказали на Дмитрия формирующее влияние. Случившееся с братом младшего не испугало — напротив, только укрепило его веру в «ересь», за которую так жестоко караются светлые умы.

Учился он жадно, удивляя и преподавателей, и сокурсников знанием специальной литературы вне программы, глубокими докладами в научных кружках, добросовестностью и дотошностью смелых экспериментов. А учебу приходилось делить с работой для денег.

Из воспоминаний жены:

Однажды, будучи уже студентом, Дмитрий получил письмо от отца. Перечислив нехитрые деревенские новости, Константин Павлович закончил письмо неприятным известием: «обложили священника таким налогом, что нет возможности заплатить, а не заплатишь — в кутузку посадят». Просил помощи. Какие студенческие доходы? Вот и решил Дмитрий разгружать по ночам вагоны. И товарищи нашлись на эту работу среди своего же брата-студента. Разгружали ночами вагоны с углем, а утром — на занятия. Так он помогал семье. Его однокашники пишут, что их изумляла его работоспособность, он, отработав ночь на разгрузке, не отдохнув, садился за книги и занимался…

Ивановский сельхоз окончил с отличием, и по приглашению своего учителя, профессора Б.Н. Васина, пришел в Центральную научно-исследовательскую лабораторию пушного звероводства. Начал, как и положено, лаборантом, но к скромным лаборантским обязанностям добавил себе столько инициативных нагрузок, сколько позволяли молодость и стремление к самостоятельным исследованиям.

Из воспоминаний жены:

В своей первой научной работе Дмитрий Константинович изучал влияние отбора на интенсивность серебристости окраски меха у серебристо-черных лисиц — признак, определяющийся несколькими показателями… Д.К. увлекал сам процесс генетического анализа… Материал для своих исследований он собирал в подмосковных звероводческих хозяйствах, ездил в Тобольский звесовхоз, где в порядке шефства руководил всей селекционной работой большого хозяйства. Подготовил кандидатскую диссертацию и монографию по генетике пушных зверей.

Дмитрий Константинович не был ни пионером, ни комсомольцем, ни партийцем. С детства, видимо, удерживало его от вступления «в ряды» семейное воспитание, позже — судьба брата. Но в черный июньский день 41-го года он сразу принял единственно возможное для себя решение — на фронт!

Учитель его отговаривал: «У Вас важная интересная работа. Подождите, когда позовут». Но даже любимая наука не могла удержать его в тылу.

15 сентября 1941 года решением Государственного Комитета Обороны было категорически запрещено брать на фронт (и вообще использовать не по специальности) всех преподавателей вузов и научных работников.

Но Дмитрий Беляев успел — его призвали рядовым в августе.

Ушел воевать в 24 года, без всякой армейской подготовки.

Экстренно обучали обращению с оружием — и на передовую. Провоевал до Дня Победы, который оставался для него святым все сорок отпущенных ему мирных лет.

В год тридцатилетия Победы, вспоминая молодость, Дмитрий Константинович писал:

Из 1418 дней Великой Отечественной войны для меня памятны все. Но особенно первый, когда фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину. Воскресное июньское утро. Оно застало меня в Тобольске, куда я приехал из Москвы, чтобы в одном из звероводческих совхозов начать изучение наследственных признаков у таких интересных животных, как сибирская лисица. И вдруг… Решение созрело мгновенно. Я торопливо собрал свои нехитрые пожитки и поспешил в военкомат. Таких, как я, было в тот день много. Сознание того, что Родина в опасности, как-то сразу сближало совсем незнакомых, соединяло нас в единое целое…

Воевал на Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. Был дважды ранен и контужен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями. Уходил рядовым — вернулся майором.

В последний (для него) юбилей Победы — сорокалетие, будучи непоправимо больным, собрался с силами для выступления в своем Институте. Когда вошел в конференц-зал, все встали, и долго аплодировали стоя в едином порыве светлых и горьких чувств. Уже понималась неотвратимость близкого ухода. Но еще было не поздно признаться дорогому человеку в искренней привязанности и глубоком почтении.

А он говорил о войне, которая стала «испытанием всех духовных и физических сил народа». Они жили в нем, 1418 фронтовых дней, о которых он не любил рассказывать, но без которых, наверное, не смог бы находить достойные ответы на недостойные вызовы мирной жизни. И когда сказал «память о войне — совесть народа», то это была, скорее всего, выстраданная формула самозащиты от бессовестности малых войн, не «за Родину», а за кусок посытнее, местечко потеплее, кошелек потолще.

Бессовестности сын священника не понимал. И не принимал, чего бы это ему не стоило.

А цену за неприятие платить приходилось нешуточную.

Демобилизован был майор Беляев лишь в конце 45-го. И, конечно, знал боевой майор, какому мирному занятию себя посвятить.

Вернулся в пушное звероводство — отрасль, в развитии которой было весьма заинтересовано послевоенное государство: разводи дорогие «меха» в клетках — и получай валюту.

Тут при практиках неплохо жилось и науке — озадачивали ученых нуждами селекции, не вмешивались в эксперименты, доверяли результатам.

Разрешалось и совместительство — одновременно с научной работой Беляев вел курс генетики пушных зверей в Московском пушно-меховом институте (бывший зоотехнический).

Словом, заветная ниша творческой свободы при избавлении от изнуряющих забот о «прокорме». (Государство худо-бедно обеспечивает звероводов, успешно производящих «мягкое золото» — русскую пушнину, которую так любят состоятельные иностранцы).

И уже в 46-м Дмитрий Беляев защищает кандидатскую диссертацию по теме, материалы для которой собрал до войны: «Изменчивость и наследование серебристости меха серебристо-черных лисиц». На «доводку» по сути готовой работы ему понадобилось всего полгода. В июне 46-го он становится кандидатом биологических наук.

Вскоре после защиты перспективного кандидата наук назначают заведующим отделом разведения. Он доводит и сдает в печать монографию, тоже почти готовую до войны, — «Основы генетики и селекции пушных зверей».

Все хорошо?!

Да…до августа 1948-го. Печально незабываемая сессия ВАСХНИЛ.

Из воспоминаний жены:

Помню августовское утро 1948 года. Из лаборатории в дом, где была приемная директора и бухгалтерия, вела узкая дорожка. Я иду по этой дорожке, навстречу Д.К., бледный, суровый, глаза жесткие, лицо страдальческое, в руке газета, скрученная в трубку, а руки ее крутят и крутят нервно. «Что случилось?». — «Прочти!». Развернул газету, смотрю: «Сессия ВАСХНИЛ», через всю полосу — доклад Лысенко. Д.К. понял — это было началом разгрома генетики.

Государство обрушилось на науку и ее служителей так, как будто обнаружило, наконец, главного врага процветания в тылу страны-победительницы. «Морганистов-менделистов» упоенно обличала пресса, жестоко «разделывали» парткомы, разгоняло перепуганное начальство.

Беляева, возмущенного происходящим, сняли с заведования, вдвое сократили зарплату, лишили помощников. Отстранили от преподавания. Вернули из издательства рукопись монографии.

Однако — могло быть и хуже. На улицу из лаборатории все-таки не выгнали. Спасли, наверное, два обстоятельства. Во-первых, доблестный фронтовик. Во-вторых, лаборатория подчинялась Наркомвнешторгу, возглавляемому А.И. Микояном, а эта структура обладала, видимо, повышенным иммунитетом к социальным эпидемиям.

Большая семья Дмитрия Константиновича (жена, дети, мама) бедствовала, но дружно сопротивлялась напастям. Завели натуральное хозяйство — огород, небольшой птичий двор. Хозяин этим «хозяйством» хоть и занимался, но без большой охоты, по мере крайней необходимости — у него все-таки оставалась любимая работа.

Он выдавал конкретные рекомендации, неутомимо изучая состояние племенного дела в практике.

Светлана Владимировна вспоминает о его докладе на широком межведомственном совещании специалистов в 54-м году — докладе, сыгравшем исключительную роль в развитии отрасли. *Под патронажем Наркомвнешторга Главзверовод вскоре стал производить миллионы шкурок пушных зверей ежегодно. И тут уж без генетики никак нельзя было обойтись. Норки разных окрасок с красочными названиями: голубые, сапфир, топаз, бежевые, жемчуг — носители рецессивных аллелей — при скрещивании могли давать неожиданный эффект…*

И когда появилась возможность (55-56-й гг.) выступать с популяризаторскими лекциями (и ни где-нибудь, а в Политехническом музее — прославленный лекторий в столице), Дмитрий Константинович сопровождал выступление демонстрацией мехов невиданных расцветок. Так генетика защищала себя эффектным, общедоступным для восприятия результатом.

И время, кажется, смягчилось. Лаборатория стала частью Института пушного звероводства и кролиководства. Д.К. Беляев получил там опять-таки отдел разведения. Но свободы по-прежнему не хватало.

1957-й. В составе Сибирского отделения Академии наук СССР обозначен и Институт цитологии и генетики. Корифеи точных наук — математики, механики, физики — берут под свое покровительство многострадальную биологию. Собрать в новосибирском Академгородке отлученных от науки, рассеянных по стране опальных генетиков — с такой задачей принимается за создание нового института член-корреспондент АН СССР Н.П. Дубинин.

Получает приглашение и Дмитрий Константинович. Ему предложено организовать отдел генетики животных. Он не колеблется — рисуются такие заманчивые перспективы вольного творчества в кругу единомышленников, породненных общими испытаниями. В феврале 58-го Дмитрий Константинович зачислен в еще собираемый (по человеку!) Институт цитологии и генетики, с которым и связывает свою жизнь до последнего вздоха.

Классическая генетика еще не получила официального признания, а в строящемся Академгородке генетике, по словам М.А. Лаврентьева, «дана зеленая улица». То есть — сюда съезжаются представители лучших генетических школ, пережившая опалу «старая гвардия», сюда рвется столичная молодежь с биологическим образованием «без генетики», но с фанатичным стремлением именно генетике обучиться (благо — учителя собирались в Сибири отменные) и именно генетикой заниматься. «Зеленая улица» — людям, темам, направлениям.

Академик Беляев с одомашненной лисой

Золотое время, но — увы! — опять со слезами смешанное.

И за тридевять земель не укрыться генетике от недоброго надзора. Глава государства Н.С. Хрущев, поддержавший идею масштабного академического освоения Сибири, не мог преодолеть недоверия к «лже-науке». И в одном из публичных выступлений весьма неуважительно отозвался о Дубинине, чем ставил под сомнение и всю затею с новосибирским институтом.

Заместитель Дубинина, старейший советский генетик Юлий Яковлевич Керкис (его отыскали в Средней Азии, в овцеводческом совхозе) оставил записки, в которых, в частности, обращается и к тяжелым событиям 59-го года:

«...в один из приездов в Новосибирск по дороге из Китая в октябре 1959 года Хрущев, обозленный размолвкой с Мао, узнав, что его оценка Дубинина оставлена Лаврентьевым без последствий, потребовал от него освобождения Дубинина с поста директора института. Сделано это было в такой форме, что для спасения института Лаврентьев был вынужден просить Дубинина подать в отставку «по собственному желанию».

Юлий Яковлевич не знал, что тогда под угрозой был не только ИЦиГ. Гнев главы государства, вызванный своеволием сибирских новоселов, мог иметь драматические последствия и для Сибирского отделения, и для его руководства.

Лаврентьев проявляет высочайшую изобретательность и дипломатичность в усмирении «царского гнева» (об этом много написано знающими людьми) — ему удается отвести грозу от Отделения, сохранить институт, но директора ИЦиГ все же надо заменить.

Кем? Дубинин предложил Беляева. Это был тогда самый молодой завлаб. Всего-то кандидат наук. Да еще и беспартийный. Но Дубинин успел высоко оценить Беляева на посту своего заместителя.

Рекомендация Дубинина у руководства СО АН возражений не вызвала. (Потом Лаврентьев напишет: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», — имея ввиду эффективность Беляева в роли лидера сибирских биологов, в чем неопровержимо убедили Михаила Алексеевича пятнадцать лет совместной работы в СО АН).

А сам Дмитрий Константинович, похоже, немало помучился, прежде чем согласиться возглавить институт. И коллектив сложный: индивидуальность «зубров», инициативность неподготовленной молодежи. И задачи нелегкие: формирование научных направлений, защита их от постоянных критических атак. Проблемы исследовательские, организационные, психологические.

Но и отказаться считал себя не вправе — момент был критический: неопределенность с руководством легко могла погубить уникальное, но еще такое хрупкое образование под названием «ИЦиГ».

Согласился. Взвалил на себя — в 42 года — ответственность за все про все: кадры, науку, строительство, атмосферу, будущее…

По мнению его учеников и коллег, в этот самый острый (быть или не быть?) период — 59-64-й годы — «Беляев продемонстрировал все свои лучшие качества». Интуицию исследователя. Мудрость педагога. Уверенную силу руководителя.

И когда вспоминают эту тяжелейшую «пятилетку» борьбы за институт, его сохранение и выживание, подводят лаконичный итог разносторонней деятельности Дмитрия Константиновича: он спас ИЦиГ.

И отдают должное Лаврентьеву, всегда надежно заслонявшему генетиков широкой спиной верховода от столичных «комиссий», назначенных покончить с сибирским «оплотом» так называемых «мухолюбов и человеконенавистников».

Выстояли, уцелели и — развивались. Уже в 61-м в Новосибирском государственном университете открылась кафедра цитологии и генетики, которую основал и четверть века (без малого) возглавлял Д.К. Беляев. Ставить образование биологов-генетиков приходилось с нуля, но это, похоже, только воодушевляло: свои курсы лекций, свои программы спецсеминаров. Рано, как и было заведено в Городке, включали студентов в институтские исследования. В дискуссии — на равных с научной элитой. В междисциплинарные обсуждения научных проблем — с участием физиков, математиков, химиков и т.д.

Читать «Генетику» третьекурсникам начал сам зав. кафедрой.

Его помощница, доктор биологических наук И.И. Кикнадзе вспоминает: *Сейчас трудно себе представить, какой ажиотаж вызывали его лекции. Зал был переполнен. Собирались не только студенты, но и научные сотрудники разных институтов Академгородка. Приезжали также сотрудники медицинского и сельскохозяйственного институтов из Новосибирска. Впервые после долгих лет замалчивания или искаженного представления генетика вновь становилась достоянием слушателей, которым прежде внушали, что хромосом не существует вообще и что гены — выдумка лжеученых…*

Эти годы перемешивали радость с тревогами, надежды — с отчаянием. Один из драматических моментов — решение передать строительную площадку с готовым фундаментом будущего здания ИЦиГ Институту катализа. Каково было генетикам, что сие должно было означать? Конец? Беляев рискнул — напрямую обратился к президенту АН СССР М.В. Келдышу, прибывшему в

Городок на общее собрание Сибирского отделения. Лаврентьев, говорят, рассердился, но быстро отошел — понимал, что движет молодым директором. Да и по себе знал, что для выхода из некоторых ситуаций только прямая — кратчайший путь.

И несанкционированное публичное обращение к президенту напрямую помогло — перед новым котлованом появилась табличка: «Строительство Института цитологии и генетики». А его директор не спускал со стройки глаз — бездомному коллективу, расквартированному по разным институтам, так нужна была своя, и общая, крыша! Ждали около трех лет, а вселялись по-партизански — без оповещения начальства: вдруг передумает и отдаст здание другим «очередникам».

Заняли дом, обустроились, — и тогда Беляев доложился Лаврентьеву. Тот сначала подержал растерянно-удивленную паузу, потом даже вроде восхитился: — «Правильно!».

Случилось новоселье на шестом году существования ИЦиГ. Светлана Владимировна вспоминает, что Дмитрий Константинович был счастлив.

Этот же 64-й год называют и годом официального признания генетики. Что связано с удалением от государственных дел Н.С. Хрущева, однажды и навсегда поверившего в «мичуринские взгляды Лысенко». (В отличие от его замечательной дочери, умницы Рады Никитичны, работавшей в журнале «Наука и жизнь» и умудрявшейся на его страницах поддерживать генетику и генетиков, в том числе, — и сибирских, в самое тревожное для них время. Ей удавалось смягчать иногда гнев отца, но «перевоспитать» его, вероятно, никому дано не было).

«Правда» (!) публикует статью Дмитрия Константиновича с программой возрождения разоренной науки. С чего начинать? Да у него, наверное, давно готов план «возрождения». Пункт за пунктом. Менять вузовские программы. Создать общество генетиков и селекционеров. Основать научный журнал. Соединить селекционную практику с генетической теорией…

Столько предстоит сделать! Но интерес к генетике огромен. Научная общественность охотно берет на себя организационные хлопоты. И уже в 65-м появляется журнал «Генетика», в 66-м — Всесоюзное общество генетиков и селекционеров, которому позже присваивается имя Н.И. Вавилова. (Первый съезд этого общества проводился именно Вавиловым — в 1929 году. А в работе съезда участвовал и Николай Беляев).

Весной 68-го Дмитрий Константинович становится бессменным председателем Научного совета по проблемам генетики и селекции при Президиуме Академии наук СССР.

И — так далее, и так далее. Жизнь набирает обороты, то есть — растут организационные, представительские, консультационные нагрузки. Как ему удается — под прессом бесконечных обязанностей — сохранять верность науке? А ему это настолько удается, что год от года растет его личный научный авторитет в мировом биологическом сообществе. Коллеги высоко оценивают

его теоретические идеи («дают науке революционизирующие импульсы») и замечательные экспериментальные наблюдения («они удивительны, увлекают к познанию ключевых процессов эволюции»).

В члены-корреспонденты АН СССР его выбрали в конце того самого 64-го, который так благополучно завершил тяжелое пятилетие. Академиком он стал в 72-м — без защиты докторской и только с третьего раза. Тут уж Михаил Алексеевич вмешался — надоела ему эта выборная канитель, напомнил выборщикам: «Да, Беляев не имеет степени доктора наук. Но академиками, не имеющими этой степени, были избраны Королев и Туполев, которые являются гордостью советской науки».

Подействовало. По мнению Лаврентьева, и Беляева уже можно было назвать «гордостью…». Что, правда, подтверждалось и внешним признанием. Чем дальше, тем более авторитетным.

Дмитрий Константинович — член ряда зарубежных академий. Награжден почетными иностранными орденами. Чехи, например, вручили ему свою золотую медаль «За заслуги перед наукой и человечеством».

Летом 78-го в Москве проходил XIV Международный генетический конгресс, на котором Д.К. Беляев избран Президентом Международной генетической федерации. У него была репутация энциклопедически образованного генетика, исследователя-новатора и бесстрашного благородного человека.

В 97-м, в год его восьмидесятилетия, в Новосибирске состоялась Международная конференция «Современные концепции эволюционной генетики». Ученики и коллеги Дмитрия Константиновича постарались — тематика конференции включала «все большие и малые направления, возникшие в связи с интересами и именем Д.К. Оказалось, что мир этот очень широк…».

Его имя объединило научные школы разных городов, разных стран. П.Л. Капица как-то заметил: «Если академика через десять лет после его смерти еще помнят, он — классик науки». Д.К. Беляева не просто помнят — относят его к тем исследователям, чьи научные идеи нужны и ученикам их учеников.

Не убывает — только нарастает интерес, например, к роли стресса в эволюции. А Дмитрий Константинович первым обратил внимание на стресс как один из важнейших факторов эволюции. Почему его так увлекла генетика стресса?

Не потому ли, что опыты его собственного бытия неопровержимо доказывали: *жизнь — это стресс*? И он знал по себе, что реакции на потрясения могут быть и мобилизационными.

Остальное — в его работах. В том числе — в учебнике «Общая биология» под его редакторством. Учебник многократно переиздавался, и лучшего, кажется, до сих пор нет…

Замира ИБРАГИМОВА

Не ради выгод, славы и призов…

Среди полутора миллионов людей, которым выпало жить в возникшем на рубеже веков сибирском городе на Оби, лишь немногим суждено войти в его историю не под общим понятием «население», а отдельной личностью. Среди таких людей, без сомнения, будет и Юрий Иванович Бернадский.

Правда, сегодня он воспринимает это наше предсказание с иронической усмешкой. В его карих живых глазах, окруженных лучиками морщинок, в подвижной молодцеватой фигуре нет ни капли того высокомерного величия, какое порой приходится наблюдать в людях, хоть и не особо выдающихся, но наполненных спесью и чувством собственной псевдозначимости. Те, кто знает Бернадского не первый год, твердо могут сказать, что ничего подобного за ним не наблюдалось. Какие

бы должности он не занимал, в каких кабинетах не сиживал, всегда неизменным оставался его доверительный открытый стиль общения, причем независимо от того, кто перед ним — большой начальник или рядовой посетитель, — его отзывчивость на интересную идею, его искренний интерес к проблемам и радостям, с которыми обратился к нему человек. Может быть, поэтому многие, с кем Бернадский знаком уже не один десяток лет, по-прежнему зовут его по-дружески, как близкого человека — Юрой, несмотря на то, что ему уже перевалило за сорок.

Возможно, нарекая этим именем своего первенца, балтийский моряк Иван Бернадский и его жена Нина и не предполагали, что он, как и его тезка — первый космонавт планеты Юрий Гагарин — станет первопроходцем, но тем не менее это случилось. С именем Юрия Бернадского связано несколько значительных событий и фактов в 110-летней истории Новосибирска. И не просто связано, но и инициировано им самим.

Впервые это имя зазвучало в общественных кругах в начале 80-х, когда под эгидой комсомола по стране пошло движение по организации и строительству МЖК — молодежных жилищных комплексов. В Новосибирске одним из его зачинателей стал Бернадский.

Как чаще всего бывает в жизни, успех сопутствует тому, чьи личные устремления совпадают с общественными интересами. В те годы проблема жилья, с которой столкнулся только что вернувшийся из армии Юрий, остро стояла для многих. На волне начавшейся в стране перестройки возникали разнообразные идеи по ее решению — была принята государственная программа, всех нуждающихся граждан Советского Союза обещали в течение 20 лет обеспечить квартирами. Но не такой человек Бернадский, чтобы безучастно ждать того счастливого момента, когда кто-то преподнесет ему желаемое «на блюдечке с голубой каемочкой». Хотя с его целеустремленностью и общественной активностью, подкрепленными высшим образованием, он вполне мог на это рассчитывать. Устроившись на «теплое место» в номенклатурные ряды, решить свой квартирный вопрос ему было бы значительно проще. Но он пошел другим путем, затеяв организовать в городе МЖК. И хотя первые попытки сделать это были восприняты в высоких кабинетах без особого энтузиазма — порой Юрия и его сподвижников просто выставляли за дверь, он твердо верил, что все у него получится.

— *Мы были окрылены этой идеей,* — вспоминает Бернадский. — *Шли к руководству не просить квартиры, а дать возможность нам самим их построить, предлагали свою энергию, свои рабочие руки.*

И в том, и в другом Новосибирск, переживавший в тот период эпоху бурного развития крупнопанельного домостроения и испытывающий нехватку кадров в строительной отрасли, очень нуждался.

— Помню, пришли к директору завода ЖБИ-1 Геннадию Александровичу Пугачеву и буквально через 30 секунд вышли. Точнее, нас «вышли». Через

неделю снова пришли. И снова «не достучались». Но, в конце концов, настояли, нашли подход и к директору завода. Потом «пробили» постановление горисполкома по МЖК, а затем в течение двух с половиной лет «вытаптывали» согласования по проекту.

Идею активно подхватили молодые новосибирцы. На завод КПД-6, в домостроительный комбинат, где работал Бернадский, повалили желающие стать жителями МЖК. За право получить такую возможность разгорелось серьезное соревнование. Победителями в нем вышли лишь те, кто выдержал до конца, кому ценой немалых усилий удалось заработать высокое количество баллов. Это было непривычно и ново: в то время кадровые строители, выходя на сверхсрочную работу во вторую смену, получали за это хорошие деньги. Суетившиеся рядом с ними молодые энтузиасты не получали ничего, кроме баллов в тетрадке, мозолей на руках да проблем в семье. У многих из них дети подрастали. Над ними посмеивались: «Ну-ну, давайте вкалывайте! Посмотрим, что вы получите… Разве что дырку от бублика?» И они «вкалывали». Причем вкалывали, можно сказать, от зари до зари. До начала работ на МЖК строили другие жилмассивы — Кропоткинский, Северо-Чемской, Паласа. Имея кто высшее, кто среднее образование, хорошие специальности, все как один переквалифицировавшись в стропалей, бетонщиков, монтажников, отделочников, осваивая и другие строительные профессии. Они честно трудились на благо города, не получая ни наград, ни заработной платы. Высшей платой для них была возможность реализации своей мечты — отдельной квартиры.

Общепризнанный лидер этого движения, Юрий был избран секретарем комсомольской организации домостроительного комбината, которая стала настоящим штабом развернувшегося сражения за возведение первого МЖКовского дома на жилмассиве Восточном.

— Не помню уже, какие находил тогда аргументы, чтобы убедить и ребят, у которых нередко опускались руки, и разных начальников в реальности наших планов, — говорит Бернадский. *— Сегодня диву даешься, как самому хватало уверенности в том, что наша идея станет реальностью. Многие ведь не верили, говорили, что ничего не получится, — но дело продвигалось.*

Пожалуй, самым убедительным «аргументом» был он сам. Спокойный, доброжелательный, твердо знающий, чего он хочет добиться, грамотно и убедительно излагающий свои предложения — такого человека просто трудно было не поддержать. И еще чем он притягивал людей на свою сторону — исходящих от него уверенностью в своих силах и чувством собственного достоинства, которые, казалось, передавались собеседнику. Хотя в ту пору Бернадскому едва исполнилось 25, он уже успел пройти хорошую школу по закалке характера.

…Родился Юрий в Таллине, однако вскоре семья переехала в Новосибирск, и детство у него ассоциируется с небольшой деревушкой Плотниковкой на Кузбассе, где жила его бабушка Глафира Яковлевна. Каждое лето родители отправляли троих своих сыновей к ней на лето. В отличие от строгой мамы, бабушка снисходительно относилась к мальчишеским вольностям. Днями они пропадали на речке, ловили в полях сусликов, обшаривали окрестные колки в поисках грибов и ягод, стреляли в ворон камышовыми стрелами из самодельного лука, любили забираться на элеватор побарахтаться в горячих грудах зерна. Это было опасно, но страшно интересно и весело. Именно с той поры ярким воспоминанием навсегда остались в памяти и стали родными сибирские просторы, запахи лугового разнотравья, костер на берегу реки, розовая от заката пыль, долго оседающая за возвращавшимся в деревню стадом, походы в «ночное»...

— *Смотрю иногда на своих детей,* — улыбается нахлынувшим воспоминаниям Юрий Иванович, — *и сам себе завидую. Жизнь очень рано и незаметно приучила нас к самостоятельности, вырабатывала характер и душевную чуткость. Возможно, это звучит высокопарно, но там, в бабушкиной деревне, мы взахлеб пили свежий воздух родины. А потом я стал осознавать, что родина — это и моя небольшая деревушка Плотниковка, и мой Новосибирск, и моя семья. Они и есть та самая малая родина, которую мне надо беречь, ради которой я живу, ради которой надо всю жизнь, не покладая рук, работать.*

Умение поработать руками, кстати, тоже из детства. В семье с небольшим достатком возможность приложить руки к полезному делу у мальчишек находилась всегда. Железки, гайки, болты, ключи без дела не залеживались. Однажды из подобранной на свалке рухляди пацаны собрали первый в своей жизни велосипед. Правда, вместо камер в покрышках были куски поливочного шланга, зато самодельный железный конь не боялся гвоздей и проколов. На этом велосипеде братья учили друг друга кататься. Один крутил педали, двое бежали рядом и поддерживали ездока. Юрий Иванович не без оснований может похвалиться тем, что многие вещи в доме сделаны его руками: стол для сына, шкаф для жены…

Еще одним важным фактором в формировании характера Бернадского стал спорт, точнее, классическая борьба. Четырнадцатилетним подростком он пришел в спортивный клуб «Динамо». Просто затем, чтобы уметь постоять за себя. Потом увлекся всерьез, участвовал во многих соревнованиях, стал ма-

стером спорта. Дважды становился бронзовым призером чемпионата России, был четвертым на союзном первенстве по греко-римской борьбе.

Увлеченный спортом, он принял после школы решение пойти учиться в НЭТИ, где спорт был в почете и на высоте. И хотя, выступая на различных соревнованиях, Юрий часто находился в разъездах, ни преподаватели, ни сам он себе скидок и поблажек за победы не делали. Сдавал экстерном экзамены и снова улетал на сборы в Хабаровск, Пермь, Кутаиси, Гомель… К будущей профессии машиностроителя он относился с уважением. «Технарей» почитал за самых благородных людей. Но после защиты диплома молодой инженер и свежеиспеченный лейтенант окончательно расстается со спортом и подает рапорт с просьбой о призыве в Вооруженные силы.

— *Решил сразу отдать свой воинский долг Родине. Я и не предполагал,* — смеется Бернадский, — *что армия и определит мои дальнейшие жизненные планы. Там я встретил свою будущую жену…*

«Там» — это город Киров, в котором оба оказались случайно. Это не была любовь с первого взгляда, но на небесах, похоже, все уже было предопределено.

Юрий и Татьяна любят жизнь, а их глубокое и неувядающее чувство друг к другу служит нравственной точкой отсчета, мерилом их отношения к остальным людям.

Как всякий настоящий мужчина, Юрий считал своим долгом обеспечить семью. Когда он привез молодую жену с ребенком в Новосибирск, главным вопросом для них, конечно, был жилищный. Поэтому работать он пошел не по специальности машиностроителя, полученной в институте, а на стройку. В ДСК-1 как раз формировался комсомольско-молодежный отряд для развития стройиндустрии, членам которого предоставлялось жилье в малосемейке. С решения такой вот простой и понятной житейской проблемы начался путь Бернадского к общественному признанию. Через три года, когда на подъездах первого дома МЖК торжественно разрезали ленточки, Юрий был уже довольно известным человеком не только в «пролетарской» Кировке, но и в городе. Его избирают первым секретарем районного комитета комсомола. Наступил следующий этап в его биографии.

Заканчивались бурные 80-е. Страна гудела в потоке неожиданно нахлынувшей демократии. Бернадского, как и многих его сверстников, это окрыляло, вселяло уверенность в добрые перемены, вызывало желание активно действовать, чтобы эти перемены приблизить…

— *У меня хватило наглости выставить свою кандидатуру одновременно на выборы в депутаты Кировского районного совета и Новосибирского городского. В условиях жесткой конкуренции я прошел и в тот, и в другой,* — рассказывает Юрий Иванович.

И тут он снова выступил в роли новатора-первопроходца, одним из первых предложив новую по тем временам идею — организовать в микрорай-

онах так называемые органы местного самоуправления, привлечь к решению проблем по обустройству дворов и домов самих жителей. Именно с Кировки начало развиваться общественное движение ТОСов, в рядах которого нынче состоят тысячи активистов из всех районов Новосибирска.

— *Ходили по району, собирали людей в актив. Некоторые называли создаваемые нами советы микрорайонов «комитетами бедноты», но это была система, которая, помимо депутатского корпуса, реально представляла интересы населения, а потому смогла многое сделать во благо кировчан. В том числе — в развитии молодежного движения, спорта, предпринимательства,* — отмечает Бернадский.

Активно поддержали это движение и руководители района — председатель райсовета Валерий Константинович Башков и председатель райисполкома Виктор Александрович Воронов, а затем и городское начальство.

В первом, рожденном в результате демократических выборов горсовете Новосибирска, членом которого был избран и Бернадский, кипела бурная деятельность. Возникали партийные фракции, организовался депутатский клуб. Депутаты любили пошуметь, подискутировать, поинтриговать. Юрий Иванович в этих горячих дискуссиях отличался хладнокровием и выдержкой. Он не рвался на трибуну, не горячился, хотя всегда имел собственное мнение. А когда председатель горсовета Иван Иванович Индинок покинул это кресло, чтобы возглавить новую городскую администрацию — мэрию, Юрий Иванович вошел в число претендентов на место руководителя совета. Страсти вокруг главного портфеля кипели нешуточные, попыток избрать председателя было несколько. В итоге на эту должность избирают именно Бернадского. Он стал самым молодым из председателей горсоветов по России — ему был всего 31 год.

Атмосфера, царившая в стенах Новосибирского горсовета, когда молодой председатель взялся его преобразовывать, была накаленной. Прежде всего, предстояло объединить политиканствующий и многочисленный депутатский корпус, сплотить его для решения конкретных городских проблем. Многому приходилось учиться на ходу, на практике осваивая трудную науку взаимоотношений, дипломатии поведения. Помогало и техническое образование, приучившее мыслить системно и перспективно, и неплохие природные данные: спокойный характер, отличная реакция и бойцовские качества, отточенные армейской службой.

Глава совета учился учитывать различие депутатских интересов, оценок, взглядов на жизнь, замечал, что кто-то из 150 членов совета преследовал откровенно меркантильные цели, кто-то в наивном упоении считал, что горсовет действительно может решить все проблемы новосибирцев. На самом деле, как многие понимали, возможности этого большого представительного органа были достаточно ограниченными. Но все же, работая в таких условиях, Бернадский постепенно начинает вести свою «мелодию». Он настойчиво поднимает проблемы жилищного строительства, снова и снова заявляет о необходимости реализации социальных программ, в частности, по реабилитации

инвалидов в условиях только что начавшегося перехода на страховую медицину, по спасению от развала объектов здравоохранения и образования…

К тому времени у Юрия уже подрастали двое детей. Он не понаслышке знал о проблемах молодого поколения. Горсовет принимает целый ряд мер, направленных на укрепление духовного и физического воспитания молодежи, программу «Город — детям», добивается выделения средств на финансирование детских клубов и детских спортивных команд. По инициативе совета в Новосибирске начали проводить спортивные «сибириады» — первые всесибирские детские спортивные игры. Был организован десант новосибирских спортсменов в Китай, где наши пловцы заняли призовые места.

В то время, когда у руля горсовета стоял Бернадский, произошло еще одно важное событие — был принят первый Устав Новосибирска и утвержден герб, знакомый ныне каждому жителю города.

Конечно, не обходилось и без критики. С одной стороны слышались упреки в том, что «Бернадский стал много брать на себя», с другой — высказывались пожелания, чтобы совет сильнее влиял на жизнь полуторамиллионного города. Хотя многие все-таки признавали, что этот непомерно большой, разномастный и многоговорящий орган, тем не менее, начинает достаточно результативно решать их проблемы. Молодой председатель горсовета доказал самостоятельность мышления, умение принимать грамотные решения. В самый разгар разрухи и политической нестабильности городской совет находил меры по решению проблем жилищно-коммунального хозяйства, разваливающейся экономики, вопросов землеустройства.

Тогда никто не предполагал, что через два года, осенью 1993-го, после расстрела танками Верховного Совета России, президент страны Борис Ельцин издаст Указ о прекращении полномочий всех представительных органов и, прежде всего, Советов депутатов, что председатель Новосибирского горсовета Бернадский, как и многие его коллеги, останется безработным. Так судьба вновь круто повернула биографию Юрия.

Проработав несколько лет в структурах власти, он так и не стал аппаратчиком, не перенял чиновничьих повадок. Хотя вирус политического азарта его не миновал. Был даже момент, когда он решил баллотироваться в депутаты Госдумы. Но поняв, что итоги выборов будут определяться не столько симпатиями избирателей, сколько властью денег, биться за думское кресло не стал.

Одновременно с появлением Бернадского на политическом горизонте города, в 1989 году, на пике горбачевской перестройки, была создана Ассоциация молодых руководителей предприятий СССР. С распадом Советского Союза и возникновением на его обломках Содружества независимых государств, ассоциация превратилась в международную. Но вскоре московские лидеры МАРПа перессорились, и международная организация распалась, только новосибирское отделение продолжало действовать. Вскоре оно превратилось в межрегиональную ассоциацию, объединив в своих рядах не только четыреста директоров крупных государственных или акционерных предприятий, но и руководителей новых форм собственности из более чем шестидесяти городов Сибири — тех, кто был действительно озабочен экономическими реформами и процветанием родного края.

Предложение от директорского корпуса стать генеральным директором МАРПа оказалось для Бернадского неожиданным. Но оно было закономерным и очень точным. На эту должность требовался опытный, энергичный и ответственный человек — хозяйственник, с обширными деловыми контактами, выходящими далеко за рамки Новосибирска. Нужен был толковый организатор, безукоризненный исполнитель и, одновременно, генератор новых идей. Нужен был единомышленник и просто — надежный товарищ. Бывший председатель горсовета, с которым многим из марповцев доводилось сотрудничать, всем этим критериям вполне соответствовал.

С первого дня работы в новой должности Бернадский сделал для себя главный вывод: МАРП — это отряд быстрого реагирования. Хотя на совете ассоциации разрабатываются и принимаются долговременные перспективные программы в рамках региона, одним из главных направлений работы все же остается оперативная ежедневная работа с людьми. Двери кабинета генерального директора на улице Урицкого 12 всегда открыты. В любой час — будь это раннее утро, обед или поздний вечер — сюда может придти директор или предприниматель с проблемой, идеей, просто по личному вопросу. Он знает, что здесь его всегда выслушают и на любую его просьбу по любой проблеме всегда

последует незамедлительная реакция. И сколько есть у ассоциации возможностей — организационных, административных, моральных — все будет брошено на то, чтобы помочь ему эту проблему решить.

Юрий Иванович любит повторять, что МАРП — это живой организм. В ассоциации постоянно появляются новые люди, новые идеи. Но суть и главная цель остается неизменной — оказание всесторонней помощи руководителям предприятий в новых экономических условиях, защита законных прав и обеспечение экономической безопасности участников рынка, предупреждение кризисных явлений в экономике. Так что собравшиеся в МАРПе руководители — это не члены некоего элитарного клуба, а представители интересов работодателей почти трех десятков отраслевых и региональных союзов и объединений.

— *Особо хочу подчеркнуть,* — говорит Бернадский, — *что МАРП уникальна не только тем, что объединяет мощные производственные предприятия, научные институты, регионы и ресурсы. МАРП объединяет уникальных людей, каждый из которых — личность! За последние 15 лет только в нашей области создано более трех тысяч различных общественных объединений, но лишь МАРП занимает среди них особое место. Ее не финансируют ни государство, ни заграница, ни мафия, но она оказывает все возрастающее и очень важное влияние на всю социальную и экономическую жизнь Сибирского региона.*

Мне здорово повезло в жизни на учителей, — продолжает Юрий Иванович. — *Это и спортивные тренеры, и руководители Кировского района, и Иван Иванович Индинок, с которым я работал три года, когда он был председателем горисполкома, и директор ОАО «Синар» Алексей Борисович Елезов, и много других замечательных и умных людей.*

В 1994 году в офисе МАРП мы принимали бывшего узника совести времен застоя Александра Исаевича Солженицына. Он, казалось бы, все знал о судьбах России и ее людей, но до душевной боли хотел услышать из первых уст и понять, что же волнует капитанов промышленности и сибирских предпринимателей. *Три года назад я встречал и сопровождал по Новосибирску бывшего председателя Совета Министров СССР Ни-*

колая Ивановича Рыжкова. Мы были на заводах, встречались с рабочими и селянами, с депутатами и избирателями, готовили и проводили учредительный съезд товаропроизводителей Сибири. Создали структуру, которая объединяет сегодня многие тысячи предприятий из Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула, Бийска, Красноярска, Читы, Улан-Удэ, Кемерова и Хабаровска.

Помогает сегодня Бернадскому в работе и опыт законотворческой работы в городском совете, позволяя определять не только темы необходимых нормативных документов для создания правовой базы развития экономики, но и готовить их в русле проблем, которые решают власти области и города. Почти все решения и постановления областного и городского советов, администрации области и мэрии и, прежде всего, в сфере экономики, обязательно рассматриваются членами ассоциации. По ним готовятся предложения, направленные на создание благоприятного предпринимательского климата в регионе. В первую очередь МАРП старается воздействовать на власть в базисных вопросах производства — в налоговой политике, инвестиционной, в выходе сибирских товаров на активно осваиваемый европейский и азиатский рынки и их защите от контрабанды. Не забываются и перспективные проблемы. Например, кадровые. МАРП готовит областной заказ для профтехучилищ на подготовку специалистов для предприятий, стремясь переломить негативную тенденцию вымывания молодежи из производства. Число учащихся в ПТУ за последние годы уже увеличилось вдвое. Для будущих специалистов на промышленных предприятиях области создано восемь тысяч рабочих мест.

— Наше главное дело — отстаивать интересы сибирского бизнеса, защищать интересы людей, работающих на предприятиях, — подчеркивает Бернадский. *— С этой целью ассоциация обратилась к журналистам: давайте будем поднимать значимость промышленности в экономике и истории России, давайте поднимать на щит человека труда! Совместно с издательским домом «Сибирская горница» подготовлены и вышли в свет книги серии «Деловая жизнь Сибири. История. Люди. Судьбы», в которых лучшие писательские силы города повествуют о знаменитых людях родного края, о коллективах, которые создавали наш город, составляют соль земли сибирской. Эти издания — не только для дня настоящего, но и для будущего. По ним наши потомки будут знать о нашем времени и о настоящих его героях.*

Значительных результатов удалось добиться в реализации стратегии освоения рынков ресурсо-, топливо- и энергосберегающих регионов Сибири промышленными предприятиями Новосибирска. Созданная для этой цели совместно с мэрией Новосибирска дирекция межрегиональных программ накопила богатый практический опыт. В рабочих группах реализуются актуальные проекты по 30 направлениям научно-технической и производственной деятельности. Здесь участвуют более ста предприятий и научных учреждений. Результатом стал дополнительный прирост объемов произведенной и, что более важно, реализованной продукции. Только за последние три года он составил четыре миллиарда рублей.

— Этот показатель был бы гораздо больше, если бы власти поддерживали своих экспортеров. А они, наоборот, делают как раз все, чтобы их удушить. Таможенные, налоговые режимы и ряд других «драконовских» мер делают продукцию наших предприятий неконкурентоспособной, — горячится Юрий Иванович, с воодушевлением рассказывая о своей работе.

Жизнь заставила Бернадского, инженера-машиностроителя, изучить досконально не только экономику, но и политэкономию. В соавторстве с группой директоров и ученых написана, как говорит Юрий Иванович, революционная в сфере экономики книга с характерным названием «Заблудились в эпохе», построенная на анализе развития капитализма в США и тех рецептов, которые Запад предлагает нам.

— «Западные» советники стараниями нынешних российских оракулов превращают Россию не только в свою сырьевую базу, но и заставляют россиян расплачиваться за проблемы экономики США и их единомышленников,— считает Бернадский. *— На международном рынке волчьи законы, там уважают только сильного. Поэтому сильная Россия никому за ее пределами не нужна. Как сырьевой придаток — да. За наш внутренний потребительский рынок там бьются нешуточно. И всеми путями лезут сюда — подкупают чиновников, ставят на колени с помощью оружия, поощряют войну в Чечне, сепаратизм Татарстана, Башкортостана и т.д., — расшатывая изнутри и угрожая снаружи. Пытаются разными квотами ввести ограничения на наш экспорт, антидемпинговые законы принимают, в частности, для наших сталелитейщиков. Любыми путями ослабляют нас как сильного претендента на участие в международном рынке. Но мы законченные оптимисты, мы будем делать свое дело — отстаивать интересы сибирского бизнеса, интересы людей, которые работают на предприятиях, — другого выбора у нас нет.*

Председатель МАРП — фигура, заметная сегодня не только в Новосибирске. Чтобы ассоциация работала эффективно, надо постоянно держать руку на пульсе, везде успевать, многое знать. Он участвует во всех важных совещаниях, на которых рассматриваются вопросы экономики и промышленности, в международных и региональных конференциях, семинарах. Его привлекают в качестве эксперта к работе многих консультативных, координационных, научно-технических, экономических советов, конкурсных комиссий. Бернадский так «врос в тему», что решил написать кандидатскую диссертацию под названием «Межрегиональная финансово-промышленная интеграция как фактор экономического роста».

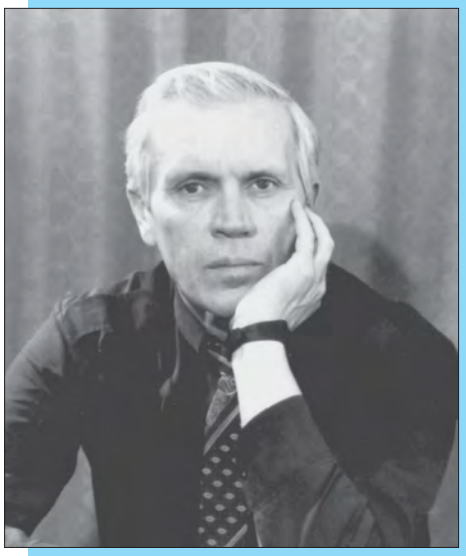
А еще он пишет… стихи. Казалось бы, для заядлого спортсмена, политика, специалиста по развитию бизнеса, сильного делового человека это несколько «нетипично»; тем не менее тяга к поэтическому творчеству, проснувшаяся в нем в юношеские годы, с возрастом не угасла, и открывается еще одна грань личности этого неординарного человека. Свои строфы он посвящает жене, близким, друзьям. Стихи вполне профессиональны. В них и раздумья о жизни, и волнующие душу сомнения, и признания в романтических чувствах…

Беспечный праздник или вечный сон там, —
Перешагну незримую черту.
И если пустота за горизонтом —
Заполню пустоту!
Через барьеры, омуты и броды,
Не ради выгод, славы и призов,
Ученики и баловни природы,
Айда за горизонт!

Жить полноценно, честно и открыто, быть полезным своей стране, необходимым для родных людей и друзей, совмещать личные желания с потребностями окружающего мира — эти простые формулы бытия удается решить не каждому. У Юрия Бернадского это получается. Как и предначертано мужчине, он построил дом (даже несколько, и не только для себя), вырастил сына (и еще дочь) и посадил множество деревьев. Причем не только в прямом, но и в переносном смысле: многие его начинания на благо города вросли корнями в общественную новосибирскую «почву». И потому, когда встречаешься с личностями такого склада как Бернадский и другие герои этой книги, невольно вспоминаешь бессмертные строки классика:

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни…

Галина ТРОИЦКАЯ



Версии жизни Владелена Бирюкова

Когда речь заходит о Владелене Бирюкове, все слухи о нем — правда. И все — ложь. Бесконечные версии судьбы, схематичные наброски. Та, в которую мы поверим сегодня, и будет истиной.

Сорок лет он играет на сцене. Тридцать из них — известный, узнаваемый, часто интервьюируемый. Но сколько ни просмотрела публикаций — всюду, даже в титрах фильмов он — Владлен. А вот по паспорту — Владелен. Потому что — Владелец Лены. Семейная легенда гласит, что в давние времена, когда в стране еще не было никаких революций, предки Бирюкова владели прииском на реке Лена. И когда 8 марта 1942 года, через месяц после ухода на фронт отца, в селе Никоново, что в Маслянинском районе Новосибирской области, в семье Бирюковых родился третий сын, его нарекли Владеленом. Не могла оставшаяся солдаткой мать-крестьянка дать мальчику иного богатства, кроме родовых воспоминаний да необычно-

го имени, которое и по сей день запоминается сразу. И кто знает, насколько помогало ему необычное имя в актерской работе — ведь помимо таланта и мастерства в этой, зависимой от других профессии, очень важно запомниться, вовремя оказаться на месте, «показаться» режиссеру, автору...

Впрочем, об актерской профессии в сороковых никто и не думал. Шла война, на фронт ушли отец и старший брать Александр. Поднимать двоих сыновей в деревне было тяжело. Полегче стало, когда матери — Раисе Федоровне — удалось переехать в Бердск, устроиться на радиозавод.

Сразу по окончании школы туда же пошел работать и средний сын Павел. Да и младший, Владелен, так и не увидевший погибшего на фронте отца, тоже начал с завода, работал на конвейере. И казалось — жизнь пойдет по накатанной колее. Но судьба — особа странная и непредсказуемая. И мальчишка, который никогда не увлекался театром, а если и занимался в художественной самодеятельности, так исключительно потому, что участников заводского хора бесплатно пускали на танцы, вдруг оставил привычный быт и поехал в Новосибирск поступать в культпросветшколу, на факультет руководителей народного театра.

Мать категорически возражала, чтобы сын бросал завод, а он, честно глядя ей в глаза, увещевал, что вот закончит училище, вернутся они в родную деревню, станет он заведующим клубом, и заживут мать с сыном припеваючи…

Устоять против его обаяния трудно, почти невозможно. И уже не важно — верил ли сам Владелен в ту почти рождественскую сказку или просто озвучил одну из версий собственной судьбы, но мать махнула рукой на стабильность заводского заработка, и Владелен Бирюков отправился покорять город.

— *Удивительная штука судьба!* — Владелен Егорович вспоминает прошлое и сам, кажется, удивляется непредсказуемости поступков. — *Я за годы учебы в школе всего один раз был в оперном театре. Мне страшно не понравилось, и даже в драмкружок не ходил. А тут вдруг как толкнуло что-то — это мое. И когда приходил на спектакли в «Красный факел» — тоже ощущение странное было. Сопричастности, что ли… В этом театре вообще за годы накоплена удивительная аура. Вот в ТЮЗ ходил после занятий — обычно, нормально, как все. А если в «Красный факел» — так и рубашку погладить надо, и себя подготовить... Здесь играли такие удивительные артисты, как Бахтин, Михайлов, Беляев, Агаронова. Здесь был удивительно понимающий зритель. Я тогда даже не мечтал работать в театре, но понимал, что если уже выйти на сцену — то именно на эту…*

Но со сценой пришлось подождать, потому что пришло время призыва в армию.

Старшина Скорик в фильме «Горячий снег», чекист Яков Алейников в киноэпопее «Вечный зов», комбат Павел Тихонов в кинодилогии «Приказ: огня не открывать» и «Приказ: перейти границу», полковник Баташов в ленте «У меня все нормально», генерал-лейтенант Николай Лыков в фильме «Парашютисты»

«Город на заре» Арбузова. ТЮЗ, 1966 г.

— вот такой «послужной список» армейских кинороле́й у заслуженного артиста России, лауреата Государственной премии СССР Владелена Бирюкова. А у солдата Владелена Бирюкова — свой послужной список и своя история.

— *Призывали меня долго,* — вспоминает артист. — *Где-то полгода различные комиссии проверяли. Я уже даже волноваться начал — что же, думаю, у меня не так?.. Когда пришел в военкомат, мне сказали: «Пятисотая команда». Естественно, мне эта цифра ни о чем не говорила. Только смотрю — у ребят вокруг лица очень довольные. Когда мы — пятьдесят человек — пришли к поезду, я впервые понял, почему.*

Служить нам предстояло в Одессе, и вот через всю страну ехали мы в мягком вагоне, как белые люди. И кормили нас как на убой.

Приехали — нам объяснили, что служить предстоит в войсках КГБ. Мне стало страшно интересно — романтика. Знаете, как это в песне-то: «Вокруг шпионы, а я с наганом...»

Правда, романтика достаточно быстро прошла, потому что первые четыре месяца была у нас тяжелая учеба, муштра, жесткие тренировки. А потом началась сама служба.

В форме мы ходили только в увольнение, а на службу — в гражданских костюмах. До сих пор помню, как мы, солдаты, приходили на склад, очень похожий на костюмерный цех в театре, и выбирали себе одежду на день. Задача у нас была — внешнее наблюдение за конкретными людьми, чаще всего иностранцами. Менялись когда через полтора часа, когда через четыре. Ежедневно нам выдавались 25 рублей на карманные расходы. Это были большие деньги, но кто знает, куда пойдет объект, — в ресторан, в магазин, в кафе…

Там, в армии, я впервые влюбился. И уже когда лежал в госпитале, приятель, сосед по палате, спичкой нарисовал мне на циферблате акварелью портрет моей любимой девушки-одесситки. Я долго хранил эти часы…

С госпиталем — тоже достаточно странная история… Сам Владелен Егорович рассказывать ее не любит, но куда ему, бедному, от журналистского любопытства деться?

Версия события такова — солдаты срочной службы, в их числе Владелен Бирюков, помогали МВД в операции по задержанию фальшивомонетчиков в катакомбах, и во время этой операции был наш герой ранен в ногу. Но о ранении и операции забыл он достаточно быстро. А главным впечатлением стало совсем другое.

— *Увидеть такое количество денег мне больше не довелось*, — рассказывает Бирюков. — *Представляете, огромное помещение. Завалено деньгами — как бумагой. От пола до потолка…*

Сразу после госпиталя его демобилизовали. В какой-то мере — повезло, потому что срок срочной службы для Бирюкова сократился с трех лет до года, и неизвестно, как бы сложилась судьба, задержись он в Одессе. Скорее всего женился бы на той девушке, остался в городе у моря… И уже никакие версии судьбы рассматривать бы не пришлось.

Впрочем, вернуться в Одессу он мог и позже, его приглашали...

— *И в Одессу, и в Москву, и в Ленинград, ныне Санкт-Петербург, работать приглашали*, — рассказывает Владелен Егорович. — *Но, понимаете, я здесь родился, я кондовый сибиряк. Где бы ни путешествовал, откуда бы ни возвращался, когда самолет заходит на посадку в Толмачево — сердце немного сжимается и дышится легче — вот он, мой дом…*

Вернувшись после службы в армии в Новосибирск, Бирюков вернулся и в культпросветшколу. А оттуда уже — в театральное училище. На первый курс к А.А. Малышеву и В.И. Гарину.

— *Театральное училище тогда только переехало в помещение на Октябрьской 40*, — вспоминает артист. — *Помните, был такой подвальчик в жилом доме. Вот этот самый подвальчик мы своими руками и обустраивали. С утра — побелка, покраска... Потом, после обеда, — этюды…*

По окончании театрального училища Бирюкова приняли на работу в Театр юного зрителя.

— *За пять лет в ТЮЗе я переиграл массу «овощей» — не один борщ сварить можно*, — вспоминает Владелен Егорович. — *Но на самом деле это был великолепный тренаж — 20 —25 спектаклей в месяц. Честно говоря, любому начинающему артисту посоветовал бы — столько играть сразу после училища можно только в ТЮЗе.*

Впрочем, в ТЮЗе играл он не только «овощей». Был Васька Пепел в горьковском «На дне», был старшина Васьков в «А зори здесь тихие», был Григорий из пьесы Анатолия Иванова «Баллада о пылающем факеле». Кстати, сам автор позже признался, что именно в этой пьесе прорабатывал он сюжетные линии будущего романа «Вечный зов»… Вот и не верь после таких совпадений в цикличность судьбы.

В начале семидесятых в «Красный факел» перешел главный режиссер ТЮЗа В.Кузьмин и вскоре пригласил молодого Владелена Бирюкова на работу в академический театр, тот самый «сибирский МХАТ», который с детства ассоциировался для Владелена Егоровича с самим понятием театрального искусства. Естественно, он перешел без малейших колебаний. И с тех пор тридцать лет работает в этом театре.

Он всегда был предельно занят в репертуаре — и в семидесятых, и в восьмидесятых, и в девяностых. Дон Хуан в пьесе бразильского драматурга Фигейреду и Аристарх в «Энергичных людях» Шукшина, Астров в «Дяде Ване» и хромой капитан в булгаковском «Багровом острове»… Около пятидесяти ролей в театре — это много или мало?

— *Я никогда не мечтал о конкретных ролях*, — признается Бирюков. — *Я играю то, что мне дают — это касается и театра и кино. Другое дело, что я играю не все, что мне предлагают. Помню, звонят с «Ленфильма», предлагают главную роль. Конечно, это и интересно и престижно. Но когда пришел сценарий «Родился я в Сибири», я был разочарован. И хотя режиссер звонил и приглашал — я отказался. Ну зачем идти и работать над заведомой дрянью?*

Или вот в театре — вызвали меня на читку пьесы. Я пришел, послушал, что говорит молодой режиссер, и понял — не будет здесь ничего хорошего. Автор мне нравится, пьеса хорошая, — но не будет спектакля. Я встал, попрощался и ушел. Я не боюсь себе «пятерки» выставлять, я знаю, как сыграть роль. Каждую роль я как актер старался облечь в нормальную форму, чтобы трогало

«Приказ: перейти границу». 1983 г.

зрителя, привнести свое, личное. Нет у меня ролей на «троечку», да и на «четверку» тоже. Зачем играть в заведомо проигрышные игры?

Артист — профессия зависимая. Слишком многое должно совпасть, сложиться — и пьеса, и режиссерское видение роли, и актерский ансамбль, и фактура самого артиста… Так что много причин для неудачи. Впрочем, для успеха причин должно быть несравненно больше. И тем удивительнее, что успех этот все же приходит. И дело не только в таланте актера. Обязательно должна быть капелька удачи. Тот самый рычаг, с помощью которого удается перевернуть привычный мир, заставить его двигаться в нужном направлении. Для Владелена Бирюкова таким рычагом стало участие в съемках фильма «Горячий снег». Роль старшины Скорика.

— Шиловский полигон под Новосибирском был выбран для съемок зимы 41-го в целях экономии, чтобы не искать искусственный снег, — вспоминает Бирюков. *— И когда съемочная группа прибыла в Сибирь, то для эпизодических ролей артистов набирали в новосибирских театрах. Это была редкая удача, потому что попасть в картотеку «Мосфильма» артисту провинциального театра очень сложно. Я снимался до этого в игровых фильмах, которые начинала снимать Новосибирская студия, но, конечно, попробовать себя «на большом экране» было очень интересно.*

Как назло в 1971 году зима у нас стояла совершенно жуткая. Лошади не выдерживали морозов и падали от холода. А потом вдруг в феврале снег растаял. И доснимали мы фильм уже в Подмосковье, на парафине.

Старшина Скорик — роль небольшая, всего три эпизода. Но это «Мосфильм», моя фотография попала в картотеку. И через два года ее увидела помощник режиссера Валентина Щапова, низкий ей поклон, и принесла Ускову и Краснопольскому.

Шел 1973 год. Съемки «Вечного зова» уже начались, а Якова Алейникова все еще не было. На эту роль пробовались такие мастера, как Тихонов, Любшин, Стриженов, но режиссеры не представляли этих актеров в облике красного партизана из сибирской глубинки. «Красный факел» гастролировал в Уфе, а в двухстах километрах от Уфы шли съемки. Однажды самолет, которым летел Краснопольский, сильно задержали, и он решил в свободное время сходить в театр. Ему понравился и спектакль, и мое исполнение. И в разговоре с Усковым он меня упомянул как возможного Алейникова. А Валентина Щапова быстро принесла фотографию. Вот так все и совпало.

Гастроли продолжались около месяца, а когда я приехал домой, почтальон мне выговорила — дескать, устала телеграммы носить… И показала целую пачку вызовов на съемки. Так я попал в «Вечный зов».

Съемки фильма длились более тринадцати лет. Творческая группа работала в Башкирии, на Южном Урале, в Подмосковье. Пришлось и на лошади скакать, и по скалам лазить.

Во время съемок серии «В каменном мешке» нам в помощь прислали альпинистов из Магнитогорска. Когда они увидели, что мы без канатов и крючьев,

да еще с грузом за плечами взбираемся по очень крутой скале, то заявили, что обычно к такому восхождению готовятся по два года и что нам вполне можно присвоить третий разряд по альпинизму.

Отсняли материал огромный, из него потом выбирать было — как по живому резать.

— Многое не попало в картину?

— Меня тогда «порезали» больше всех. А сработал-то я Алейникова нормально, это я без ложной скромности говорю. Я вообще не понимаю, почему нельзя себе ставить «пятерки»? Если хорошо сделано, профессионально?

И персонаж этот людям запомнился. Может быть, сыграло роль и то, что каждая вторая семья у нас в России прошла через НКВД. И то, что образ этот получился достаточно противоречивым, не однолинейным, как было у нас принято показывать «героев НКВД».

А потом из девятнадцати серий со стандартной советской длительностью в один час пятнадцать минут сделали тридцать серий по европейскому образцу. Добавили все, что вырезала в свое время цензура, прислали мне тексты, попросили озвучить — и получился новый фильм.

— А сами сотрудники КГБ были вами довольны?

— Я думаю, да. Ведь помимо Государственной премии СССР за картину были и Госпремия РСФСР и уникальная премия КГБ СССР, которая на нас началась и нами закончилась.

— А чем для вас самого был интересен Яков Алейников?

— Мне было интересно создать многогранный человеческий характер, показать сложную психологическую драму человека, который проживает на экране более двадцати лет. За столь длительное время в человеке меняется все — от внешности до духовного склада характера. И если «дать возраст» — это дело гримера, то все остальное — забота самого актера.

— Вы всегда говорите, что Яков Алейников вам симпатичен. Почему?

— Ну, во-первых, треть моей жизни связана с «Вечным зовом» и этой ролью. Алейников — личность, конечно, неоднозначная. Но импонирует мне его прямота характера, цельность личности. А насчет того, как оценивать его поступки?.. Наверное, если бы я смотрел на него как зритель, многое не одобрил бы. Но ведь я играю Алейникова, который уверен в своей правоте. Он же живет там, в тридцатых годах, и у него нет возможности переосмыслить какие-то истины, оценить поступки во времени. Но этот человек начал задумываться. И уже это ценно.

— После «Вечного зова» было еще более тридцати ролей, но и сегодня большинство зрителей помнят вас как Якова Алейникова. Вам не обидно оставаться «актером одной роли».

— Да, после «Вечного зова» меня стали узнавать на улицах. И с одной стороны, я не могу сказать, что это было неприятно. Я же артист, я работаю для публики, я не могу без этого. Другое дело, что было немного странно, что

«Молодая жена». 1983 г.

мою фамилию все забыли, ассоциировали меня исключительно как Якова Алейникова. Но, слава Богу, эти времена достаточно быстро прошли.

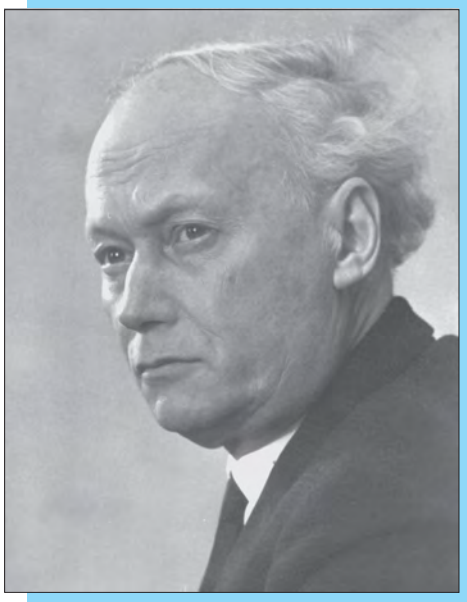
И насчет одной роли — тоже не совсем верно. И комбата Тихонова помнят, и Алексея Терехова из «Молодой жены». А обижаться — на кого и за что? Я почти сорок лет работаю в театре, за плечами десятки ролей, но вот так, навскидку, назвать те, которые мне запомнились, которые люблю — достаточно сложно. Две-три, быть может… И в кино то же самое. Да, я снимался более чем в тридцати фильмах, но самые дорогие для меня самого — «Вечный зов», «Молодая жена», дилогия «Приказ: огня не открывать» и «Приказ: перейти границу».

А остальное? Да, честно работал, и получалось, видимо, неплохо, иначе больше бы не приглашали. Но и только.

Насчет «неплохо» Владелен Егорович немного лукавит. Лауреат четырех Государственных премий, заслуженный артист России, он долгие годы был ведущим артистом «Красного факела». Много снимался в кино — и на центральных студиях страны, и в Новосибирске, работал на телевидении. Наверное, если подобно многим деятелям культуры, вовремя переехал бы в Москву, то и ролей, и известности было бы больше. Но это — уже совсем иная версия судьбы, которая сегодняшнему Владелену Бирюкову неинтересна. Для него важно то, что здесь и сейчас. Он не привык сетовать на судьбу и раздумывать над многочисленными «если». Он живет и работает в Новосибирске. Пусть не так часто, как хотелось бы, но выходит на сцену любимого театра. В первые дни 2003 года ему присвоено звание «Народный артист России».

И потом, кто сказал, что уже все версии судьбы отыграны?

Евгения БУТОРИНА



Спектр лидерства

Академик Боресков и его правила

Жаль, что не я задала Георгию Константиновичу этот очаровательный в своей лукавой дурашливости вопросик:

— Как стать академиком?

Потому что не я услышала этот адекватно очаровательный в своей насмешливой мудрости ответ:

— О, это так просто! Нужно работать и ждать, пока получится открытие.

Но вопрос задавался в Одессе, а я беседовала с академиком Боресковым в Сибири. Да еще почему-то все больше зимой (объяснимо, впрочем, — зимы у нас больше всего), когда студеная заснеженность бытия не потворствует легкомыслию. Я очень серьезно готовилась к интервью — читала специальную литературу, расспрашивала знающих людей. И для чего? Для того, чтобы непринужденно начать разговор со школьного вопроса — а что же такое, собственно, катализ? Как будто впервые услышала интригующее слово… Смешно? Нелепо?

Но — во-первых, роль «популяризатора науки» обязывала меня к разъяснению ключевых для телевизионной ли, газетной работы понятий.

Во-вторых, о своем любимом катализе Георгий Константинович мог, кажется, говорить бесконечно. И ценил возможность рассказать широкой аудитории о предмете своих профессиональных занятий, хотя иногда и сомневался — а будет ли это интересно?

В-третьих, это всегда было интересно, потому что всегда находились новые краски и детали в описании явления, с которым неразрывно связана жизнь исследователя, инженера, технолога и даже организатора науки Борескова.

Создание единственного в стране и одного из четырех в мире Института катализа академик Боресков считал главным делом своей жизни.

Я как-то попыталась уточнить: может быть, свершением? Ведь «делом» был избранный однажды и навсегда этот самый катализ.

Георгий Константинович не возражал, но заметил, что «свершение» — слово пафосное, а пафос неубедителен.

Больше уж я к его словам не придиралась. И училась у Борескова культуре речи — ясной, логичной, увлекательной.

Культуре научного эксперимента, мастерству преподавания, этике отношений учились у него другие. Двадцать шесть лет он возглавлял созданный им в Сибири институт. Двадцать четыре — кафедру в Новосибирском государственном университете. Сроки, достаточные для формирования Школы. Что и удалось ему с той высокой результативностью, которая сопровождала все его «главные дела».

Родился Георгий Боресков в 1907 году в Омске (коренной, стало быть, сибиряк). Умер в Новосибирске в возрасте 77 лет. Двадцатый век подчинял его биографию своим схемам, но натура исследователя одолевала схемы, пробиваясь к призванию.

Откуда оно берется, призвание к «познанию»? Передается по наследству?

В автобиографии Георгий Константинович счел нужным сообщить о себе следующее:

Отец, Боресков Константин Михайлович, военный инженер, до революции служил офицером в воздухоплавательных и авиационных частях, последний чин — полковник. В 1916 году мои родители разошлись, мать со мной и сестрой переехала в Одессу и вскоре вышла замуж за Александра Николаевича Патона. В 1918 году мой отец уехал за границу и в 1922 году умер в Бельгии. С 1917 по 1927 годы я находился на иждивении моего отчима А.Н. Патона, служившего в царской армии военным инженером в чине полковника. С 1919 года А.Н. Патон служил в Красной Армии, в 1928 году был демобилизован и перешел на пенсию. В 1937 году А.Н. Патон был арестован в Одессе органами НКВД. В 1959 году реабилитирован посмертно…

Сведения скупые, не комментируемые, о пережитом можно только догадываться, а вот родословная Борескових стоит того, чтобы на ней задержаться.

Отец — один из первых военных авиаторов России. Дед — Михаил Матвеевич Боресков — представлен в Энциклопедическом словаре как «русский военный инженер в области минного дела и военной электротехники, генерал-лейтенант. Руководил установкой минных заграждений во время Крымской и русско-турецкой войн 1877-78 гг. Предложил метод расчета зарядов для взрывных работ («формула Борескова»).

Дед с внуком в этом Словаре и встретились — в жизни разминулись. Михаил Матвеевич умер в 1898 году, — но я читала книги про того и другого и поразилась сходству характеристик двух Боресковых.

О Михаиле Матвеевиче:

В деятельности молодого Борескова намечались те замечательные качества, которые получили свое развитие в последующем. Он никогда ничего не принимал на веру, всегда тщательным исследованием результатов предварительных опытов приходил к выводу об эффективности того или иного способа и, только убедившись в правильности своих расчетов, приступал к выполнению поставленной задачи. Будучи еще молодым инженером, Боресков продемонстрировал незаурядные способности организатора и знатока своего дела, умеющего самостоятельно решать технические задачи, находя выход в трудных условиях…

О Георгии Константиновиче:

Творческая самостоятельность Г.К. Борескова проявилась с первых шагов в науке… Он не стал сторонником теоретических представлений своего руководителя, сводящих катализ к действию физических факторов. Уже тогда у Георгия Константиновича начинает формироваться собственная концепция катализа, основанная на химической природе явления…

И еще, и еще совпадения — точно оба Боресковых по одной мерке скроены, и разница в занятиях тут значения не имеет.

Не удержалась — сказала в одной из наших бесед:

— Вы счастливо унаследовали от деда стремление к самостоятельности, инженерный, исследовательский, организаторский талант…

Он доброй усмешкой оценил мою подкованность по части его родословной, но тему наследственности не поддержал:

— Мне трудно судить о роли генетических факторов, а время было такое, что нельзя было не стремиться сделать что-то практическое. Ведь это было начало индустриализации, которая, конечно, на нас всех, молодых, производила большое впечатление… Мы старались делать максимум полезного для нашей промышленности.

Мои размышления о власти генов остались при мне — заговорили о «времени».

— В семнадцать лет вы окончили в Одессе профтехшколу?

— Да. Получил даже соответствующую квалификацию: слесарь-подручный.

— Далековато от катализа… Путь не прямой?

— Не думаю, что мой путь по существу оригинален. Профтехшкола, которую я окончил, была просто очень хорошая средняя школа. Здесь мне дали серьезную подготовку по физике, по математике, выработали уважение к науке. У нас были стоящие преподаватели. Поступил в Одесский химический институт. А вот после института пришлось приложить немало усилий, чтобы делать то, что очень хотелось делать — заниматься наукой. Начал работать в Одесском химико-радиологическом институте Наркомтехпрома. Там и появились некоторые результаты. Лет через семь-восемь меня пригласили в Москву…

Говорить с ним легко — он терпелив и доброжелателен. Но при этом и трудно — ни за что не скажет о своих успехах, о том, что ему удалось сделать. Так, некоторые результаты…

И уж если хочешь получить представление, хоть в самых общих чертах, о его научных заслугах, читай литературу, специальную и не очень. Усваивай «сухой остаток» чужих разысканий в доступных тебе пределах понимания.

Тридцатые годы. Стране нужна серная кислота, которая, по определению Борескова, имеет в химической промышленности такое же значение, как сталь и чугун — в машиностроении. Лучший способ ее выработки использовал в качестве катализатора драгоценный металл — платину, и это тормозило развитие производства. В двадцать пять лет Георгий Боресков становится известен как «автор» нового катализатора — БАВ (барий-алюминий-ванадий), на который уже в конце тридцатых годов перешли все заводы Советского Союза, вырабатывающие серную кислоту контактным способом.

Спрашиваю:

— Это прорыв?!

Чуть морщится — не любит громких слов. Как и распространяться о собственных достижениях. Отвечает сдержанно:

— Да, мы получили хорошие катализаторы. Взялись за эксперименты в начале тридцатых, и очень быстро наша промышленность перешла на ванадиевые катализаторы. Последующие события показали, каким важным оказалось решение этой задачи. Для производства взрывчатых веществ нужна крепкая серная кислота. И потребности нашей военной промышленности полностью удовлетворялись кислотой, производимой на БАВах. Но ведь кроме взрывчатки серная кислота широко используется в производстве удобрений, красителей… в общем, любые органические препараты — они все потребляют серную кислоту в больших количествах.

И дальше — о новых задачах новых времен, в том числе — и сибирских, естественно продолжавших некоторые из найденных направлений.

А его ученики и коллеги слова «переворот» не стесняются — напротив, доказывают такую оценку рядом положений:

новый высокоэффективный катализатор (БАВ) превзошел по эксплуатационным качествам все известные ранее,

удалось резко увеличить производственные мощности, и в тяжелое военное время наша промышленность была обеспечена этим сырьем,

разработанный Боресковым катализатор до сих пор является одним из наиболее активных и широко используется в промышленности,

кроме того, он дал начало целому поколению эффективных катализаторов для промышленных окислительных процессов…

Об автоматике в ту пору и не слышали. В описаниях технического оснащения опытов присутствует… кухонная мясорубка, выполнявшая роль будущей экструзионной машины. (Экструзия — в переводе с латыни — выталкивание). Температурный режим каталитического процесса поддерживали «вручную». И — так далее.

То есть условия самые что ни на есть примитивные (если не сказать — допотопные), но именно в этих условиях и вершился «переворот» небольшой группой лаборатории, возглавляемой молодым Боресковым.

Работавшая с ним тогда Е.Л. Кричевская вспоминает:

Два раза мне пришлось быть свидетелем научных дискуссий, возникавших в лаборатории. В отстаивании своих убеждений Георгий Константинович был абсолютно тверд. Не повышая голоса, с мягким юмором он так убедительно показывал абсурдность высказываний своих научных противников, что не оставалось никаких сомнений в его правоте.

И, характеризуя настроение молодых исследователей, замечает, что все они *твердо верили в восходящую звезду Борескова.*

А «звезда» восходила уверенно и ярко.

Не хочу затруднять текст терминологическими формулировками, обобщающими значение сделанного Боресковым. Но процитирую одно выступление, содержащее, по-моему, наиболее удачную попытку такого рода. Это доклад академика Кирилла Ильича Замараева, преемника Борескова на посту директора Института катализа. Прозвучал он в апреле 95-го, в день рождения создателя института.

Остановлюсь на основных этапах научной деятельности Георгия Константиновича.

30-е годы — создание основ современной технологии окисления SO_2 в SO_3. Именно в это время он заложил основы современных методов проектирования контактных аппаратов и в это же время начал свой всемирно знаменитый цикл работ в области сернокислотного катализа, который увенчался разработкой отечественного катализатора и процесса…

53-й год — формулировка правила примерного постоянства удельной каталитической активности (именуемой химиками УКА — ***З.И.***).

58-й год — формулировка принципа воздействия реакционной среды на катализатор, переезд в Новосибирск и основание здесь нашего института.

61-й год — совместно с Михаилом Гавриловичем Слюнько заложены основы того направления, которое сегодня развивает математическое моделирование каталитических процессов.

80-й год — пионерские работы в соавторстве с Ю.Ш. Матросом по реализации впервые в мире нестационарного способа каталитических процессов.

И потом Кирилл Ильич рассказывал о том, как институт Борескова — без Борескова — развивает его идеи, какие новые результаты удается получать.

К великому сожалению, Кирилл Ильич рано ушел из жизни, не дожив до шестидесяти. Он руководил институтом чуть больше десяти лет и с великим почтением относился к творческому наследию предшественника.

Как и третий директор, академик Валентин Николаевич Пармон, представитель уже почти «внучатого» поколения по отношению к Борескову.

Институт катализа Сибирского отделения РАН выстоял и достойно пережил мучительную смену «режимов», когда государство фактически отказалось от науки, бросив на произвол рыночных стихий и сомнительного бизнеса далеких от него ученых, беззащитные перед ним лаборатории. Институт катализа даже убережся от депрессии, столь типичной для исследовательских коллективов страны в пору шоковых реформ и безоглядных разрушений.

Кстати, что же это все-таки такое — катализ?

Начиная объяснять, Георгий Константинович попутно сообщает:

— Слово произошло от греческого, обозначающего «разрушение». Мы это «разрушение» обращаем в «созидание».

Перечитывая эти строчки сегодня, двадцать лет спустя, невольно символизирую смысл сказанного. Есть основания. Институт имени академика Г.К. Борескова прочно держится на шальных ветрах перемен, выдает «некоторые результаты», конкурентоспособные на мировом рынке, представляет доклады по фундаментальным проблемам на престижных международных конгрессах. Известен в мировом сообществе как организация, способная быстро и качественно выполнять сложнейшие комплексные исследования и разработки в любом направлении катализа.

По одному из статистических отчетов о жизни Новосибирской области почти 30% всех валютных средств по статье «наука и научные услуги» обеспечил именно этот «однозначно» профилированный институт.

И как же не воспроизвести в этой зарисовке фрагменты наших с Георгием Константиновичем бесед, именно катализу и посвященных. Боресков бы меня не понял, упусти я возможность еще одного растолкования сути его всепоглощающего интереса.

— Журналисты пишут: «катализ — та же добыча радия». Почему?

— Потому что, применяя катализаторы, вы можете получать нужные вам вещества без дополнительных затрат энергии. А на применении катализаторов основываются сегодня более 80% всех химических производств, а из числа новых химических процессов — более 90%. Потому что с катализом связаны большие перспективы решения важных хозяйственных задач. Таких, например, как получение жидкого топлива из угля, очистка сточных вод и атмосферы от загрязняющих выбросов… Катализаторы — вещества, влияющие на скорость процессов, — придуманы природой. Без них и мы не могли бы жить — в каждой живой клетке есть биологические катализаторы, ферменты, управляющие ходом химических превращений. Это творчество самой природы, механизмы жизни, а техника, как и во многих других случаях, только заимствует «изобретения» далеко еще не познанного нами процесса жизнетворчества. А вы знаете, что одно из первых экспериментальных свидетельств о катализе содержится в письме ученого мужа великому Гете? 1823-й год…

— Нет. Зато я знаю, что в 1912 году русский химик, академик Петербургской Академии наук Константин Кирхгоф обнаружил любопытное явление. Если нагревать крахмал в присутствии разбавленной серной кислоты, тот обращается в сахар гораздо быстрее, чем обычно, хотя сама кислота при этом не расходуется.

— Со школьных лет помните?

— Что вы! Нет, конечно. Вычитала, набираясь ума перед беседой…

— Вот вам еще один любопытный факт. Обращаясь к господину министру Иоганну Вольфгангу Гете, профессор Иенского университета Вольфганг Деберейнер сообщал «сведения об одном открытии», которое считал «в высокой степени важным». В ряде опытов он обнаружил, что металлическая порошкообразная платина обладает своеобразным свойством — «простым соприкосновением и без всякого содействия внешних сил заставлять водородный газ соединяться с кислородным газом в воду…». Понятие «катализатор» складывалось не вдруг, по мере накопления подобных наблюдений.

— А с вашим именем в стране связано становление катализа как самостоятельного научного направления. Благодаря институту?

— Мысль о том, что такой институт необходим, появилась у меня давно, задолго до переезда в Сибирь. Становилось все яснее, что катализ — это основной «ресурс» повышения эффективности промышленности, связанной

с химическими превращениями. И изучать катализ так, как это делалось — в отдельных лабораториях, только отдельные стороны этого явления, нельзя. Нужно изучать его одновременно со всех сторон и — концентрированно, располагая всеми современными возможностями исследования. Я работал в физико-химическом институте имени Карпова в Москве. Институт был достаточно хорошо оборудован, в нем было много специалистов, но привлечь, скажем, методы физического анализа к исследованию катализа было трудно. Это удавалось большими усилиями — в маленьком масштабе. Необходимость организации самостоятельного института осознавалась все острее. Мне кажется, в Сибири нам удалось неплохо решить эту задачу. Недостатков, конечно, много, но в основном… Хотел бы подчеркнуть, что наш институт вовсе не регионального значения. Это все-таки единственный в стране институт и, по-видимому, самый крупный — такой специализации — в мире. С нами, пожалуй, можно сопоставить только Французский институт каталитических исследований. Он организовывался в Лионе почти одновременно с нашим. Это хороший институт, его серьезно поддерживает французское правительство, он успешно развивается, и мы работаем с французскими коллегами в творческом содружестве. Остальные институты катализа настолько малы, что их можно даже не принимать во внимание.

— А в Штатах?

— А в Штатах следят за всем происходящим в мире. Когда, например, у нас в Сибири появился журнал «Кинетика и катализ», они стали выпускать нечто подобное. И институт пытались создать. Прикидывали, сколько он будет стоить, кто может им руководить. Но это у них не получилось. Фирмы ревниво относятся к государственным учреждениям. А деньги на институт могли дать только фирмы, которые предпочли развивать исследования у себя. И исследования по катализу ведутся большие, но единого института нет.

— Говорят, вы подобрали себе блестящих технологов?

— Ну, зачем так — «я подобрал»… Хорошие люди есть везде. Я хотел бы на другое обратить внимание. У нас очень четко были сформулированы задачи всестороннего изучения катализа, и теоретические, и практические. Мы, кажется, все предусмотрели — и глубокие проблемы, и изыскание катализаторов, изучение генетики каталитических процессов, исследования реакторов, в которых будут применяться наши катализаторы, их оптимизацию, стабильность и т.д. Эта всесторонность была заложена в самой организации института. Мы думали и о том, как быстро и сравнительно дешево исследовать свойства новых катализаторов… Не вернуться ли нам к Гете? Он поблагодарил Деберейнера за присылку «платинового огнива» письмом, где, в частности, есть такие строки: «Это в высшей степени приятное ощущение, когда видишь, что выдающееся открытие какой-нибудь природной силы сразу же приспособлено к какому-нибудь полезному применению». Могу, пожалуй, добавить: желание сделать что-то полезное, добиться чего-то существенного — очень сильный рычаг развития и личности, и дела.

— А признание, награды?

— Награды, как мне кажется, не могут являться самоцелью. Но я бы согрешил, если бы сказал, что признание мне безразлично. Приятно все-таки дожить до оценки твоих работ, результатов, к которым ты шел долгие годы… Должен сказать, что в начале моей научной деятельности я получал мало наград, хотя довольно много делал…Потом все было компенсировано… Мне присвоили звание Героя Социалистического Труда…

— В шестьдесят лет…

— И в дальнейшем я получил очень много — авансом.

— Может, наоборот, — в качестве компенсации?

— Не только. Не только. Степени признания — это ведь и степени ответственности. Хотя это и банально, но так: награды обязывают. От тебя ждут большего.

…Наград у него набралось много. И две Государственные премии. И ордена («Знак почета», Трудового Красного Знамени, два ордена Ленина). Звезда Героя… И знаков международного признания достаточно: почетный член Нью-Йоркской академии, почетный доктор Вроцлавского политехнического института, иностранный член Академии наук ГДР, почетный доктор Университета Пуатье (Франция)…

Наверняка что-то пропустила — много! Но наработанного больше. И с этим проще — есть цифра: Боресков — автор более 800 (!) научных трудов и изобретений. Биографы сообщают: *Кроме оригинальных научных статей им*

В институте катализа

было издано несколько монографий и учебных пособий («Катализ в производстве серной кислоты», «Катализ», «Технология серной кислоты», «Технология химического изотопного обмена» и др.). В последние месяцы жизни Г.К. Боресков работал над капитальным трудом «Гетерогенный катализ», который, к сожалению, остался незаконченным. Работу над этой книгой, изданной в конце 1986 года, завершили его ученики.

С учениками ему повезло. Или это им повезло с учителем? Он был для них безусловным лидером. Абсолютный научный авторитет. Мастерство преподавания. (*На лекциях Г.К. держался безукоризненно, его безошибочный русский язык, строгий костюм подчеркивали серьезность его отношения к студентам… получали чисто эстетическое наслаждение от логической стройности, последовательности, красоты изложения при отсутствии каких бы то ни было лишних слов*).

И, конечно, его человеческие качества.

Юношеское вдохновение, добросовестность и, прежде всего, доброжелательное отношение к людям…

В дискуссиях был исключительно корректен… Возразил авторам этой теории, что она все объясняет, но ничего не может предсказать, что требуется от настоящей теории.

Всегда находил место и время для дружеских слов ободрения или шутки…

Никогда не скрывал своего дворянского происхождения, гордился дедом, получившим дворянство за успехи в артиллерийском деле.

Георгий Константинович — большой патриот. Как резко он критиковал чиновников Минхимпрома и других ведомств за необоснованные закупки каталитических процессов и катализаторов за рубежом, тогда как они могли быть разработаны и внедрены отечественными институтами и предприятиями…

Довольно. Не буду переписывать всю книгу, посвященную Борескову и изданную Институтом катализа несколько лет назад. Лучше — еще один фрагмент из собственного разговора с Георгием Константиновичем.

— Вы соблюдаете неукоснительный режим труда и отдыха?

— Нет… Я не люблю формальной организации, у меня даже какой-то протест против жесткой заорганизованности.

— Как это может быть в директоре института, в руководителе коллектива?

— Думаете, я отрицаю дисциплину? Нет! Дисциплина должна быть для всех и для каждого. Самый ответственный человек без дисциплины через какое-то время распустится безусловно. Но и чересчур жесткая организация, распределение творческого процесса «по часам» мне не очень нравится. Один весьма знаменитый физик и химик признался, что хорошие идеи появляются у него тогда, когда он валяется на диване, задрав ноги…

— Однако администратору это едва ли понятно. Вы суровый директор?

— Не знаю. Мне кажется, что я человек мягкий. И меня удивляет, когда мне говорят, что меня боятся. Как это сочетается, не могу объяснить. Думаю, что некие принципы я, видимо, соблюдаю. Для меня основной критерий в оценке работника — его добросовестность. Если человек хоть в чем-то проявил недобросовестность, он в моих глазах теряет все.

— И вы не можете простить ученику оплошность?

— Не оплошности — недобросовестности. Она непростительна. Знаете, наука вообще не могла бы развиваться, если бы ее работники исполняли свое дело нечестно. В научном поиске контроль часто неосуществим, поэтому здесь как нигде, мне кажется, дело основывается на великой добросовестности людей. И еще высокую цену в моих глазах имеет увлеченность человека процессом поиска. И те, кто сочетает в себе и то, и другое, — они-то и выводят нас на открытия, которыми мы живем. Но в исследовательском коллективе нужны и те, и другие. Не нужны халтурщики, лодыри, корыстолюбцы.

…Он казался хрупким. Среднего роста, сухощавый, без всякой, кажется, тяжести, удерживающей человека на земле. Да еще эти трогательные завитки уже изрядно поредевших волос… Его негромкий голос, деликатность, уважение к собеседнику как будто усиливали это внешнее впечатление хрупкости. Но стоило ему заговорить о Катализе, и вы видели перед собой человека сильной воли, ясных устремлений, концентрированной энергии.

Между прочим, в том же интервью корреспонденту газеты «Одесский политехник» (с которого начались эти заметки) Георгий Константинович рассказал, как увлекся катализом. Попала в руки книга о состоянии производства серной кислоты. Читали эту книгу с другом, «как верующие — библию». Сделали свои открытия, «не имеющие особой ценности для науки. Но возились мы с ними много… так я полюбил катализ».

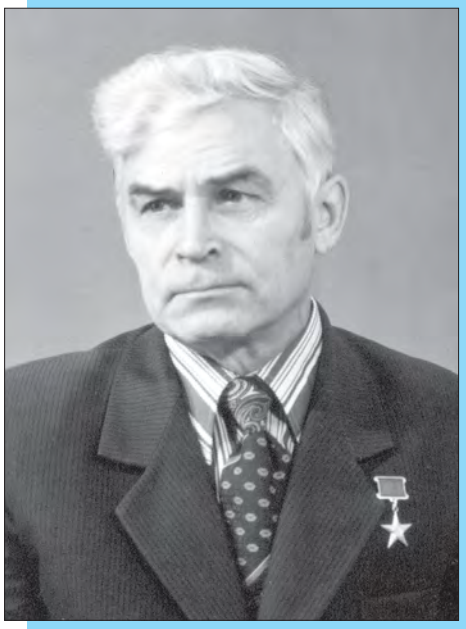
Просто, в сущности. Как и стать академиком. Всего лишь полюбить предмет своих исследований. И сохранять ему верность до последнего вздоха.

«Время существования на поверхности молекул… много больше времени реакции?» — выдержка из обычной школьной тетрадки с последними записями Георгия Константиновича. Тетрадка хранится в Мемориальной комнате академика Борескова, открывшейся к его 80-летию. В Институте его имени.

Третье поколение дирекции Института катализа не отрекается от прошлого. Напротив — опирается на полученное от прошлого наследство, сохраняя творческий потенциал в условиях общего кризиса страны и прокладывая свои, достойные пути развития в нелегкой, но честной игре действительно «рыночной экономики».

Осталось в науке «правило Борескова». И, пока живы его ученики, не забыты и его этические правила. Может быть, все-таки эти высокие качества наследуются?!

Замира ИБРАГИМОВА



На переднем крае

На углу улиц Дмитрия Донского и Дачной до сих пор возвышается длинный каменный забор с колючей проволокой, за ним глухие строения с темными окнами, с торчащими трубами. «На «оборонку» работают», — еще не так давно говорили об этом предприятии. А среди мальчишек ходили слухи, что там делают то ли ракеты, то ли атомную бомбу.

Действительно, Новосибирский завод полупроводниковых приборов, построенный в 1956 году (тогда он назывался «почтовый ящик 63»), работал главным образом на военную промышленность. Деятельность завода никогда не освещалась в средствах массовой информации; еще бы — ведь все сведения о нем шли под грифом «совершенно секретно», а его руководители были известны только в узких кругах. Несмотря на былую секретность, одного из директоров завода — Александра Ивановича Брыкина — в нашем городе се-

годня знают многие: рабочие, инженеры, директора самых разных заводов. Новосибирский полупроводниковый периодом своего бурного роста и развития обязан именно ему, проработавшему на этом предприятии почти тридцать лет — сначала главным инженером, а затем, с 1965-го по 1984-й директором. Александр Иванович известен и как генеральный директор целого объединения, в состав которого, кроме НЗПП, входили несколько заводов Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Но именно Новосибирский завод полупроводниковых приборов стал для него делом всей жизни.

Судьба будущего директора была самой обычной. Родился Александр Брыкин в 1920 году на станции Хилок Забайкальской железной дороги. Там и проходило его детство. Трудные тогда были времена — первые годы Советской республики. Чтобы хоть как-то помочь отцу-железнодорожнику прокормить семью, в которой было семеро детей (мать умерла в 1932 году), Александр, окончив среднюю школу, устроился диспетчером вагонного участка, а потом — инструктором местной многотиражки со звучным названием «Стахановское знамя». Твердость характера и упорство в достижении цели, унаследованные им от отца, строителя Транссиба, очень помогли ему в жизни.

Через год Александр решил, что надо все же получить серьезное образование, и отправился в Томск, где поступил на физмат педагогического института. Шел 1938 год. Именно здесь он познакомился с чудесной девушкой Александрой, которая училась на историческом факультете. Через год они стали мужем и женой.

Но быть им вместе — Александру и Александре — пришлось недолго. Ее, на год раньше окончившую учебу, отправили по распределению в Новосибирск преподавать историю в средней школе. Конечно, годик можно было бы как-то потерпеть друг без друга. Но началась Великая Отечественная и перекроила все планы людей на свой лад. Александру не дали нормально доучиться — ускоренный четвертый курс он окончил в декабре 41-го, и одновременно с дипломом о высшем образовании ему вручили повестку в военкомат. Через день наш герой уже надел военную форму, надел впервые и — как оказалось — надолго.

А там, в Новосибирске, осталась любимая, которая уже ждала ребенка и с которой он даже не успел попрощаться…

Узнав, что новобранец — преподаватель физики и математики и хорошо разбирается в технике, армейское начальство направило его курсантом в Тульское оружейно-техническое артиллерийское училище. Три с половиной месяца Александр постигал азы артиллерийского и оружейного дела и в апреле 1942 года, в числе 15 «отличников боевой и политической подготовки», был досрочно выпущен из училища в звании лейтенанта и направлен на Воронежский фронт.

Недавний студент, который еще полгода назад корпел над формулами и уравнениями, оказался в самой гуще военных событий. С первого и до последнего дня своей службы Александр постоянно находился на передовой, в дей-

ствующем стрелковом полку. Должность была такая — начальник артиллерийского снабжения, или, попросту, «боепитания», как говорили солдаты. Вовремя обеспечить орудия боеприпасами — вот основная задача. А где еще быть артиллерии, как не на переднем крае? Постоянно находиться под пулями, под бомбами и снарядами. Иной раз в такие переделки приходилось попадать!

— *Однажды целый полк оказался в окружении,* — рассказывает Александр Иванович. — *Было это на 4-м Украинском фронте. Вокруг — Карпатские горы, все позиции врагом заняты, все под прицелами гитлеровцев. Одна была ниточка, которая нас с полком связывала — расщелина, заросшая кустарником. Звонит командир полка и дает приказ любыми путями доставлять боеприпасы. Вдруг вспоминаю переход Суворова через Альпы, про который нам на лекции в училище рассказывали. Вьюки, думаю, вот что нам нужно! И вот берем мы двадцать пять лошадей, навьючиваем на них тяжеленные артиллерийские снаряды и, дождавшись ночи, через немецкие позиции прямиком к нашим! До них километра полтора было, а шли мы часов шесть. Только к утру до полка добрались. Задание было выполнено.*

В такие ситуации мы нередко попадали. Вот еще такой был случай — уже в Чехословакии. В полку тогда боеприпасы кончились, а единственная дорога к нашим позициям простреливалась немцами прямой наводкой — ни пройти, ни проехать. С лошадьми прорываться — верная смерть. Что делать? И вот тогда я выпросил у начальника артиллерии дивизии два трофейных «студебеккера», мы загрузили их снарядами «под завязку» и — по газам! Нас как увидели, так давай стрелять из всех орудий. Мчимся, как сейчас помню, по дороге на предельной скорости, а вокруг снаряды рвутся — то впереди, то сзади, сущий ад! Просто чудом каким-то тогда проскочили!

И так всю войну. Задачи ставили порой сложнейшие, и для их выполнения «начальнику боепитания» часто приходилось принимать неординарные решения, брать ответственность на себя.

Где только ни побывал Александр Иванович за время долгой и тяжелой войны, чего только ни повидал. Принимал участие в знаменитой Курской битве, был ранен под Белгородом, затем вместе с родной артиллерией освобождал Западную Украину, Польшу, Чехословакию, дошел до самой Германии. За свои ратные подвиги он получил не одну награду: орден Красной Звезды, три ордена Отечественной войны, различные медали. Войну окончил в Праге.

И отправиться бы ему после всех этих испытаний домой, к жене и сыну, которых за все это время так ни разу и не повидал, да не тут-то было. После победы над фашистской Германией полк направили на Украину, в Ровенскую область, где бесчинствовали бендеровские банды. Молодому капитану еще на полтора года пришлось отсрочить встречу с семьей. Время тянулось мучительно долго. Спасали только письма — сколько их было отправлено за годы войны!..

Демобилизовали Брыкина в октябре 46-го, в звании майора. В далеком Новосибирске, где никогда не рвались снаряды и не свистели пули (неужели

так бывает?), его ждал шестилетний сын Вовка, которого он видел только на потрепанных фотографических снимках, бережно хранимых в кармане гимнастерки, у самого сердца. И, конечно же, супруга, голос которой уже стал забываться… Можно только предполагать, какой оказалась их встреча, когда холодным осенним днем Александр спустился по тропке в пойму Ельцовки и, найдя дом, который снился ему почти каждую ночь, постучал в калитку…

Вернувшись к мирной жизни, Александр Иванович долго без дела не сидел. Очень скоро он устроился инженером на Новосибирский электровакуумный завод. Предприятие это располагалось раньше в Ленинграде и называлось «Светлана», но во время блокады было эвакуировано в столицу Сибири, подальше от боевых действий. Многие заводы в Новосибирске появились именно таким образом.

На «гражданке» работа Александра Ивановича тоже была связана с артиллерией — лаборатория, в которую его взяли, занималась секретной разработкой особопрочных сверхминиатюрных радиоламп для взрывателей снарядов зенитной артиллерии. Тем, кто не знает физики, конечно, не очень-то понятно, о чем идет речь, поэтому скажем лишь то, что применение этих устройств повысило эффективность зенитного огня раз в десять. В 1948 году радиолампы успешно прошли государственные испытания и были приняты на комплектацию нового вооружения в Советской Армии.

Теперь предстояло организовать серийное производство этих деталей — а для этого нужен был новый завод. И группе технологов во главе с А.И. Брыкиным поручили проектирование технологической части будущего завода (ныне — Новосибирского завода полупроводниковых приборов). Работа по строительству завода продолжалась не один год, и вот в 1955-м Александр Иванович, вернувшись из столицы, где окончил «на отлично» Московскую энергетическую академию, становится главным инженером нового завода.

Однако днем рождения завода принято считать 12 июля 1956 года — именно этим числом датирован приказ министра радиотехнической промышленности о введении предприятия в частичную эксплуатацию. Забот, конечно, хватало. Нужно было подбирать и готовить кадры, комплектовать завод оборудованием, осваивать технологию производства. Ответственность нешуточная — как-никак, работали на «оборонку».

В том же 1956 году завод посетил министр радиотехнической промышленности. Ознакомившись с предприятием, он вызвал А.И. Брыкина в Москву и поставил перед ним задачу: переориентировать завод на выпуск полупроводниковых приборов. Полупроводниковая электроника (микроэлектроника) была в те годы, пожалуй, самой молодой отраслью в СССР. Работы в этом направлении требовали самых серьезных познаний в области последних достижений науки. Но сложность нового дела только подстегивала интерес инженеров, которые взялись за него с небывалым энтузиазмом.

Однако не все тогда понимали важность новой, стремительно развивающейся отрасли. В совнархозе, например, считали, что НЗПП — предприятие

не самое нужное: выпускает какие-то полупроводники, которые непонятно кому и зачем нужны. И когда Совмин обязал новосибирцев наладить производство новых изделий, для чего потребовалось строительство особого конструкторского бюро, совнархоз просто не дал заводу денег. «Деньги, — объяснили чиновники, — нужны крупным заводам — «Сибсельмашу», «Чкаловскому». А вы там какие-то гвозди делаете… Подождете».

Госзаказ был сорван. А работников совнархоза, которые оказались виновными в этом, пришлось вызвать в Москву и популярно объяснить им, что такое микроэлектроника и какова ее роль в научно-техническом прогрессе. После этого случая на завод стали уже смотреть совсем по-другому. И самое главное — стали выделять деньги на его развитие.

А что же Александр Иванович? В 1965 году его назначают директором полупроводникового завода. Над предложением возглавить предприятие он долго не раздумывал, ведь это был его родной коллектив, да и строил этот завод он сам. Других кандидатур, в общем-то, не было: этот человек работал на заводе со дня основания и прекрасно разбирался в его «анатомии». Бесценный опыт принятия решений в самых сложных ситуациях, накопленный за долгие годы войны, оказался здесь как нельзя более кстати и очень пригодился в дальнейшей работе.

Не было на заводе человека, который не ценил бы Александра Ивановича Брыкина. Прекрасный специалист, он пользовался большим уважением. Поэтому новое назначение все восприняли одобрительно.

И не ошиблись в новом директоре: добрый и отзывчивый человек, он был в то же время очень требователен — как к себе, так и к подчиненным. Если что-то поручил — так уж будьте добры выполнить. Но, с другой стороны, невыполнимых заданий Александр Иванович никогда не давал. А жесткий контроль на таком предприятии просто необходим — иначе все развалится. Главное — к людям по-человечески относиться, уметь не только приказать, но и выслушать, понять, чего хотят другие, выбрать из нескольких вариантов решения проблемы один, наиболее разумный. И он, как никто другой, умел при-

нять правильное решение, взять ответственность на себя. Многие говорили про Александра Ивановича, что он — прирожденный руководитель. И это была чистая правда.

— *Большой у нас завод был,* — вспоминает Александр Иванович, — *тысяч восемь народу. Причем процентов семьдесят — женщины, они в основном монтажницами работали. А женщина — прежде всего мать. Вот и старались мы для своих работников как могли — и, я считаю, сделали мы для них немало. Детские сады и комбинаты строили, клубы, спорткомплексы, в восьми курортах корпуса свои поставили, чтобы заводчане лечиться могли. А еще два чудесных пионерских лагеря — «Солнечный мыс-1» и «Солнечный мыс-2». Зарплату наши работники очень приличную получали. Многие к нам устроиться хотели, но вакансий практически не было. Создав для людей хорошие условия работы, мы полностью устранили такое явление, как текучка кадров. А ведь чем дольше человек работает, тем он опытнее, тем ценнее его знания.*

Так что не только человек должен на завод работать, но и завод — на человека. Иначе невозможно.

И поэтому директор заботился не только о том, чтобы четко выполнить план, улучшить качество выпускаемой продукции и организовать эффективную работу предприятия, но и о самих людях, работавших рядом с ним, обо всех — от начальника цеха до рабочего.

Директором Александр Иванович проработал почти 20 лет. За эти годы завод постоянно наращивал свою мощь, росли объемы выпускаемой продукции. Работоспособность Александра Ивановича удивляла многих: его рабочий

день, начинавшийся ранним утром, заканчивался обычно поздно вечером. А в начале, когда завод только строился, до трех ночи засиживался в кабинете.

— *Не было у нас такого дела,* — вспоминает его сын Владимир, — *в котором он не принимал бы участия. Его интересовало буквально все, что происходило на заводе. Была в нем, например, этакая дизайнерская жилка. Когда строили детские лагеря, спорткомплекс, конференц-зал, отец принимал во всем этом живейшее участие — сам придумывал интерьеры зданий, давал дельные советы по их устройству — и ведь хорошо получалось, красиво. Вот, например, подвесные потолки он придумал делать, или панели стеновые, — а ведь тогда ничего подобного еще не применяли.*

Одно время наш завод, как, впрочем, и многие другие в те годы, освоил выпуск так называемых «товаров народного потребления» — в основном, бытовой техники: настольные лампы, часы, еще много чего. Так он и для этих вещей дизайн разрабатывал, даже названия для них придумывал. Так что и производство ТНП тоже находилось под его жестким контролем.

Сам Александр Иванович подтверждает, что, обеспечивая работу «на оборонку», он постоянно думал о расширении производства народных товаров, чтобы в случае сокращения оборонных заказов (что, собственно, и произошло позже) немедленно восполнить объемы производства за счет выпуска другой — «гражданской» продукции, сохранив тем самым ценные кадры и оборудование.

Все знали, что директор, помимо всего прочего, — настоящий меломан. Еще в детстве он самостоятельно освоил различные музыкальные инструменты — гитару, мандолину, балалайку. Но больше всего любил трубу — именно на ней он исполнял в студенческом ансамбле популярные джазовые и эстрадные номера. Дома у Александра Ивановича хранилась большая фонотека, которую он собирал сам: Вертинский, Шульженко, Утесов, Кобзон, много других исполнителей, — главным образом, эстрада. При этом к року, который многие воспринимали тогда в штыки, относился совершенно нормально. Както раз восторженный сын принес ему запись знаменитой рок-оперы «Иисус Христос — Суперзвезда». Прослушал от начала до конца. Понравилось. Даже переписал себе.

Увлечение директора музыкой во многом определило культурную жизнь НЗПП. При заводе появился вокально-инструментальный ансамбль «Ритм», где, кстати, на ударных играл сын Александра Ивановича, а также целый эстрадный оркестр, настоящий биг-бэнд.

— *Аппаратура благодаря отцу у нас была просто отличная,* — вспоминает Владимир, — *не каждый профессионал мог такой похвастаться. Мы, кстати, и сами разную музыкальную технику выпускали — флэнжеры, реверберираторы, «квакушки». Если куда-нибудь выезжали, на нас косились недоуменно: какой-то там завод непонятный, а с такими инструментами… А играли мы не только для своих, на смотры часто выезжали — городские, областные, районные. В воинских частях выступали, на разных предприятиях. Исполняли в ос-*

новном обработки русских народных песен, но «хитом» у нас была песня «Не расстанусь с комсомолом»…

Да и кроме музыки много чего было — несколько танцевальных коллективов, театр миниатюр. Не говоря уже о спорте. Своя хоккейная команда, очень даже неплохая, лыжники да фигуристы. Даже в мотобол умудрялись гонять. А в Усть-Алеусе соорудили базу охотников и рыболовов на 20 человек, с лодками, палатками и спортивным инвентарем. А еще на заводе выпускали собственную газету «Рабочее слово».

Да, коллектив завода был дружный, сплоченный — так говорят все, кто работал в те далекие годы на НЗПП. И дисциплина была, что называется, на уровне. Оно и понятно, ведь на завод пришло работать много фронтовиков, а это были люди особенные: дисциплинированные, ответственные, а главное — духовно закаленные. Многие из них занимали руководящие посты и на производстве, и в управлении завода, и в парторганизации.

В то время на каждом предприятии, помимо администрации, существовали общественные организации — партийная, комсомольская, профсоюзная.

— *У нас они работали в полном единодушии с администрацией,* — говорит Александр Иванович. — *К примеру, приходит из Москвы задание, я сразу собираю совещание. Техническому отделу говорю: необходимо сделать то-то и то-то. А общественников прошу обеспечить контроль и идеологическую поддержку.*

Так что проблем особых не возникало, и прежде всего — внутри коллектива. А если люди живут дружно, то и дело у них спорится. Завод с первых лет своего существования «держал марку» — продукцию здесь выпускали самого высокого качества. Раз в месяц проводили «день качества»: директор собирал всех руководителей для обсуждения упущений и недостатков в работе, решали, как их исправить.

— *Рекламаций у нас практически не было,* — говорит Александр Иванович, — *из миллиона деталей обычно рекламировались (браковались) одна-две, не больше. Не каждый завод даже сейчас может похвастаться таким высоким качеством продукции и таким низким процентом нарушения технологии.*

Что ж, наверно, недаром заводу присваивали почетные звания и награды. В 1966 году НЗПП награждают орденом Трудового Красного Знамени, а через девять лет — орденом Октябрьской Революции. В середине семидесятых присваивают звания предприятия высокой культуры и предприятия коммунистического труда. За многочисленные первые места в различных соревнованиях заводу вручены на вечное хранение целых четыре переходящих красных знамени.

Все эти лавры завод снискал за те двадцать лет, в течение которых им руководил Александр Иванович Брыкин. Его успехи на посту директора тоже оценили по достоинству: тремя орденами (Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени) и многими медалями. Добавьте к этому почет-

ные звания — лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, почетный работник электронной промышленности.

К сожалению, сейчас завод утратил былую мощь. Виной тому не люди — время. После развала СССР заказы оборонной промышленности резко сократились, — сократилось и число работников. И сейчас НЗПП совсем не тот, каким был еще лет десять назад. Но люди, построившие его, сделавшие завод в свое время крупнейшим предприятием отрасли, хранят память о его былой славе.

Александр Иванович даже написал вместе с нынешним директором Юлием Хроповым целую книгу о своем заводе, нечто среднее между летописью и энциклопедией. Увесистый том в красном переплете. Название предельно лаконично — «НЗПП». В этой книге — вся история завода, начиная с 1949 года, собранная по крупицам, в мельчайших подробностях: даты, цифры, лица.

Автор бережно хранит этот том, ведь в нем — его жизнь, его прошлое. Есть и другие книги — там собраны грамоты Александра Ивановича, вырезки из газет, поздравления от главка, мэра, губернатора, президента России и, конечно же, от бывших коллег. Одна из них, довольно солидной толщины, хранится сейчас в областном архиве.

А еще — несколько альбомов с черно-белыми фотоснимками. Бережно перелистывая толстые страницы, Александр Иванович рассказывает:

— Вот мои родители — еще дореволюционный снимок. Это — родственники разные. Вот Токио, Хиросима — наша делегация в Японии. А это я в Москве, на параде в честь 55-летия победы…

Память о тех славных днях живет не только в этих книгах и альбомах — она в сердцах всех тех, кто был к ней причастен, кто знает Александра Ивановича и его прежних коллег. Но бывший директор не привык жить одними воспоминаниями. Все последую щие годы после выхода на пенсию он активно занимается общественной работой, состоит в совете ветеранов, консультирует работников и своего завода, и других предприятий, общается с руководством района, города, области. Значит, он еще нужен людям, еще в строю…

Антон СУРНИН

Жизнь актрисы

Актриса Новосибирского ТЮЗа Зоя Федоровна Булгакова — живая легенда, одна из лучших травести советского театра для детей. Травести, кто не знает, — амплуа актрисы, исполняющей роли подростков.

Зоя Булгакова — сердце творческой жизни Новосибирского ТЮЗа 30-50-х годов. Здесь начался ее творческий путь. В театре, которому она отдала тридцать лет жизни, и где происходила в те годы частая смена его главных режиссеров, Булгакова фактически оставалась его единственной постоянной и счастливой величиной. Как актриса-травести она обладала редчайшей возможностью играть детей в возрасте 7-9 лет. Всего на сцене театра ею сыграно более 70 ролей.

Уже тогда, в тридцатые годы, ликующим шумом встречали мы свою любимую актрису — маленькую, прелестную Зою Булгакову. Она играет

мальчишек и девчонок. Зоя ростом мне едва до груди, но сложена она пропорционально, у нее хорошенькое лицо и звонкий детский голос. Но, главное, на сцене она естественна, как сама жизнь. Многие, даже очень хорошие актеры, казались рядом с ней искусственными: они играли, а она жила. Кто из школьников не знал ее? — так писал о ней в книге воспоминаний «Мои бессонные ночи» новосибирский писатель Илья Лавров.

…Зоя Булгакова родилась в Новониколаевске в 1914 году. Детство ее прошло на одной из окраинных улиц, где у них был собственный дом; там жили ее мать, отец и они — пятеро детей. Отец работал на извозе, держал свою лошадь. В детстве Зоя участвовала в домашних спектаклях, которые устраивал со своими сверстниками ее старший брат Николай, и одновременно мечтала стать цирковой наездницей. Но судьба ее определилась в 1930 году, когда в город приехали актеры Ленинградского ТЮЗа, которым было осуждено открыть здесь, в Новосибирске, первый детский театр Сибири, и вообще первый стационарный театр в городе. Войдя в спектакли театра в 1931 году, еще будучи студийкой театрально-производственной мастерской, она свяжет с ТЮЗом свою судьбу на целых три десятилетия.

Творческий рост и становление актрисы пришлись на те годы в истории советского театра для детей, которые принято считать его «золотым веком». Однако при всех своих достижениях этот театр был втиснут в каркас сталинской эпохи. Ставились пьесы советских драматургов, многие из которых сегодня забыты. Именно в таких пьесах и начинала свой творческий путь Зоя Булгакова.

Первые роли... Девочка-туркменка Эне-Гуль в пьесе Н. Шестакова, Эльза — «Чемодан Клауса Хильснера» Н. Курдюмова, Топси — «Хижина дяди Тома» А. Бруштейн, Ахмет — «Винтовка N 492116» А. Крона. Среди более поздних персонажей — Ефимчик, герой пьесы Б. Горбатова «Юность отцов» — «молодой боец коммуны номер раз», который видит «классовые сны» и во всем старается походить на взрослых. Или советский мальчик Саша Бутузов, увезенный в годы войны в Германию — герой пьесы С. Михалкова «Я хочу домой»… Актриса была искренна по отношению к своим героям: детство — часть жизни общества, и оно более бесхитростно в выражении его мыслей.

Эстетическое воспитание понималось в те годы прежде всего как воспитание гражданских чувств, нацеленность на готовность к самопожертвованию во имя советской Родины, на чувство долга и активное проявление классового сознания. Новосибирский ТЮЗ шел в общем потоке тюзовского движения в стране: иначе и быть не могло. Своеобразной декларацией идейно-политической линии театра стал спектакль «Как закалялась сталь» Н. Островского с участием Василия Макарова в главной роли.

Маленькой со звонким голосом Зоечке Булгаковой судьба и время уготовили особый путь. Зоя уверенно пошла своей тропинкой, пролегшей параллельно главной, героико-романтической линии театра. Ее героическое начало будет иным. Непосредственность, вера в предлагаемые обстоятельства роли и

всегдашняя готовность откликнуться на них всем строем своих чувств оказались у Булгаковой редчайшими качествами. Кажется, что природа специально оставила ей разноцветную эмоциональную палитру такой свежести и ясности, какие бывают только в детстве, чтобы напоминать зрителю о своем раннем-раннем утре, когда он вне всякой идеологии, а просто человек на живой земле.

В те годы актриса разговаривала на языке общечеловеческих ценностей, возможно, н е о с о з н а н н о отстаивая всей своей природой их свободное проявление. И Зое Булгаковой это удавалось в силу ее психофизических данных и возрастных особенностей юного зрителя. Особенно любимы стали современные герои Зои Булгаковой. Ведь они отвечали естественному и страстному желанию юных зрителей видеть себя на сцене. А актриса в силу своих природных данных могла решать эту сложную творческую задачу.

Первое десятилетие существования театра было отмечено и первой значительной победой не только в жизни актрисы, но и театра. В 1940 году в Москве проходил всесоюзный смотр ТЮЗов. В ту дальнюю поездку отправился и Новосибирский ТЮЗ. Впервые. Из Сибири в Москву. Везли сказку для детей «Снежная Королева» Е. Шварца, в которой Булгакова играла Герду (режиссер Д. Крамской) и «Как закалялась сталь» Н. Островского с Василием Макаровым в главной роли (режиссер Р. Суслович). Работы Булгаковой и Макарова были названы одними из лучших.

В 1936 году на улице Романова, 35 был построен дом. Сейчас его так и называют: «Старый актерский дом». Тогда в него вселились многие актеры не только ТЮЗа, но и «Красного факела». Существуют интересные воспоминания об этом доме, о том, кто там жил. Представим и мы, в какой обстановке

«Аул Гидже» Н. Шестакова. Слева направо: Эне Гуль – З. Булгакова, Тач Неяз – Н. Никитина. Первая большая роль на сцене ТЮЗа. 1931 г.

жила наша героиня, кто был ее соседями по дому, в котором она проживет почти всю свою жизнь.

«В том 1936 году в Новосибирск приехали в «Красный факел» около 20 актеров из Алма-Аты, Ташкента, Томска. Актерам давали 2-, 3-комнатные квартиры. Нужно сказать, что получить прекрасную квартиру для артистов того времени было событием. Ведь обычно у актеров, кроме пары чемоданов, больше ничего не было. Поэтому почти все актерские семьи были бездетными. Интересно, что через год, в 1938-м, около десяти актерских супружеских пар или ждали ребенка, или уже успели его родить. Так, ждали ребенка Елена Герасимовна Агаронова, жена Василия Макарова — Ася Березовская, Зоя Федоровна Булгакова, бывшая замужем за краснофакельским актером Виктором Подчасовым, режиссер Крамской и его молодая жена Надежда Лебедева — краснофакельская актриса, Клавдия Бесова — тоже краснофакельская актриса. Это был удивительный год!

И нужно сказать, что к семейной жизни, действительно, располагали прекрасные бытовые условия. Актеры не просто въехали в новые квартиры. Все квартиры были обставлены фешенебельной мебелью. На полах — ковры, на окнах — бархатные шторы, буфеты, письменные столы. Посуды и скатертей, правда, не было. Сейчас обычно кухни маленькие, а тогда кухни в трехкомнатных квартирах этого дома позволяли поставить там даже кровать. И многие актеры смогли принять домработниц, содержать их.

Из факельцев такие кухни были у Иловайского, Белоголовых, Северова. Домработницами обычно становились вырвавшиеся из деревни женщины, которых прописывали «по-блату» у знакомых в городе. Обычно они жили по году. Потом, получив паспорт, уходили.

Домработницу держала, например, и Валентина Баранова, одна из ведущих актрис «Факела» середины 30-х годов. Ее семья даже держала прачку, ей платили 25 рублей. Она приходила один раз в месяц и забирала вещи для стирки. Валя Баранова получала 105 рублей. Северов — ведущий актер — получал 100 рублей. Это считалось очень высокой ставкой. Домработница получала 50 рублей в месяц. Кроме того, ее одевали и кормили. Некоторые же домработницы задерживались в семье надолго. Так, в доме Северова домработница задержалась на 27 лет, и сын ее закончил к этому времени институт.

Жили тогда, как и многие граждане той советской эпохи, коллективно, сообща. Вместе трудились, вместе отдыхали. И не только в ТЮЗе. Старожилы помнят, как зимой многие актеры «Красного факела» в свой выходной понедельник в конце каждого месяца проводили вместе на городском катке — стадионе «Спартак». Лучше всех, как профессионал, катался Николай Федорович Михайлов в неизменном белом кашне… Любовь к спорту Зоя Федоровна пронесет на долгие годы. Лыжи, ходьба, лесные прогулки за грибами, плаванье — станут ее верными друзьями надолго.

Началась война. Осенью сорок первого в труппе театра остались только трое мужчин. Остальные ушли на фронт. А вскоре, оставив сцену своего

В роли Павла Морозова. 1952 г.

родного театра и свои собственные квартиры эвакуированным из Ленинграда театральным коллективам, свернув свой скарб и взяв детей, новосибирские актеры уехали в шахтерский городок Анжеро-Судженск.

В годы войны театр возглавил ученик Мейерхольда, режиссер Павел Владиславович Цетнерович. Новое художественное руководство не только сохранило ТЮЗ, но и творчески его вырастило. В те годы благодаря эвакуации коллектив театра пополнился новыми прекрасными актерами: Руфиной Виноградовой (жена Цетнеровича), Ирмой Эйдиновой, Ириной Слоновой, Анной Поповой из Второго МХАТа, Еленой Негиной — одной из старейших актрис русского театра, и ее талантливым сыном Михаилом Бибером.

В Анжеро-Судженске театр был единственным, поэтому ТЮЗ много стал играть для взрослых. В его репертуар пришли: «Парень из нашего города» и «Русские люди» К. Симонова, «Давным-давно» Ф. Гладкова, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Комедия ошибок» В. Шекспира. Зоя Булгакова играла в спектакле «Тимур и его команда» по А. Гайдару. Однажды после спектакля ей и Зейнаб Новик-Берендеевой, игравшей в этом спектакле роль Мишки Квакина, отъявленного хулигана, местные мальчишки преподнесли по огромной охапке черемши, лесной травы. Актрисы заметили, что это не цветы, а трава. А они: «Мы вас так любим! У нас нет цветов. Но мы хотим, чтобы вам было хорошо, чтобы вы были здоровы и не умерли! Возьмите, это очень полезная и вкусная трава». Зейнаб и Зоя взяли эти охапки… Здесь в Анжерке им обеим было суждено получить похоронки на своих мужей. Зое — на Виктора Подчасова, Зейнаб — на Николая Лалетина…

В 1945 году Зое Булгаковой, Василию Макарову и Павлу Цетнеровичу первыми в истории Новосибирского ТЮЗа присвоено почетное звание «Заслуженного артиста РСФСР».

Может быть, одна из тайн успеха Булгаковой и в том, что она никогда не рассматривала своих юных героев с высоты своего возраста. Она относилась и относится к растущему человеку как к равному. Нет, точнее — с удивлением, как к тайне. Это присутствует в ее взгляде и сегодня, когда она смотрит на проходящую мимо пятилетнюю девочку или восьмилетнего мальчика. Уважение и любопытство к детству не покидают ее до сих пор.

В те далекие годы, когда говорили или писали о Булгаковой, обязательно добавляли — «любимица детворы». И это было правдой: Зоя Федоровна

любила своего зрителя искренно и щедро. Она никогда не отказывалась ни от творческих встреч, ни от спектаклей, даже когда болела. Не раз ее больную с температурой больше 38, просили: «Зал полон. Все билеты проданы». И ее на машине привозили на спектакль, потом отвозили домой.

Отличительной особенностью творчества этого поколения актрис-травести была новизна стоящей перед ними задачи — создание образа ребенка на сцене нового театра — театра для детей. З.Ф. Булгакова оказалась не только чрезвычайно одаренной натурой, но и вдумчивым психологом. Она всегда стремилась к выявлению неповторимого в характере своих героев и больше всего боялась штампа в своей работе.

Спустя много лет актриса признавалась: *Я ужасно боялась узнать, прочесть, что мой герой похож на тех, кого я уже играла. Я стремилась выстраивать характер по жизненной правде. Обстоятельства, в которые попадает ребенок, — это и есть его характер. И я всегда искала отличительные черты своих героев. Мы в те годы стремились играть, как нас учили, по системе Станиславского…*

Зоя Булгакова в своем творчестве с особой силой утверждала те ценности, которые в официальной политике театра не являлись главными. Так, добродушием, приветливостью, доверчивостью она согревала образ Красной Шапочки. Бескорыстием, жалостью, состраданием, способностью к самопожертвованию щедро наделяла Герду. Самопожертвование во имя любви станет и главной чертой Снегурочки в пьесе А.Н. Островского. Эта роль будет единственной попыткой актрисы выйти за рамки своего амплуа, сыграть лирическую героиню на сцене родного театра.

Зоя Федоровна наполняла живым теплом своего сердца схемы-пьесы, схемы-характеры, которые часто встречались в ее творческой жизни. Актерская драматургия привносила в жизнь роли очень важный компонент — оценку всего, что окружало ее героев, как часть живого огромного мира.

В роли Красной Шапочки. 1937 г.

Очевидно, поэтому сама она больше всего любила играть в сказках — с их установкой на поэтический вымысел, игру фантазии.

Система причинно-следственных связей системы Станиславского для Булгаковой стала мостиком, трамплином, с которого она озорно устремлялась в стихию сказочной игры. Играя Конька-Горбунка в одноименной пьесе по сказке П. Ершова, Кота в сапогах в пьесе Л. Макарьева, Митиль в «Синей птице» М. Метерлинка, Зайку-Зазнайку в сказке С. Михалкова, Горе-Злосчастье в «Горя бояться — счастья не видать» и маленькую королеву в «Двенадцати месяцах» С. Маршака, она испытывала удовольствие и восхищение перед сказочными обстоятельствами пьесы (вплоть до мельчайших подробностей, как то: огромный размер какого-нибудь плода, растущего в сказочном лесу), на том же эмоциональном градусе, который свойственен ее юному зрителю.

Булгакова интонационно вводила зрителей в атмосферу сказки. Вносила свое личное отношение к происходящему в провисающей и тающей интонации, а в какие-то мгновения в лукавой отстраненности, словно из-под вислоухой маски Зайки-Зазнайки проглянуло лицо доброго и умудренного опытом человека.

Свое собственное детство актриса хорошо помнит. Помнит ясно дни, когда отец сажал их, детей, в телегу, запрягал лошадь, и они медленно ехали по заросшей травой и одуванчиками дороге в центр города. Это было событием. Помнит, как на Пасху сооружали им качели, и весь огромный душистый мир раскачивался у них над головой…

Эта удивительная маленькая женщина-ребенок и сегодня, в свои 89 лет, поражает всех, кто знает ее. При Новосибирской организации Союза театральных деятелей России она возглавляет секцию ветеранов сцены. Помогает доставать деньги нуждающимся, ездит к больным, устраивает одиноких в Дом милосердия, ходит на все мероприятия Дома актера, без устали стуча своими каблучками. Кто-то подметил, что Зоя Федоровна не ходит, бегает...

В 1999 году З.Ф. Булгакова награждена дипломом мэрии Новосибирска в области культуры за большой вклад в театральное искусство. В 2001 году ее имя внесено в Золотую книгу культуры Новосибирской области как лауреата областной премии «Честь и достоинство».

Галина ЖУРАВЛЕВА

Улица Власова

Павел Семенович Власов был переведен в Новосибирск, на Государственный союзный завод N250, ныне — НЗХК, в ноябре 1956 года. К тому времени у П.С. Власова уже имелся серьезный опыт в организации подобного производства и управлении им. Вначале на Челябинске-40, затем на заводе N 544 в Глазово.

В середине пятидесятых дух хрущевской «оттепели» уже витал в воздухе. То, прежнее время, когда любой человек был сырьем, винтиком в огромном механизме, рабочим материалом, о расходе и использовании которого никто не задумывался, отходило на второй план. Но именно тогда везде, на всех предприятиях как никогда была крепка прежняя жесткая трудовая дисциплина. Далекое время добротных вещей и добросовестного

труда! До сих пор ездят собранные в те годы «Победы» и «Волги», тикают наручные часы, работают пылесосы, холодильники — прямое доказательство того, что мы можем делать хорошо и надежно.

Во многом это пример четкой производственной дисциплины и строгого соблюдения технологии. Будет справедливо заметить, что самое ответственное военное производство в то время требовало от личности руководителя и ответственности, и преданности своему делу, и профессионализма — ошибаться было нельзя.

Девятнадцать с лишним лет П.С. Власов являлся директором Новосибирского завода химических концентратов — такое название, не отражающее сути производства совершенно, заводу дали в целях секретности. К тому времени, когда Павел Семенович пришел на предприятие, все было подготовлено для выпуска продукции, но технология уже отставала от требований времени, так как частично ее заимствовали с других родственных промышленных объектов. Основной период реконструкции завода и производства пришелся на годы работы Власова. Произошли серьезные изменения в технологии производства урана по всем, в том числе, и вспомогательным цехам. Эти изменения и явились базой для проведения реконструкции всего производства.

В первую очередь, следует назвать переход от ручного труда к механизации и автоматизации, который начался с 1956 года. Человек исключался из технологического процесса, что реально привело к исключению субъективных ошибок (так называемого «человеческого фактора») и облегчению труда, так как само производство являлось вредным из-за большого количества опыляющих и ручных операций.

В конечном итоге, производство перешло полностью на метод прокатного стана или полной автоматизации. Именно это называют ветераны-заводчане и нынешние специалисты основной заслугой Павла Семеновича.

Второе немаловажное достижение — организация литиевого производства на заводе. Так называемого производства «600». «Шестисоткой» — основным заданием государства, Павел Семенович не ограничился. Он настоял на организации технологии на базе «отвалов» — отходов основного литиевого производства для получения гражданской продукции. Так появилась технология получения чистейших солей и металлического лития, которые сегодня пользуются огромным спросом не только в России, но и на мировом рынке.

Строились новые цеха, вводились в строй новые технологические линии, но заслуги Павла Семеновича не только производственные — развитие социальной сферы в то время проходило с самым живейшим его участием. Изменилось и отношение к людям с приходом Павла Семеновича. На проходных рабочих перестали обыскивать — человек почувствовал к себе уважение. Разрешили курение на территории завода, в специально отведенных местах, что избавило курильщиков от необходимости прятаться по закоулкам, где могли быть вредные отходы.

У Власова имелась своя система, чтобы до тонкостей вникнуть в производство. Он в одиночку ходил по цехам, вникая в каждую мелочь, а потом уже встречался с начальниками цехов и обсуждал замеченные недостатки, выявлял насущные проблемы. Павел Семенович явился инициатором многих полезных дел в развитии культурно-бытовой сферы. Доходило до того, что приходилось любыми путями отстаивать начинания во благо трудящихся и жителей «Калининки». Нужно сказать, что Павел Семенович всегда был внимателен к молодежи. Для организации досуга родилась идея создания центра общения и отдыха молодежи. Когда утвердили проект, интересный и, в своем роде, уникальный, и когда началось строительство «Дворца вальсов» (нынешнего клуба «Отдых»), один из местных журналистов опубликовал в местной газете об этом восторженную заметку. На следующий день в «Правде» появилась разгромная статья, суть которой сводилась к тому, что в условиях нехватки жилья и школ строят дворцы. Но, вопреки распоряжению заморозить строительство, Власов настоял на своем, в такие моменты в нем просыпался упрямый уральский мужик. По его указанию изменили название объекта, обнесли строительство высоким забором и продолжали возводить дворец — своего рода торжество творческой инициативы над идеологическим мракобесием.

Были построены и бассейн «Нептун», и ледовый дворец спорта «Сибирь». Самое непосредственное участие Павел Семенович принимал в обсуждении вопросов строительства — что построить, где построить, как построить. Всем известный пансионат «Сосновка» не случайно появился в городской черте. Прежде подобные учреждения возводились за городом, но поправить свое здоровье трудящиеся в таких пансионатах могли только с отрывом от производства, что сказывалось на работе. «Сосновка», возникшая в зеленой зоне, но рядом с городом, решала целый комплекс проблем — люди, приехав

после работы, могли принять необходимые процедуры, восстановиться, то есть не выключались из производственного процесса. Эта плодотворная идея принадлежала П.С. Власову.

Свободное время Павел Семенович проводил с книгой. Но это не было праздным чтением, его вкусы были разнообразны: мемуары, историческая и популярная научно-техническая литература. На его столе всегда можно было заметить свежий номер журнала «Наука и жизнь». Супруга младшего сына Юрия, библиотекарь, старалась обеспечить Павла Семеновича свежими журналами. И вторая, более значимая часть досуга — рыбалка, увлечение давнишнее, с молодых лет. Это была целая система: рыбалка и зимняя и летняя — в любое время года. Власов уезжал вечером в пятницу и возвращался лишь в воскресенье вечером. Он всегда ездил рыбачить в Пичугово, что в Ордынском районе. Всем, кто хотя бы раз был там, непременно хотелось вернуться: тихая степь с пряным запахом травы, редкими, прохладными даже в зной грибными колками, речушка с заводью.

Иногда директор наведывался в дом отдыха «Сосновка», и все тогда с интересом ждали вечера, когда он вернется с рыбалки — вся рыба, которую поймает Павел Семенович, обязательно пойдет на огромный рыбный пирог для всех отдыхающих. И у всех был праздник, когда директор приезжал с хорошим уловом.

Его любили не только как руководителя, но, в первую очередь, как хорошего, душевного человека. И в то же время это был человек большой воли, который всегда по любым вопросам имел свое мнение и отстаивал его. Но при этом Павел Семенович не отказывался выслушать других и даже по каким-то вопросам спрашивал совета. Это был не авторитарный, а подлинно демократический стиль руководства. На диспетчерских совещаниях каждый высказывал собственное мнение, приводил свои доводы, и директор принимал решение, только выслушав всех. В период пуска особенно остро стояла проблема плавки урана — в то время очень тяжелый технологический процесс. На плавку обязательно приходил Павел Семенович. От-

ливки со сложными конфигурациями контролировались и принимались с очень высокими требованиями, не допускалось ни одного дефекта, трещины, раковины. Строго должны были соблюдаться физические свойства и химический состав. Вот, к примеру, производится плавка, получается «козел» (так в цехе называют брак при плавке), но никогда не было, чтобы директор сразу же, на месте, устроил разнос. Он спокойно поворачивается, спокойно уходит. Потом приглашает тех, кто производил плавку, в кабинет: какие у кого доводы, что было не так, где нарушилась технология. Будучи грамотным инженером он, выслушав по обыкновению всех, находил ошибки, и всегда верно.

Были серьезные планы у Павла Семеновича по «шестисотому» производству, литиевому, и он упорно занимался подготовкой почвы для такой работы. На пути стояло много трудностей и проблем, технология новая, и в том, что это производство все же запущено, огромная заслуга Власова. Он никогда не насаждал нервной обстановки в коллективе. Не было срыва срока. Производственный процесс был организован рационально, и все сделать успевали вовремя.

Когда в заводском доме культуры в день 45-летия предприятия на сцене появилась большая фотография П.С. Власова, то зал встал и аплодировал стоя — его ценили, уважали и любили все: грамотный образованный специалист, инженер с большой буквы.

В сентябре 1978 года тогда уже бывший, но принимавший постоянное участие в делах завода директор П.С. Власов опубликовал статью в заводской газете «Вперед»:

Наше предприятие — самое молодое из всех заводов подобного профиля в стране. Имея в виду это обстоятельство, предприятие, казалось бы, должно впитать при создании все достижения, имевшиеся на ранее построенных заводах. К сожалению, этого не было сделано.

Много усилий пришлось приложить коллективу для ликвидации проектных недостатков — как в технологии, так и в конструктивном оформлении технологического процесса. Была, например, ликвидирована кислотно-содовая схема обработки сырья, обуславливающая огромный расход химикатов, низкую производительность труда, занятость больших производственных площадей. Отходами производства наносился огромный вред окружающей природе. Новая технологическая схема резко снизила отрицательные факторы ранее существующей схемы, кроме того высвободилось около 10 тысяч квадратных метров производственных площадей.

Современные химико-металлургические процессы характерны непрерывностью действия, что снижает потребность в оборудовании, резко повышает производительность труда, облагораживает санитарное состояние рабочих мест…

Предприятие наше многоплановое, с очень большой номенклатурой. При освоении каждого вида производства коллектив завода прилагал немало усилий, работал творчески и добивался значительных успехов.

Тысячи тружеников предприятия связали свою жизнь и интересы с задачами производства, этими задачами жили и живут. Сейчас перед коллективом завода во всей полноте стоят новые задачи, не менее важные, чем прежде. Но и эти задачи будут успешно решены.

На секретном производстве нельзя обо всем писать. Все помнят те годы, когда существовало понятие «вероятный противник», но противник этот был вполне реальным и прислушивался к каждому оброненному слову. Нам же нужно понять не технологии, не название изделий, не подробности производства, но постараться заглянуть в глаза тогдашним героям Сибири. Нам видится то, что заключено между строк — забота о людях, боль от разлуки с родным заводом, желание что-то улучшить и вера в будущее, в то, что оно есть. Сегодня, на исходе 2003 года, последние строки этого по-деловому сухого, по-инженерски выверенного текста статьи остаются актуальными — завод развивается. Продолжаются дела, основа которых заложена была в годы директорства Власова.

Новосибирск стал для Павла Семеновича городом, которому он отдал большую и лучшую часть своей жизни. Новосибирск не мог бы называться столицей Сибири без людей, создававших его как промышленный центр, причем центр не только Западной Сибири. Без людей, трудившихся на поприще развития его экономики и производства, таких как П.С. Власов. Здесь он воплощал свои мечты и мечты поколения о будущем, том будущем, которого все ждали — с белоснежными сверкающими дворцами из стекла и бетона, с дворцами не для королевской семьи, а для семей трудовых. Но если сидеть сложа руки и ждать будущего, то оно не наступит никогда. Власов делал будущее сам — своей волей, своим умением, своей верой в человека, знания и труд.

Герой Социалистического труда, почетный житель Калининского района, отмеченный на своем жизненном пути самой большой наградой — уважением и любовью людей, скончался в Новосибирске в июне 1987 года.

Есть в Калининском районе Новосибирска, одном из самых красивых в городе, с Дворцом вальсов из сверкающего стекла, с ледовым стадионом, с бассейном, улица Электронная, есть Оптическая, есть Генераторная, есть даже улица Декоративная, но нет улицы Власова… Нет, а ведь нужна!

Егор ПЛИТЧЕНКО

Обретение высоты

В Заельцовском районе, на Линейном жилом массиве появилась новая улица. Постановлением мэрии города Новосибирска от 13.10.2000 года она названа именем Бориса Савельевича Галущака. Дом под номером «1» уже выстроен. Он обозначил и будущую улицу и ее внешний вид. Красивая и ухоженная будет улица. Ее украсят многоэтажные дома оригинальной архитектуры и современной планировки.

Вскоре после ухода из жизни Бориса Савельевича на административном здании заводоуправления Новосибирского приборостроительного завода, на доме, где живет его семья (стоквартирный дом), установлены мемориальные доски. Профессиональный лицей НПЗ и аудитория Сибирского независимого института носят его имя.

Редко кто из знатных жителей города удостоен такой памяти.

…Борис Савельевич Галущак родился 12 января 1934 года в городе Акмолинске Казахской ССР. Сейчас это столица республики Казахстан — город Астана.

Его отец, Савелий Кириллович, сначала работал водителем. Потом, благодаря личным качествам и упорной учебе, он стал быстро продвигаться по служебной лестнице и вырос до секретаря Акмолинского обкома партии. Но до этого высокого поста Савелий Кириллович шел долго, переменил много назначений, и семье его приходилось переезжать с места на место, нигде особенно не задерживаясь. Борис вынужден был учиться в нескольких школах, но от этого его настойчивое стремление к отличным оценкам только крепло. Ведь каждый раз в новой школе приходилось доказывать, что прежние оценки получены им заслуженно. Потом, во «взрослой» жизни, Борису Галущаку это придется доказывать часто…

Среднюю школу он окончил с отличием и в 1951 году уехал в Москву, поступать в институт. Тогда было время, когда молодежь рвалась в авиацию, и он поступил в Московский авиационно-технологический институт (МАТИ) на механический факультет. В 1956 году Борис Галущак на «отлично» защитил диплом и получил квалификацию инженера-механика по технологии самолетостроения. В престижном МАТИ в те годы училось много студентов, чьей рабочей и жизненной судьбой стала Сибирь, в частности Новосибирск, но об этом позже.

Окончив МАТИ, Борис Галущак по личной просьбе тоже был направлен в Новосибирск, на завод имени Чкалова, где начал трудовую деятельность в должности мастера штамповочно-заготовительного цеха.

По служебной лестнице на суперсовременном тогда заводе Борис Савельевич поднимался неторопливо, но поступательно: мастер, старший мастер, заместитель начальника цеха — каждую их этих ступеней он преодолевал за три года. Потом рост ускорился, и повышения стали происходить уже через два года — начальник цеха N 8, начальник цеха N 4, начальник цеха N 3.

— *Завод осваивал производство штурмовика «Су-24»,* — вспоминает ветеран завода имени Чкалова Борис Михайлович Бурков. — *Механический цех N 3, где изготавливали силовые элементы конструкции крыла, стал тормозить работу всего завода, хотя и работал в три смены. Очень сложной оказа-*

лась технология изготовления усиленных элементов крыла. Череда сменяющихся начальников цеха ни к чему не привела, пока руководить коллективом не поставили Бориса Савельевича Галущака. Постепенно цех начал входить в график сдачи продукции. Не берусь судить, какими своими качествами организатора сумел Борис Савельевич мобилизовать коллектив цеха на выполнение плана. Просто есть такой факт и все. А наши ветераны, вспоминая те дни, кроме фамилии Галущака, фамилий других начальников цеха и вспомнить не могут…

Двадцать восемь месяцев сумел он удерживать ровное выполнение планового задания. Мало того, постоянно находясь на производственных участках, внимательно выслушивал мнение рабочих об особенностях нового изделия, о том, что есть возможность улучшить или упростить технологию производства. А из цеха начальник шел к технологам, конструкторам, к высокому руководству. И обязательно добивался своего — внедрялись рационализаторские предложения, менялась организация труда, улучшалось качество изделия.

За освоение серийного производства «Су-24» (машина была вне конкуренции в мире, имела изменяющуюся геометрию крыла и большой запас живучести в бою) директор завода имени Чкалова Г.А. Ванаг получил звание Героя Социалистического Труда. Начальник цеха номер три Б.С. Галущак был награжден орденом Ленина. Ему тогда шел тридцать шестой год.

В 1971 году коммунисты завода избирают Бориса Савельевича заместителем секретаря партийного комитета завода. Это был шаг в ту сторону, где проверялось умение воздействовать на умы и сердца множества людей, составлявших костяк коллектива особо важного предприятия оборонной промышленности.

В должности заместителя секретаря партийной организации завода имени Чкалова Б.С. Галущак отработал девять с половиной месяцев. Много времени отдавал молодежи — комсомольцам завода очень нравился остроумный и энергичный партийный вожак. Он вел политграмоту так, что самые неусидчивые на занятиях сидели как приклеенные. А то мог «пришпорить» молодежь на какую-нибудь полезную работу в нерабочее время. И эта работа делалась в охотку, с песнями и шутками. Часто выступал со статьями во внутризаводской газете «Машиностроитель». Газета была умной и серьезной, за ней стояли партком и руководство завода, профсоюз и комсомол. Так что нелицеприятной критики в газете хватало. Но политическую направленность ее определяли грамотные аналитические статьи, на которых и держался авторитет газеты. Много раз материалы, вовремя опубликованные, ставили точку в конфликтах, без которых производства и не бывает. Газета выступала как окончательный и безапелляционный арбитр.

Кто же поддерживал парторга в трудные минуты выбора цели? Кто для Бориса Савельевича Галущака был авторитетом, к кому он обращался за последним, окончательным словом одобрения или отрицания во все годы своей жизни и деятельности?

Его родители, его семья, его друзья.

Именно с отцом он стал советоваться в самый, наверное, ответственный для его судьбы момент. Предстояло принять решение, связанное с неизвестным делом при неизмеримо высокой ответственности. Борису Савельевичу было предложено возглавить крупное, мощное и весьма значимое в оборонной промышленности предприятие: Новосибирский приборостроительный завод имени Ленина, НПЗ.

Отец ответил длинным письмом с убедительными доводами. Смысл же письма можно было выразить одной фразой: «Приступай, но оставайся самим собой».

17 октября 1972 года, отработав на заводе имени Чкалова 16 лет, Борис Савельевич приступил к новым обязанностям на новом производстве.

Новосибирский приборостроительный к моменту смены руководства переживал нелегкие времена. В том не было вины коллектива завода или его руководителей высшего, организующего эшелона. Сложилась объективная ситуация, при которой завод был перегружен. Время пришло такое, что старые, почти семьдесят лет действовавшие принципы работы, технологии производства, методы управления — все устарело. Зарубежные супостаты до бешеных оборотов раскрутили гонку вооружений. Дело дошло до того, что каждые три года по ту сторону «железного занавеса» производились все более совершенные приборы для наведения ракет, для ночного видения, для космической разведки. Чтобы сравнять шансы, нашим приборостроителям предстояло освоить массу принципиально новых технологий, переучить людей, смонтировать новое оборудование. Перечень всего того, что предстояло сделать,

составлял не одну страницу убористого машинописного текста.

Сделать все это можно было, но только при одном условии: тот, кто возьмется за осуществление сверхнапряженных планов, будет человеком, соотносящимся с реальным временем, понимающим, что проблемы не в расположении станочного парка, не в сортах стали и не в марках транзисторов, а внутри людей. Их надо было повернуть и нацелить, как поворачивают и нацеливают орудие, чтобы точно попасть в точку. Промах исключался. Даже один-единственный.

С уверенностью человека, сумевшего, как мне кажется, приоткрыть дверь в мир Галущака, — пишет в газете «Советская Сибирь 12 января 1994 года журналист Алексей Ляхов, — *могу сказать лишь одно: он нес в себе прямо-таки испепеляющую страсть к деятельности, умение жить взахлеб делом, которое стало его судьбой. Заряжать увлеченностью и упрямством своих сподвижников, которые начинали жить в постоянном преодолении самих себя. Перед этим галущаковским «зарядом», способным пробить любую остывшую, дремучую душу, не мог устоять никто — ни рабочий, ни министр…*

Галущак знал, именно знал, в чем его сила. Она была в его недюжинном уме, в его жестокой самодисциплине, в его всем открытой правде. Это была его правда, может быть, на данный момент далекая от истины, но его. Данной ему властью он эту правду утверждал. Ради той общей цели, для осуществления которой он получил власть.

Это выяснилось на первом же производственном совещании, когда Борис Савельевич был представлен руководителям цехов и отделов. Выслушав их оптимистические отчеты, он спокойно и ровно, по пунктам, вдребезги разнес отчетную красоту. Когда в лицо руководителей, по двадцать лет «оттрубившим» на НПЗ, полетели слова правды, они поняли, что надо или засучивать рукава, или сдавать пропуск. Среднего не предвиделось надолго.

— *У Бориса Савельевича,* — рассказывает Г.Я. Княжев, с которым Галущак учился в МАТИ, — *была редкостная черта характера. Я заметил это еще в институте. Он постоянно улыбался, излучал оптимизм. Это действовало на людей заразительно. И очень помогало ему при общении с людьми. Умел и любил шутить. Пройдется по цеху — то там, то здесь шутки, смех. Но между делом. За делом следил строго. Немедленно избавлялся от людей лицемерных, хитрых, лживых. И ему безразлично было — рабочий это или его заместитель. Пропуск на стол и до свидания! А для такого поступка крепкий характер надо иметь.*

Через год после того, как Борис Савельевич занял директорское кресло, завод пошел «в гору». Улучшилось качество текущих изделий, начали входить в серию новые образцы приборов. У рабочих повысилась заработная плата, ИТР стали получать премии. В тот период первейшее значение отдавали спецтехнике, а гражданская продукция вроде отошла в сторону. Б. С. Галущак, что называется, «вернул ее на прежнее место». И даже принял заказы на новые приборы гражданского назначения. У него вообще все отмечали острейшее

чутье на перспективу.

В этом неординарном человеке удачно сплавились чувство предвидения, интуиция, острое осознание значения малейших политических и хозяйственных поворотов — как в нашей стране, так и в мире. Не говоря уже о своем заводе. Здесь он мог сам создавать ситуацию, которую требовал немедленно разрешить. Это всегда служило катализатором производственного процесса.

— *То, что завод не только стал выполнять план, повысил качество изделий, но и самостоятельно стал добиваться заказов, подняло авторитет Бориса Савельевича,* — говорит ветеран Павел Дмитриевич Дунтау. — *В министерстве привыкли, что заводы под разными предлогами отказываются от сложных и трудновыполнимых заказов. А Новосибирский завод такие заказы брал и выполнял. У директора Галущака появился вес в министерстве, в Главке. Он знал всех директоров оборонных предприятий, многих смежников. Личным обаянием и умением вести трудный диалог он многого добивался даже от самых трудных начальников. Вообще, при всей его ненарочитой жесткости, когда касалось дела, он не терял головы. В том смысле, что не вел негативный разговор на публике. Он умел точно угадать, когда человек врет, а когда говорит правду. Все «разносы» он устраивал с глазу на глаз, без посторонних. Не любил спорщиков, но терпеливо вел с ними диалог. Спорщиков заставлял своей властью делать, что он скажет. Но бывало так, что спорящий оказывался прав. Тогда Борис Савельевич, не смущаясь, публично признавался в своей ошибке, и дело двигалось дальше.*

Все лично знавшие Б. С. Галущака специалисты завода в один голос заявляют, что его личной заслугой они считают огромное строительство, которое он начал и закончил. Стоящая на площади Калинина «книжка» (заводоуправление) и комплекс зданий далее по Красному проспекту строил он. Заводскую столовую позаботился открыть он. Для столовой подсобное хозяйство завел он. Реконструкцию Дворца культуры «Прогресс» провел он. Реконструкция многих цехов, строительство жилья, детских садов, базы отдыха на водохранилище и прочее, и прочее — все это связано с именем Бориса Савельевича.

— *Самый производительный период в жизни коллектива завода,* — говорит главный инженер НПЗ Владимир Яковлевич Рязанцев, двадцать лет проработавший на предприятии, — *пришелся как раз на «время Галущака» — с 1972 по 1985 годы. Был период, когда мы одновременно выпускали приборы двухсот наименований! Сегодня это невозможно представить. Все шло как бы само собой — перестраивались технологии, возникали новые производственные участки. Со всех концов Советского Союза к нам стекались заказы, даже очереди были. Завод ни в чем не испытывал недостатка, ни в станках, ни в подготовленных кадрах, ни в производственных мощностях. НПЗ, если говорить простым языком, был заводом законченного цикла. У нас имелось свое литейное производство, чем мало кто может похвастаться, были станки, которые мы сами сконструировали и изготовили, свои уникальные измерительные приборы. Смеж-*

ники поставляли нам, за редким исключением, только материалы и сырье. Все остальное мы делали сами. В то время, в той экономической системе, наше производство представляло просто идеальную структуру для выполнения той работы, которая была коллективу поручена.

Слова В.Я. Рязанцева подтверждаются цитатой из брошюры, посвященной памяти министра оборонной промышленности СССР Сергея Алексеевича Зверева. Стоит привести эту цитату полностью:

Характерен такой эпизод: освоение изделий в серийном производстве шло трудно, были сложности в изготовлении прицельных систем на заводе, где директором был Б.С. Галущак, хороший специалист и организатор. Сергей Алексеевич решил посетить этот завод, разобраться в его трудностях. Возвратившись в Министерство, он вызвал меня (главного конструктора А. Э. Нудельмана) для доклада о работе всей системы. Выслушав меня, Сергей Алексеевич стал рассказывать сам. Больше всего меня удивил его рассказ о состоянии дел на заводе у Б. С. Галущака. Похвалив директора, он сказал следующее: «Меня поразил большой, из около двухсот изделий, план, по которому завод работает. И я подумал: если бы мне предложили быть директором этого завода, то я вряд ли справился так, как справляется Галущак». В этом проявились характер министра, высоко оценившего работу директора, и понимание им трудностей завода.

Министр оборонной промышленности СССР С. А. Зверев тоже был личностью неординарной. Он с толком «тянул» колоссальную машину оборонной промышленности, до тонкостей разбирался в сложнейших технологиях наземного и космического комплексов. Получить от него такую оценку для

Бориса Савельевича значило не меньше правительственной награды.

5 ноября 1986 года произошли структурные изменения во всей стране. С этой даты должность Б. С. Галущака стала звучать весомее — генеральный директор производственного объединения «Новосибирский приборостроительный завод имени Ленина».

2 декабря 1985 года Борису Савельевичу Галущаку присуждена Государственная премия за работу в области создания специальной техники.

Но именно с этого периода началось то, что началось. Упали в количественном отношении заказы для Вооруженных сил СССР. Снизилось количество заказов для гражданских отраслей промышленности. Заказчики стали неприлично долго задерживать расчеты за поставленную продукцию. Постоянные гражданские партнеры, вместо приобретения новейших, модернизированных измерительных приборов, стали привозить на завод старые изделия и слезно просить об их ремонте.

Завод как раз добился прорыва в области разработки и освоения целой серии принципиально новых приборов, работающих на принципе преобразования оптического изображения в электронное, что позволило оснащать армию приборами ночного видения, ночными прицелами, тепловизорами. В этих изделиях был достигнут уровень мировых образцов. Однако необходимые исследования шли все медленнее, не хватало средств на продолжение этой нужной работы.

Имея заслуги перед городом и хорошие личные взаимоотношения с руководителями города и области, Борис Савельевич для поддержания жизнедеятельности завода обратился к ним за помощью.

Поддержку, и значительную, оказал тогдашний мэр Новосибирска Виктор Александрович Толоконский. В свое время завод ремонтировал и даже помогал городу строить школы. В знак признательности Б.С. Галущаку за это даже присвоено почетное звание «Отличник народного просвещения СССР».

Но все это были временные меры. Генеральный директор крупнейшего завода почти со столетней историей мотался по стране и выискивал заказы. Благодаря старым связям кое-что получалось. Но он с отчаянием понимал, что в хаосе и бессистемности нельзя работать стабильно. Завод начал терять прочность.

В 90-е годы Правительство разрешило торговлю оружием и снаряжением непосредственно производителям. Борис Савельевич возил образцы изделий своего завода на различные выставки и военные салоны многих стран. Потенциальные заказчики поражались цене и качеству русских приборов, но покупали мало.

Неужели придется падать с набранной высоты?

«Пикирующая оборонка» — так назвал Б.С. Галущак свою статью, опубликованную в газете «Советская Сибирь» 11 июня 1998 года. В ней он, в частности, писал: *Сегодня мы настолько отстали, что теперь либо действительно*

надо все покупать за рубежом, обрекая страну на сырьевой придаток, либо догонять впередушедших, как это мы уже неоднократно делали в своей истории. Однако теперь догонять придется долго, десятилетиями, но догонять…

Этими провидческими словами крупный хозяйственник государственного масштаба, талантливый организатор производства, умнейший человек, Борис Савельевич Галущак последний раз дал публичное напутствие тем, кто пойдет вслед за ним, предсказал, что их ждет впереди.

Его слова сегодня начинают сбываться. Промышленность подтягивается и готова уже не только догонять, но и соревноваться в некоторых областях искусства обеспечения современной армии. Но Бориса Савельевича уже нет с нами. 27 марта 1999 года сердце его не выдержало…

Для справки

Член КПСС с 1960 года. Правительственные награды — орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, Государственная премия СССР.

Почетное звание «Заслуженный машиностроитель РФ». Множество золотых и серебряных медалей ВДНХ СССР.

Вырастил и воспитал двух дочерей. Радовался внукам — Денису и Максиму.

Любил жареную картошку и рыбу. Любую и в любом виде. Любил собирать грибы и сам их готовил.

Как бы ни велика была занятость, на семейные праздники всегда приезжал с цветами и поздравлениями. Через пять минут уезжал. Дальше праздновали без него.

Обладал феноменальной памятью и знал основной рабочий костяк завода по именам.

Великолепно играл в преферанс.

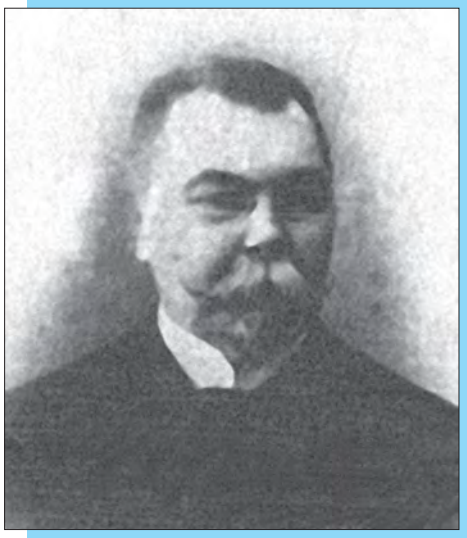
Очень любил книги. Собирал и читал их, когда удавалось.

Радовался, когда выпадала возможность побывать на даче.

Их квартиру Вера Ивановна, вдова Бориса Савельевича, превратила в настоящий музей Галущака.

Свой завод Борис Савельевич еще при жизни превратил в свой дом.

Владимир ДЕГТЯРЕВ



Из «сибирских американцев»

Удивительна судьба одного из старейших поселений Новосибирской области — города Бердска, в 2001 году отметившего свое 285-летие. В 50-х годах в связи со строительством Новосибирской ГЭС территория старого города попала в зону затопления, и под водами Обского моря оказался погребенным уникальнейший культурно-исторический слой. Сегодня только на неделю-другую, когда уровень воды в рукотворном море спадает, обнажается небольшой участок того, прежнего Бердска с очертаниями улиц, фундаментами старых построек, предметами навсегда ушедшей в прошлое жизни. Сибирской Атлантидой или Градом Китежем нередко называют Бердск журналисты, прежде всего, имея в виду его уникальную, почти трехвековую историю. А еще судьбы многих людей, оставивших в ней свой заметный след. Об одном из них — наш рассказ.

Долгое время считалось, что не сохранилось ни одной фотографии этого человека. Однако сегодня работники Бердского историко-худо-

жественного музея утверждают, что это не совсем так. В фондах музея можно увидеть чудом сохранившийся коллективный снимок работников гороховской мельницы, датированный 15 июня 1907 года. В центре его в большом овале, увитом траурными листьями, — изображение пожилого представительного мужчины с пышными усами и бородкой. Снимок в отличие от других без подписи: видимо, личность была всем хорошо знакома. Это единственная дошедшая до нас, правда, уже только посмертная, фотография известного сибирского купца и благотворителя.

Уроженец Восточной Сибири, Владимир Александрович Горохов окончил полный курс Иркутской гимназии и в 1882 году перебрался в Томск. Примерно к этому времени или чуть позднее относится появление Горохова в Бердске.

Новый этап в развитии Бердска наступил в конце XIX — начале XX веков, когда по Транссибу хлынул поток переселенцев из европейской части России. Конечно, рядом уже набирал мощь молодой Ново-Николаевск, и Бердск, казалось, потерял всякую возможность стать торгово-административным центром Приобья. Однако сразу переломить ситуацию юный город-соперник был еще не в силах, и в это время Бердск разрастался. Местные жители занимались в основном земледелием, скотоводством, извозом, ремесленничеством и торговлей. В поселке находилась торговая пристань, оборот которой иной раз превосходил даже Новониколаевскую, действовали две ярмарки. Летняя, Ивановская, с оборотом в 8-10 тыс. рублей, предлагала товары мануфактуры. Вторая, Михайловская ярмарка, начиналась с 8 ноября и растягивалась на две-три недели. Здесь было настоящее изобилие товаров сельского хозяйства: свинина, масло, кожи, сало, мыло, хлеб и прочее. Кроме того, еженедельно по пятницам и субботам устраивались базары, на которые приезжали не только жители окрестных деревень, но и новониколаевцы, так как цены на «харчевые припасы» были на местных рынках вдвое ниже.

Всего в поселке работало 36 магазинов и лавок: пять магазинов торговали бакалейными товарами, шесть — мануфактурой, шесть — галантерейными товарами, пять — посудой, три — чаем и сахаром, один — скобяными товарами. Были два магазина по продаже золота и серебра, а две лавки торговали даже велосипедами и граммофонами! Помимо того, в самом Бердске находились две пимокатных мастерских, два мыловаренных завода, три мельницы и три скотобойни.

Основную массу населения Бердска составляли крестьяне, но наблюдался постоянный рост так называемых городских сословий. В 1908 году здесь проживало 87 купцов, 13 дворян, 16 почетных граждан, 95 мещан. Многие бердчане были известными предпринимателями: семья Барабашкиных и М.Е. Губкин содержали пимокатные мастерские, Я.И. Бурдин, Е. Акомшилов и И.Д. Светлолобов были скотопромышленниками и торговцами. Продавали бакалейные, мануфактурные, галантерейные товары, чай, сахар, посуду С.Я. Вагин, Н.Н. Полферов, Н.А. Калинин, Г.Д. и Ф.Д. Маштаковы. Маштаковы и Н.Н. Машинский торговали золотом и серебряными изделиями. П.С. Софронов вла-

дел мыловаренным заводом, И.В. Купцов, Л.Н. Шишкин и В.А. Горохов были крупнейшими хлеботорговцами.

Мельница купца Горохова в Томской губернии считалась одним из ведущих предприятий по производству муки. Это была настоящая фабрика по переработке зерна. В сутки она молола до 5,5 тысяч пудов пшеницы (почти 90 тонн), вырабатывая муку нескольких сортов: крупчатку, манку, сеянку, первач, барнаулку. Естественно, маломощные мельницы, так называемые «мутовки», не могли выдержать конкурентной борьбы с таким гигантом. Бердские мукомолы славились своим мастерством на всю Сибирь, были они известны и в Европе, где неоднократно завоевывали на выставках медали. В 1909 году на первой Всероссийской выставке Бердское мукомольное предприятие получило малую золотую медаль Министерства торговли и промышленности. Были налажены торговые связи с заграницей. Так, коренной бердчанин Владимир Николаевич Шарнин в своих воспоминаниях отмечал:

Мой отец, Николай Гаврилович, работал у купца Горохова грузчиком. Он рассказывал, как ездил в составе Карской экспедиции с гороховской мукой и зерном, которые были погружены в трюм огромной баржи. Баржу тянул буксирный пароход. Караван отчалил от зернового склада и поплыл вниз по течению Оби, через Обскую губу вышел в Карское море. Здесь экспедиция встретилась с английскими судами: причалили, произвели перегрузку и обмен на английские товары.

В воспоминаниях другого жителя Бердска Владимира Ивановича Хомутова, отмеченных обстоятельной подробностью, читаем: *Гороховская мука пользовалась большой славой как в России, так и за рубежом. Импортная мука выпускалась затаренной в мешки-«пудовички» со штампом «Гороховская мука нолевка», была еще и «двухнолевка». Управляющим мельницы был В.Н. Утемов, крупчатником — Е.Д. Щербаков. Специалисты по плотине — братья Лопаревы. Рабочий поселок при мельнице был застроен добротными двух- и четырехквартирными домами, крытыми железом, с надворными постройками для домашнего скота и птицы. Все жители мельничного городка жили справно. К праздникам — Новому году, Рождеству, Пасхе получали от Горохова через управляющих подарки: муку, телочек, поросят и др.*

Практически во всех изданиях, посвященных истории Бердска и написанных в основном в советский период, купец Горохов и его семья представлены, цитируем, «деятельными, хищными эксплуататорами, умело маскировавшими себя под народных благодетелей». Но так ли это было на самом деле? Попробуем ответить на этот непростой вопрос и хотя бы отчасти восстановить историческую справедливость.

Дошедшие до нас воспоминания очевидцев событий конца XIX — начала XX века создают однозначно положительный образ купцов Гороховых. Даже автор традиционного исторического очерка советских времен «Город на Берди» А. Федотов признает: «Купив у вдовы Васильевой захудалую мелешку, предприимчивый купец сумел так поставить дело, что через 15 лет стал одним из богатейших людей губернии». *Сумел поставить дело* — вот слова,

являющиеся ключевыми в оценке деятельности и купцов Гороховых, и всего нарождающегося класса русских капиталистов. «Захудалая меленка», наверняка, не по щучьему велению превратилась в настоящую фабрику мукомольного производства. Она прежде всего была толково и основательно переоборудована. Плотина мельницы была поставлена очень удачно: каменная порфиритовая гряда проходила в этом месте поперек русла реки, образуя порог. На таком природном фундаменте установили «свинки», на которых держались балки. От балок спускались на дно затворы, запруживающие воду. Деревянная плотина во время ледохода свозилась на берег, а потом легко собиралась.

Мельница была оборудована вальцевыми станками, не уступавшими по своим качествам лучшим системам австрийских и французских аналогов, паровым двигателем фирмы «Братья Бромлей». Здание мельницы освещалось электричеством. При мельнице имелись помещение для рабочих, аптека, интернат, школа, библиотека. *Рядом со складами был выстроен деревянный, из бруса, Гороховский народный дом с двумя залами. Один — под библиотеку, другой — под зрительный зал со сценой, гримерной, костюмерно-реквизитной. Последний*

вмещал до 250 зрителей. На коньке здания народного дома была установлена вывеска аршинными деревянными буквами на металлической сетке — «Крестьянская бесплатная библиотека». Руководили народным домом артисты, супруги Ленские. Рядом с народным домом, разделенная Обским переулком, находилась двухэтажная Гороховская ремесленная школа. На первом этаже школы был машинный зал с двигателем польской фирмы «Урсус» мощностью до 20 лошадиных сил. Он вращал трансмиссию, от нее, через ременные передачи, приводились в движение токарные, сверлильные, строгальные и фрезерные станки. В этом же цехе стояли три длинных слесарных верстака с выдвижными ящиками для инструментов. Из механического вела дверь в жестяной цех. Здесь стояли верстаки для изготовления изделий из кровельного железа: ведер, масленок, труб и т.д. На втором этаже школы размещались два класса и учительская комната. В ограде школы, немного поодаль, были выстроены слесарный цех и высокая кузница из кирпича. В кузнице были четыре горна, дутье которых осуществлялось кожаными мехами или вручную. Школа готовила специалистов для работы на мельнице и буксирных пароходах /Из воспоминаний В.И. Хомутова, хранящихся в Бердском историко-художественном музее/.

Помимо ремесленной школы, в Бердске имелось смешанное двухклассное училище, попечителем которого являлась супруга купца А.И. Горохова. В первое десятилетие XX века удалось в лучшую сторону переломить ситуацию и с медицинским обслуживанием населения. Кроме кумысного заведения для лечения туберкулезных больных и летней детской колонии (летом здесь отдыхали и лечились ослабленные дети), содержавшихся на средства Горохова, в селе появилась больница. На мельнице Горохова был свой медпункт, где врач И.И. Березин бесплатно обслуживал работников.

Кроме производства муки всех сортов, купец Горохов вел обширую торговлю, имел свой буксирный пароход под названием «Мельник», десятки барж и складов в 16 городах Сибири. Контора его находилась в Томске, в собственном доме на берегу реки Томи. Отделения — в Иркутске, Красноярске, Енисейске, Ново-Николаевске. Горохов делал все возможное для того, чтобы дела его торгового дома шли успешно. Закупал новое оборудование, приглашал заграничных специалистов, привлекал к работе на мельнице опытных мастеров мукомольного дела, печатал обширные рекламы в «Торгово-промышленных календарях». В «Путеводителе по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России», изданном еще в 1895 году, буквально на первых страницах книги можно увидеть рекламу следующего содержания: *Паровая механическая мельница В.А. Горохова в поселке Бердске Барнаульского округа. Торговля крупчатой и разного сорта мукой оптом и в розницу. Собственное производство в г. Томске на углу Почтамтской и Соборской улиц. Сообщение с Бердском летом — пароходом. В поселке — телеграф и почтовая станция.*

Купец, поставивший дело на широкую ногу, очень хотел, чтобы его сыновья не потеряли вкус к предпринимательству и продолжили дело всей его жизни. Старший сын Александр, вернувшись из-за границы, где он получил

инженерное образование, предложил отцу построить электрическую подвесную канатную дорогу от складов к пристани. Строительством руководили приглашенные немецкие инженеры. От села Бердска в сосновом бору прорубили просеку, стальной трос толщиной в руку натягивали всем миром. 54 подвесные вагонетки доставляли на мельницу зерно, обратным ходом везли крупчатку. Расстояние в четыре версты вагонетки проходили за 20 минут. Есть свидетельства, что пустили канатную дорогу в 1908 году, уже после смерти В.А. Горохова, поскольку он, принципиально не возражая против новшества, беспокоился о двухстах возчиках, которые могли остаться без работы.

Такова в самых общих чертах история семейного дела купцов Гороховых, которые, и этот факт сегодня ни у кого не вызывает сомнений, внесли немалый вклад в экономическое и культурное развитие Бердска. В селе накануне революционных потрясений существовали два волостных училища, библиотека, где были записаны 350 читателей, а в фонде насчитывалось более четырех тысяч книг, выписывалось 17 газет и журналов. В Бердске, между прочим, было построено девять каменных одноэтажных и двухэтажных особняков, базарная площадь и часть главной улицы вымощены булыжником. У казенных присутственных мест светили керосиновые фонари. Не всякий город мог похвалиться такими удобствами. Культурно-бытовые условия жизни бердчан постепенно улучшались. Всю культурную работу в поселке вело организованное по инициативе Горохова сельскохозяйственное общество, состоявшее из нескольких человек, пользовавшихся у жителей большим авторитетом.

В Санкт-Петербургском отделении архива Российской академии наук хранится описание Бердска, сделанное членом экскурсии от общества изучения Сибири Анной Абрамовной Мерти. В 1911 году она, в частности, писала: «Вообще село производит очень приятное впечатление, общее довольство видно всюду, крестьяне очень трудолюбивые, начинают работу с 4-х часов утра и заканчивают день в 10 часов вечера... я была целый месяц и не видела ни одного нищего».

С установлением в Сибири советской власти Гороховы не бежали, как многие другие, за границу. Владевший тогда мельницей сын Горохова пришел и положил ключи на стол, сказав рабочим: «Товарищи рабочие, командуйте сами». Его просили остаться, но он отказался: «Мало ли что может случиться. Если что-то сломается, вы обвините меня как злоумышленника». Целую неделю ключи лежали на столе, потом назначили управляющего из числа рабочих. Известно, что впоследствии Александр Горохов преподавал в Томском университете, репрессиям не подвергался.

Сегодня пришло время осмыслить такой феномен, как сибирские предприниматели конца XIX — начала XX веков. К изучению их облика историки приступили совсем недавно. А до этого долгое время сибирские купцы и промышленники представлялись лишь как беспощадные угнетатели, приобретшие свой капитал разбоем и грабежом. Как, например, в романе В. Шишкова «Угрюм-река», главный герой которого Прохор Громов при всей его противоречивости тем не менее привлекает огромной энергией и предприимчивос-

тью. Мнение о «диком», «чумазом», «разбойном» сибирском капитализме было весьма распространено и среди современников. В 1881 году один из лидеров областничества, известный ученый и общественный деятель Н.М. Ядринцев писал, что в Сибири «гуж, кнут и обух составляют едва ли не единственное орудие происхождения капитала». По словам К.М. Станюковича, биографии многих «сибирских американцев» были столь же темны, как сибирская тайга. В начале XX века иркутская газета «Молодая Сибирь» писала: «Сибирский капитал нищ, убог и малообразован. В культурных методах накопления почти невежда».

Но постепенно стал формироваться тип потомственного предпринимателя, получившего хорошее образование, сочетавшего деловой размах с широким общественным кругозором. Ярким выражением изменений к лучшему в облике сибирских предпринимателей стало их растущее участие в благотворительной деятельности — улучшении жизни рабочих, помощи бедным, строительстве школ, больниц, поддержке культурных начинаний. Не лишним будет подчеркнуть, что правительство дореволюционной России всячески поощряло благотворительность состоятельных людей. Наиболее активные из них награждались медалями, им присваивалось звание почетных граждан, преподавалось архиерейское благословение и т.д. Все наиболее крупные благотворительные акции получали отражение на страницах центральной и местной периодической печати, служили общественным примером. И надо сказать, частные пожертвования на благотворительность были в Сибири традиционно выше, чем соответствующие государственные расходы на эти цели.

Владимир Александрович Горохов являлся активным участником губернской общественно-политической жизни. В частности, известно, что в августе 1905 года он как представитель от Бердска присутствовал на съезде Сибирского областного союза в Томске, выступавшего за предоставление региону автономии во главе с областной думой. Спустя несколько месяцев известный предприниматель принял участие в создании Томской кадетской организации. Эти факты, конечно, требуют еще дополнительного исследования и оценки, одно можно сказать определенно: мыслящий деятель не мог оставаться в стороне от тех революционных процессов, которые происходили в России начала XX века.

В новом веке, однако, пожить не пришлось, В.А. Горохов умер совсем еще не старым человеком, в возрасте 58 лет.

17 апреля 1907 года в газете «Сибирь» появилась небольшая заметка, в которой сообщалось, что «8 апреля в Москве после тяжелой болезни скончался известный сибирский коммерсант и крупный жертвователь на просветительские и общекультурные надобности — Владимир Александрович Горохов». Сначала тело было погребено на Ваганьковском кладбище столицы, но некоторое время спустя родственники исполнили последнюю волю покойного, перенеся прах в Бердск. У стен местной Сретенской церкви в могиле с часовенкой дивной красоты знаменитый сибирский купец нашел свой последний приют. Отдавая предсмертное распоряжение, думается, он совершенно искренне полагал, что всей жизнью своей заслужил быть упокоенным именно в бердской земле.

Что случилось позже, мы все хорошо знаем… И в самом страшном сне, наверно, купец первой гильдии Владимир Александрович Горохов не смог бы представить то, что произошло буквально через десять лет после его кончины и с Россией, и с Бердском, столь им любимым. Угар братоубийственной гражданской войны, короткая передышка НЭПа, раскулачивание, борьба с религией… В Сретенской церкви открыли клуб, а могилу купца-благодетеля с разрешения властей вскрыли: кто-то пустил слух, что в гроб к умершему положили массивный золотой крест. В местной районной газете «Ленинский путь» смаковались подробности произведенной «ревизии» последней «резиденции» именитого купца: «Четыре спортсмена сельхозтехникума осторожно спустились по лестнице. В просторной могиле — темно и сыро. Осветили дубовый гроб лучом фонарика, с трудом приподняли тяжелую крышку, и развеялся неизвестно кем созданный миф: никаких признаков благородного металла! Один лишь тленный прах купца…»

Что тут сказать? Осквернение могил на Руси всегда считалось тяжким грехом…

Миновали суровые годы Великой Отечественной, с которой каждый четвертый житель Бердска не вернулся. И в середине 50-х старый город укрыли волны Обского моря. Веление времени, мощно развернувшееся строительство Новосибирской ГЭС… Все старые постройки, в том числе многие гороховские, разбирались и перевозились на новое место, потом еще долго служили людям. А что касается могил… Могилу борцов за власть Советов перенесли в самый центр нового города. А вот про купца Горохова как-то забыли, вернее, в то время его официально принято было считать «мироедом» и «эксплуататором», а таким, как известно, не место в памяти народной.

Время все расставило по своим местам. Сегодня мы уже знаем, что зачастую скандальная слава многих купцов и предпринимателей определялась свойствами массовой психологии. Людям проще было объяснить превращение ямщика в купца-богатея счастливым случаем или злодейством, чем признать превосходство личных качеств человека — сметки и организационного дара. Все это в полной мере относится к личности Владимира Александровича Горохова.

Образное выражение «сибирский американец» верно лишь отчасти: за сравнительно короткий отрезок времени человек сумел «поставить дело», заработать немалый капитал. А вот то, что успешный коммерсант считал своим долгом значительные средства направлять на общественные, просветительские и культурные нужды, занимался этим до последних дней жизни и детям завещал… Это уже называется по-другому, без кавычек. Купец Горохов на самом деле был настоящим патриотом и гражданином своей родины. Возможно, это звучит на чей-то вкус чересчур пафосно, но не будем экономить высокие слова, возвращая человеку его доброе имя.

Ирина НЕКРАСОВА

Феномен Деревянко

Ректор НГУ, генеральный директор Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской Академии наук (с 2000 года — директор Института археологии и этнографии СО РАН), автор около 80 монографий и более 650 научных статей (причем 16 монографий и более 100 статей изданы на 14 языках), кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Почета, лауреат Государственной премии РФ, председатель Российского археологического общества, почетный член ряда зарубежных академий и археологических обществ… Все это строчки «послужного списка» академика Анатолия Пантелеевича Деревянко.

Примечательно, что насыщенную открытиями и научными свершениями судьбу будущего академика в какой-то степени определил его величество случай. Судите сами.

Анатолий родился 9 января 1943 года в селе Козьмо-Демьяновка Тамбовского района Амурской области. Сказать, что его родители, Пантелей Алексеевич и Евдокия Семеновна, прожили трудную жизнь, значит, сказать очень мало. В 1918 году шестилетний Пантелей остался сиротой и два года жил милостыней, будучи поводырем слепого старца. Однажды, когда они заходили в какую-то деревню, старец упал и умер прямо на дороге. В мешочке у него нашлись документы на фамилию Деревянко, которую и присвоили Пантелею. После этого он 12 лет батрачил, а в 1932 году вступил в колхоз.

Евдокия Семеновна происходила из семьи середняков, и отец ее погиб в 1937 году. Надо ли объяснять, что у старших Деревянко все образование состояло из полутора классов церковно-приходской школы на двоих. Однако трое их сыновей не только получили высшее образование, но и многого достигли. Старший стал инженером и организатором крупного производства; средний — профессором, доктором исторических наук; младший, Анатолий, поступил в педагогический институт Благовещенска на историко-филологический факультет. Он с детства интересовался литературой, историей, еще в школе писал небольшие рассказики и даже публиковался в местной газете. Об археологии имел довольно смутное представление. И вот однажды…

Первое мое знакомство с А.П. Окладниковым состоялось в 1961 году. Многие поколения студентов Благовещенского пединститута мечтали попасть в экспедиции к известному ученому, но его маршруты проходили в основном по территории Хабаровского края и Приморья. Хорошо помню тот день, когда нас — троих студентов — пригласили в комитет комсомола и спросили, хотим ли мы работать в археологической экспедиции. Борис Сапунов, Лева Гудков и я сразу же дали свое согласие, а затем с нетерпением стали ждать приезда А. П. Окладникова в Благовещенск. И вот 2 сентября нас пригласили в кабинет директора краеведческого музея. Сумрачная небольшая комната, выходящая окнами в сквер, заросший кленами и тополями. За столом сидят двое: приветливая женщина — спутник Алексея Павловича по многим экспедициям — Нина Николаевна Забелина и тогда еще совсем молодой ученый — Виталий Епифанович Ларичев, уже хорошо знакомый нам по своим работам. Сам же Окладников отдыхал здесь же, на диване, укрывшись спальным мешком. Когда мы вошли, он быстро встал, тепло поздоровался с каждым, и началась беседа.

Алексей Павлович расспрашивал нас, хорошо ли мы знаем область, где удалось побывать, чем интересуемся. Для нас это была первая в жизни встреча с известным ученым, о котором среди студентов ходили легенды. Но он умел так заинтересованно слушать своих собеседников, был таким доброжелательным и простым в обращении, что наша робость улетучилась сама собой, и вскоре мы уже на равных участвовали в обсуждении дальнейших планов экспедиционных работ…

Так вспоминает Анатолий Пантелеевич свой «счастливый случай».

Именно эта экспедиция стала переломным этапом в жизни молодого человека, определила его дальнейшую жизнь. Археология приворожила навсегда еще первым экспедиционным утром. Звенящая тишина, необыкновенной красоты рассвет, городище раннего средневековья, история, полная тайн и загадок, которые предстоит разгадать…

Все последующие годы его жизни связаны с экспедицией А. П. Окладникова. И с первых же лет в науке ученого отличают творческий подход к делу, вдумчивое отношение к материалу и блестящие организаторские способности. В 1963 году Анатолий проводит первые самостоятельные раскопки на неолитическом поселении Новопетровка. На основании изучения материалов этого памятника он выделяет ранее неизвестную на Среднем Амуре археологическую культуру, названную *новопетровской культурой пластин*. Следует подчеркнуть, что именно эпоха каменного века в истории человечества изначально привлекала Деревянко. И сегодня главными в его научном поиске остаются проблемы палеолитоведения.

Всего за пять лет он прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по науке Института истории, филологии и философии. За это же время подготовлена диссертация на тему «Приамурье в древности (до начала нашей эры)». Он стал доктором наук в 28 лет!

Наверное, случай подворачивается многим, но, вытягивая выигрышный билет, надо суметь еще и правильно выигрышем распорядиться. Можно удачно стартовать в науке, но оставаться «на дистанции» без трудолюбия невозможно.

Анатолий Пантелеевич до сих пор гордится тем, что свои первые деньги заработал в девять лет, а с 11-ти стал кадровым рабочим. Во время летних каникул приходилось вкалывать штукатуром, бетонщиком, разнорабочим… И в первую экспедицию трех приятелей пригласили потому, что они оказались «под рукой» — было лето, все студенты на каникулах, а троица подрабатывала в это время на стройке.

«Не бояться никакой работы!» — вот, пожалуй, девиз ученого.

Ярким подтверждением этому стала история с транспортировкой знаменитой Зашиверской церкви — экспедиция, возглавляемая Деревянко, только-только получившим степень доктора наук, должна была перевезти памятник древнего зодчества из глухих северных мест в Академгородок.

Только в самолете, когда гора снаряжения уже была на борту и все участники экспедиции, уютно устроившись в салоне, спали, я мысленно попытался представить объем будущей работы. Нас было одиннадцать человек, а предстояло разобрать церковь, сохранив каждое бревно, каждую доску, сделать тщательные чертежи всех деталей, чтобы по ним можно было в дальнейшем реконструировать весь комплекс в Новосибирске. Помощи практически ждать неоткуда: на десятки километров от Зашиверска нет ни одного населенного пункта.

Работа шла в сложнейших условиях. Никак не могли придумать, как же «снять» целиком маковку церкви, не имея в распоряжении никакой техники.

Рискнули воспользоваться услугами вертолета, прикомандированного к другой, геологической, экспедиции. Это было чревато как для самого экипажа, так и для архитектурного памятника. Но пришлось брать ответственность на себя.

Закрепили фалы к вертолету, он взлетел и завис на уровне креста над шатром. Лопасти винта в нескольких метрах разрезали воздух над крестом, и его от ветра сильно раскачивало. Нижние концы фалов закрепили за специально подготовленные перекрестья, подали команду, и вертолет медленно начал набирать высоту. К несчастью, один фал зацепился за нижнюю доску, и шатер стал крениться в одну сторону. Все замерли, эти мгновения для каждого из нас показались вечностью. Но тут доска не выдержала, оторвалась и высоко взлетела вверх, шатер выровнялся, вертолет, словно пушинку, поднял его и, пролетев два десятка метров, опустил головку и шатер на наши руки. Мы отцепили фалы и через несколько минут уже обнимали и качали летчиков, которые радовались вместе с нами общей победе.

Главное было сделано. Нам оставался простой, хотя и каторжный труд. Разбирать сруб, спуская бревна по полтонны весом на веревках на землю, и дальше нести их на плечах к Индигирке за двести метров, утопая по колено в вязкой раскисшей под лучами летнего солнца почве. Комары и мошка облепляли лицо, забирались в глаза, нос, уши, пользуясь тем, что заняты руки. Когда очередное бревно доставляли к месту назначения, с облегчением проводили ладонями по лицу, и они были красными от крови.

Этот «простой и каторжный труд» был закончен в сроки, и благополучно перевезенная церковь положила начало Новосибирскому «музею под открытым небом».

В Академгородке теперь, кроме красавицы Запиверской церкви, можно увидеть фрагменты Илимского и Изынского острогов, других памятников архитектуры 17-18 веков. В музее под открытым небом также экспонируются более ста каменных обелисков — от эпохи бронзы до древнетюркского времени.

* * *

Первые солидные работы Деревянко поражают широтой тематики, охватившей целый спектр культур от древнекаменного века до эпохи средневековья, причем не только Приамурья, но и Дальнего Востока, Монголии, Забайкалья, Курил.

В 1983 году Анатолий Пантелеевич выбирает для института два приоритетных научных направления: изучение проблемы первоначального заселения человеком Северной, Центральной и Восточной Азии и комплексное широкомасштабное исследование алтайских пещерных стоянок. Активная реализация этих проектов велась преимущественно в трех регионах Азии: Приамурье, Горном Алтае (уникальные местонахождения) и Монголии (открыты памятники поистине мирового значения).

Знаменитой стала Денисова пещера. Она расположена в Солонешенском районе Алтайского края, недалеко от села Черный Ануй. Пещера давно и

хорошо известна, легкодоступна, испещрена автографами многочисленных туристов. Как археологический памятник ее открыли в 1977 году, а в 1982-м было решено начать исследования силами института истории, филологии и философии с привлечением широкого круга специалистов — программа рассчитывалась на многолетние исследования.

Первым делом необходимо было провести очистку территории от мусора и обломков древесины, затем разобрать грунт по квадратам. Раскопками в течение 10 лет руководили Анатолий Деревянко и Вячеслав Молодин (в то время оба еще не академики). В исследованиях участвовали археологи, геологи, геоморфологи, почвоведы, этнографы.

Научное значение этих работ трудно переоценить: впервые на территории Горного Алтая получена картина развития и смены древних культур от эпохи раннего металла (а, возможно, и неолита?) до этнографической современности. Эта схема позволяет представить в полном объеме эволюцию материальной и духовной культуры Горного Алтая. Сделаны уникальные находки: кости, зерно, почва, металл — например, бронзовый нож карасукского типа. Абсолютные аналоги ему неизвестны. Именно в это время заложены основы мультидисциплинарного подхода к анализу археологических источников, ставшего в настоящее время обязательным для всех специалистов института.

Мультидисциплинарность — «изюминка» сибирских археологов. — *Я не могу сказать, что это мое изобретение,* — говорит Анатолий Пантелеевич, — *но это мое кредо. Главная задача археологии — максимально профессионально исследовать археологический объект. Это невозможно без помощи других специалистов. Для начала геофизики исследуют почву — томография земляных слоев позволяет полностью составить план раскопок* (как делалось, например,

А. Деревянко и В. Молодин (еще не академики) в экспедиции на Горном Алтае в 1986 г.

при работе в Новосибирской области, когда был открыт древний город Чича-бург). *Но и в лабораторном исследовании без других наук не обойтись. Это мое убеждение, можно сказать, требование. И наш институт, наверное, единственный археологический институт в России, где на сегодняшний день ведется такой комплекс исследований. Над программой работают представители нескольких объединенных ученых советов — наук о земле, о жизни, о человеке и так далее. Это полезно и важно не только для археологов. Палеогенетические исследования привлекают, естественно, генетиков. Над татуировкой мумий (ее составом) с большим интересом работали химики. И так далее.*

Результатом творческих поисков совместно с генетиками и математиками явились, например, серия статей и монография «Методы информатики и археологии каменного века», написанная А. П. Деревянко в соавторстве с А.Ф-.Фелингером и Ю.П.Холюшкиным.

* * *

Монголия — давняя и верная любовь академика Деревянко. Еще в 1966 году советско-монгольская экспедиция открыла памятники эпохи палеолита на реке Толе, раскопала неолитические поселения на реке Керулене, открыла удивительное искусство племен бронзового века на востоке Монголии.

В глубине пещеры было темно. Поэтому неудивительно, что первые исследователи не могли точно снять рисунки. Собирали «военный совет»: как быть? И тут неожиданный выход подсказал нам шофер Стасик Алексеев: аккумуляторы! Но затащить тяжелые аккумуляторы на стометровую высоту по отвесному склону было не так-то просто. Тем более, разбейся хоть один из них, и нам надолго пришлось бы застрять в этом довольно неуютном месте. Аккумуляторы поэтому поднимали с величайшими предосторожностями.

Через два часа все было готово к работе. Включили свет, и начались тщательные поиски рисунков. После того, как находили какой-нибудь рисунок, все предлагали свою трактовку. Рисунки были нанесены краской, и некоторые места настолько сильно поблекли или затекли, что расшифровать рисунок было не так-то просто. Поэтому расшифровывали коллективно, но решающее слово принадлежало руководителю экспедиции.

Потом наш художник Слава Жалковский осторожно обводил рисунок мелом, чтобы его можно было снять на полупрозрачную бумагу — кальку. Рисунки располагались в своеобразных нишах. Древним художникам приходилось рисовать, по-видимому, лежа в неудобном положении. Рисунки наносились преимущественно на ровную скальную поверхность, а из-за недостатка места зачастую они налегали друг на друга. В некоторых местах было сплошное переплетение своеобразно стилизованных фигур животных: лошадей, козлов, быков, птиц. Особое внимание привлекла одна композиция, нарисованная красной краской. В ней было несколько изображений горных козлов в самых различных позах. Одни фигурки — в стремительном беге, другие — готовы к головокружительному прыжку, третьи — отдыхали в спокойной, свободной позе. Рога у животных

также были нарисованы по-разному: от еле заметных, показанных короткими скупыми линиями у одних животных, до спирально закрученных, гордо поднятых у других.

Но особенно поразили нас в этой галерее каменного века изображения больших птиц с массивным телом и длинной изогнутой шеей, а также могучих животных с хорошо выраженным длинным хоботом. Изображения птиц удивительно напоминали страусов. А животное с хоботом? Ну конечно, это слон. Но страусы в Азии, как утверждают некоторые ученые, вымерли около миллиона лет назад. Правда, некоторые специалисты считают, что эти гигантские птицы на территории Монголии и в Забайкалье жили еще 15-20 тысяч лет назад. Палеонтологи также полагают, что древние слоны могли расселяться в Центральной Азии в это время…

В настенных изображениях пещеры Хойт-Цэнкер мы впервые видим совершенно своеобразный и яркий культурно-исторический и художественный мир с иными эстетическими традициями древнего искусства Монголии. Эти традиции, несомненно, самые древние и архаические из всего, что до того было известно в Центральной Азии и соседних с ней областях азиатского материка…

Так описывал свои «монгольские приключения» Анатолий Деревянко в научно-популярной книжке «В поисках оленя Золотые рога».

Однако не стоит думать, что длительные пешие переходы, изучение труднодоступных мест, ночевки в палатках и прочие прелести походной жизни остались у Анатолия Пантелеевича позади, во временах его молодости и научного становления. Ничего подобного! 25 мая 2002 года начались очередные экспедиционные работы в Монголии, потом продолжились в Казахстане, Киргизии…

— Я не могу не работать в экспедициях, — говорит А. П. Деревянко, — *во-первых, из профессиональных соображений (это одна из самых привлекательных граней работы), во-вторых, в силу собственных особенностей, склада характера. Экспедиции мне необходимы по жизни. Институт покидать не боюсь — глубоко убежден в том, что хорош тот директор, который не нужен коллективу. Творческие люди не нуждаются в надсмотрщике, а если кто-то не вписывается в общий ритм, тот со временем уходит.*

Можно ли подсчитать все километры, пройденные неугомонным археологом? Сделать это достаточно сложно. Все зависит от специфики поля. Есть стационары, где много ходить не нужно, а все та же Монголия требует длительных пеших маршрутов. Там приходится преодолевать за день по 15-20 километров. И никаких тебе персональных «Волг» с шоферами… Ясно, что Деревянко не самый типичный начальник. Кстати, у него в кабинете нет компьютера — все свои многочисленные труды он до сих пор пишет от руки, считая, что именно простая авторучка обеспечивает гармоничный перенос мысли на бумагу.

Институт отправляет ежегодно около 40 экспедиций по Сибири, Дальнему Востоку, ближнему зарубежью. Плюс совместные экспедиции с иност-

ранными коллегами: сотрудниками германского археологического института, американцами, корейцами… Найденные за границей экспонаты оформляются на вывоз, чтобы проводить исследования в Новосибирске. Обработанные материалы возвращаются «домой». В тех странах, которые не позволяют вывозить свои древности (например, Казахстан), сотрудникам института приходится систематизировать, описывать найденное прямо на месте. Зачем такие сложности? Исключительно из научного интереса.

— *Эти работы интересны прежде всего нам,* — говорит Анатолий Пантелеевич, — *пока не решена большая проблема путей древних миграций. Центральная Азия — очень обширная зона. Работая в одном районе, трудно представить всю картину, весь процесс, который там происходил. А непосредственные работы на местах позволяют реально реконструировать условия, культуру, динамику. Это, пожалуй, основная причина наших зарубежных экспедиций.*

* * *

Директор института — это не только исследователь, но и организатор. И все «перестроечные» годы это слово напрямую связано с поиском средств на выживание. Если уж институты, имеющие прикладные (промышленные, производственные) результаты своей деятельности, далеко не всегда оказывались в состоянии «продать себя» на рынке, то что взять с гуманитариев, не особенно нужных даже при устойчивом советском финансировании? Однако институт не просто выжил, а еще и «прибавил в весе» — совершаются новые и новые открытия, работает на отдельных площадях музей, растет количество сотрудников.

— *Что такое организатор?* — спрашивает Анатолий Пантелеевич. — *Есть простая закономерность: высокий уровень работ позволяет получать деньги. Качество — один из основных критериев оценки. Финансирование, например, грантовое, связано с конечным результатом исследований. Да, на это приходится тратить много сил, но это необходимо. Директорство — моя обязанность. Нравится или не нравится, обязан работать хорошо.*

Многие гуманитарии испытывают признательность к руководителю института, но особые чувства связывают его с филологами, создателями 60-томного академического собрания фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Серия не имеет аналога в международной фольклорной практике. В 2002 году авторский коллектив получил Государственную премию РФ. Выступая на презентации серии в Москве, академик А. Деревянко особо отметил масштабность работы. Он подчеркнул, что перед составителями стояли и стоят очень серьезные проблемы. Порой им приходится сперва создавать письменность, а потом уже публиковать том (например, «Фольклор удэгейцев»). Успех серии обусловлен тем, что в ее подготовке опять-таки участвуют специалисты разных профилей — фольклористы, этнографы и этномузыковеды, музейщики и звукорежиссеры. А сколько усилий потрачено на поиск средств для издания книг!

В 2000 году институт археологии и этнографии вышел из состава объединенного института и стал совершенно независимым учреждением. У института около 50-60 грантов, как зарубежных, так и российских (от гуманитарного научного фонда, РФФИ, Сибирского отделения РАН, администрации Новосибирской области и так далее). Бюджет института стабильный, многоцелевой.

Институт имеет и поддерживает в отличном состоянии прекрасную научную базу недалеко от Денисовой пещеры. Ею пользуются студенты, аспиранты, коллеги из других вузов и научных центров для исследований. А на другом берегу расположился туристический комплекс со всеми удобствами — его сдают в аренду туристическим фирмам и ученым из других институтов для проведения симпозиумов, конференций.

Уже больше пяти лет имеет собственное здание музей истории. Он стал такой же достопримечательностью Академгородка как и музей института геологии. Музей уникален — не количеством экспонатов, но их качеством. Других таких нет ни в одном музее мира. Например, мумии мужчины и женщины, возраст которых исчисляется 2,5 тысячами лет. Сотни предметов из дерева, кожи, одежда, обувь, две отреставрированные, очень древние, шубы, — таких нет ни в России, ни за рубежом. Выставки из Новосибирска путешествуют по миру — в 2003 году они поедут в Японию, в 2004-м — в Германию.

Сейчас без преувеличения можно сказать, что Новосибирский институт археологии и этнографии — ведущий археологический коллектив в Евразии, особенно в странах тихоокеанского бассейна. Прекрасные результаты привлекают сюда иностранных коллег. В институте постоянно находятся стажеры, аспиранты, докторанты из-за рубежа. Журнал «Археология, этнография и антропология Евразии» начал выходить в 2000 году — и сразу же приобрел очень высокий рейтинг в кругах специалистов. Маленький штрих: друг Анатолия Пантелеевича, японец, ежегодно вносит на счет института по 10 тысяч долларов из своих личных средств — чтобы ездить вместе с сотрудниками в экспедиции и «подпитывать» журналы.

* * *

Как известно, в сутках 24 часа. Анатолий Пантелеевич тратит на сон в неделю не более 30-32 часов, то есть он работает практически по 19-20 часов в сутки. И считает это совершенно нормальным. Рассказы о том, что физиология требует восьмичасового ночного покоя, воспринимает с недоверием — ему столько не надо.

Так что не случайно у археологов России бытует понятие «феномен Деревянко». Но, как объясняют они сами, в основе этого явления — необычайная концентрация внутренних сил и свободное раскрытие его заветных личных духовных устремлений.

Татьяна АФАНАСЬЕВА

«Мы были первыми»

Эти два человека, два кадровых железнодорожника, руководители высокого звена, наделенные большой властью и еще большей ответственностью, давно знали друг друга, работали на одной дороге и дружили. Виделись не так часто, но испытывали друг к другу уважение и приязнь. Юрий Сергеевич Лелеков и Владимир Иванович Демин.

Шел 83-й год. Демин в ту пору занимал должность главного инженера Новосибирского отделения дороги. В центр города выбирался редко, но когда доводилось — всегда сворачивал к бывшему магазину «Орбита», что находился напротив горисполкома. Просто так, поглядеть, как строится первое в Сибири метро. И, как говорится, ни сном, ни духом, хотя метрополитен тогда входил в систему МПС. Вся площадь Ленина и прилегающие стороны Красного проспекта были разворочены и представляли собой огромный котлован, борта которого крепили сваи с опалубкой, а по

бокам высились строительные леса и железобетонные конструкции. Он знал, что до пуска Новосибирского метрополитена оставалось еще больше двух лет, и, как многие горожане, досадовал, что вокруг все огорожено и перекопано.

Лелеков в том году работал в Польше, в одном из комитетов СЭВ, а в Новосибирск прикатил в отпуск, проведать родных и знакомых. Не обошел, конечно, и Демина, и тот, движимый патриотическими чувствами, повел гостя похвастать строительством первой станции будущего метрополитена. И Юрий Сергеевич тоже ни сном ни духом…

Прошел год. Площади Ленина вернули первозданный облик, трасса метрополитена сместилась к Дому офицеров и в сторону ГПНТБ. Лелеков снова приехал в Новосибирск, но теперь уже не в отпуск, и первым делом позвонил Демину на работу:

— Нужно встретиться. Кое о чем поговорить…

Разговор после рукопожатий, приветствий и расспросов про житье-бытье пошел прямой и, как нынче принято выражаться, конкретный:

— Владимир Иванович, министр путей сообщения назначил меня начальником Новосибирского метрополитена.

— Поздравляю! Министр сделал правильный выбор.

— Спасибо. Но это не все. Я тебе предлагаю должность главного инженера. Нас будет пока всего трое — еще главный бухгалтер. Представляешь, сколько нужно сделать, чтобы пустить метрополитен в эксплуатацию!

— Еще бы, — машинально произнес Демин, и тут же спохватился: — Но меня не отпустят на дороге!

— А ты не волнуйся, я уже подготовил почву, — и в обкоме поговорил, и в горкоме все согласовано...

Начальник отделения дороги, узнав о намерении Лелекова, долго негодовал:

— Да ты что, Владимир Иванович, представляешь, во что тебя втягивают! Там ведь «конь не валялся», придется все начинать с нуля. Тебе что, на дороге плохо, или работы мало? Так подбросим — на две жизни хватит.

— Да я еще не соглашался. Только послушал, что Лелеков говорил…

— Вот-вот! Он наговорит. Что-что, а этому его учить не надо. В общем — не выдумывай! Завтра, не забудь, — совещание.

Но назавтра начальник Новосибирского отделения дороги сам вызвал главного инженера и, не глядя ему в глаза, произнес:

— Ну что ж, Владимир Иванович, надо соглашаться, раз предлагают такую работу. Наверху все уже решено.

Решено-то решено, но жизнь внесла свои коррективы. Буквально на следующий день Москва вызвала В.Ф. Зайко на двухмесячные курсы в Академию. Его первый заместитель сильно травмировался и попал на больничную койку. Из всего руководящего звена верхнего эшелона руководства отделением дороги остался один Демин. Тем не менее начальник Западно-Сибирской железной дороги А.Б. Николаев вызвал его к себе.

— Ситуация у вас в отделении и в самом деле не простая, но ее придется решать. Поработаешь полтора-два месяца исполняющим обязанности начальника, а затем отпущу тебя на метрополитен — пускай его новосибирцам на радость.

Получилось так, что Демин появился в метрополитене не в октябре, как планировалось, а 7 декабря 1984 года. До пуска метро оставался ровно год. И по-прежнему никто не верил в реальность этого события.

— Первое тебе задание, — встретил его Ю.С. Лелеков, вконец измочаленный начальник несуществующего метрополитена, — срочно заказывай гербовую печать.

С появлением печати родилось на свет новое и единственное за Уралом предприятие — Новосибирский метрополитен. И первое его руководство начало свою деятельность, конечно же, с кадров, которые, как известно, решают все.

Нужно было формировать руководящий состав метрополитена — найти человек пятнадцать, не меньше, начальников служб. Где их брать? Не с Московского же метрополитена помчатся в столицу Сибири классные специалисты! Брали тех, кто был рядом, проверенных делом, своих — с железной дороги. Лелеков поручил эту ответственнейшую и, надо сказать, деликатную миссию Демину. Владимир Иванович не мудрствовал лукаво, поехал на свою станцию Инскую, поговорил, с кем надо, и... едва не обескровил этот важнейший на сети железных дорог узел. Желающих проверить себя в новом деле, быть в буквальном смысле слова в числе первопроходцев подземной железнодорожной трассы, оказалось предостаточно. С энтузиазмом откликнулись на предложение Демина начальник службы подвижного состава В.П. Печунов, начальник Инской дистанции гражданских сооружений Н. А. Вергузов, начальник отдела связи Р. Р. Коглер...

Никто им не обещал изначально златые горы. Все прекрасно понимали, какой колоссальный объем работы предстояло выполнить, прежде чем подземные электрички застучат на стыках рельсов метрополитена. Но работать в метро хотели многие. Осталось отобрать лучших.

Специалистов, особенно молодых, энергичных и перспективных, железной дороге самой не хватало. И просто так, за здорово живешь, никто их «на сторону» не отдавал. Приходилось бороться за каждого. Начальник новосибирского отделения дороги, не только вчерашний начальник, но и давний товарищ по работе, порой не сдерживая себя, негодовал:

— Владимир Иванович, ты что делаешь! И для метрополитена команду не наберешь, и железную дорогу выкашиваешь. Не отдам больше ни одного человека!

— Владимир Филиппович, все понимаю, но что делать — метро нужно городу! Неотложно. А дорога справится, у нее два института, не зажимайте молодых.

Но и для метро нужно было готовить специалистов. В апреле 1985-го первую группу машинистов отправили в Харьковский метрополитен, на стажировку. Разница работы машиниста электропоезда на земле и под землей весьма существенна. Нужно было заранее подготовиться к неизведанному. Сиби-

ряки не подвели, успешно сдали экзамены и вернулись осваивать новую работу. До пуска метро оставалось чуть больше полугода.

К этому времени был укомплектован штат слесарей-ремонтников, будущих дежурных по станциям... Сложнее обстояло с машинистами эскалаторов. Взять готовых в Новосибирске или соседних городах было неоткуда — нигде эскалаторы в то время в Сибири не работали, их попросту не было. Пришлось договариваться с Ленинградским метрополитеном, куда и направили группу добровольцев...

Словом, подготовка к пуску метро шла по всем фронтам и направлениям огромной и сложной работы упорно и неотвратимо. И все было с иголочки, новенькое, необкатанное. Вагоны еще пахли краской и пластиком. Эскалаторы блестели заводской смазкой...

Оборудование для новосибирского метро изготавливалось в 180 городах Советского Союза. 200 предприятий Новосибирска, в основном — оборонного комплекса, также принимали участие в подготовке своего, новосибирского метро к пуску. И главному инженеру нужно было везде успеть, договориться и, конечно, не ошибиться. А ситуации возникали, казалось бы, порой неразрешимые. Вот одна из них.

Ячейки тяговых подстанций, без которых пуск метро и, разумеется, его эксплуатация невозможны, изготавливались в Баку. И нигде более. Но известные в то время так называемые «бакинские события» ставили крест на «ячейках». Бурлящей столице Азербайджана было не до заказов сибиряков. Пришлось искать выход у себя. Демин поехал на один из сверхсекретных в то время «ящиков», работавших на космос. Объяснил руководству суть дела. Удивленный наивностью и настырностью посетителя, директор воскликнул:

— Какие ячейки! У нас люди в три смены работают, без выходных. Мы для лунохода заказ выполняем, а вы со своим метро.

— С нашим, Новосибирским, метро. Неужели вам все равно — будет оно пущено или нет?!

То ли Демин был убедителен и красноречив, то ли скорее всего вмешались партийные органы, но «ящик», не отрываясь от лунохода, буквально в две недели перестроил свою технологию, изготовил необходимые приспособления и оснастку, изготовил испытательные стенды и в кратчайшие сроки изготовил-таки нужное количество ячеек. Они до сих пор надежно и безотказно работают на станциях, выдержав экзамен подземного «космоса», обеспечивая бесперебойное движение поездов Новосибирского метрополитена.

Строители метро также работали круглосуточно. Демин, будучи заместителем председателя рабочей комиссии — пускового штаба, возглавлял который главный инженер «Новосибирскметростроя» В.В. Шипицин, проводил каждую ночь совещания на станциях, собирая всех субподрядчиков и координируя общие действия. Первый секретарь Новосибирского горкома партии В.В. Казарезов свой рабочий день также начинал на метро, одевшись в метростроевскую робу и натянув «всепроходные» резиновые сапоги. Времени до пуска метро оставалось в обрез.

В один из декабрьских обходов Казарезов с Деминым в сопровождении свиты руководителей строительных подразделений завернули на «Студенческую». Шел одиннадцатый час ночи. Через три дня Государственная комиссия должна была принимать метро. Вестибюль со стороны Института торговли в общем-то был готов, осталось лишь убрать мусор. Прошли по перрону. Тоже готовность высокая. Доходят до вестибюля у общежития НЭТИ и, в прямом смысле слова, столбенеют: все в лесах, кругом — мусор, свет электроламп, подвешенных где-то под потолком, едва пробивает мрак и туман, прохода нет. Стоят «первые лица», смотрят едва ли не с ужасом в глаза друг другу и чувствуют, как холодный пот выступил на спине — тут работы еще на месяц. Слышат — под потолком, на лесах, кто-то копошится. Казарезов громко кричит в пустоту:

— Эй, мужики, кто там наверху? Что делаете?

В ответ неторопливо-недоуменно разносится:

— Кто, кто — дед Пихто! Строители, кто же еще?!

— Так будем метро пускать или нет?

Сверху также невозмутимо и с достоинством невидимый голос спрашивает:

— А надо?

Первый секретарь горкома партии едва не разразился непечатным фольклором:

— Конечно надо. Еще как надо!

— Ну если надо, то пустим!

— Я вам бочку пива ставлю, если пустим. Это Казарезов говорит!

Наутро та же делегация высоких «первых лиц» прибывает на «Студенческую» и глазам своим не верит: вестибюль в мраморе, блестит первозданной чистотой. От лесов и строительного мусора нет и следа!

И таких непридуманных случаев в предпусковые дни было сколько угодно. Можно, конечно, говорить — штурмовали, нарушали технологию, жилы себе рвали. Работали бы, как немцы — тщательно и не торопясь, так и переделывать бы не пришлось.

— *Но в таком случае мы метро точно не пустили бы в назначенный срок,* — убежден сегодня В.И. Демин.— *И что там Государственная комиссия, новосибирцы бы нам точно не простили срыва ввода метро. Весь город жил в ожидании пуска. Накал был такой, что, казалось бы, над каждой станцией, по всей трассе метро, над каждым участником тех событий ощущалось свечение энергии! Представить было невозможно: утром приходишь на какую-нибудь станцию, а мешки с мусором лежат горой, готовые к вывозке. Всю ночь работали студенты, молодежь, добровольцы-горожане, наводя чистоту и порядок в своем метрополитене. Предприятиями, районами соревновались, за честь считали! И если бы этого энтузиазма не было — не видать нам всем метро.*

До пуска оставались считанные дни и часы. Но прежде чем первый поезд отправился в первый свой рейс, весь маршрут, метр за метром, проверялся с помощью так называемой габаритной рамы, которую рабочие двигали вручную. И там, где она что-то задевала или проходила слишком близко, немедленно все убиралось — перевешивался кабель, срезался автогеном выступающий металл, выдалбливался «лишний» бетон... Потом две дрезины, спереди и сзади, катили первый вагон — 32 тонны надо было и на подъем закатить, и в поворот вписать. И только затем уже, после того как было проверено еще и еще раз все устройство энергоснабжения, пошел первый пробный поезд.

Демин практически не выходил из метро. Жена, Любовь Никифоровна, в редкие теперь часы и минуты «свиданий» сетовала:

— Ты бы отдохнул как следует или хотя бы поел по-человечески, а не на бегу!

На что Владимир Иванович шутливо отмахивался:

— Вот поезда забегают, я и остановлюсь, полежу на диване. Пока некогда.

В самом деле было не до отдыха. Первый проверочный поезд, его сопровождал Лелеков, должен был провезти от станции «Октябрьской» через «Площадь Ленина» до «Красного проспекта» делегатов городской партийной конференции. И надо было видеть лица людей, впервые проехаших по подземной трассе «своего» Новосибирского метро. Пока были проверены всего лишь три станции и перегонные тоннели. Но вера в то, что к Новому году будет введен в строй весь пусковой отрезок «Красный проспект» — «Студенческая», уже никого не покидала. Хотя еще достраивалась сложнейшая в градостроительном, архитектурном и инженерном отношении станция «Речной вокзал», еще предстояли испытания уникального метромоста через Обь. Кстати, прошли они 25-26 декабря успешно — четыре поезда, забитые мешками с песком «под завязку», общим весом в 6,5 тысяч тонн, проверили на прочность и надежность цельносварную стальную коробчатую конструкцию.

28 декабря первый поезд метро прокатил по трассе первых пассажиров. Новосибирцы бесплатно, под бдительным присмотром милиции, с восторгом осваивали новый транспорт перед самым Новым годом. Метро, как и обещали, было пущено в 1985 году. А 7 января 1986 года на торжественном городском митинге была открыта его постоянная эксплуатация, и первые жетоны посыпались в кассы метрополитена…

Прошли недели и месяцы со дня пуска первой сибирской подземки. Метро работало безотказно, мелкие неполадки устранялись по ходу дела. И только здоровье начальника метрополитена Ю.С. Лелекова исподволь подтачивала тяжелая, неизлечимая болезнь. Постепенно весь груз самых разных забот принял на свои плечи главный инженер В.И. Демин.

На сегодняшний день Новосибирское метро работает четко, надежно, как часы. И ни у кого не возникает даже мысли о том, что проблем у метрополитена — огромное количество.

— Дело вовсе не в строительных недоделках, их-то мы с помощью самих строителей благополучно устранили, — говорит В.И. Демин. *— Главная наша проблема — финансирование! Когда метро было в составе МПС, все вопросы решались, пусть не просто, но то все-таки решались. С переводом в 1991-м «рыночном» году на местный бюджет мы в полной мере поняли, что такое недофинансирование. Несмотря на сдачу в аренду площадей торговым точкам, использования рекламы и прочего, своих денег метро катастрофически не хватает. Нет ни одного метрополитена в мире, который бы сам себя полностью окупал… Некоммерческое это предприятие,* — не уставал повторять Демин в ответ на требование властей научиться зарабатывать деньги.*— От метрополитена другая выгода людям — удобство, скорость и надежность передвижения. Тем более — в наших, сибирских условиях.*

Свое метро, где он знает каждый уголок, каждую мраморную плитку, всю, какая ни на есть, технику, каждого метрополитеновца, тем более — «ста-

рожила», с кем запускал и отлаживал в эксплуатации первый в Сибири подземный транспорт, Владимир Иванович Демин любит как родное дитя. И гордится им — ни разу, за все годы своей неустанной работы, метро не подводило ни горожан, ни лично его, начальника Новосибирского метрополитена.

Демин был и в Лондоне, и в Париже. И в Берлинском метро прокатился. Последнее ему не понравилось. Слишком оно, говоря по научному, утилитарно и функционально. Души в нем нет. Да и чистоты, как это ни покажется странным, тоже. Парижское метро понравилось. Во-первых, там расстояния между станциями короткие — по 300-400 метров, пассажирам удобно. У нас от «Речного вокзала» до «Студенческой» — 2 100 метров. Но ведь и масштабы сибирские. И душа в Парижском метро чувствуется. Правда, какая-то неустроенная, расхристанная, как у наших бомжей. Но парижских неприкаянных бедолаг, кажется, еще больше. Возможно, потому что никто их из метро не выгоняет, и они там днюют-ночуют. Очень хороший метрополитен в Лондоне. Опрятный, удобный...

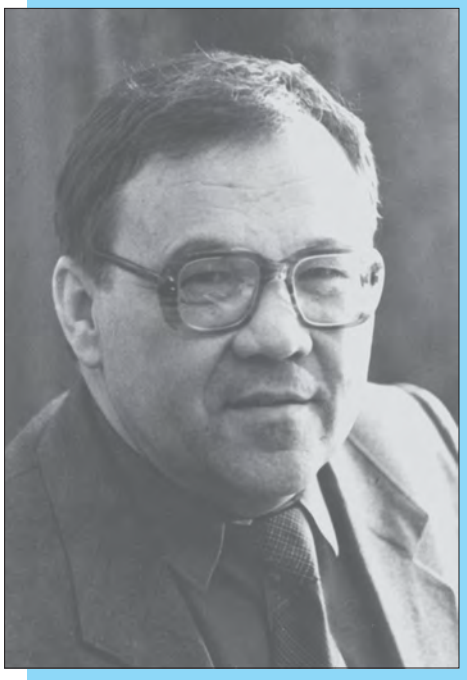
Но и нашим, Новосибирским метрополитеном мы можем и должны гордиться. В. И. Демин обязательно это подчеркивает, когда заходит разговор на волнующую его тему. Владимир Иванович вообще-то заработал себе заслуженный отдых. Но он в полном здравии. За плечами — колоссальный опыт, и потому работает сейчас главным специалистом метрополитена. И еще пишет книгу. Конечно, о Новосибирском метрополитене и его людях. Помнит он все, словно происходили события вчера. За плечами у него богатая, интересная жизнь, которую бы, доведись ему начать все заново, прожил бы точно так же.

Аркадий АНТОНОВ

P.S. *В одном из красочных официальных изданий, представляющих известных людей Новосибирска, о В.И. Демине написано так:*

Член Совета хозяйственной ассоциации метрополитенов России и СНГ «Метро». Почетный железнодорожник СССР. Почетный работник транспорта России. Заслуженный работник транспорта России. Член международного Совета общественного транспорта (Брюссель). Почетный академик Международной Академии науковедения. Автор 60 статей по проблемам экономики и технического прогресса в журналах «Железножорожный транспорт», «Метро», «Электрическая и тепловая тяга», «Developing Metros». Автор шести изобретений. Родился 02.07.34 г. во Владивостоке. Женат, дочь, сын. Увлекается мемуарами полководцев, историей Российского государства, любит живую природу.

Окончил Томский электротехнический институт железнодорожного транспорта и Высшие инженерные курсы (Москва, 1975 г.). В 1996 году получил квалификацию менеджера по организации пассажирских перевозок от Международного Совета общественного транспорта (Англия, Лондон)… С 1988 года — первый избранный коллективом начальник муниципального унитарного предприятия «Новосибирский метрополитен».



«Исторический» сибиряк родом из Питера

При такой работе и ответственности, какие у него, быть с «гладким» характером невозможно. Председатель Сибирского отделения РАН академик Николай Леонтьевич Добрецов вполне может вскипеть публично и высказать все, что думает, без, как говорили в старину, обиняков. Но интеллигентность и культура Добрецову не изменяют. Если он понял, что ошибся и наговорил по горячности чуть больше, чем следовало, то никогда не забудет извиниться или снять напряжение доброжелательной шуткой. Это своего рода шарм талантливого человека, которого постоянно словно распирают мысли, заботы и, к сожалению, нескончаемая тревога.

Нынешнее положение академической науки хотя и улучшилось несколько в последнее время,

однако не настолько, чтобы не тревожиться. Проблем полно, буквально все оставляет желать лучшего: зарплата научных сотрудников, оборудование институтов, «социалка», кадры, отношения с властными структурами, бизнесом и т.д. Вот председатель, да простит меня Николай Леонтьевич, бывает иногда не сдержан… Но не по сути — обычно по сути он прав, а по форме.

Прямота председателя и, как представляется, некоторая недипломатичность (а дипломатичность, конечно, нужна на таком посту, который занимает Добрецов) — это в нем, полагаю, и от характера, и от воспитания, и от профессии геолога. Словом, от корней, а они у него редкостные и замечательные.

Троечником и отличником он был… в обратном порядке. То есть сначала троечником, а потом непрерывным отличником. Обычно — наоборот. Сперва в школе ему было скучно. Впрочем, и в свои студенческие годы Добрецов сейчас относит себя к лентяям — он ходил только на те лекции, которые его интересовали. Но этот «лентяй» все экзамены сдавал блестяще, а многие — досрочно. Больше того, он окончил Горный институт в Ленинграде не за пять лет, а за четыре года и, конечно, с «красным» дипломом. А обязательную геодезическую практику прошел в Лесотехнической академии параллельно со сдачей экзаменов на первом курсе — чтобы потом сразу ехать в экспедицию. Кроме того, он еще успел два курса поучиться на физико-математическом факультете ЛГУ. Побольше бы таких… лентяев.

Феноменальная работоспособность и «поспеваемость» Николая Леонтьевича свойственны ему с детства. В институте он ходил сразу в шесть спортивных секций — занимался боксом, легкой атлетикой, стрельбой, волейболом, штангой и лыжами. Победил в этих увлечениях, как ни странно, волейбол, хотя по росту и комплекции ему больше подходили бокс и штанга. Но по характеру и упрямству выбрал волейбол, считая, что и в этом спорте он сможет «доказать». И ведь смог, играл в Ленинграде за сборную «Труда».

Корни Николая Леонтьевича Добрецова в его семье прослежены почти на три века назад. Нет, это не дворянская родословная, которую в России, естественно, легче отследить. Предки Николая Леонтьевича были мастеровыми (так, его прадед Семен в 1700 году основал кирпичный завод в городе Великий Устюг Вологодской губернии), мельниками, церковными старостами, учеными, а возможно, и путешественниками. По семейным легендам среди дальних родственников Добрецовых был и открыватель российского Севера казак Семен Дежнев. А по материнской линии все предки Николая Леонтьевича — это горняки и геологи.

Мать Николая Леонтьевича, Юлия Николаевна, — геолог, окончила Ленинградский горный институт. Со своим мужем, Леонтием Николаевичем, она познакомились в экспедиции на Камчатке. Леонтий Николаевич был физик-экспериментатор, ученик академиков А.Ф. Иоффе и П.И. Лукирского. Николай Леонтьевич вспоминал как-то, что у его отца учился академик Ж.И. Алферов и что до сих пор у Жореса Ивановича монография отца «Вторичная электронная и ионная эмиссия» — настольная книга.

Дед Николая Леонтьевича, Николай Георгиевич Келль, участвовал в Камчатской экспедиции Русского географического общества в качестве топографа, проводил там многолетние геодезические исследования вулканов Камчатки. Он был первым избранным ректором Уральского горного института (еще в гражданскую войну — ***Р.Н.***), а затем долгие годы заведовал кафедрой геодезии Ленинградского горного института.

К этому следует добавить, что именно дед, блестящий ученый, немец с эстонской «примесью» по этническим корням и русский интеллигент по всем остальным признакам, оказал на нынешнего председателя Сибирского отделения РАН наибольшее влияние. Дед уже давно был членом-корреспондентом АН СССР, на Камчатке в его честь назвали полуостров и кальдеру (котлообразная впадина с крутыми склонами, которая образуется после провала вершины вулкана). Геодезист Келль имел судьбу, которая «тянет» на роман. Выпускник церковно-приходской школы и ремесленного училища, сын простого мельника, да еще лютеранин из мещан, был зачислен в Горный кадетский корпус по соизволению Его Императорского Величества и после прошения выдающегося математика В. Довбни, причем не в вольнослушатели, а в число «казенных» студентов. За что же такая милость?! А за то, что сын мельника решил задачу, считавшуюся нерешаемой… Все, что выпало на первую половину двадцатого века, этого человека стороной не обошло. Келля отчисляли из Горного института за участие в студенческих волнениях, он вступал в партию эсеров, его арестовывали и белые, и красные в Гражданскую войну, он руководил геодезическими партиями и создал свою научную школу.

Какие же уроки преподал дед своему внуку?

— *Дед меня воспитывал личным примером*, — рассказывает Николай Леонтьевич. — *Он был толстовец и имел дом в деревне, где проходили практику студенты Горного института. Так вот в этой деревне дед, будучи уже давно профессором и членом-корреспондентом академии, почитался как деревенский староста. К нему приходили за помощью и советом со всей округи. Мне запомнились его высказывания. Они, по сути, стали принципами моей собственной жизни…*

Добрецов считает, что геологи — особенный народ:

— *Геологи проходят естественный отбор с самого начала работы. Едва только геолог попадет в партию, то он проявляется, словно фотография. Сразу видно, кто есть кто. То есть кто нытик, кто весельчак, кто умен, кто глуп, кто смел, кто труслив, кто понимает юмор, а кто нет. Кстати, без юмора в нашей профессии работать трудно. Помню такой случай: идем в маршруте на высоте три тысячи метров. Грязь, снег, с пути сбились, настроение в отряде унылое, и вдруг Михаил Иванович Кузьмин, нынешний член-корреспондент РАН, громко говорит:*

— *А что?! Хорошо! Зато комаров нет…*

В ответ хохот, мы пошли быстрее и скоро добрались туда, куда надо.

По мнению Добрецова, нынешней жизни в России грозят три опасности. Первая — это деньги, их культ. Ценность денег, конечно, никто не отрицал

и раньше. Но раньше на шкале ценностей они никогда не занимали первое место. А сейчас занимают. Нынче если человек богатый, то вроде бы уже и уважаемый. По определению. Есть популярная фраза, которую любит повторять госпожа Новодворская: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?» А Добрецов в ответ всегда говорит: «Интеллигент потому и бедный, что честный».

Сегодня добиваются успеха чаще всего как раз те, кто переступает через принципы — наглые, с антиинтеллигентской философией. Это большая опасность. В том числе и для очень тонкого слоя интеллигенции.

— Почему же? Они вроде тверды в своих убеждениях…

— *А потому что соблазнов полно. Интеллигенцию сейчас пытаются подкупить. И если это удастся, то тонкий слой вообще может исчезнуть.*

— Простите за чересчур откровенный вопрос, Николай Леонтьевич, но Вас тоже пытались подкупить?

— *Могу признаться: пытались, предлагали очень большие деньги. Но, согласившись на это, я бы перечеркнул всю свою жизнь, свои принципы, предал бы своих родных, которые меня воспитывали, отказался бы от всего, чему меня учили. Так что я останусь таким, какой есть. Кроме того,* — продолжал Николай Леонтьевич, — *нынешнее богатство — штука чрезвычайно опасная в наших условиях. И тем, что нередко оно нажито неправедным путем, и тем, что много желающих его отнять, и тем, наконец, что оно вызывает тяжелую зависть. Все это приметы болезни. И тяжелой. Без преодоления ее никакое устойчивое развитие у нас невозможно. Эта «денежная болезнь» в России пройдет. Но не сразу. Поколения через два.*

— Но Вы говорили о трех опасностях…

— *Вторая связана с первой — это разрушение морали. Вспомните, что у нас был кодекс строителя коммунизма…*

— Что-то не хочется…

— *Понимаю. Не хочется, потому что он был во многом ханжеский, лживый, оторванный от реалий жизни. Но он существовал как некий моральный ориентир, в его принципах ничего дурного не провозглашалось. Он существовал как высокая духовная цель. А теперь вместо него — воровская мораль. Она размывает понятия о честности и благородстве, воспевает грубую силу и секс, как бы благословляет зло.*

Но еще большую тревогу вызывает третья болезнь сегодняшнего общества — межнациональная. Она раздута необыкновенно и особенно страшна, грозит трагическими событиями. Убежден, что эту «дохлую кошку» нам подбросили, чтобы ослабить. Я никогда не интересовался, кто из моих учеников и ученых какой национальности. А теперь у нас появились люди «кавказской национальности». Отношение к человеку ныне во многом зависит не от его таланта и ума, культуры и поведения, а от того, какой он национальности. Вот что может разрушить единство народа. Это беда, и от нее надо уходить как можно скорее. Мы, конечно, преодолеем и это. Но вот вопрос — когда: долго будем болеть или нет? Время нам не дозволяет болеть долго…

Едва Добрецов окончил институт, как мудрый дед сказал ему, что нечего торчать в Питере, тут таких, как он — как сельдей в бочке, и посоветовал попробовать свои силы в организуемом Сибирском отделении Академии наук. Внук сперва сопротивлялся, его вполне устраивала работа в геологической партии — тем более, что она находилась в составе Алтайской экспедиции. Но дед не отступался, и когда в конце концов убедил упрямца, то написал в Новосибирск только что избранному академику Владимиру Степановичу Соболеву (своему бывшему практиканту) письмо совсем не с категорическими, а скорее ироническими словами: «Если годится, то возьми…». И Николай Леонтьевич сгодился в Сибирском отделении Академии наук. Он прошел достойно по всем ступеням служебной геологической лестницы.

После традиционной работы геологом-съемщиком встреча с В.С. Соболевым, как он признавался позже, «показалась ошеломляющей».

У научного сотрудника Института геологии и геофизики СО АН начались экспедиции, изучение литературы (пришлось вспоминать забытый английский), составление программ для расчетов на ЭВМ, написание статей, а затем и книг, участие в симпозиумах. (На Геологический конгресс в Дели в 1964 году его, тогда 28-летнего кандидата наук, рекомендовал В.С. Соболев, а деньги на поездку — научным туристом — дал дед Н.Г. Кельль).

За трудами приходило и признание — ученые степени, премии (Ленинская, Государственная, много позже — неправительственная Демидовская), избрание в члены Академии наук.

Один год проработал на Дальнем Востоке, в Хабаровском институте тектоники и геофизики — привлекал новый район, в том числе Камчатка, куда тянули семейные традиции. Потом, в 80-х годах, восемь лет возглавлял Геологический институт СО АН в Улан-Удэ, был избран председателем Бурятского научного центра СО АН.

В конце 1988 года Добрецов вернулся в Новосибирск — его ждала новая, еще более масштабная работа. Председатель СО АН В.А. Коптюг и академик А.А. Трофимук — оба разом — предложили ему заменить А.А. Трофимука (которому шел уже 78-й год) на его постах — директора Института геологии и геофизики и заместителя председателя СО АН. На выборах Добрецова дружно поддержали.

В одной из своих статей Добрецов рассказывал:

Деятельность на посту заместителя председателя СО АН СССР оказалась для меня первое время более трудной и менее успешной. Одно дело — небольшой филиал, равный по численности Институту геологии и геофизики, другое дело — Сибирское отделение, его филиалы и научные центры, которые мне было поручено курировать вместо Андрея Алексеевича. Я взялся за работу активно, проехал по всем научным центрам, предложил Валентину Афанасьевичу целый ряд «революционных» изменений. При этом допускал поспешность и непродуманность, а по поводу одного из моих предложений В.А. Коптюг сказал, что «так можно сломать себе шею».

В апреле 1990 года на Общем собрании СО АН СССР, когда В.А. Коптюг предложил избрать меня первым заместителем председателя СО АН СССР и членом Президиума АН СССР (посты, которые до 1989 года занимал А.А. Трофимук), мне задали много трудных вопросов. Валентин Афанасьевич тоже покритиковал меня, но сказал, что у меня есть одно несомненное достоинство: «Н.Л. Добрецов — легко обучаемый, подвижный и активный человек, и есть надежда, что со временем он станет достойным руководителем». Несмотря на критику, за меня довольно дружно проголосовали, но и критика, и «легкая обучаемость» запомнились мне на всю жизнь. Так происходило мое «вхождение» в руководство СО АН СССР.

А в 1997 году, после скоропостижной кончины В.А. Коптюга, Николай Леонтьевич был избран (из двух предложенных кандидатур) председателем СО АН.

В сущности, он стал директором огромного комбината по производству идей и нового знания. И комбинат этот, по признанию президента РАН академика Ю.С. Осипова, работает в Российской академии наук лучше других. Но достается это трудной ценой. А председателю СО РАН — тем более. Количество проблем, решением которых занимается Николай Леонтьевич Добрецов, очень много, хотя наука сейчас, наконец, перешла от выживания к развитию. В том числе и к развитию более плодотворных взаимосвязей с властными структурами и бизнесом.

В новогодней беседе в первые дни 2003 года Добрецов рассказывал:

— В науке множество проблем. Но что касается СО РАН, то факт остается фактом: все институты работают, и многое удалось достичь. Мы получили новые научные результаты и, прежде всего, в работе по интеграционным,

междисциплинарным проектам. В общей сложности в минувшем году обсудили около сотни докладов, в каждом из которых речь шла либо о принципиально новых результатах, либо просто о новых результатах. Да и власть повернулась к науке лицом. Финансовое положение улучшается. В новом году бюджет будет увеличен в 1,3 раза. Долги наши либо погашены, либо реструктуризированы. С нового года нашим сотрудникам за ученую степень пошла заметная прибавка. С первого октября 2003 года их зарплата увеличится в 1,4 раза. Наверняка к ней добавятся и заметные суммы за счет внебюджетных источников.

Немало делается по реализации стратегии развития Сибири. Речь, прежде всего, идет о наукоемких технологиях и об освоении наших разработок, особенно в самом Академгородке. Ждет перемены в Сибири и лесопромышленный комплекс. В том числе и с помощью законодательных мер. Но это, главным образом, забота аппарата полномочного представителя в Сибири, а мы оказываем ему помощь. Ну и, конечно, развитие и перемены коснутся всего того, что связано с нефтью, газом и углем. По углю прошло совещание с участием Президента страны, на котором мы передали ему наши предложения. А по нефти и газу сейчас готовится большая правительственная программа по освоению нефтяных и газовых месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и по строительству нефте- и газопроводов в Китай и в Корею.

Для нас особую важность имеют высокие технологии, их освоение, применение. Задача состоит в том, чтобы добиться промышленного выпуска разработок науки хотя бы малыми сериями.

В нашем Академгородке уже выпускается наукоемкого продукта в год на 150 миллионов долларов. Треть примерно выпускают сами институты — Ядерной физики, Катализа, Физики полупроводников, Геологии и геофизики и некоторые другие. Полагаю, что столько же наукоемкого продукта выпускают расположенные у нас фирмы типа «Мета», «Эконова» и ряд других. И третью часть такого продукта, а скорее даже чуть больше, поставляют софткомпании Академгородка. Хотя точно оценить долю тех же компаний сегодня трудно. Они по-прежнему в тени, не хотят показывать полностью свои объемы. В том числе и потому, что наше законодательство несовершенно и не очень-то жалует тех, кто занимается наукоемкими технологиями.

Тем не менее, в программе развития Академгородка, который превращается в технополис, мы рассчитали, что в ближайшие три года возможно увеличение налогов (без них на совершенствование инфраструктуры нечего и надеяться) в несколько раз за счет увеличения выпуска именно наукоемкого продукта. Но это достижимо только при федеральной поддержке и улучшении законодательства. Для рывка, коренных изменений нужны другие условия. Появятся они, когда в городке станут выпускать наукоемкого продукта не на сто пятьдесят миллионов долларов в год, не на двести, а на миллиард. Накопленный у нас интеллектуальный потенциал такое ускорение вполне позволяет. Тогда это будет не только провозглашенный, но и реально действующий технополис.

Да, это эксперимент, затеянный сибирской наукой, местной властью, малым и средним бизнесом. Но если он будет успешным, а потом его повторят и воспримут в других научных городках страны, хотя бы в десяти, то страна получит не один, а уже десять — пятнадцать миллиардов лишь за счет наукоемкого продукта. Стоит бороться или нет за такой результат? Убежден, что стоит.

Наш Академгородок трудно отделить от большого Новосибирска. Мы не сами по себе живем. Новые разработки осваиваются на крупных предприятиях города. Но толчок для развития, многие ценные инициативы начинаются у нас. Чья где доля — разделить трудно...

Одной из самых крупных общих программ Добрецов считает программу по силовой электронике. Она объединила усилия и предприятий, и академических институтов, и вузов, и прикладной науки. Недавно, когда в Новосибирске был заместитель министра по атомной энергетике, его убедили вкладывать средства в эту очень перспективную программу. Особенно нужна поддержка новосибирским предприятиям, потому что есть реальная возможность существенно увеличить выпуск продукции по силовой электронике. До сих пор было много разговоров, планов и согласований, а финансирование оставалось мизерным. Но, по сути, эта программа — козырная карта и для Новосибирска, и для Минатома.

Есть и другие козырные карты. Например, софтпродукт, то есть разработка компьютерных программ для самых различных целей. Еще одна козырная карта — лучевые, радиационные технологии. Тут СО РАН во многом – «законодатель мод». Уже запущена первая очередь лазера на свободных электронах, скоро он заработает в полную мощь. Дело это дорогостоящее: цена такой

установки — пятьдесят миллионов долларов. Заказывать работу на лазере или купить его смогут только крупные предприятия и люди с большими деньгами. Однако у такой установки есть реальный шанс восполнить все расходы. Не только, положим, с помощью разделения изотопов, но и при разработке принципиально новых технологий. Например, технологии, позволяющей модифицировать поверхность тканей — делать ее такой, какую закажут. К примеру, поверхность капроновой ткани можно превратить в льняную или шелковую. Но эта работа не только одного Института ядерной физики, но и специалистов других институтов.

Кроме того, ИЯФ может стать еще и фармацевтической фабрикой, то есть поставлять на рынок лекарства, которые нужны миллионам людей. Например, тромбовазин, который понадобится в борьбе с тромбами, инфарктами и инсультами. В производство этого препарата уже готовы вкладывать средства конкретные предприниматели. Есть и здание, где эта фабрика может разместиться — на территории бывшего нашего опытного завода.

Вообще, это не простой вопрос — где строить предприятия, ориентированные на науку, — говорит Н.Л. Добрецов. — *Многие убеждены, что в Академгородке такие предприятия не надо возводить. И в этом есть резон. Нам очень важно сохранить тот социум, который давно сложился в Академгородке. Он тоже является нашим достоянием. А большие предприятия со своей спецификой этот социум растворят или, по крайней мере, ослабят. Однако заводы придется строить — и малые, и большие, но лучше все-таки в сторонке от Академгородка. Поблизости, но не рядом. В связи с этим сейчас обсуждается и еще один вопрос — о создании между Кольцово и Краснообском, включая, конечно, и Академгородок, свободной экономической зоны типа тех, что есть в Китае. И, судя по первым сведениям, Минэкономразвития и его министр Герман Греф к этой идее относятся с пониманием. Правда, у нас, как нигде, от идеи до реализации длинный путь…*

Обратимся снова к биографии Н.Л. Добрецова:

С появлением и распространением концепции тектоники литосферных плит в 1970-е годы Н.Л. Добрецов все больше внимания уделяет проблемам общей геологической теории и проблемам неотектоники. На основе теоретического анализа строения и развития Земли он рассматривает глобальные процессы магматизма и метаморфизма как отражение общей гравитационно-геохимической дифференциации планеты. Результатом этих исследований стали фундаментальные монографии «Введение в глобальную петрологию» и «Глобальные петрологические процессы»…

Такие исследования едва ли доступны личности не крупномасштабной, не умеющей видеть, ставить и решать стратегические задачи. Заниматься изучением глобальных процессов, связанных с перемещением крупных масс в земных недрах, понимать и объяснять тектонику плит, то есть движение континентов, «открытие» или «закрытие» океанов и в то же время «мелко плавать» в перипетиях жизни — это несочетаемо, невозможно даже представить, что так

может быть. И не раз приходилось видеть приметы этой масштабности в самом Добрецове.

Перестройка науки с режима выживания на режим развития прошла в Сибирском отделении при нем. И прошла раньше и лучше, чем у других. Это был трудный, порой мучительный процесс, но все-таки не такой болезненный, когда науку приходится попросту «отменять». У нас ничего не отменили — ни математической, ни физической, ни биологической, ни археологической научной школы. Практически все ведущие математики Сибири вышли из математической школы Академгородка. Наука снова набирает силу и к «выживанию» возвращаться не собирается.

…Несколько лет назад в Питере я был приглашен в квартиру, где среди гостей находился и знаменитый писатель. А в это время как раз был опубликован перечень завоеванных учеными грантов по Российскому фонду фундаментальных исследований. Я тут же гранты пересчитал и увидел, что у сибиряков их впервые больше, чем у питерцев. О чем не преминул (и не без гордости) сообщить знаменитому писателю. Он усомнился. Я настаивал.

— А кто у вас сейчас после Лаврентьева командует Сибирским отделением?

(Давно известно, что для многих москвичей и питерцев «после Лаврентьева» в сибирской науке как бы уже никого и нет). Я ответил:

— Сейчас председатель Отделения академик Добрецов. Кстати, он родился в Ленинграде в профессорской семье.

— А-а! — не без ухмылки воскликнул знаменитый писатель. — Так и у вас там наши командуют. Тогда понятно, почему вы нахватали столько грантов…

Оставалось только промолчать в ответ. «Исторический» сибиряк все-таки действительно родился в Ленинграде — 15 января 1936 года.

Ролен НОТМАН

А корабль плывет...

Помнится, в декабре 1998-го Новосибирский оперный, и прежде имевший стойкую «непериферийную» репутацию у профессионалов от музыки, а годом раньше блеснувший оригинальной постановкой «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича, вновь привлек внимание как обеих столиц, так и Европы: на премьерные спектакли оперы Владимира Кобекина «Молодой Давид» в наш город одна за другой прибывали десантные бригады музыкально-критического бомонда. Который если не восхищался увиденным и услышанным, то, по крайней мере, не сетовал, что приехал за многие тысячи километров в морозную Сибирь... Встречал-знакомил-провожал гостей, конечно же, директор НГАТОиБ Валерий Егудин — опора и во многом инициатор творческих новаций.

У нас в России, вернее, в ее внутритеатральном пространстве есть стойкое предубеждение — актер не может руководить театром. Пусть народный, талантливый и даже хороший администратор — не может, и все. Невзирая на исключения, приводится масса примеров от Москвы до самых до окраин, на которых этот предрассудок выпестовался. Хотя на Западе такая практика — бывший солист, звезда во главе театра — отнюдь не редкость. О Егудине-директоре в ту пору за шесть лет его правления слова дурного никто в Новосибирске не сказал, но в критической ситуации «общенациональный миф» через не больно утруждающие себя раздумьями местные СМИ с неумолимостью русской дубины обрушился на бедную голову «бывшего тенора». Мол, тиран, чиновник — он не способен понять тонкую душу художника!.. Но об этом чуть позже — возвратимся к премьере «Давида».

Итак, разъехавшись по своим Европам, музыкальные критики написали статьи (которые, к сожалению, не стали широким достоянием музыкальной общественности Новосибирска), где непредвзятым взглядом, а по манере очень раскованно и по-западному стильно поделились впечатлениями об увиденном. И, в частности, почувствовали Егудина как незаурядную личность, высоко оценили его как администратора, собирателя уникальной труппы и организатора творческого процесса, для которого новации органичны, как дыхание, а также — достаточно гибкого продюсера и менеджера...

Вот, к примеру, начало статьи немецкого музыковеда Штефана Мешa (журнал «Опернвельт», 1999, N 5):

Отелло угадывается в нем и без костюма и грима. Широкие скулы, сильный подбородок, вьющиеся волосы, отсутствие шеи, но огромная грудная клетка, тяжелая походка — черты, присущие типичному тенору, драматическому тенору. Валерий Егудин является авторитетом не только на сцене, но и в жизни. Он не терпит возражений. Но временами в нем виднеется скрытая чувствительность, нежная меланхолия Отелло. Типичный тенор. Годами на сцене Егудин неистовствовал, жил и страдал, как кипрский полководец, как Герман в «Пиковой даме», как Каварадосси и Радамес. От Большого театра в Москве и до Одессы. Он является народным артистом СССР и профессором вокала в Новосибирске.

С 1992 года он живет и страдает в кресле директора Оперного театра. Атмосфера его кабинета больше соответствует сцене, чем рабочему месту. Три телефона с бархатным голосом автоответчика слева от огромного кожаного кресла. Факс, компьютер, видеомагнитофон — справа. На стене копия известного портрета Шаляпина работы Кустодиева. Только еще ярче, чем оригинал. На полукруглом, заваленном бумагами столе медная статуэтка: некрасивая, но важная — Новосибирский театр стал «Театром года» в России...

И после исторического экскурса о возникновении в Сибири «одного из самых больших театральных зданий мира» сущностное:

...Опера в Сибири — это опера вопреки всем трудностям. Валерий Егудин — один из немногих директоров в России, которые еще могут регулярно пла-

тить зарплату. С августа инфляция составила 400 процентов. Солист и прима-балерина получают сейчас в пересчете около 50 долларов в месяц. Техники и мастера — менее половины этой суммы. При этом цены в супермаркетах все больше и больше приближаются к западному уровню. Москва, находящаяся в 4-х часах полета от Новосибирска, считается самым дорогим городом Европы. Уход на пенсию означает буквально: идти просить милостыню. Поэтому Егудин дает работу и тем, кто достиг пенсионного возраста: это и некоторые солисты хора, и работники мастерских. Это создает тепло в климатическом и социальном холоде. При этом творческие результаты коллектива не страдают. Напротив, поскольку каждый знает, насколько ценна его работа, то он подходит к делу сконцентрированно и осмотрительно. Это прежде всего заслуга Егудина.

О гарантиях планов на будущее он может только мечтать — слишком часто меняются министры культуры и слишком часто они жмут его руку с обещаниями, чтобы он мог в них поверить. Как долго он еще сможет оплачивать труд 600 работников (в том числе 45 солистов оперы и 92 музыкантов оркестра), не знает никто. Продажа билетов, при цене в пересчете около 4 DM, не является источником доходов. Не помогает также и то, что зал, несмотря на его огромные размеры и социальные трудности общества, бывает заполнен на 80 процентов.

Самая большая проблема для директора Оперного театра Новосибирска? — «То, что мы уже 12 лет ведем ремонт», — отвечает Егудин, не задумываясь...

А вот цитата из интервью, данного музыкальным критиком, автором либретто «Молодого Давида» Алексеем Париным газете «Франкфуртер Альгемайне»:

...Оперный театр Новосибирска вовсе не стены, тщательно сохраняемые, но отлаженный механизм, в котором все

Справа налево: Валерий Егудин (Отелло) и Владимир Урбанович (Яго) в сцене из спектакля «Отелло».

детали держатся в состоянии близком к идеальному. Директор театра, еще недавно блиставший на его сцене в партиях Отелло и Германа, — тенор Валерий Егудин сумел не дать хаосу и безалаберности просочиться под купольный свод. Достаточно сунуть нос в костюмные гардероба, где царит идеальный, какой-то почти стерильный порядок (на трех этажах хранятся одеяния спектаклей, созданных за все 53 года существования театра), или в мастерские, где идет неторопливая кропотливейшая работа, чтобы ощутить устойчивость театрального корабля, плывущего проторенным курсом...

...Через год Егудин подает заявление об уходе. И вовсе не потому, что силы его иссякли. Как видится сейчас, спустя время (не вдаваясь в сюжетные ходы и персоналии), Министерство культуры начинает претворять в жизнь свою кадровую концепцию смены директоров-артистов деловыми людьми, по-нынешнему — менеджерами. Контракт с Егудиным официально не продлевается, что его весьма обидело, и он делает упреждающий шаг. К тому же общественное мнение, выражаемое, как мы уже говорили, местными СМИ, время от времени продолжает пенять директору НГАТОиБ на конфликт, а затем увольнение главного дирижера — Алексея Людмилина, в тандеме с которым было осуществлено много интересных замыслов и о котором как о музыканте Егудин всегда отзывался в превосходных степенях. Искру конфликта усиленно раздули «доброжелатели», которые в большом творческом коллективе, разумеется, нашлись.

Те, кто и сегодня в театре сожалеют о случившемся, говорят:

— Егудин — человек совершенно неискушенный в интригах. Это было не что иное как доверчивость Отелло: именно то, что он играл на сцене, — доверчивость и искренность. Говорил, что думает. И этим воспользовались... А жаль: при другом повороте отношений и событий для театра от этого творческого союза могло быть еще много-много пользы.

Он тоже так считает: — *Мне казалось, основная работа директора — не только следить за зданием, смотреть — в этом углу чисто, а в этом — нет, главное — создать дружескую и творческую атмосферу. У меня не было никаких личных амбиций. Это в Мариинском театре так сложилось, что Гергиев там бог и царь. У нас никогда не было статуса художественного руководителя в лице главного дирижера. У нас другая структура театра: директор, главный дирижер, главный режиссер, главный балетмейстер, главный хормейстер и главный художник — художественная коллегия. А бывает художественный руководитель театра, при нем исполнительный директор и т.д. Там другое штатное расписание, другие зарплаты — все иначе...*

Сегодня Егудин часто бывает в театре, ходит на все премьеры, творческие вечера, но о внутренней жизни театра не спрашивает и встречные разговоры не поддерживает. Считает, что с него свалился груз: *Спало какое-то колоссальное внутреннее давление. Ведь каждое утро я просыпался с мыслями: тепло в театре или холодно, кто-то заболел — сорвется спектакль или нет, гастро-*

ли — все ли продумано... Но любя театр, а не себя в театре, очень сожалеет, что новой команде не пригодился его проект реконструкции концертного зала на период переоборудования и ремонта основной сцены:

— Главное, что театр бы приобретал на все оставшиеся времена малую — камерную — сцену. Там открывалось такое поле для эксперимента! Как в вагнеровском театре, оркестр можно было разместить не перед зрителем, а в данном случае — на антресолях, а актеры бы при современных технических средствах общались с дирижером посредством телевидения. И это было бы совершенно другое качество спектакля. Я думаю, были бы аншлаги: это же интересно посмотреть, как это оркестр — за сценой?! И интереса этого бы хватило надолго. И, без сомнения, возникли бы принципиально новые творческие идеи...

...А теперь совсем недавняя картинка — июль 2002 года. Новый директор НГАТОиБ Борис Мездрич (которого, кстати, Егудин встретил дружеским рукопожатием и по собственному признанию не испытывает никаких ревнивых либо неприязненных чувств: «Он помоложе... Сил, наверное, побольше...») собрал летом в Новосибирске Международный фестиваль авторов телепрограмм о театре. Приехал сюда и хорошо известный на Западе оперный режиссер, арт-директор Национальной оперы в Брно, директор Международного телевизионного фестиваля классической музыки «Злата Прага» Томаш Шимерда. Много слышавший о Новосибирской опере, он попросил познакомить его с «кем-нибудь из творческих людей...»

Его представили Егудину. Встретились на даче. Но прежде всех разговоров Шимерда захотел послушать записи известного тенора. И все, больше никто ни о чем не говорил. Томаш переслушал все записи, пересмотрел спектакли... Это продолжалось несколько часов. А потом был эмоциональный монолог:

— Боже мой! Это что же, человек с таким роскошным голосом прожил всю жизнь в России?! И вы нигде больше не работали?! Не может быть! У вас ведь голос лучше Паваротти! Лучше! Вы этого сами не слышите?!

Разумеется, Егудин-профессионал знает цену своему голосу. Хотя от Шимерды такое слышать было приятно: Томаш не просто эксперт; сам бывший тенор, он работал как телережиссер и с Паваротти, и с Доминго, и с Барбарой Хендрикс. Но как большинство живущих в СССР, ставшем Россией, новосибирский певец особо прежде не задумывался о «перемене участи» и поэтому в ответ на восторги лишь благодарил гостя и мягко отшучивался.

Только через несколько месяцев, отвечая на мой аналогичный вопрос, попытался сформулировать:

— Наступает какой-то в жизни момент, когда понимаешь, что потенциал ты свой не использовал, что жизнь прожита зря... Даже так... Понимаешь, что гораздо больше мог сделать. Хотя скажи мне в юности, что стану я народным артистом СССР, да просто в пору, когда я осваивал азы в консерватории, что я спою какую-нибудь оперу от начала до конца — и мне хватит физичес-

кой силы, выносливости и голоса, я бы не поверил... Я и не верил, я просто на эту тему не думал... Я просто работал-работал-работал... Со временем стал осознавать свою удаленность от магистральных путей оперного искусства и чувствовать в какой-то мере невостребованность. Как раз в ту пору мне сделали несколько предложений, давали импрессарио, сулили гонорары... Я даже стал мысленно искать повод поприличнее, чтобы уехать. Но был в этом своем стремлении не очень уверен, что ли. Я постоянно чувствовал какие-то обязательства перед театром: театр сделал для меня и то, и другое, дал мне звание. Ко мне здесь такое отношение... Оно меня обязывало служить и как бы постоянно отдавать долг. Это касалось и конкретных ситуаций: когда я не уходил со сцены до окончания спектакля и пел с гипертоническим кризом. Врач говорил: «Надо немедленно прекратить спектакль», но я пел. Я не ожидал, что кто-то это потом оценит, просто это был мой долг.

Позже, будучи директором, он так же приходил за кулисы к балету, просил держаться: на сцене в морозные дни стоял страшный холод, а зал был полон... К его словам прислушивались, потому что он не был никогда чиновником, начальником, а был коллегой, человеком искусства.

Он не любил совещаний, но готов был в любое время часами обсуждать с художественной коллегией — руководителями оперы, балета, главным хормейстером или дирижером — вопросы творческие, их планы и замыслы. Самые дерзкие, на первый взгляд, идущие вразрез с академическим статусом НГАТОиБ. Он искал и лелеял таланты, придумывая непростые административные решения — снимал им квартиры, доплачивал к ставкам различные добавки и в результате собрал богатейшую по голосам труппу: молодые басы и

тенора, красивейшие сопрано из Новосибирска вскоре стали известны в столице, приглашались в спектакли Ла Скала.

Благодаря Егудину новосибирский балет обрел в эти годы художественного руководителя мирового класса — бывшего солиста Мариинки, известного и интересного балетмейстера Сергея Вихарева. Ни один из его спектаклей не остался без внимания в балетном мире, а «Коппелия» получила две «Золотые маски». Кстати, счет этим высшим на сегодняшний день театральным наградам в Новосибирске открыли упоминавшиеся нами оперы «Леди Макбет Мценского уезда» и «Молодой Давид»...

Егудин — не только творческая, но и, безусловно, харизматическая личность. Его личностный масштаб, если можно так сказать, обаяние и влияние на других этого масштаба было как-то очень соразмерно Новосибирскому оперному. Что позволяло ему, помимо престижных и значимых художественных контактов, в самые экономически смутные 90-е годы устанавливать на благо театру и контакты сугубо деловые: «выбивать» в министерстве зарплату коллективу, напрямую договариваться с заграницей о гастролях. Именно при Егудине были «протоптаны» основные гастрольные тропы НГАТОиБ: Испания, Португалия, Италия, Тайвань...

Директорствованию предшествовали 32 года певческой карьеры — там и набирался масштаб: второкурсником консерватории он спел первую свою партию, в 1970-м стал заслуженным артистом, в 1976-м — народным РСФСР, в 1984-м народным СССР.

Так и видится за этими крутыми витками творческого взлета закономерность успехов человека, выросшего в музыкальной среде. Музыкальная школа, посещение по выходным концертов и спектаклей, домашнее музицирование под одобрительные хлопки «понимающих толк» родственников и знакомых… Но все было иначе, хотя очень смутно свое призвание он мог почувствовать уже пятилетним — в 1941-м семья Егудиных из города Котовска Одесской области, где Валерий Григорьевич родился, была эвакуирована в старинный сибирский Енисейск: именно в ту пору взрослые ставили голосистого мальчугана на табурет, и он пел самозабвенно «Бьется в тесной печурке огонь», «Синий платочек», «Ночь коротка». Знакомые и соседи смахивали слезы, что его в свою очередь огорчало, хотя петь нравилось.

Детство было, как у всех: с пайками хлеба, помощью взрослым по дому, увлечением техникой — рядом с домом находился гараж техучастка, и мальчишек, перемазанных мазутом, невозможно было оттуда выманить.

В тринадцать лет тайком от родных Валерий отправляется на Украину — в свой родной Котовск, где и начинаются его «университеты»: работа учеником столяра, затем в плотницкой бригаде, самостоятельная жизнь в общежитии, первые трудовые мозоли и рубли… В шестнадцать, возмужавшим и стосковавшимся по дому, он возвращается в Енисейск.

Вечерняя школа, Красноярский учетно-плановый техникум, а там прямо-таки феерическое участие в самодеятельности: пение, конферанс, чтение

стихов, пародий, участие в драматических постановках… К окончанию техникума все окружающие настоятельно советовали «звезде» самодеятельной сцены продолжить свое артистическое образование всерьез.

В 1958-м дипломированный техник-плановик Валерий Егудин получил распределение в трест «Новосибирскуголь», где сразу же сообщил, что собирается поступать в консерваторию… Сегодня он с нежностью вспоминает о своих педагогах — супружеской паре Александре Павловиче Здановиче и Лие Яковлевне Хинчин. Первый в «стихийном» баритоне (Егудин считал, что у него баритон) разглядел и сформировал великолепный драматический тенор, вторая — развила музыкальный интеллект певца, шлифовала его артистизм…

…Сегодня для нас, новосибирцев, народный артист СССР Валерий Егудин — это прежде всего Герман в «Пиковой даме», Радамес в «Аиде», Пьер Безухов в «Войне и мире» и, конечно же, Отелло. Я, журналист «Советской Сибири», отчетливо помню 1981 год, то праздничное, романтически-возвышенное настроение, царившее несколько месяцев в театре: к постановке готовился «Отелло» Верди. Тогдашний главный режиссер оперного Ваагн Багратуни, давая интервью, объяснял: *Каждый театр, режиссер и дирижер мечтает об этой опере. Но одного желания мало, нужно, чтобы в труппе вырос, созрел, существовал, наконец, такой тенор, как Валерий Егудин. Это везение, счастливый случай...* А потом была премьера. И каждый билет на этот спектакль, ставший впоследствие на долгие годы визитной карточкой новосибирской оперы и одной из любимых партий самого певца, был в свою очередь фактом зрительского везения, счастливого случая...

Вот как оценивали спустя восемь лет после премьеры эту его работу специалисты: *В новосибирском спектакле Отелло-Егудин затмевает всех исполнителей силою своего голоса, лидирующим положением на сцене и каким-то особым магнетизмом, которым он наделен и благодаря которому постоянно приковывает внимание. И даже когда его нет физически на сцене, его ждешь, ждешь исхода его драмы, ждешь его поступков. Хотя исход известен, как говорится, с детства...*

Когда новосибирскую «Пиковую даму» с Егудиным-Германом во время гастролей театра НГАТОиБ в

Народные артисты СССР Валерий Егудин (Герман) и Лидия Мясникова (Графиня) в сцене из спектакля «Пиковая дама».

Москве услышали коллеги другого гастрольного коллектива — Шведской Королевской оперы, они пришли после спектакля за кулисы и признались, что новосибирцы открыли им пушкинскую историю в новом философском свете, а не как детективную. Восхищались: *Ваш Герман очень сдержан, а внутри у него все бурлит. И это хорошо, что нет внешних эффектов; он ни на кого не бросается, не рвет на себе волосы, не лезет на стол и не ломает стулья. Настоящие страсти поэтому — в голосе, в музыке.*

Более 50 партий спел Валерий Егудин в НГАТОиБ. Как пишет в своей очень основательной биографической книге о нем известный новосибирский музыковед Владимир Калужский: *Егудин как оперный певец создан для естественной жизни на сцене. Добавим, дарованный природой голос, а также открытое миру сердце, отношение к профессии как к долгу перед собой и людьми позволили Егудину стать настоящим творцом ярких сценических образов, носителем глубоких раздумий о жизни. Эти же качества не просто не давали ему никогда успокоенности, но рождали постоянную тревогу и даже накапливавшуюся время от времени усталость и дискомфорт: певец и актер никогда не может поставить в своей работе над партией точку. Он все время в поиске, даже если спектакль в репертуаре пять, десять и более лет.*

Надо сказать, что Калужский при всем большом объеме музыковедческого анализа зорко разглядел и отметил в своей книге особенности личности певца, как человека не самовлюбленного, не «по-звездному» часто рефлексирующего, склонного как к большим волевым и энергетическим прорывам, так и периодам некоторого душевного спада, отражающимся не на работе, а скорее на мировосприятии. Уже в зрелом возрасте Егудина томила его излишняя востребованность социумом: большое количество профессиональных и общественных обязанностей (ведущий солист, заведующий кафедрой сольного пения в консерватории и т.д.). Калужский замечает: *Беспрестанное участие в водовороте важных и нужных дел может родить у человека представление о суетности, ненужности этого огромного числа мероприятий, выступлений, заседаний, которым нет конца. Остановиться бы, задуматься, отдохнуть — кто из нас не сталкивался с этой проблемой? Может быть, поэтому в его голосе появляются нотки разочарования, когда он пытается рассказать о своей жизни последних лет?*

Сейчас, через два десятилетия обязанностей у Валерия Григорьевича перед различными общественными институтами, может быть, и меньше, но грустные нотки, увы, слышны в голосе вновь. Советник губернатора Виктора Толоконского по вопросам культуры, бессменный в течение восьми лет председатель правления местной организации Союза театральных деятелей России, он, стараясь при любой возможности помочь, сердцем глубоко печалится по поводу нынешнего бедственного положения своих товарищей по актерскому цеху:

— *Вы посмотрите на наших балерин! Пахали всю жизнь, нагрузки огромные, постоянное перенапряжение, а сейчас больные суставы и, можно сказать, полунищенское существование. Да и все другие...*

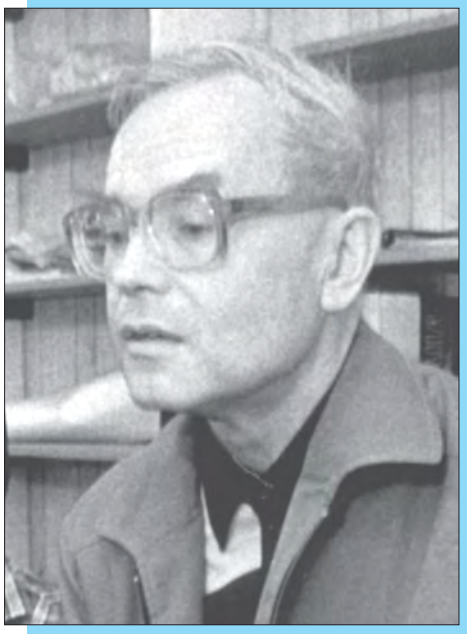
Замечу в скобках: у самого Егудина было три инфаркта, а оптимизма нашему разговору отнюдь не добавляло то, что на экране телевизора в его кабинете в Доме актера шел прямой репортаж о завершении операции по освобождению заложников — зрителей мюзикла «Норд-ост».

— Все это, конечно, угнетает. Но думаешь, ладно, такая нам досталась доля — жить в эпоху перестройки. И страна, наверное, еще не одно десятилетие будет перестраиваться. И, наверное, наши дети будут жить еще тяжело. А потом все наладится. И историки напишут: «Был в России кризис, который длился всего 50 лет...» Что это для истории? — Миг... Что остался здесь, не жалею... Сожалею лишь о том, что прими я те давние предложения, может быть полегче сегодня жилось моим детям...

Мрачновато? Сразу и не поймешь: оптимистический пессимизм это или пессимистичный оптимизм? Что поделаешь...

А вообще, со стороны, если не задавать нашему герою вопросов в лоб, не лезть в душу, смотрится он оптимистом. Да он и есть оптимист: как светятся его глаза, когда он видит на сцене ли, в жизни по-настоящему талантливого человека, с какой теплотой он говорит о своей семье — жене и трех дочерях, а также о внуке и внучке, с каким энтузиазмом рассказывает о вылазках на природу, особенно об осенних охотничьих зорьках, как свято верит в прекрасное будущее родного театра и города, в котором живет! Кстати, именно Валерий Егудин — руководитель творческого театрального Союза перенес на сцену концертного зала Оперного (тем самым подняв его статус) замечательный праздник — «Парадиз», где торжественно и одновременно по-актерски очень весело подводятся итоги театрального года. Этому новосибирскому «Оскару» нынче исполнилось уже 15 лет. Открывая церемонию вручения премий 2001-2002 годов, Егудин вышел на сцену в тельняшке и кепке и спел известную песенку Остапа Бендера из кинофильма: «Белеет мой парус, такой одинокий ...» Глаза светились, голос звучал, зал аплодировал артисту...

Татьяна ШИПИЛОВА



«Я вырос вместе с ЭВМ…»

Академик Андрей Ершов у парты с компьютером

Что лучше —
задать самому себе
миллион вопросов
Или ответить на один,
но заданный другими?

А. Ершов.
Стихотворение «Вопросы». 1983

Скупая справка вначале, пожалуй, не помешает. Напротив — без нее едва ли правомерен вопрос, ответом на который станут эти заметки.

Короткий вопрос — зачем? Зачем человеку, преуспевающему в основной своей деятельности, отвлекаться на занятия, для него вовсе не обязательные, но более чем обременительные? Занятия не обещают ни быстрых эффектных результатов, ни почестей, ни денег, но при этом для него неодолимо притягательны.

Тратит и тратит себя на «растапливание печки в поле», хотя мог бы комфортно «греться» у ярко пылающего камина своих профессиональных достижений.

Сухая справка — убедительное тому подтверждение.

Академик Андрей Петрович Ершов — лидер советского программирования. Идейный руководитель продуктивного сообщества новосибирских программистов. Под его началом создавались широко известные системы АЛЬФА и АЛЬФА-6 — первые в мире конструктивные доказательства возможности высокооптимизирующих трансляторов для языков программирования. А. Ершов — один из тех, кто заложил основы теории схем программ. Ему принадлежит теория распределения памяти. Он предложил принцип смешанных вычислений. Автор фундаментальных трудов по доказательному программированию. Фактический основатель отечественных работ по технологии программирования. (Предельно упрощаю формулировки: знающие — знают, незнающим — для общего впечатления).

Вице-председатель рабочей группы по Алголу Международной Федерации по обработке информации, иностранный член Ассоциации по вычислительной технике США, почетный член Британского общества по вычислительной технике.

Достаточно? Нет. Еще один справочный штрих к портрету: лидер отечественной школьной информатики.

Именно она и привела меня когда-то к Андрею Петровичу. «Когда-то» — не так и давно по историческим меркам, в середине восьмидесятых. Но суть тех разговоров сегодня может разве что умилять: кого надо агитировать за компьютеры, если без них уже непредставимы даже кассы по приему коммунальных платежей?!

А тогда… тогда академик Ершов нажимал и нажимал кнопку звонка в коммунальную квартиру, которую никто не спешил открывать. Одни крепко спали, другие считали, что звонки их не касаются, третьи опасались незванного гостя.

Образ, конечно, сомнительный. Однако на встречи с Андреем Петровичем я несла сомнения и настороженность нашей «коммуналки», так или иначе обеспокоенной его настойчивостью.

Ему очень нужна была общественная трибуна — и он не жалел времени на беседы с корреспондентом «Литературки» или телеведущим научно-образовательных программ.

Обращаюсь к своим старым записям с единственной целью — в них, мне кажется, виден живой Ершов в его «программных» отношениях не с числами, а с обществом.

— Андрей Петрович, ваш тезис: «Программирование — вторая грамотность» новизной уже, кажется, никого не ошеломляет. Тем не менее ваша идея быстрейшей компьютеризации школьного образования множит число скептиков («АСУ пережили, переживем и новый всеобуч»), а не энтузиастов. Да, наши первые скромные опыты убеждают, что ребенок находит с компьютером общий язык несравненно легче, чем взрослые, чье детство пришлось на до-электронную эру. Но решать задачи информатизации образования предстоит взрослым. Взрослые должны создавать машины и их математическое

обеспечение, писать учебники и методические пособия, преподавать, наконец. А ведь не так уж много тех, кто безоговорочно разделяет и вашу увлеченность вычислительной техникой, и вашу уверенность в неотложности обучения детей информатике. Вы призываете страну к действиям немедленным и решительным. Нужно ли, возможно ли это?

— Тут выбора нет! Мы живем не на отдельной планете и не можем оставаться безразличными к происходящему в других странах. Контактная поверхность между компьютером и повседневной жизнью людей возрастает стремительно — пожалуй, в десять раз каждые десять лет. И компьютеризация школьного образования — это глобальный процесс, это явление, в которое вовлечены миллионы людей. Компьютеры приходят в школы развитых стран в нарастающих количествах, и поступательное движение этого процесса, на мой взгляд, необратимо.

Чем скорее мы возьмемся за дело, тем лучше. Нужно ставить курс, готовить учителей, писать учебники, выпускать школьную вычислительную технику, перевоспитывать себя — и все это одновременно! И каким бы трудным ни представлялось нам новое дело, с какими бы сложностями мы здесь ни сталкивались, откладывать его уже нельзя ни на день.

— Создается впечатление «пожарной» ситуации. Она застигает нас врасплох?

— Впечатление поверхностное. «Бум» вокруг проблемы «ЭВМ в школе» — закономерность. Использование новых машин проходило вполне традиционные этапы — лаборатории ученых, опытные образцы в промышленности, внедрение в народное хозяйство, высшая школа и, наконец, школа. Развитие вычислительной техники в нашей стране именно сейчас вышло на уровень выпуска малых ЭВМ, пригодных для школы. Появился первый советский школьный персональный компьютер «Агат». Существует несколько десятков программ, разработанных специально для школы. Есть — хотя пока еще и не изданы — первые учебники. Так что — никакого «пожара», но большая и срочная работа. Конечно, придется преодолевать и ведомственные барьеры, и инерцию мышления.

— То, что я называю «скепсисом», вы называете «инерцией мышления»… Но как именно «преодолевать»?

— Я был бы слишком наивен, если бы полагал, что новый предмет обретет права гражданства в школьном образовании со сказочной легкостью. За фактами, подтверждающими реальность «инерции мышления», мне, к сожалению, далеко ходить не надо. Появилась, наконец, книга для подростков — «Первые уроки программирования». И что же? Она полтора года была предметом ожесточенных споров. Отрицалась сама попытка говорить с детьми о столь сложных предметах. В этом году книга все-таки выйдет в бибилиотечке «Квант», а могла бы уже сколько пользы принести.

У нас давно подготовлена книга «Информатика для педагога». Это и не курс, это и не учебник, но это хорошая книга для чтения, точно и доходчиво излагающая современный подход к постановке информатики в школе. Какова же ее судьба? До сих пор «футболят» от одного редактора к другому, из одного

издательства в соседнее. Вместо того, чтобы как можно быстрее издать это пособие хотя бы тиражом в 100 тысяч экземпляров к новому учебному году. Учителю было бы хоть что читать. Увы…

Может быть, подобные факты следует оценивать как естественный ход событий? Я не знаю… Но в любом случае надо работать и работать! Только работа способна создать в школе качественно новую ситуацию, отвечающую требованиям времени.

— Работать — не имея машин?

— Да, сейчас мы должны, не дожидаясь машин в каждой школе, а в порядке необходимого шага, ставить курс «Основы информатики и вычислительной техники». Это сравнительно небольшой курс объемом в несколько десятков часов, который даст теоретические основы программирования. Не пугайтесь слова «теоретические». Здесь под ним подразумеваются основные понятия программирования — алгоритмическая грамота, если можно так сказать, или алгоритмическая нотация. Курс должен продемонстрировать ее полезность для записи тех алгоритмов, которые уже знакомы школьникам по другим предметам — математике, химии, физике и т.д.

Постановка курса — задача педагогическая, методологическая. Но важнее, быть может, задача социально-просветительская, пропагандистская — объяснить людям необходимость и важность предстоящей работы. Так объяснить, чтобы в каждом Учителе обрести энтузиаста нового предмета.

— Вы верите в то, что это возможно?

— Верю! Я не просто верю — я совершенно уверен, что практически в каждом учителе дремлет незаурядный творческий потенциал, и он может быть разбужен именно благодаря безбоязненному контакту с ЭВМ. Но — ради этого нужно как следует потрудиться.

Одновременно с постановкой теоретического курса мы должны создать сеть хорошо оснащенных техникой школ. Я бы назвал их опорными. Крайне важно иметь такие точки роста, которые бы в идеальной форме показывали будущее нашей школы. Земская интеллигенция пореформенной России в XIX веке формировалась в основном из выпускников столичных университетов, бывших центрами духовной жизни страны. Пусть опорные школы будут резко отличаться от обычных, но учитель, проведя в такой две-три недели, вернется в свою более чем скромную школу другим человеком. Он будет знать, ради чего стоит «убиваться», что обещать детям. Доживет ли он до собственного вычислительного кабинета — он уверен не будет, но то, что его ученики рано или поздно встретятся с этими машинами, он будет знать твердо.

Одновременно со школой курс школьной информатики нужно ставить и в педагогических вузах. Но это особый разговор, а сейчас вот на что хотел бы обратить внимание: мы должны активно искать организационную форму переподготовки учителей. Практически на «повышение квалификации» чаще посылаются преподаватели вузов, а мы должны стремиться к тому, чтобы в течение пяти-шести лет каждый учитель математики или физики, каждый предметник из школы, которая вот-вот получит вычислительный кабинет, мог

бы один семестр провести на ФПК. За четыре месяца — это установлено опытом — учителя можно хорошо «переподготовить».

— Программа четкая, но реальна ли она? Техника дорогая, ее производством нам похвастаться трудно…

— Это так. Школьные машины — еще удовольствие дорогое. Каждая стоит несколько тысяч рублей. Однако уже видна машина, которая будет стоить меньше тысячи. Но опорные кабинеты — я убежден! — должно создавать и на существующей вычислительной технике. Для этого потребуется примерно 150 тысяч компьютеров. Сумма, конечно, большая, но она будет вкладываться в будущее нашей страны, а здесь никакие затраты несоизмеримы с результатами.

Задачи, стоящие перед нами, по моему глубокому убеждению — вполне решаемые. Главное — заставить сложившийся механизм работать в нужном направлении. Быстро публиковать книги. Проводить деловые совещания. Каждого учителя приобщить к новым знаниям. Каждого приблизить к ЭВМ…

— И все-таки — еще одно сомнение, довольно потрепанное, но неизносимое. Вы не преувеличиваете роли вашей ЭВМ? Говоря о всех учителях? О всех учениках? Зачем программирование шоферу такси? Или столяру? Или портнихе? Или…?

— Сам я вырос вместе с ЭВМ. И надеюсь, что знаю, какая роль принадлежит такой машине в общем воспитании человека. ЭВМ создает игровую ситуацию, но в этой «игре» она не дает вам никакого спуска. Вашей приблизительности, расхлябанности, несобранности, рассеянности и так далее. Кто сказал, что шоферу такси не нужна быстрота реакций? Столяру помешает

быстрота мышления, сообразительность? И — так далее. Машина вырабатывает в человеке ряд таких качеств, которые все более нужны ему в усложняющемся мире.

— Она делает человека… совершеннее?

— Она его развивает. Заставляет шевелить мозгами. Дисциплинирует ум. Тренирует сообразительность. Ведь сама Машина, ее возможности — это продукт интеллекта, и Интеллекта с большой буквы. Поэтому парта с компьютером — это пропуск в будущее, за которое мы несем ответственность.

В ту пору я не знала, что Андрей Петрович пишет стихи. А если бы знала, что бы изменилось? Содержание бесед? Едва ли. Поэтами — и профессионалами, и любителями — мою «Литературную газету» (и ее читателей) не удивишь. Явление же влиятельного поборника школьной информатики, еще не ставшей ни для общества, ни для государства «осознанной необходимостью», гарантировало внимание мыслящих людей. (К таковым относили мы аудиторию «Литературки»). В чем и не ошиблись — публикация обсуждалась учеными, учителями, даже чиновниками.

Но вот тональность разговора… Наверное, она могла бы приобрести дополнительные краски. В представлении не проблемы, а человека, взявшего на себя труднейшие переговоры со страной, еще не понимавшей языка парламентера будущего. Позволил бы Андрей Петрович процитировать в газетном интервью его стихи? Если бы мне удалось органично вписать и прокомментировать их в беседе, жестко замкнутой на прозаическую нашу реальность?

Сначала — ответ на второй вопрос. Мне бы — не удалось. Потому что нужен был бы другой текст — о нем, об академике Ершове, личности многогранной, выдающемся программисте и математике, одаренном сверх того еще и чувством «ответственности за будущее», еще и чувством слова.

А помогать журналисту в решении такой задачи он, насколько я понимаю, не согласился бы. Хотя бы потому, что пожалел бы газетного места, праздно отданного под «портрет», а не под рабочий чертеж «проблемы». Не говоря уж о смущении истинной интеллигентности, чуждой саморекламированию и публичным откровениям о себе, звездном.

Теперь, когда Андрея Петровича уже давно нет в живых, но есть небольшая — и небольшим тиражом изданная — книжечка его стихотворений, я вправе, наверное, обращаться к его поэзии. И, между прочим, небескорыстно — его лирические признания оправдывают включение в новые заметки давних бесед, в минувшую актуальность которых сегодня и поверить-то трудно.

Человеческая жизнь —
это краткий эпизод
в книге истории.
И в то же время
история — это всего лишь фон,
на котором человек
пишет книгу своей жизни.

Так и душа мечется, не зная покоя,
между ощущением своей малости
и неисчерпаемости…

Строчки, написанные в 85-м. Осенью. Когда, если не ошибаюсь, и пришла я в первый раз к Андрею Петровичу. С диктофоном. Набросками вопросов. И минимальной суммой необходимых сведений о собеседнике — при максимальном интересе к его вненаучной деятельности. А душа… Недосуг о ней думать пришпоренному злободневностью журналисту. Довольно с меня той душевной озабоченности, которую вкладывал Андрей Петрович в свою нематематическую программу компьютерного всеобуча. Программу и ясную и оптимистическую — вопреки не слишком располагающей к оптимизму реальности.

Ему было пятьдесят четыре. Жить оставалось всего три года. Томили ли его предчувствия надвигающегося ухода? Наверное… иначе откуда это трагическое ощущение «своей малости и неисчерпаемости»…

«Малость» — в том, что сделал? «Неисчерпаемость» — в том, что собирался сделать? Но он все-таки успел написать красивую «книгу своей жизни» — на «фоне» той самой истории, которую никто не волен выбирать.

В Сибирь Андрей Ершов попал в 43-м. В Кемерово, куда эвакуировали завод, на котором работал его отец, инженер-химик. Но мальчик с мамой, библиотекарем, до Сибири угодили еще и в оккупацию — на несколько месяцев, что потом припомнилось без вины виноватому Андрею.

Из-за этих месяцев его не приняли на физико-технический факультет Московского университета, куда он поступал в 49-м по окончании кемеровской средней школы. Сверхсекретную тогда «физику» государство юному Ершову не доверило, но — разрешило стать студентом механико-математического факультета МГУ. И… то ли талант подчинился судьбе, то ли судьба подчинилась таланту, но зачисление на мехмат оказалось счастливым и для Ершова, и для нового научного направления.

Направления под названием «кибернетика», получающего, наконец, гражданство в суровом нашем отечестве. Попал Ершов в ученики к великолепным учителям. К людям, убежденным в будущем кибернетики и увлеченным ее перспективами. Специализировался на кафедре вычислительной математики, возглавляемой Сергеем Львовичем Соболевым. На последних курсах, очарованный Алексеем Андреевичем Ляпуновым, «заболел» программированием. Так и определилась профессиональная судьба.

(Позволю себе небольшое отступление. В 57-м появилась работа — на правах рукописи — С.Л. Соболева и А.А. Ляпунова «Кибернетика и естествознание». Лет двадцать спустя в беседе с академиком Соболевым я упомянула эту работу, возвращая автора к времени, когда кибернетику еще нужно было утверждать в правах науки. Сергей Львович живо откликнулся:

— Обязательно! Нужно было развеять искусственные догматические утверждения. Но разве это научный спор?! Люди, которые «спорили» о кибер-

нетике, ни малейшего представления о ней не имели, они просто заявляли, что это плохо, и все!

Доказывать обратное — что «это хорошо» — должны были компетентные люди не робкого десятка. Нашлись такие…)

Университет Ершов окончил в числе первых выпускников по специальности «программирование». Три года провел в аспирантуре у Ляпунова — по определению справочников, «одного из основоположников советской кибернетики». А будучи еще старшекурсником, Андрей начал работать в Институте точной механики и вычислительной техники. Именно здесь формировался один из первых коллективов советских программистов.

В 58-м — готова у Ершова кандидатская диссертация (исследуется понятие операторного алгорифма). Но защищает он ее только в 62-м — сказывается еще настороженность математиков в восприятии новоявленной, и амбициозной, науки.

В 68-м — защита докторской (по методам построения трансляторов).

В 70-м — ему нет и сорока — становится членом-корреспондентом АН СССР, в 84-м — академиком.

Уверенное — и быстрое — восхождение. Получает признание и как автор блестящих работ, и как руководитель успешно заявляющих о себе коллективов программистов.

Уже в 57-м он возглавил отдел автоматизации программирования в только что созданном Вычислительном центре Академии наук.

И вскоре взялся — по просьбе академика Соболева — за организацию и фактическое руководство отделом программирования Института математики Сибирского отделения АН СССР.

В 60-м — окончательно перебрался в Сибирь. С появлением Вычислительного центра в Академгородке отдел программирования входит в его состав (64-й год).

Благодаря Ершову новосибирский Академгородок становится одним из ведущих центров программирования в Советском Союзе. Складывается теперь уже широко известная новосибирская школа системного и теоретического программирования. С именем Ершова связаны важнейшие события программистской жизни в

СССР. Он — инициатор авторитетнейших конференций и семинаров по ключевым проблемам программирования. Член редколлегии основных советских профильных журналов. Редактор (с момента образования) журнала «Микропроцессорные средства и системы». Руководитель по разным поводам возникающих комиссий и рабочих групп.

В 87-м — председатель Совета по кибернетике, координирующего все отечественные академические исследования по информатике и программированию.

…И зачем ему эти муки со школьной информатикой в огромной стране, еще не научившейся даже правильно выговаривать трудное заморское словечко «компьютер»?

Объяснение первое — и очевидное. Сама атмосфера Городка, краеугольный принцип Сибирского отделения — выращивание подроста! — так или иначе вовлекали в эту деятельную «заботу о будущем» всех энтузиастов строительства академической Сибири.

Как и многие другие, Андрей Петрович принадлежал не только науке, но и образованию. Начинал на мехмате Новосибирского университета чтение курсов по программированию. Первый в нашей стране прочитанный Ершовым в НГУ курс стал основой его монографии «Введение в теоретическое программирование. Беседы о методе».

Ершов организовал и бессменно руководил коллективом преподавателей программирования. Этому коллективу обязаны появившиеся со временем — уже без Ершова, но усилиями его учеников — кафедры вычислительных систем и программирования мехмата НГУ.

И, конечно, он не только преподавал сам, но и учил других — как учить программированию, предлагал методики и тщательно продуманные планы подготовки системных программистов в вузах.

И Бог бы с ней, с бедной нашей средней школой, для которой иногда и глобус обыкновенный — хрупкая мечта учителя географии.

Но… В одной из наших бесед Андрей Петрович вспоминал:

— В середине семидесятых мы стали задумываться над тем, как учить детей обращаться с ЭВМ. Поскольку в школах вычислительной техники еще и в помине не было, Гурий Иванович Марчук разрешил запустить детей в Вычислительный центр. Ребята от 10 до 15 лет забили все вакантные места у терминалов, графопостроителей, проникли в святая святых — комнаты машинной графики, путались у всех под ногами, мимоходом распечатывали какие-то собственные программы. Словом, на ВЦ случился переполох, многие не одобрили это нашествие. Но акция сыграла свою роль — все увидели, что ребята способны работать с вычислительной техникой с малых лет.

Увидели — и решили действовать. Исходный радиус действия за пределы «своей» окружности не выходил — начали с Академгородка. Первые терминалы — по инициативе председателя Отделения академика Г.И. Марчука и, конечно же, главного программиста А.П. Ершова — появились в 130-й школе в 76-м.

В конце семидесятых Ершов, его ученики и сотрудники составляют первые пособия для школьников, просвещают учителей, ведут занятия в районной школе юных программистов. В Президиуме Сибирского отделения тем временем обсуждаются возможности конкретной помощи школам в освоении ЭВМ. Школы Городка прикрепляются к базовым «покровителям» — академическим институтам: расписывается, кто, где, когда будет оснащать классы вычислительной техникой, налаживать, ремонтировать, готовить программы.

В работу все энергичнее вовлекаются ученые, преподаватели, аспиранты и студенты НГУ, потенциал ФМШ — и учителя, и ученики.

Когда в школах страны насчитывались два (всего два!) экспериментальных вычислительных кабинета, то один из них был в Москве, второй — в новосибирском Академгородке.

Первый цикл учебных передач «Основы информатики и вычислительной техники» снимался Центральным телевидением в Академгородке.

Андрей Петрович и его аспирант Геннадий Звенигородский три года вели на страницах журнала «Квант» заочную школу программирования. И все более притягательной становилась новосибирская Летняя школа юных программистов — поначалу региональная, потом — общесоюзная, на втором десятке жизни — даже международная (приезжали школьники из Болгарии, Чехословакии, ГДР). Ее научный руководитель Андрей Петрович Ершов непременно знакомился с каждым новым набором, предваряя знакомство серьезным — и ободряющим — вступлением к предстоящей работе.

Вот, например, фрагмент сохранившейся у меня записи.

А.П. Ершов: — *…конечно, не от хорошей жизни мы должны начинать изучать в школе информатику, не имея машин. Но хочу заметить, что в таком же положении оказалось лет двадцать назад все студенчество страны — важность вычислительной техники уже была осознана, но на весь Советский Союз приходилось считанное количество ЭВМ. Тем не менее, программирование стали изучать во всех вузах. Целое поколение советской технической интеллигенции знакомилось с ЭВМ и программированием практически без машин. Вы скажете, что они взрослые люди и у них больше терпения, они знали, на что идут. Но ситуация изменилась, электроника неудержимо просится в школу, и именно вы должны быть готовы к освоению новых массовых профессий. Прежде чем решить задачу на машине, нужно понять ее математическую модель, найти формулы решения, постичь правила построения алгоритма. Давайте знакомиться!*

Олег, приехал из Тальменки Алтайского края. — У нас на машиносчетной станции была одна машина — «Нева-501». И наш учитель Владимир Николаевич сперва показал нам игры на ЭВМ, а уже потом мы и сами стали придумывать задачки. Понравилось!

А.П. Ершов: — *Так вы у нас новичок?! Всякий раз приятно встречаться с людьми, которых личная увлеченность приводит в нашу школу. Живой ум должен обязательно за что-то зацепиться — за статью в газете, за передачу по телевизору, за задачку в журнале. Неважно как, но обязательно должна соткаться ниточка личного интереса к предмету, она и поведет через препятствия, выведет к людям, которым интересно то же самое.*

Карина, из Ленинграда. Интернат при ЛГУ: — Среди моих знакомых есть не только те, кому очень нравится новый предмет. Гораздо больше таких, кто видит в нем обузу. Ненужную и удручающую. И очень важно как следует поставить его с самого начала.

А.П. Ершов: — *Как правило, от человеческих недостатков больше всего достается новому. Потому что для обывателя, для незаинтересованного человека, для ленивого ума страшно все, что меняет его привычные представления. И вы правы — наш новый предмет пока еще так беззащитен, что постоять за себя не может! Какую нам занимать позицию — примиренческую или боевую? Для меня тут нет вопроса. Чем труднее движется дело, тем более необходимо наступательное отношение. Могу сказать категорически: нельзя откладывать хотя бы на год введение информатики в средней школе!*

…Какое же несметное количество виз, одобрений, разрешений, согласований требовалось получить организаторам первых экспериментов по школьной информатике! Ершова это не останавливало. Ради чего испепелял себя человек, и не предполагавший такого хода истории, при котором лучшие программисты его Родины будут востребованы лабораториями чужих стран?

Вот и еще одно, тоже не слишком затейливое, объяснение: Ершов — идеалист. То есть — личность с высокими идеалами, которые вовсе не пустой звук, а суть построенной им для себя «программы».

Неповторима жизнь, коль прожита сполна,
И общезначима, коль отдана народу.

Написал за пять лет до смерти. Думал об итогах? Или о планах на будущее?

В последние годы работал над созданием школьной энциклопедии по информатике. Незадолго до смерти подготовил рукопись варианта концепции информатизации народного образования.

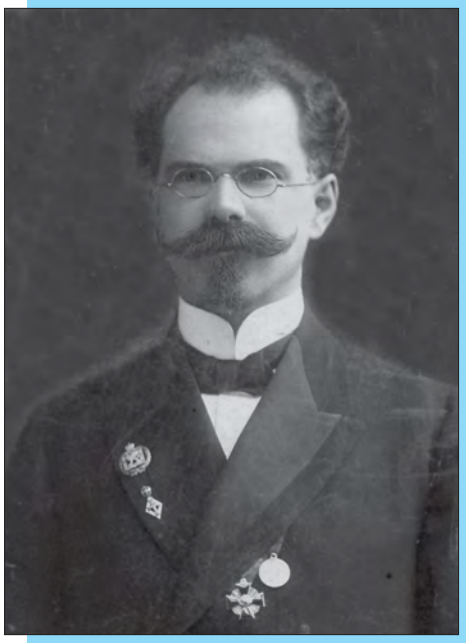
Стал бы он этим заниматься в условиях неодолимой (пока?!) утечки наших золотых мозгов в чужие золотые кладовые?

Думаю, по отношению к Андрею Петровичу Ершову вопрос некорректен. Делал бы все возможное для того, чтобы Родина набиралась ума-разума и выбиралась из тех ям, в которые угодила.

Где-то услышала недавно: во время крутых перемен хорошие люди становятся еще лучше, плохие — еще хуже. Похоже, это именно так. И хороший человек Андрей Петрович Ершов стал бы только лучше… точнее — не стал бы (не знаю за ним серьезных изъянов), а еще ярче проявился бы в качествах, свойственных идеалисту. Вера в будущее Родины, самоотверженное ей служение, работа с детьми, ответственность за которых только возрастает…

Его отдел программирования в 90-м преобразовался в Институт систем информатики. А в 95-м этому Институту присвоено имя академика А.П. Ершова.

Замира ИБРАГИМОВА



«За труды на пользу города…»

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Ф. Тютчев

Начало XX века. Молодой город Ново-Николаевск* бурно растет и развивается, довольно быстро входя в число ведущих торгово-транспортных центров Сибири. Еще в середине 1900 года «Сибирская торговая газета» сообщала: *…Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: Новониколаевск со временем будет одним из больших сибирских городов. Вообще Новониколаевск производит приятное впечатление… пожелаем ему сделаться исполином в смысле просвещения и промышленности.* Население молодого города к 1910 году

* В архивных документах того времени существуют два варианта названия города: Ново-Николаевск и Новониколаевск.

составляет уже более 60 тысяч человек. С 1 января 1909 года в Новониколаевске вводится полное городовое положение, согласно которому жители города получают право выбирать городскую думу и иметь городскую управу. Городу требовался хороший, деловой организатор. И такой человек нашелся.

Владимир Ипполитович Жернаков — из семьи известных купцов и промышленников Сибири. Его отец, Ипполит Александрович, в 1885 году основал в Колывани крупный свечной и мыловаренный заводы. Товарищество «И.А. Жернаков с сыновьями» имело сотню магазинов по всей Сибири, в которых продавали буквально все — от хомутов и механических сенокосилок до мяса и тропических фруктов.

20 марта 1894 года дядя будущего городского головы, Евграф Александрович Жернаков, открыл в поселке Александровском первый магазин «Универсальный». Это было настолько значимое событие, что дату открытия магазина местное купечество предлагало считать датой основания Новониколаевска.

Предприимчивость, честность и порядочность в делах, свойственные известным купеческим родам, хорошее образование (Владимир Жернаков окончил юридический колледж в Петербурге, знал несколько языков), индивидуальные черты характера создали незаурядную личность.

Впервые имя В.И. Жернакова появляется в документах управы в июне 1905 года — на закрытых выборах кандидатов уполномоченных. По количеству набранных голосов он стоит на третьем месте (74 голоса «за», 17 — против). К сожалению, в фондах Государственного архива Новосибирской области не обнаружено документов о его деятельности в 1906-1907 годах, но уже в январе 1909 года появляются записи: «Председательствовал: Городской голова В.И. Жернаков».

В эти годы В.И. Жернаков занимается делом исключительной важности, практически он руководит своеобразным «штабом» по защите проекта строительства железной дороги Новониколаевск—Бийск—Семипалатинск. В борьбу за этот проект включаются Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Семипалатинск. Единственная Сибирская магистраль не могла полностью обеспечить интересы местной буржуазии, так как основная масса грузов попадала на сибирскую дорогу только в короткий летний навигационный период по Оби, а зимой товарное движение ограничивалось возможностями гужевого транспорта. Отсутствие постоянной связи с рынком и невозможность быстрого оборота капитала тормозили развитие промышленного производства и способствовали проявлению активности алтайской буржуазии при обсуждении вопросов о направлении железнодорожного строительства.

В созданный «штаб» входили руководители городских дум вышеназванных городов, регулярно встречавшиеся и обменивавшиеся телеграммами и письмами. Кроме того, известно, что летом 1908 года Жернаков посылал министру путей сообщения, министру финансов, государственному контролеру и начальнику Сибирской железной дороги ходатайства Новониколаевс-

кого городского общественного управления о переводе Управления дороги из Томска в Новониколаевск, так как он «находится в срединном пункте Сибирской магистрали». В октябре 1908 года он вместе с С.Ф. Дуниным-Марцинкевичем, Г.И. Жерновковым и К.Ф. Леншкевичем отстаивал интересы алтайских городов в Петербурге в Комиссии по железным дорогам. В ноябре того же года в Томске проходило совещание по выработке плана железнодорожного строительства в Томской губернии, на котором присутствовали представители Кабинета и городов губернии. В ходе совещания окончательно выявились противоречия между Томском и алтайскими городами. Томск постепенно утрачивал свое экономическое влияние, а молодой Новониколаевск превращался в господствующий экономический пункт окружавшей его области. Новониколаевск рос в центре обширного сельскохозяйственного района, и к нему тяготела богатейшая полоса Томской губернии — Барнаульский, Бийский, Кузнецкий и Змеиногородский уезды. Станция на главной сибирской железнодорожной магистрали и пристань на среднем течении Оби способствовали развитию города как транспортно-торгового центра.

В 1909 году В.И. Жернаков посылает в столицу свои «Соображения о стратегическом значении железнодорожной линии Семипалатинск—Барнаул—Бийск—Новониколаевск», «Записку о развитии Обского пароходства», направленную губернатору Томской губернии с аргументацией выгоды для Обского пароходства проведения новой железной дороги именно через Новониколаевск и «Ходатайство алтайских городов перед Управлением Кабинета Его Императорского Величества».

В период 1909-1911 годов Жернаков несколько раз сам ездил в Петербург и пытался убедить членов Комиссии по железным дорогам поддержать Новониколаевскую и отклонить другие линии магистрали. 27 апреля 1910 года Комиссия проголосовала за дорогу через Новониколаевск с Бийской веткой — 20 голосов, против — три; затем 10 марта 1912 года вопрос был положительно решен на заседании Государственного совета, а 3 июня 1912 года Высочайше утвержден. Таким образом, большую роль в решении вопроса о направлении Алтайской железной дороги сыграла активная деятельность Городской думы Новониколаевска и лично В.И. Жернакова.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют, что в 1909-1914 годах Новониколаевском руководил человек достойный, умный, волевой, видящий возможности города и плодотворно работающий для его блага. И это, надо сказать, были годы наибольшего взлета деловой активности, развития культуры и образования дореволюционного Новониколаевска.

Бюджет города за это время вырос в три с лишним раза. Стоимость промышленной продукции составила 11 млн. рублей, по ее выпуску город вышел на первое место в Сибири, торговый оборот Новониколаевска достиг 25 млн. рублей, население к этому времени увеличилось до 89 тысяч человек.

Одновременно с ростом города, появлением многочисленных торговых

заведений, фирм, банковских отделений, промышленных предприятий, расширением экономических связей с другими городами формируется и так называемая городская среда. После крупного пожара 1909 года больше внимания стало уделяться строительству каменных зданий, в некоторых кварталах Центрального района возведение деревянных построек было даже запрещено (Положение от 28 августа 1909 г.). В 1910-1912 годах владельцы частных усадеб обязывались за свой счет засадить лиственными деревьями участки улиц против домов, обустроить тротуары. На 10 лет вводится новый налог — на мощение улиц, причем готовые участки принимаются по акту только через год — после проверки временем. Проектируется водопровод, строится первая электрическая станция, появляется городской телефон, открывается паромная переправа. Рассматриваются проекты понтонного моста через Обь, прокладки трамвайных путей, организации справочной службы и т.д.

В мае 1910 года Новониколаевская Городская управа в лице городского головы В.И. Жернакова заключила с известным сибирским архитектором Андреем Дмитриевичем Крячковым договор, в котором тот принимал на себя «общее заведование техническим надзором, составление планов и смет для постройки Новониколаевским Общественным Управлением каменных зданий — базарного корпуса и тринадцати городских школ». Было решено построить 13 городских школ различной вместимости. По переписи от 25 января 1910 года число жителей Новониколаевска достигло 52695 человек, из них — 4130 детей. Обучением должно было быть охвачено 3776 детей. Строительство школ вполне разрешало проблему, даже при односменных занятиях в них, и должно было быть осуществлено за два сезона. Постройкой столь необходимых школьных зданий город вплотную подошел к решению вопроса о введении всеобщего начального обучения. И в 1911 году всеобщее обучение в Новониколаевске было введено, а в 1913-м город признали лучшим в России по организации начального школьного образования.

…Прошло 20 лет с того дня, как был открыт универсальный магазин купца Е.А. Жернакова в поселке Александровском, всего четыре года с того дня, как Новониколаевск стал «полноправным городом России», а комиссар русского отдела Международной выставки во французском городе Лионе обратился в Управление Государственного банка в Петербурге с просьбой рекомендовать на выставку, открывающуюся 1 мая 1914 года, сибирский город, *желательно Новониколаевск*. И банк поддержал эту инициативу.

Состояние здоровья, к сожалению, не позволило Владимиру Ипполитовичу Жернакову и далее занимать пост градоначальника Новониколаевска, но впоследствии он представительствует в органах власти города, работает в комиссиях и организациях, занимается коммерческой и финансовой деятельностью. Совершенно очевидно, что этот человек не мыслил своей жизни без общественно полезного дела.

18 марта 1914 года «за понесенные им труды на пользу города в течение пяти лет руководства городской Думой» Владимир Ипполитович Жернаков

удостаивается звания «Почетный гражданин города Новониколаевска».

В целом послужной список В.И. Жернакова выглядит весьма внушительно и достойно: в 1909-1914 годах он голова Городской управы Новониколаевска, в 1915-1916 годах — директор новониколаевского Мукомольного товарищества, в 1920 — директор новониколаевского отделения Сибирского банка, в 1920 году — технический секретарь в институте физкультуры в Томске. В 1920-1922 годах — коммерческий директор в томском Губсоюзе. В 1922-1929 годах — товарищ управляющего новосибирского Госбанка. В 1929-1930 годах — коммерческий директор в «Сибрыбтресте» Новосибирска.

С 1917 года В.И. Жернаков — член партии конституционных демократов.

До последнего времени исследователям были недоступны хранившиеся в архиве ФСБ материалы о судьбе этого видного муниципального деятеля Сибири, особенно относящиеся к 30-м годам. Ныне появилась возможность восполнить данный пробел.

Историк Лидия Воробцова* пишет: «До 1917 года в Новониколаевске было несколько тысяч предпринимателей, которые открывали в этом молодом и быстро растущем городе промышленные предприятия и магазины, строили дороги, школы, кинотеатры и больницы. В большинстве своем это были энергичные и способные люди — выходцы из различных сословий (купечества, мещанства, крестьянства и дворянства). После революции всех их стали называть «бывшие». Народу внушалось, что все «бывшие» — скрытые враги советской власти, и чем быстрее они будут устранены, тем лучше для общества. Теоретическим обоснованием гонений на них стал выдвинутый Сталиным тезис о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется. «Бывшие» оказались в родной стране на положении изгоев. Они подвергались всяческим униженьям, ограничениям в приеме на работу, предоставлении жилья, размерах пайка, определении детей в учебные заведения и т.д. Первые аресты и преследования начались в 1920 г., с начала 30-х репрессии приобрели значительно больший размах».

В 1931 году В.И. Жернаков расстался с женой Ольгой Васильевной и переехал на Украину. Детей в браке у него не было, а из родственников оставались только мать в Томске и сестра Глафира в Новосибирске. В феврале-марте 1931 года сотрудниками ОГПУ в Новосибирске «была раскрыта контрреволюционная вредительская организация в системе потребительской кооперации и Госбанке», якобы возникшая в 1921-1923 годах. По делу арестовали 24 человека. За одним из основных фигурантов «дела», В.И. Жернаковым, чекисты отправились на юг России, и он был арестован 2 марта 1931 года в Харькове. Ему вменялось в вину членство в партии кадетов, работа по сбору военных

---

* Л.Н. Воробцова. Новониколаевские предприниматели, подвергшиеся репрессиям. /Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII-XX вв)./ Бахрушинские чтения 1998 г. /Н-ск, 2001 г.

налогов во время колчаковского режима, эмиграция в Томск вместе с белыми после разгрома Колчака, а также то, что у него до революции было несколько домов в Новониколаевске и что он «являлся лидером местной буржуазии». Главное же обвинение состояло в том, что «контрреволюционная организация, одним из руководителей которой он являлся, ставила своей политической задачей борьбу с Советской властью и ее свержение, для достижения чего проводилось вредительство в народном хозяйстве».

Из всех осужденных только шестеро не признали себя виновными и ни на кого не дали «обличающих» показаний, в их числе был и Владимир Ипполитович Жернаков. На всех допросах он пытался доказать следователю, что «не был вредителем, никогда не проводил мероприятий, могущих принести вред хозяйству», и все произошедшее — чудовищная ошибка. Так, 17 апреля 1931 года Жернаков собственноручно пишет уполномоченному 3-го Отделения ОГПУ Бурундукову следующее:

Я сам являлся служащим 21 год в разных должностях и прекрасно понимал, что единственный путь народов — это власть трудящихся. По приказу Сибревкома в 1922 году я пошел работать, имея одно желание — отдать свои знания, опыт на пользу строительства новой жизни. В 1917 году я по своей инициативе внес в кассу Совдепа 2400 рублей и получил благодарность. Во времена Колчака, когда первый председатель т. Романов был приговорен к расстрелу, то я по его просьбе был вызван свидетелем, и благодаря моим показаниям, расстрел был отменен. В бытность мою городским головой, я скрывал и держал нелегально т. Александрова Л.П., партийца... и т. Петухова..., что свидетельствует о моем отношении к власти трудящихся. Прослужив 11 лет, я имел дело с сотнями партийных товарищей. Знаю, что я честно служил и никакими другими мотивами не руководствовался.

На протяжении всего следствия В.И. Жернаков очень плохо себя чувствовал, к нему неоднократно вызывали врача, начались галлюцинации. Так, в акте медицинского освидетельствования от 29 марта 1931 года было записано: «больной периодически плачет, но определенных жалоб нет, кроме как на боль в голове и на ощущение пустоты в голове, пульс 120 ударов в минуту, тоны сердца глухие, размеры увеличены, поверхностные сосуды склерозированы. Общий вид: блуждающий взор, все время точно к чему-то прислушивается и приглядывается в пространство... в месте не ориентируется, окружающих не узнает. Со стороны психики острая спутанность...»

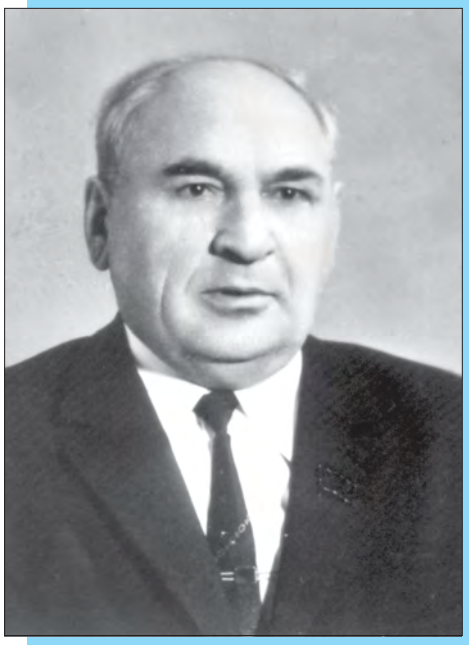
11 июня Жернакова обследовали еще раз и теперь уже записали, что он «не обнаруживает признаков душевного расстройства», т.е. практически здоров. 16 июня ему предъявляют обвинение, где отмечается, что ранее он симулировал психическое расстройство. Дело его сразу направляют для рассмотрения во внесудебном порядке в Коллегию ОГПУ, которая и выносит приговор — пять лет концлагерей.

21 сентября 1932 года вышло Постановление Президиума ЦИК СССР, подписанное секретарем ЦИК А.Енукидзе, о сокращении срока заключения

В.И. Жернакова в лагере до трех лет, учитывая его ходатайство о помиловании. Как сложилась дальнейшая судьба В.И. Жернакова, к сожалению, до сих пор не известно. Есть только скупые данные, что срок он отбывал где-то под Новосибирском и был реабилитирован лишь в октябре 1991 года.

Умом Россию не понять… В Россию можно только верить… Неслучайно эти строки Ф. Тютчева вынесены как эпиграф к судьбе Владимира Ипполитовича Жернакова. Русского человека всегда спасала вера. И хочется думать, что даже в условиях чудовищной несправедливости и правового беспредела, допущенных по отношению к первому «мэру» Новосибирска, он не ожесточился, выстоял и до конца дней своих не утратил главного — Веры в счастливую будущность города, для которого так много было им положено трудов. А мы, жители этого города, уже из двадцать первого века вспоминаем «городского голову» Владимира Ипполитовича Жернакова с уважением и признательностью.

Ирина КОСАРЕВА



Те заводские проходные…

К мастеровым людям на Руси всегда относились с уважением, особенно на рудном Урале, а Трофим Николаевич Забалуев пользовался среди златоустовских металлистов широкой известностью как токарь высокого класса. Поэтому считалось в порядке вещей, что и сын его Валентин с детства тянулся к «железкам». Удивляло другое: необъяснимая тяга подростка, а потом и юноши к немецкому языку. Впрочем, оба эти увлечения впоследствии пригодились Валентину Трофимовичу.

Родился он 18 сентября 1908 года в городе Миньяр, что между Уфой и Златоустом, и с раннего детства главной отличительной чертой его характера была неукротимая тяга к самостоятельности. Женился он рано, жена Маша была еще моложе его, но они сразу решили отделиться и жить самостоятельно. Предпосылки к этому имелись

вполне обоснованные: Валентин уже работал мастером на машиностроительном заводе, а Маша после окончания педучилища воспитывала дошколят.

В архиве знаменитого златоустовского предприятия сохранились документы о том, что Валентин Забалуев руководил ударной бригадой «Искра». Как специалист, хорошо владеющий немецким языком, был направлен в Германию для изучения новейшей технологии и современного оборудования. Вернувшись, он организовал производство инструментов и оснастки, и завод отказался от импорта. Быстро продвигался вверх по служебной лестнице. И он, и его производство оказались в какой-то мере подготовленными к работе в жесточайших условиях войны.

В 43-м Валентин Трофимович был назначен главным инженером прославленного Челябинского завода имени Орджоникидзе, где одним из основных изделий были боеприпасы. Предприятие работало неустойчиво, многие участки держались только на ручном труде. Забалуев сутками не уходил из цехов и лабораторий, осунулся, но оставался в боевой форме, строг и уравновешен. Казалось, на пустом месте, в ситуации, из которой невозможно что-то «выжать», с помощью местных специалистов находил резервы, позволившие в кратчайший срок смонтировать более десятка комплексно-механизированных линий с установкой непосредственно на них печей для нагревания деталей. Производство боевых припасов увеличилось в полтора раза. Через год, в 44-м, Забалуев был назначен директором завода — предприятия, которое внесло громадный вклад в победу. Впоследствии один из крупнейших государственных деятелей того времени Н.С. Патоличев высоко оценил заслуги предприятия.

А вот такая оценка ситуации в другом ракурсе. Мария Ивановна, которой нынче 92 года, перелистывая старый фотоальбом, рассказывала:

— В Златоусте мы получили двухкомнатную квартиру. Как только началась война, к нам, как и ко всем другим, сразу подселили эвакуированных. Жили, конечно, в тесноте, но не в обиде. Правда, в голоде и холоде. Валентин Трофимович редко бывал дома. Иногда заскакивал на часок-другой. Ночами только и видел сына, а Гоша подрастал, его организм требовал хлеба, мяса, яиц. Ничего не хватало. Само собой разумеется, я тоже работала на заводе и получала свои законные восемьсот граммов хлеба. Если выходила во вторую смену, давали еще двести граммов сверх нормы. Поэтому сын сутками частенько оставался один. Эти двести граммов я не выкладывала на стол. Я их выменивала на поллитра молока, устраивала сынишке праздники. Ничего ценного никогда в семье не было. Муж до войны купил себе велосипед и плащ. Они пригодились. Я отвезла их в деревню и выменяла на продукты. Примерно так же было и в Челябинске…

Георгий Валентинович, тот самый Гоша, которому сейчас семьдесят, широкоплечий, в отца, крепыш, с улыбкой добавляет:

— Годы войны помню. Особенно врезался в память День победы. Отец еще раньше наказал, чтобы внимательно слушали радио, не проморгали великое

событие. Мы, ребятня, уже привыкшая к салютам, ждали этот день. И когда он наступил, вся улица, весь город ликовали… Мы с мамой были на площади. Отец и в эти минуты не мог уйти с завода, был рядом с рабочими. Увидели его опять же только ночью. Прибежал худющий, заросший щетиной, счастливый… Расцеловал маму, по мужски пожал мне руку:

— Выдюжили, сынок! Одолели вражину! Теперь-то мы заживем!

Сыну тогда показалось, что отец пришел с фронта…

Но с неба манна не сыпалась. Забот у отца не убавилось.

Неумолимо, безостановочно работал государственный механизм. Страну, которая победила и в итоге оказалась полуразрушенной, надо было поднимать из руин — накормить, одеть народ, дать ему тепло.

По решению правительства в Новосибирск, на завод «Сибсельмаш», в годы войны производивший боеприпасы, была направлена бригада во главе с замминистра для изучения обстановки и выработки предложений по переводу предприятия на мирные рельсы. В состав бригады был включен и директор челябинского завода Забалуев. Знатоки номенклатурных хитросплетений понимали: в верхах он намечен на организацию прорыва.

Новосибирск в те времена был похож на птицу с одним крылом. Часть города, расположенная на правом берегу Оби, была хотя и в малой степени, но обустроена. Левобережье представляло собой пустырь — обычная сельская местность с мелкими деревушками. И «Сибсельмаш» являлся тем самым животворным отростком, который обещал вырасти и стать вторым полнокровным и сильным крылом «сибирского Чикаго», необходимым для свободного и гордого полета.

Биография «Сибсельмаша» началась в декабре 1929 года. Совет Труда и Обороны принял решение о строительстве сибирского гиганта, а через неделю на массовый субботник вышли тысячи горожан. Трещал лютый мороз, но утром через Обь по заснеженному льду нескончаемой вереницей шли люди с ломами, пилами, топорами, лопатами. Из окрестных деревень на лошадях подъезжали крестьяне. Прибыли красноармейцы и военные курсанты, а с ними и духовой оркестр. В кошевках примчались руководители Сибкрайкома. Митинг. Костры. Завизжали пилы, зазвенели топоры. Предстояло подготовить площадку площадью в 250 гектаров, то есть вырубить лес и кустарник, сделать разметку для «посадки» цехов. Еще не скоро Москва пришлет несколько тракторов, бетономешалок, автомобилей. Главными орудиями производства были носилки, одноколесные тачки и катальные доски, по которым возили эти тачки. Жили в легких бараках, продукты получали по карточкам. Американские спецы, находившиеся здесь в качестве консультантов, так как предполагалось выпускать комбайн их конструкции, только головами качали и делали большие глаза. А люди работали весело, с вдохновением и даже с песнями. В 1930-м поднялись первые корпуса, а в следующем году, в канун жатвы, из заводских ворот вышел первый комбайн.

Но будущее предприятия оставалось не совсем определенным. Над миром сгущались зловещие тучи. В Германии к власти пришли фашисты. В нашей стране на первое место выходили проблемы организации обороны. Программу завода неоднократно корректировали, и он стал одним из ведущих в системе производства боеприпасов. А теперь его предстояло перепрофилировать…

Вернувшись из Сибири, члены комиссии доложили правительству о результатах инспектирования, предложили меры по улучшению производственного процесса на заводе. Для выполнения этих планов требовалось много времени. Но его не было — обессилевшее, лишенное техники село нуждалось в немедленной помощи. И Забалуева снова направляют в Новосибирск, теперь уже с особыми полномочиями: организовать срочный выпуск сельскохозяйственных машин. Спустя несколько месяцев — новый вызов в столицу. Валентина Трофимовича назначили директором «Сибсельмаша». Он напомнил:

— Но у меня за душой — только техникум…

Ему возразили без улыбки:

— Учиться тебе никто не запрещает, даже нужно. Только ночами…

Государственный план предусматривал выпуск более сотни тысяч сельхозмашин и огромного количества запасных частей. Если оценивать программу, исходя только из реальных технических возможностей предприятия, то она была нереальной. Ясно, что расчет был на темпы, набранные в годы войны, на энтузиазм людей, на талант и характер нового директора.

Перевод основного производства на изготовление сельхозтехники требовал демонтажа действующего оборудования. Однако заменять его было нечем.

Коллектив Забалуеву понравился. Главные специалисты, начальники отделов, цехов, других подразделений, мастера, бригадиры, станочники — все как на подбор знатоки своего дела, дисциплинированные, инициативные, закалки военных лет. Но все они — специалисты по производству боеприпасов. Валентин Трофимович на различных собраниях, совещаниях, в личных беседах говорил о том, какие предстоит решать проблемы.

Изготовление сельхозмашин в больших количествах невозможно без организации поточного производства. Специализированный проектный институт находится в Москве. Взаимодействие затруднено, теряется много драгоценного времени. Забалуев поставил вопрос о необходимости перевода в Новосибирск, непосредственно на завод, главного инженера проекта и его помощников, что и было сделано. Это ускорило проектирование цехов, их реконструкцию, изготовление нестандартного оборудования. Сельхозмашиностроение относится к числу металлоемких, грузопотоки требовали устройства специальных конвейерных линий. И в течение одного года было спроектировано, изготовлено и смонтировано более тысячи погонных метров транспортных и сборочных конвейеров. Их производи-

тельность, в свою очередь, стала определяющей при выработке режима производства машин.

Изготовление нестандартного оборудования, оснастки, приспособлений к механизмам, используемым в годы войны, требовало больших усилий. Этим было занято более тысячи специалистов из самых разных цехов.

В период строительства, реконструкции, поисков все участки были одинаково важными. И все-таки главнейшими оставались те, которые производили металл. В конце сороковых и начале пятидесятых действовали два литейных цеха — четырнадцатый и восемнадцатый, которыми руководили М.И. Попов и И.Д. Панин. Они, как и многие другие, были надежными помощниками нового директора. Серый и ковкий чугун, стальное литье шли бесперебойно и высокого качества. Это позволило предприятию довести выпуск деталей до пятидесяти тысяч тонн в год.

Почти все сельскохозяйственные машины, выпускаемые заводом, создавались своим конструкторским бюро. Конструкторы, бывшие «боеприпасники», быстро и дотошно изучили новую отрасль. Они разработали несколько типов дисковых широкозахватных лущильников, тяжелых дисковых борон, фрезерных барабанов и других машин. Высокую оценку у селян получила сибсельмашевская зерновая сеялка. Потребности крестьян в машинах увеличивались с каждым годом. Груженые эшелоны уходили во все концы страны. Велик спрос был на сеялки, особенно в канун посевной. Задолго до весны все мощности, задействованные на изготовлении сеятельных агрегатов, переводились на круглосуточную работу. Перед севом люди трудились без выходных. Под нажимом областных руководящих органов в порядке кооперации «Сибсельмашу» помогали и некоторые другие новосибирские заводы. Тогда в месяц предприятие выдавало почти семь тысяч сеялок! Но и этого было мало.

В 1948 году «Сибсельмаш» выдал хлеборобам 15600 сеялок, 16100 лущильников, 3800 тяжелых борон, большое количество запчастей. В 52-м сеялок и лущильников выпущено почти втрое больше. Завод вышел на проектную мощность. Став одним из лучших в своей отрасли, коллектив предприятия завоевал право участвовать на ВДНХ. Многие работники, в том числе и директор, были награждены орденами и медалями.

Люди, в основном посланцы села, работали старательно, с воодушевлением, понимая, как многое они делают для землепашцев, для улучшения обеспечения населения продуктами. Но условия труда и быта самих работников завода мало чем отличались от условий военного времени. Очень многие жили в тех же бараках и землянках, мало зарабатывали, получали скудный паек. Директор, общественные организации бились над тем, чтобы хоть немного облегчить жизнь рабочих, инженеров, служащих. Создали три крупных подсобных хозяйства, где выращивали картошку, овощи, содержали скот. Продукты, в том числе мясо и молоко, поступали в заводские столовые, где цены на обеды заметно снизились.

Остро стояла вечная проблема — жилищная. В год сдавали около четырех тысяч квадратных метров, это очень мало. Организовали строительство жилых домов хозспособом, когда заводчане или члены их семей трудились на стройках.

Необходимо было поднять культуру производства, благоустроить громадную заводскую территорию, которую за годы войны сильно запустили, захламили. Профсоюз, комсомол призвали молодежь активно участвовать в субботниках. С музыкой, с песнями ликвидировали завалы мусора, посадили саженцы деревьев, разбили клумбы с тысячами цветов. Затем пропалывали, поливали, выхаживали больные растения. Так зарождалась традиция.

Стали преображаться и цеха. Несмотря на финансовые трудности, занялись строительством стадиона, благоустройством общежитий, расширением пионерских лагерей, столовых.

Особенно запомнились ветеранам воскресники в заводском соцгородке, что формировался в Кировском районе, ныне — Ленинском. В центре его простирался необъятный пустырь. Здесь жители сажали картошку, устраивали огородики, расположили погреба. И все это — вперемешку с многочисленными свалками, кучами мусора. Общественность завода замахнулась на этот рассадник бескультурья. Мария Андреевна Демчук, приехавшая в 42-м году на «Сибсельмаш» из Доволенского района, комсомолка, мастер и до сих пор активная общественница, рассказывает:

— Кликнули по цехам и отделам: в выходной организуется всеобщий воскресник. Мы, профсоюзные и комсомольские заводилы, прибыли на пустырь в назначенное время. Но участников собралось маловато, и все разошлись по домам да по общежитиям. Валентин Трофимович на одном из собраний пожурил молодежь и пообещал в следующий выходной прибыть на участок и показать, как надо работать. Говорил как бы в шутку. Но весть прошлась по заводу. В очередное воскресенье на пустыре собрались тысячи добровольцев — и работников предприятия, и жильцов домов соцгородка. Кстати сказать, здесь проживала и семья Забалуева. Он, конечно, тоже вооружился лопатой. Ох, здорово мы тогда поработали. За один день обработать огромный участок не могли. Потом еще не раз собирались по воскресеньям, приходили вечерами после смены. А потом заложили здесь большой парк, который стал местом отдыха в этой части района. Пример сибсельмашевцев побудил население других жилмассивов заняться благоустройством. Так новосибирцы психологически отходили от быта лихой военной годины — приводили в порядок дома, цеха, улицы, город…

Впоследствии на этом пустыре, ухоженном руками сибсельмашевцев и превратившемся в парк, поднимется монумент Славы воинов-сибиряков.

— Да, переехав в Новосибирск, мы сначала жили на правом берегу, в центре, — подтвердила Мария Ивановна. *— Но Валентина Трофимовича это не устраивало. Ведь тогда пассажирского сообщения с левобережьем, считай, не было. Летом — только паром да пригородный поезд, который почему-то назы-*

вали «передачей». Коммунальный мост, как известно, построен намного позже. Муж не мог тратить время на переезды. Кроме того, он, как и в Челябинске в годы войны, почти сутками пропадал на заводе. Где уж тут к пригородному или к парому приспособиться… Поэтому и переехали на левый берег, ближе к предприятию.

Валентин Трофимович Забалуев руководил «Сибсельмашем» десять лет. В 1957 году, когда органами управления промышленностью в экономических административных регионах стали советы народного хозяйства, он был назначен председателем Новосибирского совнархоза. Затем несколько лет трудился первым заместителем председателя областного Совета народных депутатов, с этого поста ушел на пенсию. Награжден орденами и медалями. Трижды участвовал в работе съездов КПСС. Избирался депутатом Верховных Советов СССР и Российской Федерации, облсовета.

Когда он ушел из жизни, музей боевой и трудовой славы «Сибсельмаша» и редакция заводской газеты «Знамя труда» решили собрать тех, кто работал рядом с директором в трудные годы, попросили их рассказать о наиболее интересных встречах, в которых проявлялся характер этого незаурядного человека, его стиль общения с подчиненными.

…**Петр Иванович Рыжаков** работал старшим мастером в цехе лущильников и учился в вечернем техникуме. Тогда очень многие производственники, которым война помешала получить образование, были учащимися вечерних школ, техникумов, студентами-заочниками. Начальник цеха, не разобравшись глубоко в одной сложной ситуации, необоснованно перевел Рыжакова на прессовый участок, который действовал в три смены. Получалось, что Петр вынужден был или бросить учебу, или по несколько дней обходиться без сна. Он осунулся, почернел. Попался на глаза Забалуеву.

— Что-то случилось в семье?

Узнав о конфликте, Валентин Трофимович попросил завтра зайти к нему в кабинет. Вскоре вопрос был решен.

Петр Иванович отдал заводу сорок шесть лет. Имеет правительственные награды. Ему присвоены звания заслуженного мастера, почетного сибсельмашевца. А судьба могла бы сложиться и по-другому, если бы не помощь директора.

…**Алексей Прохорович Аксенов**, в ту пору молодой специалист, в прессовом цехе запускал в производство новое изделие — лемех плуга. Ему сообщили: вызывает директор. Предложение было ошеломляющим — занять должность начальника цеха запасных частей. Он откровенно признался, что к исполнению обязанностей руководителя большого коллектива не готов.

— Ничего, поможем. Утром приходи на планерку.

Утром в кабинете — все руководители завода, главные специалисты. Валентин Трофимович представил нового начальника цеха:

— Прошу в течение полугода не предъявлять ему никаких претензий. Пусть освоится.

— *Представил коллективу,* — рассказывал Алексей Прохорович. — *Меня удивило то, что руководитель гигантского комплекса, на котором работают тысячи человек, знает в цехе всех специалистов и мастеров по имени-отчеству. Через сутки директор пришел в цех, интересовался, как работали смены, с кем я общался, какие вопросы пришлось решать. И так — в течение шести месяцев! Потом, когда я окреп и возмужал, он «бросил» меня на более сложный и ответственный цех жаток. И все повторилось с начала — директор длительное время опекал меня, натаскивал в трудных ситуациях…*

Бывший сотрудник квартирной группы ЖКО завода **Ким Иванович Болгов**:

— После окончания института по распределению к директору пришел молодой человек, выложил условия: должность, оклад, квартиру — буду работать честно. «Вы приняты, оформляйтесь», — сказал Валентин Трофимович. Потом объяснил: «Паренек мне понравился. Знает себе цену, деловой. Уверен, что останется на заводе навсегда».

Так и получилось. Этот юноша впоследствии стал крупнейшим специалистом литейного производства.

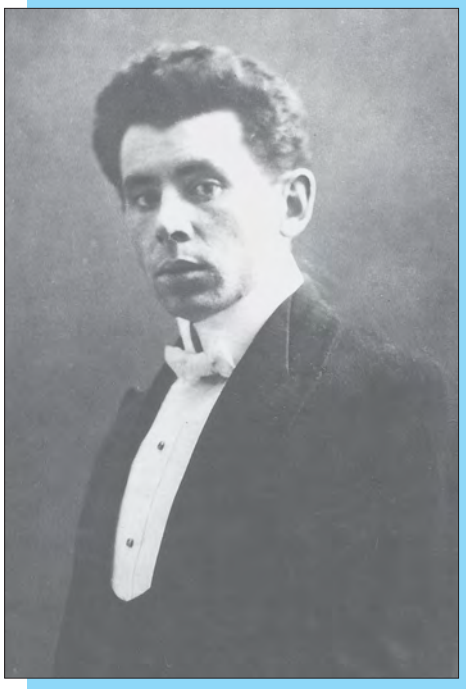
Забалуев был очень рад, что сын Георгий пошел по его стопам, стал литейщиком, хорошо знал машиностроительное производство и долгое время занимался проектированием предприятий этого профиля. Все изменения на «Сибсельмаше» — строительство новых цехов, реконструкции, организация выпуска новой продукции — происходили при его активном личном участии. Теперь Георгий Валентинович на пенсии, но иногда бывает на заводе, ставшем ему родным, с грустью отмечает, что многие производства здесь остановлены. Он вспоминает:

— В последние двадцать лет в нашей квартире поселилась относительная тишина. Мама перенесла инсульт, отец — инфаркт. Но он без дела сидеть не мог. Отдушиной для него был маленький сад. Отец стремился, чтобы на нашем участке был порядок. Бывало, увидит, что на грядке вылез сорняк, встанет на колени, но траву вырвет.

6 апреля 1986 года Валентин Трофимович умер. Коллектив завода ходатайствовал, чтобы одну из улиц города назвать его именем.

На глухой окраине старого Кривощекова, у Дюкановского болота когда-то появились частные дома. Во время строительства «Сибкомбайна» — «Сибсельмаша» здесь построили бараки для рабочих. Образовалась улица Первомайская. Потом ее переименовали, она получила странное название — Порядковая. Ее-то по решению властей и нарекли именем Валентина Трофимовича Забалуева. Она еще не очень обустроена, еще требует много забот. Но важно, что улица расположена рядом с любимым заводом бывшего директора.

Геннадий КАЙГОРОДОВ



Судьба Стефана Завадовского

Чем человек просвещеннее,
тем он полезнее своему отечеству.

А.С. Грибоедов

Жизнь этого удивительного человека была яркой и недолгой.

Сибиряк по рождению, поляк по происхождению, музыкант по духу и образованию, выпускник Московской консерватории, социал-демократ по убеждению, революционер по действиям, организатор по призванию, он являлся основателем первой музыкальной школы и музыкально-драматического общества в городе, депутатом первого избранного после февральской революции городского народного собрания, и главным комиссаром городской народной милиции.

Родился Стефан Николаевич Завадовский в 1886 году в заштатном городке Нарыме Томской губернии, в семье политических ссыльных. Его дед, участник Польского восстания 1863 года, в числе несколь-

ких десятков поляков сослан в Нарым, в то время глухой гибельный край, затерянный среди беспредельных, дремучих болотисто-лесных пространств, о котором шла недобрая молва: «Бог создал рай, а черт — Нарымский край».

Многие из тех поляков умерли, другие бежали или уехали после отбытия срока ссылки, некоторые же, из числа предприимчивых, остались в Нарыме.

Их внуки — Завадовский, Родюков и другие, — указывается в «Сибирской советской энциклопедии», — *вели здесь торговлю, имели магазины колониальных товаров и, скупая за бесценок у остяков, тунгусов пушнину, у местных крестьян — рыбу, мясо, кедровый орех, отправляли в Томск и Тюмень, наживая большие прибыли.*

Справка:

Нарым — пристанский поселок на речке Нарымке, при впадении ее в правый приток р. Кеть, в 2 км от р. Обь. От Томска — 426 км, от Новосибирска — 724 км по воде.

Основан в 1595 году в качестве острога, в 1613 году перенесен на 18 км. выше — на нынешнее месторасположение.

С 1782 года становится окружным городом Колыванского наместничества. Находясь на путях передвижения русских на восток, Нарым в конце XVIII-начале XIX веков превратился в окружной и торговый центр здешних мест. Но с середины XIX века Нарым захирел, не мог выстоять в конкурентной борьбе с Томском. В 1882 году переводится на положение «заштатного» города Томской губернии.

В 1864 году в Нарыме насчитывалось 1411 жителей. С этого времени Нарым становится местом ссылки политических противников существующего строя. Особенно массовый характер ссылка приобрела после подавления революции 1905 года.

Родители Стефана Завадовского принадлежали к той категории ссыльных польских повстанцев, которые оставили о себе добрую память в Сибири. На его развитие благотворное влияние оказали не только близкое знакомство с бедным населением обширного края, но и жизнь и учеба в Томске.

Уже во время пребывания в гимназии (средняя общеобразовательная школа, срок обучения 8 лет) у Завадовского проявился интерес к общественным делам. После знакомства с произведением Н.Г. Чернышевского «Что делать?» он стал называть себя «демократом». В Томске он познакомился с членами подпольного марксистского кружка и был активным его участником.

После окончания курса Томской духовной семинарии в 1906 году Завадовский был приглашен преподавателем в Новониколаевское частное мужское учебное заведение первого разряда, готовившее юношей для поступления в технические вузы. Оно существовало с октября 1906 года, в 1908-м было преобразовано в частное реальное училище, а с 1 июля 1910 года — в правительственное.

В Ново-Николаевске Завадовский вскоре сближается с местными социал-демократами. Служащий городской управы, видный деятель Обской груп-

пы РСДРП Б.А. Блюм писал, что в течение 1907 года наиболее активное участие в революционной работе принимали С. Завадовский, Н. Самойлович, А. Петухов, Н. Холкин, семья Шамшиных и др. В январе—феврале 1908 года С. Завадовский вошел в состав Новониколаевского комитета РСДРП.

Знакомясь с партийными документами тех лет, сохранившимися в областном архиве, невольно обращаешь внимание на то, с каким глубоким уважением и симпатией люди относились к Стефану Завадовскому. В частности, учительница литературы железнодорожной школы К.С. Полянская, активная участница революционного движения в городе, вспоминала, что среди молодых революционеров он выделялся глубоким интересом к жизни, ко всему, с чем сталкивался. Он близко к сердцу принимал нужды и боль людей. По его инициативе была учреждена городская училищная комиссия, установлены связи с различными городскими предприятиями и организациями. Ему не раз приходилось бывать в разных перипетиях. В ночь на 6 августа 1912 года Стефан Завадовский вместе с группой товарищей арестован и отправлен в Томск.

После трехмесячного тюремного заключения, благодаря счастливой случайности и за недостаточностью вещественных доказательств, его освободили.

Выйдя на свободу, Завадовский уезжает из Сибири, чтобы продолжить свое музыкальное образование.

В 1915 году он оканчивает Московскую консерваторию и направляется в Уфимское музыкальное училище. Но казенная рутина, царившая в «императорских» училищах, его не устраивала. Он искал пути создания собственной школы, чтобы иметь возможность привнести в дело музыкального образования больше свободного искусства.

И как истый сибиряк он стремился приложить свои знания только в Сибири. Возвратившись в Ново-Николаевск, он вновь устраивается преподавателем в реальное училище им. Дома Романовых.

А 1 сентября 1916 года Стефан Завадовский открывает свою частную музыкальную школу. Для проведения занятий он арендует просторный деревянный дом по ул. Кузнецкой, принадлежащий семье домовладельца И.Т. Сурикова.

Кроме специальных курсов игры на фортепиано, скрипке, виолончели и других оркестровых инструментах, в школе изучались история и теория музыки, хоровое пение и ряд других дисциплин.

Создание школы явилось огромным событием в культурной жизни города. Школа положила начало систематическому распространению музыкальной грамоты, более широкой пропаганде музыкальных знаний. Уже в конце сентября 1916 года преподаватели школы дали большой концерт, на котором исполнялись произведения Бородина, Чайковского, Шопена, Грига, Крейцера и других композиторов.

4 сентября того же года в городе начала действовать подготовительная музыкальная школа Я.Ч. Свентержецкой. А 5 февраля 1917 года в зале городского корпуса ученики музыкальной школы свободного художника С.Н. Завадовского дали первый публичный концерт.

В это же время по инициативе С.Н. Завадовского создается городское музыкально-драматическое общество. В состав его учредителей вошло 19 человек. Разработан Устав общества, заботой которого стало «содействие музыкальному образованию и способствование развитию всех отраслей музыкально-драматического искусства в городе».

В концерте, который в феврале 1917 года дали в городском торговом корпусе, исполнены такие серьезные произведения, как «Пер Гюнт» Грига и «Вильгельм Тель» Россини.

Попытки объединения местных музыкальных сил предпринимались и раньше. Первый любительский музыкально-драматический кружок, объединявший представителей немногочисленной интеллигенции — врачей, учителей, служащих, был образован еще в 1902 году.

Оживление музыкальной деятельности приносит открытие реального училища, женской гимназии и перевод в город в 1912 году учительской семинарии из села Павловского, где проводились уроки музыки; появились первые профессиональные специалисты. Они вели пропаганду классических музыкальных образцов (камерных и симфонических), ставили оперные отрывки, а иногда и целые оперы.

Кстати, в апреле 1912 года полиция приостановила деятельность музыкально-драматического кружка за постановку пьесы Черешнева «Частное дело», отразившей действительное положение в российской школе, что вызвало недовольство директора реального училища Г.А. Бутовича, который возбудил дело против создателей спектакля.

В 1913 году при обществе приказчиков по инициативе Г.Е. Авксентьева создан первый в городе оркестр, в котором играли 25 балалаечников, скрипачей, свирельщиков и др. музыкантов. Позднее оркестр перешел в ведение местного общества попечения о народном образовании.

В составе оркестра получили музыкальную подготовку свыше 200 человек.

В городе работала театральная труппа, выросшая из самодеятельного драматического кружка. Ее возглавил артист Г.А. Соколов. Труппа не имела своей сцены и выступала в различных помещениях. Весной 1916 года городская управа передала в ее распоряжение летний театр в саду «Альгамбра».

Однако систематическая музыкальная деятельность начинается лишь с открытием музыкальной школы. В это время возникают кружки: хоровые, русских народных инструментов, оркестры симфонического типа.

Организация школы досталась С.Н. Завадовскому нелегко. Целиком ушедший в нее, полный сил и желания поставить любимое дело на должную

высоту, совершенно бескорыстно, он был по существу одинок. И как отмечали его современники — отсутствие надежных помощников, также преданных делу, как он сам, делало его работу подчас слишком тяжелой.

С половины учебного года он стал подготавливать почву для передачи школы в какую-либо общественную организацию, так как частная фирма «Завадовский» тяготила его как по принципиальным соображениям, так и по практическим. Об этом он думал и раньше, но отсутствие в городе каких бы то ни было организаций служило препятствием. Попытка привлечь к этому городскую Думу также не имела успеха.

В самый разгар работы по организации музыкально-драматического общества, которое могло бы взять на себя музыкальную школу, грянула революция. И тут все его общественные устремления, жажда общественной работы неожиданно получили широкий простор и властно позвали в первые ряды борцов за свободу и устройство новой жизни.

На первом же заседании комитета общественного порядка и безопасности, избранного 3 марта 1917 года, С.Н. Завадовский назначается комиссаром почт и телеграфа. Но через три дня, когда встал вопрос о создании народной милиции и потребовался хороший и авторитетный организатор, выбор вновь пал на С.Н. Завадовского.

Наступил период, когда энтузиазма было больше, чем опыта и умения.

6 марта 1917 года комитет общественного порядка и безопасности освобождает С.Н. Завадовского от должности комиссара почт и телеграфа и назначает главным комиссаром городской народной милиции. Он принял это назначение как партийное поручение.

Новое дело стало содержанием его жизни. Он со всей свойственной его художественной натуре увлеченностью отдался этому общественно необходимому делу и работал с необычайной энергией.

Принципиально, положение в городе в этот период не отличалось от общероссийского, но традиционная бесконтрольность сибирских чиновников и предпринимателей обуславливала здесь наибольший размах чиновничьего самодурства и насилия, деспотизма и произвола.

Каждый маленький чиновник мнил себя самодержцем, ставил всякие препятствия, чтобы показать свою значимость.

На плечи С.Н. Завадовского свалилась самая тяжелая и ответственная работа по организации милиции и поддержанию порядка и безопасности в городе. И это произошло не потому, что он искал этой службы. Нет! Он не выбирал себе работу, а шел туда, где нужна была помощь, он не разбирал, трудно или легко, а спрашивал только, где нужны его силы.

И это вполне понятно. В первые послереволюционные дни больше делали чувствами, нежели разумом.

При получении вести о свержении старого ненавистного режима, при первых словах свободы люди были так оглушены, что не сразу могли сориен-

тироваться в создавшемся положении. К тому же различные политические прихвостни тянули город к безудержной демократии и произволу.

С.Н. Завадовский выступал за новый порядок вещей и стремился к его организации. Это можно проследить по его обращениям к населению, которые регулярно публиковались в газетах «Алтайское дело» и «Голос Сибири».

Вот несколько примеров.

17 марта 1917 года. «О немедленном предоставлении в комиссариат аппаратов и всех принадлежностей винокурения». Предоставления добровольные, не подлежат ответственности, а у которых будут обнаружены или будут замечены в продаже спиртных напитков, будут привлечены к ответственности.

23 марта 1917 года. Просьба к гражданам сообщить по своим участкам о различных взысканиях, произведенных бывшими полицейскими чинами в 1915—1917 годах, и о получении денег, выданных по временным распискам.

30 апреля 1917 года. Обращение к лицам, устраивающим платные публичные зрелища, представлять в Главный комиссариат (Асинкритовская, 51) о месте проведения зрелищ, дабы комиссариат мог своевременно направить человека для контроля за правилами взимания благотворительного сбора и налога.

С.Н. Завадовский призывал комиссариат милиции повысить внимание к реальным проблемам людей. Как истинный художник, он понимал и близко к сердцу принимал чужую радость и чужое горе. Это влекло к нему людей.

Народная мудрость гласит: «Разделенная радость — это удвоенная радость, а разделенная печаль — это половина печали».

Его общественная репутация, завоеванная многими необыкновенными поступками, великодушием и доброжелательностью, высокая образованность и культура повышали его авторитет и помогали решать многие задачи.

Он нес в милицейскую среду новые настроения, новые методы работы, был организатором новых человеческих отношений. Рядом с ним люди становились лучше и добрее. У него имелось немало задумок и оптимистических прогнозов.

И вдруг 9 июня 1917 года в 4 часа дня за рабочим столом — неожиданная внезапная кончина. Врачи констатировали смерть от нервного переутомления. Это была утрата, омрачившая не только близких, но и все городское общество.

На следующий день газеты сообщали, что народ глубоко потрясен случившимся, многие граждане плакали. В последний путь его провожал буквально весь город.

Во время шествия граждан церковное пение чередовалось с похоронным маршем и игрой военного оркестра. Похоронная процессия останавливалась около комитета общественного порядка и безопасности, комиссариата милиции, Совета рабочих и солдатских депутатов, у музыкальной школы. У часовни на проспекте после литии священник обратился с речью, в которой охарактеризовал Завадовского как видного общественного деятеля и яркую личность.

13 июля 1917 года газета «Голос Сибири» опубликовала посвященное памяти Завадовского стихотворение А. Мурова:

Богом венчанный певец,
Песни свободы он пел.
Смелый и честный боец
Подвига жажды горел.
Пробил торжественный час.
Встретив с восторгом свободу,
Милый художник угас,
Жизнь свою отдав народу!

Стефан Николаевич не умел беречь себя и жил в напряженном режиме, взвалив на себя массу дел.

Много раз друзья советовали ему поберечься, потому что нельзя было так расточительно относиться к своим силам и здоровью, но он каждый раз говорил: «Все в порядке». Болея за судьбу революции, он не смог учесть своих собственных сил и сгорел в такой момент, когда его силы нужны были как никогда.

В свидетельствах современников перед нами встает обаятельный, целеустремленный человек, преданный делу до самопожертвования.

Секретарь Союза крестьянских товариществ Г. Сушкин вспоминал:

Когда на первом заседании городского народного собрания 25 апреля 1917 года социал-демократическая фракция огласила декларацию о том, что она отказывается входить в исполнительные органы и снимает с себя ответственность за действия народного собрания, так как, ввиду своей малочисленности, лишена возможности оказывать на него какое-либо влияние (из 80 депутатов лишь 7 членов РСДРП и в их числе С. Завадовский), Стефан Николаевич с грустью заявил: «Значит и мне надо отказываться от комиссарства в милиции, а я, было, так сжился с ней...». Но мы его успокоили, что социал-демократы не дезорганизуют общественную работу, и он не должен уходить из милиции, пока ему не дадут достойного заместителя.

Ему пришлось уйти значительно раньше и навсегда.

Вот еще несколько строк из воспоминаний учителя женской гимназии, гласного городской Думы В.Н. Холкина:

Стефан Николаевич, убежденный социал-демократ, в первые же дни обновления России ни на минуту не задумался взять на себя тяжелый и ответственный труд по реорганизации «авгиевых конюшен» старого строя, застенка царизма — полиции — в городскую народную милицию.

И он блестяще справился с этой задачей. Он сумел искоренить все принятое наследие царизма, связанное с этим гнусным институтом и на развалинах полиции, на том же самом месте заложил фундамент демократического учреждения — городской милиции.

Стефан Завадовский был пионером в этом деле, закладывал первый опыт народной милиции, самое главное, — он не боялся ошибок, дерзал. Люди видели, что им двигало служение и долг, а не корысть и выгода.

Этот исторический факт появления в городе после февральской революции народной милиции был предан забвению.

Датой рождения городской милиции считается 17 декабря 1919 года, когда после взятия города Красной Армией Ново-Николаевским ревкомом образована городская рабоче-крестьянская советская милиция (РКСМ). Ее начальником назначен Данненберг. В стране, как известно, рабоче-крестьянская милиция образована по декрету СНК РСФСР от 12 ноября 1917 года.

И все же, истины ради, дату 6 марта 1917 года и имя первого главного комиссара городской народной милиции С.Н. Завадовского для истории надо восстановить.

Подвиги срока давности не имеют. Исторические события, чем они более удаляются во времени, тем становятся ярче и зримее.

За всю свою историю Новосибирску редко приходилось выражать всенародную скорбь и оплакивать своего достойного сына, прожившего короткую, но яркую жизнь длиною в тридцать один год. Люди, подобные ему, являются гордостью города. Будем помнить о них.

Погруженные в суету сегодняшнего дня, мы не замечаем, как мимо нас проходят неповторимые лица, вынесшие немало испытаний во благо нашей малой родины.

Иван ЦЫПЛАКОВ

По звездной дороге

Это одна из лучших фотографий в обширном заволокинском архиве, точнее, кадр из фильма: два сельских парня идут по улице на вечерку, разбитные, удалые, в кепочках, в сапогах, один с балалайкой, в накинутом на плечи пиджаке, другой — с гармошкой... И такая у них походочка — кандибобером, и такие улыбочки, и такая частушка из уст, что уж и не усомнишься: это их звездный час... Такими их знала вся страна — огромная, еще советская, такими их любили все: от родной улицы, на которой выросли, до далекой столичной публики. Уже многое было позади, что принесло славу и любовь: сотни концертов по селам и городам, первые пластинки с песнями, первая книга собранных частушек, лауреатство на всесоюзных конкурсах, даже выступление на сцене

Колонного зала Дома Союзов... А впереди — еще двадцать лет счастливой жизни...

Фильм, в котором братья Заволокины так лихо шли по деревенской улице и в котором они играли самих себя, назывался «Праздники детства»; он был снят в 1981 году на родине Василия Макаровича Шукшина и рассказывал о его довоенном детстве. Братья Заволокины не случайно снимались в этом фильме: к тому времени они изъездили и исходили шукшинские места, знакомясь с людьми, записывая частушки — в память о любимом своем писателе. Да и лучших, чем они, исполнителей этих самых частушек трудно было сыскать!

Я по берегу пойду,
Калину красную найду.
Калина красная, как кровь,
Как безответная любовь.

На эстраде (так повелось почти с самого рождения их дуэта) у каждого из братьев была своя роль, свой образ. Старший, Александр, играл парня хоть и веселого, но тушующегося, этакого терпеливого тугодума, а младший, Геннадий, пер напористо на зрительские чувства, изображая самоуверенного, насмешливого, где-то даже нагловатого «директора». С этими сценическими образами, найденными, наверное, стихийно и закрепившимися за каждым из братьев, им легче было «заводить» публику, строить свои веселые диалоги. Ведь держать внимание зрителей (иногда их были тысячи) не так-то просто, хоть и частушки в репертуаре были залихватские, и музыканты они — высший класс!

В жизни — в детстве, в юности— нередко бывало как раз наоборот: лидировал, что было естественно, Александр. У них было два года разницы, так что Александр уже ходил иногда на вечерки (мать отпускала под ответственность самого старшего брата, Анатолия), когда Геннадий, по-пацанячьи рассеянный, отрешенный, вечно с книжкой в руках, и не помышлял о таких

взрослых развлечениях. И на гармошке Александр научился играть первым, а уж потом потянулся к ней Геннадий.

Гармонист в семье был, притом первоклассный: Дмитрий Захарович, отец; по воспоминаниям матери, Степаниды Елизаровны, в пору жениховства он играл «до упаду». Но с фронта вернулся с покалеченной рукой и за инструмент долго не брался. Да и не до того было мужику — единственному возвратившемуся с войны из сорока ушедших на фронт односельчан.

Но дети росли, и отец купил гармонь: вдруг ребята заиграют. А глядя на сыновей, не выдержал, заиграл снова и сам. Через много лет он даже будет выступать в числе других новосибирцев-исполнителей на первом телевизионном конкурсе «Играй, гармонь сибирская!», организованном его сыном Геннадием.

Семья Заволокиных всегда была дружной и трудолюбивой. Отцовский девиз был один: «Взялся за дело — сделай его как можно лучше». Выходцы из алтайских крестьян, высланных в далекие северные края на погибель, но выживших своим трудом и терпением, Заволокины вырвались из нарымской ссылки уже в начале 50-х, после смерти Сталина, и по совету случайного попутчика осели на юге Новосибирской области, в рабочем поселке Сузун. Средний, Сашка, как раз дорос до первого класса...

Ничего не проходит в жизни бесследно. Где-то отложились в душе ребят родительские воспоминания о подневольной жизни ссыльных, о военных годах, о похоронке, которую мать получила об отце, а все-таки дождалась, хоть израненного, да живого... Как-то все это вызрело, откликнулось потом, в сыновних песнях, в восприятии жизни и людей.

По-настоящему родным стал для братьев Заволокиных сузунский край — уж он-то точно отложился в душе! Сполна подарила радости их детству и юности журчащая речка Сузунка! И чебачков на ней ловили, и сплавлялись на плоту, сколоченном втайне от родителей, и черемуховым духом ее берегов надышались, и замирало сердце здесь на первом свидании с одноклассницей... «Речка-судьба» — назвал Сузунку через годы в своей книге Александр.

Пока Геннадий подрастал, Александр поучился в музыкальном училище, послужил в армейском ансамбле песни и пляски, поруководил народным хором в Новосибирске. Сюда после школы приехал и Геннадий, окончил музыкальное училище и тоже руководил художественной самодеятельностью. А потом уж они стали творчески неразлучны, создав свой дуэт и быстро завоевав огромную популярность. И заслуженными артистами России стали одновременно — в 1986 году. Почти десять лет спустя младший старшего «обскачет» — станет народным артистом России, дважды лауреатом Госпремии. Но соперничества между ними не было никогда. «На сцене, — вспоминает Александр, — от присутствия брата было такое ощущение, будто вся семья наша с нами вместе...»

Совершенно разные по облику, темпераменту, они и оттеняли, и дополняли друг друга. Они не только пели вместе. Одно из их общих дел, кото-

рым они увлеклись и которого хватило на многие годы, — собирание частушек. Это было при их профессии и интересах так естественно, как собирать жемчуга, разбросай их кто-то под ногами... Когда набралось частушек больше тысячи, решили издать их — то была их первая совместная книжка.

...Книги раньше издавались долго, оценивались редакторами, читались цензорами, самые зубодробительные строчки выбрасывались. Несмотря на такой отсев-пересев, сборник «Сибирские частушки» увидел свет и стал событием не только в жизни собирателей-исполнителей, но и самих издателей. Для 70-х годов это был прорыв в настоящую жизнь. Художница Л. Кучинская с любовью сделала к книге иллюстрации — не на бумаге, как обычно, а на батистовых платочках. Получилось волшебство: будто смотришь сквозь легкую дымку или замерзшее окошко... Сейчас оригиналы этих иллюстраций хранятся в Новосибирском музее книги. Пожалуй, уже тогда проявилось замечательное свойство братьев Заволокиных: влюблять окружающих в их дело. Возможно, потому, что сами братья самозабвенно его любили...

Жизнь филармонического артиста никогда не была ни особенно легкой, ни очень прибыльной. Сколько исколесили они проселочных дорог на плохоньком автобусе, добираясь в погоду-непогоду с концертами — в районный ли центр, в глухую ли деревеньку! Братьев бесконечно любили зрители всех мест и не стеснялись выразить по-свойски эту любовь. Могли, например, как в селе Кунчурук, прямо на сцену вынести артистам громадный пирог с клюквенной заливкой и выпеченным солнышком посредине. А уж частушек о братьях за годы их концертной деятельности сочинил народ по всей стране — тысячи!

И все же эти сибирские пареньки, выросшие среди красот сузунской земли и прошедшие плечом к плечу большую часть жизни, по своей природе очень разнились, прежде всего восприятием, ощущением жизни. Александр — больше лирик, нежный до сентиментальности, внимательный к деталям жизни и — что особенно прекрасно — к людям. Он относится к ним с каким-то трепетным уважением, он не перестает удивляться их доброте, распахнутости... И сам также распахнут перед людьми... Он обожает природу, речка Сузунка для него начало всех начал, олицетворение детства, счастья, свободы, красоты мира.

Геннадий воспринимал окружающий мир иначе, более широко, менее детально, с каким-то сакральным подтекстом. В нем самом жила тайна, нераскрытость, некая предначертанность угадывалась даже сквозь балагурство, сквозь шутки, которые он любил и которым отдавался безоглядно, но ... получалось так, что он всегда знал, где надо остановиться, переключиться, сделать что-то важное... Перед ним всегда была цель, к которой он шел сам и вел других. Несмотря на всегдашнюю улыбку, задор в глазах, бездонный запас прибауток, он не воспринимался легкомысленным весельчаком. Его неукротимая энергия иногда выглядела со стороны как заполошность, суетливость, но это не мешало его деловой хватке, и по тому, как много он успел сделать, ясно, что неукротимость была творческой, продуктивной. Просто не мог он со своей живой душой оставаться сдержанным, холодно рассудительным, нет, он кипел, и вокруг него кипели страсти. А в последние годы высветилась и совсем другая сторона его души, и стало понятнее, почему от частушки он пришел к духовной песне. Наверное, он всегда помнил, что «по реке плывет бревно» (это была тема не только их с братом сборника частушек и прибауток, но и тема вообще его человеческого веселья), однако он видел, а потом и осмысливал величие Млечного Пути...

По Млечному Пути, по вечному пути
Людская в небе пролегла дорога!
И мне по ней идти, и мне по ней идти,
И мне по ней идти по воле Бога.

Геннадий Заволокин погиб в автокатастрофе июльским утром 2001 года, — ему едва исполнилось 53 года. Не стало не только его веселой, широкой улыбки на белом свете. Оборвалась его певческая фантазия, не стало его организационного таланта: ведь многое держалось, пробивалось к зрителям, развивалось благодаря именно его энергии и способностям. Он был крестьянский хваткий парень, упорный в выполнении своих планов, а планы у него не переводились. С годами к упорству добавился еще и опыт вести дела, знание человеческой природы, а когда выпадали испытания, он не отступал, только шире улыбался, как будто был счастливейший и удачливейший человек на свете, — и напором или в обход преодолевал препятствие.

Он хотел жить, работать, писать и петь, он тянулся к родным, радовался, если удавалось побыть дома, с семьей, радовался внуку... За два часа до гибели он сфотографировался, спокойно так, по-домашнему. Случайный кадр, как мгновенье этой неуемной жизни: стоит среди грядок летним утром, держит внука за руку, к плечу склонила голову жена Светлана Дмитриевна. Простецкий вид, простецкая душа, простецкая жизнь... На мгновенье...

Он любил жизнь, и жизнь любила его. Его любили в семье: родители, братья, любила публика на концертах. Его улыбку невозможно забыть даже случайному встречному, кому выпало эту улыбку видеть…

Создание Геннадием Заволокиным Российского центра «Играй, гармонь» совпало с переменами в стране, что уже само по себе сложно. Сложно жить среди перемен, сложно работать, сложно думать — некогда разобраться с происходящим.

И одноименная телепередача на Центральном телевидении родилась в то же время. ТВ — не самая нравственно здоровая организация, и как мы теперь видим на судьбах каналов, ведущих, журналистов, передач, — болезни ТВ только разрастаются. Особенно когда развернулись реклама, шоу-бизнес, крупные деньги... Но и поначалу, еще когда господствовала идеология, каждое третье письмо в почте телепередачи «Играй, гармонь!» (а их доставляли на студию народного творчества мешками) в той или иной форме содержало вопрос: «Как Вам там, Геннадий Дмитриевич, среди столичных телекоррупционеров?»

Случай действительно уникальный: одна из самых популярных в стране телепередач, а ее ведущий — не москвич и даже не живет в столице, а наезжает из провинции и делает передачу как хочет... Не отсиживается в студии в рассуждениях о народном искусстве и его корнях, а мчится снимать в глубинку, раскапывает эти самые корни, показывает всей стране ее само□ же! Столица гремит «попсой», «роком», ночными клубами, тусовками, а в Вологде, или Архангельске, или на Кубани, или совсем уж далеко от Москвы, в каком-то запредельном Ангарске — люди живут своей жизнью, и счастливы, и веселы (несмотря на нужду), и поют, и пляшут что душе привычно, а не то, что навязывает столица! И зависть людей коснулась тогда Геннадия — пробился, вон куда взлетел, и недоброжелательство — даже друзей!.. Его пытались рвать на части, втягивать в разные политигры, используя его имя, популярность. Он отбивался, ограждал от этого и ансамбль «Частушка», которым руководил. Ему не свойственно было делить людей на чужих и врагов, воевать, выступать против чьих-то взглядов. Он был православный человек по сути, а потому говорил: «Не суди других, исцелися сам».

Крутая волна телевизионной славы подняла Геннадия так высоко, что и голова могла закружиться. Но этого не произошло. Обозрев с вершин Центрального телевидения всю страну, Геннадий Заволокин стал творчески и почеловечески глубже, духовнее, может, даже печальнее и трагичнее, хотя улыбался так же белозубо и заразительно.

Сначала цель его телепередачи была проста до однозначности: хотелось, чтобы по телевизору в каждом доме звучала гармонь, по словам самого Геннадия, «хотелось представить игру гармониста как искусство... поднять выступление скромного, отвергаемого массовой культурой гармониста до высоты артиста».

И ради таких же, как он сам, Геннадий не ленился ехать со своим ансамблем и съемочной группой по разбитым дорогам за тридевять земель, встречаться с людьми, проживать сердцем их судьбы, истории, привыкать к новым знакомым, заводить друзей...

С сыном Захаром. 1988 г.

Но с каждым годом это давалось все с большим трудом, и не только от творческих мук: не повториться, не идти по уже накатанной им же самим дорожке. Нет, нарастали муки нравственные: не зачерстветь душой от мельтешения городов, от этих мешков писем-откликов, от человеческих драм, от напора людских мнений, чувств, просьб... Все труднее было отстоять свой путь на ТВ, по мере того как дорожали минуты телевизионного времени... Но самыми мучительными были сомнения в верности пути, чувство ответственности за тех, «кого приручил»... Вот мысли Геннадия о передаче и ее зрителях из его книги «Играй, гармонь!»: «Наивные старики свято верят в телевидение, в то, что оно способно «вернуть старую жизнь». И думаешь не без тревоги: не последний ли это крик по гармони? Вернее, стон уходящего поколения...».

Казалось бы, пик знаменитости, пик успеха, открылись такие перспективы, какие могут быть сомнения? Письма, хлынувшие после первых же передач, полны были радости и слез. Народ бурно реагировал на возрождение — если уж не России, то хотя бы народного пения и родной сердцу гармони. Рушилась экономика, рушилась страна, кровила война и обещала разрастись на просторах, обжитых братскими народами, но ничто не вызвало тогда такого всплеска чувств народных, как яркая живая передача об умиравшей гармошке. Ни один человек в стране, включая даже генсека Горбачева, не получал в те годы столько взволнованных писем, сколько шло их в адрес Геннадия Заволокина.

Всколыхнув всю страну своей передачей, собрав воедино ее гармонистско-песенный состав, уловив эту кричащую жажду своего праздника в народе и нехватку внимания к нему, Заволокин увидел возможность дать и то и другое людям хоть в какой-то мере. Это выражалось вполне естественно для русского человека — через гармонь, которая еще находится в пределах драгоценных воспоминаний для огромного числа людей. Но подспудно тоска у людей была, конечно же, о другом — не только о гармошечном празднике, и Геннадий

это чувствовал, а потом стал и понимать. Потому, наверное, и пришел в творчестве к духовности, к Богу.

Его книга «Играй, гармонь!», написанная в первые годы существования передачи, подтверждает, насколько напряженной была его жизнь и насколько он осознавал призрачность бурной своей деятельности. Чтоб написать книгу, он прочитал более 50 тысяч зрительских писем, но передачу делал еще потом долгие годы, а письма все шли и шли... Он терзался, что не может ответить каждому, ведь каждый писавший был взволнован, делился чем-то очень важным, просил о чем-то важном, а ответа не получал... Но это было физически невозможно, даже если бы за письма села вся семья Заволокиных. И Геннадий Заволокин пытался ответить людям своей передачей, своими песнями, всей своей огромной и многосторонней деятельностью.

Непросто сложились в последние годы и братские взаимоотношения. Геннадий на каком-то этапе проявил себя ярче, оказался более деятельным, напористым, публичным человеком, чем Александр. Как пишет Геннадий в своей книге «Играй, гармонь!»: «Александр не хотел быть ведущим на телепередаче. Снимался охотно, но ведущим быть не хотел». А дело, которое захватило младшего брата целиком, отодвигало старшего на второй план, их дуэт выступал все реже на концертах, в их ансамбле «Частушка» преобладали теперь женские голоса, и как-то не находилось Александру равноправного места и дела рядом с братом, как было всегда раньше. Александр поступил в этой ситуации как подобает старшему: не стал соперничать, воевать... Он пересидел родившиеся обиды, пережил свой внутренний кризис и постепенно нашел для себя творческие дела. Пишет песни, пишет книги, создал ансамбль «Веч□рка», ездит с ним по городам и весям с многочисленными концертами.

У заволокинских песен, особенно написанных в последние годы, есть одно удивительное свойство: они как будто были всегда. Они такие естественные, так легко ложатся на сердце, от них такие благодатные слезы!.. Одна из самых выразительных среди них — песня «С Богом». Геннадий Заволокин не мог ее не написать. Ведь из чего складывалась жизнь концертирующих музыкантов? Из встреч и расставаний. Особенно когда начались телесъемки. Приедут в село, живут там, сроднятся с людьми, — и вот уже пришла пора прощаться, со многими навсегда. «С Богом!» — говорят хозяева, провожая гостей в дорогу. «С Богом! Оставайтесь с Богом!» — отвечают отъезжающие... Но песня, конечно, больше чем о расставании. «С Богом!» — наверное, все чаще хотелось крикнуть Геннадию Дмитриевичу людям. — «Живите с Богом, люди!» Но на площадь не выйдешь, чтоб крикнуть, а в песне можно...

Когда-то, еще в прежний период концертной деятельности братьев, выпало им выступать в одном из сел Коченевского района как раз на Пасху. Соблюдая праздничный обряд, зрители и актеры христосовались прямо на сцене, а потом начался концерт. И, как вспоминает Александр Дмитриевич, «на следующее утро в обкоме уже обсуждали эту ситуацию, звонили в дирекцию

филармонии, требовали наказать, да не знали даже, как сформулировать вину. Брат сильно переживал, мучился от чиновничьей серости, тупости: «Да что ж вы, люди, милые! Никогда не брали из рук ваших бабушек теплого, сладкого хлебца — пасхи?! Не получали благословения, доброго материнского слова? Бог вам судья». Но и через много лет приходилось сталкиваться с таким же непониманием, очерствлением человеческой души — души без Бога, без мудрости, без чести...

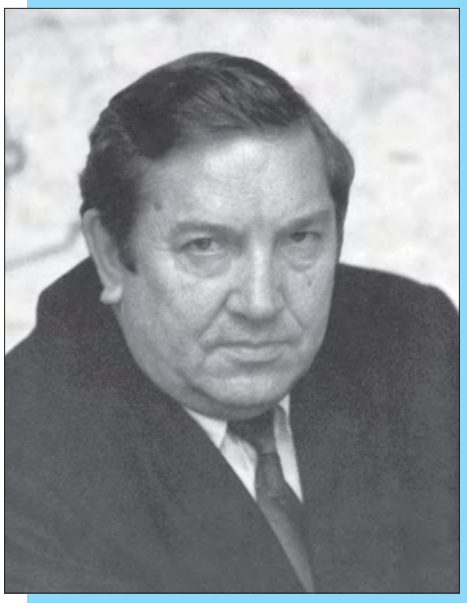
Все заволокинские песни — о самом Геннадии Дмитриевиче, о его душе, о жизненных путях.... Он не был простачком с синими глазами, этаким соловушкой с гармошкой в руках. Будь он таким, он не смог бы пробить в жизни ни одного своего проекта. А ведь ему удавалось это делать постоянно! Как? От печки! Всегда начинал «от печки», то есть от начала, с нужного конца! А если не удавалось, то «не плакал, а любил!» Не отчаивался, не бросал задуманное, не предавал — любил! А ради любви чего человек не сделает! И все чаще он обращается к стихам духовным, к словам освященным... Его соавторами становятся иеромонах Роман, иеромонах Иустин...

Хвала и благодарность братьям Заволокиным за то, что никогда не были разобщителями, только собирателями. Собирали людей в залах, на съемочных площадках, на сельском речном бережку — собирали на доброе дело: петь, радоваться жизни, гостям, встрече. И людей собирали не худших по всей стране: певучих, веселых, балагуров-острословов, очарованных своей землей и ее вечными напевами.

Заволокины продолжаются. Это не случай, это процесс. Живет ансамбль, живет Центр, выходит в свет журнал, издаются книги, видеокассеты, аудиозаписи... Гармонь Геннадия Заволокина берет в руки на концертах совсем молодой солист ансамбля Алексей Ходаковский. Дочь Геннадия Дмитриевича, Анастасия, взяла на свои плечи ношу отца...

Традиции продолжаются. И вот уже в составе ансамбля «Частушка» будет, как и прежде, дуэт братьев Заволокиных-младших. Сыновья Александра и Геннадия, Антон и Захар, станут петь частушки, которые пели их отцы. Живет на первом телевизионном канале передача «Играй, гармонь любимая!» Правда, для нее определено не очень удобное субботнее время — рано-рано утром, но люди все равно смотрят, пишут письма — теперь уже в адрес Анастасии Заволокиной. Она многое успевает, как и отец многое успевал. Кроме музыкального, певческого таланта, проявляет она и организаторские способности, а много и хорошо работать — это семейная черта. И глядя на красавицу Анастасию, еще совсем недавно такую веселую, счастливую и враз посерьезневшую от свалившейся ответственности за отцово дело, хочется верить, что она справится с проблемами и дело это продолжит достойно, даже если и ее будут посещать сомнения и терзания. И помоги вам Боже — люди добрые, люди певчие.

Надежда СИНИЧЕНКО



Русская душа

Хорошо помню этот многотысячный митинг в начале 90-х. Площадь Ленина до краев переполнена озлобленными, растерянными, не знающими, где искать виноватых в происходящем со страной и с ними людьми. Виноватым в этой митинговой стихии мог оказаться любой, кто, по мнению толпы, был так или иначе причастен к ее час от часу ухудшающейся участи. А причастными, по нашей традиционной зависимости от власть предержащих, прежде всего, считаются те, кто эту власть олицетворяет. Причем без малейшей оглядки на то, было ли у них время и возможности сделать хоть что-то хорошее или непоправимо плохое за время их вынужденного или добровольного руководства. Принцип — «раз начальник, значит, сволочь», — к сожалению, и сегодня бытует в сознании озлобленной и мало рассуждающей обывательской массы.

А в начале 90-х, на фоне то и дело прорывающихся к власти людей беспринципных или профессионально беспомощных, те немногие, кто действительно мог управлять ситуацией, меняя ее к лучшему или хотя бы удерживая на плаву, тоже огульно заносились в список тех, кто должен был быть в ответе за все и за вся.

Только что выбранный в мэры Новосибирска И. Индинок ни сном ни духом не был виноват в десятках скандируемых толпой обвинений. Его команда едва начала работать и буквально дни и ночи проводила в раздумьях, спорах, поисках выхода. Только-только начали воплощаться в жизнь первые решения, обозначились первые положительные результаты. Многое приходилось начинать едва ли не на пустом месте, при бешеном сопротивлении тех, кто вообще не хотел никаких результатов, кроме разора, воровства и безнаказанности. Предъявить многотысячной толпе, кроме обещаний и надежд, было еще почти нечего.

Мы тогда снимали репортаж об этом митинге. Я хорошо слышал, как побледневшие советники отговаривали Индинка выходить на трибуну, — возбужденная толпа слушала только тех, кто истерично выкрикивал все новые и новые обвинения. Остальным воплями, свистом и угрозами не давали сказать ни слова. Иван Иванович внимательно всех слушал и курил сигарету за сигаретой — лишь это выдавало его волнение. Когда ему предоставили слово, он решительно поднялся на подмостки, выждал недолгую паузу и сказал:

— Я тоже могу кричать не хуже вас, тоже могу обвинять всех и вся и махать кулаками. Ни к чему хорошему это не приведет. Сейчас надо одно — работать. Работать день и ночь, не покладая рук. Спасать страну и самих себя. И всех, кто готов работать, у кого есть мысли и предложения конкретные и деловые, как сделать нашу жизнь лучше и умнее, приходите ко мне в любое время. Вас поддержат, вам помогут, а вы поможете нам.

После этого он сошел с трибуны и пошел через огромную толпу к мэрии. Мы снимали этот проход. Смею утверждать, что это были лучшие кадры, снятые мной за двадцать лет работы в документальном кино. Люди расступались, доверительно хватали мэра за руки, останавливали, задавали вопросы, сами друг другу на них отвечали. Многие шли следом до самого крыльца мэрии, а кто-то даже вошел внутрь. Снятый одним 60-метровым планом этот проход стал для меня своеобразным символом нелегкого, взбудораженного, запутанного времени, в котором пока лишь очень немногие видели единственно возможный путь, по которому следовало идти в неведомое будущее.

Тогда я еще совсем не знал Ивана Ивановича, но меня сразу задели за живое его чисто мужицкое упрямство и чисто мужское бесстрашие в ситуации, которая для очень многих могла бы оказаться последней проверкой на умение быть настоящим политиком и руководителем. Именно в то время я услышал от него фразу, которая запомнилась мне надолго:

— Не надо все сваливать на время, не надо его проклинать и хулить. Время — это мы с вами, оно живое, оно наша общая Родина, которую нельзя

предавать, как бы жестока она ни была с нами, которую надо спасать и спасти, чтобы она навсегда и после нас осталась живой и плодоносной.

Иван Иванович Индинок в мучительные годы перелома, в котором оказалась наша страна, самой судьбой был призван оказаться на самом острие всех явных и скрытых противоречий, принять на себя самые болезненные удары судьбы и времени. И, видит Бог, далеко не все эти удары были справедливыми.

Помню еще одну киносъемку в самый канун бездарно и несправедливо проигранных им выборов за пост губернатора Новосибирской области. Вместе с Индинком наша съемочная группа только что вернулась из Москвы, где в кабинетах и кулуарах высшей власти страны снимали и записывали отзывы о нашем губернаторе. Говорили о нем добрые слова и высоко оценивали сделанное премьер-министр, члены Совета федерации и Думы, губернаторы многих областей России, известные политики и экономисты. В эту же поездку Ивану Ивановичу удалось на уровне президента и правительства добиться для области весьма существенных субсидий, «пробить» перспективные проекты. Воспользовавшись хорошим настроением губернатора, мы попросили его поехать на давно запланированную встречу на «Сибсельмаше», в то время переживавшему далеко не лучшие свои времена. Рабочие месяцами не получали зарплату, многие цеха простаивали. Перспективы дальнейшего существования завода не взялся бы спрогнозировать ни один специалист. Люди были на пределе. Надо было просто и толково объяснить им, что произошло и что их ожидает в ближайшем будущем.

То, что встреча будет нелегкой, понимали все. И снова было немало советов от нее отказаться. Тем более, что «Сибсельмаш» издавна считался вотчиной противника Индинка по предстоящим выборам. В том, что произошло с заводом, активно ведущие пропаганду сторонники В.П. Мухи вовсе не склонны были объяснять объективными и совершенно не зависящими от местных властей причинами. Они все валили на действующего губернатора — у тебя власть, значит, ты и виноват во всем, и если не в силах сразу исправить положение, уступай место другому, который обещает золотые горы.

Огромные безмолвные цеха завода, сотни замерших станков еще больше подчеркивали, казалось бы, необратимый процесс распада и стагнации, обратить который вспять было выше человеческих сил. Такое происходило тогда на подавляющем большинстве промышленных предприятий страны. Но своя беда всегда больнее и безысходнее. Сотни рабочих, вплотную окруживших И.И. Индинка, без обиняков высказывали все, что наболело. Было видно, что терпение людей подошло к пределу. От него ждали чуда или, хотя бы, обещаний, что чудо произойдет в ближайшее время. Этого он обещать не мог, не позволяла совесть. Губернатору все труднее и труднее было парировать сыпавшиеся со всех сторон обвинения. Наконец он сказал:

— К сожалению, я не Бог и даже не президент. Поверьте, на своем месте я делаю все, что могу. Но могу далеко не все. Знаю пока только одно — может быть, будет еще хуже. Надо быть к этому готовыми.

Честный ответ часто проигрывает в поединке с ложью. Почти ни одно из предвыборных обещаний последующего губернатора не было выполнено. Но в те дни обещания оказались выше правды…

Вполне справедливо выражение, что «у истории не бывает сослагательного наклонения». И все-таки порой я задумаюсь над тем, как сложилась бы дальнейшая судьба И.И. Индинка, выиграй он тогда эту борьбу за губернаторское кресло? Как ни странно, но этот вполне возможный выигрыш совершенно не вписывается в изначальный ход судьбы этого незаурядного человека. Он противоречит всей его душевной и человеческой сути, главное в которой — неизбывная духовная жажда и сострадание, стремление помочь как можно большему числу тех, кто в этой помощи нуждается. Иван Иванович не перестает повторять, что ангел-хранитель спасает и оберегает его на самых трудных жизненных поворотах. Проигрыш в борьбе за губернаторское кресло он считает своим духовным спасением, и вполне искренен, говоря это.

А ведь до сих пор немало людей искренне жалеют о том, что Иван Иванович вынужден был уйти из власти. Вспоминают его доступность, простоту, энергию, умение создать отличную команду помощников, умно и перспективно работающий аппарат. Вспоминают его искреннее и деятельное внимание к вопросам культуры, постоянную боль за осиротевших, больных, лишенных детства детей, которым он старался помогать и помогал буквально из последних сил, выкраивая на это средства в самых, казалось бы, безвыходных финансовых ситуациях. Ему до сих пор искренне благодарны руководители нашей епархии за постоянное внимание и помощь. В немыслимой экономической ситуации при нем продолжало строиться метро. Буквально с пеной у рта он отстаивал в Москве интересы сибирских ученых, не переставая убеждать высшую власть в том, что потеря научного потенциала, падение уровня образования, может быть, одна из самых страшных потерь России на современном историческом этапе.

Вспоминается еще один эпизод, как нельзя более ярко характеризующий бывшего губернатора. Тогдашний президент России возвращался из одной из своих зарубежных поездок. Предстояла кратковременная, не больше часа, остановка в Новосибирске. По протоколу президента в аэропорту обязан был встретить губернатор и провести с ним короткую и, как предполагалось, сугубо деловую и результативную беседу. Были подготовлены и оформлены соответствующие предложения и просьбы по самым неотложным направлениям. Среди них — очень простая и, можно сказать, личная просьба самого губернатора: присвоить, минуя рамки обычных тягомотных процедур, звание «народного» композитору Н.М. Кудрину.

С первого взгляда на президента стало ясно, что серьезный деловой разговор с ним в настоящий момент невозможен.

— Что там у тебя? — с трудом ворочая языком, спросило первое лицо государства.

Иван Иванович передал бумаги кому-то из свиты президента, а ему самому протянул небольшую кассету.

— Борис Николаевич, дела мы еще успеем обсудить с вашими помощниками. Дел много, вы устали, время позднее, впереди еще несколько часов полета. Станет совсем невмоготу, прикажите поставить эту кассету, и усталость как рукой снимет.

Глаза президента просветлели, в лице обозначился интерес.

— Что это?

— Песни нашего прекрасного композитора, который давно уже стал народным. Надо только узаконить это звание, о чем вас и прошу.

— Хитер у новосибирцев губернатор, — повернулся Ельцин к своим выжидательно переминающимся с ноги на ногу помощникам. Те, как по команде, заулыбались.

— Сделаю, — сказал президент и пошел к трапу.

Но так ничего и не сделал, забыл. А Иван Иванович до последнего дня своего губернаторства продолжал теребить Москву, выбивая для композитора давно заслуженное звание. А потом одним из первых членов клуба «Зажги свечу», о котором речь впереди, стал Н.М. Кудрин, что обернулось для композитора в те дни буквально спасением и, возможно, на несколько месяцев продлило его жизнь, на которую он уже совсем было махнул рукой.

— Меня иногда обвиняли в том, что, будучи губернатором, я слишком много внимания уделял культуре, религии. А я до сих пор убежден: без нравственного возрождения, без постоянного воспитания чувства гордости за страну, без любви к Родине, без поддержки талантов, самородков, которые россыпью по всей области, без поддержки духовной нравственной сферы, без всего этого мы никогда не добьемся перелома в экономике, не наведем порядок в стране, а, напротив, можем стать страной третьесортной. Видел и вижу главной задачей: сделать человека — Человеком. Чтобы он жил с сознанием, что способен сделать для блага Родины много хорошего. Надо отыскивать в человеке ростки таланта, помочь ему развиться, заметить его высокие духовные качества и помочь, чтобы они стали достоянием общества. Не орать на человека: «Ты лентяй, пьяница, только и знаешь, что водку жрешь!» Сколько уже орали на людей… И сейчас некоторые наши «доброжелатели» готовы всех нас поголовно черной краской мазать — мол, туда вам и дорога от вашего пьян-

ства и неумения жить. Если изо дня в день твердить людям, что они никуда не годны, изо дня в день показывать только грязь, развал, воровство, убийства, человек в полное уныние придет — пропади все пропадом. Не того ли добиваются? Специально забывают, сколько великого, бессмертного, светлого в своей неимоверно трудной жизни наши люди сделали и продолжают делать. А могут сделать во много раз больше, если им помочь, поддержать в них светлое и доброе. Совсем недаром уныние и бездеятельность считаются большим грехом в нашей православной вере.

Примерно такие слова Иван Иванович не перестает повторять при каждой своей публичной встрече с людьми. Борьба за духовность, нравственность, национальное достоинство стали для него главной жизненной целью. Путь к этой цели был непрост. На него одновременно влияли как внешние обстоятельства нашей общей жизни, круто повернувшей в сторону от прежних ценностей и идеалов, так и постоянная работа души, внутреннее духовное становление, которое началось в далеком детстве, с тех первых мгновений, когда человек начинает осознавать свое «я».

В большой крестьянской семье Индинков (родился он в 1938 году в деревне Козловка Ачинского района Красноярского края) дети сызмальства были приучены к постоянному труду, к непререкаемому авторитету старших, к той очень простой и, в то же время, высочайшей нравственности, которая веками складывалась в тех семьях, где труд, вера, чувство кровного родства, уважение к традициям были единственным критерием повседневного существования. И формулировались заповеди этой жизни, как правило, с предельной крестьянской простотой: «Помоги сегодня Мишке, а завтра он поможет тебе», «Сделал плохо — переделай», «Брать чужое — грех», «Как бы ни было тяжело, — всегда говори правду», «Живи так, чтобы не стыдно было людям в глаза смотреть». И никакие социальные потрясения, голод, войны не смогли расшатать эти исконные устои, без которых семья бы рухнула, распалась, сгинула, как вольно или невольно случалось в те годы с тысячами и миллионами подобных семей. Не потому ли чувство глубочайшего уважения и любви к своим родителям, своим братьям и сестрам у Ивана Ивановича до сих пор — одна из главнейших жизненных опор, постоянный пример для собственных взаимоотношений с окружающим миром.

Наверное, уже тогда ангел-хранитель оберегал самого младшего в семье Ивана от обид, несправедливостей и несчастий страшных лет войны. И хотя не миновали их семью голод, раны, болезни, непосильный труд, все те тяжелейшие испытания военных и первых послевоенных лет, но никого в семье они не озлобили, не сбили с пути, не ослабили привязанности друг к другу и к жизни. А первые слова молитвы, которую маленький Иван повторял за бабушкой Марьяной, почти наверняка (сейчас он совершенно уверен в этом) уберегли от погибели четырех старших братьев, которые вышли из пекла войны пусть и ранеными, но живыми. «Господи, спаси моих братьев!» — помнилось и повторялось потом всю жизнь.

Если человек ищет веру или, как говорили раньше, «взыскует о ней», он к ней обязательно придет. Путь этот у каждого свой. У одних он прост и ясен. Других ведет через нелегкие жизненные испытания и тяжкие раздумья, пока тлеющий огонек, иногда только крохотная искорка, не превратятся в ровное сияние, благодатный свет которого освещает смысл прожитой и будущей жизни. Когда я спросил Ивана Ивановича, что дала ему вера, он, подумав, ответил: *Я сейчас не боюсь умирать*. Глубина и великая простота этих слов говорит о его духовной жизни с такой откровенностью и силой, после которых, как говорится, ни убавить, ни прибавить. А ведь, пожалуй, еще несколько лет назад они вряд ли могли быть произнесены.

Да, искорка веры затеплилась еще в те бесконечно далекие детские годы, когда вместе с бабушкой он клал поклоны, отмаливая жизнь воевавших братьев или повторяя за отцом слова благодарственной молитвы за очередной прожитый день. Она замерцала сильнее, когда по просьбе умирающей матери студент Томского политеха, комсомолец, активист, весельчак и заводила, согласился окреститься в маленькой церквушке Ачинска. Хотя, узнай кто об этом, не только карьере комсомольского вожака был бы положен конец, но и до диплома в те годы не дали бы доучиться. Не отступил. А после долгих раздумий понял, что в жизни есть вещи более важные и судьбоносные, чем карьера и даже образование.

По-настоящему верующим стал после гибели сына. Горе ведь тоже способ познания, незаменимый ничем. Именно тогда резанули по сердцу слова нашего великого пророка Ф.М. Достоевского: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества».

Вот и задаю сейчас себе вопрос: «Смог бы Иван Иванович сказать, что не боится умирать, останься он тогда губернатором, продолжай существовать в ранге активно действующего политика?» Вот уж от чего должен быть совершенно свободен политик — так это от глубоких раздумий и чувства сострадания. Иначе сердце и года не выдержало бы груза невыполненных обещаний и осознания зависимости, временности и бессмысленности выбранного пути. Можно стараться быть честным политиком, но нельзя быть политиком справедливым и правым, ибо суть любой политики — сиюминутность, выживание в сегодняшнем, завтрашнем дне, но никак не забота о жизни будущей, общей и вечной, поскольку она несовместима с суетливым страхом за место и бесправной обязанностью подчиняться интересам тех, кто в данный момент диктует очередные правила выживания.

Ангел-хранитель в очередной раз протянул спасительную руку, и отстраненный от власти губернатор получил возможность осмыслить прожитое и задуматься над тем, как жить дальше. О многом, конечно, думалось и раньше. Противоречия окружающей жизни и даже то, что поневоле приходилось делать самому, мучили, угнетали, заставляли искать выход. Отдельные раздумья прорывались еще в предвыборных выступлениях, в статьях, в беседах с друзьями.

…Глубоко убежден, что никакие экономические программы, никакие усилия государства не принесут нашей стране процветания, если не будут сопровождаться возрождением нравственной основы человеческой деятельности.

…Несмотря на то, что страна медленно выходит из экономического кризиса, приобретает политическую стабильность, вокруг еще немало событий и бед, которые ранят сердце и разум.

…Представляете, какая точность нужна при запуске космического корабля с несколькими космонавтами на определенную орбиту. Малейшая ошибка — и он взорвется, сгорит или полетит не туда, превратится в мертвый снаряд, затерянный в глубинах Вселенной. Не меньшая — несравненно большая! — точность нужна сейчас при «запуске» нашего общего «корабля» — России, с ее уникальной историей, народом, жизнью, с ее возможным — немыслимо интересным, вдохновенным, честным, хотя, конечно, и немыслимо трудным — будущим, при «запуске» ее на новую спасительную социальную, духовную орбиту.

…Надо немедленно уничтожить неопределенность в вопросах нравственности (что есть добро и что есть зло), иначе эта неопределенность уничтожит нас.

…Речь, прежде всего, должна идти о духовном и нравственном состоянии общества, национальном характере и сознании, психологии народа, исторической памяти, базовых ценностях и вековечных русских традициях, исторической преемственности и национальных идеалах.

…Только порыв творческой, созидательной энергии позволит преодолеть разложение духовного и нравственного состояния общества, гражданскую апатию, падение стимулов к жизни.

Но одно дело продумать и понять все это для себя одного, другое — начать воплощать задуманное в жизнь. Вдруг осозналось, что спасти даже одну человеческую душу порой намного труднее, чем выбить кредит под «горючку» для всей области или убедить депутатов в необходимости восстановления часовни в центре Новосибирска.

Кое-кто склонен думать, что существование теперь уже широко известного гуманитарно-просветительского клуба «ЗАЖГИ СВЕЧУ» обязано случайности, которых в жизни Ивана Ивановича, кстати, было немало. Мол, собрались после проигранных выборов друзья и соратники теперь уже бывшего губернатора, сидели в унынии и растерянности, раздумывая, — что же теперь делать, как жить? А тут еще, усугубляя катастрофичность момента, свет погас. Посидели несколько минут в темноте. Потом кто-то зажег случайно отыскавшуюся свечу. Колеблющийся свет изгнал мрак, осветил задумчивые лица, и вдруг — словно искра пробежала:

— Да что это мы? Конец света что ли?

И сил в каждом полно, и каждый из собравшихся, как говорится, не последняя спица в колеснице, скорее наоборот — ученые, писатели, народные артисты, психологи, экономисты, журналисты. Все люди активные, нацеленные на добрые и большие дела. Как-то сразу сформулировалась и цель дальнейшей совместной работы, подсказанная светом разогнавшей мрак свечи. Иван Иванович сказал о ней так:

— Легче всего кричать, что все плохо, тьма обступает, надежда гаснет. Вот и давайте зажжем свечу в этой тьме, будем по мере своих сил творить добро, помогать людям, любому человеку. Укреплять в нем надежду, пробуждать веру в добро, поддерживать словом и делом. Надо утверждать святыни, нужно эти святыни хранить. Можно день-другой прожить без куска хлеба, а вот быть бессовестным, безнравственным, быть предателем нельзя ни одного дня, ни одной минуты. Будем говорить, убеждать, кричать, доказывать собственным примером — люди добрые, становитесь людьми!

Так семь лет тому назад начал свое существование клуб, главные цели которого были обозначены уже в самом его названии — **гуманизм и просветительство.** Как мудро сказал один из первых членов клуба замечательный поэт Александр Плитченко: *Закономерность появления нашего дружеского сообщества была настолько предопределена всей окружающей жизнью и непременным желанием каждого из нас сделать эту жизнь достойнее, умнее, лучше, что мы просто не могли не собраться вместе, не могли не придумать наш клуб, не могли не выбрать нашим президентом Ивана Ивановича.*

От людей посторонних, как правило, приезжих, не знающих ни Индинка, ни предыстории возникновения клуба, я не раз слышал недоуменные вопросы:

— Бывший губернатор? Кому это интересно? Почти все члены клуба люди творческие, яркие, незаурядные, известные далеко за пределами города и области. Что их может объединять с отставным политиком? Как правило, «быв-

ший» — это отыгранная карта. Ни власти, ни влияния, ни авторитета. Что он вам может дать, куда поведет?

Это недоумение предопределено, к сожалению, сотнями и сотнями примеров, когда бывший политик, крупный руководитель, еще недавно вершивший, определявший, приказывавший, каравший и миловавший, после своего отстранения от власти вдруг оказывался навсегда выкинутым из активной, деятельной жизни. Почти мгновенно оставляют и забывают его недавние «соратники», «приверженцы», «последователи» и «почитатели». Удел бывшего политика, как правило, одиночество и писание никому не нужных мемуаров.

Мне рассказывали о страшной, оглушительной пустоте, как-то мгновенно образовавшейся в закулисье Оперного вокруг многолетне всесильного члена ЦК, первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Федора Горячева. Проходило какое-то крупное областное мероприятие, в зале тысячи людей, на сцене все руководители области. Еще день назад приезд первого секретаря вызвал бы за кулисами подобострастную суету: люди стремились бы протянуть руку, попасть на глаза, удостоиться кивка, а то и просто взгляда. На этот раз не подошел ни один. Отворачивались, отходили в сторону, делали вид, что не замечают, не видят, не слышат. Хотя еще не было ни указа, ни распоряжений, но анонимный телефонный звонок из Москвы подтвердил: «Федор Степанович больше не первый!» В чужую душу не влезешь, но и врагу не пожелал бы оказаться в шкуре опального руководителя области. Думаю, хоть минутное, но было у него тогда прозрение — вот какова цена власти без любви, уважения и доверия к ее носителю. И хотя цена тем, кто разбегался тогда в стороны при его приближении, не больше пресловутого ломаного гроша, но все-таки, все-таки, все-таки…

С уходом из власти И.И. Индинка подала в отставку почти вся его команда, хотя многие из них наверняка бы остались на своих местах и при новом губернаторе. А те, кто раньше вроде бы и в стороне стоял, приглядывался, раздумывал, теперь без колебаний подошли и стали рядом, чтобы поддержать, помочь, продолжить начатую работу. И если спросить сейчас этих людей, почему они рядом с Индинком, чем он для них интересен, почему вот уже семь лет после его отставки они продолжают считать его своим другом и с удовольствием передали ему руководство очень важным делом в своей жизни, они ответят, конечно, по разному. Но в каждом ответе будет общее — любовь и уважение к человеку, фундаментом мировоззрения которого теперь уже до самого конца жизни стали слова: **Я люблю вас, люди!**

Считаю, что наиболее важными чертами Ивана Ивановича являются его доброта, открытое к людям сердце — и к друзьям, и к недругам. Он не может делать подлости, даже когда ему их делают другие, не может действовать исподтишка. Он верен своим друзьям и не меняет их ни при каких обстоятельствах. Он часто поражал меня тем, что совершал нестандартные поступки, и

сразу было видно, что это — замечательный человек с чутким сердцем, а уже потом руководитель.

Я рад и благодарен судьбе, что мне пришлось с ним работать.

Ю.А. Новоселов,
доктор экономических наук, член-корреспондент Российской Сельскохозяйственной Академии, академик Международной Академии информатизации

Высоко ценю все усилия, которые предпринимал И.И. Индинок, находясь на высоких постах, для возрождения духовной жизни в городе и области. Во все главные решения и события он вкладывал не только административное участие, которое тоже дорогого стоит, но и участие душевное, внутреннее.

Высокопреосвященный Тихон,
архиепископ Новосибирский и Бердский

Я счастлива, что жизнь подарила мне встречу с Иваном Ивановичем, таким удивительным человеком. Человеком большой души. Чувствовать чужую боль, уметь слышать людей — это богатство не каждому дано. А это так необходимо, особенно сегодня, в наше смутное время, когда души окаменели, и люди разучились слышать друг друга…

Анна Покидченко,
народная артистка СССР

Я бы выделил в характере этого человека главное — его улыбку и доброту. Я свидетель очень многих событий, когда, жертвуя многим, многим рискуя Иван Иванович принимал решения в пользу людей страдающих, людей просящих. Доброта к ближним сочеталась у него в самых крупных делах, и доброта не мелочная, не сиюминутная, а дальнего видения. Он мог прозорливо увидеть будущее либо судьбы человека, либо предприятия. И это ему удавалось.

И еще я хотел бы отметить в его характере — удаль. Это российская бесконечная степь, бесконечная тайга, разливы рек, бесконечные наши небеса Сибири. Она раскрывается в нем порой совершенно неожиданно, в самых разных ситуациях, и освещает, как заря, абсолютно нестандартным, непредсказуемым решением и соответствующим действием.

Хочется сказать и о том, что ему присущи смелость и твердость там, где это нужно. Я врач и встречался с ним по самым разным поводам, и могу сказать, что он очень выносливый, терпеливый человек, умеющий относиться к своим товарищам с величайшим уважением, не «поднимая» себя над ними.

С таким же величайшим уважением он относится к культуре, к нашим традициям. Кто не знает часовню, вставшую вновь на Красном проспекте и являющуюся сейчас новым символом нашего Новосибирска?! А уважение к образованию, к школам, к институтам, науке! Причем, не «рыночное», осно-

ванное на формуле «товар — деньги — товар», а уважение, прежде всего, к личности ученого, к таким наукам, которые не являются коммерческими и не приносят сиюминутного результата, но которые создают основу, базис, если угодно, государства. Ведь управлять Россией и Сибирью должен «сгусток» науки, истории, образования и культуры. А роль «управителей» от президента до губернатора состоит только в правильном понимании этого исторического процесса.

Хочется низко поклониться Ивану Ивановичу как человеку и моему другу…

В. Казначеев,
академик, Почетный гражданин г. Новосибирска

В жизни каждого из нас бывают минуты, когда хочется освободиться от мирской суеты, и тогда мы идем в храм. Увидев однажды в храме И.И. Индинка, я обратила внимание на его глаза — просветленные, по-детски доверчивые, чистые. Уверена, что человек с такими глазами способен только на добрые дела, а скупая мужская слеза подтвердила мою мысль о том, что сильные тоже нуждаются в защите и поддержке.

Л. А. Жарова,
учительница школы N156 Центрального района г. Новосибирска

Притягательная сила доброты, душевной щедрости, четко обозначенной и понятной всем цели сделали бывшего губернатора знаковой и очень нужной для нашего времени и для нашего города фигурой. Растет число членов клуба — каждый из них человек известный, неординарный, с активной, яркой и очень индивидуальной творческой энергетикой. За плечами у каждого заметный вклад в историю нашего города, страны, времени. Никогда бы не объединились эти люди вокруг человека, которому бы не доверяли всецело, которого бы не уважали, который словом и делом не доказал бы своего мучительного желания сделать окружающую жизнь лучше, умнее, достойнее.

Хорошо известно, что при определенных условиях духовные идеалы могут становиться мощной преобразующей силой. Но сила эта станет таковой лишь тогда, когда овладеет умами и сердцами тысяч, а затем и миллионов людей. Труднейшая и поистине спасительная для нашего времени задача. Чтобы справиться с ней нужны сотни таких клубов, объединений, союзов, соборов по всей нашей великой и несчастной стране. Иван Иванович твердо уверен, что с каждым годом их будет больше и больше.

— *Знаешь, почему?* — со своей обычной прямотой и предельной откровенностью сказал он. — *Потому, что не я один плачу, глядя на обездоленных детей. И пока они есть, не будет и не должно быть нам всем покоя…*

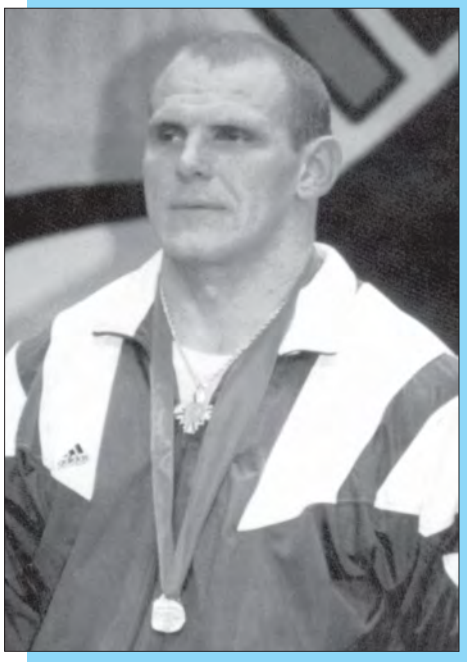
Он протянул мне листок, на котором наспех, от руки были написаны кем-то строки:

Но до сих пор еще страдают дети:
Кто от мирских соблазнов защитит?
Кто их прижмет к груди на этом свете?
Растопит словом лед земных обид?
Родные золотистые головки
Дороже благ и радостей милей!
…И вновь берутся силы и сноровка
Жить, охраняя хрупкий мир детей.

Прочитав, я посмотрел на Ивана Ивановича. Видно было, что он с трудом справляется со слезами. Не справился, отвернулся. А я в который уже раз за время этого затянувшегося разговора вспомнил его слова, сказанные им когда-то в ответ на упрек в излишней сентиментальности и «несовременности»:

— Я считаю, что у меня русская душа, — и это лучшее, что во мне есть.

Александр КОСЕНКОВ



Чемпион на все времена

Однажды великий музыкант Ференц Лист сказал о гении скрипки Никколо Паганини: «Никогда ничьим следам не совпасть с его гигантскими следами. Я говорю без колебаний: второго Паганини не будет. Такое сочетание колоссального таланта и особых обстоятельств жизни, которые вознесли его на самую вершину славы, — это единственный случай в истории искусства. Он был велик».

Все это — слово в слово, но с оговоркой, что в данном случае речь идет не об искусстве, — можно повторить и о нашем выдающемся земляке борце Александре Карелине. Осенью 2000 года Карелин ушел с ковра, и с ним ушла целая эпоха в греко-римской борьбе и в мировом спорте. Да, в СС веке было много великих, но даже среди самых-самых имя Карелина стоит особняком. По борцовским коврам планеты он прошелся, как бульдозер

по пшеничному полю. На спортивных аренах он установил целый ряд «вечных» рекордов, которые (об этом можно говорить с полной уверенностью) никогда не будут превзойдены. До Карелина в греко-римской борьбе не было трехкратных олимпийских чемпионов. Среди борцов этого стиля он стал первым и единственным обладателем трех высших олимпийских наград. Карелин выиграл девять чемпионатов мира, двенадцать чемпионатов Европы, он пять раз поднимался на высшую ступень пьедестала почета на чемпионатах СССР и восемь раз — на чемпионатах России.

Ему принадлежит и самое фантастическое достижение в истории мирового спорта: он не знал поражений в течение 13 лет и 8 месяцев. И когда на Олимпиаде-2000 в австралийском Сиднее прервалась эта великая победная серия, ведущие зарубежные информационные агентства, комментируя финальный поединок в супертяжелом весе (до 130 кг), называли нашего земляка не иначе как Александром Великим. Для подавляющего большинства спортсменов олимпийское «серебро» — предел мечтаний, громадный успех, вершина спортивной карьеры. Для Карелина второе место на Олимпиаде в Сиднее стало самой крупной неудачей. И один этот факт красноречивее всяких слов говорит о масштабе этой личности в спорте…

19 сентября 1967 года в нашем городе родился один из самых известных его жителей — Александр Карелин. Греко-римской борьбой Саша начал заниматься в тринадцать с половиной лет у Виктора Михайловича Кузнецова. Две творческие личности нашли друг друга, и в этом им обоим повезло. Впоследствии Саша с присущей ему скромностью всегда старался подчеркнуть, что он как спортсмен — воплощение тренерской импровизации Виктора Кузнецова и олицетворение правильности его тренерских методик. Виктор Михайлович однажды признался, что он быстро выделил Сашу из общей массы тренировавшихся вместе с ним ребят: *Физически он был более одаренным, и его не надо было заставлять работать. Он никогда не пропускал тренировок, переживал свои поражения, и они являлись для него стимулом к совершенствованию. Все это быстро сказалось на его результатах.*

В 16-летнем возрасте Саша стал вторым призером юношеского первенства СССР, а конкуренция на всех турнирах тех лет, по признанию многих специалистов греко-римской борьбы, была просто колоссальной. Вскоре он выиграл международный турнир в Германии, где многие соперники были на два года старше его. После этого успеха Саше вручили значок мастера спорта. В 17 лет он стал чемпионом мира среди юниоров, за что ему было присвоено звание мастера спорта международного класса. Через год Саша выигрывает юниорское первенство Европы, а в 19 лет становится двукратным чемпионом мира среди юниоров.

В 1987 году Карелин дебютировал на взрослых соревнованиях. В конце января в финальной схватке чемпионата СССР, проходившего в Омске, молодой новосибирец встретился с двукратным чемпионом мира Игорем Расторопским. Судьбу схватки решил единственный балл, который судьи в очень

спорной ситуации отдали более опытному и титулованному спортсмену. Именно после этого поединка в греко-римской борьбе наступила эпоха Карелина, которая длилась почти 14 лет. В том же 1987-м Саша с первой попытки выиграл один из самых сильных по составу турниров — Мемориал Поддубного, в котором принимала участие вся сборная СССР. И многим специалистам стало ясно, что на спортивном небосклоне взошла новая звезда. Правда, для тренеров сборной Советского Союза первые громкие успехи молодого Карелина не стали убедительными аргументами, и они не хотели брать его на мировое первенство даже после того, как на чемпионате СССР он уже через полторы минуты после начала схватки выигрывал у своего главного соперника Игоря Расторопцкого — 8:0, а затем положил его на лопатки. Вскоре они снова встретились на одном из международных турниров, и после победы Карелина все вопросы отпали сами собой. В составе сборной СССР Саша дебютировал весной 1988 года. На своем первом чемпионате Европы он вел себя на манер Юлия Цезаря — пришел, увидел, победил. Этот успех открыл ему дорогу на Олимпиаду.

Впоследствии Александр Карелин вспоминал то время и в несколько другом ракурсе: «Виктор Михайлович никогда не говорил: «Главное — борись, и у тебя все будет». Он всегда говорил: «Борись и учись — совмещай!» Борец — это замечательно. Но это специализация, и она не определяет твоего положения в обществе».

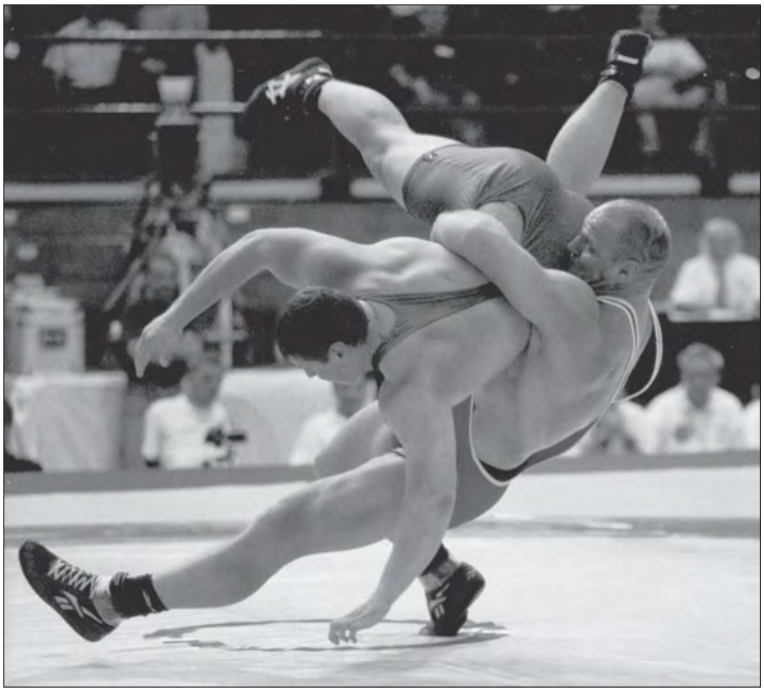
Отец Александра Карелина был водителем большого грузовика, и Саша в детстве тоже мечтал стать шофером. К тому времени, когда пришли первые громкие успехи в спорте, он уже успел окончить Новосибирский автотранспортный техникум и сдал вступительные экзамены в Омский институт физической культуры, который впоследствии успешно закончил. Но, пожалуй, первый главный жизненный экзамен молодому Карелину пришлось выдержать на Олимпиаде-88, которая проходила в Сеуле. В той последней советской олимпийской команде, приехавшей в столицу Южной Кореи, было много выдающихся атлетов, ярких имен. Но на собрании советской олимпийской делегации было решено, что флаг нашей страны на церемонии открытия олимпийских игр понесет Александр Карелин. Это была огромная честь и высокое доверие. И на борцовском ковре Сеула молодой сибирский богатырь сполна оправдал все возлагавшиеся на него надежды. В начале финальной схватки он проигрывал болгарскому супертяжу Геровски — 0:3, но к концу первого периода провел прием и сравнял счет. Судьба олимпийского «золота» решилась в самом конце поединка. Вконец измотанный болгарин не смог устоять перед натиском сибиряка. Саша сумел провести эффектный прием и одержал свою первую великую победу.

В 1992 году на Олимпиаде в Барселоне (впрочем, как и спустя четыре года в Атланте) вопрос о знаменосце нашей олимпийской делегации уже не стоял. Флаг должен был нести Карелин, и для всех это казалось чем-то само собой разумеющимся. Да и ситуация в карелинском супертяжелом весе за прошедшее со времен Сеула четырехлетие изменилась настолько кардинально, что

вторая золотая олимпийская медаль Карелина была также чем-то само собой разумеющимся. *В Барселоне Саша вообще отборолся, как на тренировке,* — вспоминал его тренер Виктор Кузнецов. — *Соперники думали лишь о том, чтобы он не поднял их, не бросил, не травмировал. Перед схваткой они просили его, чтобы он не проводил против них свой коронный прием «обратный пояс». Боялись, что перед выходом на ковер не успеют ему это сказать, предупредить! Они его боялись как огня.* Карелин был на голову выше всех и в финальном поединке за полторы минуты буквально впечатал в ковер шведа Томаса Юханссона.

Прошел еще один год, и на чемпионате мира в Стокгольме все снова убедились, насколько Карелин опережает своих соперников. Уже в первой схватке чемпионата с американцем Мэттом Гаффари Саша неудачно провел захват и сломал ребро. Но, продолжая бороться с такой тяжелой травмой, он выиграл не только у американца, но и, положив еще несколько своих конкурентов, в очередной раз напомнил этим амбициозным ребятам, что на борцовском ковре равных ему нет.

А тем временем неугомонный Гаффари, ставший на международной арене основным конкурентом Саши, все активнее стал разъезжать по нашей стране и брать у Карелина «уроки». В 1995 году они боролись в финале Мемориала Поддубного, а осенью 1995 года Мэтт приехал в Новосибирск, где про-



ходил международный турнир на призы А. Карелина. Этот грандиозный спортивный праздник никогда не сотрется из памяти тех, кому удалось на нем побывать. Наш богатырь впервые выступал перед своими земляками и не мог обмануть их ожиданий. В финале турнира он преподал Мэтту Гаффари самый жестокий урок, вытащив его на свой коронный «обратный пояс» и воткнув загривком в ковер. На награждении Мэтт плакал, а тренер нашего гостя потом объяснял причину таких сильных чувств, переполнявших его подопечного: «Могло быть все, что угодно, но только не обратный пояс!» Как оказалось, американцы не любят так высоко летать над коврами. Но, надо отдать ему должное, Гаффари реально оценивал ситуацию: *Карелин — особый случай. Карелин — не в счет. Если я второй после Карелина, значит, я — первый.*

На повестке дня уже была олимпийская Атланта, и после столь безоговорочной победы над Гаффари, который был конкурентом □1, даже показалось, что поездка за третьим олимпийским золотом может стать для Александра Карелина легкой прогулкой, пустой формальностью. Однако «боги судили иначе». В полуфинальной схватке чемпионата Европы, который проходил в конце марта 1996 года в Будапеште, нашего богатыря подстерегла тяжелейшая травма — отрыв грудной мышцы. Но он не только довел до конца тот поединок, но и — небывалый случай! — решил бороться в финале. Травмированная рука висела как плеть, и, тем не менее, «однорукий» Карелин выиграл решающую схватку чемпионата у украинца Петра Котка — 3:0. Это был настоящий спортивный подвиг. Сразу после соревнований Сашу доставили в одну из будапештских клиник, где он был прооперирован. После хирургического вмешательства рука в течение двух месяцев должна была находиться в покое. А до олимпийских игр оставалось менее пяти месяцев…

Накануне Олимпиады в американской Атланте Карелин все-таки успел вернуться на ковер. Но о том, что он за два с небольшим месяца полноценных тренировок сумеет набрать оптимальную спортивную форму, не могло быть и речи. Все его соперники прекрасно это понимали и готовились с необычайным рвением. Судьба давала им, может быть, единственный шанс. Тем не менее, с Карелиным в Атланте они ничего поделать не смогли. Как и ожидалось, в финале Саше противостоял Гаффари. Американцу за победу над Карелиным обещали вознаграждение в 1 млн. долларов. В напряженной схватке наш богатырь перевел своего давнего американского знакомого в партер, и это техническое действие решило судьбу золотой олимпийской медали. Вскоре после возвращения из Атланты за заслуги перед Отечеством и выдающиеся спортивные достижения Александру Карелину было присвоено звание Героя России. В сентябре 1997 года он был признан человеком года в Новосибирске, а в 28 июня 1998 года стал Почетным жителем нашего города. Еще через полтора, в декабре 1999-го, новосибирцы избрали Александра Александровича депутатом Государственной Думы.

Новое поле деятельности отнимало массу сил и времени. Но Карелин продолжал готовиться к своим последним олимпийским играм. Он по-пре-

жнему побеждал на чемпионатах Европы и мира, но цену этим победам знали лишь он и его тренер. «Три Олимпиады позади — это ведь не так просто, — говорил Виктор Михайлович. — Со стороны видны только победы. «Да, — рассуждают люди, — ему столько дано, что он может отбороться еще несколько Олимпиад!» Но никто не видит, что стоит за этими победами: надрывы мышц, переломы, растяжения». Однажды я сказал Александру Карелину, что с возрастом появилось столько забот — и семейных, и общественных, — и они отвлекают, не дают полностью сосредоточиться только на борьбе, как это было, скажем, в 22 года. «Если честно, то для меня в этом смысле 22 года и мой нынешний возраст — одно и то же, — ответил Саша. — *Все в жизни меняется, но осталась борьба, и я не могу сказать, что стал как-то по-другому к ней относиться. Борьба для меня — это радость. Поэтому не стоит говорить, что все изменилось, все осложнилось, все по-другому. Все — так же! Помните, кажется, Станиславский сказал, что нужно любить искусство, а не себя в искусстве. Здесь — та же ситуация. Нужно любить борьбу, а не себя в борьбе.*

Известие о поражении Карелина в финальной схватке олимпийского турнира в Сиднее 27 сентября 2000 года было подобно грому среди ясного неба. На подступах к финалу Саша по-прежнему убедительно расправлялся со своими соперниками. Он прошел всех сильнейших, и в финале его ждал малоизвестный американец Рулон Гарднер, с которым до поединка в Атланте Саша встречался лишь однажды. Почему же Карелин проиграл? Этот вопрос еще долго не давал нам покоя, но на него, похоже, нет однозначного ответа. В тугой узел сплелись слишком много обстоятельств. Все, кто видел эту схватку, согласятся с тем, что случившееся не поддается рациональному объяснению.

В Сиднее Карелин снова был сильнейшим, но вначале очевидная судейская ошибка, а затем один нелепый балл, который арбитр на ковре отдал американцу, решили судьбу золотой медали. Олимпийским чемпионом стал спортсмен, который на протяжении девяти минут не проявил ни малейшей активности и половину схватки пролежал на животе, придавленный к ковру. Как потом выяснилось, к этому поединку американцы готовились очень долго и по-американски тщательно. Готовились не просто к Олимпиаде, а именно к схватке с Карелиным. Гарднер признался, что он постоянно тренировал действия в крестовом захвате и отрабатывал защиту от «обратного пояса». Тем не менее, на первых минутах Саша уже оторвал соперника от ковра. Этот бросок наверняка решил бы судьбу поединка. Но в решающий момент чуть-чуть не хватило свежести... Здесь можно вспомнить и о тяжелой простуде во время одного из последних сборов на Алтае, которая выбила Карелина из обычного тренировочного ритма на несколько недель. И о том, что для Саши это была не просто решающая схватка за олимпийское «золото». Это был последний поединок в его спортивной карьере. И колоссальное нервное напряжение «сожрало» львиную долю сил...

На рубеже столетий специалисты и журналисты, подводя спортивные итоги СС века, включили Александра Карелина в число 25 лучших атлетов со-

временности. Наш выдающийся земляк — спортивный феномен, и это стало уже общим местом. И в очерке такого объема нет возможности рассказать о других сторонах его многогранной личности. Поэтому за рамками нашего рассказа остались и деятельность Фонда А. Карелина, который был создан в феврале 1993 года и помог многим мальчишкам найти себя в спорте, и клуба А. Карелина, подготовившего немало ярких спортсменов и вернувшего на ковер ветеранов. А еще ведь были вначале кандидатская, а затем и докторская диссертации. Александр Карелин защитил ее 14 мая 2002 года в Санкт-Петербурге и стал доктором педагогических наук. Тема диссертации — «Система интегральной подготовки высококвалифицированных борцов». Как признался после защиты Александр Карелин, он не ожидал, что эта работа окажется столь интересной:

Я старался сделать так, чтобы она была прикладной, не требующей какой-то адаптации для ее применения в практической деятельности. Спортсмен должен уметь использовать свои сильные качества, и именно это я имел в виду, когда говорил об оптимальной модели борца-олимпийца. Совсем не обязательно быть лучше своих соперников по шести показателям. Достаточно иметь два-три таких, которые «зашкаливают», по которым с тобой не могут сравниться конкуренты. А недостатки надо либо умело маскировать, либо компенсировать имеющимися достоинствами.

В одном из интервью я спросил Карелина, может ли он выделить какой-то переломный момент в своей карьере, после которого он почувствовал непоколебимую уверенность в своих силах и понял, что он — первый. — *Нет, никаких переломных моментов не было,* — ответил Саша. — *Я просто хотел выигрывать, только и всего. Я хотел выигрывать любые соревнования, выигрывать у всех. В 1985 году я стал победителем на турнире памяти героев-молодогвардейцев. Выиграл, и мне, по всей видимости, понравилось это состояние. И тогда я подумал: «А зачем проигрывать-то?» Мне всегда хотелось бороться, нравился сам процесс. Обидно лишь, что с годами лысина на несколько квадратных сантиметров стала больше. Это говорит о том, что время идет, а жалко! Мне кажется — каким я начинал, таким я и остался. Единственное отличие — может быть, знаю на пол-приема больше. Так что не было переломных моментов. Была четко разработанная методика, а я старался и делал все, чтобы выйти на такой уровень. А сейчас делаю все, чтобы на этом уровне оставаться. И если уж закончить бороться, то вполне осознанно. Это должно быть твоим решением, а не потому, что тебя к нему принудили: «Все, старикан, песок не успеваем за тобой подметать».*

Как-то Виктор Михайлович Кузнецов выделил еще одну очень важную черту в характере Карелина: *Часто ведь бывают такие ситуации, когда от тренера уже ничего не зависит. Ты его вырастил, он стал чемпионом мира, а затем взял и уехал от тебя. С Сашей мне в этом плане очень повезло. Что только ему ни предлагали, ни «рисовали» и ни показывали, — он ни на что не соблазнился, и мы прошли этот путь вместе. Вот при таком стечении обстоятельств*

и можно пробиваться, доказывать свою правоту. А доказывать ее приходилось постоянно. Каждый спортсмен должен искать свой путь, и часто люди не хотели этого понимать. Великие — они неповторимы. Похожи друг на друга только средненькие борцы.

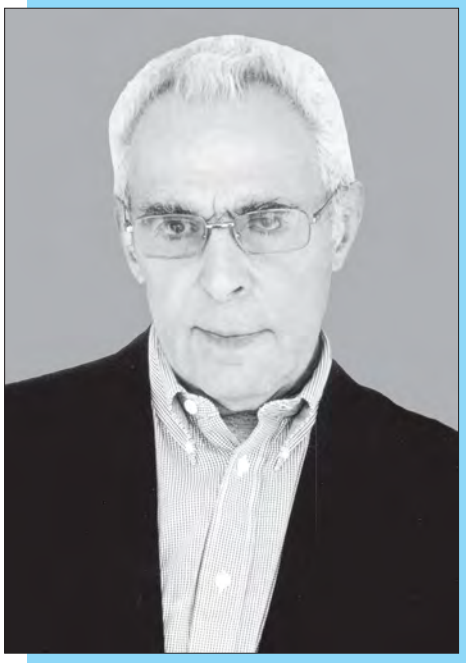
На одном из международных юношеских турниров на призы А. Карелина вспомнилась еще одна фраза Виктора Михайловича: «Прав тот, у кого есть результат». Я сказал об этом Саше и имел возможность убедиться, как в этом вопросе близки позиции великого спортсмена и выдающегося тренера.

— *Результат это — основной критерий,* — ответил Карелин. — *О твоей правоте, об обоснованности твоих притязаний следует судить именно по результату, по твоим достижениям. Можно всю жизнь заниматься маниловщиной, а потом сказать: «А я не смогла…» Как в том анекдоте, знаете? Потому что собака умела красиво говорить, а бегать не умела. Бывает, подойдет к Виктору Михайловичу какой-нибудь молодой тренер и начинает рассказывать: «Вы только посмотрите, какой мальчик! Какой талантище!» Виктор Михайлович говорит: «Да-а-а!» А потом повернется ко мне: «Знаешь, сколько я уже видел таких талантов? Да и ты за эти двадцать лет — тоже…» Так что, вот он — ковер. И кто из этих молодых ребят что-нибудь на нем покажет, тот и молодец. Да, нужно работать, экспериментировать, искать. Но насколько ты хорош (есть еще такое новое слово — продуктивен) — все это определяет результат.*

Какими качествами должен обладать великий спортсмен? Об этом я однажды спросил Александра Карелина, который к тому времени имел уже все мыслимые и немыслимые титулы.

— *Я понимаю, к чему вопрос, но таковым себя не считаю,* — ответил Саша. — *По этой же причине я не ношу какие-то знаки отличия — медали или награды Родины. Великие спортсмены — Александр Медведь, покойный Иван Ярыгин. На их примере можно говорить о том, что у таких людей всегда сочетаются выдающиеся человеческие и спортивные качества. Если выражаться в духе социалистического реализма, они оправдали то огромное доверие, которое оказала им Родина. Пусть даже люди не знают спортсмена, но если он достойно защищает честь страны, он становится одной из частичек национальной гордости. Пусть его успех сиюминутен, пусть он как бабочка-однодневка, но это одна из тех искр, которые и создают сияние в ореоле. Вот такие, наверное, они — великие спортсмены…*

Александр СКЛЯРЕНКО



Годы, жизнь и тоненькая палочка

Когда знаешь человека давно — почти пол века, — то рассказывать и писать о нем довольно трудно: слишком много мелочей мелькает в памяти, а главное почему-то ускользает...

А тем более трудно говорить о такой личности, как Арнольд Михайлович Кац: тут все главное. Очень талантливый, очень темпераментный, очень знающий, очень деловитый, очень красивый, очень веселый, очень строгий... Говоря о Каце, почти к любому определению нужно прибавлять слово «очень».

...Действительно, мы с ним знаем друг друга и дружим со средины пятидесятых. Впрочем, наша дружба несентиментальна: мы можем не видеться месяцами, а когда где-нибудь случайно

встречаемся — разговариваем так, словно только вчера расстались. Мы издали внимательно наблюдаем друг за другом. И в этом смысле мне полегче, чем ему: Арнольд Кац вечно на афишах, в газетах, на радио и телевидении.

Много раз я уже писал о нем и всегда с огромным удовольствием! Но всякий раз чувствовал, что не рассказал и десятой доли того, что необходимо поведать о нем людям. Наверное, так будет и сейчас...

Рассказ о Главном дирижере симфонического оркестра я начну с города, где мы с ним имеем честь жить и работать.

Великая Отечественная война, конечно, принесла стране неисчислимые бедствия, потери и разрушения. По самой сути своей война ничего не создает, на то она и война. Однако в двадцатом веке это страшное чудовище парадоксально оказало благотворное воздействие на духовную жизнь далеких российских провинций, в частности, — на Новосибирск.

Эвакуированный из Ленинграда знаменитейший симфонический оркестр возвысил и облагородил нравственную жизнь еще нескладного тогда города. Именно в те годы жители его явственно поняли, что такое высокая музыкальная культура, что такое истинное исполнительское мастерство, что такое подлинное искусство.

Новосибирцы вдруг стали относиться к музыке — и особенно к симфонической — не как к эстетической забаве и непонятной прихоти для избранных, но как к насущной потребности души. Обыкновенные городские обыватели — не эстеты-меломаны! — внезапно осиротели, почти обнищали, когда великий дирижер Евгений Мравинский увез свой оркестр обратно в Ленинград — после страшной 900-дневной блокады.

Да, обнищали и осиротели. Но добрые семена упали тогда в благодатную почву. Новосибирцы уже не представляли себе жизни без симфонической музыки, без хороших певцов, без солистов-пианистов и виртуозов-скрипачей. Концертный зал молодого Оперного театра, зал Театра юных зрителей (чаще всего!) и даже летняя эстрада Центрального парка культуры и отдыха (редко!) регулярно привлекали множество ценителей хорошей музыки. На этих концертах выступал собственный симфонический оркестр Новосибирского радио, усиленный музыкантами Оперного театра; выступали очень хорошие дирижеры — Михаил Бухбиндер, Павел Вальгардт, Натан Факторович...

В духовной жизни города происходили крупные перемены: заметнее всего это было видно через театр. И драматические театры, и Оперный, и ТЮЗ, и Областной прославляли сибирскую столицу на всю страну. Наконец, произошло чрезвычайно важное событие: открылась Консерватория — первая в азиатской части России.

А в пятьдесят шестом году в Новосибирской филармонии нежданно-негаданно появился красавец-мужчина... Разумеется, его сюда пригласил директор — мудрейший Вениамин Кузнецов. Но мы, работники филармонии,

посматривали на этого элегантного приезжего со скептической усмешкой. Да, он действительно был красив: хорошо сложенный брюнет, легкий в движениях, с ясной звучной речью, до краев наполненный энергией.

Брюнета звали Арнольд Кац. Откуда-то стало известно его домашнее и студенческое прозвище — «Нолик». Но никто из нас не осмеливался так его называть — ведь он Главный дирижер симфонического оркестра нашей филармонии!.. А где, собственно говоря, этот оркестр?.. Ах, вот в чем дело: оказывается, Арнольд Кац будет его создавать!

И вот как он сам однажды говорил друзьям по этому поводу: — *Тот, кто понимает, тому известно, какое это сложнейшее дело — организация оркестра! Я ни за что бы не взялся за эту адову работу, если бы не чувствовал в себе задатки «агитатора, горлана, главаря»... Кроме того, меня вдохновляло напутствие известного дирижера Курта Зандерлинга; мы встретились с ним в Ленинграде, и он спросил меня, чем я собираюсь заняться? Я сказал, что мне предложили организовать в Новосибирске новый оркестр, да вот не знаю — стоит ли приниматься за такое сложное дело?.. Зандерлинг воскликнул: «Молодой человек, вам выпала огромная удача! Создать свой оркестр — каждый дирижер может только мечтать об этом!.. А в Новосибирске я работал во время войны — это хороший город.*

Кац это рассказывал много лет спустя. А тогда, в пятьдесят шестом, многие из нас посматривали на него как на временного человека. «Наверняка удерет из Сибири, как удрали многие», — говорили мы между собой.

Но представьте себе, этот маэстро не удрал. Прожил здесь большую половину своей жизни.

Он быстро освоился в Новосибирске и стал в городе совершенно своим человеком. Надо было слышать, как лихо и убежденно он восклицал: «Мы — сибиряки!» И если считать, что исконные чалдоны — люди деловые, всегда предельно занятые, то Кац по праву вошел в их семью.

— *В симфоническом ли оркестре, в эстрадном ли ансамбле — музыка всегда остается музыкой, если к ней относиться серьезно,* — говорит Кац. — *А если ты имеешь к тому же смелость выйти на публику, то отнесись к музыке и к самому себе ответственно.*

У него слова никогда не расходятся с делом. И к тому же Кац — руководитель огромного коллектива профессиональных артистов, для которых музыка вовсе не отвлеченное понятие и которые, вместе с тем, не питаются святым духом.

Искусство — загадочная вещь. Его высоты сопряжены с низменными, обыденными нуждами. Помните, у Пушкина? Сальери называет Моцарта богом, на что тот весело отвечает: «Ба! Право? Может быть. Но божество мое проголодалось». Я очень люблю и понимаю эту фразу — она лишний раз подтверждает простую истину, что не боги горшки обжигают. А людям, пусть даже трижды гениальным, необходимо кушать, одеваться, спать, любить своих жен и детей, а главное — где-то жить. Что же касается музыкантов, особенно моло-

дых — из них каждый ощущает себя гением. И, значит, претендует на жилье в самую первую очередь.

Ежедневно репетируя с оркестром, добиваясь предельной точности в самых неуловимых нюансах, тщательно шлифуя ту или иную музыкальную фразу, Арнольд Михайлович попутно размышлял и о земных делах: «Вон тот скрипач с женой и ребенком ютится в крохотной комнатушке частного домика; у той виолончелистки болеет мама, и живут они в проходной комнате у родственников; тот парень только что женился, жить им негде, если не удержать его в городе — уедет, а очень талантлив!..» Эти мысли преследовали Главного дирижера днем и ночью.

И еще: трудно со штатным расписанием. И еще: хорошо бы сшить концертные фраки... И еще... И еще... Поразительную деятельность развил в те годы Арнольд Кац — просил, требовал, угрожал, но своего добивался.

Оркестр и дирижер... Сложнейший симбиоз. Каждый хороший оркестрант — индивидуальность. Чем больше ярких индивидуальностей, тем лучше оркестр. Но фокус, однако, состоит еще и в том, что достоинство каждой индивидуальности в оркестре оценивается, прежде всего, умением подчинять свой личный талант творчеству всего коллектива. А достоинство всего коллектива выражается в способности подчинить себя творческой индивидуальности одного человека с тоненькой палочкой в руках.

Оркестр без дирижера не интересен. Но дирижер может выразить себя только через оркестр. Как для живописца — кисти и краски, так для дирижера — свой оркестр.

Но какой отвагой и силой должен обладать человек, чтобы обрести право произнести — «Мой оркестр»!

И какой непростой жизненный путь должен одолеть музыкант, прежде чем он заслужит право взмахнуть перед десятками людей невесомой дирижерской палочкой!..

Арнольд Кац рассказывает о себе:

Я бакинец — родился и вырос в Баку. А надо сказать, что в конце двадцатых и в начале тридцатых годов Баку был одним из самых крупных культурных центров Советского Союза. Например, все иностранные дирижеры, приезжавшие в нашу страну, прежде всего выступали в Баку, а уж потом в Москве и Ленинграде. Там у нас был удивительной красоты концертный зал с великолепной акустикой. В этом зале всегда выступал бакинский симфонический оркестр, в котором моя мама играла на скрипке. Она была отличной скрипачкой и после Баку служила в самых лучших московских оркестрах — в Большом театре, в Государственном оркестре СССР...

Отец мой был врачом. И мне в детстве казалось, что он втайне мечтал, чтобы я пошел по его пути. Но победила музыка — мне нравилась скрипка.

Как и все дети, я ходил в обыкновенную школу. А на скрипке, к всеобщему удивлению родственников, начал учиться не у мамы. Во-первых, она была слиш-

ком занятым музыкантом и не могла уделять сыну много времени (кроме обычных материнских забот); а, во-вторых, она, очевидно, опасалась необъективного отношения к сыновним способностям — ведь каждой маме ее ребенок кажется непревзойденным «вундеркиндом».

Наша семья была поистине трудовая: отец с утра до ночи со своими больными, мать — то в оркестре, то на частных уроках. Иногда мне казалось, что мама вообще не бывает дома. Работа, предельная занятость — вот стиль жизни моих родителей, вот та закваска, что впоследствии определила довольно трудную черту моего характера — неумение праздно отдыхать, бездельничать.

В середине тридцатых годов мы переехали в Москву. Там я поступил в Центральную детскую музыкальную школу при консерватории (она называлась «Группа одаренных детей»), в класс профессора Ямпольского. Этот выдающийся музыкант был одним из создателей советской скрипичной школы; он воспитал многих замечательных скрипачей. Мне в жизни посчастливилось: много лет я учился и дружил с музыкантом мирового класса — Леонидом Коганом.

И опять — жизнь в атмосфере всепоглощающей работы. Каждый день по четыре, по пять часов занятий на скрипке. А потом — общеобразовательные предметы, теория музыки и история искусств.

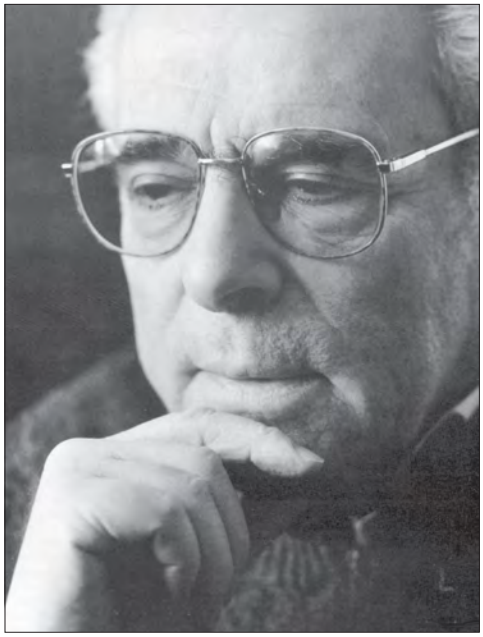
Однако окончить музыкальную школу мне не удалось — началась война.

Отец как врач сразу же ушел на фронт. А нам с мамой предстояло своим ходом добираться в Среднюю Азию, в Киргизию — туда эвакуировался оркестр Московской филармонии. Коллективно уехать туда не удалось, и каждый музыкант ехал сам по себе, кто как сумеет.

Почти полтора месяца мы с мамой добирались до Фрунзе. Ехали кружным путем — через Омск, Новосибирск... Мог ли я тогда предполагать, что творческая жизнь моя будет связана именно с этим городом на Оби!.. Но в ту военную пору здесь встретили нас очень гостеприимно. Тут находился в эвакуации оркестр Мравинского — Евгений Александрович давно знал мою маму, относился к ней с большим уважением, и по его распоряжению нам выделили в здании филармонии (теперь это ДК имени Октябрьской Революции) маленькую комнатку. Мы хорошо отдохнули и через несколько дней поехали дальше, во Фрунзе.

...Случилось так, что фашисты разбомбили под Тулой госпиталь, где служил мой отец. Для переформирования отца командировали в Ташкент. Это не слишком далеко от Фрунзе; я приехал повидаться с папой... и нежданно-негаданно поступил в Ленинградскую консерваторию!.. Да-да, на время войны она была эвакуирована в Ташкент.

Теперь я учился в классе профессора Шера. Он, кажется, был мною доволен. И все, вроде бы, складывалось неплохо — быть бы мне до конца дней своих скрипачом. Но именно там, в Ташкенте, я вдруг стал особенно внимательно приглядываться к дирижерскому искусству.



...Дирижирование! Тогда, в молодости, я воспринимал это искусство, наверное, с внешней стороны: красивый, в элегантном фраке мужчина взмахивает палочкой... Красиво же!

Но не только красивость привлекала меня. Я с малых лет дышал воздухом искусства и понимал, что самый совершенный в мире музыкальный «инструмент» — это симфонический оркестр. Понимал, что для настоящего музыканта высшее благо — владение этим «инструментом»!

А генетически, по наследству от родителей — разумеется, от мамы — мне досталось некое стремление к лидерству: я любил руководить, главенствовать. Понимаю, что самому говорить об этом не очень-то тактично — но, с другой стороны, эту мою черту знают, кажется, все окружающие. Без нее — я убежден — стать дирижером невозможно.

Мне страстно хотелось дирижировать! Во что бы то ни стало я решил учиться этому искусству. Но прошло много-много лет, прежде чем я получил право руководить оркестром.

Еще была война. И я был призван в армию. С войсками дошел до Берлина.

И только в сорок девятом году окончил консерваторию — как скрипач. А через два года в Ленинграде получил диплом дирижера. Некоторое время служил на Северном Кавказе, потом в Томской филармонии.

В 1956 году в Москве состоялся Всероссийский смотр-конкурс молодых дирижеров. Мне посчастливилось — я получил там первую премию. И вот тутто меня и пригласили в Новосибирск организовывать «свой» оркестр…

До сих пор Арнольд Михайлович рассказывал про свою жизнь легко и как бы непринужденно. Ведь свою молодость вспоминать всегда приятно.

Но вот началась «сибирская часть» жизни. И теперь тон рассказа изменился — Кац заговорил медленнее, часто останавливался, задумывался...

…Нужно было собрать оркестр. В общем, сделать это было бы не так уж трудно — в Новосибирске были хорошие музыканты. Но мне-то хотелось пригласить, главным образом, молодежь. А молодые люди — это молодые семьи. А для молодой семьи необходима квартира — пусть на первых порах крохотная, но непременно обособленная.

Секретарем обкома партии по идеологическим вопросам в те годы был Егор Кузьмич Лигачев, именно он выдал мне как бы мандат на переоборудование любого свободного здания под общежитие для моих музыкантов.

В поиски нужного помещения включилась, можно сказать, вся филармония. И где мы только ни были в те дни: и в подвалах, и на чердаках, и в каких-то пустующих складах, и в заброшенных мастерских... Искали долго, отчаивались… И наконец нам крупно повезло: мы получили вполне приличный дом. До этого там находилась контора Мостоотряда, что возвел коммунальный мост через Обь. А до Мостоотряда там была обыкновенная школа, построенная еще в дореволюционное время знаменитым архитектором Крячковым. А теперь в этом здании находится известный театр «Старый дом»...

Помню, вошел я в эту бывшую школу-контору и растерялся: что же здесь можно будет соорудить?.. Да, стены крепкие, мощные; фундамент прочный, крыша не протекает... Но как в этих стенах расселить несколько десятков семейств? Как установить переборки?..

Впрочем, долго раздумывать и прикидывать было некогда. Время поджимало. Не мудрствуя лукаво, мы соорудили множество узких, длинных «пеналов», расположенных справа и слева от центрального коридора, который стал здесь и общей кухней, и детским садом, и клубом, и вестибюлем... Не до жиру — быть бы живу! Плохо, неудобно?.. Да, конечно... с нынешней точки зрения. Но тогда эти «пеналы» многим показались заоблачным раем — у иных музыкантов руки тряслись от счастья, когда им вручали ключи от собственной, отдельной комнаты. Ведь у всех еще живы были воспоминания о тяготах войны. И это скороспелое, очень неудобное общежитие казалось верхом комфорта!

Первая цель была достигнута: музыканты прочнее прилепились к оркестру.

Но оркестр — в том смысле, как я это понимаю — еще надо было создавать: всерьез, по-настоящему.

Нам нужен было добрый маяк, чтобы хоть как-то ориентироваться в необозримом море симфонической музыки. И образцом оркестра для меня стал ленинградский заслуженный коллектив под управлением Мравинского.

Он прежде всего примечателен самой тщательной проработкой всех деталей исполняемого произведения. Это основа основ! Академизм?.. Пусть так. Это ведь не самое скверное слово. Куда хуже — «небрежность», «приблизительность». И еще я очень уважаю прекрасный термин — «ремесло»! Посмотрите в словаре Даля, там сказано: «Ремесло — работа, уменье, коим добывают хлеб». Вот как! Через постижение ремесленных тонкостей воспитывается настоящий артист. Чем основательнее понимает музыкант суть и значение ремесла, тем выше его исполнительское искусство.

А чем больше в оркестре высокообразованных исполнителей, владеющих всеми тайнами своего ремесла, тем чище и прекраснее микроклимат, в котором живет творческий коллектив. Тогда дирижер может ставить пред собой самые заманчивые художественные задачи.

Через яростную непримиримость к техническим недостаткам, через академическую точность в деталировке — мы пришли к собственной «модели» оркестра. В нем постепенно меняются люди — это естественный процесс. Но вот уже пятое десятилетие в нашем симфоническом существует строжайшая художественная дисциплина. А значит — и свои строгие правила общения друг с другом.

— Иногда я думаю, — продолжает Кац, — *может быть, зря я старался создавать оркестр? Может быть, ту энергию, что затрачивал на всякие организационные хлопоты, надо было направить на более углубленное самообразование? Нет, все получилось в жизни правильно: я создавал коллектив, а он формировал меня. Вместе с творческим ростом музыкантов, с ростом их ансамблевой культуры — рос и развивался я сам. И когда стою за пультом в Петербурге, в Москве, в Италии, в Англии... — когда вместе с теми чужими оркестрами добиваюсь хороших результатов — всегда помню про свой, новосибирский. И знаю, что сибиряком Бог меня сделал не зря.*

Один умный человек сказал когда-то удивительно точно: «Если нужно выразить невыразимое, то музыка стоит на втором месте после молчания».

Хочется при этом заметить, что музыка, может быть, даже не является искусством — скорее всего, это состояние души. А музыкантов, когда они ведут смычком по струнам, можно смело назвать властелинами наших сердец. И, должно быть, в этом смысле они уподобляются олимпийским божествам.

Теперь самый простой, казалось бы, вопрос: «Как понимать музыку?»

А вот и ответ великого Дмитрия Шостаковича: «Музыку понимать нельзя. Ее никто не понимает и никогда понимать не будет. Музыку можно только чувствовать».

Значит, учить культуре чувствования нужно, как говорится, «с младых ногтей» — чем раньше, тем лучше. И тут очень важно, чтобы юный, начинающий слушатель получил бы сильный эмоциональный удар, испытал бы потрясение от красоты.

Замечу при этом, что так называемую «серьезную» музыку необходимо слушать регулярно, чтобы выработать привычку к слушанию.

...Лет десять-пятнадцать тому назад встретились два седовласых профессора: ректор электротехнического института (ныне — НГТУ) Георгий Павлович Лыщинский и дирижер Арнольд Михайлович Кац — профессор нашей консерватории. Беседовали недолго и договорились, что симфонический оркестр даст серию концертов специально для студентов этого института. При этом каждый концерт будет предваряться кратким пояснительным словом Главного дирижера. А после концерта все молодые (неопытные, неискушенные) слушатели будут обязаны прислать на имя Арнольда Каца письма о своих впечатлениях.

Это фантастично, но постарайтесь поверить: я видел сотни, может быть, даже тысячи таких писем! Часть их сохранилась у меня. Вот наугад несколько отзывов, где я не изменил ни единого слова.

* * *

Здравствуйте, уважаемый Арнольд Михайлович! Недавно я впервые — можете себе представить: впервые! — встретилась с симфоническим оркестром. Как хорошо, что эта встреча все-таки произошла! До этого дня я считала симфоническую музыку скучной и неинтересной, более того — нудной. Я не знаю, почему у меня сложилось такое мнение о музыке, скорее всего потому, что все в нашей семье не любят симфоническую музыку, а может потому, что я ее не слушала. Только попав в зал, я поняла, как надо слушать музыку Этот концерт произвел на меня такое впечатление, что весь вечер я думать ни о чем не могла, кроме как о музыке.

Мне очень-очень жаль, что я не знала этого прекрасного мира, мира музыки…

В зале для меня все было интересно. И как вы управляли всем этим большим, на мой взгляд, оркестром; как один за другим вступали в общий хор инструменты, как пели скрипки.

Наверное, очень трудно управлять таким оркестром. Но у вас это хорошо получается. Интересно, а как вы пришли к музыке? Наверное, были талантливы с детства?

Сейчас в нашем поколении тоже есть таланты. Но все же большинство молодежи увлекается рок-музыкой, не зная, как прекрасна музыка симфоническая. В конце письма я хочу пожелать вам долгих лет жизни, чтобы вы могли своим искусством нести радость людям.

Студентка Некрасова Мария, ЭМФ, ЭТ-32

* * *

Письмо к маэстро. Уважаемый Арнольд Михайлович! Пишет вам студент первого курса. Недавно я был на вашем концерте. До этого я довольно прохладно относился к классической музыке, считая ее ненужной и некрасивой. Но после вашего концерта во мне что-то надломилось, и я понял, что эта музыка прекрасна! Какое счастье, что я об этом узнал! Особенно мне понравился концерт для скрипки с оркестром. Это мое первое серьезное чувство любви — оно проявилось именно здесь, в этом зале, где рядом сидели молодые студенты и уже познавшие жизнь старые люди со своими внуками.

Каплий В., ЭМ-33

* * *

Уважаемый Арнольд Михаилович! К вам обращается один из слушателей концерта, на котором вы присутствовали в качестве дирижера. Знаете, я впервые почувствовал, как эта симфоническая музыка во мне что-то затронула и изменила. Мне даже кажется, что я вышел из зала не совсем такой, каким был раньше И я глубоко вам за это благодарен, дорогой Арнольд Михаилович!

Григорьев Юрий, ЭГ-31

Письма-признания, письма-исповеди. Почерк еще не устоялся, художественный вкус еще не определился, воззрения еще переменчивы. Но высокое искусство уже осенило молодых людей своим огромным крылом.

Были, к сожалению, и сердитые отзывы, где симфоническую музыку начисто отвергали. К счастью, таких писем ничтожно мало.

Но вот сегодня на любом симфоническом концерте в Новосибирске не найдешь ни одного свободного местечка. Слушатели сидят даже на ступеньках в проходе.

Оркестр уже давно носит звание «академического». У нас в городе несколько художественных коллективов называются так же. И это, конечно, неплохо. Это просто замечательно! Только я убежден, что истинная академичность — строжайшее следование классическим канонам — присуща лишь Новосибирскому филармоническому оркестру. И это естественно!

Недавно играли они симфонию Моцарта — виртуозно и жизнерадостно. Музыка была по-юношески счастливая. И подумалось тогда: ведь эту же самую музыку слушали люди, жившие двести лет тому назад! Они были одеты иначе, у них были другие манеры… Но жизнь и счастье они воспринимали совершенно так же, как мы! Академический оркестр как бы перенес нас в иные времена, в иные местности… может быть, в сады мифического Эдема.

— Да, он орет! Он топает ногами. В негодовании может разбить телефонную трубку (вон в шкафу стоит запасной телефонный аппарат) — и орет. Это слово не хочется менять на другое: именно — орет!.. Но заметьте: только на своих, только на самых близких по духу. С чужими, посторонними он изысканно вежлив и терпелив. А мы — близкие ему — давно уже привыкли к его взрывному характеру и на крики никакого внимания не обращаем. Тем более, мы прекрасно знаем, что через три минуты буря уляжется и маэстро опять будет любить нас, как любил всегда…

Это говорит человек, который работает с Арнольдом Кацем много-много лет.

Музыканты, к которым он особенно требователен, считают характер Главного вовсе не жестким. Наоборот, по их мнению, Арнольд Михайлович — натура мягкая, а порой даже нежная… Резкость, вспыльчивость, грубоватость — это, извините, издержки профессии. Ибо дирижер расслабленный, не умеющий продемонстрировать свою волю, не умеющий навязать эту волю людям, сидящим в оркестре, — такой человек не может называться дирижером.

Потому что это профессия необычная, загадочная, не поддающаяся стандартным психологическим меркам. Это вид деятельности, не имеющий ничего общего с пошлым демократизмом. Над сотней творцов-художников возвышается Воля! Если такой волей обладает какой-нибудь монстр — это ужас! Но когда на дирижерском подиуме возвышается мастер — маэстро! — это благо для всех: для музыкантов и для слушателей.

Множество раз видел я Каца на репетициях, видел и на разных совещаниях. К сожалению, никогда не был в его профессорском классе в консерватории — а побывать там очень хотелось бы.

Он умеет объяснять. Умеет идти кратчайшим путем к определенной художественной цели.

И, разумеется, ненавидит приблизительность, нечеткость, вялость.

Его суждения всегда интересны — чего бы они ни касались: музыки, литературы, театра или просто обыденной жизни.

В начале этой зимы довелось мне слушать в его исполнении Пятую симфонию Шостаковича. Признаться, я не слишком-то разбираюсь в музыке, но вот именно с этой симфонией знаком очень давно. Мне кажется, что я даже присутствовал на ее первом исполнении в зале Ленинградской филармонии в 1937 году. Запомнилось выступление профессора Соллертинского, и отчетливо запомнился сам композитор, сидящий в ложе, с партитурой в руках.

Мне достаточно знакома эта четырехчастная симфония, где каждая часть являет собой отдельное законченное произведение; все они не объединены друг с другом, хотя, в общем-то, говорят нам об одном и том же.

Арнольд Кац сыграл Пятую непривычно, сыграл по-своему. Каким-то, еще не понятным для меня образом, он слил все части в неразрывное целое. И пусть между частями были полагающиеся паузы — все произведение предстало как страстный, очень внятный и, главное, единый монолог! И всем в зале стало ясно, что перед ними творение величайшей мудрости и высокой духов-

ности. Для слушателей такая концепция оказалась как бы неожиданным открытием, но для дирижера здесь не было ни тени случайности: пребывая в зрелых летах, он, естественно, погружается в глубокие размышления о смысле жизни, о путях, что указаны всем смертным самим Всевышним…

В буквальном переводе с французского «дирижер» — значит «управляющий».

Хорошо, когда управляешь своим хозяйством — своим оркестром. Но если ты десятилетиями странствуешь по всему миру, по знаменитым и безвестным концертным залам, когда дирижируешь музыкантами, ни слова не понимающими по-русски, — неужели не волнуешься где-нибудь в Барселоне или в Бразилии?..

Язык музыки — язык международный, нотные знаки во всем мире совершенно одинаковы и музыкальная культура всеобъемлюща. Когда-то Арнольд Михайлович волновался, встречаясь с чужеземным коллективом, но теперь он вполне спокойно восходит на любой подиум.

Самолеты, поезда, автомобили, гостиницы, таможни… — это все теперь для него привычно, знакомо, как собственный кабинет. Стюардессы контролеры, проводники, переводчики, репортеры… — все они, с годами, стали походить друг на друга…

Но каждый прожитый день — прожит по-особому, а каждый будущий день заманчив и непредсказуем.

«Профессор» — это значительно, это признают во всем мире.

«Народный артист Советского Союза» — звание как бы немного устаревшее; однако в той ушедшей стране, наряду с тяготами, трудностями, было много горячего и зовущего. Была молодость, были первые шаги, первые находки и победы!

Куда бы сегодня ни приехал Новосибирский симфонический, какие бы восторженные статьи ни появлялись в главных европейских газетах, какие бы фотографии красивого поседевшего мужчины ни висели на афишных щитах — ко всему следует относиться спокойно и мудро; ведь это не упало, как манна небесная: это все наработано, достигнуто непрестанным трудом.

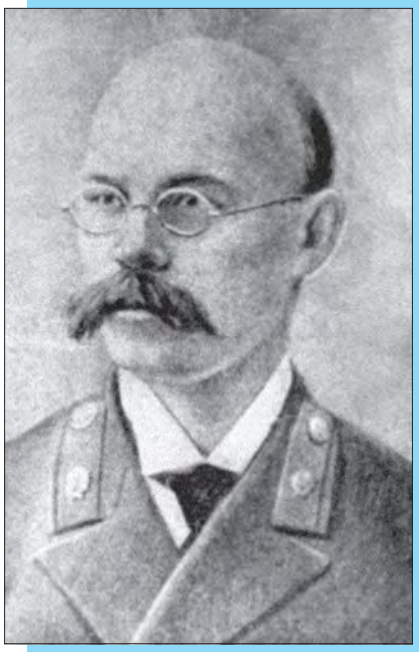
Успех, слава — не бесплатный подарок. Кроме того, может быть, — и это самое важное! — здесь залог будущих успехов, а значит, будущей интересной работы, которая никогда не окончится ни для Академического оркестра, ни для Народного артиста.

Однако в жизни Арнольда Каца есть звания и повыше! Какие? Самые обыкновенные: супруг верной своей жены, отец умной дочери и — Господи, какая радость! — дедушка двух очаровательных внучек.

И при чем тут музыка?

Юрий МАГАЛИФ

Новосибирск—Тогучин, 1997



Сказание об учителе

В летописи города немало педагогов, заслуживающих общественное признание и добрую память за их беззаветную преданность школьному делу, за творческие устремления по воспитанию юных умов и умение развивать хорошее в каждом ученике. Один из них — Николай Васильевич Козлов, первый штатный учитель 1-й новониколаевской школы им. Г.М. Будагова.

Родился Н.В. Козлов 4 декабря 1869 года в городе Усть-Каменогорске Семипалатинской области. *По происхождению я — сын мещанина,* — так пишет он о себе. — *Отец мой перечислился в мещане тогда, когда я и мои братья были малолетними, а нас как малолетних, перечислить было нельзя. Перечисляли только совершеннолетних. Так я и остался в казачьем сословии. По профессии отец мой был писец, получавший 12 рублей жалованья в месяц да 8*

рублей в месяц зарабатывал как музыкант общественного собрания. Как жила семья в восемь человек на такие средства, говорить не приходится, всякий, испытавший это, поймет.

Учиться Николай начал поздно, с 11 лет. В семнадцать он поступил в Омскую учительскую семинарию, которую окончил в 1890 году. С 1 июля этого же года начал учительствовать в начальных школах Семипалатинской области, сначала в селе Семиярском, потом в городе Павлодаре.

В 1896 году 1 сентября Н.В. Козлов назначен первым штатным учителем в будаговскую школу поселка Новониколаевска. Ему было определено жалованье 480 рублей в год, а его жене — Стефаниде Павловне Козловой, младшей учительнице — 300 рублей в год. Она окончила курс в Семипалатинской женской прогимназии (4-х классное учебное заведение, соответствующее четырем младшим классам гимназии, учреждена в России в 1864 году).

Будаговская одноклассная, с тремя отделениями, бесплатная школа для детей строителей была открыта в октябре 1893 года, не дожидаясь специального решения. Открыта по инициативе начальника строительства моста Г.М. Будагова и его товарищей и на их средства. Первым учителем по вольному найму стал техник Апполон Егорович Трубин, а его помощником — жена священника Мария Ивановна Посельская, окончившая курс в Воронежском епархиальном училище. Школа находилась около речки Каменки в самом начале Трактовой улицы (ныне Большевистская). Ее первые ученики — 41 мальчик и 39 девочек.

По воспоминаниям сына Г.М. Будагова, математику в школе преподавал его отец. Перед началом занятий на фасаде здания был вывешен большой плакат: «Ученье — свет, неученье — тьма!». Но прибывший в школу полицейский приказал его убрать. Официальное разрешение на открытие школы было получено от попечителя Западно-Сибирского учебного округа лишь 19 декабря 1894 года. Осенью этого же года по инициативе Г.М. Будагова на средства его и местных коммерсантов выстроили народную читальню со сценой для постановки любительских спектаклей.

В начале 1895 года мною были учреждены воскресные чтения для рабочих, для которых было выстроено бревенчатое рубленое здание, здесь была открыта бесплатная школа… — записал Будагов в своем дневнике, хранящемся в музее истории Западно-Сибирской железной дороги. В первый год для народного чтения приобретено 127 томов книг, организована «Народная библиотека дешевых изданий». Кроме платных спектаклей, устраивались посещения читальни с «туманными картинками» (так назывался тогда показ картин через диаскоп). По свидетельству «Томского листка», они привлекали от 100 до 200 человек на каждое чтение. Вместительный зал всегда был полон зрителей. Чтения являлись бесплатными, на них присутствовали главным образом рабочие и члены их семей.

После отъезда Г.М. Будагова в Томск в августе 1895 года школа содержалась на средства от спектаклей и на пожертвования. Ответственность лежала на главном инженере строительства моста Владимире Александровиче Линке,

который 10 октября 1895 года был назначен также попечителем стройки церкви во имя Александра Невского. В знак уважения и признания заслуг Г.М. Будагова первую школу и первую улицу поселка с 1894 по 1920 год называли Будаговской.

В книгах по истории Новосибирска и во многих газетных и журнальных публикациях, в частности в книгах Л.М. Горюшкина, Г.А. Бочановой, Л.Н. Цепляева «Новосибирск в историческом прошлом» и «Так начинался Новосибирск» указывалось, что Г.М. Будагов в открытую им осенью 1893 года школу первыми учителями пригласил Степаниду Павловну (настоящее ее имя — Стефанида) и Николая Васильевича Козловых.

Это было не совсем точно, и ради истины следует заметить, что поводом для искажения послужили воспоминания С.П. Козловой, опубликованные журналистом Я. Егерманом в газете «Вечерний Новосибирск» еще 3 мая 1958 года.

При подготовке этого материала мною в фонде государственного архива Новосибирской области в отделе народного образования Новониколаевского Губисполкома были обнаружены опросные листы школьных работников Новониколаевска и Новониколаевского уезда за 1919-1920 учебный год. Среди них находятся листы С.П. и Н.В. Козловых, лично ими заполненные 28 февраля 1920 года, в которых даны подробные биографические сведения.

В этом фонде хранится также личное заявление Н.В. Козлова в Новониколаевский уездный отдел народного образования с просьбой предоставить ему занимаемую им должность заведующего 6-м высшим начальным училищем и на будущее время или, если это возможно, дать ему место учителя в одном из городских училищ 2-ой ступени. Эти документы долгое время были неизвестны историкам и краеведам, они опирались лишь на воспоминания, записанные участниками событий уже в преклонном возрасте, вследствие чего нередко допускались смещения во времени. В действительности же Козловы прибыли в Новониколаевск в начале 1896-1897 учебного года.

1 августа 1897 года Будаговская школа была переведена в ведение Алтайского горного округа. В то время в ней обучались уже 140 человек. В этом же году в школе состоялся первый выпуск с вручением от управления народных училищ похвальных листов лучшим учащимся — Назаровой, Новоселову, Сухоручковой. На школьном спектакле, посвященном выпуску, присутствовал начальник Алтайского горного округа генерал В.К. Болдырев.

В ту далекую пору у истоков народного образования поселка оказались люди энергичные, искренне преданные просветительской миссии. В школе с энтузиазмом работал драматический кружок («народный театр», как его назвали строители), ставились пьесы А.Н. Островского, Н.В. Гоголя. Декорации рисовали инженеры и техники-железнодорожники. Костюмы шили их жены. Н.В. Козлов был режиссером, как преподаватель пения являлся еще и организатором детского хора. Наряду с преподаванием русского языка и математики он вел уроки музыки.

С момента своего появления в Новониколаевске Н.В. Козлов активно участвует в развитии школьного дела. 27 июня 1906 года создается комиссия для разработки условий открытия в городе среднего учебного заведения и составления предварительной сметы расходов. Он входит в ее состав как заведующий Новониколаевским горнозаводским училищем. Город рос, открывались различные новые учебные заведения — гимназия, реальное училище, 4-х классное городское училище. С каждым годом увеличивалось число учителей (в 1905 году их было 35, в 1908 — 53, в 1909 — 72, в 1910 — 97). К этому времени в городе имелось одно реальное училище, частная женская гимназия, субсидируемая городом, и 29 начальных училищ, с помощью которых город подходил к разрешению вопроса о всеобщем образовании.

С 1 января 1909 г. Н.В. Козлов работает в городском училище. Городские училища — повышенные начальные школы с шестилетним сроком обучения, пришедшие в 1872 году на смену уездным училищам. В 1912 году их преобразовали в высшие начальные училища.

Н.В. Козлов был одним из организаторов общества попечения о народном образовании, созданного 4 ноября 1909 года. Общество было призвано содействовать распространению образования, расширению сети начальных училищ, общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, изыскивать средства для народных училищ, воскресных школ, народных библиотек, читален и музеев.

В 1910 году благодаря деятельности общества в городе функционировали три воскресные бесплатные школы для рабочей молодежи. В них без всякого вознаграждения работали учителя начальных школ Козлов, Полянская, Козакова, Кузнецова, Агафонова и другие.

Общество попечения о народном образовании стремилось улучшить положение существующих школ, оказывать помощь беднейшим детям в приобретении одежды и обуви, организовывало при школах горячие завтраки, а также заботилось о развитии в городе дошкольного воспитания и внешкольного образования.

В 1910 году в город прибыли студентки-«фребелички» (выпускницы московских фребелевских курсов по дошкольному воспитанию). Они занимались с детьми, обучая их лепке, вышиванию, разным полезным играм. Опираясь на опыт выдающихся педагогов, они внушали родителям, что детей не следует ограничивать правилами аккуратности и даже абсолютной безопасности, им нужно давать возможность играть в такие игры, в какие им только хочется, осуществлять такие идеи, которыми они загораются. Это право детства.

Н.В. Козлов опекал и поддерживал начинания дошкольных воспитателей по развитию любознательности у детей, приобщения их к ремеслам. Он считал, что для учителя обязательным должно быть владение техникой какого-нибудь искусства или ремесел. Сам Николай Васильевич был знаком с переплетным, столярным и малярным делом.

К 1913 году город Новониколаевск вышел на первое место в России по введению всеобщего начального бесплатного образования. Этому во многом способствовало завершение в августе 1912 года строительства 12 прекрасных типовых двухэтажных кирпичных школ по проекту архитектора А.Д. Крячкова. Несмотря на отсутствие тогда общегородского водопровода и канализации, необходимое сантехническое оборудование для школ завезли из Варшавы, электрифицировали их. При каждой школе была создана библиотека.

Введение всеобщего начального образования обеспечивали городское четырехклассное училище, два железнодорожных училища (мужское и женское), 31 начальное училище, в том числе три двухклассных мужских училища, два двухклассных женских училища, одно одноклассное женское училище, девять одноклассных училищ, 16 одноклассных смешанных училищ.

В Новониколаевске обучалось 3540 детей, работало 137 учителей. Новониколаевская школьная исполнительная комиссия одной из первых в Сибири подняла вопрос о совершенствовании преподавания, привлечении кинематографа и постановке общеобразовательных сеансов для учащихся.

В те годы особое внимание уделялось пробуждению интереса к краеведению, сибиреведению, родиноведению, мироведению. Создается Новониколаевское отделение общества изучения Сибири. Публичное его открытие состоялось 6 мая 1913 года. Как потом отмечалось в информации общества, это повысило уровень образованности и общей культуры учащихся.

Это было время, когда благодаря деятельности общества попечения о народном образовании зарождались традиции города — отмечать памятные даты великих людей России и земли сибирской, выдающихся личностей мирового масштаба, даты важнейших событий отечественной и мировой истории; проводить народные чтения, публичные лекции, к участию в которых привлекались представители местной интеллигенции, ученые из других городов Сибири и центральной России.

С особой теплотой готовились и проводились юбилейные даты выдающихся русских писателей. В 1906 году в день 20-летия кончины А.Н. Островского поставлена пьеса «Без вины виноватые». 9 июля 1907 года в день 55-летия литературной деятельности Л.Н. Толстого ему была послана телеграмма:

Тула. Ясная поляна. Льву Николаевичу Толстому. В день 55-летия литературной деятельности шлем наш скромный привет из далекой Сибири великому мастеру, художнику, мыслителю земли, слово которого — бессмертный голос совести народов. О чем вспомнят потомки тех веков, когда война между людьми исчезнет с лица земли. Привет великому учителю.

В январе 1910 года в связи с 50-летием со дня рождения А.П. Чехова проведен большой праздничный вечер, в декабре 1913 года состоялся вечер, посвященный творчеству И.С. Тургенева, в 1914-м — к 100-летию Т.Г. Шевченко. В год смерти Льва Толстого в городе были организованы толстовские чтения. Правление общества выразило С.А. Толстой сердечное соболезнование в телеграмме, опубликованной в ноябрьском номере «Обского вестника»:

Новониколаевское общество народного образования выражает свою глубокую скорбь по поводу кончины великого русского мыслителя и человека Льва Николаевича. Желаем Вам бодрости и сил перенести эту неизмеримо тяжелую для Вас и всего человечества дорогую потерю. Умерло тело, но дух и гений Льва Николаевича будет вечно жить в сердцах людей.

С 1 июля 1913 по 20 августа 1914 года Н.В. Козлов работал в г. Каинске (ныне Куйбышев) учителем городского училища и мужской гимназии. Затем, после окончания летних педагогических курсов в Томском учительском институте, вновь вернулся в Новониколаевск учителем русского языка и математики в 1-ом высшем начальном училище. 4 декабря 1918 года местный училищный совет избрал его на должность заведующего 6-м высшим начальным училищем.

После освобождения города от колчаковцев началась перестройка системы народного образования на основе «Положения о единой трудовой школе» от 30 сентября 1918 года, установившего социалистические принципы построения системы народного образования: связь школы с жизнью, последовательное проведение социалистического демократизма, осуществление национального и полового равенства, обучение на родном языке, преемственность различных ступеней обучения, самоуправление, введение пятилетней школы первой ступени и четырехлетней — второй ступени.

10 января 1920 года при Сибревкоме организовали отдел народного образования — СибОНО (или Сибнаробраз). Ему было предоставлено право самостоятельно решать все основные вопросы организации народного образования, учитывая особенности Сибири. В феврале 1920 года СибОНО приступило к созданию программ для школ 1-ой и 2-ой ступени на 1920/21 учебный год. Видное место в них занимало трудовое обучение. Самообслуживание в школе рассматривалось как начало трудового воспитания детей. В школах стали открываться мастерские. Детей в них обучали тем видам труда, которые давали возможность производить продукцию, необходимую для удовлетворения нужд самой школы и местного населения (столярные, слесарные, сапожные и прочие мастерские и сельскохозяйственные участки).

В письме в Новониколаевский уездный отдел народного образования Н.В. Козлов так выразил свое отношение к перестройке системы народного образования: «Стоя на платформе Советской власти, вполне разделяю ее идею по устройству Единой Трудовой школы».

Николай Васильевич всячески поощрял увлечения учащихся, развивал их способности, воспитывая в них лучшие человеческие стремления, учил рисовать, петь, играть на народных инструментах. Сам был прекрасный музыкантом, художником и артистом. Он относился к тем, кто считал, что без полотен старых мастеров, без серьезной музыки, без Пушкина и Толстого жизнь обмелеет, лишится красок и поэзии.

По воспоминаниям его современников, он умел направить ко благу различные особенности характера детей, ценил учеников любознательных, с ост-

рым умом. Скольких начинающих жизнь согрел он отцовской заботой, окрылил напутственным словом. В городе у него сложился непререкаемый авторитет, он обладал высокими нравственными качествами, и коллектив отвечал ему искренней признательностью, уважением и доверием. Он был в хороших отношениях с родителями учащихся. Простой в общении, вежливый и внимательный, он был очень близок к ребятам, играл с ними в волейбол, ходил на рыбалку с ночевкой. Сам увлекался бегом, рыбной ловлей, любил охоту.

Супруги Козловы были прекрасной парой, дружной и заботливой. У них была дочь — Татьяна Николаевна Прахина (работала в 8-й детской больнице Железнодорожного района врачом-терапевтом), и на воспитании девочка-сирота. Когда умерла сторожиха училища, у нее осталось трое детей. Двух старших мальчиков устроили в детский приют, а младшую дочь Козловы взяли к себе. Эта необыкновенная семья стала зачинателем многих добрых дел на ниве культуры и просвещения.

Стефанида Павловна Козлова, например, в содружестве с Т.И. Фавстовой и Ф.Я. Левиной в 1932 году составили букварь для городских школ под названием «Мы — ударники!», изданный Западно-Сибирским краевым отделом народного образования. Литературным консультантом стал сибирский писатель Г.М. Пушкарев.

Своей жизнью и деятельностью Николай Васильевич Козлов являл яркий пример русского интеллигента. Его творческая активность продолжалась до последних дней жизни. Умер он 6 января 1932 года в возрасте 62 лет. И жизнь его стала для многих примером беззаветной преданности школьному делу, бескорыстного служения людям и обществу.

Иван ЦЫПЛАКОВ

Человек высокой энергетики

Сами мы выбираем главное дело своей жизни, или, наоборот, профессия находит нас — по этому поводу можно пофилософствовать, но то, что энергетику страны поднимали люди сильные и энергичные, сомнений не вызывает. Один из них — Василий Александрович Комиссаров. Двадцать пять лет своей жизни он отдал новосибирской энергосистеме, и именно в годы его руководства «Новосибирскэнерго» превратилось в одно из мощнейших предприятий отрасли, каким оно является сейчас.

А ведь родителям деревенского мальчугана, ровесника века (родина Комиссарова — село Мызино Судогорского уезда Владимировской губернии), вряд ли приходило в голову, что их Василию суждено поднимать энергетику Сибири. Отец промышлял строительством, каждое лето отправлялся на заработки: крыл и ремонтировал

кровли, малярничал; мать с детьми вели хозяйство, крестьянствовали. Окончив в 1910 году три класса сельской школы, помогал ей по хозяйству и Василий.

В шестнадцать лет Комиссаров поступил в ремесленное училище, которое затем было преобразовано в техникум общего машиностроения. Уже там проявились его лидерские качества. Немногословный, но основательный и крепкий, Василий пользовался у сверстников уважением и был выбран председателем комитета по делам студентов. Сразу после окончания техникума Комиссаров, как и другие хорошо успевающие студенты, был переведен на механический факультет Иваново-Вознесенского политехнического института имени Фрунзе.

Учился Комиссаров с удовольствием, но для того, чтобы жить в городе, нужны были деньги. Поэтому учебу он постоянно совмещал с работой. Был чертежником на Иваново-Вознесенской мануфактуре, секретарем производственного совещания при заводском комитете, даже ответственным редактором многотиражной фабричной газеты «Красный текстильщик».

В 1929 году, окончив институт, он получил должность заведующего паросиловым хозяйством мануфактуры, а через два года толкового специалиста перевели в отделение треста «Энергострой» (вошедшего впоследствии в «Ивэнерго») групповым инженером по проектированию районной тепловой электростанции.

Когда летом 1933 года на Ярославской ТЭЦ произошла авария и срочно потребовались грамотные специалисты, в командировку туда отправили именно Комиссарова.

— *Башковитый парень и упорный, такие нам нужны,* — сделали вывод ярославцы и оставили Василий Александровича работать у себя, предложив ему должность старшего инженера технического отдела. Так начиналась его карьера в энергетике.

Впервые жители Ново-Николаевска смогли воспользоваться чудом цивилизации — электричеством — в конце 1912 года, когда здесь была пущена в строй городская электростанция, построенная с помощью немецкой фирмы «Сименс-Гальске» под руководством инженера-механика Михаила Александровича Шиши. (Кстати, этот замечательный человек, которого можно назвать первым энергетиком города и инициатором его электрификации, прожил сто лет и скончался в 1966 году). Размещалась электростанция в здании городских весов на Базарной площади, там, где стоит сейчас театр оперы и балета. Работала она на каменном угле. На ней стояли два локомобиля отечественного производства, генераторы и распределительный щит немецкого производства. Мощность станции была всего 155 киловатт, электричество она давала лишь в темное время суток — с 16 часов дня до восьми утра, обеспечивая им 5610 лампочек, из которых 3200 сияли в гостиницах и квартирах, 1500 — в торговых заведениях, 700 — в ресторанах и складах, 210 — освещали улицы города.

Волшебная сила электричества вызывала восторг, число желающих подключиться к линии электропередачи стремительно росло. Поэтому мощность станции несколько раз увеличивали, но все же нужд растущего города она не покрывала, к тому же вырабатывала станция только однофазный ток, к электросети нельзя было подключить ничего кроме ламп.

Ново-Николаевску необходим был более серьезный источник электроэнергии. Однако в грандиозный план ГОЭРЛО, принятый молодым советским правительством, безуездный сибирский городок, в отличие от своего соседа Кемерово, не попал. Новониколаевцам пришлось самим браться за электрификацию. Городские власти бросили клич — призвали предприятия и организации выделить средства на благое дело. Но деньги поступали очень медленно, и долго бы пришлось оставаться во тьме молодому городу, если бы в 1923 году Совнарком не выделил на строительство станции 500 тысяч рублей. На закладку ее фундамента из Москвы прибыл сам председатель ВЦИК М.И. Калинин. В 1926 году в только что получившем новое название Новосибирске включили первый турбогенератор мощностью 50 киловатт — начала работать новая паротурбинная электростанция имени М.И. Калинина (впоследствии ТЭЦ-1).

Новосибирцы с облегчением спрятали подальше керосиновые лампы и коптилки. Однако уже через несколько лет эти нехитрые источники света вновь пошли в ход. Город рос настолько бурно, что мощности ТЭЦ-1 стало не хватать. В 1931 году Совнарком СССР принял решение о строительстве в Новосибирске левобережной ГРЭС. Первый ток турбоагрегат ТЭЦ-2 дал в 1935 году, и по железнодорожному мосту была протянута воздушно-кабельная линия, соединившая в единую систему две электростанции города. А еще через два года наряду с электричеством станции начали подавать и тепло. Первыми его потребителями на правом берегу стали здания в центре Новосибирска — известный 100-квартирный дом на Красном проспекте, швейная фабрика имени ЦК профсоюза на улице Серебренниковской и дом энергетиков на улице Колыванской. На левом берегу тепло получили, в первую очередь, комбинат «Сибкомбайн» и его жилой квартал — «Соцгородок».

С этого времени началась теплофикация города, быстрыми темпами пошло расширение энергетического хозяйства. В 1939 году «Сибкомбайн» приступил к строительству ТЭЦ-3. Грянувшая война еще более ускорила развитие новосибирской энергосистемы. Уже в сентябре 1942 года на третьей станции был пущен первый турбоагрегат, меньше чем через год — следующий. Новосибирску, превратившемуся за счет пяти десятков эвакуированных сюда предприятий в крупный промышленный центр, необходимо было много энергии. Районное управление «Новосибирскэнерго» представляло собой важнейшее звено в жизнеобеспечении города, когда осенью 1944 года по направлению Минэнерго СССР сюда был назначен главным инженером Василий Комиссаров.

Несколько новых мощных электростанций, десятки подстанций, сотни километров ЛЭП, десятки километров теплоцентралей — все это построено в нашей области при его непосредственном участии.

Среднего роста, скромно, но аккуратно одетый, с высоким лбом, внимательным и острым взглядом серых глаз, негромким голосом он больше напоминал ученого, чем хозяйственника, привыкшего руководить рабочим коллективом. Василий Александрович к моменту приезда в Новосибирск был уже опытным специалистом, имеющим за плечами пятнадцать лет работы в энергетике инженером, начальником производственно-технического отдела, начальником проектно-конструкторского бюро.

В Сибирь Комиссаров ехал без опаски за своих домочадцев, тем более, что жена и дети уже знали, что это за край, — в разгар войны они больше года жили в эвакуации в Барнауле. Семья была большая, подрастали четверо детей, младшей Танюшке едва исполнилось пять лет. О семье Василий Александрович всегда очень заботился, жену Нину Николаевну беззаветно любил до конца своих дней, лишь ненамного ее пережив. Но все же главным в его жизни всегда была работа. Собственно, жизнь и работа сливались у него в одно понятие.

Его трудовой день обычно начинался еще до прихода в рабочий кабинет. Ранним утром, едва большое семейство Комиссаровых просыпалось, в квартире звонил телефон. «У меня рапорт!» — объявлял Василий Александрович, чтобы угомонить собирающуюся в школу детвору. Внимательно выслушав то, что ему сообщали на другом конце провода, тут же задавал вопросы, давал распоряжения.

Грамотный специалист, умелый управленец, он быстро схватывал суть возникшей проблемы, тут же выдавал варианты ее решения. Любую информацию, будь она положительная или неприятная, он воспринимал спокойно, без бурных эмоций. Разговор на высоких тонах был не в его стиле. Строгость, требовательность — это да, но никогда никаких громких «разносов», грубых слов, горячих выражений. Хотя рабочая атмосфера порой накалялась до предела. Шел период бурного строительства, монтажа новых мощностей, создания новых подразделений, и в таких делах, конечно, неизбежны споры — о соблюдении графиков работ, поставок материалов и оборудования, финансировании. Особенно напряженно, иногда по 4-6 часов, проходили заседания пусковых комиссий, проводившиеся совместно с представителями трестов «Сибэнергострой» и «Сибэнергомонтаж». Слово Комиссарова всегда имело особый вес как авторитетного человека и грамотного специалиста, от мнения которого зависит очень многое.

Комиссаров стал энтузиастом теплофикации Новосибирска. Через год после его приезда было выделено в отдельное подразделение «Новосибирскэнерго» предприятие тепловых сетей. Протяженность городских теплотрасс составляла тогда всего 3,5 километра, тепло подавалось 58 абонентам. За тот период, когда Василий Александрович возглавлял энергосистему, тепловые магистрали Новосибирска превратились в двухсоткилометровую подземную паутину. Это были и годы непрерывного строительства новых станций и электросетей, модернизации старого оборудования. Мощность энергосистемы

выросла со 110 МВт в 1944 году до 1560 МВт — в 1971 году, годовая выработка электроэнергии с 646 млн кВт-часов увеличилась до 9126 млн кВт-часов.

Развитие энергосистемы шло высокими темпами, несмотря на то, что в военное и послевоенное время на всех ее предприятиях остро ощущался недокомплект персонала. Почти шестьдесят процентов коллектива составляли женщины и подростки.

Комиссаров был не из тех руководителей, которые предпочитают давать указания, не выходя из уютного кабинета. Его часто можно было видеть в цехах, на строящихся объектах. Он приезжал не только, чтобы проводить совещания и выслушивать отчеты. Вникая во все вопросы, как технологические, так и организационные, Василий Александрович действовал как генератор идей, находя нестандартные пути выхода из сложных проблем. Его способность молниеносно «выдавать» нужное решение не раз помогала в производственных делах.

Линии электропередачи все плотнее окутывали Новосибирск. В начале 50-х прошлого века они потянулись и за его пределы. В конце сороковых началось строительство маломощных тепловых и гидравлических станций в Маслянино, Кыштовке, Сузуне, Краснозерске, Здвинске. В 1951 году был дан ток от ТЭЦ-3 на первую в области ЛЭП напряжением 110 киловольт, протянутую до Чулыма. На расстоянии 165 километров загорелись электрические лампочки. По железной дороге помчались первые электропоезда — получили питание тяговые подстанции поселков Чик, Коченево, Лесная Поляна, Чулым, города Обь. Шло строительство теплоэлектростанции в Барабинске, росли корпуса ТЭЦ-4 в правобережной части Новосибирска — ее возводили на средства завода химконцентратов, а затем передали в ведение «Новосибирскэнерго». Продолжалась модернизация и расширение ТЭЦ-3, разворачивалось строительство первой за Уралом гидроэлектростанции — на Оби, у поселка Левые Чемы.

Увеличивались объемы теплофикации Новосибирска. В начале 60-х по новому мосту через Обь была прокинута теплотрасса от ТЭЦ-2 на правый берег города, что позволило подключить к центральному отоплению сотни новых потребителей, закрыть больше четырехсот мелких котельных. Тепловая энергия пришла в дома барабинцев, а затем и куйбышевцев — построенная там ТЭЦ, первый агрегат которой дал электроэнергию в 1954 году, начала выдавать и тепло. Линия Новосибирск-Барабинск-Омск позволила перевести на электрическую тягу транссибирскую магистраль на всем протяжении от Новосибирска до Омска. К концу 50-х электрифицировали железнодорожную ветку восточного направления, в начале 60-х — южного. В ряде районных центров области были созданы предприятия электросетей, взявшие на себя обслуживание протянувшихся по огромной территории линий электропередачи. Выстроенная ЛЭП-220, связавшая Новосибирск с Беловской ГРЭС, создала возможность обмена электроэнергией с Кузбассом и положила начало образованию единой энергосистемы Сибири.

Энергосистема области представляла собой крупное динамично развивающееся предприятие. Десятки цехов, сотни единиц разнообразного оборудования. Все это большое технологическое хозяйство нуждалось не только в повседневном контроле, но и в планово-профилактическом ремонте, замене узлов. В 1952 году решено было создать для этих целей специальное подразделение — производственно-ремонтное предприятие.

Кстати, 1952 год был особенно обильным на события. Новосибирская энергосистема перешагнула первый крупный рубеж своей истории — счетчики зафиксировали выработанный ею миллиардный киловатт электроэнергии. В 1952 году Комиссаров с должности главного инженера был назначен на должность управляющего «Новосибирскэнерго». В этом же году он поступил в аспирантуру Западно-Сибирского филиала АН СССР, продолжая при этом напряженно работать на своем посту.

Вместе с производственными мощностями увеличивался и коллектив «Новосибирскэнерго». Ежегодно сюда приезжали десятки специалистов из Томска, Подмосковья, Иваново, других городов страны, поступали на работу выпускники вузов, техникумов. Обустройство людей, решение социально-бытовых вопросов требовало особого внимания. В том, что кадры решают все, Комиссаров не сомневался. Наряду с производственными объектами у энергетиков появились учебный комбинат, жилые дома, детские сады, база отдыха, профилакторий.

По натуре работоголик, Василий Александрович хорошо понимал, как важно для человека иметь возможность полноценно отдохнуть. Свое же свободное время, а было его немного, он чаще всего посвящал рыбалке. Любил спокойно, без суеты посидеть с удочкой у воды. В такие часы он словно остывал от кипучей своей деятельности. В узкой компании друзей у костра, где непременно варилась уха, велись неторопливые беседы о жизни. Хотя и здесь то и дело проскакивали производственные темы — компания состояла в основном из сослуживцев да руководителей заводов.

Надо заметить, что Комиссаров практически не употреблял спиртного и не курил, что не мешало ему быть приятным собеседником. Любил он и задушевные русские песни.

Рыбачить ездили чаще всего на берег Оби, недалеко от Мочище, где располагалась база отдыха энергетиков, позднее — на созданное Обское море, в основном, мужским составом.

— Иногда к нам присоединялась жена Василия Александровича с детьми, — рассказывает тоже заядлый рыбак Николай Александрович Виноградов, работавший в ту пору директором «Тепловых сетей». — Не сомневаясь в нашей рыбацкой удаче, а без улова мы никогда не возвращались, она все же привозила с собой курицу, и на костре у нас, как мы шутили, готовилась еще и «уха из петуха».

Для жены и детей это были те не очень частые моменты жизни, когда Василий Александрович никуда от них не спешил. Ведь обычно отец целыми

днями пропадал на работе, появлялся дома, чтобы «срочно поесть», и тут же уезжал по другим неотложным делам, возвращался уже затемно. Но все же при этом дети постоянно ощущали его присутствие, участие в их судьбе, его заботу.

— Безусловно, отец был для нас непререкаемым авторитетом и настоящим главой семьи, — отмечает младшая дочь Комиссаровых Татьяна Васильевна. — Он никогда не навязывал свои советы, но, принимая любое решение, каждый из нас непременно держал в голове мысль: а как отнесется к этому отец?

Самый большой праздник отмечался в семье Комиссаровых 13 января. Это был день рождения Василия Александровича и Нины Николаевны — так уж совпало, что родились они в один день, хоть и в разные годы. Собиралась семья за праздничным столом и по большим государственным праздникам, таким как Первомай, 7 ноября. Традиционным и всегда с трепетом ожидаемым подарком для детей была большая новогодняя елка, которую Василий Александрович непременно устраивал в квартире.

— Хотя он мало с нами общался, мы постоянно чувствовали его надежное плечо, знали, что он защитит от любых трудностей. С детских лет у нас с отцом было заведено, что я часов в десять-одиннадцать вечера приходила за ним на работу и мы, прежде чем идти домой, отправлялись гулять по городу. Шли молча, каждый думал о своем, но все равно вместе нам было хорошо, — рассказывает старшая дочь Василия Александровича. *— Откровенно говоря, больше я таких людей, сильных, надежных, волевых, в жизни не встречала.*

— У нас в семье не принято было много говорить, тем более, спорить. Атмосфера царила деловая, но всегда доброжелательная. Когда я, например, решил одновременно учиться в девятом классе дневной школы и десятом — вечерней, реакция была простая: «Поступай, как считаешь нужным». Так же реагировал отец и на другие мои поступки, — добавляет старший сын Комиссарова Юрий Васильевич, ставший инженером электроники, сейчас уже пенсионер, бережно показывая фотографии, сохранившиеся документы отца, его многочисленные награды.

Корректный и требовательный с подчиненными, Василий Александрович таким же был и в семье. Главное, в чем Василий Александрович считал нужным убедить своих детей, что о человеке судят, прежде всего, по его делам, и для того, чтобы уверенно шагать по жизни, нужно много трудиться.

Отношение к делу для Комиссарова всегда было важнейшим критерием в оценке людей. Работать с ним, как вспоминают его бывшие коллеги, было и легко, и сложно. Те, кто допускал халатность, недисциплинированность, чувствовали себя рядом с Василием Александровичем неуютно. Нет, он не стыдил, не ругал, не читал нотации. Достаточно было его строгого взгляда, особой интонации спокойного голоса, чтобы нерадивому работнику захотелось тут же провалиться на месте. Зато тем, кто, как и он, «болел» за производство, работал не за страх, а за совесть, с Комиссаровым было легко. Если при обсуждении

какого-то вопроса собеседник, будь-то руководитель высокого ранга или молодой специалист, приводил убедительные доводы, доказывая, что управляющий не прав, он, внимательно выслушав собеседника и быстро «переварив» в голове полученную информацию, находил приемлемое для всех решение. Сам с новаторской жилкой, Комиссаров с готовностью откликался на чужие идеи и, если его стремительный ум находил в них рациональное зерно, тут же давал инициатору «зеленую улицу».

Несмотря на то, что ежедневно ему приходилось решать массу организационных вопросов, выполнять большой объем административной работы, Василий Александрович находил время для чтения научно-технической литературы. Он и сам нередко писал статьи в журналы «Электрические станции», «За технический прогресс» и другие.

Одним из недостатков теплоэлектростанций издавна считалось то, что большая часть вырабатываемого ими тепла вместе с дымовыми газами уходила в трубу. Чтобы уменьшить эти потери, Комиссаров и его сподвижники решили установить на дымоходах экономайзеры для использования нагрева уходящих газов. Это позволило снизить температуру газов на выходе из трубы со 180 градусов до 110, сократить расходы топлива и оставшееся тепло использовать для подогрева воды, возвращающейся на ТЭЦ из теплосетей.

Человек рациональный, Василий Александрович ратовал за то, чтобы «продукция» ТЭЦ — тепловая энергия — не уходила на ветер, использовалась как можно продуктивнее. Именно Комиссаров стал инициатором создания в Новосибирске теплично-парниковых комбинатов.

— *Используя бросовое тепло уходящих газов котлов и воду, циркулирующую по теплосетям, у нас в Сибири можно выращивать овощи и цветы,* — убедительно доказывал он в кабинетах горисполкома, облисполкома, обкома. И в начале 60-х новосибирцы получили возможность даже зимой покупать свежие огурцы, помидоры, тюльпаны, что в те времена воспринималось почти как экзотика. По проблемам сооружения и организации теплично-парникового хозяйства Комиссаров даже защитил диссертацию. В возрасте 62 лет ему присвоили ученую степень кандидата технических наук.

Людей высокой энергетики, сильных духом, трудно представить себе пассивными, праздно наблюдающими за проистекающей вокруг жизнью. Их деятельные натуры постоянно настроены на движение, за счет этого движения они живут и выдают «на гора» свои полезные дела и оригинальные идеи. Василий Александрович — яркий тому образец. Он работал до последних дней своей жизни. В 1971 году по состоянию здоровья оставив пост управляющего — все же в 70 лет это большая нагрузка, к тому же у него давно «пошаливало» сердце, — он перешел в проектно-конструкторское бюро «Новосибирскэнерго», где еще восемь лет трудился старшим инженером, до самой своей кончины 18 декабря 1979 года.

Его жена Нина Николаевна, химик по образованию, много лет отдала медицине, работая на станции переливания крови. Стали грамотными специ-

алистами с высшим образованием все четверо детей Комиссаровых. Они унаследовали от отца высокую работоспособность и сейчас, несмотря на пенсионный возраст, продолжают трудиться. Подрастают правнуки замечательного сибирского энергетика.

И как драгоценные реликвии хранят в семье высокие награды, которыми был отмечен самоотверженный труд Василия Александровича Комиссарова: ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, два ордена «Знак Почета», несколько медалей, десятки грамот. Но главная память, которую оставил после себя этот замечательный человек — мощный энергетический комплекс, который сегодня дает свет и тепло миллионам сибиряков.

Галина ТРОИЦКАЯ

«Светя другим, сгораю сам»

Проститься с Валентином Афанасьевичем Коптюгом в январе 1997 года вместе с учеными, государственными и общественными деятелями пришли многие тысячи жителей Академгородка и Новосибирска. Дом ученых не вместил всех, люди стояли на жестоком морозе вдоль Морского проспекта, у институтов. Скорбь их была искренней и глубокой. Почему же столько людей восприняли его смерть как личное горе?

В.А. Коптюг был выдающимся ученым и организатором науки, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда, почетным гражданином Новосибирска. Но, конечно, не только и не столько посты и звания притягивали к нему людские умы и сердца, а его

высокие нравственные принципы, вся его подвижническая жизнь.

Восемнадцатилетний Коптюг приехал в Москву в 1949 году из Самарканда (сюда во время войны семья эвакуировалась из Смоленска) в надежде получить высшее химическое образование в Московском университете. Но когда он, золотой медалист, сказал в приемной комиссии, что в 1938 году его отец был арестован, а затем расстрелян, то услышал: «Будет лучше и для нас, и для вас, если вы попробуете поступить в другой вуз». Иначе отнеслись к нему в Московском химико-технологическом институте имени Д.И. Менделеева, и теперь институт гордится таким выпускником.

Однокашники уже с первого курса поражались его организованности. Часто ли встречаются студенты, которые, как Валентин Коптюг, работали бы с рекомендованным учебником еще до лекции, чтобы потом легче ее понимать и конспектировать? (Впрочем, он в течение всей жизни сохранял способность упорно и быстро учиться. В конце 60-х годов, когда в российской науке складывалась традиция публиковать статьи в зарубежных журналах и участвовать в международных симпозиумах, он уже в зрелом возрасте примерно за год в совершенстве выучил английский язык — так, что писал свои статьи и выступления сразу по-английски).

После защиты кандидатской диссертации Коптюг вместе со своим учителем, членом-корреспондентом АН СССР (позже академиком) Н.Н. Ворожцовым, отправился в 1959 году в строящийся Новосибирский академгородок, в Институт органической химии. Здесь он прошел путь от младшего научного сотрудника до директора (которым стал, правда, без малого через тридцать лет). «Карьерный» рост никогда его не прельщал. Да и Ворожцов как мог берег своего ученика от административных хлопот, предрекая ему блестящую будущность как ученому-исследователю. И он не ошибся. Коптюг быстро поднимался по ступенькам научной квалификации. В 29 лет он организует лабораторию, в 34 — становится доктором наук, в 37 — членом-корреспондентом, в 48 действительным членом Академии наук.

Валентин Афанасьевич Коптюг стал выдающимся химиком, мировым авторитетом в области физической, синтетической и прикладной органической химии. По мнению специалистов, он предугадал и обосновал новые «прорывные» направления в органической химии. Его фундаментальные работы теоретического плана вскрыли механизмы ряда органических реакций, углубили понимание промышленных процессов переработки ароматических соединений (углеводородов).

Но Коптюг был не только теоретиком. Он и его сотрудники создали пионерные технологии получения новых фоточувствительных материалов, соединений для защиты полимерных материалов от деструкции, для консервации продуктов питания, изготовления и сохранения лекарственных препаратов, средств защиты растений.

Плоть от плоти Сибирского отделения, он испытал на себе благотворное воздействие сложившегося здесь «союза наук», их взаимопроникновения.

Он быстро понял роль современных физических методов для изучения природы и свойств органических соединений и организовал в институте регулярные семинары для взаимного обучения физиков и химиков, для овладения самым совершенным отечественным и зарубежным оборудованием. Результат не заставил себя ждать — произошла не только интенсификация исследований, но и перевод их на качественно новый уровень.

Исключительно плодотворным оказалось сотрудничество В.А.Коптюга с математиками. Современная химия оперирует более чем 5 миллионами соединений, и, чтобы ориентироваться среди них, жизненно необходим был переход к компьютерным системам. Валентин Афанасьевич инициировал эту работу со свойственной ему систематичностью. Сначала с помощью ГПНТБ нужно было собрать в Институте органической химии всю имеющуюся литературу по молекулярным спектрам (своеобразным «отпечаткам пальцев» молекул), затем соединенными силами химиков и математиков началось введение собранной спектральной информации в память ЭВМ и разработка алгоритмов поиска нужной информации. В итоге была создана первая в СССР информационно-поисковая система по молекулярной спектроскопии. На этой основе при институте теперь работает Научно-информационный центр химической информатики, возможностями которого пользуются исследователи и в СО РАН, и за его пределами.

Мировое научное сообщество высоко ценило российского коллегу. Он был отмечен международной премией имени А.П. Карпинского, был членом многих национальных академий наук, его избирали членом бюро, вице-президентом и, наконец, президентом Международного союза теоретической и прикладной химии (ИЮПАК).

В 1978 году В.А. Коптюг занял пост ректора Новосибирского государственного университета. На коллегии Минвуза СССР ему было предписано в месячный срок устранить преподавание в университете «совместителей» — ведущих ученых СО АН, индивидуальные учебные планы, практику студентов в лабораториях академических институтов. Однако НГУ и его молодой ректор выдержали это давление. (Ах, как еще далеко — больше двадцати лет! — было до признания государством необходимости интеграции науки и образования…)

Новый ректор методично начал наводить в университете порядок во всем, вплоть до мелочей. Это свойство — подходить к любому делу систематично — было присуще В.А. Коптюгу, чем бы он ни занимался. Именно ему впервые удалось упорядочить отношения НГУ с Сибирским отделением Академии наук — в заключенном договоре были детально продуманы и перечислены взаимные обязательства.

В течение 15 лет Коптюг возглавлял в НГУ кафедру органической химии, сотни выпускников которой работают в исследовательских организациях и на предприятиях Сибири. Его ученики вспоминают, что он никогда не

ставил плохих оценок своим студентам, хотя был требовательным. Он умел таким образом задавать вопросы, что молодой человек, даже не очень уверенный в своих знаниях, мог спокойно и достаточно прилично на них ответить. Позже из этого сформировался своеобразный «коптюговский» принцип отношения к людям — думать о человеке чуть лучше, чем он есть, а вернее — искать в каждом и акцентировать его сильные, хорошие стороны. Коптюг никогда не подчеркивал недостатков — и происходило удивительное: стремясь оправдать его доверие, люди невольно подтягивались, начинали верить в свои силы, испытывали желание работать.

Проректор НГУ Н.В. Дулепова вспоминает: *Сам Валентин Афанасьевич на протяжении многих лет читал курс «Теоретические основы органической химии». Его лекции отличала безупречная логика и такое глубокое владение материалом, что самые сложные вещи в его изложении казались простыми и понятными. И сколько бы он ни читал этот курс (если не ошибаюсь, более десяти лет), на лекциях всегда присутствовала масса «посторонних» людей — сотрудники институтов, и не только НИОХ, аспиранты, командированные.*

Уже будучи председателем СО АН, он читал «Современные проблемы органической химии» в течение трех лет. Порой приезжал на лекцию прямо с самолета, к первой паре, но не было случая, чтобы лекция не состоялась или оказалась «сырой». Просто в зависимости от степени усталости он говорил «с разной скоростью и громкостью».

В 1980 году в Новосибирском академгородке состоялись очередные выборы председателя Сибирского отделения АН СССР.

Прежний председатель Сибирского отделения, уже назначенный председателем ГКНТ СССР и заместителем председателя Совета Министров СССР, академик Г.И. Марчук тогда сказал: — *У нас несколько достойных кандидатур крупных ученых и перспективных организаторов, и нам важно сделать правильный выбор, учитывая, что обязанности председателя Сибирского отделения требуют полной отдачи сил и мы, по сути дела, должны одного из наших академиков принести в жертву процветанию и развитию Сибирского отделения, всего нашего научного сообщества в Сибири.*

Рекомендуя академика В.А. Коптюга на этот пост, Г.И. Марчук отметил: — *Зная хорошо эрудицию, возможности, склад характера, научный и организаторский потенциал Валентина Афанасьевича, считаю, что он способен на такую жертву. В случае его избрания мы можем быть уверены, что наше научное сообщество получит первоклассного лидера.* Последующая деятельность В.А. Коптюга целиком и полностью подтвердила эту характеристику.

Когда Валентина Афанасьевича избрали председателем Сибирского отделения АН СССР, у него, по существу, отсутствовал опыт крупной организационной работы в Академии — он не поработал до того ни директором, ни даже заместителем директора института. Но по свидетельству коллег он в любой новой области, начав с нуля, быстро становился почти профессионалом и с любым специалистом мог говорить на равных. Конечно же, кроме таланта,

это качество требовало еще и огромного труда. Но, наверное, главное — это системность: любое дело, любую идею Валентин Афанасьевич умел увидеть в цепи с другими, оценить все плюсы и минусы, возможную пользу или, наоборот, опасные последствия для конкретного человека, для института, для Сибирского отделения, для страны в целом.

Семнадцать лет проработал В.А. Коптюг на посту председателя Сибирского отделения Академии наук (чуть меньше, чем его основатель М.А. Лаврентьев).

Президиуму СО РАН во главе с В.А. Коптюгом еще в относительно благополучный для науки период, в 80-х годах, удалось добиться принятия по меньшей мере трех государственных документов, посвященных Сибирскому отделению. В 1984 году получила официальный статус региональная научно-исследовательская программа «Сибирь», в том же году Госплан СССР рекомендовал к внедрению в министерствах и ведомствах СССР и РСФСР около 200 крупных разработок Сибирского отделения.

Академик Н.Л. Добрецов, преемник В.А. Коптюга на посту председателя СО РАН, так охарактеризовал роль В.А. Коптюга в противостоянии стихии разрушения науки:

Тяжелый экономический кризис в стране, естественно, отрицательно повлиял и на науку в Сибири. Вместе с тем, принципы, заложенные основателями Сибирского отделения РАН, позволили ему не только выжить, но и перейти к стратегии развития в новых условиях.

Громадная заслуга в этом принадлежит Валентину Афанасьевичу Коптюгу. На его долю выпал самый тяжелый период в жизни Отделения, связанный с ломкой государственной системы и кризисным положением экономики страны и, как следствие, отечественной науки. В труднейших условиях он начал системную перестройку Отделения, наметил и во многом реализовал основные положения новой стратегии развития.

Одна из плодотворных инициатив В.А. Коптюга — создание, совместно с зарубежными соучредителями, на базе ведущих институтов Сибирского отделения международных исследовательских центров. Они, эти центры, привлекают «зарубежные мозги» высоким уровнем исследований, уникальными установками или объектами (такими, например, как озеро Байкал), одновременно способствуют быстрому творческому росту молодых ученых, противостоят в известной мере «утечке мозгов» из Сибири за рубеж. Валентин Афанасьевич постоянно поддерживал молодых ученых и специалистов — при нем учрежден ряд премий имени выдающихся ученых СО РАН, создана система централизованной поддержки профессионального роста научных сотрудников, сформированы фонды арендного жилья для молодежи.

В мае 2002 г. на торжественном заседании, посвященном 45-летию Сибирского отделения, было отмечено:

Масштаб деятельности В.А. Коптюга в 90-х годах сопоставим с масштабом работы М.А. Лаврентьева в начале 60-х. Но Лаврентьев строил здание

региональной науки в благоприятной обстановке, при поддержке правительств и СССР, и РСФСР и при высоком авторитете науки в обществе, а на долю Коптюга досталось всеми силами поддерживать пошатнувшиеся стены этого здания и заново выстраивать в процессе реформ новые отношения и с правительством РФ, которое практически отлучило от себя науку, и с субъектами Федерации в Сибири.

Предметом особой заботы В.А.Коптюга были экологические исследования и научное обеспечение охраны окружающей среды. На его долю досталась и эпопея борьбы с проектом переброски части стока сибирских рек на юг, и очередной этап сражений за чистоту Байкала, и организация всесторонней экспертизы планируемых в Сибири ГЭС и крупных промышленных объектов.

Он всячески поддерживал широкое обсуждение эколого-экономических обоснований крупных проектов учеными и общественностью на совместных конференциях и в средствах массовой информации, считая это необходимым элементом демократизации жизни общества и важным условием для выработки наиболее оптимальных решений.

Так, в 1990 году в Новосибирске под эгидой СО АН СССР прошла фактически первая и фактически всесоюзная общественно-научная конференция по обсуждению проекта Катунской ГЭС. Важно, что все представленные доклады (и специалистов, и «зеленых» общественников) были опубликованы, как и принятые конференцией рекомендации — с учетом всех высказанных мнений.

В 90-е годы, когда стало ясно, что наш рынок заполонили некачественные, а часто и вредные для здоровья продукты, по инициативе и под руководством В.А. Коптюга в Новосибирском институте органической химии в сотрудничестве с контрольными службами Новосибирской области были разработаны методики для массового анализа пищевых продуктов и товаров народного потребления на содержание в них вредных примесей.

После участия летом 1992 года в подготовке и проведении в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по окружающей среде и развитию он становится последовательным (и на первом этапе едва ли не единственным в России) пропагандистом сформулированных там и подписанных 153 государствами мира, в том числе Россией, требований перехода человечества на путь устойчивого развития.

Генеральный секретарь ООН Б. Гали пригласил В.А. Коптюга как представителя России (в числе 20 других видных ученых и общественных деятелей мира) в Консультативный Совет по устойчивому развитию. Валентин Афанасьевич выдвинул там, в частности, идею выделить в ряде стран отдельные территории, которые могли бы стать модельными образцами устойчивого развития, а в 1993 году предложил объявить такой территорией в России Байкальский регион. После детальной проработки этого предложения институтами СО РАН вместе с представителями ЮНЕСКО озеро Байкал в конце 1996 года было включено в список Участков мирового природного наследия, то есть признано не только национальным, но и мировым достоянием.

В.А. Коптюг был убежден — концепция устойчивого развития по самой своей сути социалистична, не случайно она сегодня внесена в программы всех социал-демократических и социалистических партий мира. Поэтому полный отказ от социалистического пути и переход на путь «дикого капитализма начала века» с его слепой рыночной стихией, считал В.А. Коптюг, стал бы для России трагической ошибкой. Коптюг был не догматиком, он был коммунистом в высшем понимании этого слова. И кто знает — будь у власти такие коммунисты, как он, возможно, сложилась бы иначе судьба нашей страны…

С тревогой и гордостью слушали и читали коллеги и сторонники Валентина Афанасьевича его выступление на Конституционном суде по вопросам деятельности КПСС. Он свидетельствовал, что коммунисты, как и весь народ, с огромной надеждой восприняли и поддержали перестройку, сожалел, что лидеры КПСС так и не сумели или не захотели четко обозначить ее конечные цели и стратегию их достижения. Он выступал против того, чтобы нашу историю рисовали одной черной краской, защищал честь и достоинство своих товарищей по партии. (Характерная для Коптюга деталь — чтобы полететь в Москву для выступления в Конституционном суде, он взял два дня отпуска и поехал за свой счет).

Он остался верен идеям социальной справедливости и утверждения народовластия, не бросил партийный билет. Вопреки антикоммунистической кампании он остался членом теперь уже оппозиционной партии, вошел в ЦК КПРФ и в народно-патриотический союз России и делал в этом качестве все возможное, чтобы изменить курс скоропалительных реформ.

В.А. Коптюг не уставал разъяснять, доказывать, аргументировать необходимость следования концепции устойчивого развития и ошибочности пути, на который ступила Россия. Он выступал в Государственной думе, на научных и общественных конференциях и совещаниях, в газетах и журналах. Он дискутировал лицом к лицу с идеологами шоковых реформ — с Е.Т.Гайдаром в прямом эфире новосибирского телевидения, с А.Б. Чубайсом во время его выступления в Новосибирском Академгородке.

Он подробно рассказывал о решениях, принятых конференцией ООН, приводил мнения лидеров западных стран (в том числе таких, как вице-президент США А. Гор, президент Франции Ф. Миттеран), отстаивающих необходимость усиления государственного регулирования для того, чтобы нейтрализовать негативные черты рыночных отношений. Делился впечатлениями об успехах эволюционного развития современного Китая. В открытом письме Строубу Тэлботту, заместителю Государственного секретаря США, задавал вопрос: «Должна ли Россия слепо воспринимать то, чего желает ей Америка?». Напоминал, что к выводу о необходимости конвергенции — сближения социалистической и капиталистической систем, взяв все лучшее и сильное, что есть в каждой из них, — пришел и Андрей Дмитриевич Сахаров.

В.А. Коптюга волновал и нарастающий в России после развала СССР сепаратизм — он считал его не чисто национальным, а скорее спровоцирован-

ным политиками сепаратизмом национальных территорий, перерастающим постепенно в сепаратизм субъектов Федерации вообще. И как мог поддерживал все, что работало на сохранение связей, на усиление интеграции — научную программу «Сибирь», межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение», конференции по сибирским проблемам; наконец, стремился удержать от размыва структуру Сибирского отделения РАН, объединяющую академическое сообщество на территории трех республик, двух краев и семи областей Сибири.

Когда в Республике Саха (Якутия) стал вопрос о создании там Национальной академии, то благодаря спокойной, взвешенной позиции Коптюга удалось найти разумное решение: в новую академию добровольно перешла часть институтов Якутского научного центра СО РАН, ориентированных преимущественно на гуманитарные науки, было подписано соглашение о сотрудничестве этой академии с институтами ЯНЦ СО РАН.

Вместе с академиком А.А. Трофимуком и членкорром РАН В.Н. Пармоном (как и он, белорусами) Валентин Афанасьевич обращался к парламентариям Беларуси, предостерегая, что начавшиеся там попытки принуждения к переходу только на белорусский язык в точных науках, технике, соответствующих предметах в школе приведут к самозамыканию специалистов. Их результаты не будут понятны широкому кругу коллег в России и СНГ, сами они тоже будут с трудом осваивать результаты других. А после устранения естественного для белорусской науки и техники русского языка неизбежным станет переход навсегда к английскому, но никак не к белорусскому…).

Избранный иностранным членом Академии наук Беларуси, Валентин Афанасьевич немало сделал для расширения взаимодействия сибирских и белорусских ученых.

Несмотря на свои высокие посты, Валентин Афанасьевич всегда оставался простым и доступным человеком. Его любимое выражение — «все должно быть прозрачно». То есть, открыто, честно, законно. Он и сам был кристально чист. По реальным доходам В.А. Коптюг считался, наверное, одним из самых «бедных» академиков Сибирского отделения. Будучи его председателем, он принципиально не получал денег (дополнительные полставки) как директор Института органической химии, хотя имел на это право. Когда в институт был перечислен присужденный ему индивидуальный грант (в рамках государственной поддержки ведущих научных школ), он распорядился все до копейки выплатить молодым ученым института.

Несмотря на многочисленные предложения, никогда не ездил за границу читать платные лекции — только на два-три дня для участия в работе международных научных организаций. Принципиально оплачивал даже мелкие бытовые услуги, выполняемые службами Сибирского отделения. (А вообще-то он умел — и предпочитал, если выдавалось время — делать всякий мелкий ремонт сам, шутливо называя себя «СОАНтехником»). Попросил подсчитать,

сколько стоит такси от его дома до института, и ежемесячно выплачивал автохозяйству соответствующую сумму за то, что его служебная машина возила на работу его жену. При этом никого не призывал следовать его примеру, никому даже не говорил об этом — просто делал так, как считал нужным.

Валентин Афанасьевич постоянно жил, как он однажды сам сформулировал, «в состоянии монотонно нарастающего напряжения». Работал, обдумывал, писал везде — за письменным столом, на совещаниях, в машинах, самолетах, залах ожидания, и практически всегда — без выходных, без праздников, каждый день с раннего утра до позднего вечера. Утром в Президиуме СО РАН можно было увидеть, как он идет к своему кабинету, нагруженный кипой папок с документами — своим «домашним заданием». Когда его не стало, кадровики подсчитали, сколько дней из причитающихся ему отпусков он не использовал за 17 лет. Оказалось — 650. Это почти два года жизни…

Его фантастическая трудоспособность не могла быть беспредельной и, конечно, сказывалась на его здоровье, но по-другому жить он просто не мог.

Сотрудники рассказывали: *В последний год жизни, учитывая частые перелеты, его уговаривали летать бизнес-классом, обосновывая это медицинскими показаниями — воздуха больше, дышать легче, работать удобнее. Он быстро пресек эти уговоры, сказав: «Неприлично жить хорошо, когда страна в таком положении». А однажды на призывы взять отпуск, отдохнуть, ответил: «Я выдержу. Я не могу быть тем председателем, при котором погибнет Сибирское отделение.*

После смерти Валентина Афанасьевича в письменном столе нашли его стихи — в них он, внешне сдержанный и «застегнутый на все пуговицы», изливал то, что накопилось в душе. Вот только отдельные строки:

…Как тяжело, когда болеют дети,
За что им, малышам, страданья эти?

…Опять ввязался в драку, словно ерш,
Но будет ли конец хорош?

…Ночь думай над задачей до утра,
Решил неправильно — на пенсию пора...

Но самое пронзительное, пожалуй, — стихотворение о березах, поверженных на землю ночной бурей, его концовка:

…О, Господи!
Наверное, нередко так бывает —
Мы спим в тепле,
А рядом кто-то погибает!

Валентин Афанасьевич не мог спокойно «спать в тепле». Ноша, которую он взвалил себе на плечи, была непосильна, мужество его было порази-

тельно, а сердце открыто всем болям и бедам людей и России. И оно не выдержало. Он не дожил и до 66 лет.

С нами остались его высокие помыслы, выношенные им идеи, написанные им работы, воспитанные им ученики и верные единомышленники, его цельный, гармоничный и чистый образ — образ человека высшей пробы, ученого, гражданина и патриота России.

На похоронах академика М.А. Лаврентьева Валентин Афанасьевич говорил: — *Люди смертны, и мы не властны изменить это. Но бессмертны дела людей, направленные на благо общества.* Эти слова мы можем с полным правом отнести и к нему самому. Не случайно они поставлены как эпиграф к посвященной ему книге «Век Коптюга», вышедшей в 2001 году к его семидесятилетию.

Имя академика В.А. Коптюга носят:

— проспект в новосибирском Академгородке;

— премия, присуждаемая Президиумом Российской академии наук за химические исследования в интересах устойчивого развития и сохранения окружающей среды;

— премия, присуждаемая Сибирским отделением Российской академии наук и Национальной академией наук Беларуси за достижение выдающихся результатов при выполнении совместных исследований;

— премия молодым научным сотрудникам СО РАН за работы в области физической органической химии;

— студенческая стипендия, присуждаемая мэрией г. Новосибирска;

— аудитория в Новосибирском государственном университете;

— научно-исследовательское судно в составе Байкальского флота Лимнологического института СО РАН.

Справка: В.А. Коптюг родился 9 июня 1931 г. в г. Юхнове Калужской обл. Умер 10 января 1997 г. в Москве. Похоронен на Южном кладбище Академгородка.

Наталья ПРИТВИЦ

Имени Михаила Королева

Была у меня задумка: написать повесть о «государственном человеке» — северянском леснике Григории Фролове, переживавшем за вверенные ему березы и осины больше, чем за деревья в собственном саду. Даже родственники и те старались выписывать порубочный билет на дрова у кого и где угодно, только не на его обходе. Проси не проси, а под дрова Григорий отводил не ровные прогонистые березы, а самые корявые и чахлые. И рубил, если доводилось, те суковатые дерева молитвенно — с колен, чтобы пенек пониже оставался. И такое — в лесном краю, где от берез в глазах рябило!

Местные жители «государственного человека», конечно, не жаловали, потешались над ним в глаза и за глаза. Вот и я, заведя писательское «досье» на «Дон-Кихота из Березовки», все колебался: а поверят ли читатели, что есть такие люди, болеющие за государственное сильнее и ответственнее, чем за свое?

И вот недавно пришлось прикоснуться к судьбе другого человека из совсем иной, городской среды, да к тому же начальственной, и моя «старая заноза», ненаписанная повесть о леснике из реликтового племени «государственников», снова засвербила — и в укор, и в назидание. Имя его — Михаил Николаевич Королев, бывший директор крупного Новосибирского завода точного машиностроения (в обиходе — «Точмаш»), Герой Социалистического Труда.

Сразу уточним: крупным и, собственно, «точным» завод во многом стал благодаря именно ему, Королеву. Как верно заметил ветеран «Точмаша» Алексей Гаврилович Ткачев, и поныне возглавляющий поредевшие ряды заводских рыболовов и охотников, *Королев из одного завода сделал четыре, а может, и больше.*

На «Точмаш» Михаил Николаевич пришел в 1949 году — по назначению из Москвы, с завода «Сибсельмаш», куда молодой инженер-механик Министерством оборонной промышленности был направлен в 1937 году из Сталино (Донбасс). Вновь назначенный главный инженер «Точмаша» мог вполне сойти за фронтовика: на «Сибсельмаше» Королев за годы войны заработал ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». И доставалось ему не меньше любого окопника: и в родной Туле, где три года вкалывал чернорабочим на патронном заводе, и на «Сибсельмаше», откуда во время войны — с весомым участием начальника участка, затем заместителя начальника цеха, затем начальника цеха, затем заместителя главного инженера, затем начальника производства Королева — на фронт ежедневно уходили целые составы снарядов. Все понимали: назначение главным инженером на «Точмаш» такого опытного и закаленного военным лихолетьем специалиста, как Королев, было временным, с прицелом на директорский пост. И кадровые стратеги из Москвы не ошиблись в Королеве. Детально познакомившись со спецификой нового производства, с людьми, проявив себя в деле, Михаил Николаевич к августу 1954 года вполне созрел для директорского — нет, не кресла, а лучше сказать — мобильного командного пункта, возникавшего при нем на территории завода в самом неожиданном месте и в самое неожиданное время. И если министерству новый директор вполне подходил, то его самого принятый к единоначалию завод не устраивал совершенно.

«Точмаш» зарождался под личиной трикотажной фабрики, затем, с началом войны, сюда эвакуировали оборудование из подмосковных Люберец и Таганрога, а уже в декабре 1941-го на заводе □ 564, как его именовали, были изготовлены первые взрыватели для мин, снарядов и авиабомб. Позже, в мирное время, к военной продукции добавился выпуск кроватей и кое-каких запчастей для сельхозмашин. Казалось бы, клепай помаленьку этот нехитрый ассортимент, и будет план, почет и премиальные. Но Королев, вернувшись из очередного отпуска — через Москву, — привез на завод немецкий магнитофон «Грюндик» и, выставив его в КБ, сказал:

— *Ребята, Юрий Антонович* (Ю.А.Иванов — главный конструктор), *надо сделать подобный, нет — еще лучше! Москва добро дала, дело за нами.*

Многие тогда не понимали, зачем механическому заводу такое сложное непрофильное изделие, как магнитофон. Многие, но не технологи, конструкторы. Сложно — значит интересно, значит стоит за это взяться, — решили они. На это и был расчет Королева, по себе знавшего, что такое заразиться какой-либо трудной идеей или додуматься до того, над чем безуспешно бьются другие, особенно товарищи по цеху. Но он смотрел дальше: новое изделие — это новые рабочие места, профессии, масштабы производства, возможности.

Постепенно создание сибирского магнитофона увлекло весь коллектив. Образно говоря, Королевым была заказана совершенно иная «музыка», требующая целого «симфонического оркестра» новых разнопрофильных специалистов, а также новых помещений и технологий. И завод словно проснулся, загудел — сначала настроечно, иногда разноголосо, но все более слаженно и мощно. Поистине это был прорыв, революция заводского масштаба. Должно быть, неслучайно новое дитя — магнитофон — любовно нарекли «Мелодией», а его младших собратьев не менее символично: «Комета» — 201, 206, 209… Словом, магнитофон победно пошел по Сибири и всей стране, даже в Новосибирске его доставали по блату. А ведь выпускали «Кометы» в трех цехах, год от года все совершеннее и больше — до 24 тысяч в месяц!

И что же Королев-дирижер — лишь помахивал своей палочкой слаженному оркестру? Мог бы, конечно, но это был бы не Королев. А Михаил Николаевич уже перенес дирижерский пульт в новую «оркестровую яму», и требовательно постучав палочкой, объявил к исполнению новое произведение: «Студийный видеомагнитофон!»

Это была еще одна, и не последняя, эпопея — с выходом новой продукции не только на Союз, но и страны СЭВ. Заказы на студийные видеомагнитофоны «Кадр»

«Точмаш» не единожды выигрывал в конкурентной борьбе с другим заводом такого же профиля — Ленинградским оптико-механическим. Именно новосибирским «Кадром» были в свое время укомплектованы Останкино, телецентры союзных республик и областных центров; работал наш «видик» и в советском павильоне на Всемирной выставке в Монреале.

Точка? Нет, с запятой. Был еще магнетрон — сложнейший прибор для авиаракетной техники, потребовавший при своем рождении еще большего напряжения инженерно-конструкторской мысли, более высоких технологий и поистине стерильных условий вакуумного производства. Алексей Гаврилович Ткачев вспомнил, как однажды долго искали причину окисления партии катодов и все же нашли: одна из сотрудниц работала без повязки, а перед сменой в охотку поела квашеной капусты…

Дел и забот с новыми изделиями хватало. Массовый выпуск — по существу, с нуля — магнитофонов, студийных видеомагнитофонов, магнетронов был равносилен пуску новых «заводов в заводе». А ведь параллельно — не будем забывать — шли основные «изделия» для оборонки, среди них и радиовзрыватели для ракет. Пауэрсу, должно быть, не понравилось, когда позади его шпионского «У-2» по команде с земли взорвалась ракета с радиоприветом от Королева со товарищи.

…Сравнение директора Королева с дирижером — при всей его, сравнения, универсальности — все же хромает. В отличие от дирижера, не сходящего с рабочего места, наш герой, как Фигаро, должен был со своей дирижерской палочкой поспевать и тут, и там. И поспевал. В Москву — самолетом, на городские заседания (горсовет и горком) — на директорской «Волге», в цех, лабораторию, прорабскую — на своих двоих.

Могут спросить, зачем директору куда-то ходить, заглядывая во все уголки, — достаточно нажать селекторную кнопку и кого надо пригласить к себе, в том числе и на «ковер»? Что касается последнего — не мог. Ведь ковра как такового в директорском кабинете попросту не было. Впрочем, однажды, как вспоминала бывшая сотрудница отдела комплектации Александра Михайловна Листопад, ковер в его кабинете постелили. Увидев новинку, Михаил Николаевич обошел ее стороной и спросил: — «А это зачем? Излишнее. — И тут же распорядился: — Отнести в детский садик. Немедля».

Существует у нас выражение: «Руководящая внешность». Это крупный, солидный человек с заметным брюшком, толстыми щеками и начальственным выражением лица. Так вот, к М.Н. Королеву ни одно из этих определений не подходило. Был он невысокого роста, сухощавый, подвижный и в любую погоду носил обычную кепку. Его шофер выглядел куда представительней, и бывало, что люди, не знавшие Королева в лицо, обращались как к директору именно к шоферу.

Михаил Николаевич был чужд общепринятым условностям, и когда однажды его персональная легковушка обломалась, приехал на завод на велосипеде. Подобных историй про него рассказывают немало, но эти небольшие

странности или, если хотите, причуды отнюдь не портят впечатления о директоре Королеве. Главное в том, что всю свою энергию он отдавал делу, производству и заботе о своих подчиненных.

Что же двигало им? Карьеризм, показушное желание выслужиться можно смело отмести. Будь они на первом месте, носил бы Королев шляпу, как положено директору, а не свою простецкую кепку, не голосовал бы один против всех, как было однажды в горсовете, не ответил бы отказом подать заявление в райком партии, чтобы сняли «строгача» в учетной карточке, поскольку выговор он считал несправедливым, а себя ни в чем не виноватым. В те годы подобное «диссидентство» не прощалось.

В ответе на тот же вопрос: «В чем была разгадка подвижничества и самоотдачи Королева?» — у ветерана «Точмаша» Любови Алексеевны Матора вырвалось: — *Он любил людей, всех нас!* Вырвалось с дрожью в голосе — от горького осознания того, что ему самому не сумели сполна ответить тем же.

Как истинно народный, советский директор Михаил Николаевич раскрылся в еще одной заводской эпопее — сносе бараков военных лет.

Бараки были тяжелым наследием войны. Они лепились возле всех новосибирских заводов, особенно эвакуированных. Война давно закончилась, а в бараках и времянках («ничего нет долговечнее временных халуп») продолжали ютиться тысячи «своих» и «чужих» жителей, тех, кто уже не работали на заводе. Из-за этих «чужих», которых набиралось до сорока процентов,

и не спешили заводы сносить бараки, ждали, когда это сделают городские власти, а те того же ждали от заводов. На «Точмаш» приходили новые люди, росла их очередь на жилье, а временно «устроенные» жители ветшающих, без удобств, бараков все ждали «у моря погоды». И вот Королев, не дожидаясь помощи со стороны, решил раз и навсегда покончить с этой вопиющей несправедливостью.

Как во всяком большом начинании, действовать в одиночку было нельзя. Королев это понимал и перед тем, как объявить войну баракам, заручился поддержкой своего актива. По его инициативе комиссия завкома обошла всех жителей бараков и была просто потрясена, обнаружив в трущобах цвет рабочей гвардии, тех, кто поднимал завод в самые трудные военные годы. Эти терпеливые пожилые люди не обивали кабинеты руководства, не трясли наградами, но это совсем не значило, что они не имели первоочередного права на лучшее жилье. Решением руководства завода отныне все выделяемое жилье отдавалось обитателям бараков. Это неординарное решение соблюдалось строго. Даже начальник литейного цеха, в семье которого родился ребенок, продолжал жить в комнате общежития. Только таким путем можно было погасить конфликты и недовольство со стороны очередников, не проживавших в бараках. Мысль, что войну нельзя считать оконченной, пока не будет снесен последний барак военных лет, примирила всех, придала силы заводским строителям.

Помогали им всем миром: работали на строительстве жилых домов и по графику, и на субботниках; комсомольской объявили стройку общежития на 500 мест. А когда возникла острая необходимость в строительстве еще одного детского сада (30 заявок на одно место!), взялись хозспособом и за него. Здесь уже не помнят, кто первым выдвинул идею — половину тринадцатой зарплаты и премиальных отдавать на строительство садика, — но ее поддержали все.

За несколько лет бараки были снесены, последний из них уступил место многоквартирному жилому дому современного типа. Королев мог праздновать двойную победу: и в битве с времянками, и в собственной дальней стратегии на расширение производства. Разве мог бы «Точмаш», такой, каким принял его Королев, сбросить с плеч барачную «коросту»? А вот заводу, выросшему до «четырех в одном», по плечу были и другие, не менее масштабные задачи.

Как известно, Михаил Николаевич довольно сдержанно относился к массовому в те годы поветрию выделять работающим заводчанам дачные участки, не без основания полагая, что изнурительная работа на дачах в выходные дни не позволяла сполна восстановить силы перед новой рабочей неделей. Зато с какой настойчивостью и энергией он взялся за альтернативное строительство баз отдыха, профилактория в Речкуновке, заводских дачных домиков, пионерского лагеря, охотничьих и рыбацких домиков. Все это стало доступным каждому из точмашевцев. Представьте: 24-дневная путевка в профилак-

торий санаторного типа стоила всего 15 дореформенных рублей, путевка в пионерлагерь — 6 рублей (малообеспеченным бесплатно), «койкоместо» на базе отдыха — 30 копеек… А еще были дешевые курсовки «мать и дитя», «зимний отдых и лечение в профилактории «без отрыва от производства», бесплатный проезд на рыбалку… Что-то я не слышал, чтобы сейчас «широким массам трудящихся» предоставлялось что-то подобное или доступное по цене…

А как же наш Михаил Николаевич, не имевший ни своей, ни обкомовской дачи? Навещал ли он созданные по его инициативе и при его попечении базы отдыха? Весьма и весьма редко, к тому же не столько отдыхал там, сколько интересовался, как живется самим работникам баз и отдыхающим, в чем у них нужда. А ведь здоровье его не было железным. В парткоме знали об этом не хуже, чем в кабинетах медиков. «А что если…» — замыслил одно мероприятие Алексей Гаврилович Ткачев, тогдашний секретарь парткома, и в самый канун дня рождения Королева пригласил его по телефону в партком, якобы на летучку.

К назначенному часу Королев стремительно влетел в партком, огляделся. — «Где остальные?»

— Посиди, Михаил Николаевич, — Алексей Гаврилович пододвинул стул. — Сейчас подойдут.

— Так что на повестке? — Королев встал со стула и заходил по кабинету. Усидеть без дела он и минуты не мог.

— Будем вас разбирать, — как можно спокойнее ответил Ткачев. — Давайте перейдем в другую комнату…

А в соседней комнате уже был накрыт стол, а за ним — Зинаида Трофимовна Ментюкова, замдиректора по быту, Никита Степанович Кусков, замдиректора по режиму, Алексей Федорович Скрипников, председатель завкома, Петр Георгиевич Шишкин, завотделом кадров — все из компании, игравшей в «черную кассу».

— Вот что, Михаил Николаевич, — начал Ткачев, — наблюдаем мы за вами и видим — неправильный у вас образ жизни. Взгляните в зеркало — из-за какого-то магнитрона седина пошла. Так, на износ, дорогой наш товарищ, вкалывать нельзя. В общем, поздравляем вас с днем рождения, а для того, чтобы вы сочетали работу с активным отдыхом на природе, дарим вот это точнобойное ружье — «Иж-54». Как говорится, ни пуха с ним, ни пера!

Крепок духом был Михаил Николаевич, а тут что-то начал говорить и… прослезился. Никогда его здесь таким не видели…

После очередного открытия охотничьего сезона на «Точмаше» только и разговоров было — об охоте. Как же: более четырехсот охотников и рыболовов состояло в здешнем обществе. Жаль вот только, что не вышло азартного и добычливого охотника из Королева. Зато точно в цель попадали его слова, решения, критика. Здесь он никогда не промахивался, бил и судил беспощадно, в том числе и себя. Однажды, когда не ладилось что-то с продукцией, во всеуслышание заявил: — *Если в министерстве намекнут, что не справляюсь, уйду*

без разговора, чтобы завод не страдал. И сказано было не для красного словца. Судьба завода, 12-тысячного коллектива была для Королева несравненно важнее собственной. Все ли это понимали? Вот и бывший первый секретарь Новосибирского обкома партии Владимир Васильевич Казарезов, длительное время проработавший на «Точмаше» начальником цеха, задавшись разгадкой феномена Королева-руководителя, писал: *Отдавая должное частной собственности как мощному стимулу развития производства, я думаю — а работал бы Королев более самоотверженно, если бы был хозяином завода?* — И отвечал: — *Не могу себе представить большего напряжения. Правда,* — оговаривался Казарезов, — *результаты общей работы были бы более существенными, так как Королев-частник наверняка отменил бы уравниловку и воздавал каждому по заслугам.*

Трудно судить, как было бы на самом деле. Во-первых, Королев по своей натуре не смог бы стать капиталистом, так как был ярым противником частной собственности даже на бытовом уровне. Те, кто посещали его квартиру, были, мягко говоря, удивлены скромностью обстановки. А во-вторых, разве не могло бы и само государство — при более мудром руководстве — включить в работу материальные стимулы? Такие попытки были. И что гадать — разве не показали новые хозяева жизни, приватизирующие все и вся, на что они в большинстве своем способны? Разве нынешняя судьба кровного детища Королева — «Точмаша», брошенного государством на выживание, не говорит сама за себя? Завод по-существу разгромлен, растащен. От многотысячного коллектива здесь осталось семьсот работников. В цехах, где выпускались «Кометы» и «Кадры», коптят рыбу, выделывают овчины или снова, как было до Королева, выпускают простенький ширпотреб. Тысячи классных специалистов ушли торговать на барахолку.

«Сердце обливается кровью от того, что стало с заводом», — в один голос говорят его ветераны. — Хорошо, что Михаил Николаевич не увидел всего этого». Стали задумываться и те, кто когда-то обманулся посулами райской жизни — такой, «как во всех цивилизованных странах», кто вместо того, чтобы в свое время подставить плечо таким «государственникам», как лесник Фролов или директор Королев (каждый может продолжить список), наблюдал за их «чудачествами» с безучастием, а то и снисходительной улыбкой. Так что оставим исторический спор между двумя идеологическими системами открытым. Светлая память о Михаиле Николаевиче Королеве, именем которого названа улица нашего города, поможет каждому из нас найти не только честный ответ, но и сделать в будущем верный выбор.

Юрий ЧЕРНОВ

P.S. При «Точмаше» был, как полагается, музей, а в нем уникальный экспонат — высоченные напольные часы, которым, как говорят, более двухсот лет. Часы были эвакуированы из Люберец вместе с остальным заводским обо-

рудованием и стали свидетелями того, как, обогреваемые теплом списанного паровоза, запускались станки и сборочные линии, работавшие для фронта. Эти старинные часы стояли в кабинете Королева…

В настоящее время музей утрачен, пал, как многое другое, жертвой «реформ». А часы, удивленно покачивающие маятником (и есть от чего!), попросил областной краеведческий музей. Думается, там им пока и место.

Как понимает читатель, материал о заводе и Королеве автор добывал не в музее, а по рассказам ветеранов, документам и редким публикациям. Приношу искреннюю благодарность за содействие и помощь соратникам М.Н.Королева: Алексею Гавриловичу Ткачеву, Анатолию Дмитриевичу Бригиде, Ивану Карповичу Мещерякову, Александре Михайловне Листопад, Любови Алексеевне Матора, Саулу Захаровичу Левину, дочери М.Н. Королева Аделаиде Михайловне и другим.

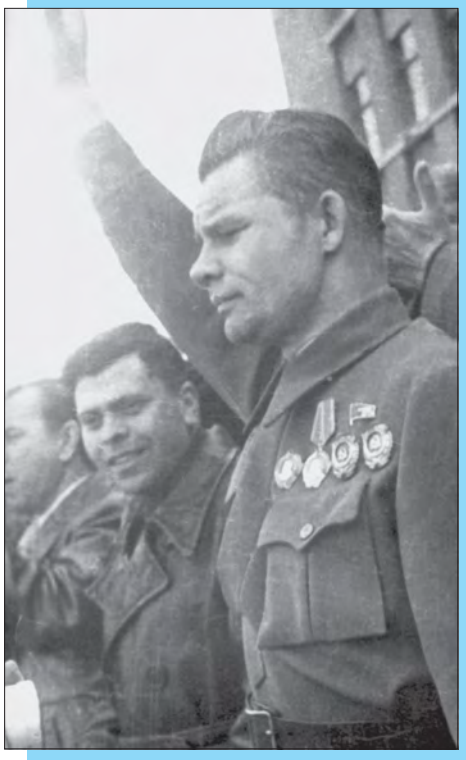
…Добираясь до завода «Точмаш», я спрашивал у прохожих, где улица Королева и в честь кого она названа. В ответ звучало недоуменное: «Вы что, генерального конструктора наших космических кораблей не знаете?».

«Знаю, — мысленно отвечал я, — но то был другой Королев, Сергей Павлович…»

Поэтому было бы справедливо — и на заводе об этом говорят, — чтобы все знали, в честь кого в 1979 году переименована улица Школьная, и впредь официально называли бы ее улицей **Михаила Королева** (есть же у нас в городе улицы Бориса Богаткова, Дуси Ковальчук, Ольги Жилиной). А в начале улицы, как водится, установили бы щит с биографической справкой и портретом нашего знатного земляка.

Ю.Ч.

Справка. М.Н. Королев родился 8 ноября 1906 г. в Туле, умер 22 июня 1979 г. в Новосибирске. Похоронен на Заельцовском кладбище.



«Ни часу отдыха, ни шагу без цели»

В наступившем XXI веке общественность Новосибирска и области вспоминала векминувший. Были выбраны 25 самых достойных новосибирцев, прославивших область и внесших наибольший вклад в ее развитие и процветание. Среди лауреатов почетного звания «Гражданин XX века Новосибирской области» свое достойное место занял и Михаил Васильевич Кулагин. Ровесник века, первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) в 1941-1948 годах, он не был коренным сибиряком. Однако судьбы его и Сибири оказались связаны крепче, чем просто кровно, — узами войны.

Новосибирская область была образована постановлением ВЦИК от 27 сентября 1937 года. На тот момент она представляла собой огромную территорию, на которой расположены теперь три области: Кемеровская, Томская и Новосибирская с численностью населения 4,1 млн. человек. Ее площадь составляла 595 тыс. кв. км, а экономика была сопоставима с экономикой такой союзной республики, как Белоруссия. По посевам зерновых Новосибирская область была седьмой в стране, а по количеству скота занимала третье место после Украины и Белоруссии.

До начала Великой Отечественной войны оставалось несколько мирных лет. В эти годы в области и в стране произошли известные события, оставившие трагический след в истории и памяти народа. 1937 год оказался тяжелым для краевой партийной организации. Волна арестов «врагов народа» захлестнула руководящие кадры. Были арестованы второй секретарь крайкома Н.Д. Шубриков, председатель облисполкома Ф.П. Грядинский, редактор «Советской Сибири» Г.Т. Тимофеев, многие партийные и хозяйственные руководители.

Вместе с тем дыхание приближающейся войны уже ощущалось в стране. В годы третьей пятилетки большое внимание уделялось вопросам, связанным с наращиванием военно-оборонной инфраструктуры на территории Сибири. В 1938 году предусматривается заметное увеличение бюджетных средств на оборонные мероприятия. По всей Сибири строятся склады для продовольствия, создаются запасы лекарственных средств, предусматриваются меры по приспособлению школьных зданий под госпитали. Усиливается работа оборонного общества Осоавиахим, открываются стрелковые тиры, клубы планеристов, кружки ГТО, ПВХО, ГСО, в которых молодежь получала первые военные навыки.

Новосибирская область с ее углем и металлом Кузбасса, оборонными заводами Новосибирска и Томска, с развитыми зерновым и животноводческим хозяйствами, лесным комплексом северного Приобья в будущей войне должна была стать важной тыловой базой Красной Армии. Поэтому вполне понятна забота ЦК партии о кадровом укреплении Новосибирской области. В самый канун Великой Отечественной в Новосибирск на должность первого секретаря обкома ВКП(б) был направлен Михаил Васильевич Кулагин, имевший к тому времени за плечами уже немалый жизненный опыт, проявивший себя на различных участках партийной и хозяйственной работы.

Родился он в 1900 году в селе Марчуги Московской области. Трудовую деятельность начал рано, пятнадцати лет, учеником-упаковщиком. Был в Красной Армии на Польском и Петроградском фронтах, служил в органах милиции. В 1928 году вступил в ВКП(б) и с тех пор находился на партийной работе в Москве и Московской области. Осенью 1937 года партия направляет его на работу в Белоруссию, где он становится заместителем председателя СНК БССР, затем наркомом земледелия республики и наконец вторым секретарем ЦК компартии Белоруссии.

Посылая М.В. Кулагина в Новосибирск, ЦК партии вовсе не считал, что там не было своих подходящих кадров. Они, конечно, были, но вместе с тем первые дни войны показали не только массовый энтузиазм сибиряков, готовых встать на защиту Родины, но и определенное благодушие местных руководящих кадров, нежелание менять привычный стиль работы. Нужно было переломить подобные настроения, мобилизовать людей на преодоление неизбежных трудностей. Выступая 20 июля 1941 года на городском партийном активе, Кулагин сказал:

— Война — это война, и никто не смеет уклоняться от своих обязанностей. В быту, в работе почувствуем себя, как на войне, где дорог каждый час, каждое проявление мужества и бдительности. ***Ни часу отдыха, ни шагу без цели!*** — Эти слова стали девизом жизни и работы первого секретаря обкома партии в суровое военное время.

Первое же знакомство Михаила Васильевича с положением дел в области выявило целый букет недостатков — от бездушного отношения к обращениям с мест до прямого очковтирательства. Был смещен со своего поста председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, не сумевший в новых условиях сплотить руководителей отделов. Эту должность занял И.Т. Гришин, прошедший большую школу комсомольской работы. В 1939-1940 годах он работал заместителем председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б), а с конца 1940 года — уполномоченным КПК по Новосибирской области.

Забота о подборе кадров сопровождала всю деятельность М.В. Кулагина на посту первого секретаря обкома партии. Приведем лишь пару примеров. В апреле 1942 года первым секретарем обкома ВЛКСМ был избран Г.Ф. Морщаков, работавший до этого в аппарате ЦК ВЛКСМ. В 1943 году газету «Советская Сибирь» возглавил опытный принципиальный журналист А.А. Кондаков. М.В. Кулагину пришлось немало поработать с директорами эвакуированных в область крупных оборонных заводов. Новосибирский обком партии при Кулагине стал без преувеличения настоящим штабом крупнейшей в стране области, ковавшей оружие для фронта, кормившей рабочих и солдат, строившей заводы, учившей детей.

В начале войны перед руководством области встали десятки вопросов, с которыми не приходилось сталкиваться в мирное время, и самый главный из них был связан с массовой эвакуацией людей и промышленных предприятий из западных районов страны. Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Правобережная Украина, Белоруссия в считанные дни оказались под властью немецких оккупантов. В руки врага попали огромные богатства — здесь добывалось 63% угля, производилось 58% стали, 38% зерна. От перестройки работы на военный лад, от перебазирования оборонных заводов на восток, за Урал, зависела судьба страны. Эту работу правительство возложило на Совет по эвакуации под руководством Н.М. Шверника, созданный на третий день войны. Через огромные просторы с запада на восток потянулись эшелоны с людьми и оборудованием заводов. В невероятно трудных условиях, под бомбежками, в хо-

лод и слякоть грузили на платформы все самое ценное. Такого перемещения масс людей и техники еще не знала история. Только за пять первых месяцев войны на восток было эвакуировано 1523 предприятия. На долю Новосибирской области, партийной организации во главе с М.В. Кулагиным, выпала исключительно трудная, ответственная задача — в самые короткие сроки принять и пустить в строй 50 крупных оборонных предприятий, эвакуированных с запада.

Когда из подмосковного Красногорска прибыли первые эшелоны с оборудованием особого завода N 69 им. Ленина, ему отвели несколько площадок в городе. Началась титаническая работа по воссозданию завода. Оборудование стояло, начиная от Сухарной дамбы вдоль всей улицы Дуси Ковальчук. И люди, впрягаясь в сани со станками, днем и ночью перевозили их на отведенные места. Одновременно разбивали ломами мерзлую землю, строили землянки и бараки, монтировали оборудование. Фронт остро нуждался в продукции завода. Вместе с тем нужно было еще обучить рабочих. Для названного завода (как и для многих других) было характерно штучное производство. Работу выполняли высококвалифицированные мастера, а тут пришла молодежь, к верстакам встали вчерашние школьники. Научить их в одночасье всем премудростям производства было невозможно, а фронт требовал продукцию каждый день. В этих условиях технологи завода разработали так называемый поточный метод. Весь процесс сборки разбили на несколько операций, с которыми могли справиться и новички. И как результат — выпуск продукции увеличился. Она стала поступать ритмично, молодежь быстро набиралась опыта и уверенно перевыполняла задания. Поточный метод оправдал себя, появились двухсотники (выполнявшие норму на 200%), трехсотники и даже тысячники.

В Новосибирск, кроме заводов и фабрик, эвакуировали многие учреждения культуры: Московский театр им. Пушкина, Ленинградскую филармонию под управлением Е. Мравинского, Белорусский еврейский театр и др. В здании Оперного театра, почти готовом к открытию, разместили спасенные художественные ценности из музеев Москвы и Подмосковья, детали разъятой Севастопольской панорамы, фонды Государственной Третьяковской галереи. Работники культуры, эвакуированные в Новосибирск, не сидели без дела, находили свое место в рабочем строю, организовывали выставки, концерты, экскурсии. Несмотря на трудности военного времени, большая работа проводилась по организации и улучшению условий труда ученых. Был организован комитет ученых Новосибирска под руководством академика Чаплыгина.

К началу 1943 года на территории Новосибирской, Кемеровской и Томской областей было эвакуировано 504 тысячи 251 человек, в том числе: в города — 311 тысяч 199 граждан, в сельскую местность — 193 тысячи 52 человека. В числе эвакуированных: 101 тысяча 502 — мужчин, 206 тысяч 431 — женщин и 91 тысяча 250 детей до 14-летнего возраста. Особо надо сказать о детских домах. На 1 июля 1942 года их было в области 78. В них находилось около девяти тысяч детей, большей частью из числа эвакуированных. Чтобы обеспечить

детей питанием, в детских домах были организованы подсобные хозяйства, снабжающие их мясом, молоком, картофелем и другими продовольственными продуктами.

В Новосибирске не был слышен гром пушек. И хотя в городе осуществлялась светомаскировка, никто всерьез не воспринимал угрозу налетов вражеской авиации. Фронт находился далеко, однако его горячее дыхание ощущалось и в Сибири. Люди после работы шли на занятия всеобуча, уже были введены продовольственные карточки, во многие дома постучались почтальоны с похоронками. И каждый в такой ситуации понимал: на место погибшего бойца завтра должен встать новый воин. Без этого не будет Победы.

Все это не мог не пропустить через свое сердце Михаил Васильевич Кулагин. Руководитель, на которого в полной мере легли военные заботы, напряженно думал, как лучше организовать пополнение фронта живой силой. Он обращается к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву со своими предложениями. Суть их такова: обком партии и командование Сибирского военного округа формируют из числа призывников-добровольцев 1923 года рождения, проходящих всеобуч, две дивизии. Призывники какое-то время работают на своих местах и готовят себе замену. За счет местных резервов, сбора теплых вещей среди населения они получают обмундирование. За счет сверхпланового выпуска продукции будущая воинская часть обеспечивается вооружением и боеприпасами. При такой организации дела на фронт будут отправляться сплоченные, хорошо подготовленные части с необходимой прослойкой коммунистов и комсомольцев. Местный партийно-хозяйственный актив будет полностью ответственен за их боеспособность.

Эти идеи некоторое время спустя были осуществлены при формировании Сибирской добровольческой дивизии имени Сталина. Центральный Комитет партии дал согласие на формирование добровольческой дивизии сибиряков, об этом было объявлено на пленуме обкома партии, проходившем 4 июля 1942 года в Новосибирске.

Из добровольцев с предприятий Новосибирска, колхозов и совхозов Кулунды и Барабы формировался Новосибирский добровольческий 469-й стрелковый полк; из шахтеров и металлургов Кузбасса — 674-й и 856-й стрелковые полки; из томичей — 328-й артиллерийский полк. Вместе они составили 150-ю Сибирскую добровольческую дивизию. Первое боевое крещение сибиряки получили под городом Белый, где проявили массовый героизм, мужество и стойкость в многодневных непрерывных боях. С сибирским упорством участвовала дивизия в январе 1943 года в боях под Великими Луками. 16 апреля 1943 года 6-му Сибирскому корпусу, в состав которого входила дивизия, было присвоено звание Гвардейского, и он стал именоваться 19-м Гвардейским стрелковым корпусом сибиряков, а 150-я стрелковая дивизия — 22-й Гвардейской стрелковой дивизией. 22-я Гвардейская прошла боевой путь от города Белого через Гнездиловские высоты до Ельни, от Смоленска через Латвию до берегов Балтийского моря.

Пять раз Москва салютовала артиллерийскими залпами успешным боевым действиям сибиряков. В дивизию пять раз приезжали делегации Новосибирской области с подарками, письмами и приветами из родных мест. Более 14 тысяч солдат, сержантов и офицеров дивизии награждены орденами и медалями Советского Союза за боевые подвиги.

В знак благодарности за проявленную инициативу в организации дивизии, за постоянную заботу о боевой выучке, материальном оснащении и снабжении дивизии, за личную заботу о бойцах, командирах и их семьях член Военного Совета Сибирского военного округа М.В. Кулагин 18 июля 1943 года зачислен почетным гвардейцем 22-й Гвардейской дивизии. В октябре того же года приказом командующего Северным флотом вице-адмирала А.Г. Головко первый секретарь Новосибирского обкома партии получил еще и почетное звание краснофлотца Северного флота. На протяжении всего периода Великой Отечественной войны моряки-северофлотцы были подшефными трудящихся Новосибирской области.

Непростыми были все военные годы, но особенно тяжелым выдался и для страны, и для области 1943 год. Как отмечалось в постановлении ЦК партии 25 декабря 1943 года, Новосибирская область план заготовки товарного хлеба выполнила лишь на 48,8%. Критика положения дел стала предметом рассмотрения на пленуме обкома партии, состоявшемся в феврале 1944 года. В своем докладе М.В. Кулагин охарактеризовал состояние дел в промышленности, на транспорте, особое внимание уделил анализу причин неудач в местном сельском хозяйстве. «Первый показатель явного неблагополучия — это сокращение посевных площадей. Если до 1942 года посевные площади увеличивались, то в 1943 году за счет недосева яровых культур посевные площади сразу сократились на 25%. Второй показатель явного неблагополучия в сельском хозяйстве — это резкое снижение урожайности. Если в 1938 году урожайность всех зерновых и зернобобовых определялась свыше 12 центнеров с гектара, в 1942 году — свыше 9 центнеров, то в 1943 году урожайность с гектара составила лишь 6,3 центнера. Резко сократились удои, выдача хлеба на трудодень…

Страна жила и работала под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» Это сегодня мы можем рассуждать на тему, почему в сельском хозяйстве Новосибирской области, отдавшей буквально все фронту, сложилась такая катастрофически сложная ситуация. Но тогда было не время рассуждать, тем более искать оправдания… Вот и не жалели себя, самоотверженно работали старики, женщины, дети… На прошедшем в марте 1943 года первом съезде женщин Новосибирской области М.В. Кулагин, отдавая должное людям тыла, замечательно сказал: — *Не разгибая спины, преодолевая все трудности военного времени, заменяя ушедших на фронт мужчин, колхозницы и их дети, городские женщины и их дети работали от зари до зари, работали без отдыха днем и ночью. Это был поистине героический труд, и каждая победа в сельском хозяйстве по своему значению была равна крупному сражению на фронте.*

Но пришел конец войне, наступил великий День Победы. Радостным ликованием встретили его новосибирцы. К десяти утра на площади перед облисполкомом собрались десятки тысяч людей. Перед ними с яркой проникновенной речью выступил М.В. Кулагин.

— Дорогие товарищи! Нельзя словами выразить переживаемое чувство. Этот день войдет в историю веков, многих поколений. Сибиряки с честью вынесли на своих плечах тяжесть Отечественной войны, достойно выдержали экзамен. Сибирь в дни войны стала и, если понадобится — будет и дальше могущественным арсеналом Красной Армии.

Да здравствует могучая Советская Родина! Да здравствует великий советский народ — народ-победитель!

Постепенно налаживалась мирная жизнь, а рабочее напряжение в Новосибирской партийной организации не спадало. Михаилу Васильевичу приходилось решать массу повседневных и неотложных дел. Центральный комитет партии в новых условиях ставил перед областью крупные стратегические задачи (иногда секретного характера). Сегодня мы можем рассказать, в частности, о начале строительства в Новосибирске завода по производству компонентов ядерного оружия (ныне завод химконцентратов, производящий топливо для атомных электростанций). Несомненно, что партийному руководителю области пришлось активно подключиться к решению этих вопросов. Уже через год-два началась сдача в эксплуатацию корпусов, цехов завода. В это же время строились заводы «Химаппарат», «Промстальконструкция», предприятия треста «Химэлектромонтаж» и другие.

Стоит ли говорить, что должность первого секретаря обкома партии требовала большой отдачи физических и духовных сил и в мирное время. Большим испытанием для Михаила Васильевича Кулагина стала четвертая областная партийная конференция, состоявшаяся в марте 1948 года. За восемь лет, прошедшие со времени третьей конференции, многое изменилось. Победоносно завершилась Великая отечественная война. Новосибирцы жили уже отдельно от Кемеровской и Томской областей. В своем отчетном докладе М.В. Кулагин подробно рассказывал о проделанной работе, анализировал причины неудач, в том числе собственных. Несмотря на риторику самобичевания его вновь избирают первым секретарем областного комитета партии, подтверждая тем самым заслуги в работе и выдавая кредит доверия на новый срок.

Однако долго поработать ему уже не пришлось…

18 августа 1948 года Михаил Васильевич Кулагин тяжело заболел. Врачи констатировали нарушение коронарного кровообращения сердца. Диагноз достаточно грозный даже по нынешним временам, тем более полвека назад, когда еще и понятия не имели о шунтировании. Конечно, здоровье М.В. Кулагина оказалось подорванным и огромным напряжением в работе, и бессонными ночами военных и первых послевоенных лет. Положение его оказалось столь серьезным, что он был переведен в Москву под наблюдение врачей Кремлевс-

кой больницы. А тяжелую ношу партийного руководителя области понес ближайший соратник Михаила Васильевича — Иван Дмитриевич Яковлев.

Прошло несколько лет жизни в Москве, продолжалось постоянное наблюдение и консультирование у врачей, была и почетная, но несравнимая по объему и размаху с прежней, работа… И вот его не стало. Областная газета «Советская Сибирь», с корреспондентами которой он так любил встречаться, писала в некрологе: «31 июля 1956 года после продолжительной болезни скончался один из видных советских и партийных работников Михаил Васильевич Кулагин…».

Похоронен М.В. Кулагин на Ваганьковском кладбище столицы. С тех пор прошло уже почти полвека. Сегодня род Кулагиных продолжает правнучка — Юлия Сергеевна, в семье которой подрастает крохотная дочурка, уже праправнучка Михаила Васильевича. И кто знает, возможно, с годами девочка узнает от мамы о своем знаменитом прапрадедушке, который в годы Великой Отечественной войны в далекой Сибири не имел даже «часу отдыха», не делал и «шагу без цели», был требователен к подчиненным, но и себя не щадил, приближая час великой Победы.

Николай БЕЗРЯДИН

Единожды взлетев…

На ступеньках одного из входов станции метро «Заельцовская» по трафарету многократно выведено: «Новосибирский метрополитен любит своих пассажиров». Как говорится, всегда бы так — и дай-то Бог!

А уж как новосибирские пассажиры любят свою «подземку» — это ни в сказке сказать…

Для привольно раскинувшегося по обоим берегам Оби сибирского мегаполиса (третий город России, после Москвы и Питера, по территории) и два довольно широких моста через реку давненько уже стали тесноваты. Морозы и метели хоть и не частые гости при нынешних зимах, но все же нередко дают о себе знать. А новосибирцы благодаря метро без особых проблем в любое вре-

мя года довольно скоро перемещаются в нужное им место. И, надо полагать, не раз поминают добрым словом и тех, кто строил эти замечательные подземные станции и трассы, и тех, кто сегодня перевозит по ним миллионы пассажиров в год.

Первым начальником Новосибирского метрополитена был Герой Социалистического Труда Юрий Сергеевич Лелеков. О нем и пойдет рассказ.

…Родом он из старинного села Александровское, что на севере Томской области, на берегу Оби. А совсем недалеко оттуда, особенно по сибирским масштабам, до Стрежевого, Нижневартовска и Сургута. Чувствуете, куда дело идет? Однако в те времена, когда Юра Лелеков выбирал жизненный путь, эти названия совсем еще не звучали. Будущий академик Андрей Трофимук тогда проводил свои изыскания, а затем доказывал ученым коллегам и правительству, что на севере Тюменской и Томской областей находится богатейшая нефтегазоносная провинция.

Однако не стал Юрий ни геологом, ни нефтяником. Скорее сыграло роль другое. Вряд ли в Александровском в те поры, в середине пятидесятых годов, был приличный аэродром. И село Александровское не один месяц в году было отрезано от «большой земли» то обскими ледоставами и мощными ледоходами, то глубокими снегами. И когда мальчик из сибирской глубинки увидел железную дорогу, рельсы и паровозы, скорее всего именно это произвело на него неизгладимое впечатление. Он поступил учиться в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. А в 1956-м прибыл по распределению на работу в Омск, в локомотивное депо Московка.

Оказаться в нужном месте в нужное время — залог удачного старта жизненного пути. Так выпало и Юрию Лелекову…

Предприятие в Московке начали строить в военные годы, когда выяснилось, что с обеспечением возросшего объема перевозок для фронтовых нужд имевшееся в Омске локомотивное депо явно не справляется. Развивать же его не было возможности — могли ли предвидеть строители Транссиба в начале прошлого века, что это депо окажется со временем чуть ли не в центре громадного сибирского города? В апреле 1944-го был издан приказ Наркомата путей сообщения о строительстве на станции Московка, тогдашней окраине Омска, нового паровозного депо. А сдать его в строй предписывалось не позднее 1 сентября того же года. Такие вот темпы диктовала Великая Отечественная…

Начинал Юрий Лелеков, как это издавна принято у многих инженеров путей сообщения, помощником машиниста. Поездить надо, чтобы узнать вблизи, чем пахнут стальные рельсы. Ну, а уж после этого и инженерными делами разрешат заниматься. И Юрий со временем стал мастером в ремонтном цехе.

В ту пору на тогдашней Омской железной дороге бурными темпами шла ее электрификация. Как раз в течение 1956 года на электротягу был переведен сначала участок Исиль-Куль — Омск, а затем и Омск — Татарская. И Московка стала основным электровозным депо на Омском узле.

Пришлось осваивать не только новые локомотивы — электровозы вместо паровозов, но и новые методы организации их работы. Ведь более мощные машины позволили и составы водить гораздо более тяжелые, и скорость движения поездов резко увеличить. Машинисты Московки начали с азартом осваивать вождение тяжеловесных поездов — и вскоре стали устанавливать такие рекорды, что о депо узнали на всей сети железных дорог Союза.

Безостановочные рейсы и одновременное повышение скоростей повлекли за собой новые подходы в работе диспетчеров, путейцев, связистов и работников других железнодорожных служб, связанных с движением.

Метод эксплуатации электровозов на длинных тяговых плечах со сменными бригадами потребовал коренной перестройки работы и от ремонтников. Прежде машинист и его помощник сами участвовали в ремонте закрепленного за ними локомотива. Теперь же его стали вести исключительно комплексные бригады, что, опять-таки, ускорило ремонт и позволило повысить его качество.

Мастер Юрий Лелеков руководил комплексной бригадой □ 1. Голова у молодого инженера «варила» неплохо. Посыпались рационализаторские предложения — как улучшить одно, как усовершенствовать другое. Получал он и авторские свидетельства. Но быстро освоивший дело и очень энергичный Лелеков смог посмотреть на привычные производственные проблемы и шире. По его инициативе бригада стала выдавать своеобразные свидетельства о том, что хорошее качество исполненного ремонта гарантировано. В этом документе они просили и машинистов грамотно управлять локомотивом, не допускать перегрузок тяговых двигателей и так далее.

Совместная борьба ремонтников и эксплуатационников за высокое качество работы дала неплохие результаты. Намного сократились вынужденные остановки поездов из-за поломок локомотивов, почти втрое уменьшилось число заездов электровозов на неплановые ремонты, в два с лишним раза сократился простой машин в ремонте.

Разумеется, не одной только бригаде Лелекова обязано депо всеми этими успехами. С самого момента создания в Московке сложился очень серьезный костяк инженерных кадров. Депо всегда славилось сообразительными ремонтниками и мастерами «золотые руки». Многие трудовые процессы им удавалось облегчить, ускорить, усовершенствовать. А делать это приходилось постоянно: поступают электровозы новой серии, и уже надо думать, как менять освоенные приемы работы.

За большие новаторские достижения в вождении поездов и ремонте электровозов коллектив депо Московка был удостоен в начале 1960 года диплома первой степени ВДНХ СССР, а 15 его тружеников получили медали ВДНХ и денежные премии. Правда, Лелекова в их числе не оказалось. К тому времени он уже стал Героем Социалистического Труда…

Столь высокое звание, которое редко кто в стране получал в таком возрасте, открыло перед молодым инженером новые производственные перспек-

тивы. Он становится вскоре начальником локомотивного депо Барабинск. И неплохим начальником — это депо в те годы, к примеру, прославилось хорошей организацией борьбы за экономию электроэнергии и топлива при вождении поездов. А технические новшества, которые появились тогда при Лелекове, действуют по сию пору — лишь недавно начали барабинцы кардинальную реконструкцию.

Прошло несколько лет, и Юрия Сергеевича, накопившего опыт, возвращают в Московку — уже начальником депо. Масштаб работы для него стал совсем иной: к этому депо было приписано около трехсот электровозов, а следующее по объему работы аналогичное предприятие (на всей сети железных дорог Союза) имело локомотивов вдвое меньше. Итак, в 1965 — 1969 годах Юрий Сергеевич руководит родным предприятием.

При Лелекове депо сделало новые значительные шаги вперед. В ту пору в Советском Союзе были очень модными идеи научной организации труда. Лелеков активно поддерживал все начинания и предложения, выдвигаемые сотрудниками созданной в депо, тогда чуть ли не единственной в стране на таком предприятии, группы по внедрению НОТ. Кроме инженеров и конструкторов, в ее составе были и опытнейшие рабочие — слесари, электромонтеры и другие. Члены группы механизировали многие операции, внедряли поточные линии по ремонту узлов и деталей, которые быстро окупались.

Юрий Сергеевич всегда внимательно следил за отраслевой и общей прессой, был в курсе всего, что внедряли на других дорогах. И едва услышав о чем-то очень интересном, сразу говорил: «Это должно быть и у нас». Тотчас же посылал людей в командировки, а если требовалась, скажем, виза министерства для получения какой-то поточной линии или механизма, отправлялся в Москву, «давил» на чиновников своим авторитетом Героя — и ни разу не было, чтобы он своего не добился…

Росло и развивалось предприятие — рос и Лелеков как руководитель и как инженер. Из депо он был назначен на ответственный пост начальника Омского отделения железной дороги. Позднее, в середине 80-х годов, это отделение прославилось тем, что участок Транссиба между Омском и Новосибирском являлся самым грузонапряженным в мире — за час там проходили десятки пар поездов. За успешное руководство этим коллективом Ю. С. Лелеков был награжден орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени. Позже он стал заместителем начальника дороги по локомотивному и вагонному хозяйству.

Удостоенный высоких правительственных наград, наделенный большой административной властью, Лелеков оставался совестливым человеком. По этой причине, собственно, и прервалась его служебная карьера на Западно-Сибирской. Многие новосибирцы помнят о тяжелом крушении пассажирского поезда, происшедшем в 1981 году под Черепаново. Машинисты проехали запрещающий сигнал светофора, и в результате столкновения поездов погибли 27 пассажиров...

Как водится в таких случаях, полетели головы железнодорожников, от «стрелочников» до начальников высоких рангов. Лично Лелекова никто не обвинял, но он тяжело переживал трагедию, впал в депрессию. И затем сам попросил освободить его от должности заместителя начальника дороги.

Став советником комитета Организации сотрудничества железных дорог стран СЭВ, который находился в Польше, Юрий Сергеевич Лелеков был там председателем комиссии по вопросам тяги и электрификации. Объездил немало стран, способствовал укреплению контактов советских железнодорожников с зарубежными партнерами. А когда осенью 1984-го покидал Варшаву, поляки наградили его золотым знаком общества польско-советской дружбы…

Сибиряка тянуло на родину. И он охотно принял новое предложение: с 27 сентября 1984-го в соответствии с приказом министра путей сообщения Н. С. Конарева возглавил Новосибирский метрополитен.

…7 января 1986 года на станции метро «Площадь имени Ленина» состоялся торжественный митинг метростроителей и работников метро, общественности города по случаю начала работы первого сибирского метрополитена. Начальник Метростроя С. А. Смирнов под аплодисменты присутствующих вручил символический ключ Юрию Сергеевичу Лелекову. А после речей и поздравлений участники митинга зашли в вагоны, и два голубых поезда помчались со станции в противоположных направлениях. Новосибирское метро начало свою неутомимую работу по перевозке пассажиров…

Идея строительства метро в крупнейшем городе Сибири зародилась еще в начале шестидесятых годов. И, право же, нелегко было «отцам» города и области пробивать эту идею в правительстве, в ЦК КПСС. И не очень просто было потом строить первую сибирскую «подземку». Метростроителям помогал весь город. И хотя от задумки до воплощения ее в жизнь прошла четверть века — факт свершился. А собирать рабочий коллектив эксплуатационников начинал Юрий Сергеевич Лелеков.

Метрополитены нашей страны тогда входили в систему Министерства путей сообщения. И, разумеется, в числе первых, кого стал «сватать» Юрий Сергеевич на неизведанную еще в Сибири работу, были прежние его коллеги по Западно-Сибирской железной дороге.

— *Я тогда был заместителем начальника Новосибирского отделения дороги, а прежде десять лет проработал начальником станции Инская,* — рассказывает Владимир Иванович Демин, который стал сначала заместителем Лелекова, а затем его преемником. — *Потому и знал меня неплохо Юрий Сергеевич. И вот он позвонил: «Приходи». Сомнений, конечно, было немало. Как-никак, прочное служебное положение, наработанный авторитет, да и зарплата не бедная. А там — еще неизвестно, как дела пойдут. Всех восхищает скоростная подземная дорога, но я-то понимал, что эти скорость и надежность требуют немалых трудов. Но решил рискнуть: интересно ведь очень. Когда я пришел, работников в метрополитене было всего двое: Лелеков и главный бухгалтер Агния Ивановна Русакова…*

Конечно, на Западно-Сибирской ценят грамотных специалистов, далеко не со всеми хотели расставаться. Но как устоять перед требованиями партийного руководства: нужны для метро крепкие кадры! За Деминым последовало немало инчан. Начальник локомотивного депо Инская Валерий Петрович Печунов стал начальником службы подвижного состава и электродепо, Рудольф Рудольфович Коглер возглавил службу сигнализации и связи. После эту должность занял Владимир Михайлович Кошкин, а поначалу он возглавил службу движения, то есть команду диспетчеров. Николай Александрович Вербузов (электромеханическая служба), Валерий Алексеевич Бахарев (служба пути), Виталий Алексеевич Грачев (служба электроснабжения) — вот те, кто входил поначалу в «штаб» Лелекова и помогал ему комплектовать коллектив.

Они уже вели набор специалистов среднего звена, техников (кстати, технический уровень метро требует наличия очень образованных кадров, и соотношение там рабочих и ИТР — один к одному). Однако, уважая мнение ближайших помощников, Юрий Сергеевич лично беседовал с каждым кандидатом в инженеры и мастера. Причем, как он остроумно заметил какое-то время спустя, одних приходилось уговаривать поступить на работу, других — отговаривать.

Надо было набирать машинистов — человек двадцать пригласили из той же Инской, остальных — из других депо, в том числе и из Московки. Затем их отправили учиться вождению метропоездов в Харьков — Харьковский метрополитен тогда взял шефство над Новосибирским.

Кстати, в «шефах» новосибирцев можно числить и Минское метро. Его запустили всего на полгода раньше, и сибиряки во главе с Лелековым отправились в Белоруссию за советами. Услышали много интересного о том, какие трудности могут возникнуть перед запуском и в первые дни работы, и постарались у себя их избежать.

Как-то Лелеков метко заметил на одном из совещаний, когда речь зашла о машинистах: — «Уезжали на Украину едва знакомые друг с другом люди, а вернулись сплоченным коллективом». Умение прививать чувство коллективизма, которым владел наш герой с молодых лет, очень пригодилось ему и здесь.

К концу 1985-го, как и требовалось, штат метрополитеновцев был набран полностью — около девятисот человек. В этом быстро сложившемся коллективе Юрий Сергеевич Лелеков пользовался непререкаемым авторитетом. Люди оценили его способности, ум, дальновидность, умение все держать в руках. В неизбежных «разборках» по случаю всяких неполадок он мог быть и крутым, но к мнению подчиненных всегда прислушивался.

В том, что Новосибирский метрополитен с первого дня стал работать исключительно четко, наращивая темпы, немалая заслуга Лелекова. А темпы на старте были такие: в первый день, с 19 часов до конца смены, поезда метро перевезли 39 тысяч пассажиров, во второй, уже полный рабочий день, — 222,

потом стали возить по 225 тысяч ежедневно. А ведь по намеченным планам, которые кое-кто считал и завышенными, собирались перевозить за день до 129 тысяч человек… Право же, любят свое метро новосибирцы…

Так что руководству метрополитена пришлось сразу же вводить коррективы: увеличили количество составов до 17 пар в час, сократили интервал движения поездов до трех с половиной минут. И еще до наступления середины января 1986 года Новосибирский метрополитен уже приветствовал своего миллионного пассажира.

А потом был и десяти-, и двадцати-, и стомиллионный… А потом, хоть нередко и обманывая ожидания новосибирцев по срокам, после пускового комплекса стали вводить в строй новые станции… И по сей день новосибирское метро развивается, несмотря на изобилие экономических и иных трудностей.

Юрий Сергеевич Лелеков не так уж долго возглавлял метрополитеновский коллектив. Года через два коварная тяжелая болезнь стала подтачивать здоровье этого очень жизнелюбивого, общительного человека, интересного для всех собеседника. В 1988-м его не стало…

…В музее боевой и трудовой славы локомотивного депо Московка Ю.С. Лелекову посвящен целый стенд. Кроме снимков, фотокопий документов, личных вещей, там представлены, к примеру, части его коллекций спичечных коробков, зажигалок, брелков. Он многим интересовался и многим увлекался. Привез из Польши «мерседес» — по непроверенным данным, это была тогда всего лишь вторая машина такой марки в Новосибирске. А «Жигулей» и «Волг» у него до этого перебывало немало. Завзятый автолюбитель, он даже на охоту ездил на машине, не слишком ее щадя в охотничьем азарте.

С юности занимаясь спортом — играл в хоккей в сборной команде своего ЛИИЖТа, Лелеков остался не только заядлым болельщиком (он ездил, к примеру, на зимние Олимпийские игры в Гренобль), но и немало делал для развития спорта в коллективах, которыми руководил. К примеру, футбольная команда депо Московка, составив основу сборной России, в 2000-м году завоевала «серебро» в чемпионате мира среди железнодорожников и затем вновь пробилась в финальную часть следующего первенства.

…«Птица счастья завтрашего дня!» — распевала когда-то наша молодежь. Эта птица осенила Лелекова своим крылом, когда он был довольно молодым. Осенила — но не вскружила ему голову. Он не зазнался, не искал в жизни легких путей. Он «рос над собой», много работал. И оставил свой заметный след в истории Новосибирска.

Валерий ЛЕНДОВ

Все остается детям

Имя генерального директора СП ОАО «Сибакадемстрой» Г.Д. Лыкова — Героя Социалистического Труда, кавалера многих орденов, лауреата Государственной премии СССР и премии Совета Министров СССР, заслуженного строителя РФ, ветерана атомной промышленности и прочая, и прочая, осталось бы в памяти благодарных потомков уже только за множество возведенных под его руководством прекрасных зданий и сооружений: ВАСХНИЛ, Академия медицинских наук, научно-производственное объединение «Вектор» в поселке Кольцово... Но на счету Геннадия Дмитриевича был еще и Чернобыль, укрощенный ядерный смерч, несущий человечеству неисчислимые бедствия...

Со стороны руководители такого масштаба, как Лыков, кажутся этакими цельными, высеченными на века глыбищами. Они представляются суровыми и жесткими, малодоступными и далекими от жизни «простого народа». Но тысячи и тысячи тех, кому выпадает счастье работать под их началом, чувствуют себя за ними уверенно и надежно, как за каменной стеной. Близкие и друзья, кто помогает им нести их безмерную ношу, прекрасно понимают: внешняя, кажущаяся суровость — это всего лишь маска, защита от гигантской ответственности, лежащей на их плечах. На самом деле они точно такие же «обыкновенные», как и все мы, — любящие и страдающие, и даже ранимые.

Это ощущение возникает уже после первых встреч с бывшими соратниками Г. Д. Лыкова. Но особенно волнующее чувство благодарности и уважения к таким людям осталось после беседы с нынешним руководителем «Сибакадемстроя» — Дмитрием Геннадьевичем Лыковым, сыном и продолжателем теперь уже семейного дела Геннадия Дмитриевича Лыкова.

— Сколько я помню отца, столько помню и его работу. Вне работы представить его невозможно. В памяти остаются первые мои путешествия с отцом по многочисленным стройкам-объектам, которые отец вел как главный инженер, затем — начальник строймонтажного управления.

Гордость распирала меня, но сказать, что я хотел следовать давней, передающейся из поколения в поколение традиции, было бы неверно. В нашей семье каждый занимался своим любимым делом, считал его важным и нужным людям и никогда никому не навязывал своих взглядов и убеждений.

Дед был партийным и советским работником, в том числе и секретарем райкома партии, затем — начальником «Запсибпушнины». Бабушка работала судьей. И за все мои шалости и озорство если и наказывала, то весьма «условно». Так что строительных корней в генеалогическом древе семьи Лыковых не просматривалось. И не предполагалось. Предки скорее всего, судя по фамилии, имели деревенские корни. Но после войны, в период восстановления народного хозяйства, самой востребованной стала профессия строителя. И отец поступил в строительный техникум…

Страшная «горячая» война закончилась, но холодная лишь набирала темпы. Бывшие наши в ней союзники видели в оживающем Советском Союзе главную, если не единственную, угрозу своей «свободе и демократии» и нешуточно готовились к третьей мировой войне. Иначе невозможно было объяснить их форсированные усилия, прежде всего, в создании смертоносного ядерного оружия.

И кто-то должен был не только ковать в ответ ядерный меч, но и создавать ядерный щит. Заниматься этим делом было поручено, в основном, Средмашу — Министерству «среднего машиностроения», которое подчинялось Министерству внутренних дел, то есть непосредственно Л.П. Берии. И как бы мы впоследствии ни относились к этому близорукому и рыхлому человеку в пенсне и шляпе, жесточайший порядок и дисциплину Лаврентий Павлович умел наводить прежде всего в своих ведомствах.

Начав свою трудовую деятельность мастером на стройке, возведя не один объект, Геннадий Дмитриевич Лыков понял: именно это самое мирное дело на Земле — для него, и на всю жизнь.

Родился он в 1932 году в городе Абакане Красноярского края. Прожил здесь всего месяц и отправился с родителями в первое свое путешествие — в Барнаул, куда был командирован на партийную работу отец. В Новосибирск семья Лыковых перебралась после войны, и этот город стал для Геннадия Дмитриевича Лыкова главным в его жизни и любимым, который он украсил многими прекрасными зданиями и сооружениями.

Смелые и оригинальные инженерные решения, будь то возведение комплекса объектов ВАСХНИЛ или зданий микробиологического центра «Вектор», цокольная часть которых уходила глубоко под землю и испытывалась вакуумом, чтоб не просочилась затем ненароком наружу какая-нибудь зараза, с которой предстояло работать ученым, были обычной, повседневной практикой.

А объекты завода химконцентратов, одно лишь упоминание о котором рассматривалось в свое время как разглашение государственной тайны? Именно здесь Геннадий Дмитриевич получил первую свою высокую награду — орден Ленина. И получил не столько за самоотверженный, поглощающий все помыслы и время труд, что в общем-то было обязательно, сколько за риск и слишком опасные по тем временам своеволие и инициативу.

Это сегодня даже непосвященным ясно, что такое ТВЭлы — тепловыделяющие элементы, своеобразные гигантские «батарейки» с ядерной начинкой для атомных электростанций. Собираются они в огромном чистом и светлом цехе, на конвейере, с помощью умных механизмов.

А появился этот чудо-цех благодаря стараниям многих заводских специалистов, среди которых, прежде всего, выделялся Э. Н. Свечников, с ним Лыков подружился еще в бытность того начальником смены. Вместе они строили завод, куда Лыков пришел на должность мастера участка. Вместе росли как специалисты. Г. Д. Лыков стал после окончания института начальником управления, Э. Н. Свечников — главным инженером предприятия. Внешне они были люди разные. Объединяли их, прежде всего, пусть это нынче звучит напыщенно и «немодно», — государственный подход к делу, гражданская позиция. И главному инженеру недолго пришлось уговаривать начальника СМУ начать строительство грандиозного цеха без техдокументации и сметы. Оба они понимали, какую ответственность взваливали на свои плечи. Но понимали и главное — так надо! Да и кто кроме них мог решиться на подобное.

— *Все равно придется строить,* — «утешал» Свечников Лыкова. — *Но лет на тридцать мы сможем всех опередить.*

Цех, представляющий собой завод в заводе, где будут задействованы уникальные технологии, где чистота и стерильность должны быть, как в операционной, рос день и ночь. И к тому времени, когда наконец-то разродились проектировщики и пошло финансирование, он уже был готов к запуску первых ТВЭлов... За что все участники его строительства были отмечены по зас-

лугам. Геннадия Дмитриевича наградили орденом Ленина. Исполнилось ему к этому времени тридцать пять лет.

Завод химконцентратов и все, что его окружает и сопровождает, — добротные жилые дома, здания социально-культурного и спортивного назначения: магазины, кинотеатры, стадионы, кафе, рестораны и так далее, — давно уже считаются неотъемлемой и одной из лучших, благоустроенных частей «столицы» Сибири. А ведь еще на памяти старшего поколения практически весь Калининский район представлял собой окраину Новосибирска. Только в послевоенное время превратилась она в огромную строительную площадку, ядром которой стал завод химконцентратов, сыгравший в судьбе Г.Д. Лыкова особую роль.

В начале 70-х годов прогремело, как гром среди ясного неба, так называемое «Дело Пеньковского». Сейчас бы этого «бизнесмена», торгующего государственными секретами, возможно, провозгласили бы борцом за разоружение либо, по меньшей мере, правозащитником. В те же времена все было ясно и однозначно: предатель, «сдавший» американцам все стартовые площадки наших баллистических ракет.

Ущерб, нанесенный экономике страны этой «сделкой», был колоссальным. И чтобы восстановить обороноспособность страны, требовалось срочно построить новые шахты.

Стоит ли говорить, что первому попавшемуся на глаза строителю, даже опытному, такое задание не дают?! И отбор кандидатур в системе Средмаша шел скрупулезнейший. Фамилия «Лыков» прозвучала одной из первых и, естественно, была согласована с Москвой.

Как работали строители, в какие сжатые сроки они должны были уложиться и выполнить работы только на «отлично», можно лишь догадываться. И когда «объект» посетил министр Средмаша Ефим Павлович Славский, он прежде всего поинтересовался ходом дел у молодого, крепко скроенного сибиряка, руководившего строительством.

Между двумя совершенно разными и по возрасту, и по положению руководителями возникла взаимная симпатия. Судьба в дальнейшем не раз сводила их в самые ответственные и опасные для страны моменты.

Е. П. Славский — человек-легенда, из той когорты людей, которыми Родина вправе гордиться, а потомки обязаны помнить их и чтить. Но если и в те «строгие» времена он был известен весьма ограниченному кругу людей, в силу специфики своей должности, то что уж говорить о днях сегодняшних, заполненных другими ценностями и проблемами. Тем не менее, напомним — Ефим Павлович был трижды Героем Социалистического Труда и кавалером одиннадцати (!) орденов Ленина. И вручали ему эти высшие награды Родины не только в связи с юбилейными и знаменательными датами в его большой и яркой жизни: на пенсию Е. П. Славский вышел в 86 лет…

У Лыкова имелся «лишь» один орден Ленина, и до Героя еще было далеко, и моложе министра он был почти вдвое. Однако ему на всю жизнь запомнился вроде бы простой, но полный глубочайшего смысла разговор, который состоялся у них при назначении Лыкова на должность начальника «Сибакадемстроя»:

— *Ты знаешь, лежит на моих плечах огромная глыба — министерство. Я хочу переложить на твои плечи часть этой ноши. Если ты выдержишь и понесешь ее рядом со мной, мне будет полегче, и я тебя буду нагружать еще. Но если будет тяжело, я сниму с тебя этот груз. Решай сам — справишься или нет.* — И, помедлив, добавил: — *Я тебе доверяю!*

Через много лет Геннадий Дмитриевич Лыков произнесет эти слова своему сыну — Дмитрию, когда будет ему передавать штурвал корабля по имени «Сибакадемстрой».

…Новые пусковые шахты были построены быстро и, как требовалось, с надлежащим качеством, в соответствующих местах. В них и сегодня несет круглосуточное дежурство соответствующая боевая техника, выполняя соответствующее задание по охране рубежей России.

Вернувшись с «объектов» в Новосибирск, Лыков вскоре стал главным инженером «Сибакадемстроя». Многолетний руководитель этой прославленной организации, первостроитель Академгородка Н. М. Иванов чувствовал уже себя неважно, сказывалось огромное, постоянное напряжение, и он начал готовить себе преемника. И когда в 1974 году, практически на рабочем

месте, Николай Маркелович скончался, «Сибакадемстрой» возглавил Г. Д. Лыков.

Бразды правления этим многопрофильным, крупнейшим в регионе объединением различных подразделений — двенадцать строительно-монтажных управлений, управление механизации, две базы автомобильного транспорта, управления энергоснабжения, производственно-технологической комплектации, железнодорожного транспорта, четыре завода железобетонных изделий, деревообрабатывающий комбинат, опытный ремонтно-механический завод и многое другое, — находились в крепких и умелых руках.

И при Иванове «Сибакадемстрой» славился своими делами и динамично развивался. Но наибольшего расцвета он достиг при Г.Д. Лыкове — объемы строительства нарастали с каждым годом. Даже сухое, «справочное» перечисление объектов, построенных и введенных «Сибакадемстроем» до 1986 года, поражает воображение и вызывает чувство глубочайшего уважения к самоотверженному труду сибирских строителей.

Полным ходом идет возведение комплекса зданий и сооружений институтов ВАСХНИЛ. Продолжается «расширение» Академгородка — сданы в эксплуатацию инженерный корпус института «Гидроцветмет», лабораторный корпус СКТБ катализаторов, здание Института истории, филологии и философии... Возводятся корпуса курорта «Белокуриха». Введен комплекс зданий типографии «Советская Сибирь», за что группе строителей и архитекторов присуждена премия Совета Министров СССР. Закончены пусковые работы на Чикской птицефабрике с проектной мощностью один миллион кур-несушек в год. Вводятся в строй десятки жилых домов, кинотеатры, гостиницы, магазины, больницы, детские дошкольные учреждения, школы... «Сибакадемстрой» продолжал наращивать объемы, но тут громом среди ясного неба грянул Чернобыль.

30 апреля 1986 года начальнику «Сибакадемстроя» по правительственной связи позвонил министр Средмаша. Голос Е. П. Славского звучал необычно тревожно и сухо:

— Геннадий Дмитриевич, срочно прилетай в Москву. На Чернобыльской АЭС взорвался реактор, предстоит большая и трудная работа. Подробности — при встрече.

Рано утром 1-го мая, когда в Новосибирске и Москве, в Киеве и Припяти, во всех городах необъятного Советского Союза еще только предстояло выплеснуться на улицы полноводным краснознаменным демонстрациям в честь Дня международной солидарности трудящихся, начальник «Сибакадемстроя» уже находился в воздухе на борту самолета, напряженно размышлял над тревожным звонком из Москвы.

…О Чернобыльской трагедии, ее причинах, героизме и разгильдяйстве, бедах и проблемах, связанных с ее ликвидацией, написаны тома сообщений, докладных, исследований, повестей и романов, отснято бесчисленное количество пленок, кассет, фильмов. Очевидно, специалисты, как и литераторы-лето-

писцы, а также операторы-кинематографисты, будут еще трудиться и трудиться над этой до сих пор болезненной и злободневной темой. Работы хватит всем. Но уже совсем не такой страшно опасной, как первым ликвидаторам.

Многим из них уготована была судьба Александра Матросова. И единственная милость Чернобыля для них заключалась в том, что радиация не всех «расстреливала» сразу, многих она убивала постепенно.

Что же нужно было сделать, срочно, неотложно, чтобы если не загасить невидимый бушующий пожар радиации, то хотя бы спрятать, закрыть его? Ответ напрашивался сам собой — разрушенный реактор должен быть накрыт «колпаком». Только где ж его такой огромный и прочный взять? Выход был один — построить саркофаг! Чем быстрее, тем лучше.

Но как уберечься от смертельного, всепроникающего излучения? Все эти марлевые повязки на лице, которые мелькали в кадрах кинохроники тех лет, лишь жалкая бутафория, дань общественному мнению. Роботы и прочая суперфантастическая техника, даже хваленая японская, выходила из строя — электронная начинка не выдерживала невидимого «жара». И только после того, как была сооружена опалубка на уровне человеческого роста и залит первый бетон, стало чуть-чуть полегче — от горизонтального «прострела» радиацией люди были защищены. Лыков демонстративно сорвал с лица осточертевшую марлевую повязку и больше никогда ее не надевал.

Так ярус за ярусом, с помощью вертолетов заливался бетоном взорванный реактор, рос гигантский саркофаг, в недрах которого по-прежнему идет атомная реакция, закончится которая, если верить учебникам физики, лет через тридцать.

Строили его, да и работали на ликвидации Чернобыльской аварии, прежде всего добровольцы. Хотя мы и сегодня не собираемся идеализировать ситуацию вокруг этой трагедии. И, разумеется, Лыков не в одиночку укротил разъяренного зверя. Да, ему поручили, доверили возглавить все работы. Но, докладывая о ходе дел руководству министерства, страны, он всегда говорил: — *Мы сделали то-то и то-то, нами предложено то-то и то-то.*

Лыкову дали право собрать под свое крыло любых «бойцов», кого он считал незаменимыми в этой смертельной схватке. И он обратился к тем, с кем проработал бок о бок многие годы и в ком был уверен, как в себе самом, — не подведут! Он не скрывал смертельной опасности, которая поджидала всех. Только сказал: *Я доверяю вам, вместе мы справимся с бедой.*

И больше ста сибакадемстроевцев «сделали шаг вперед». Пришлось даже отказывать некоторым, чтобы не останавливать строительство плановых объектов. Это были проверенные временем и стройкой специалисты своего дела, его команда. В том числе и неизменный, незаменимый Яков Ионович Денисов — начальник управления промышленными предприятиями «Сибакадемстроя». Под его началом были все железобетонные заводы, деревообрабатывающий комбинат, авторемонтный и механический заводы... Словом, все то, что потребовалось в дальнейшем при строительстве саркофага.

— Я не знаю, смогли бы мы, сегодняшние, справиться с такой катастрофой и в такие сроки?! — задумчиво произносит Дмитрий Геннадьевич Лыков, рассказывая о своем отце. И тут же добавляет, словно упрекая себя за сомнения: *— Смогли бы! Русский человек — удивительное создание. Он может себе позволить все, что угодно, в том числе и отчаянную бесшабашность, но когда вокруг особенно сгущаются тучи, люди объединяются, в них просыпаются самые лучшие качества, и они творят чудеса, справляясь с любой бедой.*

Из Чернобыля Лыков возвратился только тогда, когда был локализован ядерный пожар и ликвидирована угроза дальнейшего распространения радиации. Об отдыхе и выходных днях за все время пребывания в Чернобыльской зоне не только у него, но и у всей его команды вопрос даже не возникал. Они работали круглые сутки, прерываясь лишь на сон, прием пищи и естественные надобности. И награда, как говорится, не заставила себя ждать: Г.Д. Лыков удостоен звания Героя Социалистического Труда, тридцать сибакадемстроевцев — орденов и медалей.

— Когда я увидел отца, возвратившегося домой тихо, без фанфар и салюта, у меня было одно впечатление — человек вернулся с войны! — вспоминает сегодня Д.Г. Лыков. *— Во-первых, он опять закурил, после большого перерыва. И был, как натянутая струна — незнакомый и жесткий…*

Руководящий состав управления 605 после завершения работ по сооружению саркофага. 1986 г.

— А могли ли вы быть рядом с отцом в те Чернобыльские дни, и почему не были? Отец пожалел? Ведь вы тоже работали в «Сибакадемстрое»?

— *Я всегда любил и уважал отца. Уверен — никто лучше него не справился бы с той бедой. И я обязательно был бы рядом с ним,* — ничуть не обидевшись на вопрос, ответил младший Лыков. — *Но к тому времени я был зачислен в Московскую академию госбезопасности, и надо было нести свою службу, выполнять свой долг перед Родиной.*

Лыков-сын после академии поработал в «органах». И продолжал бы, очевидно, служить дальше, но началась «перестройка», наступила эпоха чистогана, рухнули идеалы, которые воспитывала семья и школа, и встал вопрос: «Кому и во имя чего служить?». Ответа не было, и он подал в отставку. Не сразу, но все равно судьба распорядилась так, что Лыков-младший вновь стал работать под началом Лыкова-отца.

Впервые Дмитрий сообщил отцу, что хочет стать строителем, еще в девятом классе. Вопреки ожиданиям, тот большой радости не выказал. Посмотрел как-то искоса и сказал:

— Мысль хорошая, только все ли хорошо продумал? Романтика в строительном деле только внешняя. А суть — в тяжелом труде, нервотрепке и недосыпе. Впрочем, отговаривать не буду, давай поступим так: чтоб не было иллюзий, поработай в бригаде, которую выберешь, разнорабочим. Потом поговорим!

Месил бетон, таскал раствор и кирпич Лыков-младший с увлечением. Уставал страшно. Но был горд и доволен не меньше. Отработал на стройке все летние каникулы. И на вопрос отца: «Ну как, не передумал стать строителем?» ответил коротко и твердо: «Нет!». На этот раз слово «Хорошо!» Лыков-отец произнес удовлетворенно.

После института инженеров железнодорожного транспорта, окончив факультет «Промышленное и гражданское строительство», Дмитрий Лыков начал свою непростую карьеру с самой «универсальной» на стройке должности — мастера.

Отец в душе, конечно, гордился, что сын идет по его стопам, но никаких поблажек не давал. Напротив, мог неожиданно нагрянуть на объект, проверить лично, как идут дела, каков порядок на стройке, хотя сведения, конечно, имел. И если был доволен, вида не показывал, но как-то по-особому покашливал и даже напускал на себя особо суровый вид. А сын знал — экзамен выдержан.

Перед тем как взять бразды правления «Сибакадемстроем» в свои руки, Лыков-младший поработал у отца заместителем по экономике и финансам и успел-таки подготовить сложное строительное объединение к рыночным реформам, которые, увы, изрядно потрепали коллектив.

Как мог, сын оберегал отца, для которого битва с Чернобылем не прошла даром. С каждым месяцем тому становилось все труднее управлять в рыночном бушующем море огромным кораблем «Сибакадемстроя». И однажды

отец сказал сыну: *В нынешних условиях я тебе уже плохой помощник, но оставь мне кадры. Я хорошо разбираюсь в людях и, надеюсь, буду полезен в их подборе.*

Сын же хотел, чтобы отец побольше отдыхал, как следует занялся бы своим здоровьем и был, к примеру, почетным президентом «Сибакадемстроя», помогая своим авторитетом. Но отдыхать Г.Д. Лыков не мог и не умел. Он работал до последних своих дней. К сожалению, «ликвидаторы» долго не живут…

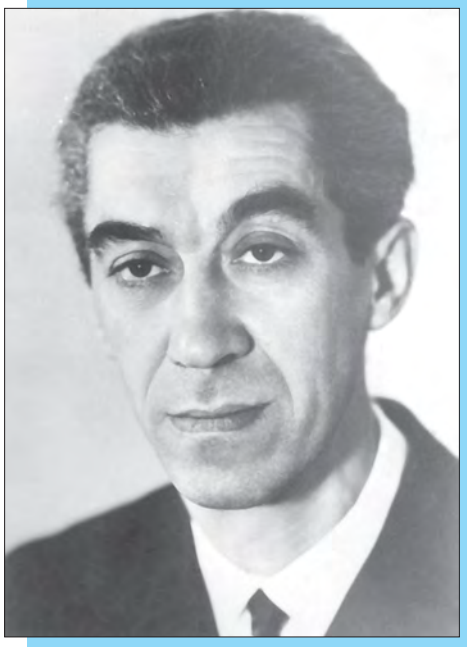
У нынешнего руководителя «Сибакадемстроя» — Дмитрия Геннадьевича Лыкова есть сын, звать которого, конечно же, Геннадием. Учится он в Строительной академии, бывшем Сибстрине, который окончил в свое время Геннадий Дмитриевич Лыков. И когда на белый свет появился внук, счастливый дед воскликнул:

— *Теперь я спокоен — династия Лыковых не прервется!*

…«Сибакадемстрою» сегодня нелегко — как, впрочем, и любому трудовому коллективу. Но постепенно и упорно он набирает прежнюю «спортивную» форму. Недавно в его адрес пришло из Франции уведомление от Ассоциации «Партнерство ради прогресса», в котором сообщается, что «Сибакадемстрой» утвержден участником одноименной программы с вручением номерного сертификата и награжден призом «Золотой Меркурий».

Такого приза удостоены 37 российских предприятий. Среди сибирских фирм строительного комплекса «Сибакадемстрой» — единственный.

Аркадий АНТОНОВ



Завещание ректора Лыщинского

Среди почетных граждан нашего города — профессор Георгий Павлович Лыщинский, под руководством которого был создан крупнейший технический вуз Новосибирска. «DOCENDO DISCIMUS»… Ставшие крылатым выражением слова из «Писем» Сенеки не случайно присутствуют в эмблеме этого учебного заведения: «Обучая, мы учимся сами»… Как это и по смыслу, и по существу точно, а главное — соответствует духу НЭТИ-НГТУ! И хотя собственную эмблему, как и свой устав, вуз получил без малого десятилетие назад, именно таким его в середине 50-х годов прошлого века замыслил ректор Лыщинский.

Род Лыщинских имеет давнюю и непростую историю. Есть в Варшаве площадь, которая носит имя Лыщинского, знатного дворянина, со-

жженного здесь в XVII веке иезуитами за то, что написал трактат «О несуществовании бога». Спустя два столетия прямых потомков мыслителя-атеиста подвергли гонениям: сначала заточили в Шлиссельбургскую крепость, затем отправили в далекую ссылку. Десять лет ходил по России с «волчьим билетом», то есть без права оседлости, один из братьев Лыщинских — Мечислав. Отбыв наказание, он женился на безграмотной русской крестьянке, которая родила ему сына Павла. Судьба Павла сложилась удачнее. Он получил хорошее образование и сделал успешную карьеру на государственной службе, став главным землеустроителем Крыма. 5 ноября 1922 года в Севастополе у него родился сын Георгий.

Детство Георгия Лыщинского прошло в Москве, в маленькой полуподвальной квартирке, из окон которой были видны лишь ноги прохожих. В 1940 году, после окончания школы, юноша поступил в Московский энергетический институт. Уже в институте проявилась его активная жизненная позиция. Он прекрасно учился, получал именную стипендию, был редактором институтской многотиражки. В годы войны, прервав учебу, работал на заводе. В 1947 году Лыщинский с отличием окончил институт и был оставлен в аспирантуре. Еще через четыре года, в 28-летнем возрасте, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Теоретическое и экспериментальное исследование схем электропривода на моделирующей установке». Вскоре его направили на работу во Львовский политехнический институт, где он проработал три года и получил звание доцента.

В 1955 году произошел новый поворот в его судьбе и профессиональной карьере: Георгий Павлович был приглашен на работу в Новосибирский электротехнический институт.

Здесь немного истории. Постановление об организации НЭТИ было принято Советом Министров СССР 19 августа 1950 года и подписано И.В. Сталиным. Первоначально институт предполагалось строить в центре города, однако не нашлось подходящего большого участка. Земельный участок в 20 га был выделен в левобережье. Руководил строительством нового вуза кандидат технических наук Андрей Ксенофонтович Потужный, который вошел в историю как первый директор НЭТИ — так тогда называлась должность руководителя. В 1955 году А.К. Потужного не стало, и Г.П. Лыщинскому, после недолгого пребывания в должности зам. директора, предложили возглавить НЭТИ. В ту пору ему было всего 32 года.

Кстати, именно ректором Лыщинский стал не сразу, до начала 60-х он был директором, пока для руководителей высших учебных заведений не ввели особое обозначение. Слово *ректор* происходит от латинского *rector* и означает *управитель*. Поначалу хозяйство, которым предстояло управлять Лыщинскому, было невелико: тогда в институте, имеющем единственное собственное здание, обучалось 350 студентов и работало около 40 преподавателей, в том числе всего шесть кандидатов наук. А если уж совсем по строгому счету, то начинался НЭТИ практически с пустого места. Учебных корпусов — нет. Об-

щежитий — нет. Материально-технической базы — никакой. Лишь призывы: «Даешь кадры Сибири!» Спустя годы, на собственном горьком опыте испытав, как из ничего создавать вуз, Лыщинский напишет: *Волевое, без учета имеющегося потенциала, материальных возможностей формирование высших учебных заведений — ошибочный шаг.*

Потом в соответствующих инстанциях его будут уговаривать отказаться от своих слов, намекать на нежелательные последствия, но он окажется последовательным и настоит на своей позиции. И будет прав! Ни один из полутора десятков новосибирских вузов не знал столь резкого скачка вперед (за исключением университета, но там особые обстоятельства). Ни один вуз не имел столь поступательной динамики развития. Через 35 лет, когда Г.П. Лыщинский передавал дела своему преемнику, институт имел шесть учебных корпусов, семь общежитий, спортивный комплекс с бассейном, поликлинику, столовую — целый студенческий город, а также спортивно-оздоровительные лагеря «Шарап», «Эрлагол» и многое другое. К этому времени в институте обучалось около 20 тысяч студентов, численность профессорско-преподавательского состава достигла 1200 человек, 50 из них имели ученые степени докторов и почти 600 — кандидатов наук.

Обладая большими организаторскими способностями, широкой эрудицией, научным талантом, Г.П. Лыщинский внес значительный вклад в формирование коллектива, организацию учебного процесса, определение научной тематики и строительство института. Это позволило НЭТИ в короткий срок осуществить подготовку высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства, в первую очередь, Сибири и Дальнего Востока.

В трудных условиях, как уже говорилось, строился институт, не было средств. На поддержку города рассчитывать не приходилось, так как одновре-

менно шло строительство Академгородка. Однако, несмотря на трудности, Г.П. Лыщинскому удалось привлечь к финансированию строительства крупные предприятия города, начав подготовку инженеров нужных специальностей. В 80-х годах, когда НЭТИ уже имел статус одного из лучших вузов страны, Георгий Павлович в интервью журналистам так рассказывал о том непростом времени:

— Я понимал, нужна серьезная поддержка тех, у кого есть деньги и средства. А у кого они есть? У крупных предприятий. С протянутой рукой к ним не пойдешь, не дадут. Значит, требовалась выгода. Мы же почти ничего не имели. Единственное, что могли предложить, — кадры. Организовали самолетостроительный факультет. Министерства заинтересовались, и под это дело институт получил в подрядчики «Сибакадемстрой», который только на СО АН работал. Потом открыли электромонтажный, и уже новые министерства к нам лицом повернулись.

В НЭТИ была разработана и стала реализовываться целая программа комплексной подготовки специалистов во взаимодействии с промышленными предприятиями и научными учреждениями. В одной из своих статей Г.П. Лыщинский писал:

Выполнение этой программы обеспечивает единство учебного, научного и воспитательного процессов, но подразумевает не простое объединение разных направлений работы института, а сочетание их между собой с учетом требований конкретных отраслей промышленности.

Для осуществления этой концепции подготовки специалистов, по инициативе ректора, заключались прямые договора с промышленными предприятиями и научно-исследовательскими институтами. Особенно тесное сотрудничество в организации учебного процесса и научной деятельности завязалось с институтами СО АН. Сотрудничество осуществлялось по многим направлениям: организация и совершенствование учебного процесса, выполнение научно-исследовательских работ, подготовка научных и педагогических кадров для НЭТИ и специалистов для институтов СО АН. В 1962 году, по инициативе директора Института ядерной физии, академика А.М. Будкера и при непосредственной поддержке Г.П. Лыщинского, в НЭТИ была организована специальная группа студентов, которые значительную часть времени проводили в стенах ИЯФ, слушали там лекции и выполняли практические задания в научных группах, имели возможность участвовать в реальных научных исследованиях института. А в 1966 году в НЭТИ открылся физико-технический факультет, на котором основная подготовка специалистов осуществлялась на базе институтов ядерной физики и физики полупроводников (ИФП) по системе «физтеха».

Опытный администратор, Г.П. Лыщинский вел также большую научную и педагогическую работу. Многие годы он возглавлял кафедру электропривода и автоматизации промышленных установок, непосредственно занимаясь организацией научных исследований. Сам Георгий Павлович опубликовал более 100 работ по проблемам автоматизированного электропривода, авто-

матизации производственных процессов и автоматизированных систем управления. В 1965 году Лыщинскому было присвоено ученое звание профессора.

Особо нужно отметить деятельность научно-исследовательской лаборатории электромеханических систем воспроизведения движения, научным руководителем которой он являлся. Здесь были созданы и внедрены в народное хозяйство комплектные электроприводы различного назначения. Например, электроприводы для станков с числовым программным управлением, с большим диапазоном регулирования и огромной точностью позиционирования, не имеющие по подобным характеристикам мировых аналогов. На всесоюзной выставке «Станки-77» различные типы этих электроприводов получили высокую оценку станкостроителей, а всемирно известная Лейпцигская ярмарка отметила их золотой медалью.

Важное народнохозяйственное значение имели исследования Г.П. Лыщинским судовых электростанций с автоматическими регуляторами напряжения и управляемыми источниками реактивной мощности. Под его научным руководством разработаны и внедрены на китобазе «Советская Россия» автоматические регуляторы напряжения синхронных генераторов с паровыми турбинами и управляемые источники реактивной мощности. Внедрение их только на одной плавбазе дало экономический эффект 75 тысяч рублей в год.

На протяжении долгих лет профессор Лыщинский много сил и внимания уделял исследованиям в области планирования, организации и управления вузом. Им разработаны основы научной организации нового вуза, управления его развитием с целью оптимизации всех сторон его деятельности. Он смело и масштабно внедрял оргтехнику, обучающие и контролирующие машины, учебно-информационное внутривузовское телевидение, вычислительную технику.

Г.П. Лыщинский придавал большое значение творческим связям НЭТИ с ведущими вузами СССР и зарубежных стран, в том числе ГДР, Польши. В течение многих лет НЭТИ и Силезский политехнический институт вели совместную работу по подготовке кадров, проводили совместные исследования в области машиностроения, технологии металлов, электроники и т.д. В 1974 году профессору Лыщинскому присвоено звание почетного доктора Силезского политехнического института ПНР, а в 1989 году вручен орден и присвоено звание командора за заслуги перед Польской Народной Республикой в деле совместной подготовки кадров.

Под руководством Г.П. Лыщинского выполнены и защищены более 30 кандидатских и докторских диссертаций. Тысячи выпускников, учеников Георгия Павловича, и сегодня успешно трудятся в разных городах России, ближнего и дальнего зарубежья.

Профессора Лыщинского отличали необычайная работоспособность и целеустремленность, стратегическое чутье видеть перспективу, незаурядные организационные способности и умение находить общий язык с людьми. Под его руководством не только строились одно за другим здания, формировался

научно-педагогический коллектив, приобреталось современное оборудование, проводилась воспитательная работа среди студенчества, но и складывались живущие и поныне замечательные традиции института. Здесь возник клуб самодеятельной песни (КСП), где не одно поколение студентов знакомилось с бардовской песней и училось искусству общения; доброй традицией стали дни поэзии. Великолепные самодеятельные коллективы — академический хор, ансамбль скрипачей, студенческие эстрадный и духовой оркестры — всегда находили поддержку у ректора НЭТИ, человека высокой культуры и разносторонних интересов. В 1973 году, именно по инициативе Георгия Павловича, в НЭТИ был создан «необязательный» гуманитарный факультет, уникальный некогда для технических вузов; от него пошли в нашем городе факультеты общественных профессий. Его деятельность была направлена на гуманитаризацию инженерного образования и во многом предопределила факт преобразования в 1992 году технического института в университет. Сегодня, по словам нынешнего ректора НГТУ Анатолия Вострикова, соседство «технарей» и «гуманитариев» приносит несомненную пользу и тем, и другим. Техническая и гуманитарная составляющие НГТУ развиваются параллельно. Возможно, в скором времени он останется техническим вузом только исторически, фактически же станет многофункциональным университетом.

Георгий Павлович Лыщинский много сил и энергии отдавал делам города. Он многократно избирался депутатом городского и районного советов, много лет возглавлял Совет ректоров вузов города. Правительство высоко оценило заслуги ректора НЭТИ, наградив его орденами Трудового Красного Знамени (1967 и 1981 годы) и «Знак Почета», а также многими медалями. В феврале 1991 года Указом Президента СССР М.С. Горбачева профессор Лыщинский награжден орденом Ленина.

В древнем роду Лыщинских существовала традиция, передававшаяся от отца к сыну: — *Когда умирал отец, он оставил мне завещание. «Придет, сын, и твой час, ты посмотришь в зеркало, и, если не покраснеешь, значит, жизнь прожил верно». Думаю, мне не придется бояться зеркала…* — сказал как-то в доверительной беседе с журналистом Георгий Павлович.

Благодарные новосибирцы оценили по достоинству вклад профессора Лыщинского в развитие образования города. В 1993 году ему было присвоено звание Почетного гражданина Новосибирска. В апреле 1995 года, через пять лет после ухода Георгия Павловича с поста ректора института, его не стало. В апреле 1997 года на здании главного корпуса НГТУ была установлена памятная доска. Ректор Лыщинский, один их немногих наших земляков, удостоен высокого звания «Гражданин XX века Новосибирской области».

Новосибирский государственный технический университет стал рукотворным памятником замечательному человеку и Почетному гражданину — Георгию Павловичу Лыщинскому. В 2000 году одному из известнейших вузов Новосибирска исполнилось пятьдесят лет. А в начале ноября 2002 года технический университет широко отметил 80-летие своего знаменитого ректора, и этот юбилей стал событием не только городского масштаба.

Сегодня НГТУ по праву считается одним из самых крупных учебно-образовательных центров нашей страны. Здесь обеспечивается подготовка и переподготовка квалифицированных специалистов для научно-промышленного комплекса Сибири и Дальнего Востока, выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований и подготовка на их основе кандидатов и докторов наук. В НГТУ работают около тысячи штатных преподавателей, кандидатов и докторов наук. К проведению занятий в НГТУ привлекаются крупные ученые, в том числе зарубежные специалисты. С этой целью в институтах СО РАН, отраслевых НИИ, КБ и на ведущих промышленных предприятиях созданы филиалы университетских кафедр, заключены долгосрочные договоры о совместной работе с зарубежными вузами и фирмами Германии, США, Англии, Франции, Турции, КНР, Монголии, Кореи и других стран.

НГТУ располагается в семи корпусах, которые имеют все необходимое оснащение для качественного проведения учебных занятий. Организованы общеуниверситетские, факультетские и кафедральные классы на базе современных персональных компьютеров. Все учебные корпуса и три общежития подключены к локальной сети университета, в составе которой более 40 серверов различного уровня и назначения; 1200 рабочих мест подключены к всемирной глобальной сети Интернет. Лаборатории технических факультетов укомплектованы современными станками, контрольно-измерительным оборудованием, промышленными роботами. Совместно с зарубежными фирмами организованы авторизованные учебные центры.

К услугам студентов — самая крупная в городе вузовская библиотека с богатым фондом учебной, художественной, научной литературы и периодики.

Научная библиотека НГТУ является научно-методическим центром библиотек вузов города. Имеется хорошая издательская база, позволяющая полностью обеспечить университет методической литературой, издавать учебники, учебные пособия, научные труды, монографии.

В настоящее время в НГТУ работает 10 факультетов дневного отделения, на которых обучается более 10000 студентов. Общее число студентов составляет около 17000 человек. Сегодня университет имеет лицензии на ведение образовательной деятельности по 27 направлениям и 66 специальностям высшего профессионального образования, а также по 49 магистерским программам, причем работа по лицензированию и открытию новых специальностей постоянно продолжается.

Университет имеет хорошую кадровую и техническую базу для ведения научной деятельности, здесь давно сложились свои научные школы. Наиболее известные из них занимаются фундаментальными исследованиями по следующим направлениям: автоматическое управление; новые автоматизированные средства измерения, контроля, диагностики; математическое и информационное обеспечение экспертных систем для исследования сложных объектов; гибридные методы и программные комплексы расчетов на прочность и надежность конструкций; повышение устойчивости, экономичности и качества больших энергетических систем; новые типы электронных и радиотехнических устройств; математическое моделирование и оптимизация сложных механических систем и др.

Все это создает необходимые условия для организации учебного процесса на самом высоком профессиональном уровне и одновременно позволяет учитывать потребность народного хозяйства в специалистах.

За последние годы учеными университета опубликовано более 100 монографий, 152 межвузовских сборника научных трудов, более 6000 статей; получено 1600 авторских свидетельств на изобретения; успешно ведется подготовка научных кадров высшей квалификации через аспирантуру и докторантуру университета. В университете работают учебные научные центры, организованные совместно с фирмами США, Германии. С зарубежными вузами и фирмами заключены долгосрочные договоры по научной и учебной работе, внешнеэкономической деятельности. Во всех формах научной работы активно участвуют студенты.

В НГТУ большое внимание уделяется развитию и улучшению социально-бытовых условий студентов и сотрудников. В учебных корпусах и общежитиях работают столовые, буфеты и кафе. Проявляется забота и о здоровье будущих специалистов. В НГТУ функционируют: профилакторий, поликлиника, стационар, два спортивно-оздоровительных лагеря, спортивный комплекс с игровыми залами, с зимним плавательным бассейном и залами для работы секций; имеются стадион, лыжная база.

Традиционно большое значение в НГТУ придается культурному воспитанию студентов. Успешно работает Центр культуры с лабораторией гума-

нитарного образования; широко известны академический хор университета — победитель различных конкурсов, в том числе международного (Прага, 1990 год), ансамбль скрипачей, театр миниатюр…

Всего за годы существования университет подготовил более 75 000 специалистов, которые трудятся инженерами, научными сотрудниками, руководителями научных лабораторий институтов, объединений, министерств. Около 2000 выпускников — на должностях всех уровней в институтах СО РАН.

DOCENDO DISCIMUS… Можно с уверенностью сказать, что научные, образовательные и культурно-воспитательные традиции, заложенные ректором Лыщинским, живы и успешно развиваются в современных условиях. Вуз, созданный им полвека назад, и сегодня молод, динамичен, восприимчив ко всему новому. Впрочем, это и не удивительно. Ведь ОБУЧАЯ, УЧИМСЯ САМИ.

Ирина КОСАРЕВА

Алгоритмы академика Марчука

Алгоритм — система операций (например, вычислений), последовательное выполнение которых приводит к решению поставленной задачи.

(Математический термин)

В средствах массовой информации, по крайней мере, сибирских, Гурий Иванович Марчук большей частью представал как энергичный идеолог внедрения разработок ученых Сибирского отделения в народное хозяйство. Но это была лишь видимая часть айсберга и одновременно лишь один из аспектов удивительно многогранной и напряженной деятельности Марчука-исследователя и Марчука-организатора науки, его впечатляющего жизненного пути — от сельского школьника до всемирно известного ученого, лауреата множества престижных премий, Героя Социалистического Труда, президента Академии наук СССР. Для рассказа об этом воспользуюсь, в частности, книгами Г.И. Марчука «Жизнь

в науке» (2000 г.) и «Молодым о науке» (1980 г.). В подготовке последней я принимала участие, слушала и записывала мысли и соображения Гурия Ивановича, когда он сломал ногу и целый месяц мог посвятить подготовке этой книги, заказанной издательством «Молодая гвардия».

Родился он 8 июня 1925 года в селе Петро-Херсонец, вырос в райцентре Духовницкое, что в Саратовской области на Волге, родители были сельскими учителями. Когда началась война, два лета работал на комбайне, заменяя ушедших в армию взрослых. Очень любил математику и даже имел в школе прозвище «Профессор». Зимой 1941 года в село приехал с лекцией декан мехмата эвакуированного в Саратов Ленинградского университета. Познакомившись с Гурием, он посоветовал юноше поступать именно в этот университет.

Так Гурий и сделал, добравшись до Саратова летом 1942 года по Волге на пароходе, под немецкими бомбежками. Оказавшись в городе, жадно впитывал и знания, и неведомую раньше культуру. До сих пор он с улыбкой вспоминает, как, попав в театр оперы и балета на «Спящую красавицу», после первого акта спросил соседок по ложе, почему артисты не поют…

В 17 лет его, первокурсника, призвали в армию; он окончил школу артиллерийской разведки и был оставлен там же преподавателем. В свободное время занимался и вскоре сдал экстерном экзамены за первый курс. И после демобилизации осенью 1945 года старший сержант Марчук был зачислен на второй курс университета — уже в Ленинграде. И началось студенческое, а потом аспирантское житье-бытье, в котором его пути впервые (а иногда и на всю жизнь) чудесным образом пересекались и переплетались с путями и корифеев науки, и будущих коллег по Сибирскому отделению.

Разве не чудо, что внимательного студента заприметил на своих лекциях академик Владимир Иванович Смирнов, автор классического пятитомного курса по высшей математике для вузов, по которому учились студенты многих стран мира, и пригласил к себе домой — на чай и беседу. *Марчук очень живой человек, около него всегда закипает какое-нибудь общественное или научное дело,* — так позже отзывался о нем В.И. Смирнов.

При подготовке диплома Марчуку пришлось близко познакомиться с решением задач, сформулированных академиками В.И. Смирновым и С.Л. Соболевым (тем самым, что стал через восемь лет одним из основателей Сибирского отделения!) на базе функционально-инвариантных решений. (Прошу прощения у читателей за сложную терминологию, но она понадобится при дальнейшем рассказе).

На защите диплома присутствовал и поздравил Гурия Марчука с хорошей работой тогдашний ректор университета, член-корреспондент АН СССР Александр Данилович Александров — будущий академик, основатель научной школы по геометрии в Институте математики Сибирского отделения. А когда юного аспиранта «закрепили», как полагалось, за одной из групп студентов второго курса, то среди подшефных Марчука оказались будущие академики Е.И. Шемякин, А.С. Алексеев и член-корреспондент В.И. Дулов — его коллеги по Сибирскому отделению.

Аспирант Марчук с головой окунулся в науку. Как он вспоминает, *пребывание в аспирантуре в кругу именитых людей приносило радость ежедневного познания. Мне всегда не хватало одних лекционных курсов, и я аккуратно один раз в неделю посещал книжные магазины — отделы математики, механики, физики — и к каждому курсу добавлял две-три книги, извлекая из них либо новые для себя сведения, либо новые точки зрения на ту или иную проблему. Эти походы были как бы естественным продолжением моих встреч с книгами нашей сельской библиотеки. Но, пожалуй, главным было то, что я научился работать с книгой — без этого важнейшего навыка ни один научный работник не может обойтись.*

И тут вмешался случай.

Неожиданно в Ленинград приехала представительная комиссия из Академии наук СССР. Знакомясь с аспирантами университета, члены комиссии предлагали им перевестись в любой академический институт Москвы, поскольку во время войны многие научные работники Академии не вернулись с фронта. Марчук противился, но не устоял и был переведен в Геофизический институт Академии наук. Академик В.И. Смирнов дал ему рекомендательное письмо, чтобы его питомец мог продолжить свои математические занятия, но Гурий им не воспользовался. Хотя его диссертация, начатая в ЛГУ, была почти готова, он решил, что если смог написать одну диссертацию, то напишет и другую — и почему бы не испытать себя?

Забегая вперед, приведу размышления уже умудренного опытом Г.И. Марчука, которые он адресует молодежи: *Специалист XXI столетия представляется мне широко образованным не в одной области науки, а по крайней мере в двух-трех: законы развития научно-технической революции обязательно предъявят такой счет.*

Употребляя термин «широкий», имею в виду, конечно, основательность, серьезность знаний. И четко вижу путь формирования такого специалиста. После окончания вуза (возьмем для примера университет) главная задача выпускника — войти серьезно в ту сферу первой самостоятельной работы, которая будет ему поручена. Вероятнее всего, это будет узкая научная проблема. Исследуя ее, молодой специалист фактически нарабатывает, умножает собственное творческое умение, навыки. На это уходит три-пять лет. За этот срок молодой специалист становится — не может не стать! — профессором в своей узкой области.

После этого ему необходимо переключиться на смежную область науки, может быть, далекую от той узкой проблемы, в которой он специализировался, войти в новую сферу знаний, т.е. овладеть новыми фактами, фундаментальными идеями. Однако на это понадобится уже меньше времени — один-три года, потому что методы, процесс познания оказываются теми же самыми: отработанная сразу после университета или института система творчества сработает и здесь. Именно это и даст возможность быстро войти в новую область науки. На овладение третьей понадобится еще меньше времени, но глубина научного поиска будет той же самой.

Теперь специалист оказывается способным охватить более широкую сферу науки или техники. Он распознает тенденции дальнейшего развития науки на стыках смежных областей. А открытия на стыках, как правило, более важны. Так, в конце концов, и рождается крупный ученый, руководитель, способный обозревать и глубоко разрабатывать основные направления научно-технического прогресса, уверенно руководить сотрудниками.

Научная биография самого Марчука развивалась точно по такому сценарию, или, выражаясь математическим языком, алгоритму.

В Геофизическом институте его новой специальностью должна была стать физика атмосферы. Руководитель — член-корреспондент РАН И.А. Кибель — предоставил аспиранту возможность самому сформулировать тему диссертации.

Задача была каверзной и аналитически не решалась. Но здесь я вспомнил теорию Смирнова-Соболева о функционально-инвариантных решениях. Применил уже известную мне технику и получил аналитическое решение, исследованием которого занялся вплотную. Через три месяца диссертация была в основном готова.

Марчук окончил аспирантуру и защитился в 1952 году. Научный руководитель предложил ему остаться работать в Геофизическом институте. Но вот беда — надо было выселяться из аспирантского общежития, а куда? И тут впервые пересеклись дороги Марчука и Лаврентьева — именно к нему, тогда академику-секретарю физико-математического отделения Академии наук, и к вице-президенту АН О.Ю. Шмидту обратились руководители Института с просьбой помочь способному молодому человеку. Марчук получил комнату в Москве.

Но тут опять вмешалась судьба — не прошло и года, как его высоким постановлением переводят в «Лабораторию В» под Москвой (ныне — наукоград Обнинск) — для разработки термоядерного оружия нужны были новые силы. Через два года эти работы сосредоточились в другом месте — на объекте «Арзамас-16», ныне Саров (куда, к слову, был привлечен на несколько лет и академик М.А. Лаврентьев), а Физико-энергетический институт Госкомитета по использованию атомной энергии (который вырос из «Лаборатории В») в Обнинске приступил к новой проблеме — расчету ядерных реакторов для атомных электростанций и подводных лодок.

Поначалу было трудно, поскольку все знания, которые я получил на математико-механическом факультете и в Геофизическом институте, фактически мне мало пригодились, но творчество, постановки задач, методы исследования все-таки были отработаны на хорошем уровне. Что касается ядерной физики — моей новой специализации, то начал я с интервью, взятого у своей жены, которая училась на радиохимической кафедре химфака Ленинградского университета, знала достаточно много, чтобы изложить мне основы моей новой науки и порекомендовать литературу. Я окунулся в эту новую для меня область. Прочитал десятки книг, статей и начал кое-что понимать. Постепенно молодые математики «Лаборатории В» изучили новый предмет весьма обстоятельно и даже осмеливались спорить с физиками, которые были их «заказчиками».

Началась разработка виртуозных вычислительных методов для расчета ядерных реакторов, на эту тему была и докторская диссертация Марчука, и его первые монографии, сразу же переведенные за рубежом.

Активность молодого доктора наук отразилась в бытовавшей в ФЭИ шутке: *До Марчука математики были рабами физиков, а при Марчуке физики стали рабами математиков*. Был случай, когда Марчук, выступая оппонентом при защите докторской диссертации своего коллеги, сделал ряд замечаний, тогда как два другие оппонента замечаний не имели (а ими были, ни много ни мало, академики И.Н. Векуа и М.А. Лаврентьев, оба уже работавшие в Сибири), и научная «въедливость» Марчука, наверное, им запомнилась…

И снова судьба его сделала резкий поворот.

В 1962 году Физико-энергетический институт в Обнинске посетили Сергей Львович Соболев и Михаил Алексеевич Лаврентьев и сделали Марчуку предложение переехать в Сибирь. *Я принял его — так начался, пожалуй, самый главный период моей научной жизни,* — напишет он потом.

Обратимся теперь к воспоминаниям Михаила Алексеевича Лаврентьева.

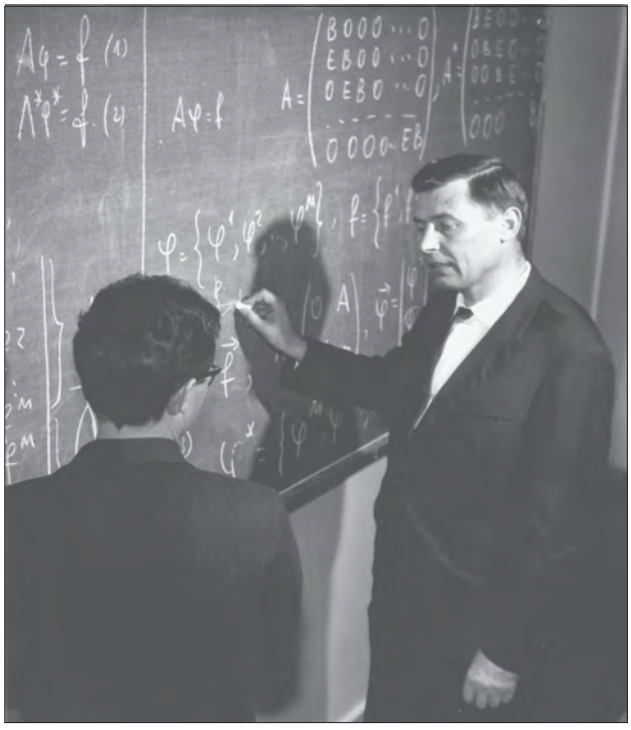
В Сибирском отделении мы с самого начала придавали большое значение развитию вычислительной математики и техники. Важно было найти человека, который мог бы возглавить это дело. С.Л. Соболев рассказал мне вкратце о Марчуке, ученике известного ученого Кибеля. В 1961 году за создание численных методов расчета ядерных реакторов и участие в создании первой советской атомной электростанции Г.И. Марчук был отмечен Ленинской премией. По многим данным, он был серьезным ученым и с большим потенциалом на будущее. Мы с Соболевым поехали в Обнинск, поговорили с Марчуком и получили его согласие на переход в Сибирское отделение, где он организовал и возглавил Вычислительный центр. Это предложение оказалось чрезвычайно удачным. Г.И. Марчук создал сильную научную школу и один из лучших институтов в области вычислительной математики и техники не только во всесоюзном, но и в международном масштабе. Сразу обратили на себя внимание его организаторские способности, и когда мне было поручено сформировать Совет по науке при Совете Министров СССР, Г.И. Марчук стал его ученым секретарем. Позже я рекомендовал его в заместители председателя Отделения и таким образом постепенно подготовил себе смену. Время показало, что я не ошибся в выборе.

Первым делом, где понадобились и блестяще реализовались организаторские способности Марчука в Сибирском отделении, была компьютеризация научно-исследовательских организаций СО АН. В 1963 году на первом этаже только что построенного Института геологии и геофизики (у ВЦ своего здания еще не было) заработала первая в Академгородке ЭВМ — мощная (по тем временам) М-20. Как вспоминает Гурий Иванович, *именно эта первая ЭВМ заставила нас совершить поистине маленькую научно-техническую революцию в умах многих ученых Сибирского отделения. Именно она показала целесообразность применения математического моделирования во всех сферах науки и новой техники.*

Но кроме идеологов, «полководцев» постановки вычислительных задач нужна была еще и армия, армия программистов для работы на ЭВМ. Для развития работ было два пути: либо принимать от всех институтов заказы на решение задач, либо научить сотрудников всех институтов работе с ЭВМ и искусству программирования. ВЦ пошел по второму пути, который, как показала жизнь, был единственно правильным.

Началась широкая подготовка программистов — сначала специалисты ВЦ вели семинары для сотрудников других институтов Академгородка, потом, при поддержке властей города, и для специалистов промышленных предприятий. Именно сотрудники ВЦ во главе в академиком А.П. Ершовым (о нем в этой книге — отдельный рассказ) начали обучать обращению с ЭВМ школьников и студентов. Марчук с энтузиазмом вел, по выражению В.А. Коптюга, «наступательную пропаганду использования ЭВМ во всех областях науки, в учебном процессе». Сейчас, когда наступила компьютерная эра, эти времена уже кажутся давней стариной, но живущие в этой эре должны знать тех, кто ее для них готовил…

Вычислительный центр быстро рос, увеличивался парк вычислительных машин. Западный мир, как известно, развивал эту технику быстрее, ЭВМ там были много мощнее. Математики ВЦ для сокращения этого разрыва создавали более «хитроумные» вычислительные модели, и до сих пор алгоритмы сибиряков ценятся во всем мире.



Поскольку главный инструмент математического моделирования — сами ЭВМ, то под руководством Г.И. Марчука в ВЦ не просто была сконцентрирована мощная вычислительная техника, но создан центр коллективного пользования ею. Благодаря этому пользователи из других институтов Сибирского отделения получили доступ к ЭВМ Вычислительного центра.

Марчук-организатор вовсе не подавил Марчука-ученого. В течение долгих трудовых лет

он придерживался жесткого распорядка дня: до обеда работал дома, а после обеда встречался с сотрудниками, участвовал в семинарах, занимался делами института. Конечно, половины дня на это не хватало, приходилось задерживаться до позднего вечера… Этому правилу он не изменял даже тогда, когда стал академиком и председателем Сибирского отделения. Оставался ученым и когда занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР, и когда был президентом Академии наук СССР (с января 1986 до декабря 1991 года). Правда, на этих постах ему было труднее выдерживать привычный стиль жизни, и он стал заниматься наукой по субботам в своем отделе вычислительной математики (позже выросшем до института). Итог поражает — при такой «публичной» жизни он успел написать 26 научных книг, которые почти сразу же переводились зарубежными издательствами на иностранные языки.

Об организованности и четкости Марчука ходили легенды. Если становилось ясно, что он несколько опаздывает на назначенную встречу, он обязательно старался предупредить об этом. Рассказывают, что на семинарах Гурий Иванович любил объявлять перерыв не на примелькавшиеся пять или десять минут, а, скажем, на четыре или на шесть — чтобы сильнее ощущалось чувство времени.

Когда Марчук начал работать в новосибирском Академгородке, его после атомных проблем снова потянуло к задачам прогноза погоды. Тем более, что были еще сильны и впечатления юности. (*Во время Великой Отечественной войны я по долгу службы занимался подготовкой кадров для метеорологического обеспечения артиллерии резерва Главного командования. Шары-пилоты, радиозонды, передвижные метеорологические станции накрепко засели в моей памяти и побуждали к размышлениям о жизни атмосферы*).

Но теперь интерес к этим проблемам развивался уже совсем на другом уровне — в Вычислительном центре он начал работать над созданием математических моделей общей циркуляции атмосферы. На следующих этапах появилась и была реализована идея включения в расчеты процессов, происходящих в Мировом океане с его огромными запасами энергии… Теперь уже Марчук и его ученики и коллеги занимаются глобальными изменениями климатических характеристик при взаимодействии атмосферы и океана.

Над предсказателями погоды всегда подшучивают. У Гурия Ивановича хранится подарок, сделанный ему сотрудниками Вычислительного центра как иллюстрация к его вышедшей в начале 60-х годов книге «Численные методы в прогнозе погоды». Это искусно вырезанный из дерева человеческий кулак, на ногте большого пальца лежит нечто вроде монеты, где на одной стороне написано «Дождь», на другой — «В□дро». Если нажать кнопку, палец дергается и подбрасывает монету. Как она упадет, то и будет…

Математическими моделями экологического состояния планеты Марчук занялся, можно сказать, по воле случая. Отдыхая с женой в Карловых Варах где-то в конце 60-х, он получил приглашение на симпозиум, который открывался через неделю неподалеку, в Рудных горах Чехии, и был посвящен вопросу — как прогнозировать и оценивать вредоносное загрязнение атмосферы

этого региона действующими там тепловыми станциями, работающими на сернистых углях (иногда даже приходилось на опасный период выселять жителей в другую местность…)

Ехать без доклада или с докладом на далекую тему было просто невозможно. Марчук вспоминает: *Последнюю неделю своего пребывания в санатории я посвятил формированию региональной модели распространения загрязнений в сложных метеорологических условиях и при неровном гористом рельефе. Три дня ходил по стежкам-дорожкам и обдумывал проблему. На четвертый день, а точнее ночь, я понял, что путь к решению проблемы экологической безопасности в районе Рудных гор лежит через так называемые сопряженные уравнения, которые были сформулированы мною для задач ядерной энергетики. Нужно было применить этот метод к совершенно новой области знания. Забыв про отдых, про лечебные воды, которые принимал уже почти автоматически, я построил теорию оптимального размещения промышленных предприятий, выбрасывающих загрязнения, так, чтобы их вредное воздействие на города, поселки, зоны отдыха, леса и поля было бы минимальным.*

Доклад на симпозиуме состоялся. А через два года эта теория была доложена на международном математическом конгрессе в Ницце, и ученый мир признал еще одно направление в математическом моделировании. Получилось, что эти исследования Марчука намного опередили время — состояние окружающей среды стало серьезно беспокоить население планеты лишь десять-двадцать лет спустя. И с тех пор он не расстается с этой проблемой, занимаясь ею вместе с коллегами — сначала в Новосибирске, а затем в Москве.

Уж совсем неожиданно для себя, как он сам признавался, Марчук увлекся задачами из области медицины. Если физики и химики, изучая то или иное явление, могут ставить многочисленные опыты, то врач лишен такой возможности — не станет же он экспериментировать на больных. Можно, конечно, ставить опыты на животных — но ведь и здесь нельзя «заказать» ход болезни…

А «машинные» эксперименты позволяют просчитать десятки, сотни ситуаций, меняя при этом и дозы заражения, и темпы развития вирусов, и исходное состояние иммунной системы организма. Математические модели позволили найти механизм, помогающий организму выйти из хронической болезни. Оказалось, что весьма эффективным методом лечения является искусственно вызванное обострение болезни, то есть перевод ее в острую форму, что вызывает всплеск активности иммунной системы. (Как говорится — клин клином вышибают?).

Г.И. Марчук рассказывал: *В моем распоряжении был мой собственный организм с его хронической пневмонией…Я лечился тогда в одной крупной московской клинической больнице… Даже читал врачам лекции по результатам, которые мы получили, исследуя иммунологические модели на ЭВМ. (Конечно, в больнице не оказалось доски, пришлось рисовать схемы и писать формулы фломастером на листах ватмана.) В конце концов, я убедил врачей применить ко мне «метод обострения». И… выздоровел.*

Интересный вывод, полученный непосредственно из численных экспериментов на модели иммунного процесса: искусственное понижение температуры (путем непродуманного приема лекарств) способствует возникновению затяжных или хронических форм заболевания. Температурная реакция — важнейший механизм самозащиты организма, поскольку повышает активность иммунной системы. Отсюда и лечебный эффект всякого рода процедур, связанных с прогреванием организма или его частей (это и классические компрессы, горчичники, банки, и прогревание токами УВЧ, и, наконец, баня — известное с древних времен средство исцеления).

Напрашивался вопрос — не лежит ли усиление иммунных возможностей организма в основе средств тибетской медицины, во многом до сих пор загадочной? Ведь тибетские врачеватели рекомендуют почти одни и те же порошки (наборы лекарственных трав, минералов, вытяжек из желез животных) от всех болезней. Не значит ли это, что лечится не сама болезнь, а иммунная система, а порошки эти — найденные в тысячелетних экспериментах биостимуляторы? Марчук даже организовал небольшую группу физиков для работы с Галданом Ленхобоевым — чудом уцелевшим от гонений учеником тибетских монахов, знатоком древних тайн восточной медицины. Тем самым он взял на себя большую ответственность — в те годы подобные исследования, мягко говоря, не поощрялись…

Главные книги Марчука-ученого посвящены все же фундаментальным методам решения математических задач. Решая прикладные задачи (о них и шла речь выше), он не только использует все лучшие модели и алгоритмы, но и создает новые, пригодные, в свою очередь, и для других классов задач.

Начав с работы по ядерным проектам, он перешел затем к проблемам экологии, глобальным проблемам климата и, наконец, математическим проблемам иммунологии. По этим направлениям, дающим ключ к пониманию взаимодействия человека с природой, он продолжает работать с учениками и коллегами.

Сколько у Марчука учеников — наверное, он и сам не назвал бы точную цифру. Ясно только, что это — целые созвездия в каждой из областей науки, которой он занимался и продолжает заниматься; наибольшие их «скопления» — в Обнинске, Москве, Новосибирске, Красноярске, Средней Азии. Имена учеников густо заселяют книги Марчука. Гурий Иванович пишет о них с большой теплотой, не жалея добрых слов и высоких оценок — и понимаешь, что с таким руководителем и молодые, и зрелые люди работают увлеченно, с подъемом, а значит — и продуктивно.

Гурий Иванович Марчук был в руководстве СО АН около десяти лет — с 1969 по 1980 годы: первое пятилетие как заместитель председателя, а с 1975 года — как председатель Сибирского отделения. В 1986 году, после работы на посту заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Госкомитета СССР по науке и технике, он был выдвинут Общим собранием Академии наук СССР на пост ее президента. Академик В.А. Коптюг тогда в своем

выступлении охарактеризовал его как крупного организатора науки, сформировавшегося в этом качестве в значительной степени за годы работы в Сибирском отделении АН СССР.

Прежде всего, Марчуку удалось сделать очень многое для реализации идей основателя Сибирского отделения академика Лаврентьева о формировании и укреплении на огромной территории Сибири сети филиалов, превратившихся со временем в полноценные научные центры.

В 60-х годах при становлении Сибирского отделения в Новосибирск из столичных городов переехало множество уже зрелых ученых. Став в 1975 году председателем Сибирского отделения, Гурий Иванович призвал сотрудников новосибирского Академгородка — вчерашнюю молодежь, уже занявшую прочные позиции в науке, — ехать в другие научные центры Сибири, создавать там свои лаборатории и отделы. Конечно, эта акция не являлась такой массовой, она скорее была «точечной, но прицельной». Появились выносные лаборатории и отделы новосибирских институтов — полпреды академической науки — за сотни и более километров от Академгородка. Позже вокруг них, как вокруг центров кристаллизации, выросли и новые институты, и даже научные центры — такие, как Омский и Кемеровский.

Вычислительный центр в Красноярске, можно сказать, родной сын Новосибирского. Его директором-организатором одно время был сам Гурий Иванович, а первым директором — член-корреспондент В.Г. Дулов (помните, «подшефный» Марчука в ЛГУ), потом этот центр возглавлял Ю.И. Шокин (ныне академик), а сейчас — тоже питомец новосибирского Академгородка член-корреспондент РАН В.В. Шайдуров.

Настоящий ученый не может заниматься в стенах своей лаборатории без ущерба для творчества. Он обогащается идеями, плодотворнее ведет исследования, если регулярно посещает крупные стройки, предприятия, колхозы и совхозы, завязывает личные контакты с практиками.

Так считал Лаврентьев. И в первые же годы работы Сибирского отделения, когда еще шло строительство, так и было — и он сам, и его коллеги, и ученики много ездили — в Норильск, Якутию, на заводы Омска и Кемерова, на шахты и рудники Кузбасса. (Кстати, в одной из наиболее дальних поездок — в Магаданскую область и на Чукотку — участвовал и Марчук). И конечно, первыми партнерами ученых стали крупные заводы Новосибирска, а первым наладил с ними связи лаврентьевский Институт гидродинамики.

Но постепенно, как рассказывал в одном из своих интервью Марчук, *мы увидели, что бессистемный подход к материализации достижений науки приводит к распылению наших ресурсов, к снижению эффективности науки. Какова главная цель внедрения? Реализовать научную идею на всех предприятиях отрасли. У нас же иногда получалось так: сделали хорошую крупную разработку на одном предприятии, а 99 других заводов этой же отрасли как работали на старой технологии, так и продолжали работать. Можно ли считать в таком случае деятельность ученых достаточно эффективной? Я думаю, что нет. Понимание этой простой, казалось бы, истины, что единичные работы —*

не путь влияния большой науки на большое производство, привело нас естественным образом к той стратегии, которая вошла в жизнь Сибирского отделения уже достаточно глубоко: нужно создавать такую систему контактов, которая обеспечит внедрение новой идеи в целую отрасль.

Лаврентьев вспоминал об этом так:

Примерно к концу девятой пятилетки в Сибирском отделении при энергичном участии Г.И. Марчука (тогда — заместителя председателя Отделения) сформировался принцип «выхода на отрасль». Он состоит в том, что внедрение научных разработок наиболее целесообразно вести на крупных, головных предприятиях, которые осваивают новшество, а затем при поддержке министерства распространяют его на всю отрасль. За этой лаконичной формулировкой стояла на самом деле огромная работа. Первый ее этап — передача научной разработки на предприятие и ее освоение совместными силами ученых и производственников.

Формы работы тут были самыми разнообразными: стажировка заводских специалистов в лабораториях академических институтов, лекции специалистов Академии для руководителей и рабочих, создание «комплексных бригад» ученых и производственников, участие самых энергичных и способных заводских конструкторов в разработке нового изделия еще на стадии научных исследований, прием в заводские конструкторские бюро выпускников НГУ, уже знакомых с нужными областями науки и техники. На одном из совещаний по сотрудничеству с заводом «Сибсельмаш» Марчук говорил: *Процесс внедрения, материализации научных идей — это процесс не только научно-технологический, но и социальный. Мы придаем огромное значение не только тому, что мы*

Г.И. Марчук с директором завода им. Чкалова Г.А. Ванагом

внедрили в производство, а и тому, сколько мы подготовили из состава завода людей, способных творчески воспринимать новые научные идеи.

Научных учреждений немного, предприятий — много. Мы надеемся, что специалисты завода творчески воспримут те идеи, которые мы вместе сформулируем и осуществим, а затем они сами помогут внедрить эти идеи, эти технологические процессы на многих предприятиях страны.

Не последнюю роль в установлении прочных связей с инженерами и руководителями заводов (да и министров тоже) играли исключительная коммуникабельность, тактичность и дружелюбие Гурия Ивановича. Недаром еще в годы жизни в Обнинске среди его коллег была в ходу так называемая «единица вежливости — один Гурий».

Совместный труд окупался сторицей. Только два примера. Чрезвычайно трудоемким было изготовление характерных для авиационного производства сложных деталей, выходящих на аэродинамические обводы самолета, — их делали вручную высококвалифицированные слесари-модельщики и слесари-лекальщики. В Институте математики, совместно со специалистами Новосибирского авиационного завода им. В.П. Чкалова и отраслевых НИИ, сумели, применяя современные математические методы описания сложных поверхностей, составить типовые программы для расчетов на ЭВМ и обработки сложных деталей самолета на многокоординатных станках с числовым программным управлением. Это было осуществлено впервые в стране и получило затем распространение на многих авиационных заводах.

Классическим примером выхода крупной научно-технической разработки на отрасль стало стремительное — практически за один год — признание и широкое распространение новой технологии подземной добычи железной руды. Реализация двух идей (равномерное дробление руды с помощью точно рассчитанных взрывов, и использование вибрации для ее бесперебойной выгрузки) увеличили производительность труда на рудниках вдвое, резко упал травматизм. Соавторы этой работы — Институт горного дела и Кузнецкий металлургический комбинат.

В результате реформ, отменивших плановую экономику и министерства, система «выхода на отрасль» перестала действовать. Но остался созданный за полтора-два десятилетия ценный задел — понимание тенденций развития промышленности, умение работать с руководителями предприятий и инженерным составом, осознание важности «встречного движения» ученых и практиков.

При Марчуке члены Президиума взяли за правило регулярно посещать научные центры вне Новосибирска, лично знакомились с работой институтов, жизнью сибирских регионов. Регулярными стали выездные заседания Президиума Отделения. После каждого такого обстоятельного знакомства и последующих обсуждений выявлялись (или более выпукло обрисовывались) присущие каждому региону проблемы и возможные методы их решения. Становилось ясно, на чем может и должна в первую очередь сосредоточить внима-

ние наука, где целесообразно объединить усилия академических, отраслевых и вузовских коллективов.

Так постепенно созревала идея единой комплексной программы, направленной на эффективное освоение природных ресурсов и крупномасштабное развитие производительных сил Сибири.

Вот как рассказывал о рождении программы «Сибирь» сам Марчук:

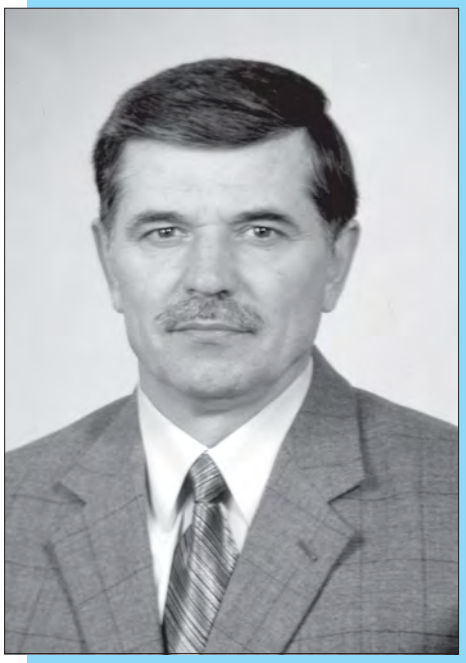
Программа зародилась в воздухе, точнее в самолете, на котором члены Президиума СО АН возвращались из Красноярска со своей выездной сессии. До этого мы побывали почти во всех научных центрах: Якутске, Иркутске, Улан-Удэ, Томске — и всюду приняли программы работ по освоению ресурсов этих регионов Сибири. Как-то сам собой в самолете начался разговор, который подводил итог огромной работы по планированию перспектив развития Сибири. Я говорил о том, что, по существу, мы создали долгосрочную программу развития производительных сил Сибири, и ее нужно утвердить как единую и важнейшую для нас в смысле прикладной науки. Ведь в значительной степени для этого и создавалось Сибирское отделение.

Здесь же родилось и короткое название «Сибирь». Так возникла теперь уже знаменитая программа, объединяющая все научные центры Сибирского отделения и народное хозяйство этого огромного региона общими целями и идеями.

С тех пор прошло 25 лет. Программа «Сибирь» продолжает жить — теперь уже в статусе региональной научно-технической. По ее примеру были созданы программы и для других регионов: «Урал», «Дальний Восток». Многое переменилось, исчезло понятие «народное хозяйство», но не иссякла потребность в научных данных, позволяющих делать обоснованные прогнозы, проводить экспертизы, давать рекомендации по тем или иным направлениям социально-экономического развития регионов. Разработанная учеными, представителями регионов и в целом Сибирского федерального округа «Стратегия экономического развития Сибири» в 2002 году была утверждена правительством. И, конечно же, один из краеугольных камней, на котором построена эта стратегия, — многолетние исследования по программе «Сибирь».

В 2000 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения основателя Сибирского отделения Академии наук М.А. Лаврентьева, научной общественностью Сибири при поддержке администраций регионов, ассоциации «Сибирское соглашение» и крупных производственных фирм был создан Фонд имени Лаврентьева. Первое присуждение премий Фонда состоялось в 2001 году. Премия имени Лаврентьева в номинации «За выдающиеся результаты, имеющие первостепенное значение для развития науки и образования и внесшие значительный вклад в экономическое, социальное и культурное развитие регионов Сибири и Дальнего Востока» присуждена Гурию Ивановичу Марчуку.

Наталья ПРИТВИЦ



Команда начинает и выигрывает

Всем играм Масалов предпочитает волейбол. Высокий — метр восемьдесят с лишком, подтянутый, всегда словно сжатая пружина, — директор «Сиблитмаша» представляется мне «третьим» номером. Или в нападении.

— Точно, у сетки! — подхватывает он.— Волейбол — это что? Стратегия, натиск! И хитрость. Сильно разыграли, противник ждет удара на заднюю линию, а ты так аккуратно мяч ему у сеточки кладешь. Или бьешь, куда он не ждет. Любого, кто начинает играть, сначала учат падать. Но поднимать мяч! Это железное правило. Держи свой участок, но страхуй другого. Тут команда нужна. Часа три попрыгаешь — футболку хоть выжимай. Зато голова ясная, можно снова за работу.

Три раза в неделю волейбол для сиблитмашевских начальников цехов и специалистов чуть ли не обязаловка. Команда должна быть в форме. Когда не было своего спортивного зала, арендовали в соседнем техникуме, в школах, даже в 34-ой больнице. Пока однажды не дошло, что свой-то под боком — огромный конференц-зал, который за год открывали лишь дважды: на заводское профсоюзное собрание и собрание акционеров. Хозяева модных магазинов и мебельных салонов по этому поводу к генеральному не единожды подбивали клинья. Еще бы! Чуть не четыреста пустующих квадратов. И где — на бойком пятачке площади Сибиряков-Гвардейцев. «Вам что? Деньги не нужны? — обхаживал Масалова очередной проситель. — Ой, как нужны». — Так все же сейчас в аренду сдают!» — «Вот все пускай и сдают. А у нас табличка на входе — «Сиблитмаш». «Сиблитмаш» и будет».

Спортивный зал открывали седьмого марта, в канун праздника, посвященного женщинам. Музыка, поздравления, подарки, танцы до упада — в залето хоть в футбол играй. А на следующей неделе уже началось заводское первенство по волейболу. — *Сейчас есть для кого стараться,* — говорит Анатолий Карпович. — *Понемногу, но на завод начала приходить молодежь. Значит, живем.*

Девяностые годы для всей промышленности были временем выживания. У «Сиблитмаша» дыхание стало сбиваться еще раньше. Проблемы начались с 1986-го, сразу после ухода на пенсию генерального директора Павла Борисовича Макарьева. Властный, отлично знающий производство, запросто открывающий все нужные кабинеты в Москве и Новосибирске, своей жесткой рукой он держал завод почти двадцать лет. При нем «Сиблитмаш» стал одним из крупнейших предприятий литейного машиностроения СССР. Завод специализировался на крупных литейных машинах, делал сложнейшие автоматические линии для литейных цехов, уникальные автоматизированные комплексы литья под давлением, активно работал на экспорт. Объемы годовой реализации продукции на предприятии исчислялись десятками миллионов долларов. Но когда за Макарьевым закрылись двери, оказалось, что замены ему на заводе нет. Наколовшись на выборах — было такое поветрие времен перестройки, директоров снова стали назначать. За пять лет на «Сиблитмаше» их сменилось три. Завод, сначала еще тянувший на инерции макарьевских порядков, постепенно начинал сдавать позиции. Почувствовав отсутствие хозяина, предприятие стали «доить» все кому не лень, особенно когда было дано «добро» кооператорам. Свои кооперативы были чуть ли не у всех начальников цехов и главных специалистов. Масалов, тогда секретарь парткома, ругался насмерть: растащат завод!

— Вот и бери, директорствуй, — раз за разом все настойчивей подступал к нему секретарь обкома партии Маслов, почти однофамилец.

— Да, вы что, Анатолий Васильевич. Такую махину! Ее же знать надо…

— Это ты-то не знаешь? Фрезеровщиком работал. Станкостроительный техникум закончил, лямку технолога, начальника техбюро потянул, то есть производство знаешь. В экономике разбираешься — экономический в нархо-

зе окончил. Комсоргом, председателем профкома работал — проблемы коллектива знаешь. И тебя на заводе все знают — притираться не придется, не «варяг». Или будешь ждать, пока завод окончательно угробят?

— Дайте хоть начальником производства поработать, — упирался Анатолий Карпович. Хотя знал, что выбора не было.

Приказ о назначении Масалова генеральным директором «Сиблитмаша» заводоуправление встретило пустыми кабинетами. Все, с кем Масалов постоянно конфликтовал из-за разворовывания завода кооператорами, заранее подали заявления на увольнение. Пусто. Ни начальника финансового отдела, ни планово-экономического, ни главного бухгалтера, ни зама генерального по снабжению и комплектации. В Сбербанке на счету завода «баранка», на заводских складах ничего кроме мышей. Чем работать? Одного только металла на месяц заводу требовалось около трех тысяч тонн. Единственная «ценность», которую удалось обнаружить инвентаризационной комиссии, — был вагон памперсов, который не успел вывезти, отступая в спешном порядке, кто-то из кооперативщиков. Ладно, памперсы сгодятся станки мыть. Только что делать на тех станках? Ни запасов металла, ни необходимых комплектующих, ни денег, ни заказов. Ни надежды на всемогущее министерство и Госплан: система нарядов и централизованное обеспечение в 90-м уже «приказали долго жить».

Составляя список участников внеочередного совещания, Масалов подолгу задумывался над каждой фамилией: нужны были проверенные люди, готовые не просто работать, а бороться за завод. Вечером вокруг директорского стола собрались те, кого сюда вместе, пожалуй, никогда не приглашали. Конструктор СКБ и старший мастер из механического, председатель совета трудового коллектива, инженеры, специалисты. Большинству, как и Масалову, тридцать с небольшим.

— Ну что, мужики, будем делать? — поднялся директор.

Объяснять подробности было не нужно. То, что завод «доедает» последнюю пайку металла и комплектующих, знали все. Что делать дальше — не знал никто. Помощи ждать неоткуда, предприятиям, нуждающимся в литейных машинах и чугунном литье, рассчитываться тоже нечем. Головы ломали до позднего вечера. В конце концов сошлись на одном: срочно ехать по стране в поисках заказов. Менять производимое заводом оборудование на металл и другие нужные заводу материалы. От идеи крепко тянуло авантюрой.

— Представляете, приезжаю я на завод и говорю: мы умеем делать классные литейные машины. Правда, сейчас нет ни одной. Дайте только железо, а оборудование придет следом. Через месяц-другой. Кто же мне поверит? — выступил кто-то из скептиков.

— Поэтому сидеть тебе дома. Надо посылать тех, кому поверят, — поставил точку директор.

Карту страны делили, как перед сражением. Каждая из пяти групп должна была объехать целый регион — Украину, Урал, Восток… В каждой группе два-три человека — чтоб было кому и убеждать, и обаять.

— *Это была эпопея,* — загораясь, вспоминает Анатолий Карпович. — *Кто-то, как бомж, ночевал в аэропортах. Кто-то жаловался, что неделю не менял носок. У кого-то кончились деньги. Вернулись обросшие, грязные. Но вслед за ними на завод пошел металл. Иногда через несколько обменных операций. В Донецке, например, литейную машину наши сменяли на… паровоз. Потом его — на сварочную проволоку, проволоку — на лист и кругляк… Это мы одними из первых в стране начали бартер! В то время еще и слова такого не было. Железа, которого тогда натаскали, заводу хватило на три года!*

Считается, что особенно тяжело конверсия времен перестройки и десятилетие экономических реформ ударили по «оборонке». «Сиблитмаш» «почтовым ящиком» только числился, продукция его всегда была сугубо мирной. При этом до восьмидесяти процентов выпускаемого заводом литейного оборудования предназначалось именно для предприятий оборонного комплекса. Это была так называемая «именниковая» продукция, потому что шла по «именникам» Госплана СССР в адрес конкретных заводов. Срыв поставок по «именникам» мог стоить директору партбилета вместе с должностью. Но еще неизвестно, что сложнее — наладить трехсменку, заставить конструкторов работать безвылазно, подчиняя железному «надо», или обеспечить трехтысячный коллектив работой и, соответственно, зарплатой, когда нет ни заказов, ни денег.

Первыми почувствовали, что «Сиблитмаш» идет ко дну, в СКБ «Тяжлитмаш», которое обеспечивало завод проектами, но, являясь самостоятельной организацией, работало с заводом и его заказчиками по договорам. Во времена плановой экономики СКБ подчинялось тем же «именникам» Госплана и вечно страдало от перегрузки: «именниковые» перечни значительно превышали реальные возможности завода и СКБ. Теперь ситуация резко изменилась. Перегрузка, увы, исчезла, портфель заказов и СКБ, и завода опустел.

На очередной 1992 год завод не заключил с СКБ даже договора по конструкторскому обслуживанию производства. «Сиблитмаш», специализированный на крупном, а значит, очень дорогом литейном оборудовании, казался кое-кому в СКБ гирей, повязавшей конструкторское бюро по рукам и ногам. Горячие головы требовали сменить (и немедленно!) специализацию, чтобы не зависеть от завода и не идти ко дну с ним вместе, соблазняли остальных фейерверком перспектив, которые непременно откроются, как только СКБ оторвется от тонущего завода. Масалов, как мог, доказывал, уговаривал, упрашивал. Для него было абсолютно ясно: если завод потеряет СКБ, то ни СКБ, ни завода уже не будет.

Полгода ожесточенных споров и обсуждений завершились подписанием условий сотрудничества завода и конструкторского бюро, по которым завод обязался обеспечить СКБ работой и, в любом случае, заработной платой. Правда, какой она в те годы была! Каждый конструктор выбирал сам — остаться за кульманом, получая гроши, или рискнуть открыть собственное дело, пойти охранять автостоянку или «челночить». Очень многие хлопнули дверью. Тем же, кто остался, пришлось заниматься всем — разработкой автомата по отливке бутылок для стеклотарного завода, прессами для кирпича, оснаст-

кой для производства школьных парт, чертежами на канализационные люки и простейшие металлоконструкции по разовым заказам завода.

Пробовали делать запасные части к автомобилям, но Китай не дал поднять головы. Заполнившие рынок китайские автозапчасти оказались хоть и далеки от сиблитмашевских по качеству, но дешевле в разы. Пришлось отливать канализационные и телефонные люки, могильные оградки. Масаловские гонцы рыскали по городам и весям всей России. «Настоящих» заказов на производство литейного оборудования удавалось найти единицы. Да и за них с заводом расплачивались по бартеру. Два-три месяца задержки зарплаты стали нормой. В 1997-ом этот срок увеличился до пяти месяцев. Да и что это за деньги, если большинство заводских подразделений работали в неделю по три-четыре дня.

Молодежь, народ помобильней увольнялись. Количество работающих на заводе с трех тысяч сократилось до одной. У оставшихся гвоздем засела в голове мысль: «Сиблитмашу» — крышка. Именно тогда Масалов начал на заводе большой ремонт. Нужно было хоть чем- то занять людей, чтоб не могли допустить мысли, что завод встанет. Приводились в порядок давно не мытые станки, красились-белились стены, на заводской территории появилась бригада смуглолицых южан, обновлявших асфальтовое покрытие, — их наняли за выменянные на бартер автомобильные двигатели.

— *Анатолий Карпович, вопрос можно?* — остановили как-то Масалова рабочие из его родного механического. — *Вы станочек свой тоже продавать будете или на память оставите?*

— *Не понял.*

Было время обеда, то есть относительной тишины. Отставив принесенные из дома баночки с едой, к ним со всех сторон подходили люди.

— *Все говорят: директор завод «вылизывает», потому что готовится продавать.*

— *Да вы что, мужики! Вы же меня знаете, неужели поверили? Это кому же я собираюсь его продавать?* — Масалов уже начинал горячиться. — *А поликлинику, которую оборудуем, дом, который строим? Что, тоже, говорят, продавать готовлюсь? Так вот, запомните: ничего и никому мы продавать не собираемся. И не будем. Подождите, будут заказы, и будет нормальная работа. Вы же знаете, кое-что потихоньку делаем. Машины лить под давлением возобновили. Хотя мало, конечно. Для «Эрденета», в Монголию, будем делать небольшую линию и проведем модернизацию ремонтно-литейного участка. С формовкой, оснасткой, металломоделями. Как раньше сдавали — «под ключ». Наши на Заволжский моторный поехали. Должно склеиться. Будем на малые литейные машины переходить: большие сейчас никто не покупает — слишком дорогие. И столовую скоро откроем…*

— *Это на какие же шиши мы в столовую пойдем?*

— *А ни на какие. Бесплатно!*

Заводская столовая открылась в 1997-ом. Правда, бесплатная только для рабочих. Разносолов там не предполагалось, но с куском, принесенным из дома,

тоже не сравнить. Монгольский заказ для комбината «Эрденет» получили и успешно выполнили. Как и прежде, с отличным качеством. Не потерять лица, сохранить специализацию завода как предприятия литейного машиностроения — вот что ставилось во главу угла.

А вот с заказом для Заволжского моторного завода пришлось поволноваться. С этим предприятием у «Сиблитмаша» давние добрые связи — почти тридцать крупных и не очень сиблитмашевских машин успешно отработали здесь не один десяток лет. В рынок заволжане, как и все, входили очень непросто: резко упала потребность в основной продукции — моторах, износилось оборудование, и уже не было централизованных средств на его обновление — в общем, те же беды, что и у других машиностроителей. Чтобы дать работу литейному цеху, взяли несколько заказов на поставку крупных отливок в Германию. И вот тут-то убедились, что на старом оборудовании требуемого качества не получить — надо срочно покупать несколько новых машин литья под давлением.

Московские посредники и часть нового руководства Заволжского моторного «сватали» оборудование из Италии. Одну машину приобрели, с трудом накопив требуемые немалые средства. Если бы не напряги с валютой, контракт на покупку второй был бы уже подписан. Новосибирцы со своим предложением появились как раз в этот непростой для моторостроителей момент. Почти полгода пришлось убеждать руководство и специалистов заказчика принять более дешевый вариант решения проблемы: вместо приобретения нового оборудования осуществить ремонт и модернизацию одной из имеющихся у заволжан машин. Наконец, убедили, подписали договор и взялись за работу.

Для «Сиблитмаша» этот заказ был шансом, который нельзя упустить. Капитальный ремонт и модернизацию уникальной машины литья под давле-

нием надо было провести так, чтобы потом иметь надежду на новые заказы. Рабочие, конструкторы, инженеры сработали на совесть. На Заволжском были довольны. Там получили практически новую современную машину, причем за цену втрое ниже той, что заплатили за первую машину итальянцам. Это был настоящий успех, и он позволил новосибирским заводчанам снова поверить в себя, в свои возможности делать новую уникальную технику.

Следом пошли новые крупные работы и интересные заказы. «Сиблитмаш» выиграл тендер на комплексную поставку автоматической литейной линии в одну из ближневосточных стран — тоже новую для завода. Раньше такое оборудование выпускалось только в Швеции. К тому же это был первый комплексный заказ на поставку всего оборудования литейного участка «под ключ», и с ним завод успешно справился. Началось освоение узлов оборудования для эксплуатации нефтяных и газовых скважин. И здесь появились первые успехи — участие «Сиблитмаша» в этой работе отмечено дипломом выставки «Нефть и газ-2002» в Томске.

Заказы искали всюду, не упуская, естественно, Новосибирск. Горожане вряд ли знают, сколько в городе сделано руками сиблитмашевцев. Почти четверть учебных классов, школьных спортивных залов, буфетов оснащены сиблитмашевским оборудованием и мебелью. Красивые литые оградки газонов Красного проспекта и новые «вечные» трамвайные переезды — тоже отсюда. Огромные тюбинговые кольца метротоннелей, по которым электрички побегут на станцию «Березовая роща» и которые раньше возили аж из Санкт-Петербурга, теперь делают на «Сиблитмаше».

Есть и работа обычным горожанам не видимая. Когда ведут замену канализационных сетей под Красным проспектом или в других «парадных» местах города, пользуются пневмомолотами для бестраншейной прокладки и замены труб. Их завод изготавливает в сотрудничестве с Институтом горного дела и предприятием «Комбест». На московской выставке «подземные кроты» из Сибири произвели фурор. А.К. Масалов вместе с директором Института Горного дела М.В. Курленя и директором «Комбеста» В.А. Григорашенко были удостоены премии правительства России в области науки и техники. В Москве канализационные трубы сейчас меняют только с помощью новосибирских пневмомолотов. Высший класс они показали во время ремонтных работ на территории Кремля. Для Масалова это особенная гордость:

— Заменили почти пятнадцать километров канализационных труб, не вскрыв ни одного квадратного метра территории. Не порушив ни одного деревца, ни одного газона. Жаль, что на широкое использование этого метода в родном городе денег нет.

Завод постепенно поднимался, но проблемой оставалась литейка. Сколько раз ее белили-красили, чтоб хоть как-то занять людей, — Масалов уже не упомнит. Огромный корпус литейки на заводской территории стоял подобно саркофагу. Рассчитанный на мощность в 20 тысячи тонн литья в год, его из месяца в месяц едва удавалось загрузить только на 20-30 тонн. Канализацион-

ные и телефонные люки, фасонные оградки были просто насмешкой для такой махины. Масалов, каждый день отправлявшийся по цехам, в литейный уже не мог заходить.

Заказы для литейного стали задачей номер один для службы маркетинга, а для самого генерального — непреходящей головной болью. Поэтому, когда во время командировки чуть не случайно разговорился с директором московской структуры «Коксохиммонтаж», на вопрос «Не могли бы вы справить небольшую работенку для коксохимической батареи?», сразу ответил утвердительно: «Ну как же, конечно», еще не представляя толком, что это за «работенка». А требовалась она для Западно-Сибирского металлургического комбината.

Что там совпало, кто кому позвонил, — история умалчивает, но с Запсиба приехали вскоре. Вот тогда директору со специалистами-металлургами пришлось напрягать лбы. Детали — рамы и брони для коксовых печей — тянули на три-четыре тонны, размеры — до девяти метров. Особые требования предъявлялись к качеству литья. Если в печи температура достигает 1400 градусов, то на улице — Сибирь-матушка! — в это время может быть минус 30 и минус 40, да с ветерком. А детали должны работать десяток лет, сохраняя размеры, точность, герметичность. Специалисты «чесали репы», а Масалов уже обговаривал цену.

— Вот когда мы перекрестились, что сохранили СКБ. Без наших асов-конструкторов выполнить заказ было бы невозможно. И мы сделали! Потом Запсиб заказал нам двери, тоже изделие мощное, сложное. Затем пошли стояки, клапаны. А там еще проглядывались перспективы на будущее. И какие! Разведка донесла, что Кемеровский «Кокс» готовится к строительству новой коксохимической батареи. Но я тогда еще не понимал, с какими трудностями мы столкнемся, — признается Анатолий Карпович. *— Свою коксохимию имеет каждый металлургический комбинат: без кокса не получишь чугуна. При этом все коксохимическое производство СССР обеспечивали оборудованием Харьковский институт «Гипрококс» и завод «Славтяжмаш». Теперь это уже заграница. Везти из Новосибирска, конечно, дешевле и проще, но металлургам нужны гарантии и комплексные поставки. Коксохимические батареи должны работать без остановки не один год. Их строительство обходится даже не в десятки, а в сотни миллионов долларов. Кто же будет рисковать? Пускай с изготовлением запасных частей к батарее Запсиба мы и справились, но это была только малая часть дела. А «Славтяжмаш» всегда брал как раз комплексностью поставок. За ними семидесятилетний опыт работы, мощная научная и производственная база. Шансов выиграть тендер у новосибирцев не было почти никаких. И все-таки мы начали готовиться…*

В Кемерово ехали всей командой — с металлургами, конструкторами. И сразу с «корабля» — в строительный отдел. Славтяжмашевцы были уже здесь и чувствовали себя, сразу видно, уверенно. Новосибирцы рассказывают о своих возможностях, что делали для Западно-Сибирского металлургического комбината, а в ответ снисходительная улыбка: «У вас опыт — несколько месяцев, а

вы беретесь за строительство целой батареи. И вообще опоздали. Батарею будет делать «Славтяжмаш». Решение уже принято».

Масалов к генеральному директору. На «Коксе» им был тогда Борис Давыдович Зубицкий, сейчас он — депутат Государственной Думы.

— Сколько, говорите, ваши дверки уже работают?

— Да уж год скоро.

— Если б четыре-пять, еще можно было о чем-то говорить. А так — несерьезно. У вас же никакого опыта.

Зубицкий придвинул к себе бумаги, показывая, что разговор окончен. Но Масалов уходить не собирался.

— Верно, у «Славтяжмаша» опыт семьдесят лет. Но чтоб мы состарились и у нас был опыт, мы должны работать! Все говорят — молодые. Но как же нам состариться на коксовых батареях, если нам их не дают!

— Хорошо. Давай послушаем, что скажут мои специалисты.

По вызову генерального в кабинет вошли сразу несколько человек — вся верхушка строительного отдела «Кокса». И все в один голос: «Ни в коем случае. Мы не можем рисковать». Но Зубицкого слова упрямого новосибирца, похоже, зацепили:

— Значит, так и будем всегда зависеть от Украины? Ладно, Масалов. Даем тебе двадцать пять печей из шестидесяти восьми. Остальные пусть делают «славянцы». Мы сравним. Справишься, будем работать дальше…

На выполнение кемеровского заказа были брошены лучшие силы. Все понимали, что заказ «Кокса» — экзамен, от которого зависит очень многое. Но и для кемеровчан на кон было поставлено слишком много. Сибмашевцы едва успевали проводить одну группу их контролеров, как уже приезжала следующая. При них ломали огромные, уже отлитые детали, заводская лаборатория делала анализ на структуру металла, его химсостав, прочностные свойства. Кемеровчане брали куски вместе с данными анализов и ехали повторять их у себя. Сроки выполнения заказа были самыми напряженными. Зубицкий пообещал кемеровскому губернатору Аману Тулееву, что батарея будет запущена 15 мая 2001 года. Огромную, сложнейшую коксохимическую батарею нужно было сделать за год, раньше на такую работу отводилось три-три с половиной года. А когда надежда «Кокса» «Славтяжмаш» сорвал поставку нескольких изделий, ситуация и вовсе стала критической. Сдержать данное губернатору слово Зубицкому помогли именно новосибирцы, взяв на себя изготовление не оговаривавшихся контрактом деталей оборудования.

Естественно, когда в Кемерове пускали батарею, новосибирцы были в числе приглашенных.

— *Аман Тулеев очень высоко оценил вклад всех участников строительства. Между прочим, подчеркнул, что именно российское предприятие, тем более соседнее, сибирское освоило выпуск уникального оборудования,* — с гордостью говорит Анатолий Карпович. — *Сегодня заказы для коксохимического производства занимают в объемах нашего производства до 45 процентов. Мы теперь*

работаем со всеми металлургическими предприятиями страны. «Славянцев» чуть-чуть, но потеснили. За дилетантов нас больше не держат. Только приезжаем, уже слышим: «конкуренты приехали». Работаем, даже начинаем выходить за рубеж — в Алжир, на Дальний Восток. И все, можно сказать, благодаря кемеровчанам. Зубицкий в нас поверил, когда все было против нас.

— И быстро же вы «состарились»…

— Так стараемся. — Масалов разулыбался. — Я своей командой доволен. Сегодня уже не просто выживаем — развиваемся.

Через год, в 2004-ом, «Сиблитмаш» будет отмечать пятидесятилетний юбилей. Масалову «полтинник» стукнул годом раньше — в мае. Да не абы когда, а в самый главный российский праздник — в День Победы.

— Да еще в двенадцать часов дня, — уточняет Анатолий Карпович. — Как раз после митинга — за стол. Хотя в 53-м девятое мая был обычным рабочим днем. Я ведь из Дорогино — поселок такой рабочий около Новосибирска. В двенадцать часов загудел заводской гудок, а в 12.05 я родился. Потом сколько раз матери говорил: «Мам, ты никак гудка испугалась!»

Разговор опять возвращается к заводу. Он для Масалова — вс□. Как и работа, со всей ее ежедневной круговертью, заботами, проблемами, которые вс□ больше связаны с рабочими кадрами. Уже несколько лет на сиблитмашевской проходной объявление: «Требуются». Директор целиком в кадровых проблемах. Чтобы привлечь сегодня на завод, нужно больше чем просто хорошая зарплата. Нужно то, чего не даст ни вольница торговли, ни фирмочки и конторы, подкармливающие своих сотрудников конвертами с «черным» налом. Это жилье — убежден Масалов. Именно поэтому, невзирая на все трудности, пускай медленно и со скрипом, «Сиблитмаш» строил свой дом. 144 новоселья на тысячу работающих — большинство новосибирских предприятий об этом могут только мечтать.

— Жилье — не только у нас проблема. Но сегодня строить самостоятельно ни одному заводу не под силу. Значит, надо объединяться: гуртом и батьку бить легче, — разворачивает он свой план. *— Власти должны помочь с кредитами, льготными условиями для строительства. Мы же не собираемся на этих квартирах зарабатывать. На предприятия придут люди, увеличится выпуск продукции, возрастут налоги в бюджет. Со всех сторон выгода. Первый пилотный проект уже прорабатывается. Наш союз работодателей занимается этим вплотную…*

Масалов — его председатель. Собирает заинтересованных, доказывает свою позицию в мэрии, в областной администрации. В общем, должность не парадная. А у Масалова других нет. Он вице-президент Межрегиональной ассоциации руководителей предприятий, член координационного совета по промышленности при областной администрации, заместитель председателя Российской ассоциации литейщиков — всех его общественных обязанностей на «Сиблитмаше», наверное, мало кто знает. И с наградами видели считанные разы.

К ордену «За заслуги перед Отечеством» 2-ой степени недавно добавилась еще одна — Золотой Почетный Знак «Достояние Сибири» в номинации «Экономика и предпринимательство». Как написано в сопровождающих документах — за деятельность по сохранению и развитию промышленного производства и участие в реализации социальных проектов.

За глаза Масалова на заводе называют «хозяином». Говорят, он знает, что делается на каждом станке. Хотя мог бы уже не ходить по цехам каждый день — не его это уровень. Только сам Масалов, наверное, и дня не проживет, если не заглянет в один-другой цех. Ему надо чувствовать завод, как хирургу необходимо оперировать. Говорят, что бывает крут. От своих главных специалистов и менеджеров требует, чтобы видели перспективу своей работы как минимум на пять, а то и десять лет вперед. И не дай Бог, если кто-то не выполнит порученного, — выдаст по первое число, невзирая на прежние заслуги и съеденный вместе пуд соли. Может так хрястнуть по столу, что часы мигом выходят из строя. Хотя замечают: сейчас научился говорить тихо, кладя на лопатки своей убийственной логикой. Лучше бы уж кричал…

Но и самому Масалову можно сказать все. Раза три-четыре в год масаловская команда собирается вместе. Летом — обязательно на заводской базе отдыха в Шарапе. И не только на шашлыки. Вот тогда-то генеральному можно высказать, что где не так, где просмотрел, не успел, замкнув все на себя. Масалов будет темнеть лицом, перекатывать желваки на скулах, но не оборвет. Сегодня, когда завод на подъеме, генеральному, может, такие «разборки» и ни к чему. Но приближается традиционный день, и к директору один за другим начинают заходить начальники цехов: «Как насчет Шарапа?»

От него можно ждать чего угодно. Может продержать до ночи на совещании. А может закупить билеты, заказать автобусы к проходной и всех специалистов — в театр. А сам всю дорогу не умолкает: «Какой спектакль! Сила! Меня жена на днях выводила». Последнее время у Анатолия Карповича появился новый «пунктик» — английский язык. Ладно бы сам мучился. Нет, для главных специалистов и менеджеров, занимающихся внешним рынком, сделал занятия обязательными. Три раза в неделю — с семи утра до начала планерки в 9.30. Попробуй не прийти, если сам Масалов тут же, как прилежный ученик, твердит все эти «индефенит» и «презентс». Уважительная причина для пропуска — только болезнь или командировка. Народ постарше недавно взмолился: «Карпыч, ну какой нам английский. Уж пятьдесят скоро!».

— Опять, значит, на международных выставках и переговорах с иностранными заказчиками за переводчика прятаться собираетесь? Ну уж нет. Раз делаем машины не хуже западных, надо и самим быть на уровне. А «полтинник», по-моему, только пора зрелости. Так что радуйтесь: мы с вами созреваем… для зрелой работы на рынке.

Лариса ВЕРЕМЬЯНИНА

Зачинатель кинодела в Новосибирске

Жизнь, которая не оставляет прочных следов, стирается при всяком шаге вперед.

А.И. Герцен

След, оставленный в летописи города Федотом Фадеевичем Махотиным — актером, акробатом, предпринимателем-кинематографистом, основателем первого городского кинотеатра, кинооператором-лаборантом, кинолетописцем, — навсегда сохранится в исторической памяти города.

Родился Ф.Ф. Махотин в 1871 году в деревне Ледовский Выселок Тульской губернии Каширского уезда Колотовской волости в крестьянской семье. Учиться в школе не пришлось, занимался самообразованием. С 15-летнего возраста начал самостоятельную жизнь, ездил артистом с цирками и театрами в качестве акробата и актера. Освоил немецкий и французский языки.

В тот период по России кочевало множество цирковых и театрально-цирковых групп, которые создавались на один сезон, иногда только на один маршрут. В июне-июле 1896 года Махотин находился в Нижнем Новгороде, где функционировала цирковая биржа — место формирования таких групп. В это время здесь проходила Всемирная Нижегородская выставка, где французская фирма братьев Люмьер представляла киноаппарат, предназначенный одновременно для съемки и для проекции на экране движущихся изображений, названный ими «Синематографом». Такой аппарат на выставке приобрел и Ф.Ф. Махотин.

Справка. Первый в мире публичный показ «движущихся фотографий» прошел в Париже 28 декабря 1895 года. Киносеанс продолжался 20 минут. Были показаны 10 документальных и один игровой фильм. Этот день признан днем рождения новой, десятой музы — музы киноискусства. В России «синематограф» начал действовать в Петербурге в летнем саду «Аквариум» 4 мая 1896 года, а три недели спустя — в Москве, в саду «Эрмитаж», в июне — в Нижнем Новгороде, на Всемирной выставке в кафе «Шантан» француза Шарля Омона.

В конце 1896—начале 1897 года Махотин совершал гастроли по городам Сибири с небольшой группой зверей и впервые демонстрировал здесь кинематограф, в том числе, посетил и Ново-Николаевск. Тогда в поселке было два места, где можно проводить киносеансы: Будаговская школа в Кривощеково и Железнодорожная — на станции Обь. В то время Махотин являлся членом цирковой группы цирка-зверинца Г. Эйгуса, приписанного к Пензе. Это зрелищное предприятие пользовалось достаточной известностью. Цирк был награжден большой серебряной и золотой медалью и единственный в России по величине состоял из 10 вагонов зверей.

В первые годы своего существования кинематограф рассматривался как новый вид развлекательных аттракционов. Посетителям показывались короткометражные фильмы (15-20 минут). Вот их примерный репертуар: «Прибытие поезда на вокзал», «Виды главнейших европейских городов», «Купанье с плотов в Сене», «Священное коронование Их Императорских Величеств», «Пожар», «Игра детей в чехарду», «Ссора за картами», «В волшебном замке» и др. Со временем тематика фильмов менялась, создавались картины, осуждавшие такие людские пороки, как жадность, ревность, ханжество, зазнайство, взяточничество, воровство и т.д. Новизна этого вида зрелищ создала кино большой успех.

В связи с введением в эксплуатацию Транссибирской железной дороги появилась возможность чаще проводить гастроли по городам Сибири. В 1907 году Ф.Ф. Махотин решил порвать с кочевой жизнью и поселиться в Ново-Николаевске.

Развитие сложных по сюжету и полнометражных фильмов вызвало необходимость создания стационарных кинотеатров. Под театр Махотин арендовал на базарной площади участок в 55 квадратных сажень да купил деревянный барак, расположенный на участке. Помещение слегка облагородил, разгородил на две части. В меньшей размещались касса и место для ожидания, в большей — зал со скамейками (мест чуть больше сотни) и кинобудка.

15 августа 1908 года открылся первый в городе электротеатр «Синематограф Ф.Ф. Махотина». Аппаратом он управлял сам, а на кассе и в зале помогала жена Мария Николаевна. На следующий день после открытия газета «Обь» отметила: «За теснотой помещения и большим стечением публики среди посетителей происходила чуть ли не давка». И в последующие дни в зал набивалось значительно больше нормы, люди добровольно уплотнялись, соглашались по-

стоять — ни теснота, ни духота никого не смущали. Фильмы сопровождались музыкой — вальсами и польками.

Демонстрировались фильмы: «Смерть Иоанна Грозного», «Воскресенье», «Дама с собачкой», «Макбет», «Мазепа», «Отелло» и другие.

В 1909 году был показан фильм о капитуляции Порт-Артура, запрещенный цензурой. После этого полицмейстер взял с владельца кинотеатра подписку о том, что он не будет показывать этот фильм, иначе грозило наказание.

Кинематограф во многом изменил ритм жизни — появилось искусство, доступное каждому по уму, по цене и на любой вкус. Каждодневно сотни людей получили возможность приобщиться к киноискусству.

В 1909 году Махотин смог увеличить арендуемый участок и провести переустройство театра, расширить и возвысить здание. Увеличил зрительный зал до 200 с лишним мест, сделал наклонный пол, чтобы удобнее видеть экран. Пристроил фойе с буфетом, проектор вынес в отдельную пристройку, провел телефон. Установил горизонтальный двигатель системы «Колле» с шунтовой динамо-машиной, от которого питался кинопроектор, 42 лампочки в помещении и два дуговых фонаря при входе.

Театр Махотина стал одним из первых электрофицированных общественных зданий в городе.

В первый год существования театра Махотина у него не было конкурентов, но вскоре желающих получить «хороший доход с малой затратой» оказалось немало. В 1910 году в городе уже работало несколько кинотеатров: «Москва», «Гигант», «Заря», «Модерн». Кроме того, картины демонстрировались в помещениях Железнодорожного и Коммерческого клубов, в летних театрах садов «Альгамбра» и «Сосновка». Но 1-й электротеатр Ф.Ф. Махотина находился всегда в курсе всего интересного и нового в кинематографическом мире, он приобретал и демонстрировал лучшие картины.

9 января 1910 года газета «Сибирский коммерсант» писала: *Беспристрастность заставляет сказать, что интересен и хорош только один электросинематограф Ф.Ф. Махотина. Здесь демонстрируются новые картины, здесь хороший аппарат, здесь удобное помещение.*

Махотин первым ввел нумерацию мест в зале — вроде, мелочь, а насколько стало удобнее зрителям. Первым поставил второй кинопроектор, ликвидировав паузу между частями при показе длинных фильмов.

В марте 1910 года газета сообщала: «Только Махотин может дать такую гигант-картину, идет 90 минут беспрерывно, 2400 аршин». (Речь шла о «Каторжнике» по «Отверженным» В. Гюго).

Все новшества российского кинопроката Махотин стремился внедрить в своем театре, поэтому даже с появлением в городе более комфортабельных и модерновых театров публика не изменяла ему.

Театр Махотина предоставлял зрителям возможность вместе с билетом приобрести аннотированную программу сеанса или анонса, либретто фильма.

Нечто подобное практиковалось и в других театрах, но у Махотина это делалось регулярно и готовилось более тщательно. Вот как об этом писал сам Махотин: *Не вступая в полемику с людьми малосведущими, отрицающими положение картин, мы со своей стороны считаем долгом давать точные определения картины, дабы уважаемая публика могла точно судить о ее качестве и шла смотреть с уверенностью, что она не ошибется и не потратит нужного времени и денег на какую-нибудь бессмыслицу. С почтением. Ф. Махотин.*

Только он в городе в дни знаменательных событий каждому пришедшему в театр вручал вместе с билетом визитный фотографический портрет великих людей (снимок в рост) на память.

Такие портреты были вручены к 110-летию со дня рождения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, где он запечатлен на смертном одре в декабре 1910 года, М.В. Ломоносова к 200-летию со дня рождения и других. Ему принадлежит почин проведения киносеансов в селе Бугры в 1910 году и в городе Бердске в 1912 году.

В первые годы существования кинофильмы покупались в собственность, затем появились прокатные фирмы.

Благодаря прежним связям Ф.Ф. Махотина по цирку-зверинцу, который базировался в Пензе, а там было открыто отделение прокатной конторы А.Н. Аргасцева (она первой в России ввела рациональный прокат и пользовалась доброй репутацией), новониколаевцы имели возможность получать картины прямо со столичной базы, что позволило перейти на четкую «перемену картин два раза в неделю».

Кино знакомило жителей с историческим прошлым Сибири и России в целом: «Ермак Тимофеевич-покоритель Сибири», «Степан Разин», «Дмитрий Донской», «Жизнь А.С. Пушкина», фильмы по романам Ф.М. Достоевского — «Преступление и наказание», Л.Н. Толстого «Война и мир», А.И. Куприна «Гранатовый браслет» и другие.

В 1912 году Махотин вновь увеличивает земельный участок и реконструирует кинотеатр, расширяет зрительный зал до 400 мест. Сооружает второе фойе, чтобы у зрителей более дорогих мест (40-50 коп.) и дешевых (20-30 коп.) были разные «ожидальные» зоны.

Устраивает центрально-водяное отопление, «хоры» для ансамбля музыкального сопровождения фильмов, комнаты для приведения в порядок, туалеты.

Впервые в истории города 1 февраля 1913 года демонстрировалась кинематографическая картина «Виды Ново-Николаевска», снятая Ф.Ф. Махотиным. В ней запечатлены крестный ход и жизнь на Николаевском проспекте, зрители, выходящие 25 и 27 января с дневного сеанса в театре Махотина. 12 февраля 1913 года газета «Сибирская Новь» так отрецензировала махотинский дебют: *Первая кинематографическая картина местной работы имела большой успех у публики. Вместо набившей оскомину иностранщины перед взорами обывателя на экране промелькнули знакомые уголки родного города, ожив-*

ленные праздничным движением. Владельцы Томских театров заинтересовались картиной, обратились к Махотину с просьбой о прокате, но последний, признавая несовершенство исполнения, которое он в будущем надеется устранить, отказал.

В феврале 1913 года Махотин снял вторую серию «Видов города Ново-Николаевска», затем, «Ново-Николаевские юбилейные торжества дома Романовых», «Масленица в Ново-Николаевске», «Прогулка на пароходе», «Кормилец», «От Ново-Николаевска до Бердска». После этого он откликнулся на заявку из Томска, там сняты две серии ленты: «Виды и события города Томска».

Приобретя операторскую сноровку, Махотин в апреле 1914 года снимает «Гимнастический праздник реального училища» и показывает его вечером в день съемки.

С весны 1914 года хроникальные выпуски Махотина становятся регулярными (раз, иногда два раза в месяц) и подрастают в метраже. Обычно это два сюжета о наиболее примечательных событиях, происшедших в городе: «Путешественник вокруг света Фердинанд Лейбвин в Ново-Николаевске» и «Похороны первого городского старосты Ивана Сурикова», «Пребывание в Ново-Николаевске Московского метрополита Макария» и «Путешественная прогулка на пароходе «Гуллет», «Полеты авиатора Седого на «Фармане» и «Бега и скачки с ипподрома».

Все эти выпуски выходили под единой рубрикой «Ново-Николаевская хроника». Вот когда было положено начало киножурналу города. Жаль, что эта идея не получила развития в дальнейшем. В советский период первый номер киножурнала «Сибирь на экране» вышел только 17 июля 1928 года. Киножурнал города так и не появился, а Махотин — один смог.

В мае 1914 года Махотин снял «Первый пожарный съезд и выставка в городе Томске». Его фильмы завоевали симпатии и уважение большинства зрителей города. В связи с начавшейся войной поставка пленки и прочих материалов прекратилась. На оставшихся запасах Махотину удалось провести лишь несколько съемок: «Торжественное молебствование о ниспослании победы русскому воинству», «Манифестация в ознаменование взятия Львова и Галича», «Торжественный парад 41-го Сибирского полка», «Сбор белья в пользу воинов», «Торжественная закладка Дома инвалидов». Последняя дооктябрьская лента, снятая Махотиным, называлась «Великий праздник революции в г. Ново-Николаевске, снимки с натуры воспроизведены в день 1917 года марта 27».

В Ново-Николаевске Ф.Ф. Махотин активно включается в общественную жизнь города и играет в нем заметную роль. Он никогда не оставался в стороне от тех событий, которые разворачивались в городе. 4 ноября 1909 года он входит в число учредителей общества попечения о народном образовании, устраивает регулярные детские сеансы, ежемесячно проводит благотворительные сеансы, сборы с которых идут на школьные и приютские нужды, вносит личные средства на содержание дома инвалидов, общества увековечения па-

мяти героев мировой войны, на создание площадок для малоимущих семей, на реализацию замысла общества попечения — сооружение Народного дома (его строительству помешала война).

Общество попечения выходило далеко за рамки школьного шефства и становилось по существу неофициальным центром культурно-просветительской деятельности. Здесь проводились лекции и выставки, существовали бесплатные библиотеки и приюты, школы для взрослых и курсы по разным профессиям. Махотин стал в обществе одним из активных исполнителей его инициатив и начинаний. В театре Махотина проводились лекции, репертуар формировался с учетом познавательных и образовательных целей, а также подбирались фильмы, отвечающие насущным нуждам горожан. К примеру, март 1911 года: городу грозит эпидемия — на экран выходит картина «Научное исследование чумы»; июль 1910 года, в городе нехватка рабочих мест, общество попечения решает открыть курсы ткачей — на экране хлопчато-бумажное производство и т.д. За усердие и помощь в деятельности общества попечения о народном образовании Ф.Ф. Махотин избран почетным членом общества. Большое внимание, которое он уделял работе с детьми, было высоко оценено Западно-Сибирским учебным округом. В 1911 году Ф.Ф. Махотин утвержден почетным блюстителем приходского училища, а 1 октября 1913 года — почетным попечителем Новониколаевского женского высшего начального училища, 15 октября 1913 года — почетным попечителем мужского высшего начального училища.

6 мая 1913 года состоялось публичное открытие Ново-Николаевского отдела Петербургского общества «Изучение Сибири и улучшение ее быта». Отдел ставил задачу «возбудить интерес к познанию края, исследовать его историю». Махотин активно подключился к работе отдела общества. Он многое видел, многое знал и умел, занимаясь кинодокументалистикой.

После Октябрьской революции махотинский театр назван «Народным электротеатром». В период власти колчаковцев театр был возвращен Махотину. С восстановлением советской власти кинопроизводство и прокат фильмов национализировали в соответствии с декретом Совнаркома от 27 августа 1919 года.

Ф.Ф. Махотин как опытный организатор и профессиональный кинооператор был направлен на службу в караульный полк заведующим клубом студии Политпросвета в эвакопункте. В целях урегулирования кинодела в сентябре 1920 года организован «Сибирский фотокиноотдел Сибполитпросвета», которому специальным постановлением Сибревкома передано имущество бывших кинофирм. 19 декабря 1921 года Махотин назначен заведующим кинолабораторией при Губфото Кино.

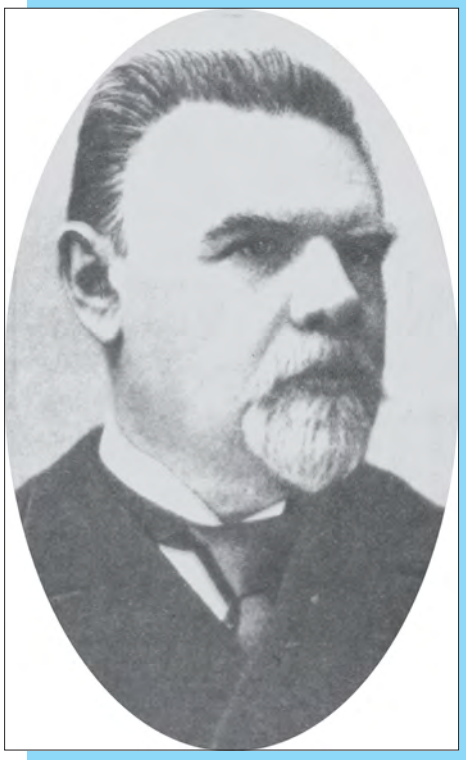
5 сентября 1922 года постановлением Сибревкома в Ново-Николаевске создан Сибирский фотокинокомбинат, работавший на хозрасчете. К нему перешло монопольное право проката кинофильмов в Сибири, эксплуатации кинотеатров, находящихся в распоряжении Сибполитпросвета, и организация

кинопроизводства. В это же время проводится формирование аппарата и создание структуры управления «Сибфотокино», поэтому идут частые перестановки кадров. 21 марта 1923 года Ф.Ф. Махотин освобождается от заведывания кинолабораторией, а 30 марта назначается заведующим экспедиции. В то же время он остается управляющим кинотеатрами «Гигант» и «Художественный» в Ново-Николаевске. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, он справляется с тем и другим, попутно проводя еще и несколько киносъемок; в частности, по просьбе губкома комсомола он снимал 2 сентября 1923 года праздничную демонстрацию и карнавал молодежи. 6 сентября по просьбе Политуправления Западно-Сибирского военного округа Махотин направляется в его распоряжение.

11 декабря 1923 года по приказу Сибгоскино Ф.Ф. Махотин (управляющий театрами) увольняется ввиду сокращения штатов с выдачей ему законной компенсации. 14 декабря 1923 года Ф.Ф. Махотин умер от туберкулеза легких в возрасте 53 лет.

Его жизнь — это еще один пример неистребимого стремления человека к разуму и свету, справедливости и красоте. Его жизненный опыт в сочетании с природными способностями, талантом предпринимателя, честностью и порядочностью, общественной активностью помогали Федоту Фадеевичу Махотину вести дело просветительства в любых условиях, которые пришлось пережить. Ему по праву принадлежит место в ряду достопамятных людей Новосибирска.

Иван ЦЫПЛАКОВ



Дистанция пути — жизнь

Последние 25 лет давно ушедшего XIX века стали горнилом, выдавшим мощные слитки уникального человеческого материала — инженеров-строителей железных дорог. Тогда и обрело известность имя Николая Павловича Меженинова, строителя многих важных российских железнодорожных путей.

Во время прежнее люди нередко становились носителями фамилии по названию деревень, рек, усадеб, где жили. Так образовались и фамилии жителей Мезени — Меженин, Меженинов. Это была известная дворянская фамилия, обладавшая родовыми имениями в Рязанской губернии.

В 1838 году семья рязанского помещика Павла Меженинова пополнилась еще одним членом: на свет появился сын Коля.

Обучался Николай в Московском университете на физико-математическом факультете. Затем слушал курс наук в институте инженеров путей сообщения, откуда выпущен инженером-поручиком путей сообщения. В 1863 году 20 июня назначен начальником 2-го стола искусственного отделения VII округа путей сообщения, затем — начальником 8-ой дистанции II отделения VII округа. Все идет к тому, чтобы осесть и основательно создать себе задел на дальнейшую жизнь, но следующая запись в послужном списке такая:

30.05.1867 г. — уволен в общество Курско-Киевской ж.д. с зачислением по спискам МПС, и далее: *3.09.1869 г. — уволен в распоряжение производителей изысканий для ж.д. от Нежина до Витебска; от Конотопа через Рославь до Могилева и от Конотопа до Минска.*

Человек выбирает себе трудный и хлопотный путь, чтобы всерьез приложить свои усилия и знания для пополнения практического опыта, который сделает его профессиональный потенциал неповторимым и эффективным орудием инженерного труда.

Опыт и техническая интуиция не только инженера, но и строителя (инженерам-путейцам того времени в обязательном порядке вменялось в обязанности участие в проектировании не только железных дорог, но и сопутствующих сооружений), высоко оцениваются руководством, и Николай Павлович назначается: 1.02.1871 г. — инженером для технических занятий VIII класса в техническом инспекторском Комитете ж.д., а затем 31.08.1871 г. — назначен инспектором Ландваро-Раменской ж.д. Позже — 9.06.1874 г. — назначен инспектором Уральской горнозаводской ж.д. Полученные в процессе инспектирования данные о возможных слабых местах строительства железных дорог, возникающих в схожих сложных ситуациях, позволяют Николаю Павловичу 1.03.1875 г. поступить на службу в общество Оренбургской ж.д. — уже в качестве руководителя строительства сложнейшего участка Оренбургской железной дороги от Оренбурга до Самары. Но это только начало! Далее: 6.04.1877 г. — уволен в об-во Харьково-Николаевской ж.д., с утверждением гл.инженером Сумского участка. 30.07.1878 г. — за окончанием работ на Сумском участке Харьково-Николаевской ж.д. причислен к МПС на один год. 5.02.1879 г. — уволен в об-во Харьково-Николаевской ж.д. на один год. 25.02.1880 г. — оставлен в том же обществе еще на два года. 21.09.1881 г. — за принятием Харьково-Николаевской ж.д. в казенное управление причислен к МПС с оставлением при занятиях оной дороги. Затем 8.11.1882 г. с разрешения Министра прикомандирован для занятий к Временному управлению ж.д. с оставлением причисленным к МПС. И вот 7.07.1887 г. приказом N 54 назначен начальником экспедиции по производству изысканий Средне-Сибирской ж.д.

Первый день июня 1887 года стал одной из главных вех в создании Транссиба. В этот день на специальном совещании правительства особым совещанием членов Комитета Министров принято решение о строительстве отдельных участков железной дороги в Сибири: Средне-Сибирской — от Томска до Иркутска, Забайкальской — от оз. Байкал до Сретенска и Уссурийской — от Владиво-

стока до села Буссе на реке Уссури. Также решено организовать изыскания на Средне-Сибирском участке под руководством Н.П. Меженинова. Комиссия выделила из всех кандидатов человека достойнейшего, опытного и уникального — успех его прежней работы был основан не только на знаниях и практике, но и энтузиазме искренне преданного Родине человека, и потому, подобно неутомимому орудию, он работал, пробивая железные дороги на просторах Империи.

Предстоящий грандиозный труд мог быть сделан исключительно благодаря высочайшему профессионализму Николая Павловича. За год исследовать участок в 1600 верст, имея при этом пятерых инженеров на пять партий и одиннадцать техников — возможно ли такое?! Да! — доказано Межениновым! Проводимые изыскания не ограничивались изучением ландшафта, всесторонне регистрировались и анализировались социологические, экономические и демографические данные. Создаваемая дорога должна была проходить в одном, единственно оправданном со всех точек зрения месте. Предстояло рассчитать сложнейшую траекторию, используя множество фактических данных; надо отдать должное сложности задачи и заметить, что в то время железнодорожное дело было не менее ответственным и трудоемким, чем в XX веке космонавтика.

К концу 1887 года Н.П. Меженинов, тщательно ознакомившись на месте с условиями предстоящих работ по строительству дороги, представил членам Комитета Министров две записки. В них он аргументированно доказывал, что ввиду малой плотности населения округов на протяжении 1600 верст и ненадежности водного пути от Тюмени до Омска, Средне-Сибирская железная дорога не может быть построена скоро и дешево, а количество грузов будет незначительно, поэтому выгоднее строить ее как продолжение Уфа — Златоустовской линии. Указывая этим на необходимость прокладки Западно-Сибирской железной дороги, Меженинов доказал также очевидность того, что дорога от Урала до Оби, следуя по равнинной местности, обошлась бы более чем вдвое дешевле Средне-Сибирской, также значительно снизились бы сложности связанные с ее постройкой.

21 февраля 1891 года Комитетом Министров принято решение о начале работ по сооружению железной дороги от Миасса до Челябинска и о начале изысканий на участке от Челябинска до Томска. 17 марта Александр III издал Высочайший рескрипт на имя Наследника и Великого Князя Николая Александровича о начале строительства Транссибирской магистрали, изменившей впоследствии всю жизнь в Сибири:

Повелев ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений, Я поручаю Вам объявить волю Мою, по вступлении вновь на русскую землю, после обозрения иноземных стран востока. Вместе с этим возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению, на счет казны и непосредственным распоряжением правительства, Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути. Зна-

менательное участие Ваше в начинании предпринимаемого дела послужит полным свидетельством душевного Моего стремления облегчить отношения Сибири с прочими частями Империи, и тем явить сему краю, близкому Моему сердцу, живейшее Мое попечение о мирном его преуспеянии. Призывая благословение Господа на предстоящий Вам продолжительный путь по России, пребываю искренне Вас любящий Александр.

Великий сибирский железнодорожный путь начал строиться одновременно от Владивостока и Челябинска. Волей своей Император начал жизнь великого пути по имени Транссибирская магистраль. Таким образом, Средне-Сибирская дорога получила характер продолжения Самаро-Златоустовской и Западно-Сибирской железных дорог, как это отстаивалось в записках Николая Павловича Меженинова. Работы по сооружению Средне-Сибирской железной дороги на участке Обь — Красноярск начались в мае 1893 года.

А 20 июля 1894 года в с. Кривощеково (будущем Ново-Николаевске) состоялась торжественная закладка первого камня в правобережный устой железнодорожного моста. Отслужен молебен, на котором среди прочих присутствовали томский губернатор Г.А. Тобизен, управляющий Контрольной Палатой М.К. Шпейр и начальник строительства среднесибирского участка железной дороги Н.П. Меженинов.

Создание Средне-Сибирской железной дороги было связано с огромным грузом забот, преодолением природных условий Сибири, необходимостью осушать болота, прорубать дорогу в тайге, работать в лютый мороз, преодолевать реки. Но работа велась быстро и слаженно, благодаря чему первые поезда Красноярск встречал уже в декабре 1895 года, а Иркутск — в феврале 1897-го. И наконец, в 1899 году в преддверии нового века вся Средне-Сибирская железная дорога принята в постоянную эксплуатацию.

Вклад в общегосударственное дело строительства дорог Н.П. Меженинова был высоко оценен российским правительством:

20.06.1886 г. — Н.П. Меженинов произведен в титулярные советники со старшинством в чине.

28.03.1871 г. — награжден орденом Станислава 3-й степени.

1.02.1871 г. — произведен в коллежские асессоры.

8.04.1973 г. — награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

1.02.1875 г. — произведен в надворные советники.

...1887 г. — произведен в статские советники.

1.04.1890 г. — награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, произведен в действительные статские советники.

2.04.1895 г. — награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

13.04.1897 г. — награжден орденом Станислава 1-й степени.

04.1900 г. — произведен в тайные советники.

15.06.1901 г. — пожалован нагрудный знак за содействие духовному просвещению Сибири.

При прокладке железных дорог Меженинов требовал везде, вдоль путей в городах и поселках строить гимназии, больницы, церкви, библиотеки, переселенческие пункты, высаживать сады. Неслучайно последним из высочайших благодарностей оказался нагрудный знак за содействие духовному просвещению Сибири. Для представителя технической интеллигенции быть преданным не только цифре и чертежу, но и духовной основе, идее — это иллюстрация подлинного патриотизма и широты взглядов. Николай Павлович прекрасно понимал, что сама железная дорога это лишь инструмент, если угодно, средство, а цель — доступность сообщения самых удаленных друг от друга областей, возможность нести свет в самые далекие уголки Родины. Без духовности нет крепкого общества, нет сильной и державной России. Именно поэтому неслучайны его обязательные указания по строительству объектов социальной, духовной жизни и просвещения. Строительство храмов — это то на первый взгляд иррациональное движение души, облеченное его волей в директиву. Инженерный ум, казалось, не мог позволить себе отвлечься на что-либо, на первый взгляд не относящееся к делу; ведь есть графики, календарные планы, сроки. Но своя искренняя вера подсказывала Николаю Павловичу необходимость возведения таких важных для гармонии общества центров духовности и культуры, как православные храмы.

27 ноября 1915 года в Санкт-Петербурге скончался строитель Средне-Сибирской железной дороги, инженер Николай Павлович Меженинов. Дистанция уникального, самоотверженного пути длиною в жизнь закончилась.

Егор ПЛИТЧЕНКО

Сердечных дел мастер

Сколько песен и стихов посвящены сердцу — сердцу чувствующему, любящему, страдающему от душевной боли! Так уж получилось, что этот анатомический орган не просто играет одну из важнейших ролей в физиологии человека, но и несет романтическую, поэтическую нагрузку. Именно так воспринимает слово «сердце» подавляющее большинство людей.

Совсем иное услышат в созвучии этих шести букв те, кто болен, и те, кому приходится больных лечить. Пациенты-сердечники и врачи-кардиологи относятся к сердцу иначе, чем поэты-песенники. Почему? — вряд ли надо объяснять. Однако прочтите нижеследующие строки:

Поразительна эта способность сердца сохранять ритмичность своего движения! Когда видишь обнаженное человеческое сердце во время опе-

рации, то прежде всего замечаешь пробегающие по нему волны сокращений. Они начинаются от устьев впадающих в сердце полых вен (несущих венозную кровь), в следующие доли мгновения охватывают предсердия, и вот уже сокращение сердца мощным валом проносится по желудочкам в направлении от верхушки к артериальным сосудам (аорте и легочной артерии). Ощущаешь, как коротким усилием сердца кровь, находящаяся в его полостях, «выдавливается» в артериальные сосуды. Они расширяются при каждом сокращении желудочков. В следующее мгновение наступает полурасслабление сердца, и оно расширяется, вбирая в себя новую порцию крови. Венозные и артериальные сосуды в этот момент, опорожняясь от крови, спадаются и становятся менее напряженными. Но едва заметишь наступившую паузу, как новая волна сокращения прокатывается от венозных сосудов к верхушке сердца и оттуда снова к артериальным сосудам.

Удивительно сильное впечатление производит эта мощь, ритмичность и непрерывность сокращений сердца!

Не правда ли, поэтично? И говорят эти строки, принадлежащие перу Евгения Николаевича Мешалкина, лишь о том, что поэтом можно быть в любой профессии.

* * *

В Новосибирске эту фамилию знает, пожалуй, каждый. Может быть, не каждый житель города ответит, каков вклад Мешалкина в развитие кардиологии, но о клинике Мешалкина слышали все. И хотя институт на самом деле называется научно-исследовательским институтом патологии кровообращения, это название слишком «научно» для обывателя. А легенды о кудеснике-докторе, приехавшем в Сибирь в 1957 году, просты и понятны.

И все-таки вклад «сердечных дел мастера» в становление своей отрасли не просто велик. Не случайно Евгений Николаевич — Почетный гражданин Новосибирска, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени. Высочайшие награды советского времени давались не за красивые глаза. За ним «числятся»: работы по развитию и внедрению интубационного наркоза (представить без этого метода обезболивания хирургию практически невозможно); методика зондирования полостей сердца и введение в них контрастных веществ при рентгене; создание биологических моделей врожденных пороков сердца; первые детские операции; операции по замене специальным протезом суженного участка аорты; аутотрансплантация легкого (у больных бронхиальной астмой); развитие метода гипотермии (умеренного охлаждения тела при операциях)… — перечислять все наработанное Мешалкиным можно довольно долго, ведь им написано более 800 научных трудов и запатентовано 47 изобретений. Именно он впервые в российской практике вскрыл грудную клетку больного с обеих сторон с рассечением грудины, что позволило ему получить широкий доступ ко всем отделам сердца. Сейчас это привычная технология, а в 1955 году, чтобы

нарушить «табу» (грудная клетка вскрывалась только в чрезвычайных обстоятельствах, а не для планового лечения), Мешалкину пришлось проявить недюжинную смелость, талант первооткрывателя, научную дерзость...

* * *

Супруга Евгения Николаевича, Елена Евгеньевна Литасова, звала его на «вы». Не только на работе, где приходилось соблюдать определенные служебные правила, но и дома. Они прожили вместе около двух десятков лет, но обращаться к мужу на «ты» она так и не стала: *Евгений Николаевич был как будто погружен в свой особый мир. Он не казался замкнутым, никогда не производил впечатления «рассеянного чудака-ученого», умел очень интересно рассказывать, невероятно много знал, но совершенно определенная внутренняя работа в нем шла постоянно. Даже когда он просто смотрел телевизор, в любой момент мог задать вопрос, касающийся научных проблем. Становилось ясно, что «сердце» не отпускало его ни на минуту. И не хотелось лишний раз отвлекать его от напряженного процесса познания.*

* * *

Окончив семь классов, Женя решил сам зарабатывать себе на жизнь. И пошел… в геологоразведку. Работая в «полях», он мечтал стать инженером. Его отец был специалистом на железной дороге, и подросток с детства был хорошо знаком с техникой. Однако дорога в вуз в то время лежала через ФЗУ (фабрично-заводское училище). На бирже труда крепкого, рослого юношу отправили в ФЗУ при московском заводе «Серп и молот». Он получил специальность механика-наладчика прокатных станов, которая пришлась ему весьма по душе. Чистая случайность помешала молодому специалисту расти в полученной профессии (завод «Азовсталь», на который он был направлен, еще не достроили), и пришлось ему пробовать себя в разных ипостасях. Помотался по новостройкам, потрудился технологом, конструктором, даже выполнял обязанности инженера. Затем вернулся в Москву, закончил рабфак и готовился к поступлению в технический вуз. Но однажды…

Как часто в биографиях известных людей звучит это волшебное слово! Сыграло оно свою магическую роль и в жизни Евгения Николаевича Мешалкина.

Итак, однажды он зашел на занятия к своему брату, студенту Второго мединститута, и совершенно случайно остался на лекцию известного советского гистолога, члена-корреспондента Академии наук Бориса Иннокентьевича Лаврентьева.

Это был удивительный рассказ, — вспоминал впоследствии Мешалкин, — *захватывающий, поднимающий душу, несущий ее туда, где сплошные загадки и чудеса. Наступило прозрение: я понял, что медицина — это мир удивительных знаний, о которых мы, школьники того времени, не имели никакого*

представления. Короче говоря, я забыл, куда и зачем шел, и сразу после лекции оказался в приемной комиссии мединститута. По-видимому, мое призвание тогда и открылось, потому что потом никаких колебаний никогда не было. Я обрел профессию, которая полностью меня поглотила. В ней вся моя жизнь.

Из всех возможных на Земле механизмов человеческий организм оказался самым сложным и привлекательным в своей непознанности. Он обещал исследователю непрерывные головоломки, хитрые задачки, пути первооткрывателя.

В 1941 году грянула война, и за год до окончания института студенты срочно получают дипломы — выпускников Второго медицинского ждут на фронтах. Мешалкин, поначалу младший врач полка, узнал войну не понаслышке — в битвах за Москву, Сталинград, в боях на территориях Польши, Германии, Чехословакии (уже начальником общехирургической группы усиления). С точки зрения овладения профессией трудно представить себе более жесткую и полезную школу: на Курской дуге два хирурга в медсанбате вынуждены были обрабатывать до тысячи раненых в неделю. Об отдыхе не было речи — как-то под Нежиным пришлось работать восемь суток почти без сна. Молодой сильный парень засыпал даже стоя. Но он научился делать все — быстро, качественно, мгновенно принимая решения. Именно в годы войны он «прошил» два своих первых шва на сердце солдата — и это помогло спасти человеку жизнь. Несмотря на тяжелейшие военные действия, фронтовые врачи провели две научно-практические конференции, чтобы обменяться накопленным военно-полевым опытом. В разбитом доме, под свист пуль и снарядов, Мешалкин продемонстрировал собравшимся сделанную им систему капельного переливания крови. Из чего ее можно было сделать на войне? Из подручных, как говорится, средств, но она реально уменьшала солдатам кровотечения. Во второй раз он подготовил доклад по сосудистой хирургии.

Неудивительно, что молодого врача (а к концу войны он уже имел ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медаль «За отвагу») приметили. «Твое место в большой столичной клинике»,— напутствовал его один из старших коллег. Такой клиникой в 1946 году стала для Евгения Николаевича «Бакулевка», первый в стране институт сердечно-сосудистой хирургии. Умение, старание и трудолюбие нового сотрудника оценил и сам Александр Николаевич Бакулев, светило советской медицины. Традиционные отношения «ученик-учитель» довольно быстро переросли формальные рамки. «Ученик» брался решать такие задачи, перед которыми пасовали признанные авторитеты. Теплое и уважительное отношение к Бакулеву Мешалкин сохранил на всю жизнь, хотя позднее уехал в Сибирь, чтобы получить полную самостоятельность. *Александру Николаевичу я обязан своей любовью к хирургии, навыками научной работы, самым серьезным отношением к больному*, — говорил он. Бакулеву же посвятил Мешалкин свою книгу «Хирург оперирует сердце». Барельеф Александра Николаевича висел и в его кабинете.

Когда Мешалкин пришел в науку, он имел неоценимый, многообразный опыт полевой хирургии. Десять лет в клинике Бакулева помогли ему стать ярким ученым, смелым экспериментатором. По ночам в виварии горел свет — фронтовой хирург, привыкший работать сутками, отрабатывал методику интубационного наркоза. И не только ее…

Я вспоминаю свои первые попытки оперировать сердце собаки, относящиеся к 1947 году. Моей задачей было зашить стенку сердца в случае его ранения. Эксперименты на собаке начались с того, что без нанесения раны я пытался наложить на лихорадочно бьющееся, буквально «скачущее» сердце одинединственный шов. Помню, как мучительно долго я «прицеливался», чтобы точно вонзить кончик хирургической иглы в намеченное место у верхушки сердца. А игла все попадала не туда — на полсантиметра или даже на сантиметр в сторону! Потребовалась довольно длительная тренировка, повторение серии таких экспериментов, прежде чем наладилась координация между зрением и действиями руки, между видимым и совершаемым. Лишь на исходе третьего месяца такой работы я решился нанести рану сердцу животного и удачно ее зашил…

Уже в 60-е годы Евгений Николаевич писал: *Сердце находится в постоянном ритмичном движении, а это означает, что хирургу предстоит оперировать либо на непрерывно сокращающемся сердце, либо вызвать на короткий срок ослабление или прекращение его движений. Однако большинство вмешательств выполняется на движущемся сердце. Если учесть кратковременность периодов естественной остановки сердца — всего 0,3-0,4 секунды во время диастолы (расслабления), то становится ясным, что хирург практически ничего не может успеть сделать за столь малый интервал и ему приходится приспосабливаться к движению сердца.*

Поэтому кардиохирургу совершенно необходимо привыкнуть к ритмике сердца, «сжиться» с ней; научиться осуществлять свои движения в строгой координации с сердечными сокращениями. Теперь, просматривая кинофильмы, снятые в нашем институте на протяжении последних 10 лет, я отчетливо вижу, как рука хирурга, который собирается осуществить тот или иной прием на сердечной стенке, вместе с инструментом начинает едва заметно колебаться, следуя в движениях строго за движениями сердца. И лишь после совпадения ритмов удачно производит соответствующее вмешательство.

Таким образом, само сердце, как орган ритмической функции, порождает у хирурга необходимость строго согласовывать ритм своих движений с сердечными сокращениями. Эта способность приобретается постепенно, по мере участия в операциях на сердце. Тем более, что чувство ритма и умение работать в ритме, определяемом органом (сердцем), должно быть свойственно не только самому оперирующему, но и всему коллективу его ассистентов, всем участникам операции. Прежде всего это касается бригады непосредственно оперирующих, затем операционной сестры и анестезиолога.

Когда в 1948 году Бакулев приступил к операциям на сердце с врожденным пороком, выяснилось, что нужны новые методы диагностики. Мешалкин разработал методику прямого проникновения в полость сердца (зондирование). За операции при врожденных пороках он и был выдвинут на соискание Ленинской премии. Фамилия «ученика» стала мелькать наравне с другими известными фамилиями. Вскоре последовал гран-при в Брюсселе за лечение больных детей. Евгений Николаевич Мешалкин вырос в самостоятельную крупную фигуру в кардиохирургии — стало ясно, что ему необходима своя клиника, свой институт, своя научная школа.

Поэтому, когда в 1957 году он получил предложение участвовать в создании института для Сибирского отделения Академии медицинских наук, то сразу согласился. В Новосибирск он приехал с четырьмя соратниками — уникальные операции на сердце и легких стали доступны и жителям Зауралья.

Некоторое время высококлассные хирурги базировались в обычной городской больнице, затем перебрались в нынешний институт математики, а еще позднее НИИ патологии кровообращения обрел свое здание по дороге в Академгородок на станции «Сеятель». Автобусная же остановка в народе до сих пор называется «Клиника Мешалкина».

В своем институте Евгений Николаевич получил возможность развивать те направления, которые считал нужным. Во-первых, изучать закономерности гемодинамики и газообмена человека. Это фундаментальные исследования, на которые опирается вся теория сердечно-сосудистых заболеваний. Во-вторых, разрабатывать рациональные принципы хирургического вмешательства, в частности, знаменитую гипотермию — охлаждение человека, позволяющее «остановить» сердце на час и больше.

Метод гипотермии до сих пор воспринимается специалистами неоднозначно, хотя в Новосибирске за ним стоят десятки тысяч спасенных жизней. Эти работы на самом деле начались еще в клинике А. Н. Бакулева в середине 50-х годов, затем продолжались в клиниках других известных медиков. Выяснилось, что если понизить температуру тела пациента на несколько градусов, то увеличивается время выполнения операции (особенность операции на сердце заключается в том, что необходимо избегать кровотечения, поэтому хирург особыми приемами «выключает» сердце из кровообращения — чем дольше сердце будет «выключено», тем больше времени остается врачу для всех маневров). Так вот, поначалу методика гипотермии была достаточно сложной. Больному давались специальные лекарства, наркоз, после чего его погружали в ванну с холодной водой, в которой плавали кусочки льда.

Совершенствуя метод, Новосибирский институт предельно его упростил: охлаждение ведется с помощью пузырей со льдом до оптимальной температуры тела — 23-24 градуса. Оказалось, что таким образом можно делать даже очень сложные вмешательства внутри сердца: зашивание дефектов перегородки, устранение тяжелых пороков клапанов и тому подобные.

О чем же здесь спорить?

Кардиохирургия — дорогое удовольствие. Аппаратура, необходимая для подобных операций на Западе, стоит миллионы долларов. Так уж повелось, что многие отечественные специалисты принимают как раз западные технологии кардиологических операций и соответствующее им оборудование искусственного кровообращения. Конечно, хирург, оперирующий с использованием искусственного кровообращения, имеет больше времени на манипуляции, но метод гипотермии удешевляет процесс во много раз. Последние годы своей жизни Евгений Николаевич очень переживал из-за недостаточно широкого распространения гипотермии — используя отлично отработанную методику, можно было бы вылечить куда больше больных, чем оперируется сейчас. Врачебная совесть не позволяла ему смириться с этим фактом.

* * *

Талантливый человек талантлив во всем. Стань Мешалкин инженером, как и хотел, он наверняка был бы отличным специалистом. Когда в начале 30-х годов мальчишка работал на сыромятном заводе, то получил благодарность от рабочих. Им приходилось вручную вытаскивать из чанов крюками тяжелые мокрые кожи — Евгений механизировал эту операцию. Потом он ухитрился поработать с киногруппой, снимавшей первый цветной фильм «Соловей-соловушка». У киношников возникла необходимость в особом устройстве, и помог им юный подсобный рабочий. Его похлопали по плечу: «Далеко пойдешь! Голова!».

Он и в медицине сумел применить технические навыки, полученные им в ФЗУ и «университетах жизни». Еще в «Бакулевке», работая над прямым зондированием сердца, он без труда осваивал любую электронную аппаратуру. Занимался и прямым изобретательством — доказательство тому многочисленные авторские свидетельства. Вечерами дома Евгений Николаевич частенько рисовал на бумаге какие-нибудь «прилады», необходимые ему по работе. Благо, была возможность договориться с союзным министром о выпуске нужного инструмента на одном из питерских заводов. Бывая за рубежом (а он побывал на всех континентах, кроме Антарктиды и Австралии), он обязательно привозил то нитки, то особый скальпель, чтобы при возможности «повторить» необходимую вещь в родном институте. Ломая голову над технологией специального шва, как-то обратился к жене: «Ты же шьешь, подумай, как сделать лучше». Взяв лоскутки, иголку и нитки, Елена Евгеньевна (которая, действительно, прекрасно шила) принялась искать наиболее удобное соединение нитей.

А как хорошо он мог излагать свои мысли, выражать отношение к предмету! Знаменитый медик имел явный дар литератора. Все мы помним скучный и сухой школьный учебник по анатомии. Если бы над ним поработал Мешалкин, он стал бы настоящей книжкой, эмоциональной и образной: *При внут-*

реннем осмотре сердца (хотя бы на препарате) еще больше поражает чрезвычайная сложность его устройства: необычайно хитрое переплетение мышечных перекладин, которые группируются внутри желудочков еще в особые, выдающиеся в их полости «сосочковые мышцы». От вершин этих мышц отходят пучки тонких сухожильных нитей, прикрепляющихся к створкам клапанов. Все это непривычному глазу кажется перепутанным и хаотичным, но, в сущности, «уложено» в замечательном логическом порядке, обеспечивающем нормальную функцию закрытия и открытия клапанных створок и сокращения сердца…

* * *

Думая о таланте хирурга, понимаешь, что если он и врожденный, то все же дается каждому только в зачатке, — писал позднее Мешалкин. — *И прежде чем приступить к оперированию больных, надо с бесконечным трудолюбием и с предельной целеустремленностью взрастить в себе эти способности, довести их до мастерства. Только мастерство является основой успеха операций на сердце.*

Каковы же критерии хирургической зрелости, «по-Мешалкину»?

Это меньше всего отточенная технология. *Для меня хирургия всегда была и методом лечения, и важным инструментом оздоровления, и поиском ответа на самый главный вопрос, мучивший меня всю жизнь: «Что есть что?».*

Вопрос, отметим, скорее, философский, нежели медицинский. Отсюда и высочайшие требования к себе.

Одним из важнейших факторов, определяющих для хирурга возможность начать практическую оперативную деятельность, является зрелость его гуманизма. Его способность ни на минуту не забывать, что объектом приложения его труда является живой человек со всем его необъятным внутренним миром, его личной жизнью, страданиями и надеждами, его участием в жизни общества, его индивидуальной и общественной значимостью.

Гуманизм хирурга — врачебный гуманизм — это мировоззрение, которым должен обладать будущий хирург прежде всего. Ему должно быть свойственно постоянное сознание — от первой встречи с больным до благополучного завершения послеоперационного периода, — что перед врачом находится мыслящий, страдающий человек.

Во врачебной специальности, считал Мешалкин, нет и не может быть границ «мое — не мое», не может быть регламентированного рабочего дня, после окончания которого судьбы больных уже не волнуют хирурга.

Его называли человеком сложной судьбы и непростого характера. При такой требовательности, действительно, трудно казаться «легким» и «приятным во всех отношениях». Долгие годы, более пятидесяти, он нес на себе бремя лидера — научного, административного. Нес неформально, генерируя

идеи, самостоятельно их отрабатывая, внедряя, воспитывая учеников.

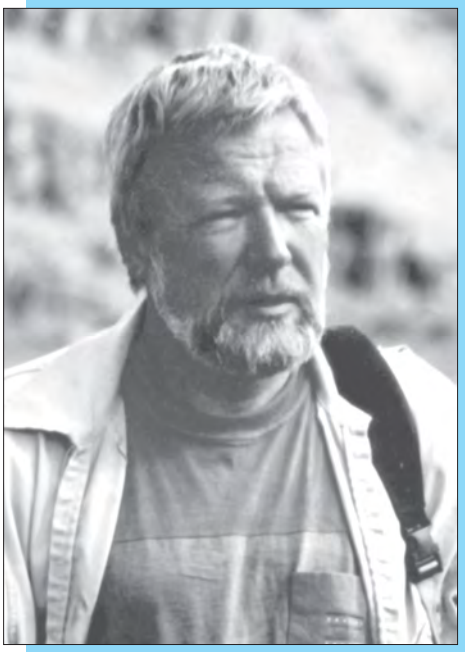
И кто как не он имел большее право на твердую, выстраданную позицию, на особую философию? Кто лучше него знал, как легко душа может проститься с телом? Как часто граница жизни и смерти пролегала вдоль пальца хирурга, зажимавшего кровеносный сосуд, как часто она определялась двумя-тремя правильными стежками. Сколько раз он сталкивался с этой зыбкой границей!

Врачебная совесть никогда не дает хирургу покоя, — писал всеми признанный корифей, — *все мельчайшие детали операции, качество их выполнения, степень мастерства, до которого он сумел подняться при выполнении именно данной операции, малейшие погрешности, несовершенство знаний — все, все это властно врезается в память и в случае несчастья навсегда остается в ней укором слабости человеческих сил, не сумевших преодолеть болезнь и сохранить драгоценную человеческую жизнь.*

Не зря живут в народе легенды о докторе Мешалкине!

Справка. Е.Н. Мешалкин родился в Екатеринославе в 1916 г. Умер в Новосибирске в 1997 г. Похоронен на Южном кладбище.

Татьяна АФАНАСЬЕВА



Человек с интересной фамилией —

но с еще более интересной судьбой. Речь идет об академике Вячеславе Ивановиче Молодине. Согласитесь: воодушевляющая у него фамилия. С ней как-то не хочется стариться. Хотя седина этого замечательного археолога говорит, вроде бы, о другом: мол, бегут годы, и никуда от них не денешься... Впрочем, он еще действительно молод для академика — родился в 1948 году в Брестской области.

«Нас всех подстерегает случай» — сказал поэт. Конечно, роль случая в каждой биографии велика. Но очень важно, как этим предоставленным случаем воспользоваться. Тут многое зависит от самого человека. Молодин — тому пример. На его долю выпали такие «случаи», которые наверняка вписали его имя в археологию, в историю отечественной культуры, нашей области да и города Новосибирска. Потому что он вырос у нас. Окон-

чил новосибирскую школу, новосибирский вуз, все свои трудовые десятилетия отработал в нашем Институте археологии и этнографии, здесь стал кандидатом и доктором наук, академиком и первым заместителем Председателя СО РАН.

Правда, у случая почти всегда есть некая предопределенность. То есть какие-то обстоятельства и условия, которые исключительные и редкие случаи приближают. К археологии, как ни странно, сначала Молодина приблизило... разочарование. Он не археологом хотел быть, а летчиком. И желательно — морским. Но уже готовя себя к аэроклубу, уже имея два спортивных разряда, он обнаружил, что один его глаз сильно «подсел». На авиации пришлось ставить крест. Но и разочарование молодого человека тоже толкает его к какому-то выходу. Для Вячеслава Ивановича выход был в книгах. Он много читал. А вскоре услышал выступление академика Окладникова на заседании Географического общества в Новосибирске. Лекция ученого стала мощным толчком к будущей профессии. Выдающийся археолог совершенно очаровал паренька. С тех лет та лекция из памяти Молодина не выходит до сих пор, что проявляется и в его трогательном отношении к школе, которую он окончил. Вячеслав Иванович придает очень большое значение встречам ученых с детьми. В свою школу он до сих пор приходит…

После выступления Окладникова вопрос о будущей профессии для Молодина был решен. Он засел за специальную литературу, особенно по античности, стал задумываться о том, что было когда-то, давным-давно. Его, кстати сказать, в молодости не сильно привлекали туристические походы и экспедиции. Он был домашний мальчик. Черепки (обломки глиняной посуды) нравились гораздо больше, и, с точки зрения нынешнего Молодина, это, может быть, самое главное для археолога. Он и сейчас придает большое значение тому, с каким интересом молодые люди, студенты и аспиранты, занимаются черепками: как к ним относятся, как их изучают. Черепки сибирские — это не разбитые амфоры на Крите, допустим, а гораздо, скажем так, попроще, но если они ребятам неинтересны — археологами им не быть. Слишком строгий вывод, но черепки в данном случае для Молодина, как лакмусовая бумажка.

В какой-то степени случай помог ему и в институте. Он пришел в археологический кружок под опеку Татьяны Николаевны Троицкой. Она до сих пор успешно работает в науке и высшей школе. Хотя, надо сказать, предстоящие экспедиции Молодина смущали. И не зря. В первой своей экспедиции он горошницу сварил наполовину с песком. Но целеустремленность и обязательность были ему присущи с ранних лет: раз надо, то надо. Троицкая это оценила и, как говорит Вячеслав Иванович, «возилась со мной очень много».

Так что случаи случаями, но они едва ли выпали бы на долю Молодина, если бы он не занимался в кружке у Троицкой, не был бы впоследствии, уже в аспирантуре, учеником академика Окладникова, не работал вместе с такими учеными, как академик Деревянко, если бы он слабо пропитался знаниями и не вращался бы в первоклассной археологической среде. Но даже при таком

раскладе звездные годы в жизни ученого, а археолога — в особенности, бывают нечасто. Подступ к ним отнимает гораздо больше времени.

Вспомним про Чичабург, открытом Молодиным и его коллегами под землей, древнем поселении в Здвинском районе нашей области. В начале это был, конечно, звездный случай, а теперь он словно перерос в рутинную, даже черновую работу со многими загадками. Отгадывать их придется еще не один год. Все-таки поселение, напоминающее протогород, относится к восьмому-седьмому веку до нашей эры. Между тем как массовым сознанием возникновение городской цивилизации Сибири относится к последним векам нашей эры.

А тут вдруг — до нашей эры! Все оказалось не так, как мы, «простой народ», полагали.

Площадь Чичабурга при помощи геомагнитной съемки определили в 650 метров в длину и примерно 400 метров — в ширину. Средневековый Мюнхен вполне расположился бы на такой же примерно площади. Пройти эти считанные метры легко, а вот вскрыть, исследовать и все объяснить — куда труднее. Первые же обнаруженные в Чичабурге находки заняли половину кузова большого грузовика.

— Тем не менее, минувший год, — рассказывал Вячеслав Иванович, — точно что не звездный, обычный. Он прошел в накоплении различных археологических данных. Год скорее был подготовительным для последующей аккумуляции, каких-то обобщений и выводов. Если на том же Чичабурге нас, да и всю научную общественность, многое сначала удивляло и поражало, то сегодня сенсаций пока нет, хотя от археологов их всегда ждут.

Но в прошлый раз, когда мы беседовали с вами, вы говорили о том, что многое из найденного указывает на раскопки у озера Чича, как на древнюю факторию. Подтверждается ли это?

— Видите ли, сейчас мы исповедуем мультидисциплинарный подход к источникам. Это означает, что не только археологи анализируют обнаруженные находки, но и геофизики, генетики и представители других наук. К примеру, с помощью геофизиков мы можем ныне не вскрывать огромные площади и экономить значительные средства и время.

Раньше, еще до раскопок, мы чаще занимались предвидением, чем видением. Когда ты копаешь землю «втемную», то не знаешь, что там в ней обнаружится. Тот же Чичабург, по уточненным данным, занимает огромную для археологов площадь — несколько десятков тысяч квадратных метров. Нам жизни не хватит, чтобы все это полностью здесь раскопать.

Точнее выходить на цель помогает более совершенный инструмент, чем лопата — многоплановый геофизический мониторинг. И ныне мы работаем разными геофизическими методами, а не тем единственным, который открыли еще в тридцатых годах. Теперь у нас есть возможность не только увидеть план того, что расположено под землей, но и послойно, стратиграфически представить ситуацию без раскопок. Она, естественно, дается в некотором при-

ближении, не один к одному, но вносит ясность при определении того, где надо работать.

В частности, благодаря геофизическим методам мы обнаружили в Чичабурге кладбище. А без них мы бы его никогда не нашли, так как у этого подземного некрополя не было никаких рельефных признаков.

— А этот могильник до нашей эры представлял для вас какой-то научный интерес?

— Не какой-то, а колоссальный. В большей части Сибири такого антропологического материала для изучаемой эпохи еще не обнаруживали. Также как не был известен и погребальный обряд этих людей. Сейчас мы не замахиваемся на огромные площади, а копаем методом точечных уколов. Смотрим на магнитограмму, видим на ней, где находятся различные аномалии, и лишь после этого начинаем работать, попадая точно на захоронения, положим.

— Как по заказу?

— Верно — как по заказу. Так и есть. За два последних сезона мы почти исследовали обнаруженный некрополь и теперь знаем новый и совершенно неизвестный ранее науке погребальный обряд. Раньше, то есть в эпоху поздней бронзы, хоронили людей по-другому. А учтите, что в погребальном обряде нет ничего случайного. Глубина могилы, ориентация ее, поминки и многое другое — это давно осмысленный и многовековой опыт. И он входит в общечеловеческую культуру. Так вот, раньше хоронили совсем не так — в скорченном положении, на боку, головой на юг и т.д. В Чичабурге мы обнаружили остатки этих традиций ушедшего бронзового века и в то же время — явные новации в обряде. Например, скелеты людские почему-то расчленялись. Но нам важно не только увидеть новые проявления в погребальном обряде. Полученная информация позволяет реконструировать этот обряд. И понять, почему происходило именно так.

— И почему же?

— Одна из возможных причин — появление здесь другого народа, с иными погребальными традициями. Обнаруженный в могильнике материал позволяет даже ставить вопрос о новом антропологическом типе.

Сейчас мы подготавливаем очередной проект, по которому к археологическим исследованиям снова привлекаем генетиков. Речь идет о том, чтобы попытаться получить генофонд давно умерших людей. Без костных остатков это невозможно.

— Чтобы воспроизвести их облик?

— Ну, это уже не проблема...

— Они европеоиды?

— Смешанная популяция: европеоидно-монголоидная. Но все-таки с преобладанием европеоидных черт. Кстати, наш совместный проект с генетиками, связанный с археологическими исследованиями по Пазырыкской культуре, раскопками мумий привел к тому, что получена цепочка ДНК и выявлена связь с определенными существующими сегодня этносами. В частности, с иранцами и самодийцами (их потомки — нынешние селькупы, ненцы и т.д. — ***Р.Н.****). И по-*

лучена была эта ископаемая ДНК из костных останков. Сейчас уже выработанный и апробированный метод совершенствуется, и мы его будем использовать на других памятниках. Работа, повторяю, не звездная, но оригинальная и необходимая, очень помогающая нам, археологам.

— Значит, в минувшем году ничего феноменального не было?

— Феноменального, сенсационного не было, но был феномен, которого мы разгадать еще никак не можем. Возможно, что это самая главная загадка Чичабурга. Суть вот в чем: обычно на археологических памятниках, если они не относятся к палеолиту, находят довольно много керамики, обломки различных сосудов. Это практически основной материал, с которым работают археологи. Почему? Потому что в форме посуды, в орнаментации на ней как в зеркале отражаются культурно-этнические каноны, характерные для народа. Если посмотреть на орнаменты одежды, обуви, к примеру, современных ханты, или на их глиняные горшки, которые теперь, правда, они не делают, то легко убедиться, что они оригинальны. У других таких украшений нет. Кроме того, семантику, то есть смысл своих орнаментов ханты даже способны объяснить. Так что я как археолог могу вам по черепку сказать, в какое время существовал обнаруженный памятник и примерно какой народ здесь жил.

— Следовательно, орнаментами писалась летопись древних народов?

— В какой-то степени — да.

— А на Чиче много керамики?

— Тонны. И это очень важно. Мы ее изучаем разными способами. В том числе и самыми современными. Например, в НГУ у академика В.В. Болдырева есть уникальное импортное оборудование, которое позволяет извлекать дополнительную информацию из наших археологических находок. Это связано с химическим изучением обнаруженных материалов. Можно даже получить ответ, где живущие тогда у озера Чича люди брали глину при изготовлении своих сосудов. Все эти особенности определяют в какой-то мере и характер культуры народа. Иначе говоря, у нас ныне есть возможность выходить на такой тонкий анализ, какой раньше археологам был недоступен.

— Так все-таки: что вы не можете понять из найденных находок в нашем Здвинском районе? В чем феномен?

— Мы ведем раскопки в разных местах памятника. И нашли в них несколько керамических комплексов. Керамику в те времена лепили женщины. И лепить они были ее обязаны по тем традициям, которые впитывали с молоком матери. Никаких отступлений не дозволялось. То есть элементы орнамента должны быть только такими, а не какими-то другими. А на Чиче мы наблюдаем многокомпонентность, характерную для разных культур. Самое странное: в одних местах памятника процентов на девяносто преобладает только один компонент — и по форме, и по примеси, и по составу материала, а неподалеку, в соседних жилищах мы обнаружили черепки, свидетельствующие о других традициях и о другой культуре. Хотя найденные нами образцы принадлежали людям, которые безусловно, как показывает анализ, жили в одно время и поблизости…

— Похоже, что в Чичабурге «царил»... интернационал, не так ли?

— *Во всяком случае, такое забавное предположение возникает. Подобный феномен сейчас вы не обнаружите ни в одной культуре. По крайней мере, столь ранней.*

— Так что же предполагать? Хотя бы в первом приближении к истине... Может, и тогда Сибирь была уже ... ссылкой для разных народов?

— *Едва ли ссылкой, но на какую-то факторию обнаруженные находки намекают. А это уже высокий уровень развития. Передвижение и сближение народов происходило и тогда. Мы в этом году, например, нашли кости ... осла там, где его отродясь не могло быть. Пока, конечно, мои ссылки на факторию — рабочая гипотеза, и не более. Но объяснения необходимы. Иначе зачем мы все это копали и открывали?!*

Беседа с Молодиным немного прервалась. На чай. Я прихлебывал его и думал, что надо быть большим энтузиастом и отчаянно любить свою работу, чтобы в наше время месяцами и годами разбираться в черепках, пролежавших в земле двадцать восемь веков, и искать ответ на вопрос, как и чем в те бесконечно далекие времена жили люди.

Почему же Молодин, обремененный всевозможными обязанностями на посту второго руководителя в Сибирском отделении РАН, попросту рвется на раскопки, в поле, в горы и ждет полевых сезонов как человек, который дни считает до лета. С надеждой, что оно согреет его, наконец, после долгой зимы. Впрочем, высоко в горах, на плато Укок, например, где не один сезон отработал и Вячеслав Молодин, летом более чем прохладно…

Влюбленность в работу воспитывает, прежде всего, сама работа. Археологу она позволяет узнавать то, о чем другие не знают. И это тоже причина для увлечения — листать, а точнее, видеть и ощущать страницы давно отшумевшей истории и искать в ней разгадки. На примере Молодина убедился еще раз, что у него очень интересная профессия. Да и нужная. Прошлое ничуть не меньше, чем настоящее, строит будущее. Без знания исторического опыта, культуры народов, которые были до нас, нам нечем будет гордиться, питать душу и сердце.

Находки везде редки. Археология — не исключение. Но есть, как их можно назвать, эрудированные счастливцы, которых судьба никогда не обходит стороной и дарит им в жизни высокие моменты. Таков Молодин, и такая же у него жена — доктор исторических наук Наталья Викторовна Полосьмак, не менее известный в археологии ученый, чем сам Вячеслав Иванович. Наталья Викторовна нашла знаменитую пазырыкскую красавицу, о которой написали или хотя бы информационно сообщили едва ли не все издания мира. И если откровенно сказать, на их счету было бы наверняка больше находок, не мешай им надуманные местные запреты. Но и то, что открыто ими, останется в музеях, научной литературе и в истории — навсегда.

К счастью, сейчас археологам все-таки будет полегче работать. Потому что в Российской Федерации появился, наконец, закон, который расставил точки над всеми «i». Теперь археологические памятники признаны объектами феде-

ральной собственности, где бы они ни находились — под Грозным, на Алтае или под Минусинском. А разрешительные функции имеет только Полевой комитет Института археологии Российской Академии наук. Как и было раньше. Это специальная служба, которая дает разрешения на раскопки, лицензирует научные отчеты, проверяет квалификацию специалистов и т.д. Расплодившиеся же в областях так называемые научно-производственные центры (НПЦ), к счастью, лишены права давать разрешение на раскопки. Хотя они вполне могут (и должны!) контролировать, например, несанкционированные раскопки. Но определять, кому копать, а кому не копать, каких археологов приветить, а кому — отказать, они не имеют право.

Это, конечно, большое облегчение для археологов, для науки.

Наталья Викторовна в этом году снова, после нескольких лет перерыва, работала на Алтае и получила великолепные результаты. Хотя вновь испытывала активное сопротивление местной власти и прессы. У нас законы принимаются в основном хорошие, правильные, но вот исполняют их… Какие только слухи не распространяют про археологов: и то, что они беспокоят дух предков (живших до нашей эры), и то, что экологию нарушают, хотя ученые работают с предельной осторожностью и аккуратностью. За всеми этими наскоками проглядывают разные интересы. В том числе и коммерческо-эгоистические. Все найденное археологами, а они находят и немало уникальных вещей, — это собственность государства и никогда лично археологам не принадлежит. Но и охотники иметь эти драгоценные вещи в личной собственности тоже не перевелись. Отсюда и накал страстей.

— Но это ваши будни, — говорю Молодину. — А мне хочется вернуться к «звездным» годам, к высоким моментам в вашей интересной работе.

— Их было больше в работе Натальи Викторовны. В этом году она впервые для этой территории горного Алтая раскопала курган поздней бронзы. Кроме того, она нашла настоящего и прекрасно сохранившегося гунна, похороненного по классическому гуннскому погребальному обряду. Порадовал ее и любимый Пазырык. Интересным детским захоронением. Правда, труп этого ребенка не сохранился, но сохранились остатки одежды, что для археолога тоже очень важно.

— После той первой экспедиции, когда вы горошницу варили с песком, вам пришлось побывать во многих других. Сейчас, как я понял, вы без них жить не можете?

— *Не могу,* — подтверждает улыбчиво Молодин.

— Так скажите тогда: помните ли вы экспедицию, в которой вас охватило какое-то особое волнение, равное, положим, по силе чувств страстному порыву души?

— Помню. В том числе и при черновой работе, которой занимаюсь с удовольствием до сих пор. С теми же черепками. Каким бы вы академиком ни были, но вы должны держать эти черепки в руках, щупать их и трогать. Это основа нашего дела. Я, слава Богу, занимаюсь практической археологией, хотя у нас есть

и чисто кабинетные работники. Я и старшего сына много раз брал с собой в экспедицию и тоже приучал к черновой работе. Он окончил с отличием НГУ. Исторический факультет. Но историком, как и многие сейчас молодые люди, не стал. Не знаю уж — к счастью или к сожалению…

— Так что на полевые экспедиции «обречены» только вы с женой.

— Это радостная обреченность, дающая повод для многих размышлений, встреч и шуток, наконец. Как-то ехали мы с немецкими коллегами-геофизиками к Чичабургу. Их руководитель профессор Герман Парцингер очень хотел работать вместе с нами. А мы уже вели раскопки на Чичабурге. Добрались до нашего лагеря часа в три ночи. Естественно, сели за стол. И капитально сели. До восьми утра. А дальше, независимо от обстоятельств, надо работать. Была жара. Геофизики таскали свои приборы. С трудом, но все равно отработали весь день. А вечером — банкет для всех, скрепляющий наш союз с приехавшими специалистами из Германии. Садимся за стол, начинаем сплачиваться. А геофизики тем временем расшифровывают информацию, которую они получили за день работы. И вот один из них приходит после компьютерной лаборатории к нам в столовую, где идет банкет, с совершенно ошалевшим видом. Он меня и Парцингера нервно и требовательно зовет к мониторам. Мы, уже веселые и в превосходном настроении, подходим к компьютерам, смотрим на экраны, и все как бы впадают в шок. Мы видим ровную улицу домов под землей. А на другом экране видим древнюю систему обороны… Это, скажу я вам, был высокий момент, то самое счастье ученого, которое бывает крайне редко.

— Это и есть звездный час?

— Все-таки нет. Настоящий звездный час в моей работе ученого был только один. Это когда я нашел на Пазарыке вторую мумию. Мумию мужчины. После пазырыкской красавицы Натальи Викторовны. Такого вдохновенного чувства, как тогда, я уже больше не знал.

Я спускался в раскоп в восемь утра и проводил в нем весь день. Для меня исчезло чувство времени. Я представлял весь обряд, который проходил, когда хоронили этого давно умершего человека. Казалось, что весь день пролетал минут за десять. Это было зрелище не только интересное, но и величественное. Покойник лежал во льду одетый. И по мере того, как таял под солнцем лед, проступала, открывалась эта одежда, все сопровождающие его вещи, к тому же прекрасно сохранившиеся. Все было никем после смерти не тронуто. Я переживал, наверное, и состояние эйфории, и — это определенно — душевного подъема. Были всякие находки в моей работе, в том числе и превосходные, но такого чувства я больше никогда не испытывал. Словно далекое прошлое проросло в настоящее!..

Ролен НОТМАН

Жизнь поверх барьеров

Новосибирская государственная консерватория, 1970 год. Заседание кафедры композиции. Все в сборе, нет только доцента Мурова. Где же он? Быть такого не может, чтобы не явился… Бах! — дверь, наконец, распахивается, влетает Аскольд Федорович. Взъерошенный весь, в ярко-рыжей куртке (вроде мотоциклетной), слегка смущенный. И — счастливый: «Извините, опоздал, — в нотном магазине задержался. — А у самого глаза горят! — Вот, гляньте, Генделя приобрел, еще не известные мне партитуры».

В этом эпизоде весь Муров, жадный до всего нового. Прыткий и хваткий. Искрящийся и ненасытный. Пришел. Увидел. Утащил. Прежде неведомые, прежде невидимые грани жизни исследовал он, словно микробиолог — клетку и астроном —Вселенную. Исследовал тщательно, погружаясь во все сполна. Говорят вам, голод не тетка! Информационный — в частности. Ну, а в отноше-

нии музыки у композитора Мурова он был выражен особо. Надо было знать во всех тонкостях, что, например, в Англии делал некогда Гендель, что творит в Москве сегодня друг Щедрин и что завтра, где-то там за «железным занавесом», выдадут европейские авангардисты.

Муров питал свой мозг постоянно. Безудержно. Да только эта жадность оборачивалась в нем еще большей щедростью. Он хватал у жизни, чтобы отдать. Ей же. Своему окружению. Чтобы выложить, выпалить, выплеснуть — с удвоенной силой, с утроенной… Не создано еще такого прибора, который четко мог бы зафиксировать эту силу, эту широту натуры человеческой, мощность ее излучения.

Сила, широта, мощь. Редкостная самоотдача. Требовательность. Целеустремленность. Бескомпромиссность. Потрясающее знание — как своего предмета, так и жизни в целом. Профессионализм, который рос, не переставая. Все это позволило Аскольду Мурову поднять кафедру композиции на весьма высокий уровень. Создать композиторскую школу здесь, в «глухой и замороженной» Сибири. Школу сильную, самобытную, которая сегодня всюду имеет вес. Ученики Аскольда Федоровича работают в разных точках страны и планеты всей. Музыка? Звучит, звучит. Имя мастера носит Новосибирский музыкальный колледж. Носит его и конкурс детского композиторского творчества, ставший ныне традиционным. Изданы книги — публицистика, пособия. На подходе — сборник воспоминаний о самом Аскольде Мурове, шестьсот страниц.

А в Сибирской организации Союза композиторов (возглавлял он ее в 1965-1970 годах, а потом с 1984 года и до конца жизни) есть неброский портрет Мурова, сохранился в неприкосновенности и кабинет, где работал маэстро. Рояль и бумаги. Бумаги и рояль. Окошко светлое. Аскольдом Федоровичем все здесь дышит. Здесь все им светится. И с ним все миром одним мазано…

Гениев, как помним из истории, рождают нередко разные смуты и катаклизмы. Словно сама история выносит их на арену. И кто скажет теперь, как сложилась бы у Аскольда Мурова судьба, если б не «роковые сороковые»? Связал бы он ее с музыкой? Оказался бы в Сибири? На кого, в конце концов, была б возложена судьбой эта миссия — поднять здесь композиторское искусство, взрастить на суровой земле новый сад? Никто не скажет.

А начиналось все весьма прозаично. Разучивая некогда гаммы из-под пяты родительской прихоти, Муров проникся к музыке лютой ненавистью. Как проникаются ею «все нормальные дети», подобной участи не избежавшие. Он говорил вполне серьезно: «День, когда из моей комнаты вынесли фортепиано, показался мне самым счастливым днем в моей жизни».

И тут — война, перебросившая маленькую семью Муровых в суровый сибирский край из Саратова. Сделал свое дело известный указ «О переселении немцев, проживающих в Поволжье». Немцем же по национальности был отец семейства, Федор Федорович, — актер, служивший до войны в саратовском театре драмы. Супруга его, Марья Ефимовна, ранее воспитательницей работа-

ла. А уж потом, как замуж вышла, домохозяйничать принялась да сына воспитывать.

Так вот, с берегов Волги Муровы уехали в Кемеровскую область, на станцию Промышленная. Одновременно селились там эвакуированные граждане. Целыми заводами прибывали и фабриками, хозяйствами разными и творческими бригадами. В том числе, из Москвы да из Ленинграда. А люди — один другого ярче, интереснее. Это Аскольд Федорович заметил сразу. Были среди них и музыканты, естественно. Прекрасные музыканты! В клубе же местном обосновались сразу три оркестра: русских народных инструментов, духовой и джазовый. Юный Муров слушал. И заслушивался. Прошло немного времени, и день, когда «вынесли фортепиано», больше не казался столь счастливым. Подрастающий гений пустился в свободный полет. К самодеятельности клубной примкнул, стал инструменты осваивать (главным образом, духовые — трубу, саксофон, кларнет). Затем попробовал аранжировки делать. И собственное сочинять. К примеру, написал свой первый вальс — что-то в подражание Шопену. Об этом вальсе Аскольд Федорович вспоминал спустя десятилетия. С улыбкой вспоминал: «Разумеется, сейчас его нет». Вальса того самого, значит. Ну так и не беда! Особенно на фоне того, что сейчас есть.

Тогда была война. Сколько всяких картин оставили в памяти детство и юность? Понятно, не счесть. Но вот один из ярчайших образов, к которому обратился Муров, анализируя совсем другое время. Мирное…

Наша теперешняя страна и ее население напоминают мне сейчас большой прифронтовой город, который подвергается артобстрелам и бомбежкам и где вовсе не до оперы и камерных концертов, — пишет он. — *При этом, когда начинает выть сирена тревоги, разные люди ведут себя в этом городе по-разному. Одни остаются в своих квартирах, полагаясь на волю Бога, Вседержителя: будь что будет. Другие мужественно бросаются на крышу к зенитным пулеметам, чтобы вступить в бой. Третьи бегут в бомбоубежища и подвалы. А среди этих «третьих» люди тоже разные. Первые хватают с собой какие-то узлы с тряпьем, другие — буханку хлеба, и только какой-нибудь чудак-одиночка прихватит с собой в подвал футляр со скрипкой...*

Но когда все пройдет и утихнет, когда люди начнут возвращаться и приходить в себя от страха, тогда этот одиночка-скрипач откроет свой футляр и заиграет для этих измученных и уставших людей тихую, проникновенную музыку. Люди эти будут, конечно, благодарны и зенитчикам, которые защитили их от гибели, но не менее они будут благодарны и этой музыке, которая возвращает их к надежде и истинной жизни.

И так вот я помышляю, что мы… и есть те чудаки-одиночки, которым предназначено спасти свою скрипку, чтобы в свой час вернуть людям веру, надежду и любовь. Но для этого мы сами не должны растерять этот священный трилистник. Для этого от нас потребуется долготерпение, нелукавые труды и усердие. Иначе нам не выжить и не спастись. /А. Муров. Заколдованный круг. Н., 1989/

Судьбе было угодно не просто «перетянуть» Аскольда Мурова в Сибирь, но и всеми силами удержать его здесь. Было вот как.

В 1951 году Аскольд окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. А параллельно — музыкальное училище. По распределению попал в город Сталинск, ныне Новокузнецк, где целых семь лет и трудился — в области гражданского и промышленного строительства. Хотя музыку писать не переставал. И писал ее в основном к спектаклям местного драмтеатра. Это была, как говорится, отдушина. Мог он, по отзывам специалистов, добиться высот и как инженер-проектировщик. Только «отдушина», в конечном счете, перетянула.

Он мог уехать из Сибири. Например, в Ленинград — там было сконцентрировано все лучшее, что впитала в себя отечественная музыкальная школа. Но — не уехал. Ибо как в сорок первом попал под пресловутый указ, так и теперь еще не имел права покидать нашу «землю дремучую, глушь таежную». Что оставалось? Только Новосибирская консерватория.

Тут-то и возникли у Мурова первые трения с «системой». Композиторского факультета у нас тогда не было. А на дирижерско-хоровой, куда подал документы молодой автор, его попросту не взяли. Объяснив причину: городу и региону, мол, «нормальные» кадры нужны. Вы же, мол, товарищ дорогой, «не соответствуете инструкции». Посему вас брать с вашими посторонними интересами на место дирижера негоже. Тем более что количество мест ограничено… Тот все понял. И тщательно сокрыв свой «посторонний интерес», успешно сдал экзамены на следующий год. Сдал. По специальности. Но вот незадача — историю музыки завалил! Добиться цели Мурову удалось лишь с третьей попытки. Зато принят он был сразу на второй курс, к профессору Матвею Гозенпуду. Шел 1958 год. Спустя каких-нибудь три года «неправильный» абитуриент сам станет преподавателем Новосибирской консерватории. Еще через семь лет — доцентом кафедры теории музыки и композиции.

Говоря о своеобычности школы Аскольда Мурова, главный акцент ученики и коллеги ставят на том, что он прежде всего стремился воспитать личность. Вот сидит аудитория, тридцать человек. И вырасти из них должно не тридцать «маленьких муровых». А столько же ярких индивидов и творцов. Но он, конечно же, досконально переосмыслил и саму суть композиторской школы. Не думал считаться с конъюнктурой. Постоянно отыскивал свежие партитуры, прежде неизвестные сочинения. Допустим, Шуберта, Вагнера, Генделя того же. Все вместе на занятиях осваивали новые жанры, технические приемы. А музыку маэстро олицетворял! И доказывал: инструменты — живые. Они дышат. Они чувствуют. Они способны мыслить и рассуждать, любить и ненавидеть, лить слезы и смеяться от души... Все зависит от того, чему именно ты их научишь. Что вложишь в них. А первоосновой, фундаментом в музыкальном искусстве был для Мурова сам человеческий голос. Вокальное интонирование. Его многие произведения, в том числе вершина вершин — Пятая симфония, стали поистине драматическими: инструменты играют жизнь. Как иг-

рают ее на сцене талантливые актеры. Голос человека между тем он отождествлял с голосом человечества. Природы. Истории. Мира. Бога, наконец. И богатства этого голоса, во всех его ипостасях, он и старался запечатлеть...

Многому учил Муров. *Вы можете и не ходить на мои уроки,* — говорил он студентам, — *ваш выбор. Не бойтесь, никаких докладных на вас я писать я не буду.* Что в итоге? Наоборот, студенты валили к нему. Мурова просто любили слушать. Жаждали каждый раз, ждали заветного часа. И слушали! Учитель между тем говорил далеко не об одной музыке. Ее же он чаще всего рассматривал именно в контексте всевозможных связей — исторических, диалектических, общекультурных. Что отражалось и в собственном его творчестве. Что прививал Аскольд Федорович и ученикам своим. Кстати, не только студенты-композиторы шли «на Мурова», забегали также с разных других отделений. Дирижеры-симфонисты, например, или «народники». Не потому, что учебный план так предписывал. А потому… Ну стоило, стоило! Вот так придти и послушать. Для себя.

Со студентами Аскольд Федорович общался по-дружески. Уважал при этом каждого из них, видя в каждом личность и коллегу. Делился щедро — информацией, мыслями, находками разными. На том процесс обучения и строил. Вопросы? Разумеется, задавал. Такой, положим: «Что вы сегодня читаете?» Задавал не из праздного любопытства, он старался понять: насколько развит кругозор твой ныне, чем живы мысли твои, душа и, собственно, весь ты? Да, ничего не навязывал. Но вот заинтересовать — умел. Уж если начнет академика Лихачева цитировать или, например, Библию комментировать — бегом после этого побежишь и схватишься за первоисточник! Священное Писание, кстати, народ особенно увлекало — ведь кто его тогда открыто обсуждал? Но было. А здесь обсуждали. Чем угодно умел заинтересовать Муров. И делал это легко, попросту всем своим существом давая понять: что-то узнаешь — тотчас ощутишь себя приумноженным, чуточку разбогатевшим, более стойким и сильным. Счастливым, наконец! Маэстро был именно счастлив — и сам получить знания, и с ближним разделить их. Словно хлеб. И подопечным своим на то указывал: дескать, что сам освоил — передай другому. Учись и учи.

Говорил красиво! Слово чувствовал, как музыку. Дома у Мурова, кстати, среди любимых книг были разные словари. А среди них был словарь синонимов. Он им, по всей видимости, часто пользовался. Ученики вспоминают: скажет слово иной раз — и сразу несколько «вариаций на тему» выдаст, пять-шесть аналогов одного понятия приведет. При этом речь его совсем не казалась тяжелой, перегруженной. Наоборот, он так ее компоновать умудрялся, что становилась она лишь ярче, живее и убедительнее. Владел Аскольд Федорович и даром оратора, и пером литератора. А по долгу службы (на посту председателя Союза сибирских композиторов, например) часто вынужден был всякие важные бумаги составлять, письма деловые писать и прочее. Так вот, коллеги поражались: сядет — раз, два... Моментально сострочит, поставит подпись. И

редактировать, исправлять ничего не приходится. Любую мысль на ходу формулировал «как надо» и всегда без черновиков обходился.

Широту и многогранность натуры Аскольда Мурова сполна отразил его творческий диапазон. Девять симфонических произведений, оратория «Бессонница века», циклы «Русские портреты», «Сибирские свадебные песни», «Блокиана», «Песни села Балман», опера «Великий комбинатор» (по Ильфу и Петрову), оперетта «Умные вещи» (по Маршаку), множество концертов, в том числе духовных, камерные произведения, музыка к спектаклям и кинофильмам... Мурову была свойственна редкая трудоспособность. Творил себе и творил! Не остановится, не споткнется. Ни потолка, ни тупика, ни вакуума. Всегда в ударе. Всегда неисчерпаем.

Что писать? Маэстро (в своих «Практических советах начинающим композиторам») замечал: *У большого, щедрого таланта этот вопрос не бывает мучительным, потому его голова и слух всегда переполнены разными звуковыми идеями, и ему предстоит только отобрать то, что более созрело и более необходимо в данное время.* В чем, собственно, секрет и самого его. Переполнял же он себя непрерывно, и источников тому было множество. Один из самых ценных — общение с коллегами и друзьями, патриархами нашей музыкальной культуры. Они способны были обогатить друг друга. И поддержать в период «бурных потрясений».

Особенно много дал Мурову — в плане творческом и в жизни как таковой — Дмитрий Шостакович. В книге «Заколдованный круг» есть отдельная глава, ему посвященная. А в той главе есть строки: *Музыка Д. Шостаковича велика своей трагедийностью, которая в равной мере олицетворяет гигантские потрясения целых народов и может чутко сосредоточиться на трагедии одного человека.*

Его музыка становится язвительной, насмешливой и беспощадной (увы, 40 лет нам была недоступна его опера «Нос»), когда его чистая и честная душа натыкается на тупость или лицемерие.

Музыка Д. Шостаковича для меня гневна и мятежна, потому что она бунтует против любого деспотизма и подавления. Тихие, скорбные места в его музыке всегда будут напоминать мне (как первый круг дантова Ада) о его великом сочувствии к страданиям невинных.

Страдания... А сколько выпало их на долю талантов? На долю самого Аскольда Мурова? Ведь время было дикое! Репрессии (в прямом смысле) сошли на нет, но злое бремя идейной запрограммированности то и дело вызывало у партийных боссов зуд. Доморощенные музыковеды искали в музыке «привычные темы». Известно, какие: дух народный, голос гражданский. Потакающий системе, ясно. А музыка между тем звучала, великая трагедийностью. Бунтарская и скорбная. Насмешливая и... Разумеется, идеологически ущербная. Вот и громили ее нещадно. В чем только не обвинили Мурова после премьеры его Третьей симфонии! Формализм. Создание некоего эксцентрического дивертисмента. Чеканка низкопробная в усладу кучке гурманов.

Полная безответственность — художника и гражданина. И так далее, тому подобное.

Но «коронным номером» стал разгром «Тобольской симфонии», свершившийся в 1974 году. Номер этот сподвижники маэстро ныне сравнивают с совещанием ЦК ВКП (б) 1948 года — тогда едва ли не весь свет современной отечественной музыки, прямо скажем, подвергся шельмованию. Прокофьев, Хачатурян, тот же Шостакович — всем «досталось по справедливости». Своеобразной, конечно. А через много лет «потомки объективных критиков» устроили казнь Аскольду Мурову. Новосибирское отделение Союза композиторов занимало в ту пору комнату в оперном театре. Там и собрались. Все было бы наверняка спокойнее и тише, когда б не прибыли «гости» — инструктор обкома и секретарь райкома КПСС. А еще — представители партийной ячейки консерватории.

За что казнили-то? Мягко говоря, за то, что произведение ни в какие рамки не лезло. Автор использовал в нем, например, тексты библейских псалмов, фрагменты «сверхповести» Велимира Хлебникова «Зангези» (о Ермаке) и ряд исторических документов, которые найдены в тобольском архиве. Царские указы, протоколы… Боже! Ну кому Аскольд Федорович пытался объяснить природу и суть своего детища?..

Высказался Муров в начале собрания. Деликатно, уверенно. А потом завертелось. А потом понеслось. Супруга его, Алла Федоровна, даже вскрикнула. Сам же он до конца сохранял спокойствие. Не дрогнул, не раскаялся. И больше — ни слова. Но когда читаешь стенограмму сего аутодафе (есть она в «Заколдованном круге») — отчаяние берет. Не столько оттого, что хаяли. Но оттого, что хаяли те, кто вроде как и не собирался этого делать. Братья по цеху, питомцы муз. Иные начинали речь едва не дифирамбом. О достоинствах произведения говорили: эмоциональный накал, грандиозная плановость… Но тотчас же спохватывались, уловив на себе отрезвляющий взор законодателя исторической правды. И словно бы нехотя, словно собственной песне наступая на горло, принимались выискивать блох. Что-то полувнятное изрекая — скажем, про «убывание количества музыки», «не совсем понятную сверхзадачу произведения», неоправданное использование псалмов, спорный финал... И прочее, прочее. На кого играли?

А ведь кроме этих «разовых» расправ, шла медленная, непрерывная день за днем работа над обузданием нашего сознания и подавлением творческой воли, — напишет позднее Муров. — *Англичане говорят: «Если лягушку посадить в сосуд с водой и поставить этот сосуд на медленный огонь, то лягушка сварится, не испытав при этом никакого беспокойства». Знаю лично многих... которые вот так «сварились», но сами об этом даже и не догадываются. Они просто не знают своего ничтожного, бесправного, нищенского существования.*

Впрочем, вся эта страшная возня не изменила творческого и философского кредо мастера. Не согнула его. Аскольда Федоровича, как его друзья замечают, можно было сломать. Но не согнуть! А это вещи разные. Ломали — да,

не раз. «Хотели привести меня в свою веру», — замечал он. И вынужден был порой решаться на компромисс. Было у него несколько сочинений, от которых пришлось отказаться («Ленин в Шушенском», например). Попросту сжечь их. Однако и здесь Муров рассудил мудро: будем считать, мол, что это своеобразный подоходный налог. Он «платил налоги», мог отказаться от своих сочинений. Но только не от убеждений. И не от себя самого.

Что ему помогало держаться? Свойства личности, сила духа. Степень познания жизни. Умение философски ее осмысливать. Глубинная вера в собственную правоту. В то, что ты (на самом деле!) не жертва — ты лидер. И среди всех его талантов — еще один большой талант. Какой? А вот такой: жить поверх барьеров. Причем, как мы уже отметили, был Аскольд Федорович не один. Друзей же его, в числе которых были такие выдающиеся личности как Дмитрий Шостакович, Родион Щедрин, София Губайдулина, Эдисон Денисов, Альфред Шнитке и многие другие, тоже не минула чаша сия. Тоже терпели и тоже платили. Но жили «поверх»... И служили друг другу прочной опорой: каждый шел к своей цели, не давая при этом другому согнуться, свернуть в сторону или упасть.

Помогали книги. И, в частности, Книга Книг — Библия. *Быть может, в ней вы найдете много непонятного,* — говорил Аскольд Муров ученикам, — *но в ней вы никогда не найдете глупостей.* Библию же он все искал неканоническую: *Потому что в канонической нет премудростей Соломона.* Вера Аскольда Федоровича была глубоко осмысленной, он не погружался в нее слепо. Веру воспринимал как особую этику. Как определенное мерило ответственности, культуры твоей. Как путь к познанию природы мира. И человека в нем... Исследовал всевозможные музыкальные образцы, связанные с религиозной темой (вплоть до рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда»). Конечно, широко использовал библейские мотивы и в собственном творчестве. Много музыки написал для Вознесенской церкви, известной всем новосибирцам. Ходил ли в храм сам? Разумеется. Но при этом он, кстати сказать, с большим уважением относился и к любой другой религии, другой культуре. Тот же Коран изучил досконально. Все пытался постичь. Все узнать. Познаниями скорбь не умножая...

Помогала, наконец, ему вера в свое продолжение. Здесь, на земле. На которой он просто горел! Он умел «утрамбовывать» время, подчиняя его себе же. В одни биологические сутки, скажем, запросто мог вместить сразу несколько. Разумеется, когда б не по количеству часов судить, но по объему всего сделанного. Вставал рано, брался за работу. Творил. Затем приходил в консерваторию. Учил. Затем… И так далее, далее, далее. Не щадил себя совершенно.

Что до барьеров, то в последние годы их Аскольду Федоровичу стали еще и врачи ставить. Как там? Этого нельзя, того нельзя… Побольше отдыхать, а вот курить поменьше. Маэстро лишь плечами пожимал: если, мол, нельзя ничего, так зачем тогда жить? Какие могут быть ограничения? К слову, курил действительно много. Иной раз прямо в аудитории, что ему (ему!) было дозво-

лено. Он же разрешал это и студентам, ибо все равно смалят, не маленькие. А вместе оно сподручнее будет! Покурим, заодно Генделя разберем. И додекафонную систему тоже. Да, был в этом некий стратегический шаг. Простой такой шаг — к преодолению опять-таки барьеров. Между преподавателем и студентом на этот раз.

Муров любил «Беломор». Бывало, сердце уже пошаливает, время задуматься… Думал. И что? Ну, допустим, утро. Приходит Григорий Гоберник, один из его любимых учеников. Надобно поработать. Хотя чего-то явно не хватает. Учитель тогда ему: «Гриш, а Гриш, кофейку мне быстренько сделай». Или так: «Принеси-ка мне моих любимых папирос». И шалило сердце, и работа шла. Горел, горел!

Впрочем, для него и не важно было, сколько ему отмерено лет. Биологических лет. Условных, значит. Главное же — на всю катушку прожить, на полную мощь. А летоисчисление он ввел свое. Потому здесь особенно неуместен заскорузлый штамп — «безвременно ушел». Ну что мы про это время знаем? Способны ли превозмогать условности? Иной прямо наяву впадает в летаргический сон, бредет сомнамбулой по жизни — год, потом другой, потом третий… Но содержание? Все то же. Все ничто. А кто-то, напротив, за одну жизнь умудряется прожить еще одну. И другую. И третью. Затем они все вместе продолжаются. Именно здесь! На земле. Даже если ты уже ушел... Кстати, близкие и друзья Аскольда Федоровича замечают: никогда не гасли его глаза. Ясные, все те же васильковые и солнечные, не теряли они живости и красок, не тускнели, что б ни происходило. Светились, когда шла «казнь». И потом, когда тяжелый недуг открыто подтвердил, что не отступит. Да не погасли эти глаза вовсе! Просто закрылись. А свет остался. Навсегда.

...Аскольд Федорович Муров (5 февраля 1928 года — 7 июня 1996 года). Профессор. Лауреат Государственной премии РСФСР. Заслуженный деятель искусств России. Учитель и Творец. Отпевали его в любимом Вознесенском храме. Похоронен на Заельцовском кладбище.

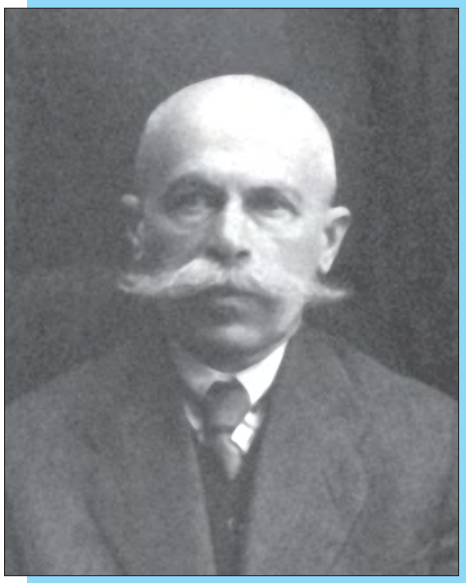
И вот ведь деталь... «Я подошел и вздрогнул, — рассказывает композитор Юрий Юкечев, — тут же могила одного политического деятеля. Да, да, одного «из тех самых». Были при жизни по разные стороны баррикад, а теперь лежат рядом. Может, уже и поговорить успели о чем-нибудь...» Может быть.

Только зла я, по-христиански, ни на кого не держу, — это Муров успел сказать здесь. На земле.

Наталья МАНТОРОВА

За помощь в создании материала автор благодарит музыковеда Ладу ПЫЛЬНЕВУ, председателя правления Сибирской организации Союза композиторов РФ Юрия ЮКЕЧЕВА и новосибирского композитора Владимира НАТАНЗОНА, учившегося у Аскольда МУРОВА.

Фото предоставлено Ладой ПЫЛЬНЕВОЙ.



Династия хирургов

У новосибирцев среднего и старшего поколений, которым приходилось в свое время бывать пациентами в стационарах, это имя если не на слуху, то на памяти. «Профессор Мыш? Хирург? Ну как же, конечно!» Хотя, сами того не зная, они имеют в виду внука или сына В.М. Мыша, а не его самого — прославленного хирурга, академика, который почти полвека плодотворно трудился в Сибири (Томск, Новосибирск), создал целую школу своих учеников, разработал актуальнейшие вопросы урологии, нейрохирургии, полостной хирургии и т.д., опубликовал множество научных работ и монографий и умер в Новосибирске в 1947 году. В 2003 году медицинская общественность города отметила 130-летие со дня его рождения.

Итак, Владимир Михайлович Мыш.

Родился он в 1873 году в Санкт-Петербурге, в семье ученого-правоведа М.И. Мыша, многочисленные труды которого по юриспруденции

были в то время настольными книгами юристов. В семье Володя получил прекрасное образование — к моменту окончания гимназии владел немецким и французским языками и настолько хорошо играл на скрипке, что перед ним стоял выбор, куда поступить — в консерваторию или Военно-медицинскую академию. Но выбор все-таки пал на медицину.

Сам Владимир Михайлович в автобиографической книжке «Мой путь врача-специалиста» объясняет это обстоятельство влиянием домашнего врача: *…доктор Рабинович усматривал во мне наличие склонности к врачебной специальности в том, что я с увлечением выдергивал клещами вбитые мною же в подоконник гвозди, воображая, что извлекаю зубы; в том, что летом на даче я ловил лягушек и, пользуясь шипом от какого-то колючего кустарника, пытался выяснить, сколько слоев брюшной стенки лягушки надо пройти, прежде чем попадешь в брюшную полость; в том, что по собственному почину лечил задыхающуюся канарейку паровыми ингаляциями, и, наконец, в том, — невероятно, но факт, — что перочинным ножом вскрыл флюс у сильно страдавшей от зубной боли нашей домашней прислуги.*

Владимир Мыш подал прошение о зачислении его студентом в Военно-медицинскую академию и был принят на первый курс. Юноше в то время исполнилось 17 лет. Еще будучи студентом, Владимир проявил наклонность и способности к научной работе. По заданию академика Попова он пишет объемистый труд «Панкреатический диабет, его патогенез и клиника», удостоенный золотой медали.

В 1895 году Владимир Мыш с отличием окончил академию, получив звание лекаря, и по конкурсу был оставлен для усовершенствования в избранной им специальности в хирургической клинике одного из самых выдающихся представителей клинической хирургии того времени академика Н.А. Вельяминова. Здесь Владимир Михайлович пишет и защищает диссертацию на тему «Herniae vaginales inguinales в детском возрасте» и в 1898 году получает звание доктора медицины. Имея уже ряд работ, В.М. Мыш как стипендиат назначается по военному ведомству на периферию и начинает работать в Калужском военном лазарете, заведуя хирургическим отделением. Калуга далека от научных центров, но не надо забывать, что Владимир Михайлович прошел школу профессора Вельяминова, он и здесь, в заштатном лазарете, ведет научную работу и продолжает публиковаться. Профессор Мыш вспоминает:

В Калуге я с жаром принялся за разграничение вверенного мне хирургического отделения местного военного лазарета, взяв за образец постановку дела в воспитавшей меня клинике… Асептика в отделении была поставлена на должную высоту, так что со спокойной совестью можно было браться за любые оперативные вмешательства, не опасаясь раневых осложнений… Кстати сказать, соответствующий инструментарий был приобретен на собственные средства. Некоторое разнообразие в оперативную деятельность вносила изредка возможность оперировать на женском материале, поскольку речь шла о женах военнослужащих (имеется в виду цистоскопия).

Кроме богатой хирургической практики, в становлении В.М. Мыша как специалиста неоценимую роль играло самообразование. Насколько актуальны для нынешних скороспелых врачей приведенные ниже строки! Конечно, это писал потомственный интеллигент из петербургской семьи, с детства изучавший иностранные языки, не очень стесненный в материальных средствах, в отличие от нынешних медработников; это писал хирург милостью Божией, будущее медицинское светило, и все же, все же…

…я хотел бы подчеркнуть исключительную важность достаточного личного книжного оснащения. Книга для врача вообще и для желающего расти врача-специалиста в особенности необходима так же, как и инструмент для мастерового. Будущий врач еще на студенческой скамье должен быть заинтересован в составлении библиотечки, которая будет его надежным спутником и советчиком в будущей самостоятельной работе. Эту библиотеку надо заботливо пополнять в течение всей своей жизни… Я не могу представить себе специалиста без собственной, всегда под руками имеющейся библиотеки и не знаю более уродливого явления, чем врач, отъезжающий по окончании вуза на самостоятельную работу свободным от книжного балласта в убеждении, что он все постиг, все знает и в книге не нуждается…

К концу трехлетнего пребывания в Калуге В.М. Мыш почувствовал, что ему стало тесно в рамках его хирургического стационара, а перспектива дальнейшей военно-медицинской службы совершенно не прельщала. Случайно на глаза попалось объявление о конкурсе на кафедру общей хирургии с десмургией и учением о вывихах и переломах на медицинском факультете Томского университета.

Эта публикация всколыхнула его юношеские мечты, однако для осуществления их имелись серьезные препятствия. Во-первых, главное военно-медицинское управление не собиралось освобождать В.М. Мыша от его обязательств по военной службе; во-вторых, у соискателя отсутствовало звание приват-доцента как доказательство наличия преподавательского опыта; в-третьих, претендент был еще непростительно молод, ему едва исполнилось 28 лет — возраст, можно сказать, юный для профессорской кафедры.

Владимир Михайлович обратился за помощью к бывшему шефу профессору Вельяминову, и тот, желая помочь своему талантливому ученику, все устроил. Осенью 1901 года В.М. Мыш был уже в Томске. Так начался главный период его жизни — сибирский.

В ноябре 1901 года состоялась вступительная лекция В.М. Мыша в Томском университете. По традиции прочитана она была в торжественной обстановке, в актовом зале, в присутствии профессорско-преподавательского персонала и переполнившего зал студенчества. Начиналась она словами:

Милостивые государи! Приступая к чтению курса хирургической патологии и терапии, с учением о вывихах и переломах, десмургией и механургией, отдавая дань принятому обычаю, я избрал предметом первой лекции тему об-

щего характера и содержания, которое можно наметить следующими словами: значение современной хирургии в области теоретической и практической подготовки современного врача и средства ее изучения…

Преподавательская деятельность В.М. Мыша началась в очень трудных условиях — не было ни клиники, ни сколько-нибудь оборудованной кафедры. Читаемый курс оказался теоретическим в полном смысле слова, кафедру пришлось оснащать с азов. К лекциям Владимир Михайлович готовился очень тщательно, но, полагаясь на свою превосходную память, почти ничего не фиксировал на бумаге. О содержании его лекций можно составить себе представление по вышедшему в 1907 году в Томске первому тому работы профессора Мыша «Основы хирургической патологии и терапии». Однако труд этот остался незавершенным в связи с перемещением Владимира Михайловича на кафедру факультетской хирургии, что составляло предмет его стремлений в течение многих лет.

Здесь следует отметить еще одно обстоятельство. В.М. Мыш по национальности еврей, а к евреям в России во все времена испытывали недоброжелательство, особенно на периферии, и по мере возможности сдерживали их профессиональный и творческий рост. Владимир Михайлович к религиозным убеждениям относился спокойно, поэтому ему ничего не стоило принять православие — тем более что он тогда оказывался единоверцем для тех, кто пользовался его врачебной помощью. Позднее, уже по велению сердца, В.М. Мыш на собственные средства построил церковь в центральной части города, на берегу речки Ушайки.

В 1909 году В.М. Мыш избирается профессором факультетской хирургической клиники Томского университета, которой он бессменно руководил до второй половины 1931 года, вплоть до перевода в Новосибирск. Ранее, вскоре после приезда в Томск, Владимир Михайлович назначается консультантом и организует хирургическое отделение больницы Красного креста. Кроме того, профессор Мыш прилагает свои блестящие знания, опыт и дарования в губернской больнице, военном госпитале, физиотерапевтическом институте.

Годы безвременья, связанные с гражданской войной и колчаковщиной, не оказали заметного влияния на В.М. Мыша — он ни на минуту не ослаблял своей деятельности как врач, как научный работник и преподаватель. Один из его учеников профессор С.Л. Шнейдер вспоминает:

В 1920-м году можно было видеть Владимира Михайловича в нетопленой квартире, в шубе и шапке, глубоко за полночь за научной работой и подготовкой к лекциям и занятиям.

В этом, как мы называли его квартиру, «большом голубятнике», за маленьким столиком у «железки», прерывая свои занятия подкладыванием в печку дров и подшуровыванием их, работал не покладая рук после долгого рабочего дня наш учитель. Это были часы чтения-проверки наших научных работ, в перерывах между чем Владимир Михайлович согревался горячим чаем, все на той же плитке кипяченым. Как он, бывало, говорил: «Согреемся калориями тепла». Если

нужно было, то он не отказывал нам быть и переводчиком с английского. А если поздно ночью телефонный звонок возвещал о прибытии раненых в военный госпиталь, о каком-нибудь экстренном случае в железнодорожной больнице, о каком-либо серьезном осложнении в клинике, в физиотерапевтическом институте, — безоговорочно отправлялся Владимир Михайлович туда, где требовалась его умелая рука и разумный совет, с тем, чтобы утром с точностью до одной минуты вовремя прийти на занятия в клинику.

С особым вниманием и заботой В.М. Мыш лично следил за сохранностью имущества и инвентаря клиники, за тем, чтобы в палатах всегда поддерживалась достаточная температура. Это дало возможность выполнить указание губернской власти о непрерывной работе клиники в течение круглого года в 1920-1921 годах. Вместо прежних трех операционных дней в неделю вводится четвертый, коечный фонд увеличивается вдвое, резко возрастает пропускная способность и т.д. Стараниями профессора Мыша клиника своей оборудованностью, разворотом научной работы заметно выделяется среди других медицинских учреждений, что неоднократно отмечали нарком просвещения А.В. Луначарский, нарком здравоохранения Н.А. Семашко и другие члены правительства во время посещения Томского университета.

В 1927 году в Томске открывается Институт усовершенствования врачей, и В.М. Мыш первым приглашается и утверждается профессором хирургической клиники этого нового медицинского заведения. В 1931 году институт, как уже отмечалось, переведен в Новосибирск, и Владимир Михайлович продолжал заведовать кафедрой хирургии до конца своих дней и одновременно (с 1936 года) являлся завкафедрой факультетской хирургии Новосибирского мединститута.

В годы Великой Отечественной войны профессор Мыш был главным консультантом эвакогоспиталей Новосибирска, как и прежде ни на день не прекращая своей врачебной, научной и преподавательской деятельности.

По общему признанию, В.М. Мыш удивительным образом сочетал в себе качества блестящего хирурга, выдающегося клинициста и преподавателя. Задача, которую ставил перед собой Владимир Михайлович в последнее десятилетие своей долгой и наполненной высоким смыслом жизни, — подготовить целую группу своих учеников с законченным академическим стажем, «кадров для кадров», дать еще одну когорту руководителей хирургических кафедр.

Им создана собственная школа хирургов, среди которых В.С. Левит, Г.М. Мухадзе, А.Г. Савиных, В.М. Галкин, С.Л. Шнейдер, К.Н. Черепнин, Д.В. Мыш и другие.

Владимир Михайлович Мыш являлся крупным инициатором и организатором всех отделов хирургической клиники — урологии, травматологии и ортопедии, рентгенологии, оториноларингологии, стоматологии, нейрохирургии, костно-суставного туберкулеза. Его называли живой хирургической энциклопедией, «инженером от хирургии».

Как лектор-преподаватель профессор Мыш постоянно работал над собой, его лекции от начала до конца — существо содержания курса. В студенческой среде он считался одним из наиболее почитаемых и любимых профессоров медфака, его аудитория всегда была до отказа переполнена. Однако особо увлекательными, особо ценными представлялись его лекции для коллег. И чем выше оказывался стаж врачей-курсантов, тем больше восхищения вызывали эти лекции — глубоко содержательные, ясные, четкие, методически безупречно выстроенные. Но в научной деятельности Владимир Михайлович был строг, взыскателен и не выпускал из клиники работ, не проверенных им лично и притом тщательно. Предварительных сообщений он не признавал.

В.М. Мыш опубликовал свыше 130 научных работ, в том числе руководства и монографии по абдоминальной и грудной хирургии, онкологии и др., неоднократно переиздавались его «Клинические лекции по урологии» и «Очерки хирургической диагностики».

Всеми помыслами и поступками Владимира Михайловича руководила исключительная преданность отечественному здравоохранению. Именно поэтому он пользовался заслуженной любовью и уважением студентов, многочисленных своих учеников, врачей и курсантов, и особенно больных; его деятельность снискала внимание, уважение и поддержку общественности и руководства. ВЦИК присвоил ему звание заслуженного деятеля науки. Он награжден также автомобилем. Имя В.М. Мыша носит кафедра хирургии Новосибирского мединститута (впоследствии академии).

В.М. Мыш дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР (1937, 1946 годы), являлся почетным членом Всесоюзного, Московского, Ленинградского и других хирургических научных обществ. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Скончался Владимир Михайлович Мыш в 1947 году. Похоронен на Заельцовском кладбище. На могиле воздвигнут памятник, увенчанный его бюстом.

Семейную традицию продолжил Дмитрий Владимирович Мыш — сын Владимира Михайловича. Он родился в Томске в 1902 году, окончил медицинский факультет Томского государственного университета и прошел отличную школу в хирургической клинике своего отца — академика В.М. Мыша.

В 1936 году Д.В. Мыш впервые в Новосибирске организовал онкологическое отделение и явился первым пропагандистом знаний в этой сложной отрасли хирургии. Городская станция переливания крови — тоже его рук дело. В годы Великой Отечественной войны Д.В. Мыш — в рядах действующей армии. Он был ведущим хирургом армейских и прифронтовых эвакогоспиталей. За самоотверженную работу награжден тремя орденами и несколькими медалями. В 50-е годы проводил большую преподавательскую, научную и лечебную работу в стенах Новосибирской хирургической клиники. Скончался в 1961 году во сне.

Надежда Павловна и Дмитрий Владимирович Мыш

Жена Д.В. Мыша, Надежда Павловна, тоже оставила след в истории культуры города. Она была старшим преподавателем Новосибирской консерватории по классу фортепиано, аккомпаниатором в филармонии, заслуженным работником культуры.

Еще один представитель славной династии — Георгий Дмитриевич Мыш, сын Дмитрия Владимировича и Надежды Павловны. Он родился в 1930 году и впоследствии говорил шутя, что при такой родословной его профессиональный путь был предрешен с пеленок. Так и произошло. Георгий Дмитриевич тоже стал медиком, хирургом, а в 36 лет защитил докторскую диссертацию — случай достаточно редкий в научной медицинской практике — и возглавил кафедру хирургии Новосибирского мединститута, основанную его дедом полвека назад.

Георгий Дмитриевич Мыш

Г.Д. Мыш был уникальным специалистом. Он опробовал на собаках, а затем ввел в хирургическую практику операцию при ишемической болезни сердца, которая проводилась под местной анестезией и продолжалась не более получаса. Во многих случаях эта операция заменяла аортокоронарное шунтирование — операцию сложную и достаточно дорогостоящую. В Новосибирск

к профессору Мышу приезжали больные со всей страны. Слава его как хирурга-кардиолога распространилась далеко за пределами Сибири. Он является автором сотен статей и монографий, в том числе трех больших книг о хирургической помощи при ишемической болезни сердца. Г.Д. Мыш дал дорогу в практическую хирургию десяткам аспирантов. Последним его благим деянием для Новосибирска стало строительство клиники хирургии с отделением кардиохирургии. В официальных бумагах она фигурировала как «Лабораторно-клиническая больница для лечения заболеваний по методу профессора Г.Д. Мыша».

Обстоятельства сложились так, что в 1995 году Георгий Дмитриевич уехал в Израиль. Однако его богатейший опыт и знания оказались невостребованными на «святой земле». В жизни выдающегося хирурга возникла пустота, которую нечем было заполнить; все больше давала знать о себе ностальгия, перешедшая, выражаясь медицинским языком, из хронической формы в острую. В 99-м, на семидесятом году жизни, Георгия Дмитриевича не стало.

Такова судьба этой уникальной династии врачей-хирургов, имена которых занесены в энциклопедии и учебники по медицине.

Евгений ГОРОДЕЦКИЙ

Фотографии из семейного архива И.Д. Зайцевой (Мыш). Публикуются впервые.

«Археолог должен спешить»

Века и день академика Окладникова

Душу кочевника даль зовет…
Привычное беспокойство снова овладело нами, когда мы тронулись в путь.

Н.М. Пржевальский

Не бранил свое время. Не жаловался на действительность. Никого не обличал. На судьбу не обижался.

Обошли его обиды? Не знаю. Знаю только, что всегда его переполняли впечатления последней экспедиции. И занимали планы будущих поездок, раскопок, поисков.

Читал ли он газеты? Тоже не знаю. Никогда ни на какие злободневные темы мы с ним не говорили. Потому что он «читал» Книгу веков, и там откапывал (и в прямом, и в переносном смысле) такие новости, которым и сам не переставал удивляться.

— Археолог должен спешить, — не раз и не два слышала я от Алексея Павловича Окладникова, благодаря которому и мне посчастливилось заглянуть в эту самую Книгу, такую красивую, такую загадочную. Наука и поэзия тут одна без другой непредставимы. И кто кому в этом симбиозе более полезен — художник исследователю или наоборот?

Праздная риторика. Ведь миру известен ученый Окладников, а не поэт. Но на тех, кто с ним общался, его поэтическая одухотворенность поисками действовала магнетически. По себе знаю.

1968 год. Общественность готовилась отметить 60-летие со дня рождения и 40-летие научной деятельности члена-корреспондента АН СССР, директора единственного в Академгородке «гуманитарного» института А.П. Окладникова. Изготовили билет, извещающий о юбилее, но тут же и предупреждающий: «по просьбе юбиляра юбилей отмечаться не будет». И, конечно, АП в эти дни в Новосибирске не было.

Находясь уже в славе и почете, образ жизни он по-прежнему вел походный. И ничего «общественности» не оставалось, как воздать ему должное в восторженной газетной статье:

По неполным данным А.П. Окладников опубликовал более 400 работ и около 20 монографий, часть из них переведена на английский, немецкий, японский и другие языки.

…Он исколесил вдоль и поперек огромную Сибирь, бывал на островах Ледовитого океана, плавал среди арктических льдов, ездил по пустыням Средней Азии, бродил в горах Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, в последние годы исколесил всю Монголию и ведет большие экспедиционные работы на Дальнем Востоке. Много тысяч километров ученый прошел пешком, по безбрежной тайге и бескрайней тундре, ездил на собаках, плавал по великим сибирским рекам и затерявшимся на просторах Якутии речушкам, карабкался по крутым склонам гор. Везде и всюду Алексея Павловича встречала удача…

В тот год мы работали над фильмом об Окладникове.

Точнее — продолжали работать над фильмом, мысль о котором появилась в процессе съемок другой нашей картины — о первобытных памятниках искусства на территории Советского Союза.

«Мы» — это трое: кинооператор Новосибирской студии телевидения Олег Максимов, помощник оператора Валерий Халин и я, сотрудник областной газеты. О первобытном искусстве мы сделали два фильма: цветной «Кроманьонец о себе» и черно-белый «У истоков искусства». Снимали наскальные рисунки в Азербайджане и Карелии, на Урале и Памире, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Втянул меня в эту прекрасную и трудную работу Олег Максимов, а его заворожил Книгой веков, конечно же, Алексей Павлович. Окладников высоко ценил Максимова. Одну из своих книг ученый подарил кинооператору с надписью: «Неистовому Олегу Максимову, близкому мне по многому». Он брал Олега с собой в экспедиции, ему нравился в Максимове сплав привлекатель-

ных качеств — легкость на подъем, неприхотливость, добрый юмор в отношениях, страсть к путешествиям, поклонение красоте. Нравилось отношение Олега к работе: ради «нескольких кадров» Максимов готов был лететь на край света, многими сутками ждать солнечного проблеска в снежном мае горного Памира, десятки километров по крутым и опасным тропам тащить на себе тяжелую камеру, неуклюжий деревянный штатив, железные яуфы с пленкой.

АП нашел в Олеге душу. Про Олега и говорить нечего — готов был следовать за Окладниковым куда угодно и когда угодно. С кинокамерой, которой владел мастерски.

Отснял сотни метров — и попросил меня помочь «организовать» материал, определиться с досъемками, увидеть будущую картину в ее сюжетном и образном решении. Словом, написать сценарий документального фильма об Алексее Павловиче Окладникове.

И — помучилась я немало. Масштаб личности героя сковывал воображение. Информация подавляла объемами. «Наука» требовала точности, а «поэзия» — сопротивлялась сухости.

Посмотрела максимовские пленки — еще больше растерялась. Записывала — для себя — увиденное.

«Ходит-бродит человек по степным и таежным тропам. Без рюкзака, без модернового туристского оснащения, в рабочей одежде то ли геодезиста, то ли строителя.

Идет — по долинам и по взгорьям. Через овраги и косогоры. Размахивает руками, к цветку не наклонится, к птицам не прислушается. Зато не пропустит камня, не пройдет мимо выбеленной ветрами, дождями и солнцем кости какого-нибудь зверюги, а, может быть, и… В камень всматривается, как в цветок, вслушивается, как в птицу. Странный человек ходит по диким степям Забайкалья. И что он здесь ищет?

То роет яму, то лезет в гору, то очищает кость, то моет камень — и снова пошел, пошел, пошел… Человек высокого роста, шаги большие, а походка легкая и ходить ему, видно, по всякой земле привычно: что в тайге, что в пустыне, что по горам, что по равнине…

А вот он спит на переднем сиденье «газика», рядом с шофером. Дорога, похоже, длинная, да, наверное, и утомительная. Бежит машина по монгольской степи, сморило путешественника. Вдруг встрепенулся, остановил «газик» и… опять пошел куда-то. Точно позвал его кто-то. Идет стремительно, уверенно — будто тайник с кладом вычислил.

Вот лагерь на поляне, палатки. Костер — с котелками над ним. Раннее солнечное утро. Кашевар у костра. АП сидит на раскладушке около палатки — бреется. Один из его учеников держит перед ним зеркало.

Вот прыгает по камням. Это уже на острове Итуруп Курильской гряды.

Переправляется на пароме. Это в Бурятии.

Мчится на катере по Байкалу.

Берег реки. Ямы. Траншеи. Груды земли. Раскопки. АП и не сразу определишь среди других «землекопов».

Монголия. В честь Окладникова в храме Дацан сам Главный лама устраивает прием. Национальный обычай — дорогому гостю подносят баранью голову. АП чуть смущен, слегка скован… Видишь его на церемонии — и сочувствуешь: куда естественнее для него костры и палатки, берега таежных рек и пещеры».

И много-много еще черно-белых кадров. Без звука. Без монтажа. Что с ними делать? Как рассказать за двадцать минут о человеке, которого титулуют «выдающимся исследователем древних культур Азии»? Десятки книг, мировое признание, сенсационные открытия, а он, как новичок, опять мчится на раскопки, отдыхает у таежных костров, мотается по дорогам, чаще — по бездорожью Сибири и Дальнего Востока. Кто он? Рыцарь науки? Искатель приключений? Бродяга?

Все вокруг говорили о разносторонности научных интересов Окладникова, о его невероятной работоспособности, о несомненном литературном даровании ученого, умеющего писать о серьезных научных проблемах увлекательно и образно.

Мы и хотели сказать о том же в нашем фильме.

Побывали на Лене, у Шишкинских скал. У этого крупнейшего в стране памятника первобытного творчества, вошедшего в мировую культуру благодаря трудам Окладникова и его жены Веры Дмитриевны Запорожской. Их совместная книга «Ленские писаницы» хранит рисунки, оставленные в камне первобытными охотниками. Более двух тысяч рисунков в этой замечательной галерее на скалах.

Мы были на Лене дважды. И второй раз приехали не к скалам — к человеку. Жив был еще семидесятипятилетний страж Шишкинских скал — Виктор Иванович Силин. Жил в небольшой избушке-развалюшке на пустынном берегу Лены более тридцати лет. Подвижный старик с громадной белой бородой. Говорил быстро, грамотно, образно — «всяко сердце двухсистемно: могу любить, могу убить!». И называл Ок-

ладникова не иначе как «Лешкой», «Лехой». Рассказывал нам о том времени, когда он был начальником милиции, а мать нынешнего светила науки носила ему, Силину, молоко за много километров, чтобы «учить своего Леху». И о том, как позже, выучившись, вернулся сюда молодой Окладников с молодой женой, и как в жару лазили они по этим камням и «рисовали, рисовали эти каменные рисунки»… И как им было трудно, но как они были сильны и заняты «рисованием» от восхода до заката…

Мы были в Хабаровске. Сюда приехали к директору краеведческого музея, известному писателю и тигролову, тоже неутомимому исследователю и путешественнику Всеволоду Петровичу Сысоеву. Наследник идей, настроений и дел знаменитого автора «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева, Сысоев был в общих маршрутах с Окладниковым. Алексей Павлович руководил не одной дальневосточной экспедицией, «раскопал» здесь замечательные памятники средневекового Приморья, написал книгу по истории древних народов Дальнего Востока. И — прочее, и прочее.

Всеволод Петрович рассказывал нам на съемках:

— Окладников — ученый своеобразный, особого, я бы сказал, полевого типа. Ученый, стихия которого — не кабинет, а поле; и в дебрях, в тех местах, где я его встречал, он поражал меня удивительной зоркостью своего глаза. Мы все, бывало, мимо пройдем, а Алексей Павлович остановится — и найдет какую-нибудь вещицу. Я поражаюсь, как он может из массы предметов выделить то, к чему прикасалась рука человека несколько тысяч лет тому назад. Кстати, поразительное открытие сделал он и в этом парке (мы снимали Сысоева в городском парке — ***З.И.***). *Ходили люди по тропинке, но никто не обратил внимания на то, что прямо под ногами видна боковина древнего кувшина. Оказалось, целый неолитический кувшин! Это характерно для Алексея Павловича. Куда бы мы ни приехали, он сразу обращается к склонам и оврагам. Если где экскаватор работает, обязательно пройдет. И обязательно что-нибудь найдет. Ему всегда везет! Окладников — прежде всего путешественник, человек, который очень любит свою науку. До самозабвения. Даже будучи тяжело больным, ездит по экспедициям. Берет с собой шприц — и здоров!* (Да, диабет научил Алексея Павловича самолечению в любых условиях. — ***З.И.***). *При этом никогда не теряет оптимизма. А вы знаете, что такое оптимизм в полевых условиях? Большая сила! Она-то и влечет людей к нему, вселяет веру в успех дела. И я всегда дивился неприхотливости Алексея Павловича. Солдатская неприхотливость — у маршала… У него так сильна убежденность, что он увлек своими поисками даже национальный колхоз — здесь всегда занимались только рыбой, а теперь выделяют людей на археологические раскопки. И — с удовольствием! Он говорил им: здесь жили ваши предки, у них была самобытная культура. Они даже решили образовать музей из всех находок, которые им Алексей Павлович представил… Это же все поразительно!*

И побывали мы в нанайском селе Кондон. Снимали проводника Окладникова — нанайца Михаила Самара, представителя древнего рода, доброго

восторженного старика с открытым лицом и детской бесхитростностью. И он говорил, что Окладников — не иначе как нанайского происхождения, иначе откуда бы у него взяться такому следопытскому таланту и врожденной таежной мудрости.

Так и складывался наш фильм — из кадров «кинопутешествия», из бесед с людьми, знавшими АП не понаслышке, из наблюдений за ним не в полевой уже — в институтской жизни, на собраниях, дома.

Кончался фильм, кажется, незамысловатым «резюме»: говорят, что экспедиционной добычи хватит Алексею Павловичу для обработки на 15-20 лет. А он снова пошел — по степным и таежным глухоманям, в пещеры и в горы, за новыми находками.

Образ «человека идущего» казался нам наиболее точным.

И представлялось, что так будет всегда…

Алексей Павлович на десять лет пережил Олега. Олег ушел в тридцать три года, тяжелая болезнь так рано увела этого светлого человека. Но он успел оставить единственные в своем роде кадры, из которых и рождается ощущение бесконечности пути Окладникова.

Окладников первым из современников увидел сотни и тысячи наскальных рисунков по берегам таежных сибирских рек. Он увидел их «в оправе суровых и строгих ландшафтов Севера, голубых далей пустыни и зеленых берегов Амура», в оправе естественной природной красоты.

Он сделал, чтобы чувство восхищения и удивления «письменами предков» разделили с ним другие.

И Олег Максимов успел помочь ему в этом.

Последняя моя беседа с Алексеем Павловичем вышла в телеэфир за несколько месяцев до его кончины. 1981-й. Чувствовал себя Окладников уже скверно, но на передачу согласился — дорожили наши ученые возможностью представить широкой публике предмет своих занятий и увлечений.

А мне как телеведущей хотелось в научных программах «раскрывать» и самих ученых — ведь это яркие судьбы, сильные характеры, широкий кругозор.

Воспроизведу фрагменты последней беседы, в которой, по моему, Алексей Павлович раскрывает себя так полно, что уж и эпитетов добавочных не нужно.

— Из книжек про Вас, Алексей Павлович, знаю такую подробность. В 1925 году, семнадцатилетним парнем из села Бирюльки, что у самых истоков Лены, с тремя буханками черного хлеба и мешком собранных за лето неолитических находок отправились Вы по путевке окружного отдела народного образования в Иркутск, в техникум… Вы представляли себе тогда уровень знаний о древних культурах Азии?

— Едва ли… Началось с того, что в простой сельской школе мне показали две книги, совершенно разные. Первая — «Илиада» Гомера. Небольшая (в изложении для детей) книжечка, которая сразу поразила размахом фантазии. Вто-

рой была «Библия». Книга, которая тоже поражает и содержанием, и воображением. «Библию», кстати, в Сибири при Колчаке еще изучали, и у меня была пятерка по «закону божию». А в Иркутске мне попала в руки еще одна небольшая книжечка. Не помню автора. А книгу — помню. Это были рассказы о древнегреческих городах, о древних курганах. Прочитанное увлекло меня, дало полет собственной фантазии. Я еще у стен нашей школы лепил египетские пирамиды, дворцы египетских фараонов. Это начало моей биографии как историка.

— А археолога? Археолог должен обладать страстью к путешествиям?

— Пусть им движет беспокойство! Я бы сказал, что в каждом мальчишке сидит археолог… Конечно, пространство нас захватывает. Чем больше видишь, тем интереснее мыслишь. Благодаря другу моему, директору Эрмитажа академику Пиотровскому, я имел возможность побывать, например, даже в Нубии — там, где в древности между порогами Нила была страна Куш. Мой друг вел меня по переходам внутри пирамид. И для меня было большим удовольствием найти в знаменитых пирамидах орудие каменного века. Специалистов интересовало, как устроены пирамиды, но почему-то никто из них не обращал внимание на такое своеобразие: на слой земли накладывались камни, потом — снова земля, потом — плиты. Слоеный пирог… Я это заметил… Каждый шаг по планете дает много волнующего и интересного…

— Тому, кто умеет видеть. Чего в археологии больше — науки или фантазии? Воображения — или факта?

— Конечно, факт есть фундамент науки. Но здание, построенное на этом фундаменте, должно отвечать и другим запросам. Когда я пишу научно-

популярную книгу, я основываюсь на научном факте. Фантазия ученого обязана быть точной.

— Вы, кажется, объездили всю планету. Арктика, Монголия, Индия, Сибирь…

— Не знаю только Атлантиды.

— Существование которой до сих пор не доказано.

— Не я, так другие докажут ее существование. Мой друг, греческий археолог, недавно прислал мне книгу, посвященную Атлантиде. Но — у меня есть мечта побывать там и самому во всем разобраться. А больше всего люблю свою Азию. Те места, где родился, где получил самые первые впечатления, места моей юности — Сибирь. Сибирь ведь тоже — неизведанная страна.

— Но столько открыто! И Академия уже три века интересуется Сибирью…

— Да, по уровню исследованности археологами Сибирь превосходит нечерноземную полосу России. Мы занимаем передовые позиции. И все-таки столько еще нужно сделать!

— Какое из сибирских открытий доставило Вам самую большую радость?

— Одно из таких — ярких, приятных — открытий — находка палеолитической статуэтки женщины в Бурети. Буреть и Мальта — это приангарские стоянки, явившие нам богатую культуру развитого палеолита. Мальту открыл Михаил Михайлович Герасимов в 1928 году. Буреть открыл я в 1936 году. Это были серьезные открытия. Фигурки женщин — наиболее выразительные образцы палеолитического искусства. Сибирские статуэтки имеют совершенно отличные от европейских фигурок пропорции и трактовку. И только в Мальте и Бурети найдены единственные в мире статуэтки женщин в закрытой одежде.

А вот совсем недавно произошло событие, которое взволновало не только меня. На Алтае, на реке Улалинка, мы обнаружили поселение древнего человека, которое отличается совершенно необычными условиями залегания. Мы определили его давность в сто тысяч лет. Представляете себе? Неандерталец! До этого неандертальский человек был найден в Средней Азии. Так что открытие важно во многих отношениях. Мы нашли череп. И определили дату. Решили, что первый человек на территории нынешнего Горного Алтая жил 90 тысяч лет назад. Продолжали работу, потом у нас появился известный геолог, профессор Рагозин. И он сказал: «Вы ошибаетесь!» Мы думали, он скажет: возраст — 10-15 тысяч лет. Ничего подобного, сказал Рагозин, вашей Улалинке около одного миллиона лет! Я… не то чтобы не поверил, но усомнился. Обратились к физикам. И одна наша новосибирская исследовательница — она занимается палеомагнитным анализом — определила возраст в более чем 700 тысяч лет. Это потрясающий факт! И теперь нас трое — радетелей за древность Улалинки: геолог Рагозин, физик Поспелова и археолог Окладников. Работы будут продолжаться. Споры и дискуссии — тоже.

— Археология немыслима без дискуссий. На что опираются Ваши гипотезы и предположения?

— На факты! Факты дает жизнь теориям. Та же самая Улалинка — она выдвигает перед нами серьезные проблемы общего характера. Известно, что древнейшие предки человека найдены в Африке. Но до сих пор идут споры о том, один ли центр становления человека на нашей планете был или, скажем, два? Идет борьба между моногенистами (они считают, что человечество «есть-пошло» из одной точки) и полигенистами. Каждая новая находка — дополнение к чрезвычайно интересной, еще далеко не законченной картине.

— Ради которой Вы и в ранге академика ведете тот же, что и в молодости, походный образ жизни. А Ваш лечащий врач когда-то говорила нам, что бродячая жизнь Вам противопоказана.

— Один врач так говорит, другие, наоборот, рекомендуют «двигаться».

— Вы, кажется, ни разу не были ни в санатории, ни в доме отдыха. Все заменяют экспедиции? Лишь начинается весна, и…

— И — летят перелетные птицы. *Экспедиция — это форма моего существования.*

— Вам лучше работается в полевых условиях?

— Люблю работать под музыку. Под хорошую музыку. Самые интересные мысли тогда появляются.

— А у костра, вдали от цивилизации?

— Мы берем с собой магнитофон.

(В его домашнем кабинете, заполненном книгами, рукописями, «рабочим материалом», меня в свое время поразила более чем скромная обстановка, в которой единственным атрибутом комфорта была именно стереоустановка — очень, наверное, дорогая и качественная).

— Не утрачивается с годами та радость, которую Вы испытывали при первых встречах с первобытным искусством? Теперь, когда Вы уже открыли сотни, тысячи наскальных изображений, новые находки так же волнуют Вас?

— Ощущения остаются прежними. Петроглифы надо видеть в натуре. Никакая копия не передает той глубины мысли, которая занимает меня в этих

рисунках. Но во всех концах света исследователи обнаружили памятники первобытного искусства. Родилась грандиозная литература. Не библиотека, а библиотеки работ, посвященных древнему искусству. И, конечно, теперь я иначе «читаю» открываемые изображения. Углубляется хронологическая перспектива. Хронология, размещение во времени — основа всех построений в археологической науке. Теперь я лучше понимаю, что было раньше, что позже, как видоизменялись образы, сюжеты… Стал мудрее в понимании языка древних. С каждой новой книгой о петроглифах мы все становимся мудрее…

— А Ваша первая книга — «Ленские писаницы» — не забыта?

— Разумеется, нет! Представьте себе: вертикальная скала, под ней — огромные глыбы, Вера Дмитриевна сидит на скале и терпеливо рисует, срисовывает картинки с камня. Смотрю — из-под плиты рядом с ней торчит змеиный хвостик. Подошел, приподнял плиту, а под ней — восемнадцать змей. Ядовитых. Вот вам картинка реальной жизни археолога.

— Тем не менее, одна из Ваших последних книг — «Петроглифы Монголии»… Ваши книги сохраняют для культуры памятники, которые, увы, разрушает жизнь. Потому Вы всю жизнь верны рисункам на камне?

— Когда велись работы на Братском водохранилище, мы организовывали целый ряд экспедиций по спасению писаниц. Вырубали камни с рисунками и доставляли их в Иркутский музей. Конечно, у нас никогда бы не поднялась рука на эти бесценные камни, если бы мы не знали точно, что им суждено уйти на дно рукотворного моря. Эти вырубленные камни — как вырванные из книги картинки.

— Но такого ощущения нет, когда Вы привозите из поездок вещицы, подобные этой. Мне ее и в руки страшно брать, потому что я слышала про ее возраст. Пять тысяч лет этой глиняной маске?!

— Не маска — загадочная мужская личина. Ее сделал не просто гончар, а именно скульптор. Вещь уникальная. Такой в мире нет. Это амурская личина, найдена возле деревни Вознесеновки. Я имел удовольствие в свое время опубликовать большую работу — целая книга! — «Петроглифы Амура». Так вот петроглифы Амура эту личину ничем не напоминают. А в прошлом году нам посчастливилось в 700-х километрах от Вознесеновки найти кусочек такой же личины. Значит, это искусство «захватило» пространство не менее тысячи километров. Ранее неизвестный художественный центр. Уцелело еще несколько фрагментов из произведений этого центра. Они есть в музее нашего института. Там тоже личины. Одна из них поразила европейцев. Они выпустили большой плакат с увеличенным изображением части личины. Плакат путешествовал по странам Европы вместе с выставкой «Исторические ценности Советского Союза». А эту мы не рискнули отправить на выставку. Держим в секрете.

— Она очень красива!

— Да… Но мы опоздали. Амур размыл это место, и торчали из глины только осколки… Приехать бы сюда на два года раньше…

— Хорошо, что хоть это нашли. Соотношение времен: приехали бы на два года раньше — и спасли бы ценности тысячелетий.

— Археолог должен спешить. Его везде ждут находки — важно не опоздать.

— Как Вы оцениваете значение археологии в современной жизни?

— Это наука о человеке. Наука о том, как возникло, накапливалось, приумножалось духовное богатство человечества. Научить людей ценить, уважать, любить духовное наследие веков — главное призвание археологии. А духовное богатство, на мой взгляд, — это самое дорогое, что есть у человечества.

Лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда, член отечественной и иностранных Академий — все это у него было, а он писал:

Я учился и учусь быть человеком у людей, живущих слитно с природой, у нанайских охотников, рыбаков. У людей, не затуманенных корыстью, не уязвленных самолюбием. У людей, в которых ощущаю чисто человеческое и чистое начало.

Его ученик, академик Анатолий Пантелеевич Деревянко, возглавляет Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. И всякий раз в годичных отчетах Отделения «школа Окладникова» представлена яркими результатами, вызывающими неизменный интерес мирового археологического сообщества. И одним из преимуществ этой школы считается мультидисциплинарный подход. То есть — сотрудничество археологов с палеоботаниками и палеонтологами, геологами и геоморфологами, физиками, математиками, биологами.

И, конечно, экспедиции остаются «формой существования» археологов — только теперь все чаще международные. Например, Россия, США и Монголия. Сообща изучили наскальные рисунки в Монголии, в результате получили «новые сведения о ранее неизвестных археологических объектах… В глухих малодоступных горных ущельях они сохранились практически в первозданном виде, и именно такие памятники представляют наибольший научный интерес для получения новых данных по древней истории народов Центральной Азии».

К Монголии, кстати, Алексей Павлович был неравнодушен. Говорил мне:

— Между прочим, один знаменитый американский ученый предложил теорию, согласно которой человек вообще произошел из Монголии. Она и привлекала меня тем, что древнейшие главы ее истории были закрытыми. Нужно было поспешить… И Монголия подарила нам свой палеолит. Но она только приоткрыла свои сокровища. Все главное еще впереди.

Смена поколений — неумолимый закон бытия. Духовное продолжение даруется немногим ушедшим. И эту бесценную награду Алексей Павлович Окладников заслужил всеми трудами своей не знавшей праздности жизни.

Замира ИБРАГИМОВА

Справка. Родился 20 сентября (3 октября) 1908 г. в дер. Константиновка Иркутской обл., умер 18 ноября 1981 г. в Новосибирске. Похоронен на Южном кладбище в Академгородке.

«Это мой город и это мой театр…»

Теперь невозможно даже представить, что в Новосибирске могло не быть Анны Покидченко — нашей народной и народнолюбимой актрисы — не случись в ее жизни судьбоносной встречи с Верой Редлих и не получи она приглашения в «Сибирский МХАТ…»

— *Но Бог послал мне эту встречу,*— говорит актриса, — *и счастливая звезда привела меня в «Красный факел». Это мой город и это мой театр — со всеми его горестями и радостями, взлетами и падениями.*

— *Я росла театральным ребенком,* — вспоминает актриса. — *Отец был актером драматического театра в Ростове-на-Дону, мама — бутафором, и она с утра до ночи пропадала за кулисами. Театр продолжался и дома — на всех семейных праздниках организовывалась импровизированная сцена, стена занавешивалась простыней, придумывались костюмы…*

Первую театральную роль — Майки в пьесе Корнейчука «Платон Кречет» — Аня сыграла в девять лет.

— У меня там была реплика: «Что же вы молчите, говорите что-нибудь», а актер, игравший Антона Кречета на репетиции, не умолкал ни на минуту. И я никак не могла выбрать время, чтобы вступить со своей фразой... Когда он понял, в чем дело, долго смеялся и сказал отцу: «Она будет артисткой — она выдержала паузу». Для меня выбора — быть или не быть — никогда не существовало, я всегда знала, что мое призвание — театр.

Из самых ярких впечатлений детства — приезд в Ростов Московской театральной студии Юрия Завадского. Студии отдали фойе в театральном доме, где жила семья Покидченко. И Анна уже не покидала заветного фойе. Видеть в работе легендарного Завадского! Дышать одним воздухом с Пляттом, Марецкой, Мордвиновым! Это были незабываемые, полные радости и творчества предвоенные годы, с платьями из жоржета, чудесными шляпками, духовыми оркестрами в парках и непередаваемым ароматом мелодий «В парке Чаир» и «Рио-Рита»…

А потом была война. Эвакуация в Алма-Ату, вечерняя школа, театральная студия при драматическом театре, работа артисткой вспомогательного состава, игра в массовках, выступления в госпиталях и, конечно, мечта о больших ролях. Первая такая роль — Ларисы в «Бесприданнице» Островского — пришла к ней в театре Ашхабада. (*Очень жалею, что пришла она слишком рано. Что я могла тогда сказать? А больше мне так и не довелось ее сыграть. Не судьба…*). После Ашхабада был Оренбург, где за четыре года переиграно полтора десятка больших ролей (в том числе шекспировская Джульетта).

А в 1955 году на гастролях оренбургского театра в Москве ее увидела Вера Редлих, тогда художественный руководитель «Красного факела». Московские гастроли принесли актрисе Анне Покидченко звание заслуженной и приглашение в труппу «Сибирского МХАТа».

— Конечно, когда пришло письмо от Веры Павловны с приглашением, это было настоящим счастьем. Слух о сибирском МХАТе, Вере Павловне и ее системе шел по всей стране. Для любого актера, тем более молодого, такое приглашение было великим счастьем… Но наша встреча с Верой Павловной состоялась далеко не сразу, она имела длинную предысторию…

В Новосибирск она ехала со своим мужем-актером, позднее известным театральным режиссером Семеном Иоаниди.

— Подала я заявление об увольнении из Оренбургского театра, написала письмо в Новосибирск, мы собрались, сидим на чемоданах. А из Новосибирска — тишина, ответа никакого… Ну, говорю, Семен, давай карту, куда пальцем ткну, туда и поедем. Попался Львов. Послали телеграмму, тут же моментально получили подъемные и поехали…

И лишь спустя два года, в августе 58-го, Новосибирск, наконец, отыскал свою актрису (оказалось, вызов не пришел вовремя из-за смены директора театра). И из Львова с его великолепной архитектурой, трехкомнатными апар-

таментами, куда селили актеров, и престижными ролями они подались в город на Оби:

— Первые впечатления были ужасны — поезд приходит ночью, нас никто не встречает. Поселяют во временную проходную комнату. Потом я получаю текст первой работы — «Последняя легенда» Лаврентьева. О ужас, какой-то водевиль непонятный! Я же ехала во МХАТ! Боже мой, что же теперь делать?

Проплакала всю ночь, наутро с мокрыми глазами пошла к Редлих. И Вера Павловна — мягкая и интеллигентная, бесконечно любящая своих актеров, — все сразу поняла: «Ничего, Анечка, все будет хорошо, будем работать, договоримся». И они договорились, и все действительно стало хорошо.

— Она умела создавать удивительную атмосферу в театре. Я это сразу почувствовала и ощутила. И она умела создавать атмосферу спектакля. Эта атмосфера возникала уже на репетициях, потом этот «воздух» перетекал в спектакль. И из пустякового водевильчика получился лучезарный, изящный, тонкий, ажурный спектакль. Мы его потом с удовольствием играли более ста раз. В нем было занято целое созвездие великолепных актеров — Агаронова, Лиотвейзен, Бирюков, Поляков… Я, конечно, поначалу робела, тряслась ужасно…

Дебют молодой актрисы оказался очень удачным. В ней было все — артистизм, талант, молодость, обаяние, музыкальность и романтическая влюбленность в сцену. С «Последней легенды» началась комедийная линия в театральной судьбе Анны Яковлевны — оттуда пошли ее стряпухи в пьесах Сафронова, Мирандолина в «Трактирщице» Гольдони, Диана в «Собаке на сене» Лопе де Вега… Эта линия с успехом продолжается и теперь — в лирической комедии Птушкиной «Пока она умирала» (спектакль собирает полные залы, и когда-то разругавшие его театральные критики не перестают удивляться — откуда эта замечательная аура у такой, казалось бы, «безделицы»). За сорок с лишним лет ее театральной жизни зритель уже давно научился «ходить на Покидченко», с замиранием сердца следить за ее жизнью на сцене, ждать новых ролей и не пропускать ни одного спектакля с ее участием.

Неоценимую роль в становлении Анны Покидченко как актрисы сыграла Вера Редлих.

— Загадка Веры Павловны заключалась в том, что она просто очень любила актеров, очень в них верила и внушала им веру в себя и театр. И она коллекционировала актеров — именно коллекционировала, в ее театре не было случайных людей. Как говорил Сергей Сергеевич Бирюков, «она определяла актера по глазам». Находиться рядом с ней было настоящим наслаждением… А как она работала с актерами! Она «распахивала» всю внутреннюю жизнь образа. Я знала до мельчайших подробностей каждую секунду своего существования на сцене. Каждая фраза имела свой подтекст… Я и до сих пор так работаю, это школа на всю жизнь.

Анна Покидченко и Игорь Поляков (спектакль «Иркутская история» А. Арбузова)

Первая большая работа с Редлих-режиссером — Нила Снижко в «Барабанщице» Салынского — стала настоящим триумфом Анны на новосибирской сцене. О молодой актрисе заговорил весь театральный Новосибирск.

— Помню «танец на столе», когда Нила, отводя от себя подозрения немецкого разведчика, вдруг замечала вошедшего Федора. У меня в этом месте сердце останавливается — казалось, дальше уж не смогу играть…

Сердце у нее «останавливалось» и на первом спектакле, и на сто первом… Каждый раз заново. И в каждый спектакль актриса входила как бы заново — чтобы чувства не затерлись и не притупились… Приехавший на двухсотый спектакль автор «Барабанщицы» Салынский написал ей на программке: «Недосягаемой Ниле-Покидченко в память о днях ее высшего взлета».

«Останавливается» ее сердце на каждом спектакле и теперь — будь то романтичная Мод («Гарольд и Мод»), одаренная великим даром любви Мадлен («Мадлен и Моисей»), или аристократка Герцогиня де Вокрикурт («Последняя любовь Дон Жуана») — с ее страстью, болью, чувственностью, загнанной далеко внутрь и неким запредельным знанием, которое обретает человек, стоящий у последней черты…

Работая над Машей в «Трех сестрах», Анна познакомилась с семьей Редлих ближе. Стала часто бывать у них дома.

— Это были удивительные люди — Вера Павловна и Сергей Сергеевич Бирюков, скромные, настоящие интеллигенты, для которых главное в человеке внутреннее, а не внешнее. Мы приходили, варилась картошка, Сергей Сергеевич доставал графинчик, я говорила: «Вера Павловна, я не могу, у меня завтра «Барабанщица». — «Ничего, Анечка, сделаете зигзаг»… Атмосфера в доме была необыкновенная, о чем бы мы ни говорили, что бы ни делали, это всегда было о театре.

Когда возникали сложности на репетициях, Вера Павловна говорила ей: *Анечка, если ты заканчиваешь репетиции и чего-то не понимаешь, что-то кажется тебе неверным, то когда ложишься спать, перед сном восстанови весь репетиционный период: все что ты делала сегодня на сцене прокрути, как киноленту, у себя в голове.*

— Сначала у меня ничего не получалось: рвалась нить, я останавливалась, начинала все сначала, мучалась долго, потом привыкла к этой мозговой работе, и делаю это до сих пор, особенно когда работаю над новой ролью. Это удивительный метод…

Для работы над «Живым трупом» в театр пригласили Лялю Черную. Анна играла Машу — а без романса «Невечерняя» Маши просто не может быть.

— Тогда в театре еще был живой оркестр, — вспоминает актриса, — *оркестровая яма, прекрасный дирижер Вальдгард, Ляля Черная учила нас петь цыганские песни, сохранять их интонации. Мы с ней много репетировали, в том числе и «Невечернюю»…*

Ее партнером в спектакле был замечательный актер Алексей Глазырин, а несколько спектаклей посчастливилось играть с самим Николаем Симоновым.

— Какой это был Федя Протасов! Он ничего не делал, он просто вел со мной своим монологом внутренний диалог, рассматривая притом каждую мою морщинку, каждую родинку… И это была любовь! Я не знаю, как он это делал, но это была любовь! После того спектакля газеты писали, что я на сцене какая-то другая. Будешь тут другая, имея такого партнера..

Покидая Новосибирск, Симонов написал ей: *У вас дарование, Анна Яковлевна, берегите его…*

На «Трех сестрах» закончился редлиховский период театра. В 1960-м Вера Редлих с Сергеем Бирюковым покинули Новосибирск. И для «Красного факела» началась жизнь без Веры Павловны — болезненный поиск своего режиссера, своего стиля, своего репертуара. Анна тогда получила много приглашений из других театров, в том числе столичных, но свой театр не оставила — она уже подписала «внутренний договор» не покидать его «ни в горе, ни в радости».

— Было очень трудно, было трудно всем, но очень помогало присутствие в театре близкого по духу режиссера — человека «одной группы крови» с Верой Редлих — Константина Чернядева.

С ним она создала много прекрасных ролей — в том числе свои любимые: ибсеновскую Нору и Надежду Ивановну в «Поговорим о странностях любви» Веры Пановой.

Когда в 1994 году Московский театр наций организовал программу «Национальное достояние России», народная артистка СССР Анна Покидченко была одной из первых, кого пригласили туда с бенефисом. Бенефис на сцене МХАТа! Триумф! Переполненные залы, маститые критики, звезды московских театров… Два вечера на прославленной сцене царила АННА. «Литицию, или Игру воображения» английского драматурга Шеффера играли в день приезда

в Москву британской королевы… А на спектакле «Таланты и поклонники», где ее героине Домне Пантелеевне меценат Великатов дарит шаль, один московский бизнесмен, решив что театральная шаль для большой актрисы недостаточно хороша, преподнес ей платок необыкновенной красоты. А вначале, признается актриса, она вообще не хотела играть эту роль, находя ее слишком бытовой. В процессе работы ее Домна Пантелеевна, освободившись от приевшегося груза характерности, усложнилась, возвысилась и просветлилась. «Полная власть над залом», «филигранная работа» — признавались в любви к сибирской актрисе придирчивые столичные критики… *Это актриса такого класса, что ее искусство могло бы украсить любую сцену мира,* — откликнулся на ее бенефис бывший краснофакелец народный артист СССР Евгений Матвеев. Лаконично и красноречиво.

Через год Анна Покидченко первая из театральных деятелей нашего города удостоилась почетного звания «Человек года». Вручая премию, Виктор Толоконский, был лаконичен и красноречив: *Я счастлив жить в одном городе с Вами и наслаждаться Вашим талантом!* Эти слова могли бы повторить несколько поколений влюбленных в большую актрису зрителей.

Для нее театр никогда не был средством развлечения зрителей. Все, что делает Покидченко на сцене, — серьезно, страстно, взволнованно и напряженно. И не важно, играет она комедию или драму. Сцена для нее — способ постижения смысла жизни, место для исповеди, голгофа и вечный, но счастливый крест, который так тяжело и так сладостно нести.

Мод в спектакле «Гарольд и Мод» К. Хиггинса, Ж.К. Каррьера. 1992 г.

Роль Мод в спектакле «Гарольд и Мод» — одна из самых любимых последних ролей Анны Яковлевны — сопровождается странной историей. Родственной душой ее 80-летней героини в спектакле оказывает-

ся столь же необычный и неординарный в проявлениях чувств 18-летний Гарольд… А 10 лет назад в жизни самой Анны Покидченко появился свой «Гарольд». Тогда ей впервые сказали, что на ее спектакли постоянно ходит красивый юный мальчик — «и все время с розой, настоящий Гарольд». Первый раз он пришел, когда ему было пятнадцать. В двадцать он осмелился к ней подойти:

— Пришел с большим моим портретом. Высокий, красивый, интеллигентный. Ну, вылитый Гарольд! Ждал меня после спектакля, провожал до подъезда. Весь такой одухотворенный, с тонкими пальцами, учился он где-то в музыкальной школе по классу вокала…

За все десять лет он не был на ее спектакле лишь дважды. Первый раз его не было в городе, а второй:

— Подошел, извинился и сказал: «Не мог прийти, у меня не было денег на розу»…

Потом ее юный Гарольд уехал, и ей стало его не хватать.

— И что вы думаете? — смеется актриса, *— недавно появился второй Гарольд. Еще моложе, еще трогательнее — такой юный, хрупкий. И он приходит не только на «Гарольда», но и на «Мадлен и Моисей», — приносит мне веточки в горшочке…*

Работа над Мадлен в пьесе Скотто пришлась на самый тяжелый период ее жизни. Ушел Семен Иоаниди — главный ее мужчина, с которым прожили вместе 40 лет.

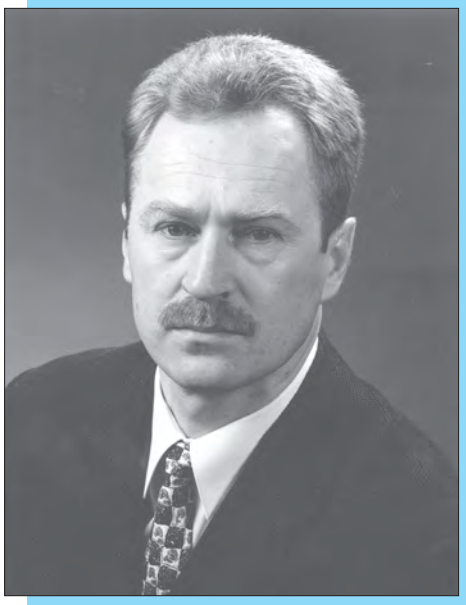
— Тогда театр спас, дал возможность выйти из внутренней ситуации, заставил погрузиться в работу, — говорит Анна Яковлевна. *— Роль Мадлен я тоже очень люблю, хотя и роль тяжелая, сложная, и спектакль сложный, не каждый на него пойдет…*

Но тот, кто идет, находит в этой истории свою мечту и свою боль, выходит потрясенным и просветленным. *Недавно,* — говорит актриса, *— звонил мужчина, где-то достал домашний телефон, извинился и сказал, что спектакль его потряс, он долго сидел в зале, не понимая где он и что с ним, долго не мог встать…* Такое признание дорогого стоит…

Она появляется в театре задолго до спектакля, к некоторым своим вечерам готовится по несколько дней — ей надо сосредоточится, собраться, прожить жизнь своей героини от и до… Это в традициях «старого» «Красного факела», с его потрясающей ответственностью перед зрителем и сценой. Этим традициям она не изменяет никогда.

Последний звонок, гаснет свет, поднимается занавес, взрывается аплодисментами зал… НА СЦЕНЕ — АННА ПОКИДЧЕНКО…

Татьяна КОНЬЯКОВА



В «скоростном» режиме

«На хозяйство» жизнь бросила Юрия Похила, руководителя новосибирского муниципального унитарного предприятия «Горводоканал», когда ему было 37 лет. А хозяйство — громадное: четыре насосно-фильтровальных станции, очистные сооружения канализации, канализационно-насосные станции, водосети, целый парк автомашин… 850 тысяч (!) кубометров воды в сутки «обрабатывают» на водопроводных очистных сооружениях, чтобы потом чистую, пригодную для питья воду «прогнать» по 1300 километрам водоводов и водопроводов. Кстати, водичка, которую мы так нещадно льем из крана, — одна из самых чистых в России, не говоря уж про зарубежье, где воду из-под крана просто нельзя пить. Канализационные сети Новосибирска принимают сточные воды Бердска, Академго-

родка, Оби и пригородных поселков. Это широко разветвленная сеть протяженностью более 1050 километров с 37 350 смотровыми колодцами и камерами. Глубина заложения сетей и коллекторов достигает 25 метров! Вот такую «махину» получил молодой директор в наследство от прежнего руководства.

На предприятии работают без малого три тысячи человек. Люди, как известно, разные. Чего каждый из них ждал от нового руководителя тогда, в 1996-ом? Жить в эпоху перемен, даже когда эти перемены не глобального, а местного масштаба, согласитесь, все же как-то неуютно. Чужака всегда принимают настороженно, тем более — чужака-шефа. Но оркестр должен быть «под управленьем». Это аксиома. Иначе — хаос и какофония. Так и в любой организации — все разрушится, полетит в тартарары, если коллектив не будет руководим опытным, умелым менеджером-«дирижером».

…Юрия Похила никак не отнесешь к неудачникам. Детство вполне безоблачное. Ласковая и любящая мама. Хоккей, который стал для него не то что увлечением, а непременной частью бытия. Дальше тоже все в порядке: прелестная и умная жена, двое замечательных детей. После окончания Сибстрина — успешная и быстрая карьера. И тоже в строительстве, хотя многие его сверстники давно сменили профессию на более выгодную. Работал мастером, инженером-наладчиком, начальником отдела технадзора УКС-2 горисполкома, заместителем начальника по производству и вскоре — начальником этого управления. И, наконец, пост директора крупнейшего в городе предприятия.

Сотрудники «Горводоканала» вспоминают, как осторожно, но уверенно молодой директор начинал свою деятельность. Стараясь не нарушить традиций, не смещая сгоряча, как это бывает, с должностей опытных спецов. Находя единственно правильные на данный момент формулы для решения множества задач.

Все, что мы проходили за пять-шесть лет, он освоил за полгода, — говорят о шефе его замы. — *Несмотря на то, что он окончил гидротехнический факультет, специальность все же была другая — теплогазоснабжение и вентиляция. Поэтому наша отрасль была для Юрия Николаевича все-таки новая. Он приезжал на работу в семь утра, а уезжал в десять-одиннадцать вечера. Очень внимательно выслушивал всех, впитывая новые знания, как губка, учился всему, чего не знал.*

Для начала на расширенных технических советах были рассмотрены все приоритетные направления развития и реконструкции систем водоснабжения и водоотведения города, укрепления производственной базы водоканала. Составлены комплексные планы. Однако в первую очередь была ликвидирована трех-, а то и пятимесячная задолженность по заработной плате, которая часто вынуждала специалистов покидать привычное место работы. А первый приказ, подписанный новым директором, предписывал производить перекладку водопроводных труб только с цементно-песчаным покрытием. До этого стальные трубы укладывались без внутренней изоляции, что приводило к их преждевременному износу. Вскоре приступили и к замене всех изношен-

ных задвижек, в том числе чугунных, на больших водоводах на стальные. Помимо этого, в «Горводоканале» вплотную занялись восстановлением кольцевой системы водопроводной сети, что позволило резко сократить водопотери. Да, это была обычная работа, которая давно «назрела» и была необходима. Ничего сверхъестественного в ней не было. Задача казалась предельно простой. Однако простота поставленных целей не означает простоту их достижения. Жизнь диктовала свои, жесткие, условия…

Сколько воли, энергии и мастерства руководителя понадобилось Юрию Николаевичу, чтобы сдвинуть гигантскую машину под названием «Горводоканал» с почти мертвой точки, мобилизовать трехтысячный коллектив на выполнение задач, жизненно важных для города!

Наверное, ничто все-таки не происходит случайно. Видимо, именно «скоростной» режим работы, который ввел Ю.Н. Похил, необходим сегодня новосибирскому водоканалу. Уж несколько лет, как мы почти покинули «коммунистическое далеко». Альфа и омега капиталистического ведения хозяйства освоены — хотя бы частично. В крупных компаниях на ключевых постах все чаще оказываются люди не только образованные, но и умеющие грамотно поставить дело на рельсы современной экономики. Хотя, согласитесь, порой бывает непросто, не разрушая Карфаген, кардинально перестроить его. Высший пилотаж *новых* топ-менеджеров *старых*, неповоротливых в своей мощи компаний, — так повести дело, чтобы, не разрушив цельное, полезное, избавиться от вредного, устаревшего. Так распорядиться активами в их прямом и переносном смысле, чтобы они приносили наибольшую отдачу. Заставить неповоротливый механизм огромного производственного агрегата работать максимально эффективно — задача не из легких. Поэтому пост «первого» на предприятии отнюдь не «сахарный». Заменить на канализационных сетях старые керамические, бетонные, железобетонные трубопроводы на современные полиэтиленовые так, чтобы этого практически не ощутили горожане, — бестраншейным методом — для этого тоже понадобилась и воля руководителя, и его современное мышление. И, наверное, его неугомонность, свойственная возрасту, который Виктор Гюго охарактеризовал как юность зрелости.

Форс-мажорные обстоятельства, в которые нас регулярно ввергает то родное правительство, то предприятия-партнеры, то природные и политические катаклизмы, стимулируют такую, ставшую уже национальной, черту характера, как находчивость. Это общеизвестный факт. Что еще, если не находчивость, умение вести переговоры и грамотный подход к делу, помогают Юрию Николаевичу удерживать на плаву этот мощный пароход, когда другие, не менее сильные и устойчивые предприятия давно «дали течь»? А ведь новосибирский «Горводоканал» — один из наиболее стабильно работающих в России водоканалов. За последние годы здесь значительно сократилась текучесть кадров. А капвложения увеличены более чем в три раза! Попробуйте в этих самых «форс-мажорах» не поддаться общему настрою других монополистов, не пойти на фоне неплатежей по самому легкому пути — отключений предприятий и

организаций города от водоснабжения?! Или «отрезать» канализацию какому-нибудь злостному неплательщику — школе, например? Однако существует для директора некое табу, существуют вещи, которые никогда делать нельзя. И не потому, что он такой вот «добренький дядя», который все и всем прощает. Просто директор «Горводоканала» верит в компромисс, в то, что люди всегда могут договориться между собой и решить проблему.

Интересно, чего не хватает этому человеку, чья жизнь — некий клубок взаимопереплетающихся каждодневных забот, рабочих совещаний, интересных встреч, исполненных и неисполненных желаний и реализации многочисленных идей, которыми всегда полна голова умного руководителя? Наверное, времени. И, возможно, понимания. Отстаивание интересов предприятия и его сотрудников везде, на всех уровнях — не жалея нервов и находясь на грани потери своего собственного, личного благополучия — об этом не знают подчиненные, зато хорошо знает та женщина, с которой Юрий Николаевич идет рука об руку уже много лет, — жена Марина.

Не открою Америку, если скажу, что от труда работников «Горводоканала» зависит не только их собственное благосостояние, но и качество жизни всех горожан. Поэтому все мы имеем здесь «свой интерес». Неуклонно ветшающее хозяйство требует срочного ремонта, замены оборудования, реконструкции. Однако нельзя, подобно Мюнхгаузену, вытащить себя за волосы из воды. Средств на полноценное преобразование систем городского водоснабжения и водоотведения не просто не хватает — их не хватает катастрофически. Поэтому обычная, казалось бы, замена на водопроводных очистных сооружениях задвижек на трубопроводах на дисковые затворы приобретает статус едва ли не подвижничества — как сотрудников «Горводоканала», так и его ди-

ректора. Так не должно быть. Но так есть. И Юрию Николаевичу приходится принимать те правила игры, которые диктует жизнь.

Молодой директор просто в силу своего возраста должен стремиться ко всему новому. И Юрий Николаевич стремится к разработке и внедрению новых технологий в производство, например. С 1997 года МУП «Горводоканал» регулярно участвует в международных выставках, проводимых «Сибирской ярмаркой». Значит, есть, *что* экспонировать. Есть, *что* не стыдно представить на суд других, в том числе родственных, предприятий. Кстати, дважды за этот период «Горводоканал» удостаивался малой золотой медали выставки «Сибполитех». А в конце 2002 года вернулся с выставки победителем, награжденным большой золотой медалью. Это действительно серьезная награда, ведь по итогам одиннадцати конкурсных номинаций лишь пять организаций были ее удостоены. Директору же предприятия Юрию Николаевичу Похилу Постановлением правительства РФ от 19 марта 2001 года присуждена премия правительства России в области науки и техники за 2000 год «За разработку и внедрение в водоканалах Российской Федерации технологии и комплектов оборудования для бестраншейной замены сетей водоотведения».

Авторитет «первого лица» «Горводоканала» высок — как среди коллег, так и в высших эшелонах новосибирской «производственной» элиты. Смею предположить, однако, что именно потому, что Юрий Николаевич — личность яркая и сильная, его авторитет не может быть абсолютным. Такое предположение зиждется не на определенных фактах, а на простом житейском опыте, подсказывающем, что непререкаемость авторитета была бы весьма странным явлением в конкурентной среде, где у всех членов сообщества — собственные амбиции. Но эти амбиции, помимо того, что часто являются многочисленными «яблоками раздора», служат и прекрасным «черноземом» для взращивания идей. И руководитель такого ранга, как директор крупнейшего предприятия, хочет он того или нет, обязан эти амбиции холить и лелеять. Возможно, скрипя при этом зубами…

— Расскажите о своем директоре, — просила я его сослуживцев — тех, кто делил с ним в эти годы и победы, и поражения. Кто мчался с ним вместе, так же переживая и ругаясь, ночью на крупную аварию… Кто праздновал вместе с ним день рождения долгожданного сына… Сначала читала в глазах веселое недоумение («Ну, дескать, о начальнике — или хорошо, или никак!»), потом видела в них задумчивость, а затем слышала уже серьезные слова — как ни странно (о начальнике-то!), и впрямь хорошие и добрые. Говорили о том, что с приходом Похила партнеры (да и сами сотрудники) постепенно перестали пренебрежительно называть «Горводоканал» «конторой», а стали — уважительно: «фирма». Поменялся здесь даже стиль одежды — стал более деловым и презентабельным. *Он и сам человек аккуратный, и требует, чтобы и вокруг чистота была. Попробуй в каком-нибудь цехе грязь разведи — не поздоровится. Сначала люди, конечно, ворчали: мы, мол, не убирать сюда устроились, у нас другая работа есть. А потом привыкли — каждому ведь приятно в чистоте рабо-*

тать. А еще говорят о Юрии Николаевиче как о человеке, который «последнюю рубашку снимет», если это сможет кому-нибудь помочь. Может, это и пафосно звучит, но почему-то верится, что это — правда.

«Старожилы» отмечают разительные перемены, которые произошли с приходом Похила. За период его работы обновлена техника, приобретено 126 автомашин различной модификации, ежегодно производится замена 750 задвижек разного диаметра, открыты новые участки водосети. Введена в строй автозаправочная станция на Северном проезде, что исключило порожний пробег грузового транспорта и дает большую экономию ГСМ. Реконструирована ремонтная база автохозяйства на Выборной, где проводится диагностика состояния «здоровья» и «лечение» машин. «Раньше ремонтировали автомобили на улице — и в холод, и в дождь, — рассказывают работники водоканала. — Сейчас люди в одних рубашках круглый год работают». Но все эти успехи не падают «манной небесной», а достигаются путем тщательного «просчитывания» директором множества комбинаций — как в шахматах.

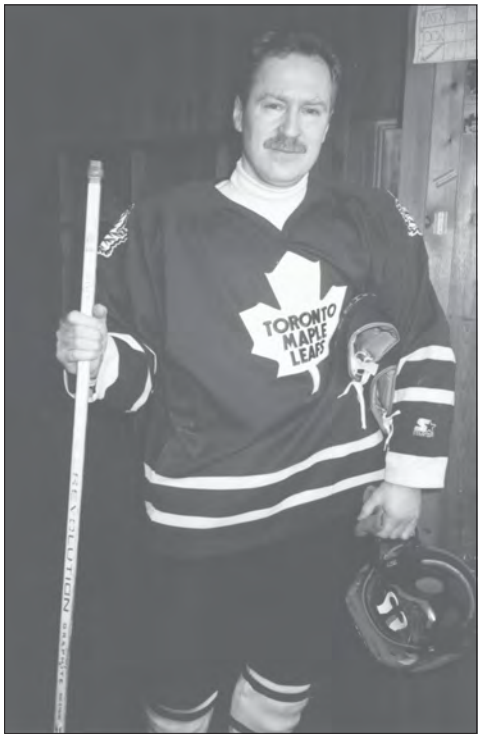
— *Ну и память у шефа!* — жалуются сослуживцы. — *Иногда, чего греха таить, надеешься, что забудет о данном две-три недели назад задании. Но не тут-то было! Можно и не рассчитывать — все помнит! И спросит по полной программе.* — И тут же с уважением: — *Директор всегда скрупулезно изучает возникшую проблему, но не принимает решение сразу, впопыхах. Сначала выслушает мнения специалистов, возьмет тайм-аут, все продумает, просчитает варианты и лишь потом «выдаст» решение. И тогда уж — никаких возражений! Будь любезен выполнить!*

Выявить наиболее «узкие места» в производстве, перераспределить соответственно достаточно скудные средства, сгруппировать и направить людей на штурм — в этом и заключается, пожалуй, талант руководителя, которым обладает Юрий Похил. Талант, возможно, вынужденный, рожденный в недрах «флюгерной» экономики. Но необходимый в наших полусоветских-полукапиталистических условиях жизни. А если уж шеф сказал «да», то выполнит обещание, чего бы ему это ни стоило. Подчиненные и уважают, и побаиваются его, как и положено уважать и побаиваться шефского гнева. Ведь если уж вызовет «на ковер» — мало не покажется. Но тем не менее не к кому-нибудь, а именно к директору идут сотрудники со своими проблемами и горестями, потому что знают — сделает все, что от него зависит, использует все свои возможности, но — поможет. А ветераны — это вообще святое для Юрия Николаевича. Ну, подарки к праздникам — само собой. А вот освобождение от уплаты за воду, которого он добился, — это уже существенное подспорье для пенсионера. Что касается молодежи, то здесь Похил, что называется, «костьми лег», а добился-таки, чтобы в поселке Кудряши из заброшенной котельной построили детский спортивный клуб. И это в то самое время, когда другие детские клубы пришли в упадок и оказались никому не нужны.

Спорт в «Горводоканале» — строка отдельная, любимая. До 450 человек, бывает, участвуют в соревнованиях. Лыжи, волейбол, теннис и, разумеет-

ся, хоккей. *Главное — двигаться,* — считает директор. — *А без движения — какая работа?!* А тут еще придумали соревноваться с другими водоканалами. «Пробным шаром» стали состязания с водоканалом Новокузнецка. И новосибирцы не подкачали. Теперь, с легкой руки директора, рвутся спортсмены в бой…

Вообще, забота о людях в «Горводоканале» — статья особая. Управление персоналом считается в странах с развитой экономикой одним из приоритетных, даже стратегических направлений работы любой уважающей себя фирмы, будь то крупное производство, какой-нибудь автогигант, или мелкое частное предприятие, занимающееся ремонтом компьютеров. В новосибирском водоканале нет специальной должности по управлению персоналом. Да, видимо, не всегда она и нужна. Гораздо важнее умение руководителя сплотить коллектив, сделать каждого человека значимым. Во многом этому способствуют праздники. Особенно, конечно, спортивные — спартакиады, чемпионаты, просто выезды на природу со спортивным инвентарем — посостязаться, поболеть за коллег да и просто пообщаться в неформальной обстановке. Ездят и на собственную базу отдыха в Боровое. С детьми, с мужьями-женами. Судя по всему, здесь вообще придают большое значение общению.



Создание достойных условий для работы директор не только не отодвигает на последний план («успеется, мол»), но, напротив, придает этому направлению деятельности очень большое значение. Еще совсем недавно в «Горводоканале» стояло лишь… два(!) незавидных по мощности компьютера! И это в самом управлении, где аккумулируются все данные о подразделениях. Теперь «комп» в любом отделе и в любом подразделении — обычное дело. *Разве возможно сейчас иначе?* — удивляется Юрий Николаевич. — *А как тогда люди работать будут? На арифмометрах, что ли?*

Что касается такого, прямо скажем, немаловажного аспекта управления персоналом, как стимулирование труда, то это, к сожалению, не тот случай, когда «хозяин — барин». Директор искренне переживает: *Да, зарплаты у нас не такие, как хотелось бы. Но по мере возможнос-*

ти материальную помощь выписываем, стараемся помочь тем, у кого несчастье произошло. Или, наоборот, — счастье. Между прочим, о таком важном аспекте, как поощрение моральное, стали вспоминать лишь в последнее время. Да и то — в «единичных» фирмах. В большинстве же просто игнорируют такое понятие. Более того, при упоминании о нем отмахиваются — дескать, одного похвалишь — в других зависть проснется. Директор водоканала о моральном поощрении сотрудников не забывал никогда…

К какой когорте людей принадлежит Юрий Похил? Скорее к когорте прагматиков. Помните, у Чернышевского — «разумный эгоизм»? Это когда человек чувствует себя комфортно, если и другие люди вокруг него, по крайней мере, не бедствуют. Конечно, и его, по-видимому, раздражают «соискатели» всевозможных благ. *Есть люди, которые ничего не хотят делать сами, все время надеясь на кого-то: то на государство, то на соседа. Они не привыкли и не хотят отвечать ни за собственную судьбу, ни за судьбу своих детей. Хотя у них все в полном порядке: голова на плечах, руки-ноги целы. (Разумеется, я не имею в виду экстремальные ситуации, в которые эти люди могут попасть и от которых в жизни никто не застрахован). Однако есть и другая категория людей, которым не помочь — грех…*

И Похил помогает — детским домам (на попечении «Горводоканала» — 13-й детдом), школам, детским коллективам художественной самодеятельности и спортивным секциям (он вообще любит детей) — всего не перечислишь.

Вкус жизни — терпкий, сладостный, горький, — все мы хотим испытать его сполна. Но не всем это удается — многие довольствуются невыразительной преснятиной. Юрий Похил другой — живой, подвижный, ему явно нравится острота ощущений. Одно увлечение хоккеем чего стоит. Видимо, чувство скорости ему необходимо и в работе, и в жизни. Однако при всей яркости, неординарности бытия директор убежден: «Нельзя сильно выпендриваться, быть «пупом». Нужно просто делать свое дело…».

…Он и по сию пору, как тот мальчишка из детства, самозабвенно играет в свой любимый хоккей…

Лариса ТУЧИНА

Манящая цель — театр

Вера Редлих (1894-1992) — самая бесспорная фигура в театральной истории Сибири. К ее имени люди сцены всегда будут возвращаться. «За Уралом за рекой» нет более славного театрального имени. Но, увы, новое поколение новосибирских актеров и театралов мало что о ней знает. Да, известный режиссер, да, жила и работала в Новосибирске... И все?

Начнем хотя бы с того, что Сибирь для Веры Редлих начиналась не с Новосибирска. Она началась с Томска. Томская афиша за восемнадцатый год, предоставленная тамошними краеведами, удостоверит, что «Артистка Второй студии Художественного театра Вера Редлих выступит в спектакле по пьесе Эдмона Ростана «Романтики». Газета «Сибирская жизнь» сообщит потом, что «это был настоящий праздник для любителей театра». Но как оказалась двадцатичетырехлетняя москвичка в Томске? В своей книжке «*Такая манящая цель — театр*» Вера Редлих почти ничего

не скажет о своей семье, о жизни своих близких. Время, видимо, было такое, что к определенного рода откровенностям не располагало. Вот и о Томске — ни слова.

Между тем театральному Томску она отдала три года своей жизни. В восемнадцатом году из Москвы ее погонит в Сибирь тревога за брата Мишу. Белая армия откатывалась на восток под натиском красных, а Миша служил врачом в белой армии. Рыцарь, идеалист, по отзывам родных, он воевал за то дело, в которое верил, пока не свалился с тифом в одном из томских госпиталей почти без надежды на выздоровление. Получив письмо о положении брата от своей родственницы Ванды Рогозинской, Вера не раздумывала. Москва, Вторая студия, друзья и педагоги — все осталось позади. Ее ждал незнакомый город.

Томск начала века не напрасно называли «Сибирскими Афинами». Поставив брата на ноги, Вера огляделась и с радостью обнаружила, что и в Томске можно заниматься искусством! В Томске были Иван Григорьевич Калабухов и его студия.

О студии Калабухова написано до удивления мало. Хотя по уровню она намного превосходила все томские драматические коллективы революционной поры — по сути, это была Пятая мхатовская студия. Воспитанником МХАТа был сам Калабухов, личность вообще незаурядная, энтузиаст, исследователь, участник дальневосточных экспедиций Арсеньева, — его биографии хватило бы на несколько романов. Выпускницей школы-студии МХАТ была Эмилия Шиловская, успевшая к тому времени поучаствовать в символистских опытах Мейерхольда на Поварской, поработать в петербургском театре с Верой Комиссаржевской. И Алексей Попов, и воспитанная им костромская труппа, объединившаяся в 19-м году со студией Калабухова, тоже исповедовали мхатовскую веру...

За многолетней чрезвычайно успешной режиссерской деятельностью Редлих мы как-то забываем, что Вторая студия, которую она окончила, готовила из нее актрису. В «Зеленом кольце» Гиппиус, которым эта студия успешно открылась, огромный успех выпал на долю Аллы Тарасовой, самой близкой подруги Веры. Но и Верочка Редлих, оказывается, тоже имела большой успех в роли гимназистки Руси. Ей аплодировали, ее вызывали. К сестрам за кулисы она вылетала сияющая, с букетами и коробками конфет…

Актерское ее становление состоялось у нас в Сибири. В Томске молодая актриса оказалась среди людей, говоривших на одном языке. Даже репертуар, в котором она была занята, — знакомый по Москве репертуар Первой студии МХАТ: «Сверчок на печи», «Потоп», «Гибель «Надежды». Калабухов вел дело очень серьезно. В кратких бесстрастных информациях томских газетчиков прорываются одобрения по поводу культуры спектаклей, тщательно продуманных декораций и костюмов, ансамблевой сыгранности: «Исключительные спектакли, так не похожие на все, что нам приходилось видеть на театральных подмостках».

По нечищенным томским улицам в бывший пассаж купца Второва к началу спектакля спешила молодая актриса. Снег скрипел под ногами, луна стояла в центре огромного круга. На реке Ушайке стыли вмерзшие в лед суденышки. Деревья в Университетской роще были окутаны инеем. И вспоминался бело-розовый сад ее безмятежного детства на Украине, роскошные знойные летние дни в родовом гнезде, свет от настольной лампы, книги, музыка... Вера Павловна всегда писала в анкете о себе: «Из служащих», и было это, мягко говоря, изрядным преувеличением... Ну какой служащий ее отец, управляющий большого сахарного завода... Семья имела прочные дворянские корни. Прабабка по материнской линии — француженка из рода де Шатобреан. От французской революции семья бежала в Германию, потом перебралась на Украину. Бабушка Веры, Матильда Юнк, вышла там за потомка Даниилы Нечая, полковника в войске Хмельницкого. Старшей из дочерей от этого брака и была Елизавета Федоровна Нечай, мать Веры Павловны.

Среди предков по отцовской линии (все сведения из семейных преданий, заботливо собранных сестрой Елизаветой Павловной) — баронесса Юлия Крюденер, писательница, чью повесть «Густав де Линар» Пушкин называл «прелестной». У нее было три внебрачных сына, принявших потом фамилию Редлих. У Павла Морицевича Редлиха и Елизаветы Нечай выросло пятеро детей. Актрисой стала Вера. Французская кровь, видимо, как-то располагает к актерству —

Семья В.П. Редлих. Вера на ковре в центре (с братом Михаилом)

Вера Редлих в спектакле «Потоп» (Томск, 20–е годы)

бабушки-француженки были и у Станиславского, и у Мейерхольда: в какой-нибудь боковой ветви нет-нет да и выстрелит...

Но, наверное, именно в Томске Вера Павловна стала подумывать о возможности для себя иного осуществления. Не актерского. Недаром рядом работали такие мастера режиссуры, как Алексей Попов, Калабухов...

Жизнь скоро заставит сделать выбор.

В двадцатом году вместе с театром студийных постановок Попова уедут в Кострому и Калабухов, и Шиловская, и Редлих. После отъезда Попова в Москву этот театр будет долго гастролировать, прежде чем окажется на Дальнем Востоке, где окончательно распадется, подточенный борьбой интересов. Там Вера Павловна надолго окажется в гипсе — болезнь позвоночника исключит для нее актерство как профессию. И в 32-м году она и ее муж Сергей Бирюков примут приглашение Федора Литвинова, работавшего все в той же студии Калабухова, приехать в Новосибирск.

* * *

Здесь ей сразу стало интересно: «Красный факел» в начале тридцатых еще не устоялся, все кипело в этом котле, все искали, вырабатывали свой краснофакельский метод.

Труппа только собиралась, и кого только здесь не было. Разность биографических потенциалов обеспечивала совершенно особый букет, обогащала сценических героев Редлих разнообразным душевным опытом. Знаменитый Аржанов, например, нигде не учился, был сначала рабочим сцены, потом помрежем, потом актером на самые маленькие роли и вырос в крупного художника, создателя мощных народных характеров. А вот Матвей Кириков родился в богатом петербургском доме, все состояние растратил на актерскую антрепризу, кого только ни возил на гастроли по Волге, был ходячей энциклопедией своего времени... Георгий Полежаев прежде работал в Малом театре. А красавица Клавдия Гончарова прошла отнюдь не торными дорогами русской провинции. Хлебнула горя и нужды на провинциальных сценах и Мария Халатова, знаменитая краснофакельская «старуха», — в юности богатая семья за

увлечение сценой лишила ее наследства. Не очень-то дружные вначале, они научились ставить общее дело выше личных разногласий. С ними постепенно вырастала в творческую личность и Вера Редлих.

О первых своих авангардных спектаклях она скоро будет вспоминать с улыбкой. Незаурядные люди, незаурядные актеры, волей судеб собравшиеся в «Факеле», помогут ей вернуться к театру человека и его души.

Именно в этом направлении собирался вести театр и главный его режиссер Федор Литвинов. Но мы никогда не узнаем, кем бы он мог стать для «Факела». Федор Литвинов и Иван Станчич, первый директор театра, были расстреляны в тридцать девятом. Среди вещей, которые через полвека вернутся в театр из здания на Коммунистической, окажутся фотокарточки, справки с перечнем расстрельных статей и посмертной реабилитацией и краснофакельские удостоверения. А первой нарушит молчание вокруг этой фигуры, отдаст должное энергии и таланту Литвинова в своей книжке все та же Редлих...

В годы сталинского террора «Красный факел» потерял больше двадцати человек. И вот вопрос, который просто невозможно себе не задать: как уцелела сама Редлих? С ее-то дворянскими предками, с мужем, сыном предводителя костромского дворянства, с ее немецкой фамилией в годы войны с немцами? Считать, что соответствующие органы ничего не знали, смешно же... Юрий Магалиф, известный писатель, сам бывший политзаключенный, выдвигал другую версию: «Знали, но превратили эту семью в визитную карточку гуманности советской власти: «Вот Вера Редлих — дворянка, а мы ей театр доверили! Вот Сергей Бирюков тоже знатного рода, а мы его народным артистом сделали». Социальное происхождение нам неважно, лишь бы человек был талантлив!»

Может быть... Но, может быть, причина проще — возьмем личное дело Редлих за тридцать восьмой год. Пункт 23: «Кто из руководящих работников театров может дать деловую характеристику вашей прежней работе?» Дальше рукой Веры Павловны: «Народная артистка СССР Алла Тарасова». А ведь в актерской среде не было тогда более влиятельной и властной личности, чем любимая подруга детства...

Но ее защита не распространялась на родных и близких Редлих. Многие годы своей жизни отдадут лагерям строгого режима ее родной брат Михаил, ее друг и учитель Иван Калабухов.

Невольно думаешь, что если сложить вместе судьбы близких Вере Павловне людей, то и получится трагический портрет поколения, которому пришлось пережить такое, «что и не снилось нашим мудрецам»...

* * *

А для нее тридцать восьмой год окажется решающим в плане режиссерского становления. Она поставит шекспировскую комедию «Много шума из ничего». А после ни много ни мало «Анну Каренину» — широкомасштаб-

ный спектакль с большим количеством героев, со сложными толстовскими сплетениями между ними.

В этом же году она поставит «Обрыв» по роману Гончарова, воссоздавая на сцене совсем иной мир русской природы, русских провинциальных барышень, уже захваченных, в отличие от провинциалок Островского, ветром перемен, ждущих от своих избранников «на рандеву» нового слова и нового дела... И снова крупные актерские победы. Этот спектакль молодого режиссера позволит режиссеру маститому и знаменитому, каким был уже тогда Алексей Дикий, оценить «Факел» как живой театр, а он в это время видел так много театров мертвых... Это значит, что Редлих, не будучи еще главным режиссером, уже «вела»: направление ее не просто декларировалось, оно давало на сцене убедительные художественные результаты. Именем МХАТа клялись тогда все, да только Редлих была из тех немногих, у которых слово не разошлось с делом.

Для писательницы Александры Бруштейн окажется нечаянной радостью в Сибири «Гамлет» в постановке Редлих. Она переживет на спектакле впечатления столь сильные, что не сможет не написать режиссеру: *...это гораздо лучше, чем, например, «Уриэль Акоста» в Малом. Ваш «Гамлет» — это и центрально, и столично и в достижениях своих, и в недостатках. Это спектакль большой настоящей культуры и прекрасной режиссерской свободы, легкости, грациозных находок и свежести чувства. Сцена «мышеловки» стоит для меня в ряде лучших, виденных и у нас, и за границей. Король, вытирающий жирные пальцы о пурпур царственных одежд, сцена Гамлета с матерью — всего не перечислишь. Я уже не говорю о замечательном художнике Белоголовом: из-за одних декораций некоторых картин стоит пойти на этот спектакль, чтобы получить настоящую радость!*

Серафим Иловайский сыграл своего Гамлета — первого и лучшего Гамлета на краснофакельской сцене — не столько воином, сколько человеком большой воли и мысли в традиции европейских гуманистов. Он бесстрашно вглядывался в сгущающийся мрак «перед заходом солнца», он готовился к временам тяжких испытаний...

Эти времена скоро настанут. Скоро Редлих и ее близкие увидят из окон актерского общежития еще один сибирский город: высоченные сугробы за окном, черные терриконы, припорошенные снегом, свет шахтерских лампочек в ночи от смены, идущей в забой. Для этих людей, для шахтеров, санитаров и врачей, для выздоравливающих бойцов, которым скоро снова на фронт, поставит она в Кузбассе, где будет работать театр в 42—43-м годах, спектакли «Фельдмаршал Кутузов» и «Русские люди».

У меня в работе новая пьеса на тему Отечественной войны, называется она «Русские люди», — напишет она мужу, служившему на Дальнем Востоке. — Сильная патриотическая пьеса, проникнутая ненавистью к врагу и любовью к Родине. Образы глубоки и правдивы. Для работы трудная: внешних эффектов немного, вся сила в искренности и правдивости. Автор — Константин Симо-

нов, написавший «Парня из нашего города». По-моему, он сделал рывок в своем писательском мастерстве.

Сводки о наступлении наших войск радуют бесконечно. Чувствуется близость победы, когда вернется наша прежняя жизнь, и мы, мой дорогой, не будем разлучаться. Ты не беспокойся о моем здоровье, ни к какому врачу я не пошла, чувствую себя нормально, даже пополнела немного. Получила твою фотографию, всем показывала, хвасталась! Наш переезд в Новосибирск все откладывается, вероятно, он состоится не ранее февраля.

Целую тебя, твоя Вера (ноябрь, 42 г.)

* * *

Война разделит жизнь Веры Павловны на две половины. С 46-го года она не просто режиссер — она художественный руководитель театра «Красный факел». Труппа театра встретит ее назначение с общим воодушевлением. А в новосибирской театральной жизни не будет более крупной творческой личности.

Московский театральный критик Алла Михайлова, познакомясь в 53-м году с Верой Павловной, оставит для нас портрет хозяйки дома — *немолодой, полноватой дамы с седеющими волосами, подкрашенными губами, светлыми и очень проницательными глазами. Носила она просторные костюмы из легкой ткани, широкие отвороты блузки были схвачены камеей. Была и членом КПСС, и членом бюро обкома партии, как полагается главному режиссеру. Был чудесный дом, породистая мебель красного дерева, хороший фарфор, хорошо заваренный чай. Вера Павловна занимала разговором, была совершенно обворожительной, была домашней, мягкой, но все равно несла в себе какой-то неуловимый отпечаток неведомого и достойного прошлого. Не проходило ощущение, что перед нами самый значительный человек в тогдашнем Новосибирске…*

Это походит на официальный портрет, такой она и сейчас встречает новосибирцев у входа в зрительный зал «Факела». Актеры театра знали ее другой. Для них берегла она тепло и свет, обаяние личности и свет таланта. Ее маленькая книжка воспоминаний по сути посвящена им и только им. Она пройдет с ними самые трудные годы — и тридцать седьмой, и тридцать девятый, и войну, и сорок девятый. Она постарается назвать их всех, каждого вспомнить хоть в нескольких словах, нескольких предложениях. Кого-то она откроет заново в своих спектаклях — Николая Михайлова и Елену Агаронову, например. Кого-то пригласит в театр после войны: пришедших с фронта Евгения Матвеева, Игоря Попкова, молоденькую оренбургскую актрису Анну Покидченко. Кого-то просто вернет в профессию, как вернет немолодую уже Эмилию Шиловскую, подругу томской юности. И та сыграет на краснофакельской сцене Вассу Железнову, Хлестову, Галчиху и Мурзавецкую, и госпожу Ферелли в постановке Редлих «Семья Ферелли теряет покой».

Меня мучит мысль, что о моих замечательных товарищах по «Красному Факелу» знают очень мало, почти ничего, — напишет она. — *Но, может быть, если я закрою глаза и буду настойчиво вглядываться в прошлое, такое дорогое для меня, может быть, увижу их снова какими они были.*

И сегодня мы видим их ее глазами — видим, как уходит на смерть Аржанов-Глоба в «Русских людях». Услышим диалог матери и сына — Аркадиной и Треплева в «Чайке» в исполнении Елены Агароновой и Сергея Галузы.

Залюбуемся суровой, надломленной, обреченной красотой Николая Михайлова в «Зыковых» — первом послевоенном спектакле Редлих в Новосибирске. Увидим молоденькую Веру Капустину в самом начале ее карьеры — она замечательно сыграет своих героинь в спектаклях Редлих по пьесам Симонова «Русские люди» и «Дни и ночи»; на старой фотографии одна из самых элегантных в будущем актрис Москвы сидит в солдатской грубой шинели, перехваченной портупеей, и улыбается маршалу Еременко, которому спектакль, судя по всему, понравился.

На старой послевоенной фотографии Вера Павловна в тесном окружении молодых. Тут можно узнать и Лилю Метелеву, и Лидию Морозкину, и Тамару Скарруто, и Катю Мокиенко — у «Факела» была своя актерская студия под руководством Редлих. Всех она выучит и выпустит, они будут работать на сценах Омска и Томска, Барнаула, Челябинска, Красноярска.

Те из них, кто сможет, приедут в 1994 году в Новосибирск на фестиваль, посвященный столетию со дня ее рождения. Обегут весь театр снизу доверху и застынут перед первой своей сценой. Вечером соберутся в гостиной Дома актера, чтобы вспоминать, вспоминать. Как Вера Павловна с Сергеем Сергеевичем приходила к молодоженам Попкову и Орловой и тактично старалась подарить самое нужное «на обзаведенье». Как, пригласив в «Факел» Евгения Матвеева, отдала ему под жилье свой рабочий кабинет, кто бы сейчас так сделал? А потом подкармливала — через актрису Марию Халатову. Образовывала, давая свои книги через режиссера Дени, да все было законспирировано, чтобы он, не дай Бог, не догадался, не застеснялся. Лилия Морозкина расскажет, до чего любила Вера Павловна цветы, не могла усидеть перед подаренным букетом, все вскакивала и поправляла. «Правда же, так им будет лучше?..».

С улыбкой будут вспоминать о ее детскости, наивности, рассеянности. Как репетиционная группа время от времени бросалась искать ее пропавшие очки, и только Сергей Сергеевич находил их в пышных Вериных волосах. Как обидится на газету «Правда», написавшую про возраст народной артистки СССР Аллы Тарасовой: «Ну мне ли не знать, сколько Аллочке лет, зачем же они ее омолаживают...» Будут вспоминать новогодние праздники в театре, которые она так любила: в верхний репетиционный зал все старались нести самое лучшее, стелили ковры, разбрасывали подушки, зажигали свечи и обязательно отправляли краснофакельскую клячу домой, к Владимиру Карловичу Дени — таких пирожных, какие умудрялся печь он, нельзя было вкусить нигде в тогдашнем-то Новосибирске. Он еще был замечательным садоводом, в своем

скромном садике выводил новые сорта гладиолусов и георгинов и называл их в честь своих друзей. Может быть, и сегодня в чьем-то саду цветет гордый розовый гладиолус по имени «Вера Редлих»...

Вспоминали, как в какой-то момент репетиций вдохновенный порыв вырывал ее из кресла. Этот порыв покорял их, подчинял себе, эту энергетику они отдавали зрителям на спектаклях. Вера Редлих не была диссиденткой, не отличалась тайномыслием. Она, подобно многим, жила в своем времени, вполне разделяя его свершения и его печальные заблуждения. Но вот спектакли ее были по-настоящему свободны! Потому что она, мхатовка, могла бы сказать, перефразируя Голсуорси: «Спектакли имеют смысл только как воплощение человеческого характера». А человек неисчерпаем, непредсказуем и бесконечен. Его нельзя свести к официально утвержденным схемам «социалистического реализма», предписывающим, как жить, что думать и как поступать. В ее спектаклях эта мысль присутствовала как данность. Наверное, потому на ее репетиции шли, как на праздник, — так интересно было вместе с ней изучать человека!

Ни с кем не сражаясь, ничего не опровергая, театр Редлих словно поднимал человека над окружающим, выводил из общей ситуации, раздвигал горизонты бытия до включения в них экзистенциальных вопросов, человеку изначально присущих. Конъюнктура ее не интересовала. Осенью пятьдесят третьего над оцепенелой еще Москвой расправит крылья ее «Чайка». В это время впору бы ставить спектакль о гибели всех надежд, о страшном гнете жизни, а она показала спектакль не о той жизни, какая была, не о той, какой она должна быть, а о той, которая представляется в мечтах, в которой есть колдовские озера, чувства, похожие на изящные цветы, любовь — счастливая или несчастная, но она ведь есть. Романтический спектакль, воскресивший мечту, ставший посредником между этой мечтой и зрителем, волей судеб вынужденным о ней забыть...

До двадцатого съезда останется месяц, когда Вера Павловна покажет городу «Село Степанчиково» по Достоевскому — по общему мнению, один из лучших ее спектаклей на краснофакельской сцене (премьера состоялась 16 января 1956 года). *Редлих показала спектакль о тирании ничтожества,* — обронит та же Алла Михайлова. — *И если бы он состоялся в Москве, каким бы он стал громким событием!* Но, думается, таким событием он стал и в Новосибирске. Как о событии писали у нас об исполнении Сергеем Бирюковым роли Фомы Опискина. «Его поджарая фигура в длинном халате, его вязкие опутывающие речи, беспокойные руки и феноменальное чувство собственного величия, избранничества — это не забывается. И, конечно, его упоение властью над людьми». Наивный взгляд на эту фигуру юного, порядочного человека станет той находкой Редлих, которая недвусмысленно определит нравственную позицию спектакля. Классика под ее руками в который раз без грубого переиначивания выполнит роль посредника между эпохой ушедшей и нашей. Редлих как бы подхватит концы распавшейся нити, восстановит связь времен,

восстановит для своих зрителей единое культурное пространство России, в котором не должно быть места бесчеловечным экспериментам над людьми. Но чего стоил ей этот труд души, мы никогда не узнаем. Мы сможем только догадываться. Свидетельств мало, их почти нет. Евгений Матвеев упоминает о «болезненной улыбке», с которой она восприняла его слова об уходе из театра, когда после успешных гастролей 51-го года в Ленинграде молодого героя пригласили театры БДТ, Александринский и Малый. Потом, обмахнувшись платочком, скажет: «Надо ехать, Женечка... Только уж в столицу!» Сергей Галуза напишет о себе и Редлих: «Потерял своего режиссера и нить в жизни потерял...» А какая тоска в ее письме Вере Капустиной, тоже перешедшей на московскую сцену: «У нас многие актрисы входят в репертуар и неплохие актрисы, но пока еще не совсем наши, не совсем-то на одном языке разговаривают, а главное — нам не хватает тебя и как актрисы, и как человека». Извечная драма неизбежных расставаний учителя и ученика, таких в ее жизни было много. Старые краснофакельцы еще помнят, как ей сказали о смерти Владимира Карловича Дени, ее ассистента, друга, любимого помощника: «Неправда... Это неправда! — кричала она. — Я не хочу больше жить». А потом на репетициях, забывшись, вдруг поворачивала голову в ту сторону, где он обычно сидел... и замолкала.

Она познакомит новосибирцев с первыми пьесами талантливого драматурга Алексея Арбузова. Сегодня, когда так шумит по Москве мюзикл «Норд-ост», как не вспомнить, что одной из первых перенесла на сцену замечательный роман Каверина «Два капитана» именно Редлих. После премьеры «Кряжевых» она выведет на поклон Виктора Лавренева, и вскоре его пьесы разлетятся по всем сценам страны. Булгаковских «Турбиных», эту подозрительную для властей «белогвардейскую» пьесу, вернет на краснофакельскую сцену тоже она.

Ее «Барабанщица» для многих зрителей моего поколения останется лучшим спектаклем о войне. Навсегда покорит зрителей скрытой теплотой патриотизма, глубиной и остротой психологических решений. Анна Покидченко сыграет маленькую разведчицу и войдет в число лучших актрис Сибири.

Автор Афанасий Салынский, удивленный, покоренный спектаклем, будет кружить по ночному городу, не отпуская режиссера и исполнительницу главной роли. Но ведь придется ставить и другое... Надо ставить, чтобы защититься от упреков партийной критики в невнимании к решениям пленумов и съездов. И тогда появляются «Московский характер» Сафронова, «Рассвет над Москвой» Сурова и «Великая сила» Ромашова, и какое-то «Голубиное гнездо» Буранова... Ставила она и «Кандидата партии» Крона, и «Персональное дело» Штейна, где тщательно дозированная критика в первом действии сменялась торжеством партийной риторики в финале и никого особенно не тревожила. Художественной оппозицией времени в ее режиссуре по-прежнему оставалась классика.

Последним ее спектаклем в 59-м году стали чеховские «Три сестры», ее человеческое и художническое завещание...

Но почему последним? Почему она ушла? Что разладилось к 1960 году между нею — профессором, режиссером, художественным руководителем, — и театром, которому она создала такую творческую репутацию, который вывела в число первых коллективов страны? При ней «Красный факел» назовут «Сибирским МХАТом». Сейчас в этом названии стало модным подчеркивать иронию, некую вторичность художественных поисков. Напрасно! Жест столичных критиков после московских гастролей 53-го года был отчасти даже вынужденным... МХАТ переживал свои далеко не лучшие времена, это было всем очевидно, как очевидно и то, что сибирский театр во главе с Редлих подхватил выпавшее знамя: стал театром высокой культуры, театром психологическим, интеллектуальным, духовным...

Журналисты настойчиво расспрашивали ее об уходе, когда она была уже в Минске. Она только головой покачивала, она отказывалась отвечать.

Не станем и мы доискиваться причин ее обид, потерь, разочарований. Скажем только одно: наступит другое театральное время, время «Современника». Она сама приближала появление такого типа театра, с ее отвращением к театральной лжи и фальши, с защитой интересов личности, внутреннего мира человека, с интересом к бытийным проблемам... Она сама нетерпеливо готовила новый взлет театрального искусства, но когда пришло это время, на гребень новой волны подняться не смогла...

Пустел краснофакельский зал. Интерес ее зрителей перемещался за бульвары, за Красный проспект, туда, где шумел помолодевший ТЮЗ, — стремительный, динамичный, яркий.

Пришло время уступать дорогу. Она и ушла. Это был 1960 год.

* * *

В Минске она проживет еще одну из отпущенных ей жизней, шестую по счету, и проживет, как и предыдущие, творчески наполненно, осмысленно, красиво. Ее имя было овеяно легендой «Красного факела», а *перед актерами русского драматического театра в Минске появилась легкая, моложавая женщина с лучистыми глазами, искренней улыбкой и неожиданно басистым смехом, элегантная, с безупречным вкусом.* Так напишет о ней минский критик Лилия Брандобовская.

На сцене Минского русского драматического театра ей будет дано еще раз (последний!) поставить своих любимых авторов: Горького, Островского, Достоевского и Шекспира. Пленить актеров тонко созданной атмосферой, редкой сценической культурой, человечностью и благородством отношения к людям и миру. Но главным делом этой последней ее жизни будет, конечно, преподавание в Белорусской театральной академии. И много лет после выпуска ее студенты тянулись к ней, приходя в апреле с цветами на день рождения. С ее обращения: «Расскажите, деточка, как у вас дела» — начинались обычно долгие беседы. *Удивительно, но она в свои девяносто лет помнила не только боль-*

шинство из нас, напишет ее ученица Эмилия Ковальчик, *но и поименно наших детей, и где кто работает, и что в последнее время поставил или сыграл. И всегда радовалась удачам своих «деточек».* В последние годы жизни она останется только профессором-консультантом, встречи со студентами будут у нее нечастые, но, к чести академии, там понимали, какой нравственный заряд получают будущие актеры, встречаясь с ней даже время от времени...

Новосибирские кинематографисты успеют снять фильм о ней. Называется он — «Вера». На дачной террасе где-то под Минском старая женщина по просьбе съемочной группы читает свое любимое стихотворение. Читает гумилевских «Капитанов»:

Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель...

Читает медленно, отрешенно, каждая строка словно уводит ее в далекое-далекое прошлое. Потом останавливается: «Нет, надо было раньше... Забыла...» Неважно. Ее голос все равно попадает в слушающего, смотрящего. И трогает до слез. Она сама была одним из таких Капитанов. И останется для нас «охранительным маяком», излучающим свет «в ночи многозвездной»...

Ни один короткий очерк не сможет вместить такую долгую, такую богатую жизнь. Еще только один эпизод. На Дальнем Востоке, когда она тяжело болела, Сергею Сергеевичу Бирюкову очень помог материально Борис Бринер, богатый промышленник, муж ее близкой подруги по Второй студии Кати Корнаковой. Когда в начале тридцатых прошел слух, что частные концессии вот-вот будут ликвидированы, Бринеры имели долгий разговор с Верой Павловной. Предлагали помощь, чтобы вместе покинуть страну. Получили отказ. Попросили ее все-таки воздержаться от последнего слова и, если будет плохо, прислать в конверте фотографию дочери как знак согласия. Плохо стало очень скоро: после отъезда Бринеров был арестован Бирюков (его семья с трудом добилась освобождения), но фотография дочери осталась в России.

Валерия ЛЕНДОВА

Инженер Роецкий

Исторические штампы настолько сильны, что, будучи один раз опубликованы, уже считаются аксиомой. На вопрос, кто основатель Новосибирска, сегодня практически всякий без запинки ответит: Гарин-Михайловский, построивший железнодорожный мост через Обь. А между тем был человек, который еще до него увидел в своем воображении этот мост на том самом месте, где он сейчас находится. Его имя Викентий Роецки.

Инженер польского происхождения Викентий-Игнатий Роецки — одна из самых неисследованных фигур в истории возникновения Ново-Николаевска, впоследствии — Новосибирска. Родился он в 1861 году. Обстоятельства же, благодаря которым он станет впоследствии в единый ряд «отцов-основателей» Ново-Николаевска, сложились несколько позже.

В июне 1891 года Викентий Игнатьевич Роецкий (именно так, на русский лад стали именовать молодого инженера) был направлен с небольшим отрядом на изыскательские работы в район села Кривощеково. Причем Кривощеково являлось лишь одним из пунктов большого маршрута, который предстояло пройти изыскателям.

Объем работ отражен в одном из документов того времени — донесении Министру финансов С.Ю. Витте от начальника строительства дороги К.Я. Михайловского: «По сведениям, полученным от инженера Роецкого, оставшегося в Колывани для съемки бассейна реки Объ, изыскания для линии железной дороги по пересечении Оби у села Кривощеково произведены у нескольких поселений. Намеченный изыскателями путь по мнению инженера Роецкого удовлетворяет всем техническим требованиям сооружения. Переход р.Объ у села Кривощеково и р.Томь у села Тутальского на всем пространстве этих рек — лучший».

Умение молодого специалиста профессионально определять перспективные направления были замечены и в Петербурге. В 1892 году инженеру Викентию Игнатьевичу Роецкому за успешные изыскания был пожалован чин титулярного советника. В музее Южно-Уральской железной дороги сохранилось свидетельство о пожаловании инженеру Роецкому этого чина. Более того, на обратной стороне свидетельства есть интересная запись: «1893 года февраля 3-его дня в Виленском римско-католическом приходском Всех Святых костеле поименованный в сем билете старший инженер путей сообщения В.И. Роецки бракосочетался с дворянкой Дэзи Жоховской. Удостоверил собственноручно с приложением костельной печати настоятель ксендз Й.Ц. Жоховский».

Стоит отметить, что в те времена бракосочетаться гражданам неправославной веры, работающим в государственных органах, было не так просто. Требовалось пройти всю служебную иерархическую лестницу, чтобы получить одобрение со стороны начальства на вступление в брак. Однако авторитет Викентия Роецкого был так велик, что прошению на имя его превосходительства, начальника работ Константина Яковлевича Михайловского быстро дан ход, и этот брак одобрил председатель управления казенных дорог. Молодая семья переехала в Челябинск. Но жить оседло таким людям, как Роецкий, не суждено. Вскоре его направляют на строительство Запсиба в район города Петропавловска. Жена Дэзи, ставшая теперь Маргаритой Павловной, повсюду следует за мужем и терпеливо переносит все тяготы кочевой жизни. В 1894 году в семье Роецких появляется дочь — Янина-Мария.

К сожалению, сегодня восстанавливать жизненный путь таких людей, как инженер Роецкий, крайне трудно, поскольку данные о нем очень скудны и разбросаны крохами по музеям истории железной дороги от Бреста до Сибири. Удачные изыскания, предопределившие появление Ново-Николаевска в конце девятнадцатого века, еще не имели той значимости, что теперь. Известно доподлинно, что Викентий Игнатьевич был человеком высокообра-

зованным — помимо средней школы он имел два высших образования, а его технические выводы принимались во внимание на уровне министра казенных дорог России. Можно с уверенностью сказать, что труд инженеров железной дороги не был «кабинетным». Вместе с рабочими изыскательских партий они проходили пешком по бездорожью сотни километров, чтобы лично убедиться в правильном выборе места для прокладки пути. Достаточно подробно об этом писал в своей повести «Инженеры» Н.Гарин-Михайловский, одним из прототипов которой стал именно Викентий Игнатьевич Роецкий.

Изматывающий, напряженный ритм жизни не мог не сказаться на здоровье Роецкого. Первый тревожный «звонок» прозвучал в начале 1895 года, когда он попросил продлить текущий отпуск в связи с нездоровьем. О недугах молодого инженера 11 марта 1895 года докладывал начальству и врач Западно-Сибирской железной дороги Николай Шмитц: «…наблюдается нарушение центральной нервной системы и как следствие — расстройство пищеварительных функций».

Отпуск Викентию Роецкому продлили, и он уехал из Сибири в Гродненскую губернию восстанавливать подорванное здоровье, и в июле вроде бы даже пошел на поправку, а в конце месяца и вовсе вернулся к месту службы. Рождение второй дочери Марии-Терезы практически совпало с производством Роецкого в коллежские асессоры. Но на службе дела явно пошатнулись и уже не могли идти так гладко, как до этого. Несмотря на то, что Викентий Роецкий, как и раньше, работал инженером, его прежнее должностное место за время болезни оказалось занятым. Возможно, именно этот факт стал причиной очередного ухудшения здоровья на нервной почве. Врач Шмитц снова шлет телеграмму К.Михайловскому, отдыхающему в Санкт-Петербурге. Но не успевает последний отреагировать, как следом отправляется еще одна телеграмма, в которой врач фактически подписывает Роецкому приговор: «Ввиду безнадежного положения прошу разрешить В.И.Роецкому приехать в Челябинск, а также назначить комиссию для медицинского освидетельствования на предмет получения усиленной пенсии». Прошение об отправке больного в одну из университетских клиник только подчеркивало серьезное положение дел.

Надо отметить, что Константин Яковлевич Михайловский, будучи непосредственным начальником Роецкого, отнесся к его беде, как к своей собственной. Видимо понимая, что дело идет к концу, он хлопочет о предоставлении больному и его семье отдельного вагона до Варшавы, а также денежной помощи, так как Роецкие крайне ограничены в средствах. Но надо представлять себе огромные масштабы Российской империи, чтобы понять, как легко теряется на ее просторах даже искреннее участие. Скорее всего, своеобразный «последний долг» был отдан Роецкому с большими проволочками. Вагон выделили, но только спустя полмесяца, поскольку отъезд совпал с проведением знаменитой Ирбитской ярмарки, и все вагоны были заняты на пе-

ревозке деловых людей и товаров. Возможно, из-за этой задержки В.И. Роецкий не добрался до Варшавы, он умер в Брест-Литовске 8 марта 1896 года, там же и похоронен. Было Викентию Игнатьевичу Роецкому 35 лет. Будучи человеком крепкого телосложения, достаточно молодым, инженер Роецкий не смог противостоять последствиям нервных заболеваний. По мнению врачей именно последние три года чрезмерных физических и умственных нагрузок погубили его.

Как свидетельствуют архивные документы, после смерти Викентия Роецкого отец Дэзи — Й.Ц. Жоховский переписывался с Константином Яковлевичем Михайловским по поводу выделения средств семье Роецких, потерявших кормильца, и деньги, хоть и небольшие, были изысканы…

Сергей КОСТИН

Точка кипения

Его вспоминают настолько по-разному, что иной раз сомневаешься — об одном ли человеке речь? По словам тех, кто его знал, он был одновременно добрым и беспощадным, вдумчивым и рубящим с плеча, способным увязать все мнения в единый узел и невероятно упрямым. И горячим, горячим до кипения — в этом, пожалуй, сходятся все, кто помнит о Севастьянове. Об Иване Павловиче Севастьянове, который два десятка лет был «градоначальником» Новосибирска — председателем исполкома городского Совета народных депутатов.

Лихие юнцы времен гражданской войны в 17 лет командовали эскадронами. Родившийся в 1918 году Иван Севастьянов едва не стал к тому же возрасту «командиром» сельской школы. Уже и в райцентр отправился за назначением на директорскую должность, да не удержался от искушения продолжить учебу и поехал в Томск, по-

ступать в железнодорожный техникум. Там и с будущей женой познакомился, Александрой Кузьминичной, а окончив учебу, повез ее к их общей судьбе — в Новосибирск.

Там, в нескладном, еще по-отрочески угловатом городе Севастьянов со свойственной ему энергией зашагал вверх по служебным ступенькам. Инженер, секретарь партийного бюро станции Инская, первый секретарь Первомайского райкома КПСС, начальник политотдела Инского и Новосибирского отделений Томской железной дороги, заместитель начальника политотдела дороги, начальник станции Новосибирск-Главный, заместитель начальника Новосибирского отделения дороги…

Станцией Севастьянов руководил весьма успешно. Хотя про себя скорее всего считал, что эта должность для него слишком мала. Все же до этого он руководил политотделом отделения дороги, где было тогда около полусотни тысяч работающих. А тут станция… Но — и это тоже характер! — все равно выкладывался полностью.

— *На меня он сразу произвел хорошее впечатление: энергичный, волевой, смелый,* — рассказывает бывший первый секретарь Новосибирского обкома Александр Филатов.— *Меня назначили мастером, затем избрали секретарем парторганизации. Работать было сложно, и он очень мне помогал. Как-то приехал ко мне в партком, и мы с ним долго беседовали. И сразу друг другу понравились…*

Судьбы их переплелись на удивление крепко. Севастьянов был и начальником Филатова, и его подчиненным. И, что нечасто случается, пронес дружеские с ним отношения через все эти служебные перепады. Это ли не свидетельство редкой внутренней силы?

— *Помню, в 1958-м началось строительство жилья хозспособом,* — продолжает Александр Павлович. — *Строили так называемые дома горьковского типа: двухэтажные, и построили их около тысячи. Призыв был такой: «Давайте за год построим тысячу восьмиквартирных домов!» Мы сначала восприняли это все, как авантюру. А потом… начали строить. И Севастьянов тоже построил дом, и даже не восьми-, а двенадцатиквартирный. И это притом, что станция Новосибирск-Главный никакой строительной базы не имела.*

Работал он на станции энергично, был активным членом бюро. К тому времени мы уже сдружились, дружили семьями, ходили друг к другу в гости на чаепития. Он был человек простой, открытый, исключительно гостеприимный. Жили мы, конечно, в то время бедновато. И, собственно говоря, было это даже лучше: не водилось у нас ни лишних тряпок, ни лишней мебели. Зато настоящие, человеческие отношения. Собирались на праздники, дни рождения. Не было тогда ни магнитофонов, ни музыкальных центров, веселились сами без «электронно-технической» поддержки. Сами себе были артисты и никогда не обходились без песен…

Пели в доме Севастьяновых много: и советских, и шуточных, и народных. Иван Павлович очень любил исконно-русскую «Среди долины ровныя»,

часто читал стихи. В пушкинском «Брожу ли я вдоль улиц шумных…» особенно ценил четверостишие:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет наш век забвенный,
Как пережил он век отцов…

* * *

Первого марта 1963 года решением сессии горсовета Иван Павлович Севастьянов стал председателем исполкома, «градоначальником» Новосибирска. Кандидатур было три, но выбрали его. И, как показали последующие двадцать лет, не ошиблись. Ведь Севастьянов любил браться за любую работу, даже черновую, не жалея для нее ни вечеров, ни выходных. А что такое работа в исполкоме?

— *Помню, когда я еще сидел в горкоме,* — улыбается Филатов, — *позвоню ему вечером, спрошу, встретимся ли сегодня. Встретимся, говорит. А когда? Сейчас, говорит, закончу срочные дела и позвоню. Звоню в десять вечера, а он: «Да тут еще немножко осталось…» Еще через час-полтора становится понятно, что встреча на сегодня отменяется. Я сначала не верил ему, что горисполком — это такой котел. Потом поверил и понял — когда сам туда попал. Действительно, работали там буквально на износ. Приходишь утром, а с работы уходишь часов в одиннадцать вечера. Нагрузка огромная. Учитывая, что в то время в городском Совете у председателя было всего два заместителя, а не десять, как сейчас. А объем работ был несравненно больше. Сейчас не строят столько. И тогда, тогда это все начиналось, ни воды не было, ни канализации, ни теплофикации…*

После трех месяцев работы Севастьянова в председательской должности, 8 июня 1963 года, на сессии горсовета прошло серьезнейшее обсуждение благоустройства города, его архитектурных достоинств. И — что было особенно болезненно — недостатков: отсутствие законченных архитектурных ансамблей, малых форм, запущенные, неустроенные улицы. Спустя годы, когда стараниями Севастьянова были проложены Вокзальная магистраль, улицы Нарымская, Плановая, Жуковского, проспект Димитрова, когда вырос второй коммунальный мост через Обь, когда количество жилья увеличилось почти в три раза, а площадь снесенных барачных развалюх исчислялась миллионами квадратных метров — вспоминал ли кто-нибудь о том полном боли за родной город обсуждении на сессии горсовета? О задевшей многих горячности нового председателя? Наверное, нет. А жаль…

Один недостаток был у Ивана Павловича. Один, но, по мнению многих, очень серьезный. Упрям был на редкость. Но этот недостаток, по мнению тех же многих, чаще всего… играл на пользу дела. Упрямство — оно ведь близкая родня настойчивости, друг без друга они не ходят.

Как-то из одной московской командировки Севастьянов привез в Новосибирск план на триста тысяч квадратных метров кооперативного жилья. Не общей, а жилой площади! Притом что строили тогда — всего, включая львиную государственную долю, — четыреста пятьдесят тысяч «квадратов» в год. Ох и наспорились тогда Севастьянов со своим замом по строительству, будущим первым секретарем Новосибирского обкома Александром Филатовым! Ох и надискутировались! — *Соберемся, помню, один на один и наговорим друг другу все, что только можно!* — смеется, вспоминая, Александр Павлович.

Тогда Филатову удалось «переупрямить» Севастьянова только через областной Совет. Который и вынес посильное для города решение: кооперативное жилье строить — но не триста, а сто тысяч квадратных метров. Карьерист бы в такой ситуации непокорного зама «съел». Неумный упрямец отправился бы в Москву, чтобы попытаться прижать областной Совет вышестоящим распоряжением. Севастьянов же просто продолжал работать. С тем же заместителем. Не было у него в обычае ни мстить, ни настаивать на собственных промахах. А деловые споры… Куда от них денешься?

А вообще его настойчивость, особенно когда новосибирские вопросы решались в Москве, была для города воистину бесценным даром. Так было со строительством второго коммунального моста. Так было, когда задумывался, проектировался и строился новосибирский метрополитен. Сейчас часто говорят и пишут о том, что Севастьянов чуть ли не в одиночку «пробил» метро. Поговорил, мол, с Косыгиным — и готово дело.

Трудно сказать, на пользу ли авторитету Ивана Павловича такие разговоры. Сам он, как известно, приписок не терпел и других за это не жаловал. Не так-то просто все было, и строительства метро добивалось, на самом деле, не одно поколение городских и областных лидеров. Метро полагалось городу только при населении больше миллиона. Новосибирск перешагнул эту отметку в самом начале 60-х, тогда и заговорили впервые о сибирской подземке. Инициаторов было много: специалисты НИВИТа (нынешнего СГУПСа), отцы города и области, депутаты. Быть или не быть новосибирскому метрополитену решали на высшем союзном уровне. Решал даже не Косыгин, а сам генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев.

Было и такое, что помощник Брежнева Голиков в личном разговоре с первым секретарем обкома поинтересовался, есть ли у новосибирцев «свой человек» в Политбюро КПСС. Узнав, что нет, засомневался: «Не добьетесь метро». Но чуть позже Севастьянова пригласили на заседание Совета Министров: решение о строительстве метро в Новосибирске было принято. Вот тогда-то и началась его главная работа. В ту пору для строительства метро в городе ничего не было: ни проектной организации, ни производственных мощностей. И даже проектировать новосибирское метро начали в Баку. И первый метроотряд был приезжий, «выпрошенный» в Таджикском метрострое. Так что создание собственной специализированной проектной и строительной организации — это стопроцентная заслуга Севастьянова.

Организаторского таланта на эту работу положено было немерено, потому что даже для того времени новосибирское метро построено в небывало сжатые сроки. О том, какими трудными были эти пять лет, знают, пожалуй, только те, для кого они стали завершающим рывком к финишной красной ленточке, разрезанной на церемонии открытия первой очереди новосибирского метро. Финишным рывком после многих лет кропотливой, на постоянном взлете-пределе, ежедневной и далеко не всегда заметной работы. Львиную долю этой работы вывез на себе Иван Павлович Севастьянов. Пять станций, депо, метромост через Обь, инженерные сети — им была заложена мощная основа для развития первой сибирской подземки, оставалось только, отталкиваясь от созданного, работать дальше. Тем более что и остальные пять станций были на тот момент в изрядной стадии готовности…

Что же до строительства второго коммунального моста, то его действительно «пробил» сам Севастьянов. Вхож был Иван Павлович в московские кабинеты, в столице его знали и слушали. И это при том, что Москва всегда больше признавала и привечала областных руководителей! Помогало Севастьянову и то, что очень хорошо, по-землячески, относился к Новосибирску Алексей Николаевич Косыгин. Но даже самое доброжелательное отношение московского руководства ничего не дало бы без встречной энергии «городского головы». Как-то в ответ на замечание Косыгина: «Вам бы кинотеатр хороший построить», Севастьянов отреагировал мгновенно: «А давайте, Алексей Николаевич, такой же, как «Россия» в Москве!» Конечно, две с половиной тысячи мест Новосибирск бы не вытянул, не дал бы кинопрокату плановой прибыли. Но

зерно идеи было посеяно, поддержкой Косыгина Севастьянов заручился. И вырос на Красном проспекте кинотеатр имени Маяковского на тысячу двести мест...

Новосибирск развивался по-молодому бурно. Рос, строился новосибирский Академгородок. А сколько сессий горсовета посвящалось улучшению благоустройства и внешнего облика города! Объявляли конкурсы на лучшее оформление города, в которых участвовали проектные и учебные институты. И все-таки самой болезненной проблемой Новосибирска 60-х было плачевное состояние коммуникаций. Общей городской канализации просто не существовало. Сброс шел в речки — Каменку и Ельцовку — через 41 «источник». Перспектива «канализационной» заразы грозила Новосибирску непрестанно. А с неба на город оседали выбросы огромного количества котельных. Это были не те экологически приемлемые локальные «котелки», на которые переходят сегодня отдельные кварталы и предприятия. Исходящие сажистым дымом, низкопроизводительные топки обогревали растущий вширь город, не поспевая за появлением все новых домов и улиц.

Со второй половины 60-х началась грандиозная реконструкция городского хозяйства. Решающий шаг к превращению Новосибирска в чистый, благоустроенный город был сделан в том самом 1963-м, первом «севастьяновском» году. А немногим позже Севастьянов и председатель совнархоза Смирнов подписали договор: общими усилиями, при совместном финансировании, построить в городе канализацию, осуществить теплофикацию и соорудить водопровод, водозабор.

С теплофикацией при помощи промышленников справились быстро. С водопроводом пришлось повозиться подольше, но за несколько лет тоже справились: сделали ковшовый водозабор и очистные сооружения на миллион кубометров. До этого в городе потребляли 92 литра воды на человека. До многих домов и квартир вода добиралась только ночью, а кое-где вообще не появлялась. С окончанием строительства каждый новосибирец получал уже 350 литров воды.

Сложнее всего оказалось с канализацией. Из-за промашки предприятия-исполнителя объект не включили в план пятилетки. Но худа без добра не бывает: площадку под очистные сооружения первоначально отвели на стыке Заельцовского и Железнодорожного районов, в центре Новосибирска. За годы вынужденной отсрочки строительства Севастьянову и его команде удалось «переместить» его за город.

Севастьянов вникал во все: сам выезжал на место, чтобы разобраться в вопросах благоустройства. Разберется, нашумит… Требовательный был — и к себе, и к другим. Причем упорством и настойчивостью отличался не только по отношению к равным и нижестоящим. Председателю исполкома городского Совета частенько приходилось «выбивать», «выжимать» из неподатливых министерств и ведомств необходимые средства и лимиты. Добиваться, чтобы позарез необходимый городу объект включили в государственный план. Взять

хотя бы то же метро: добиваться его строительства новосибирские власти, в том числе и председатель горисполкома, стали в начале 60-х, а строительство началось только в 1979 году. Объект, конечно, уникальный, но больше пятнадцати лет беспрестанного административного труда — тоже далеко не рядовое явление. Так же, впрочем, как и «выжимание» решения о строительстве второго коммунального, Димитровского моста.

— *Жизнь и работа Севастьянова как будто никогда не выходила из точки непрерывного кипения,* — так сказал об Иване Павловиче не старый друг, а один из давних его оппонентов. — *Сейчас-то понятно, что источником этой кипучей энергии был сам Севастьянов, работать рядом с ним всегда было горячо…*

— *Букой он не был,* — вспоминает Ивана Павловича Филатов, — *но и легкомысленным весельчаком его тоже не назовешь. Но радоваться умел от души — это да.* Как он радовался централизации коммуникаций! Когда за два года, в связи с реконструкцией ТЭЦ-4, увеличили мощность. Когда реконструкция ТЭЦ-3 позволила за три года закрыть 250 котельных. Радовался, но уже тогда говорил о том, чтобы не пропустить время, когда все построенное начнет изнашиваться. Где вы, управленцы, административные «наследники» Ивана Павловича? Почти все магистральные теплотрассы в Новосибирске — еще те, севастьяновские. Жаль только, что не пережил их былой порядок, при котором деньги, выделенные на замену и ремонт коммуникаций, нельзя было расходовать ни на какие иные цели…

Время Севастьянова — это годы больших мощностей. Под его административным «крылом» в Новосибирске построили самые мощные за Уралом тепломагистрали, реконструировали ТЭЦ-4, ТЭЦ-3, заново построили и ввели пять котлов на ТЭЦ-5… Сегодняшние критики рассуждают о локальном,

децентрализованном теплоснабжении, а тогда, тридцать-сорок лет назад, их отцы и матери мечтали о централизованном тепле, о горячей воде «из крана». Теперь и представить трудно, что даже в пятиэтажках когда-то стояли громадные, в полкухни, дровяные печи. Даже при всей своей организационной мощи Иван Павлович едва успевал справляться с дефицитом тепла в стремительно развивающемся (с его же легкой руки!) городе.

Росли под рукой Севастьянова предприятия, росли дома — как деревья при многократно ускоренной съемке. Бывало, что рано утром горожане видели едва поднявшийся над фундаментом цоколь, а, возвращаясь с работы, ахали: смонтированы стены и перекрытия первого этажа, поднимается второй. Жилье, конечно, было немудреное — типовые четырех-пятиэтажки. Но построили их тогда с таким запасом прочности, что сегодняшние специалисты-конструкторы всерьез говорят о возможности перепланировки, надстройки и значительном продлении срока службы.

Тогда Москва запрещала строительство домов по индивидуальным проектам. Москва запрещала, а Севастьянов мечтал о будущей красоте и неповторимости новосибирской набережной, об оригинальной застройке центральных улиц. Не грезил по-маниловски, а видел и верил — Новосибирск должен быть самобытным, узнаваемым городом с яркими архитектурными чертами. Потому и преградил безликий поток массовой крупнопанельной застройки на подступах к историческому центру и обской набережной. И гордился этим, как одним из самых главных своих достижений гордился! Ставил уберегенный от типовой безликости центр города в один ряд с такими своими победами, как расселение и снос бараков-«засыпушек», избавление Новосибирска от зловонной речки Каменки, строительством коллектора и очистных сооружений.

Трое детей Севастьянова — два сына и дочь — живут в Новосибирске. В городе, который за кипучее «севастьяновское» двадцатилетие вырос из угловатого провинциала в настоящую сибирскую столицу. С подачи Ивана Павловича появилось и в Новосибирске звание Почетного гражданина города. В июне 1993-го и сам Иван Павлович стал почетным… А в 1996-м, после тяжелой, мучительной болезни ушел из жизни. В свои последние годы и месяцы он не растерял ни мужества, ни терпения, ни редкостного умения самостоятельно справляться с собственными трудностями. В течение двух долгих лет, пока не начались еще невыносимые, изматывающие боли, он вообще скрывал болезнь от домашних — считал, что незачем их беспокоить.

Похоронен Иван Павлович на Заельцовском кладбище. А окаменевшей памятью о нем стали дома, улицы, микрорайоны, мосты… — весь наш шумный, бурлящий, согретый горячей севастьяновской душой Новосибирск.

Светлана СИВАКОВСКАЯ

В искусство — по зову сердца

Тот, кто оставил после себя хоть одну светлую, новую мысль, хоть один полезный для человечества подвиг, не умер бездетен.

А.А. Бестужев-Марлинский

Жизнь и деятельность Георгия Алексеевича Соколова, драматического актера и режиссера, одного из первых профессиональных артистов Ново-Николаевска, создателя городского любительского театра, удостоенного в советский период звания Красного героя труда, ставит его в один ряд с самыми достопамятными людьми города.

Родился Г.А. Соколов 5 февраля 1847 года в г. Оренбурге. Когда его пленила муза Мельпомена — неизвестно. К сожалению, сведения о нем до приезда в Ново-Николаевск весьма скудные. Однако то, что удалось отыскать, позволяет предположить, что с 1872 года он выступает на театральных подмостках европейской России, а с 1877 года — в городах Сибири.

Театральная жизнь в Ново-Николаевске зародилась на третий год существования поселка. 28 января 1896 года был дан первый любительский спектакль «В чужом пиру похмелье», комедия А.Н. Островского и водевиль «Танцующий кавалер» — то и другое под управлением госпожи Чернявской, жены протоиерея отца Диомида, приложившей для этого немало хлопот

и старания. 11 февраля 1896 года в газете «Томский листок» сообщалось, что спектакль прошел весьма удачно и публика вынесла приятное впечатление, в игре было видно умение и опытность. Сбор в пользу местной школы, основанной по инициативе инженера Г.М. Будагова, был почти полный. Это по-существу первая в истории города театральная рецензия.

В 1898 году по инициативе местной интеллигенции (врачей, учителей, инженеров-путейцев и служащих) был организован драматический кружок. Он ставил спектакли, давал концерты, проводил музыкальные и литературные вечера с благотворительной целью.

Духовная жизнь поселка была тогда преимущественно связана со школами. Кружок развил небывалый интерес новониколаевцев к театральному искусству. Театр давал возможность отзываться на запросы жизни, выражать мнения по всем вопросам, волнующим людей. В этот период спектакли ставились с участием приглашенных артистов. Одним из первых профессиональных актеров был Г.А. Соколов, амплуа которого — комик-резонер, т.е. действующее лицо пьесы, не принимающее активного участия в развитии действий, которое произносит большей частью длинные речи, выражающие мысли автора о происходящих событиях.

22 октября 1900 года Г.А. Соколов поставил комедию Ленского «Кто в лес, кто по дрова» и водевиль Черепанова «Невольник двоеженец». Собранные средства были отданы на нужды добровольного пожарного общества.

Рождение любительской театральной труппы — это осознание интеллигенцией своего долга и ответственности перед жителями, забота об их духовном здоровье. Труппа не имела своей сцены, выступала в различных помещениях. Ее репертуар отражал демократические тенденции в развитии театрального искусства того времени.

Центральный журнал «Театр и искусство» в заметке о театральной жизни Ново-Николаевска, опубликованной в 1902 году, писал: *Минувший сезон прошел очень оживленно. Шли «Жидовка», «Горькая судьбина» Писемского, «Блестящая партия», «Роковой шаг», «Князь Серебряный», «Чародейка» Шпажинского, «Не в свои сани не садись» Островского, «Шельменко-денщик» Квитко-Основьяненко. Пьесы ставили в помещениях школы станции «Обь» и большей частью в общественном собрании актер Г.А. Соколов, игравший ранее в сибирских городах, и известная в Сибири провинциальная артистка З.В. Немирова. Остальные роли исполняли любители, которые играли большую роль в пропаганде и развитии театрального искусства. 20 марта 1902 года любители объединились в музыкально-драматическое общество, а через месяц, 22 апреля, дали первый спектакль по пьесе Мясницкого «Заяц» и затем зимой «Не все коту масленица» Островского.*

Самой значительной постановкой в этот период явился спектакль «Крестьянин и батрак», поставленный по пьесе местного драматурга Л. Александрова. Спектакль проходил с участием приглашенных в Сибирь артиста Голика и известной эстрадной певицы Каринской.

Любительский театр сыграл немалую роль в пробуждении культурной жизни в городе и способствовал созданию Ново-Николаевску репутации «театрального города». Однако в начале русско-японской войны из-за призыва в армию многих самодеятельных актеров заметно снизилась активность любительского театра. С 1 мая 1905 года в городе начало действовать первое сезонное театральное предприятие — товарищество драматических артистов под управлением М.А. Макарова. В их репертуаре имелось свыше 20 наименований пьес, наряду с классическими видное место занимали современные злободневные произведения. Корреспондент журнала «Театр и искусство» писал: *Труппа публике нравится. Что касается отдельных исполнителей, то прежде всего заслуживает внимания героиня Е.И. Щербаковой, актрисы умной и с большим темпераментом…*

Деятельность музыкально-драматического общества значительно оживилась в период первой русской революции (1905-1907 гг.), когда стали особенно популярны пьесы М. Горького «Фома Гордеев», «Мещане», «На дне». Эти спектакли шли при переполненном зале, но в то же время, как отмечала газета, «каждый ожидал с минуты на минуту поджога или скандала». 2 июня 1906 года в связи с 20-летием со дня смерти А.Н. Островского в летнем театре общественного собрания поставлена комедия «Без вины виноватые». После спектакля заслушан доклад о творчестве великого драматурга, и на его скульптуру, установленную на сцене, под звуки оркестра и аплодисменты возложен венок. Кстати, в большинстве городов Сибири эта дата со дня смерти творца русской бытовой комедии осталась незамеченной.

За 1908 и 1909 годы музыкально-драматическое общество дало более двух десятков благотворительных спектаклей, сборы от которых отданы на нужды библиотек, школ и детского приюта «Ясли». За это время поставлены пьесы: «Доходное место» Островского, «Княгиня Капучидзе», «Семья Санниковых», «Белыя Птицы» Протопопова и другие. В марте 1909 постановкой комедии «Ревизор» отмечен столетний юбилей Н.В. Гоголя. Выступления энтузиастов театрального искусства собирали много народу и шли с успехом. Газета «Обская жизнь» 14 января 1911 года опубликовала следующие цифры в записке «к статистике о посещаемости увеселительных мест за 1910 год»: театры и концерты — продано 6442 билета, цирк — 7003, электротеатры — 36470 билетов (населения в городе в то время было 56036 человек).

В 1911-1912 годы любительский театр Г.А. Соколова показал пьесы «Поздняя любовь», «Супружеское счастье», «Гонимые», «Василиса Мелентьева», «Лес» и «Бешеные деньги» в связи с 25-летием кончины А.Н. Островского. В журнале «Театр и искусство» за 1912 год отмечалось, что особенный успех имела пьеса «Василиса Мелентьева». *Новые декорации, костюмы, бутафория и ансамбль произвели прекрасное впечатление. Очень хорошо были сыграны роли: Василиса Мелентьева (Алексеенко), царица Анна (Васенкова), Колычев (Борзов), Шуйский (Зверяков), Воротынский (Станкеев).*

В 1913 году постановкой любительских театров отмечались такие выдающиеся события, как 50-летие освобождения крестьянства от крепостной зависимости (19 февраля 1863 года), 300-летие Дома Романовых (21 февраля 1613 года). Г.А. Соколов, по отзывам его современников, стремился доводить каждый спектакль до уровня подлинного актерского мастерства, прежде чем представлять его зрителям. С открытием в ноябре 1913 года здания Коммерческого собрания, построенного по проекту А.Д. Крячкова, город стал располагать приличной сценой для театральных представлений (здание реконструировано в 1936-1937 годах по плану архитектора К.Е. Осипова, ныне театр «Красный факел»).

В 1914 году Г.А. Соколов на сцене Коммерческого клуба показал премьеру трагедии Софокла «Царь Эдип» в исполнении артистов общества любителей драматического искусства. Кстати, следующая постановка этой греческой трагедии осуществлена на этой же сцене артистами «Красного факела» только 80 с лишним лет спустя — весной 1996 года.

18-22 июня 1914 года в театральной жизни Ново-Николаевска произошло чрезвычайное событие: в город прибыла Миланская опера в составе солистов хора и оркестра под управлением братьев Гонсалес. Были исполнены оперы «Трубадур» Д. Верди, «Сельская честь» П. Масканьи, «Травиата» Д. Верди, «Фауст» Ш. Гуно, «Кармен» Ж. Бизе.

К декабрю 1914 года «Сибирское общество для подачи помощи раненым и больным воинам» собрало средства на открытие госпиталя. В пользу этого лечебного учреждения городское общество любителей драматического искусства в феврале 1915 года сделало благотворительный взнос, показав пьесу «На маневрах».

В годы войны во многих общественных организациях, в том числе в театре Коммерческого собрания, разместились воинские части, беженцы и пленные. Для спектаклей остался лишь зал городской Думы.

В начале мая 1916 года городская управа передала летний театр в саду «Альгамбра» в распоряжение театральной труппы Г.А. Соколова, которая привела его в порядок. Правление общества попечения о народном образовании, стремясь повысить сборы от спектаклей, отменило продажу театральных билетов и ввело повышенную плату за вход в сад, где шли представления.

Историческая справка. *Сад «Альгамбра» находился между улицей Сибирской и Обским проспектом, на их стыке с Кабинетской улицей (ныне район пересечения проспекта Димитрова и улицы Фрунзе). Он возник в 1906 году, когда город готовился встретить знаменитую певицу Анастасию Дмитриевну Вяльцеву, исполнительницу романсов и русских песен. Тогда для ее концертов на этом месте соорудили летнюю эстраду со скамейками и оградой. Позже этот летний сад был назван «Альгамброй» (по-арабски «крепость». В Испании так называется дворец-замок, основанный в 13-14 вв. близ Гранады, яркий образец мавританской архитектуры). В саду имелись дом-читальня, аттракцион, эстрада и летний театр. Зимнее театральное здание в саду построено*

в 1907 году предпринимателями супругами Андреевыми. Через год оно было продано Борису Чиндорину, который назвал свой театр «Яр». В 1909 году «Яр» сгорел дотла. Восстановлен лишь через три года и получил имя, как и сад, «Альгамбра». 17 мая 1920 года театр «Альгамбра» передан для работы Политпросвета, в ведение комиссии по народному образованию. 1 июня 1920 г. здесь состоялось открытие Политпросветом губернского военкомата гарнизонного театра и сада им. Ленина. Присутствовали делегаты уездного съезда советов и красноармейцы. В июне 1924 года отдел местного хозяйства города сдал сад «Альгамбра» в аренду гражданину Кисец И.Д. В 1930 году с организацией Центрального парка культуры и отдыха сад «Альгамбра» передан детям. Ныне от сада остался небольшой сквер.

1 января 1917 года новониколаевская газета «Алтайское дело» сообщила, что театр дирекции «Г.А. Соколова и К°» находится в помещении цирка Изако. Здание отделано заново и приспособлено под театр. В рубрике «Театральная жизнь» дан репертуар на январь и февраль 1917 года: «Доходное место» А.Н. Островского, «Кабацкая знаменитость» Б. Ольшанского, «На дне» М. Горького, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, бенефисы артисток В.П. Алмазовой и З.С. Кохановой.

25 января 1917 года общественность Ново-Николаевска отметила 45-летие сценической деятельности Г.А. Соколова, 40 лет из которой пришлось на сибирский период его жизни. В этот день в театре была поставлена комедия «Ревизор» Н.В. Гоголя.

В статье «Театр и музыка» в газете «Алтайское дело» 14 февраля 1917 года сообщалось, что 12 февраля дирекция «Г.А. Соколова и К°» вторично поставила «Горе от ума», комедию в 4-х действиях А.С. Грибоедова. На этот раз, как и на первую постановку этой пьесы, театр был переполнен… *Артисты играли дружно и хорошо, оставив при закрытии театрального сезона очень хорошее впечатление. Публика с удовольствием будет ожидать возобновления дирекцией Соколова следующего сезона.*

Но открытию следующего театрального сезона помешали Октябрьская революция и гражданская война.

Так завершилась судьба первого любительского театра города, действовавшего по существу почти 20 лет. Этому новониколаевцы во многом обязаны его учредителям и актерам: И.Я. Абрамовичу, Л.П. Александрову, А.И. Борзову, В.В. Весеневой, А.М. Дубровицкой, Т.А. Звериковой, А.М. Ивановой, Е.П. Иволиной, Н.А. Кассианову, П.И. Мезенцевой, О.Д. Омской, И.М. Фицеру, Ж.М. Фицеру, Я.А. Хазан, Р.Л. Янкелевич-Чариной. Называю их поименно в знак доброй памяти за все понесенные ими труды, заботы и устремления придать молодому городу художественный блеск.

О некоторых из них необходимо сказать еще несколько слов — кто они и чем занимались, отдавая свободное время искусству.

Николай Алексеевич Кассианов, редактор прогрессивной газеты «Сибирская речь» (1907, 1912-1914 гг.), владелец типографии на ул. Тобизеновской

(М. Горького), издатель, один из организаторов музыкально-драматического кружка. В день 10-летия сценической деятельности 6 декабря 1908 года ему присвоено звание почетного члена общества; отмечен специальным адресом за деятельность в качестве председателя кружка, которым он руководил последние три года. Умер в 1916 году.

Рита Лазаревна Янкелевич-Чарина, одна из учредительниц драматического кружка; актерское образование получила на частных курсах в Риге и Харькове. До приезда в Сибирь выступала на сценах Ялты, Риги, Уфы. В Ново-Николаевске пользовалась большим успехом. 2 ноября 1908 года в связи с 10-летием ее сценической деятельности газета «Обь» писала: «Она играет всей душою, и поэтому образы, созданные ею, получаются цельными, красочными, живыми».

Иван Яковлевич Абрамович был не только актером и режиссером, но и сценаристом. Его пьесы «Новониколаевский пожар» и «Комедия жизни» не раз ставились в городе. Он часто выступал в печати.

Вряд ли найдется в истории городов России еще какой-либо город, стремительный рост которого сопровождался бы с первых лет его возникновения активным развитием театрального искусства.

Сердцем приняв Октябрьскую революцию, Г.А. Соколов активно включился в организацию театрального дела в новых условиях. В то время решалась самая трудная задача — организация по-новому экономических и духовных основ жизни людей. Его глубокие профессиональные знания законов искусства, актерское мастерство, талант организатора и режиссера помогли ему и в новой обстановке стать нужным и полезным. Он возглавил театральную группу актеров для работы в госпиталях при эвакопункте.

В государственном архиве Новосибирской области сохранились документы, касающиеся этой группы. Во-первых, список актеров, трудящихся при эвакопункте, на предмет включения в разверстку по распределению продуктов, одежды и спецодежды, по состоянию на 2 июня 1920 года. И, во-вторых, решение центральной расценочной комиссии при союзе работников искусств губернии от 26 июня 1920 г. В нем всей группе определены категории и разряды по оплате. В составе труппы: актер-герой — бытовик, актер характерный, актер-тенор оперы, актер-баритон оперы, пианист, хормейстер-репетитор, актер оперетты — бас, актер оперетты — сопрано, актриса — комическая старуха, актер оперетты, актриса, три оперных актрисы, декоратор, парикмахер, машинист сцены…

Уже 23 марта 1920 года Соколов ставит в гарнизонном клубе комедию «Ревизор» Н.В. Гоголя, выступая в роли Городничего. Газета «Красное знамя» (28 марта 1920 г.) отмечала, что эту трудную роль Г.А. Соколов провел сравнительно хорошо.

В 1921 году в Ново-Николаевске организовано трудовое товарищество артистов, создана труппа из 25 человек. Сибпрофсоюз предоставил им сцену в помещении Рабочего Дворца (здание Коммерческого собрания, ныне «Крас-

ного факела»). 6 октября 1921 года труппа поставила первый спектакль — комедию Фольде «Дурак». Пьеса была разыграна стройно и с подъемом, писала 9 октября «Советская Сибирь».

В 1921 и 1922 годах труппа трудового товарищества артистов показала зрителям спектакли «Доходное место», «Белая ворона» и «В новой семье». 9 марта 1922 года в Рабочем Дворце для делегатов 5-ой Всесибирской конференции РКП(б) дан спектакль «Тетка Чарлея».

30 августа 1921 года Сибревком принял решение о создании в Ново-Николаевске оперного театра, а 15 ноября 1922 года музыкальный (и первый в городе профессиональный) театр открылся в Рабочем Дворце оперой А.С. Даргомыжского «Русалка». Ново-Николаевск явил редкий пример: здесь прежде драматического появился профессиональный театр самого сложного жанра — оперный.

5 февраля 1923 года в связи с 80-летием Г.А. Соколова в театре городского корпуса состоялся его юбилейный спектакль. Как сообщала газета, «несмотря на свой преклонный возраст, он проводит в настоящем году свой 53-летний сезон, ставя пьесы со своим участием».

Особый знак внимания за его подвижническую жизнь в искусстве оказан ему в Рабочем Дворце на торжественном заседании, посвященном 5-летнему юбилею Профессионального Союза работников искусств, где 12 мая 1924 года состоялось чествование героев труда, которых в организациях искусств было всего двое — Г.А. Соколов, драматический актер, и К.И. Ленгарт, музыкант Сибгосоперы. В 20-е годы их называли Красными героями труда. В тот период в СССР «Герой труда» было почетное звание, присваивавшееся за особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной и общественной службе, при стаже работы в качестве рабочего или служащего, как правило, не менее 35 лет. В далекое, как нам теперь кажется, прошлое ушла эпопея «красного», когда со страниц газет не сходили названия — красный профессор, красный директор, красный пахарь, красные обозы, у крестьян праздновались красные крестины, красные свадьбы и т.д.

За полвека с небольшим преданного служения театру Георгий Алексеевич Соколов поставил сотни спектаклей, сыграл множество ролей. Созданные им сценические образы нередко становились событием в театральной жизни города. Как актер он стремился новое содержание вкладывать и в классические роли, которые исполнял до конца своей творческой деятельности. Его работа в огромной степени способствовала тому, что театральное искусство приобрело в Ново-Николаевске большую популярность. Здесь регулярно выступали гастрольные труппы многих театров России и зарубежных стран.

Умер Г.А. Соколов 4 февраля 1925 года.

Иван ЦЫПЛАКОВ

Когда снимали рельсы и... начальников

В детстве он не метался в поисках себя, не выпиливал лобзиком, не играл с сестренками в «больничку». Потому что, как и другие дети в их семье, с колыбели был «обречен» на семейную профессию. Для него даже в детстве не было более заманчивой среды обитания, чем необычайно интересная «страна» — станция Татарск.

Здесь, в Татарске, 2 сентября 1948 года он и родился, Володя Старостенко. Для отца его, Ивана Максимовича, и матери, Марии Александровны, станция была родным домом, для детворы — тоже. Само собой, с железной дорогой связывалось и будущее.

Дорога действительно вывела Владимира Старостенко в большие люди. Парень из Татарска стал впоследствии начальником крупнейшей в стране сибирской магистрали, потом министром путей сообщения. В формировании его карьеры

не принимали участие ни деньги, ни связи. Исключительно — личные качества: высокий интеллект, глубокие и разносторонние знания. Впрочем, возможно, на первое место следовало бы поставить волю и характер.

Трудовая биография его развивалась по обычному сценарию. Окончив в 1968 году Томский железнодорожный техникум, Владимир Старостенко вернулся домой и был назначен дежурным по посту станции Татарская. Дальнейшая учеба происходила заочно.

После окончания института Старостенко переехал в Омск, на должность ревизора отдела движения. Потом ему предложили пост главного инженера станции Входная.

К концу семидесятых Западно-Сибирская дорога работала с натугой. Грузонапряженность превышала среднесетевую вдвое и продолжала увеличиваться. Для развязки вагонопотоков на дороге шла реконструкция около сорока станций с удлинением приемо-отправочных путей, усиливались мощности сортировочных станций. В том числе, — и Входной, где почти на 170-километровом участке дороги Иртышское-Входная, электрифицированном на постоянном токе, были проложены вторые пути. Станция стала использоваться как сортировочная.

Молодой главный инженер умел принести в свой коллектив все новое, что появлялось на дорогах страны. Инициативный специалист был замечен руководством отделения дороги. В канун нового 1980 года коллектив станции Карбышево-I знакомился с новым начальником.

Времени на адаптацию у Старостенко не было, да и не потребовалось. Прочные теоретические знания и врожденная способность замечать все, но видеть главное и сосредотачиваться на нем, позволили молодому руководителю быстро освоиться. Станция в течение трех лет выходит победителем во всесоюзном социалистическом соревновании. А сам В.И. Старостенко в тот период характеризуется так: *…Постоянно мобилизует коллектив на досрочное выполнение обязательств. Дисциплинирован, выдержан, Характер волевой. Принципиален в решении производственных вопросов. Политически грамотен. Скромен, общественно активен. Депутат Кировского районного совета народных депутатов. Награжден именными часами министра.*

Значит, следовало ждать повышения. И оно последовало. 9 августа 1983 года Владимир Старостенко был назначен начальником грузового отдела, а через два месяца — начальником отдела движения Омского отделения Западно-Сибирской. Но неожиданно «заискрили» его отношения с начальником отделения Р.А. Бикбавовым. Владимир Иванович относился к своему «шефу» с тем непреложным уважением, которое, как правило, испытывает ученик к своему учителю. Но того, по-видимому, раздражала профессиональная самостоятельность подчиненного, которую он воспринимал, как самонадеянность.

Старостенко действительно, вопреки традиционной этике, основанной на субординации, проявлял характер, смел стоять на своем, если был уверен, что так лучше для дела. «Пусть даже лучше», но неподчинение вызывало доса-

ду. И Бикбавов, представляя официальный отзыв о работе Старостенко, почему-то подчеркивает не какие-то, даже вполне безусловные заслуги, а совсем иное: «…недолжную настойчивость в обеспечении перспектив развития хозяйства движения, проявления несдержанности и необъективности…».

Железная дорога — такое ведомство, где чуть ли ни каждый в любое время «достоин» или наказания, или поощрения. Важно, как посмотреть: совершил ты проступок или — поступок? При высочайшей степени регламентации всех служебных действий возможность поступать «по обстоятельствам» фактически исключена. А практически нештатные ситуации на дороге возникают тем чаще, чем больше она загружена и изношена. И в таких условиях обстановка нередко заставляет балансировать на грани риска. Приходится принимать не столько оптимальные, сколько — оперативные решения. «Нештатные» действия могут показаться неправильными завтра, зато сегодня они дают возможность не допустить недопустимого. Не загубить дело.

Вот в такие «ножницы» однажды попал и Владимир Старостенко. В тот момент высокий правительственный чиновник высказал какие-то претензии к работе дороги. Нужны были показательные наказания. Руководство дороги в таких случаях попадало в затруднительное положение: надо бы поощрить за находчивость, а приходится порицать. Но и те, кто наказывал, и — кого наказывали, понимали: порядок есть порядок.

Однако руководство уже успело к тому времени разглядеть в этом молодом специалисте талантливого организатора производства. И когда в высшем звене Омского отделения дороги возникла конфликтная ситуация, П.Ф. Мысик, который в это время «оставался на хозяйстве», подумал о Старостенко. Позвонил ему:

— Пока у вас там такие дела — бери власть в свои руки…

Петр Филиппович давно отметил про себя лидерские амбиции Владимира Ивановича, способность брать ответственность на себя. И он умел распорядиться властью. Не без протекции Мысика первым заместителем начальника Омского отделения дороги к Бикбавову, без особой радости для того, все же был назначен Старостенко.

Утряслась ситуация на Омском отделении, но возникли управленческие проблемы на Новосибирском, и начальником отделения поставили снова его же.

Возглавив коллектив едва ли не самого грузонапряженного на Транссибе отделения, Владимир Иванович Старостенко взялся за проведение комплекса работ по усилению мощности и повышению качества содержания пути, совершенствованию работы подвижного состава. Благодаря внедрению современных методов диагностики и новых технологий по восстановлению отслуживших нормативный срок механизмов, поддерживался ресурс и старых локомотивов и вагонов.

Ему удавалось почти все задуманное. Он хорошо знал, что делал, и был убежден, что поступать нужно именно так. От разных людей приходилось слы-

шать эту мысль: Старостенко всегда был на своем месте, потому что оказывался там, где надо и когда надо. Подкупал его стиль делового общения: ответственнное отношение к принятым решениям, стремление к тому, чтобы все в его «хозяйстве» было «по первому разряду». Владимир Иванович — честолюбивый лидер. В те пять лет, что он возглавлял Новосибирское отделение, коллектив, несмотря на крайне тяжелую экономическую обстановку, систематически занимал призовые места в отрасли.

Как руководитель одного из лучших отделений железных дорог России, Владимир Иванович выступал на коллегиях Министерства путей сообщения. В конце 1995 года Старостенко пригласили поделиться опытом организации пассажирских перевозок. Тогда-то и возник один из наиболее драматичных моментов в судьбе Владимира Ивановича Старостенко. Перешли к обсуждению его сообщения, стали задавать вопросы. И тут министр, Геннадий Матвеевич Фадеев, сделал неожиданное предложение: «А как вы посмотрите, если мы вас назначим начальником Забайкальской железной дороги?».

Старостенко, конечно, знал, что представляет собой эта дорога, да и сама Чита. Добровольные охотники поехать туда вряд ли найдутся. Дорога проблемная, климат тяжелый. Специалисты там не задерживались. Но спорить не стал. На железной дороге начальству, особенно такого уровня, не перечат. Старостенко ответил то, что и должен был ответить.

А дальше события развивались стремительно. Сразу после заседания его повезли в правительство, к первому вице-премьеру. В таких кабинетах разговор короткий. Жмут руку, улыбаются, желают успехов. «Ждите назначения», — напутствовал высокопоставленный чиновник.

Нельзя сказать, что возвращался Владимир Иванович в Новосибирск как на крыльях. Хотя и на самолете. Вообще-то он всегда мечтал «прокатиться» поездом, чтобы безмятежно полежать на полке, почитать. Но хронически не хватало времени. Так что в Москву и обратно надо было, как правило, обернуться в один день.

Вперив взгляд в бездонную мглу за иллюминатором, он с каким-то недобрым предчувствием представлял предстоящий разговор с женой.

Друзья Старостенко называли его супругу Галину Ивановну, окончившую тот же вуз и всегда работавшую рядом, его «фронтовой подругой». Но ведь нужно понять и ее…. Выбрались, наконец, в нормальный город, свили гнездо… И опять собирать чемоданы?

— Не поеду! — как отрезала Галина Ивановна. Владимира даже насторожила неизвестная ранее непреклонная твердость жены. Он посмотрел в упор, ожидая разъяснений. Но Галя только и сказала:

— Поезжай один. Видимо, ты забыл, что у меня не в порядке сердце.

Утром Владимир Иванович позвонил министру и отказался. Даже не стал искать «уважительную» причину. Фадеев был разъярен. Это Старостенко почувствовал даже по телефону. Но не дрогнул. Не дрогнул и министр — предложил освободить занимаемую должность.

Это был тяжелейший момент в жизни Владимира Старостенко. Он прекрасно знал, что в его системе такого не прощают. Если дал слово — хода назад нет.

Но, видимо, в министерстве решили еще побороться за него. В управление дороги прибывает Н. Е. Аксененко, бывший тогда заместителем министра. Видимо, чтобы «уломать» начальника отделения и все же направить его в Читу. Можно было обсудить его аргументы, возможно, что-то учесть.

И каково же было удивление Николая Емельяновича, когда Старостенко и не подумал искать оправданий. Сказал только:

— Могу я хоть раз в жизни пожалеть свою жену?

— Наверное, можешь. Но не знаю, сможешь ли остаться на своем посту.

— Я понимаю…

Таким честолюбивым людям, как Владимир Иванович Старостенко, подобные ситуации стоят седых волос. «Но каков характер!» — не мог не оценить рискованный шаг начальника отделения заместитель министра. Может быть, тогда и началось сближение этих двух незаурядных людей.

Но в то время карьера Старостенко дала крен. Он уже не вернулся в кресло начальника отделения дороги. Его, правда, не унизили, формально даже предложили повышение, назначая на пост заместителя начальника Западно-Сибирской железной дороги. Но… с уточнением через дефис: «главного ревизора по безопасности движения».

Старостенко воспринял новое назначение, как солдат. По этому поводу ректор СГУПСа К.Л. Комаров как-то заметил в министерстве:

— Использовать Старостенко в качестве ревизора — все равно, что компьютером забивать гвозди. Нерационально!

— Ничего… — ответили ему. — Сам виноват. Пусть знает, как надо себя вести.

Однако чувствовалось, что и «там» все понимали, но взяли строптивца на выдержку.

Время само заботится о своих героях. Не место тут философствовать на тему о предопределенности и о том, что судьбу людей, как правило, формируют обстоятельства. Старостенко в том, теперь уже далеком и недобром для него 1996-м, попал в череду совершенно нестандартных событий.

В апреле 1979 года, отпочковавшись от Западно-Сибирской, появилась Кемеровская железная дорога; по идее, она должна была обеспечить «зеленый свет» сырьевому Кузбассу. Но к середине девяностых возникли большие проблемы. Штурмовое внедрение рыночных отношений во все сферы жизни привело к тому, что обе дороги — Западно-Сибирская и Кемеровская — ослабляли друг друга. Изменение масштабов и географии хозяйственных связей, взаимные неплатежи «подрубили» грузопотоки. К средине девяностых объемы перевозок снизились в полтора-два раза. Ремонтные мощности локомотивного и вагонного хозяйства дороги к середине девяностых недо-

использовались. Образовались избыточные резервы пропускной способности направлений и перерабатывающей — сортировочных станций. Государство перестало вкладывать деньги в развитие железных дорог. Люди не получали заработанного. Ослабла трудовая дисциплина. Стало больше «нештатных» ситуаций.

В августе 96-го на Кемеровской дороге произошло крупное «ЧП»: на станции Литвиново составители поездов не закрепили вагоны, и они самопроизвольно «ушли». На перегоне столкнулись с электричкой. Произошло крушение с человеческими жертвами. Начальник Кемеровской дороги Анатолий Михайлович Корячкин вынужден был подать заявление на увольнение.

В Новосибирск прилетел Г.М. Фадеев. Нанес визит губернатору В.П. Мухе, спросил, что он думает по поводу Старостенко.

Говорят, в тот же день министр посадил опального руководителя в свою машину и повез в Кемерово. Хоть и был зол на ослушника, дело — превыше всего. В министерстве уже имели возможность убедиться, что Старостенко — «крепкий» руководитель. Точнее даже — жесткий. Такой и нужен был в этот момент «забуксовавшей» дороге.

Так или не так рассуждал министр, но бесспорный факт: прямо там, на месте, Фадеев без каких-либо дополнительных согласований написал приказ о назначении с 11 августа 1996 года на должность начальника Кемеровской железной дороги Старостенко В.И.

Не заезжая домой, Владимир Иванович немедленно приступил к исполнению новых обязанностей.

Поселился он в гостинице, но фактически жил в своем кабинете. Ведь «стартовал» он не с легким сердцем и без необходимой уверенности в победе. На состоявшемся в мае Всероссийском съезде железнодорожников были приняты «Основные направления развития и социально-экономической политики железнодорожного транспорта на период до 2005 года». «В свете выполнения» намеченных директив коллективы Западно-Сибирской и Кемеровской железных дорог разработали свои программы. В них были определены планы и последовательность действий по повышению эффективности хозяйствования и совершенствованию управленческих структур. То есть по сохранению обеих дорог и их дальнейшему развитию.

Но… Кемеровская дорога, самая большая из внутренних погрузочных дорог, к этому времени уже утопала в проблемах. И в Москве, и на местах понимали: «совершенствовать управление» надо в сторону объединения дорог. Это не означало возвращения к «точке» развода, что было бы и невозможно. Нужна была принципиально новая стратегия, когда при «сложении» получилась бы не «сумма», а «произведение».

Старостенко прекрасно понимал, что руководство Кемеровской областью, «угольные», «стальные», «алюминиевые» и все прочие «короли» или «олигархи», не просто займут линию обороны, но и не замедлят пойти в наступле-

ние. Время в России, а в Кузбассе особенно, было темное. Новый деловой «истеблишмент» в потемках стрелял друг в друга.

В субботние вечера к Старостенко иногда приезжал ректор Комаров. Выходили «на воздух». Стоящее одиноко здание управления дороги в сумерках напоминало одинокий корабль в океане. Было неуютно. Владимир Иванович делился тревогами и сомнениями, рассказывал, как безуспешно пытался найти понимание у главы администрации области Кислюка. Это была одиозная фигура. Он использовал ситуацию в стране и своей области, чтобы ловить рыбку в мутной воде. Но и другие, несомненно, серьезные и честные руководители области, в том числе и глава законодательного собрания, бывший железнодорожник Аман Гумирович Тулеев, были убеждены, что в индустриальный комплекс Кузбасса должна входить собственная железная дорога. Идею слияния дорог кемеровчане воспринимали «в штыки».

Сопротивление было огромное. Кажется, вся область кричала на площадях и в печати: не отдадим свою дорогу! «Своя» железная дорога — это, действительно, разительный аргумент. А остроумный Аман Тулеев сумел низвести актуальную идею до уровня абсурда. Пошла гулять его крылатая фраза: «Хотят пришить к пуговице шубу».

Предполагая, каким мощным будет сопротивление, новый начальник дороги организовал в «штабах» обеих дорог, с привлечением ученых университета путей сообщения, мозговой штурм по проработке концепции объединения дорог. В этот экстремальный период он выкладывался на пределе сил и возможностей.

Была создана специальная комиссия из представителей обеих дорог, администраций заинтересованных регионов, которая изучала все «за» и «против» объединения дорог. Что это даст Новосибирской области? Что — Кузбассу? Алтаю?… Старостенко советовался с руководством управления Западно-Сибирской дороги и находил понимание и поддержку. Тщательный анализ текущего состояния и перспектив этих дорог убедительно показал: необходимо объединение.

«Пробивая» этот вопрос на всех уровнях, Старостенко даже не думал о том, что, возможно, опять подрубает «сук», на котором сидит. Ведь никто не давал гарантий, что объединенную дорогу возглавит именно он. Сам Владимир Иванович ставил перед собой только одну задачу — подготовить дорогу к объединению.

А в это время страна встала на дыбы. Обвал производства выбросил на улицу сотни тысяч рабочих. А те, кто все же работал, месяцами не получал зарплату. «Раскачали» Кузбасс. Полуголодные шахтеры с семьями вышли на рельсы и не выпускали поезда с углем и другими грузами.

Раздавались «революционные» возгласы: «Круши!», «Долой Ельцина!», «Даешь поезд на Москву!»

Расхлебывать кашу, в которую переборщил соли «народный выдвиженец» Кислюк, пришлось Тулееву. Дорога стояла. Кузбасс не отправлял гру-

зов. Не ходили пассажирские поезда. Народ на рельсах прибывал. Слезы. Мат. Крики.

Остановить нарастающий вал слепого сопротивления не могли никакие обещания президента и правительства. Люди требовали отдать заработанное. Денег!!!

Трудно сказать, как бы повернулась ситуация, если бы в Кемерово не примчался тогда уже министр, Николай Емельянович Аксененко. Его миссия была почти невыполнимой — «открыть» заблокированную дорогу, прекратить паралич хозяйства страны, которому перехватили горло. То ли он имел чрезвычайные полномочия, то ли просто был человеком рисковым до самоотверженности, но Аксененко сумел предотвратить нечто очень неприятное для Кремля. Он приехал, чтобы найти выход. И нашел его.

Аксененко появлялся перед разъяренной толпой вместе со Старостенко и разговаривал «по-человечески». Никто из побывавших в Кузбассе до него правительственных чиновников не мог «вытащить деньги из кармана» на зарплату людям или «подписать» кредит хозяйствующим субъектам. Ведь они — в полной зависимости от бюджета. Аксененко смог:

— Что вам нужно, чтобы вы начали отгрузку угля?

— Деньги…

— Сколько?.. Получите немедленно. — И он, порой прямо на капоте машины, писал распоряжение Старостенко как начальнику дороги: «Выплатить… Из средств МПС…». Предоставлялись и безвозвратные кредиты.

Это было большой поддержкой и Тулееву. Аксененко и Старостенко своими решительными действиями сработали и на личный авторитет Амана Гумировича. Он быстро набирал очки. Губернатор зауважал Аксененко и Ста-

ростенко за их умение разговаривать с «народом» и принимать нестандартные решения. Он круто переменил позицию по спорной проблеме объединения дорог. А Тулеева лучше иметь в сторонниках, чем в противниках.

И снова, как раньше, Западно-Сибирская дорога стала стальным хребтом Сибири, держащим на своих плечах экономику сырьевого региона страны. Но с тех пор многое изменилось и не в лучшую сторону. Разобрано. Разорвано. Утрачено. В связи с глобальным падением производства грузооборот магистрали упал более чем вдвое. В связи с сокращением объемов работы дороги возникла «избыточность» рабочей силы и дефицит денежных средств, в том числе на заработную плату.

Не было средств на проведение плановых ремонтов даже грузонапряженных путей. На дорогу уже не поступали новые локомотивы, проблемой стал и ремонт.

Новые условия требовали новой технологической, финансовой, кадровой политики. Старостенко пошел на реструктуризацию дороги. На базе Новокузнецкого, Тайгинского и Беловского отделений было создано крупнейшее на сети дорог Кузбасское отделение. Там был сдан в опытную эксплуатацию первый на дороге региональный автоматизированный диспетчерский центр управления перевозками. В результате улучшилось оперативное руководство перевозочным процессом, что дало экономический эффект более восьми с половиной миллиардов рублей.

Для стабилизации финансово-экономического положения дороги была реализована программа по сокращению расходов и повышению доходов. Правда, при этом пришлось прибегнуть и к непопулярным мерам. Чтобы не платить огромные налоги на основные фонды, Владимир Иванович принимает решение о закрытии некоторых, невостребованных в данный момент направлений. Кое-где было решено снимать вторые пути. Он рискнул пойти на спорный принцип оздоровления экономики дороги: до предела использовать то, что необходимо сегодня, и освободиться от того, что сегодня не нужно. Хотя скорее всего это надо будет восстанавливать завтра. Но рискованная экономика требует рискованных мер. У самого Старостенко ныло сердце, когда он отдавал приказ, например, о закрытии электрифицированного направления Мереть — Среднесибирская. Железнодорожник не может спокойно смотреть, как снимают рельсы и шпалы. «Пригодилось» только земляное полотно, которое продали под автомобильную дорогу.

Начальник объединенной дороги настойчиво занимался реорганизацией предприятий. Чтобы повысить эффективность работы, оздоровить финансы, надо было идти на закрытие «лишних» подразделений, привести в соответствие численность контингента с объемами выполняемых работ.

Начались «хирургические» операции. Было «высвобождено» более 14 тысяч человек и сэкономлено на зарплате более ста миллиардов рублей. Но куда девать людей? Старостенко никогда не резал «по живому». Он уже проду-

мал некоторые маневры. Чтобы занять людей, придется создавать какие-то негосударственные структуры. Тем, кто подпадал под сокращение на основных производственных участках, подыскивали какие-то другие рабочие места. Особенно бережно отнесся Владимир Иванович к старшему поколению — ветеранам труда, которым пришлось уходить на заслуженный отдых не в лучшие времена. Кто мог и хотел, получали работу.

Чтобы железнодорожное хозяйство работало как часы, нужно было восстановить и поддерживать почти военную дисциплину. И с этим мог справиться только жесткий человек, такой, как Старостенко. Он как-то сумел стать «многооким». Все знал и все видел. Разгильдяйства не прощал. Давал два шанса исправить положение. На третий — снимал.

За два отчаянно тяжелых года новый начальник дороги сумел поставить ее на ноги. Или — «на колеса». Укрепилось финансовое положение дороги. За счет реализации всего комплекса изменений в технологии перевозочного процесса укрупненной дороги удалось получить экономический эффект около 110 миллиардов рублей. Были снижены против нормы эксплуатационные расходы, уложились в плановое задание по производительности труда. Пассажирооборот составил почти 104 % к плану. Превысили среднесетевые качественные показатели использования подвижного состава.

Когда Западно-Сибирская железная дорога вновь вышла в число лидеров отрасли, Владимир Иванович как-то признался в кругу друзей:

— Я даже не верил, что мы «вырулим». Иногда казалось, что и просвета нет…

Летом 1999 года начальника Западно-Сибирской дороги назначают министром путей сообщения. Не без сожаления уезжает Владимир Иванович из Новосибирска. Ведь именно самое трудное в жизни становится особенно дорогим, если тебе удалось с этим справиться. Но еще труднее оставлять начатое дело на полпути. То, что Старостенко успешно проводил на Транссибе, специалисты окрестили технической революцией. А революции надо или не затевать вовсе, или доводить до конца. Однако повышение, естественно, тешило честолюбие как признание заслуг.

На перевале двадцатого века кончилось время Ельцина. Никаких видимых перемен не произошло, но Россию закрутили подводные течения. И хотя «на трон» вступил преемник президента, автоматического дублирования власти не случилось. Менялись знаковые фигуры. Предвещало ли это что-то новенькое в политике, или просто «смена караула», было еще не ясно. И вот уже не вице-премьер — Аксененко. Старостенко все понимает: нужно освободить Николаю Емельяновичу его прежнее место — министра. А Владимиру Ивановичу предложили «карт-бланш». Он попросил вернуть его на Западно-Сибирскую дорогу.

В Новосибирск он возвратился со смешанными чувствами. Это можно понять: только четыре месяца назад земляки провожали его на высокий пост, и вот теперь, ни за что ни про что, снова на исходные позиции. Ни провинить-

ся, ни развернуться на министерском посту он не успел. Просто оказался на перекрестке политических интриг. И вот теперь уже он, возвращаясь в свое бывшее кресло, тоже «вытесняет» ни в чем не повинного своего преемника — Александра Целько. Не приведи Бог, как говорится, не по своей воле совершать такие «маневры».

Старостенко умеет владеть собой, он вернулся так, словно никуда не уходил. Более того, он прибавил «обороты». Отшлифовал до блеска свою концепцию перестройки. Он сформулировал девиз, который «расшифровывал» три ее составных части: «Технология. Экономика. Эстетика». За два с лишним года он коренным образом изменил лицо своей дороги, увеличил ее производственные возможности. Внедряются новые эксплуатационные, ресурсосберегающие и информационные технологии. Кардинальные перемены происходят в самом рутинном звене — в путевом хозяйстве, которое переводится на машинизированные методы ремонта. Для этого пришлось перепрофилировать ряд депо для создания мастерских по ремонту путевых машин. Продолжается совершенствование системы управления всем перевозочным процессом — создается единый центр управления дороги.

Казавшиеся, на первый взгляд, рискованными управленческие решения быстро «одобрялись» экономикой. За 2000 год показатель отправления грузов в сравнении с прошлогодним возрос на 19,5 миллионов тонн. Почти на 16 процентов увеличился грузооборот, и на 14 — производительность труда. Одной из самых низких на дорожной сети стала себестоимость перевозок.

Радикальным образом меняется качество обслуживания на дороге. В деловой лексике на пассажирских перевозках приживается слово «сервис», который стал определяющим моментом в тарифной политике. Создается унитарное предприятие по обслуживанию пассажиров. Ведется капитальный ремонт с реконструкцией главного вокзала Новосибирска, а также — «Западного». Строятся новые здания вокзалов в Мошково, Каргате, Коченеве, приводятся в порядок другие вокзалы на дороге. Предъявляются жесткие требования к порядку в электропоездах.

Владимиру Ивановичу удалось установить партнерские отношения с региональными властями, и теперь многое решалось сообща. В частности, удалось добиться некоторой компенсации убытков от летних перевозок льготников и участия бюджетов в пополнении парка электричек.

Удалось договориться и о передаче на муниципальный уровень объектов социальной сферы. Ведь дорога при Старостенко, в отличие от многих других отраслей, продолжала жилищное строительство и взялась за обновление объектов культуры и здравоохранения.

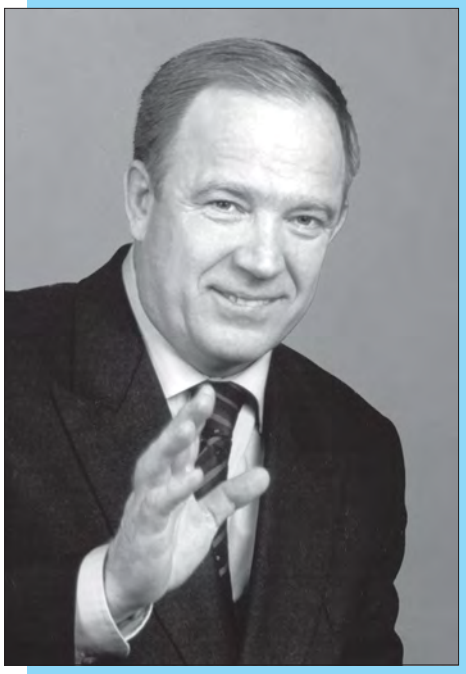
Чтобы совместно решать как государственные проблемы, так и обеспечивать развитие территории, В.И. Старостенко выступает инициатором новой формы правовых отношений — тройственных Соглашений между дорогой, региональными властями и министерством путей сообщения. Теперь такие соглашения работают на всей сети железных дорог страны. Во взаимных интересах.

За годы, что Владимир Иванович Старостенко стоял у «руля» Западно-Сибирской дороги, она вернула себе признание одной из лучших дорог страны. И когда стал вопрос о новом начальнике столичной железной дороги, правительство приняло решение назначить Старостенко.

Соответствующее постановление правительства огласил 2 февраля 2002 года прибывший на дорожную конференцию министр путей сообщения Г.М. Фадеев. Тут же был представлен в качестве начальника Западно-Сибирской дороги уже знакомый А.Ю. Целько. Все были несколько смущены.

Выдержать такие «перепады» погоды на «олимпе» по плечу только очень сильным людям. Что ж, успехов им!

Людмила СЕМЕНОВА



На войне, как на войне

Он был комиссаром, а стал хозяином предприятия. Уже будучи «крутым» бизнесменом, одним из удачливых предпринимателей Сибири, он возобновил членство в коммунистической партии, которое пришлось «приостановить» в силу военной дисциплины. В начале девяностых, во время нового мироперелела и «деидеологизации» армии, Михаил Владимирович Титов занимал политическую должность в группе советских войск в Германской демократической республике. Но одно дело — тогда, в период всеохватного слома и ниспровержения, — сняться с партучета по команде, другое — «восстановиться» теперь, принять непопулярное решение, заведомо вызвав на свою голову неудовольствие властей. Для прагматичного человека, каким, бесспорно, является Титов, — неординарный шаг.

На развалинах разграбленных цехов некогда крепких новосибирских предприятий этот самый Титов своим умом и трудом, за счет собственных капиталовложений, сумел создать свою «республику Вестфалика» — частное предприятие по производству обуви и меховых изделий мирового класса.

…В приемной, над дверью в кабинет генерального директора «Вестфалики», висит огромный экзотический его фотопортрет в заснеженном охотничьем интерьере: Михаил Владимирович возлежит на спинах семерых поверженных волков. Символичная картина!

Родился Михаил Владимирович Титов 12 марта 1954 года в Усть-Хмелевке Ордынского района, что в Караканском бору. Охоту любил с детства: бор тогда был полон разного зверья, а у парнишки оказался меткий глаз и верная рука.

Невысокий ростом, он был очень спортивен и вынослив. Никто из пацанов не мог обогнать его на лыжне. Прекрасно учился, товарищи удивлялись, как это у него на все хватает времени: на уроки, работу и серьезное увлечение спортом? Не прибегая к «силовым» методам, всегда был первым среди равных, легко и непринужденно «управляя» ребячьим сообществом.

Ему словно на роду было написано стать комиссаром. По восточному гороскопу Михаил Титов — «лошадь», которой просто положено «преуспевать в политике». Такие люди любят и умеют управлять людьми, схватывать их мысли до того, как они высказаны. При этом они получают удовольствие не только от умственной, но и физической работы, и даже от преодоления рутинных трудностей. Он был просто «обречен» на быстрый карьерный рост.

Так произошло и на самом деле. Успешная служба в Забайкалье. Военная академия в Москве, звание майора и назначение начальником политотдела мотострелковой дивизии в Тирасполе. Следующее место службы — Германия. Но последнее десятилетие двадцатого века переломало судьбы советских граждан. Это время на водоразделе эпох отмечено глобальными политическими катаклизмами. На глазах Титова, офицера группы советских войск в Германской демократической республике, произошел разлом социалистического лагеря. Треснул и рассыпался «Варшавский договор». Пала берлинская стена, а с ней вместе словно растворилась и сама ГДР.

Титову предстояло вернуться уже в другую страну. И в другом качестве. 1991 год — вывод его дивизии из Германии. А у Титова — 20 лет выслуги и право демобилизоваться с пенсией. Он расквартировывает дивизию в Белой Церкви и получает распределение на службу в Николаев. Там у него была квартира, где уже обосновалась семья.

Нужно было принимать присягу. Теперь уже — суверенной Украине. Но Титов дважды не присягает. Написал рапорт и уволился из армии.

Все пришлось начинать заново. Но в той, прошлой жизни он сумел нажить некий социальный, хозяйственный и управленческий опыт да добрых товарищей — деловых партнеров в Германии. Осознанно или нет, Михаил Владимирович многому у них научился: принципам и навыкам ведения дел, кор-

ректности в отношениях, умению чувствовать экономическую конъюнктуру, ценить время и деньги.

Теперь эти характеристики укладывались в понятия — бизнес и менеджмент. И Титов решил попробовать себя в коммерческой деятельности. Используя немецкие связи, устроился в одну фирму замом по внешнеэкономической деятельности. В командировках набирался опыта, и дела пошли.

После этого экзамена для самого себя решил вернуться в родной Новосибирск. Переехал один, без семьи. К старшему брату, на раскладушку в двухкомнатной квартире. С этой «позиции» и стартовал, поставив перед собой очень скромную цель — заработать денег на квартиру.

И тут придется вспомнить классический тезис о ружье, висящем в первой картине пьесы на стене. Раз висит — рано или поздно должно выстрелить, обычно в последнем акте. Это к вопросу об охотнике и волках. На фотоснимке и в жизни. Если охотник — не профессия, то — характер. И важная деталь в понимании «феномена» Титова.

Охота для него — не хобби и не дань «великосветской» моде, а естественная составная образа жизни. Как утренняя пробежка километров на десять. Как кипа газет за полночь. Слегка округлившийся с годами, Михаил Владимирович, тем не менее, сохраняет форму и, так сказать, боевую готовность, тренируя по полной программе волю, тело, глаз. И это не просто полезная привычка, но даже … производственная необходимость. Ведь бизнес — не для слабаков. Тем более, российский бизнес первой половины девяностых, когда Титов начинал свое дело.

А начинал он, как и все, с поставок на российский рынок ходового зарубежного товара. Титов тогда арендовал пару комнатенок на улице Мира, но расширялся, постепенно «вытесняя» самого арендатора. Криминал взял его на заметку, — это было начало 90-х. Правоохранительные органы тогда бездействовали. Бесчинствовал рэкет. Бритоголовые фиксатые «качки» с наколками и вывернутыми пальцами ходили «бригадами». По нескольку бригад в день. «Вежливо» предлагали «крышу» под десять процентов. Но не на того нарвались.

В те годы, а может, не только в те, Михаил не выходил из дому без двух пистолетов в обоих карманах. Но их даже не приходилось «предъявлять». Холодный прищур его стально-серых глаз не сулил ничего хорошего. У бывшего комиссара и при деловых разговорах взгляд разведчика: изучающий, цепкий, даже пронзительный. Знакомясь, Титов быстро оценивает собеседника, безошибочно определяет его намерения. «Бывалые» предпочитали больше с ним не встречаться. Кстати, этим «холодным» оружием и уже сложившейся репутацией «крутого» он успешно улаживает отношения и теперь — уже не с черным рэкетом, а с некоторыми чиновниками-«пенкоснимателями».

— *Они действуют теми же рэкетирскими методами,* — говорит Титов, — *запугивают. Кто дал слабину, того и «доят». Круговая порука обеспечивает им безнаказанность: я не вижу, где «пасешься» ты, ты не видишь, чем занимаюсь я. У каждого своя «полянка», где они стригут «зелень».*

Титов взяток не дает, потому что сам ведет дело чистыми руками. К властьпредержащим в друзья не набивается, в тусовках не участвует, окружает себя надежными, испытанными людьми.

Не секрет, что на «Вестфалике» и во всех ее представительствах в десятках городов России много бывших его сослуживцев, кадровых офицеров. Возможно, этим, среди других причин, и объясняются жесткая дисциплина и порядок на предприятии. Хотя сам Титов отмечает, в первую очередь, другое качество своих коллег:

— Это основательность и системный подход к делу. А порядок в работе — само собой. Вот, например, Анатолий Николаевич Аниткин, мой бывший комполка в Николаеве. Приехал ко мне подзаработать, устроился менеджером да и остался. Сейчас он — директор второй обувной фабрики на улице Станционной. Предприятие работает как часы, везде, даже на территории, — чистота и порядок, летом — цветник.

Среди «членов штаба» «Вестфалики» только один неармейский офицер — первый заместитель генерального Виталий Николаевич Евсюков, бывший полковник милиции.

— Это мой земляк. Можно сказать, друг детства.

В руководстве предприятием и члены семьи. Сын Антон — заместитель директора. Жена — Лидия Антоновна — в совете директоров. Занимала должность заместителя генерального по маркетингу. Потом возглавила новое подразделение — меховую фабрику. Сестра Раиса командует московским представительством фирмы.

А начинал Титов свое дело один. «Раскрутился» нормально. Спрос на знаменитую «саламандровскую» обувь был высокий, значит, и источник дохода — надежный. Но возник вопрос — а что же дальше? Ну, машина. Ну, более комфортная квартира… и все?

А тут еще отец, убежденный коммунист, подливал масла в огонь. «Думал ли я, — сокрушался он, — что мои дети станут торгашами. Для этого я вас учил-воспитывал? Свое производство загубили, так зарубежным барахлом торгуете…»

Михаил не обижался, хотя настроение портилось. Он и сам чувствовал, что «длинный рубль» даже в долларовом эквиваленте не внесет в его жизнь ни покоя, ни удовлетворения. «Заедало» и то, что страна униженно заглатывала импортный ширпотреб, «выбрасывая» взамен вместо отечественных товаров — лучших своих специалистов и тем самым подрубая сук, на котором держалась российская экономика. Хотелось доказать отцу, но прежде всего — себе, что не кончились мужики на Руси, не весь вышел «в свисток» дух патриотизма и деловитости.

К началу 1995 года подкопил тысяч двести долларов. И без оглядки на экстремальный экономический климат в России закупил на них импортное оборудование для сборки обуви. Арендовал на НЭВЗе три тысячи квадратных метров разоренных производственных площадей, набрал людей и начал производство.

Затраты окупились быстрее, чем ожидал. На следующий год к сборочным операциям добавились швейные, потом — раскройные. Задумал завершить весь производственный цикл изготовления обуви.

И тут наступили тяжелые времена 97-98-х годов. Беспрецедентная инфляция. Никто ничего не покупает. Оборотные средства «зависли» в товаре. Многие начинающие предприниматели растерялись, обрекая себя на разорение. Титова спасла интуиция, дар экономического предвидения. Сам он это считает чутьем на риск.

Руководитель словно из-под земли появившейся фирмы с загадочным названием в готическом стиле был спокоен и собран. Он точно просчитал «время Ч», когда обескровленную страну накроет «девятый вал» дефолта. Многих он опрокинул. Но не «Вестфалику». К тому времени предприниматель Титов уже провел превентивные меры и «подстелил соломки». Под гарантию честного слова в четырех банках взял кредиты с отсрочкой платежей. На эти средства закупил десятки вагонов оборудования. «Обнулил дебиторку». Собрал из магазинов на свои склады весь нереализованный товар. Оптовикам отпускал продукцию только за «живые» деньги. Даже в отпуск успел сходить до дефолта — в мае, а не как обычно — в разгар лета.

К августу 1998 года, когда состоялась грандиозная афера по девальвации рубля, Титов уже был «на коне». Он приобретает в собственность около ста тысяч квадратных метров бывших заводских площадей. Набирает людей для расчистки, демонтажа разграбленного, искореженного оборудования под новое производство. Но, будучи силен в производственной стратегии, ошибался в тактике. Когда стали разгребать завалы ржавого хлама, стало ясно, что работы — непочатый край. А дорогое оборудование уже стоит во дворах, под первым снегом.

Так и получилось: реконструкция производственных площадей в общем заняла почти полтора года. Все это время директор со своей командой изучали конъюнктуру рынка и разрабатывали концепцию производства. Исходное требование Титов даже не обсуждал: это — диалектический подход к ассортименту. Да, итальянцы шьют красивую обувь, но ведь у них холодов и непогоды столько, сколько у нас, в Сибири, тепла. И предприятие взяло курс на производство обуви сезонов — зима, осень, весна.

Бывая в магазинах, на рынках, удивлялся сначала: обуви — море, а многие женщины уходят без покупок. То голенища узкие, то подъем низковат, то колодка неудобная. Зарубежная обувь, в основном, на тоненькую девичью ножку. А демография сейчас такая, что большинство женщин возраста «за…». Но «бальзаковские» женщины, да и те кто постарше, стремятся хорошо выглядеть, носить модные сапожки. Только бы по ноге.

Пригласил технологов, проверил свои наблюдения. Оказалось, да, советские стандарты изменены, и больше полноты с индексом «Ш» не существует. Значит, надо разрабатывать свой стандарт.

Готовясь к открытию собственного обувного производства, Титов съездил в Италию, заказал пресс-формы для литья подошвы. Вернулся с двумя сумками образцов и итальянским специалистом. Отлили первый образец. Собрались по этому поводу, стали придумывать имя «первенцу». По традиции типовой модели присваивается женское имя. «А у моей жены сегодня день рождения», — заметил один из причастных к торжеству. «Как зовут жену»? — «Лариса».

Так появилась «Лара» — первая функциональная модель собственной подошвы, которая не скользит, выдержит любой мороз, выдержит весеннюю распутицу и осеннюю грязь. И очень удобна: объемная. Каблук средней высоты. К тому же на пике моды.

Титов собрал руководителей служб обсудить запуск и объем первой партии. Предложил несколько сот пар. Коллеги не поддержали — «не продадим»!

2 мая 1999 года состоялся запуск. Продукция ушла, как говорят, «влет».

В начале декабря 1999 года начала работать обувная фабрика на «Золотой горке», в конце мая следующего года еще одна — на улице Станционной, в Ленинском районе Новосибирска. 7 августа 2001 года «перерезают ленточку» нового подразделения — овчинно-мехового производства, а к началу декабря вступает в строй третья обувная фабрика — на проспекте Дзержинского.

— *Успех «Вестфалики»,* — считает Титов, — *предопределен установочной концепцией, разработанной на основе анализа экономической, демографической, социальной ситуации в России. Обувь «Вестфалики» по дизайну (качество материалов и работы, материалы, соответствие моде) приближена к лучшей европейской, а цена на нее — по российскому «кошельку».*

Предприятие стало работать только с натуральными кожами и самыми технологичными комплектующими. Чтобы как-то удержать цены на доступном уровне, перешли на свою комплектацию и строжайший режим экономии. Не случайно самая высокая зарплата на предприятии — у закройщиц. И не случайно все «отходы» кроя кожи и меха идут в дело. Из них наладили производство комнатной обуви, меховых жилетов, шапок, варежек…

Не будучи обувщиком по образованию, генеральный директор, на удивление специалистов, обучался на ходу. Однажды он поразил технологов, усмотрев ошибку в конструкции модели. Титов не прощает небрежности в работе, на его предприятии недопустим брак, даже просто топтание на месте.

Без финансовой поддержки государства Михаил Владимирович меньше чем за год развернул новое производство. Этого требовала производственная целесообразность. Коль в обувном производстве применяется мех, создали меховое производство. Но ведь мутон можно использовать не только для обуви, но и для одежды. Попробовали — рынок признал. Стали шить изысканные дубленки, рабочую одежду, жилеты, шапки, рукавицы. Набрали специалистов по производству меховых изделий. Получилась фабрика.

А развитие предприятия продолжается . Введены в строй очистные сооружения и газовая котельная. Началась подготовка площадей под самый крупный в России кожевенный завод, которым будет завершено формирование замкнутого многопрофильного производственного цикла по методу безотходной технологии. По уровню специализации и кооперирования предприятие фактически выходит на уровень концерна — с единой управленческой политикой и производственной самостоятельностью звеньев.

Когда Титову, кстати или нет, пытаются польстить, приписывая успех предприятия исключительно его предпринимательскому таланту, он соглашается лишь отчасти. Мол, «виноват» я только в том, что постарался сделать из «рабочей силы» — сплоченный коллектив.

Действительно, здесь, как в былые советские времена, большая семья с добрыми традициями. Торжественно, с подарками и концертами, отмечают дни рождения бригад и юбилейные даты работников. Поздравляют молодоженов. Помогают людям пережить горе. Возникли финансовые проблемы — пиши заявление на материальную помощь. Хочешь повысить квалификацию — пожалуйста!

По инициативе директора создана профсоюзная организация. Чтобы отстаивать перед хозяином свои права, и вместе с хозяином — права российских товаропроизводителей и отечественный рынок. По красным дням календаря «Вестфалика» дружно, плечом к плечу, выходит на демонстрации, чтобы власти видели рабочий класс и чувствовали его «мускулы».

Возможно, профсоюз и влияет на укрепление трудовой дисциплины, но, возможно, она «устоялась» как бы сама собой. Сегодня на «Вестфалику» даже грузчиком не так-то просто устроиться. Хотя манна там с неба не сыплется и рабочий график плотнее, чем на других предприятиях.

На «Вестфалику» можно водить экскурсантов. Тут есть что посмотреть. Социально-культурный центр с рабочими комнатами для разнообразных занятий, в том числе и с детьми. Тренажерный зал. Библиотека. Где-то там, в недрах, сауна с бассейном. Рабочие кабинеты специалистов оборудованы новейшими компьютерными комплексами. На доске объявлений — приглашения записаться для поездки на базу отдыха. Информация о санаторно-курортных путевках.

Отдых в собственном профилактории в Красном Яре бесплатный, в том числе и для всех членов семьи, санаторные путевки — на паях с работодателем. Половина на половину. Культурные блага — занятия в разнообразных художественных кружках, в том числе и в «Театре моды» для взрослых и детей — тоже за счет предприятия. Как и питание на производстве.

Возрождение гражданского достоинства людей Титов считает производственной необходимостью, ибо затюканный, униженный человек, по его словам, — плохой работник.

Хозяину все это обходится в копеечку, но Михаил Владимирович не внакладе. Потому что цель социальной программы «Вестфалики» — создание

стабильного коллектива профессионалов. Чтобы люди приходили, закреплялись, повышали свою квалификацию, приводили сюда родственников и связывали все жизненные планы с этим предприятием.

Кстати, следующая стратегическая фаза развития «Вестфалики», после завершения формирования полного производственного комплекса — реализация программы улучшения условий труда и быта коллектива и жилищное строительство.

Все это имеет прямое отношение к патриотизму и коммунистическим убеждениям создателя «Вестфалики». Не на словах, а на деле. В этом году он с гордостью принял медаль и диплом «Лауреата года», которым его наградила газета «Советская Россия» за ряд выступлений по проблемам контрабанды и возрождения промышленного производства страны. Так что его партбилету «краснеть» не за что.

Да, с Титовым советуется «сам» Зюганов. Бывал на его предприятии, приглашал на форум народно-патриотического союза. Михаил Владимирович использовал эту трибуну, чтобы заострить проблему национальной безопасности России. Но говорил он не о терроризме, а об экономической диверсии — широкомасштабной контрабанде, по сути — товарной интервенции Китая и Турции, дешевый ширпотреб которых преграждает дорогу добротным отечественным товарам, сводя на нет и без того малые возможности для возрождения производства.

Сам Титов был зачинщиком ряда акций протеста против проникновения контрабандных товаров на российский, и, в частности, новосибирский рынок. Считая, что для предстоящей затяжной борьбы надо сплачивать силы, Михаил Владимирович стал инициатором создания союза обувщиков Сибири и Российского обувного союза товаропроизводителей. Руководители предприятий отрасли избрали его председателем комитета по борьбе с контрабандой. И получилось так, что именно директор «Вестфалики» встал во главе борьбы отечественных товаропроизводителей за свой собственный, российский рынок сбыта, за развитие производства конкурентоспособных потребительских товаров.

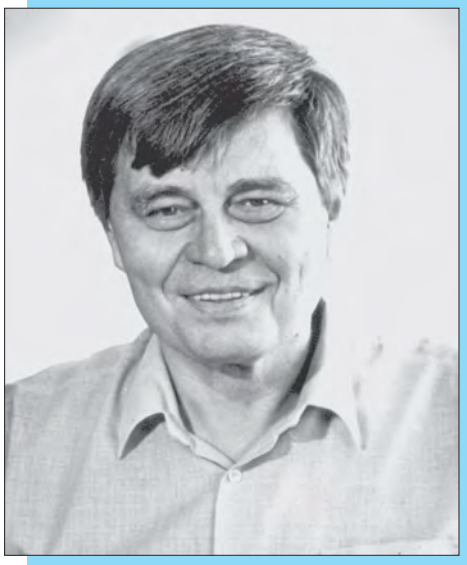
— В начале января в Москве прошли две международные ярмарки-выставки. Наша коллекция «Весна-2003» имела успех. Но вместо радости лично у меня, — рассказывал Титов, — *остались горечь и досада. Среди участников выставки отечественных товаропроизводителей было до неприличия мало. Словно мы не у себя дома, а в Италии или Китае. Мы умеем работать, даже оставшиеся предприятия в состоянии наполнить рынок. Хотя за последние десять лет выпуск российской обуви сократился более чем в десять раз.*

Мне, кажется, удалось убедить многих коллег и некоторых политиков, в чем истинная причина плачевного положения отечественной экономики. Вот пресса утверждает: проблема в инвестициях, в отсутствии оборотных средств. Это неграмотное суждение. Ведь оборотные средства должны заходить на предприятие с рынка! Нельзя ставить телегу впереди лошади. Государству надо позаботиться о рынке сбыта отечественных товаров и повышении платежеспособности населения. Тогда и инвестиции будут, и оборотные средства найдутся.

А нынешний российский рынок фактически инвестирует зарубежное товарное производство. Даже лучшие отечественные товары чуть ли ни с боем завоевывают себе прилавок. В том числе и «Вестфалики». Хотя сегодня ее продукция пользуется спросом по всей России. Сибирская обувная компания (СОК) «Вестфалика» имеет свои представительства в крупнейших городах страны. В том числе и в Москве более 140 магазинов, работающих под ее брендом. С прошлого года «Вестфалика» стала экспортировать свой товар. Сегодня это одно из ведущих предприятий легкой промышленности не только в Новосибирске, но и в России. Неслучайно в прошлом году на Международной выставке обуви в Дюссельдорфе было представлено лишь одна российская фирма-производитель этой продукции — СОК «Вестфалика».

Кстати, теперь в Дюссельдорфе работает собственное представительство этого новосибирского предприятия. Таким образом, Титов начал обратный процесс продвижения продукции. Не импортной — к нам, а нашей — за рубеж. Предприниматель надеется, что скоро появится сибирский сапожок и на земле Рейн-Вестфалия. Такое возвращение в Германию своей фирменной маркой тешит его профессиональную гордость и чувство российского патриотизма.

Людмила СОКОЛОВА



Жизнь набело…

Виталий Георгиевич Томилов, пожалуй, первым в официальных кругах Новосибирска, легко ввел в свой деловой лексикон чуждое нам обращение — «господин». Естественно, со свойственной ему ироничностью.

Было начало девяностых, страна неуверенно балансировала на грани уже исчерпавшего себя социализма и еще всерьез не запущенного капитализма. И мы еще все оставались товарищами. И вот товарищи депутаты, члены комитета по промышленности и топливно-энергетическому комплексу областного Совета, по осени традиционно «заслушивали» товарища Томилова по вопросу подготовки энергетического комплекса к работе в зимних условиях. «Заслушивали» наступательно. А Томилова голой рукой не возьмешь. Депутаты не настолько знали положение дел в его хозяйстве, чтобы чему-то научить руководителя «Новосибирскэнерго» или, тем более, «вскрыть резервы».

— Господа депутаты, чувствуется, больше меня озабочены темпами поставок топлива на склады. В таком случае, они, может быть, подскажут, как закупать тот же уголь, тем более, мазут — без денег? С угольщиками мы еще договариваемся на бартер, а вот нефтяникам ничего от нас не надо…. Или для кого-то секрет, что потребители не оплачивают наш товар?

Тепловая и электрическая энергия — товар? К этому никак еще не могли привыкнуть. Четыре копейки за киловатт, а селу по две копейки — это была ничтожно малая величина, почти не ощутимая в себестоимости продукции. И вот Томилов «пробил» повышение тарифов, заложив в них реальные издержки на производство единицы энергии, а также необходимые затраты на содержание и ремонт оборудования и — на развитие отрасли.

Такие «запросы» выглядели шокирующе.

— Это вы ловко придумали — развиваться за счет разорения потребителя, «господин Томилов», — задал тон представитель директорского корпуса.

— А это не я вас разоряю, — густой баритон Томилова звучал воинственно, — это вы сами разоряетесь, потому что разучились думать и считать. Придется учиться. На рынке не бывает «доброго дяди».

— Слава богу, мы пока не на рынке…

— А мы — на рынке, — не смущался Виталий Георгиевич, — вот из этого и будем исходить.

— Вот и новые буржуи, — послышался шепоток на «гостевых» стульях. — Господа…

На всех совещаниях руководителей Томилов начинал свою речь, развернув ведомость по задолженностям. И сразу нажил врагов. С двух сторон — директоров предприятий и новых хозяев. Одни возмутились, что с них, мол, дерут три шкуры, другие, напротив, — что мягок. Идет на взаимозачеты, встраивается в разнообразные схемы, вместо того чтобы ориентироваться исключительно на жесткий денежный курс.

Трудно представить, как бы жил город, если бы не вступила в строй ТЭЦ-5, дополнительные теплоисточники в районах города. Вроде Кировской котельной. Томилов подготовил строительство шестой теплоэлектроцентрали. Все знали — Томилов не заморозит. Поэтому областное руководство терпело колючий характер директора «Новосибирскэнерго», не забывая при этом время от времени напоминать, кто, как говорится, в доме хозяин.

…Относительно удачно пережить «перестройку» новосибирским энергетикам помогло, возможно, именно стратегическое чутье генерального и новый, уже рыночного покроя, менеджмент. Вместе со своей новой и перспективной командой В.Г. Томилов, раньше, чем кто-либо другой в отрасли, стал разрабатывать и проводить в жизнь новую концепцию управления компанией. Первые попытки внутренней реструктуризации — разделения по видам бизнеса — оправдали себя. Сделали следующий шаг, осуществив попытку реформирования финансовой системы. Создали новую модель сбытовой организации.

И вот по области прошел слух: энергетики заломили тарифы, чтобы накрутить оклады руководству. И это когда на производстве люди месяцами не получали зарплату, потому что по их милости предприятия не работали. Продукция не стоит затрат на оплату электроэнергии.

Да, генеральный директор акционерного общества на деле сделал акцент на управлении. Не все старые кадры могли соответствовать новой хозяйственной идеологии. Томилов не побоялся привлечь в свою команду грамотных, амбициозных, уже познавших «вкус» свободного предпринимательства. Эти люди не пошли бы работать «за бесплатно». К тому же он начал малую реструктуризацию, с созданием новых производственных звеньев. И это, естественно, увеличило вес заработной платы в структуре себестоимости единицы энергии.

Номинально она «подпрыгнула», на взгляд всяческих ревизоров, до неприличия, а на деле энергетики, как и большинство горожан, сидели без зарплаты. Начался отток квалифицированных кадров. «Барахолка» сманивала людей быстрым «живым» рублем. Томилов беспокойства не выказывал. Поручил своим «командирам производства» лучше работать с кадрами, разъяснять ситуацию, просить, чтобы потерпели. *Я пойму каждого, кто решится уйти. Судить не буду. Но я очень прошу набраться терпения. Мы все равно выберемся из этой ямы,* — говорил он коллегам, приезжая на собрания в свои подразделения.

А сам делал для коллектива все, что мог. А главное — не сдерживал инициативу «новых русских мальчиков», которые, он понимал, будут всеми силами «тянуть» компанию. Для себя, своей деловой карьеры. Виталия Георгиевича это устраивало. Его даже радовала такая перспектива — вырастить замену нынешней команде, обкатать в деле. Пусть они испытают вкус победы!

По необходимости, чтобы удержать на производстве профессионалов, он с молодыми коллегами виртуозно раскрутил бартер. Доставали дефицитную бытовую технику, продовольствие, модную одежду — все, в чем нуждались люди, и все это шло в счет зарплаты.

Пока большинство командиров производства болезненно отходило от шока, вызванного скоропалительным сломом плановой экономики, руководство «Новосибирскэнерго» уже конструировало рыночные механизмы. А делать это приходилось с болью для еще не демонтированной плановой экономики. Чтобы не развалить энергетическую систему, поддерживать необходимую степень ее надежности, пришлось пойти на пересмотр тарифов, приближаясь к реальной стоимости единицы энергии. И Томилов решил требовать оплаты, невзирая ни на какие «обстоятельства». Он, конечно, «входил в положение», но принцип обозначил неотвратимо.

Первая волна общественной напряженности вокруг «Новосибирскэнерго» поднялась синхронно с первыми сигналами кризиса производства. Это был не лучший момент для увеличения тарифов. Пусть даже с самой убедительной мотивировкой. Деловой истеблишмент усмотрел в этом корпоратив-

ные поползновения Томилова. Мол, под флагом «рынка», новых правил игры, энергетики тянут одеяло на себя.

Томилов хранил спокойствие, словно «камни» летели мимо него. Он не уклонялся от встреч с директорами, используя эту возможность вести «разъяснительную работу»:

— Вы же не пойдете в магазин, если нет денег, — популярно разъяснял Виталий Георгиевич новые правила «игры» своим партнерам-потребителям. — Взял товар — заплати. Энергия ведь тоже — товар…

Но даже те, кто понимали, — не платили. Мол, нечем… Что возьмешь с «лежачего»?

Задолженность потребителей энергетикам нарастала, как снежный ком. Пропорционально с неизбежностью увеличивался износ фондов. А ремонт, тем более замена оборудования, в новых условиях требовали огромных затрат. Где брать деньги, если потребитель не платит?

Как выкручивалось в этих условиях руководство новосибирской энергетической компании, Томилов особо не распространялся. На помощь областного руководства в новых условиях рассчитывать не приходилось, а ныть он не привык. Помните, как в сказке — «Горшочек, вари!»? Вот и Виталий Георгиевич примерно так ставил задачу себе и своему штабу. Главное — надо выдержать какой-то момент на существующем запасе прочности. И работать на перспективу.

Переживал Виталий Георгиевич лишь тогда, когда узнавал об очередных увольнениях своих специалистов и кадровых рабочих «Новосибирскэнерго». Он всегда считал, что в энергетике трудится особая порода людей, кото-

рые понимают, что их трудом создается «климат» в доме и на производстве. Что от них зависит здоровье людей. Говорить он мастер, и убедил свой коллектив, что их работа — это миссия, служение. А что не сделает русский человек, если поверит, что он всем нужен? Томилов, несмотря на видимую жесткость, умел ценить и беречь людей. Но вот и ему даже зарплату платить нечем.

Что «реформа» у новосибирских энергетиков пошла, стало ясно, когда на ТЭЦ, в другие технологические структуры стали возвращаться разбежавшиеся специалисты. Возвращались, даже несмотря на то, что предстояло снова учиться и переучиваться. Да и с выплатами зарплат еще не все было улажено. Но система заканчивала модернизацию и переналадку, обещая более устойчивую, чем раньше, работу и достойные заработки. Томилов укомплектовал новую команду молодых менеджеров, доверительно ввел их в курс всех своих управленческих наработок.

А когда на «троне» отрасли замаячила реформаторская фигура А.Б.Чубайса, молодые единомышленники новосибирского «генерала» от энергетики стали наезжать в Москву, в «штаб», надеясь на влиятельную поддержку.

Не случайно, когда Чубайс стал формировать группу для работы над проектом концепции энергетической реформы на основе реструктуризации РАО ЕЭС, новосибирские менеджеры Михаил Абызов и Леонид Меламед оказались среди руководителей комиссии. А потом, в день своего фактического восшествия на «престол» энергетической «империи», уж никак не профессионал в новом деле, Анатолий Чубайс изложит на совещании директоров региональных энергетических компаний свою программу развития отрасли. С такой детальной проработкой звеньев и подходов, которая возможна только при наличии «опытного образца». Проект был единодушно одобрен и принят. И потом Томилов не раз предлагал Чубайсу: «Сделайте «Новосибирскэнерго» стартовой площадкой. Мы ведь уже обкатываем подходы…».

Но это были наивные пожелания. Зачем Чубайсу раскручивать сибирскую компанию?

… Тучи стали сгущаться над генеральным директором «Новосибирскэнерго» с началом третьего тысячелетия. Не он один почувствовал, что время не просто «тикает». Оно изменилось, изменив все вокруг. А главное — людей. Словно из окопов, поднялись молодые. Другие молодые. Иваны, не помнящие родства. Они заспешили, стараясь быстрее «урвать свое». Они работают локтями, стараясь скорее высвободить для себя все жизненное пространство. Это молодое племя такое незнакомое, что уже не верится, что молодость могла быть и другой.

…Тот июньский день начинался хмуро. Виталий Георгиевич вышел во двор, привычно отметив его ухоженность, поздоровался с соседом и, кажется, совершенно спокойно сказал себе: «Что ж, все бывает в последний раз…». Он уже знал, что больше никогда не пойдет этой дорожкой в свою «контору».

Обычно невозмутимый, уверенный в себе, в критических ситуациях — жесткий, всегда готовый защищать свою правоту, Виталий Георгиевич и в эти

дни не проявлял ни признака слабости и растерянности. И никому, даже друзьям, не позволял «лезть в душу». Возможно, от этого «воинственного» суверенитета ему было в этот день особенно тяжело.

Со стороны казалось, что Томилов ко всему привык. С началом всеобщего кризиса кто только не ругал энергетиков. Особенно — «генералов». Правда, прошлой зимой, когда замерзал Дальний Восток, новосибирцы вдруг сменили гнев на милость. Многие прямо говорили, в том числе и с экрана, что именно благодаря Томилову еще живут, как у Христа за пазухой.

А ведь уже тогда по городу поползли слухи о возможном «перевороте» на «Новосибирскэнерго», и народ выступал в эфире, в печати, защищая его. Теперь, как говорится, на «своей шкуре» поняли, что это такое — энергетическая безопасность.

Однако «глас народа» никакого веса не имеет. Тем более, на собрании акционеров.

Кстати, на то второе, даже по форме напоминавшее «междусобойчик», в кафе «У Николая», пригласили определенный круг акционеров. Не обошли и областное руководство. Но бывший губернатор со своей «командой» сумел передать государственный пакет акций в частные руки, в возмещение каких-то долгов, тем самым фактически отказавшись от управления компанией. Так что в сложившейся ситуации благожелательная по отношению к Томилову точка зрения означала не более чем частное мнение. Да и само решение было принято еще до собрания людьми, в свое время приглашенными генеральным для совместной работы, но ставшими за его спиной фактическими хозяевами. А приглашенные господа лишь проголосовали…

Однако жизнь вместе с карьерой не кончается. Интеллектуальный, да и физический потенциал Томилова давно, еще будучи мэром, приметил нынешний прозорливый и прагматичный губернатор. И когда исход событий вокруг «Новосибирскэнерго» был предопределен, у Виктора Толоконского уже было подготовлено решение о назначении В.Г. Томилова на должность советника главы администрации области. 11 июня его «прокатили», а 12-го он уже вышел на новое рабочее место.

…Родился Виталий в Оренбурге, потом переехал с родителями в Сибирь. С детства он был не по возрасту рослый и серьезный, увлекался техникой. Школа в их поселке Калтан, в Горной Шории, была уникальная, где еще в то время имелся даже свой кинопроектор! О магнитофонах тогда слыхом не слыхали, а у ребят был. Трофейный. Считалось неприличным для мальчишки, если он не умел паять, «чинить» приемник или «радио» — тарелку такую. В школе учили всему.

Рано ощутив себя «технарем», он увлеченно поглощал и гуманитарные знания. Война собрала за Уралом самые сливки интеллигенции — эвакуированных с запада учителей, библиотекарей, творческих работников. Поселковая библиотека располагала богатейшим книжным фондом и стала центром притяжения интересных людей. А школьные учителя сумели пробудить под-

линный интерес к учебе, и выпускники были «укомплектованы» знаниями так, что с первой попытки поступали в любой вуз.

Виталий выбрал Томский политехнический. И там, на первом же занятии, он поразил «немку». Сдавали «тысячи» — иностранный текст. Когда Виталий закончил перевод, она сказала: «Придешь на четвертом курсе. Я тебе зачет поставлю».

Его независимый нрав требовал и материальной самостоятельности. Так что две мотивации — загрузиться знаниями и решить проблему хлеба насущного — били в одну цель. Томилов с первого курса стал сталинским стипендиатом.

Институт окончил с «красным дипломом», и ему было предложено на распределении самое престижное место — новосибирский Академгородок. Но Виталий как-то не тяготел к науке, его больше привлекала практическая работа. А для его институтских друзей — Владимира и Ольги Накоряковых — сибирский «наукоград» был мечтой. И Виталий попросил, чтобы вместо него в Новосибирск направили чету Накоряковых. А его — в Кузбасс.

Оказалось, распределение свершила сама судьба. Владимир Накаряков впоследствии стал крупнейшим ученым с мировым именем, академиком, Виталий Томилов — одним из самых заметных величин отечественной энергетики, специалистом международного класса.

…В Калтан Виталий вернулся, когда отец был уже переведен на строительство Беловской ГРЭС. Так что пришлось поселиться в общежитии. Начал свою карьеру, как было тогда принято, с рабочего места. Машинистом котла на электростанции. Авторитет ему не пришлось завоевывать. Компетентность и трудолюбие заметили сразу.

С другом академиком В. Накоряковым. 1984 г.

О его работоспособности ходили легенды. Поводом послужила эпидемия гриппа 1959 года. Людей просто косило. Но паровой котел без надзора не оставишь. Днем человек еще кое-как притащится, вахту отстоит. А в ночную выйти некому. Не болел только один Виталий Томилов. Кстати, он и до сих пор ухитряется не болеть, годами работать без отпусков и выходных дней. А тогда он целый месяц один «держал» ночную смену.

Потом Виталию Георгиевичу поступило романтическое предложение — отправиться на строительство Томь-Усинской ГРЭС… В любимый Кузбасс, возле города Мыски. Он с удовольствием воспринял это назначение как постоянное место работы. Монтаж энергоблоков — это его. Переехали семьей.

За этой ответственной стройкой пристально следили в Москве. Наезжал сам Косыгин. Это определило поистине комсомольский ритм строительства — энтузиазм на грани героизма, веселое соперничество и взаимовыручка.

Такой микроклимат сложился во многом благодаря замечательной личности — начальнику участка треста «Сибэнергострой» Александру Ильичу Крапивнеру. Не менее интересной личностью был и начальник С.Б. Фридман. Томилов как родного вспоминает первого заместителя министра электростанций СССР «дядю Федю» Сапожникова, который учился и работал с его отцом.

Томилов на той стройке, завершив монтаж очередного блока, сказал себе: с меня довольно. Тем более что начались всякие реорганизации. Необходимый багаж накоплен, двигаться по вертикали — в начальники — было неинтересно. А оставаться на монтаже дальше — только терять время.

И он ушел на Беловскую ГРЭС, которую сдавали в эксплуатацию. Был первым специалистом, успешно выдержавшим экзамен на начальника смены электростанции. А директором пригласили туда замечательного специалиста и человека Ивана Николаевича Кравченко, с Барабинской ТЭЦ. Раньше он работал на Новосибирской ТЭЦ-3.

— Мне всю жизнь везло на начальников, — вспоминает Томилов. — Среди них не было дураков. Это были талантливые, порядочные люди.

На Беловской ГРЭС он проработал восемь лет, почти на всех должностях. В том числе замещал и директора, и его замов, и главного инженера. Так что накопление производственного «багажа» шло удачно.

Авторитет Томилова в поселке был таков, что много лет спустя после того, как он покинул те места, в Новосибирск к нему наведывались «ходоки». Вот и недавно, когда Виталия Георгиевича взяли в кольцо свои проблемы, случилась интересная встреча. Пришел он на обед домой, а там сидит какой-то мужик. Характерной внешности священнослужителя. Потупился.

Что-то очень даже знакомое. Не Кутузов ли? Прекрасный был специалист — бригадир слесарей. Да вот «на пробку» часто наступал….

— Виктор Петрович, да не ты ли это?

— Я… Вот к тебе Бог послал…

— Да как ты к Богу-то попал? Ведь сколько я тебя за эту проклятую водку строгал….

— Бог надоумил….Верную дорогу указал …

— Ладно. Указал — значит, так надо. А как вы теперь зоветесь от Бога?

— Отец Виталий…

Сели, попили чайку. Выяснилось, что приехал батюшка просить помощи. В поселке Инском Кемеровской области церковку достраивают.

— Купола бы надо позолотить, да у прихода где столько денег?

Вот народ и попросил: съезди, мол, к Виталию Георгиевичу…

Подключил старых добрых знакомых, организовал помощь батюшке. И самому на душе светлее стало. Вот уж, действительно, пути Господни неисповедимы. Когда-то Томилов боролся за спасение этой души, а теперь — наставник даже растрогался — грешник стал пастырем.

…Будильник зазвонил, как обычно. Томилов проснулся спокойным и сосредоточенным. Как будто и не было этого штормового «вчера». Сегодня его ждут совершенно новые заботы. Он уже продумал, за какую задачку возьмется, чтобы скорее затянулась рана. За самую неразрешимую. Попробует «раскрутить» свою идею создания конкурентной среды в жилищно-коммунальной сфере. Он уверен, тут главный «резерв» — изжить некомпетентность, безынициативность и безответственность самих руководителей подразделений. Их надо научить работать не за зарплату, а за свое место. Как это сделать, он знал: организовать конкурента. В лице хозяина. Частной структуры.

Где найти такого «дурака», который взялся бы за гибельную отрасль, сулящую одни убытки? А там, где есть люди, ориентированные на прибыль.

Одного такого, из своих бывших молодых коллег — Андрея Колмакова, он уже заранее уговорил. Осталось выехать на место. Томилов хорошо знал проблемы «экспериментальной площадки» близ областного центра — в Мошковском районе. Осталось подготовить бизнес-проект, в чем он и поможет Колмакову.

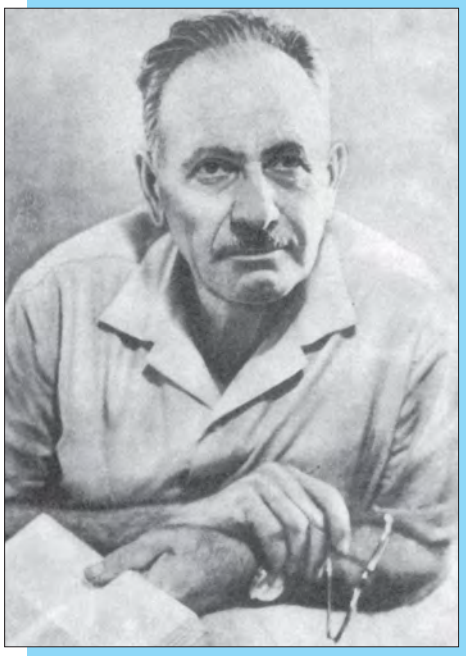
А дальше в планах разобраться с Татарском, где чуть ли не сорок котельных, и в каждой — кочегар с лопатой. По шесть-семь тонн за день приходится перекидать в топку. Вот она — жуткая себестоимость тепла. А почему? Да потому, что местные коммунальные руководители додумались заказать в Омске котлы с ручной загрузкой, хотя более технологичное оборудование можно приобрести в своей области. С пользой для бюджета.

А то, что районную коммунальную сферу можно содержать иначе, доказывает опыт того же Куйбышева. Или даже Искитима.

Есть совместные планы и с замом В.А. Толоконского В.Л. Федоровым. В частности, по организации поставок новосибирской продукции для «Кузбассэнерго».

Он вышел во двор в хорошем настроении. Остановился, побеседовал с дворником. Ноги чуть не повернули на привычную дорожку. И снова засвербило в душе. Но быстро приструнил себя и направился в сторону здания областной администрации.

Людмила СЕМЕНОВА



Перевалы Федосеева

Ночь на камне. Какая же мучительная пытка — холод! Он безжалостно овладевает нами. Трофим уплыл. Василий безнадежен. Завидую его спокойствию, с которым он ждет конца. Он готов мужественно принять смерть. Хотя бы на минуту отвлечь его от надвигающейся развязки, но я не знаю, что сделать, что сказать.

Слабею. Боюсь, не смогу плыть, если в этом будет необходимость. Какой ужас находиться в последние минуты жизни на камне, где даже места нет, чтобы лежа умереть.

Никого не виню. Мы рисковали во имя цели».

Эту запись в дневнике Григорий Федосеев сделал после того, как плот, на котором плыли трое геодезистов по горной дикой реке Мае, налетел на

валун, перевернулся и мгновенно скрылся за ближайшим поворотом. Бывалые изыскатели, прошедшие огонь и воду, оценили создавшуюся ситуацию как безысходную. Василий Мищенко парализован — у него отнялись ноги и плохо слушаются руки. Решили — Трофим вплавь доберется до берега и будет искать выход. Доберется ли? И есть ли какой-то выход?

Запись, сделанная в дневнике на следующий день: «Мы погибаем…».

Но кто прочтет эти слова? Ведь эту тетрадь, во-первых, кто-то должен найти, во-вторых, вода уничтожит не только запись, но и бумагу. Григорий Анисимович снял левый сапог, разорвал портянку, чуть выше ступени прижал к ноге дневник, крепко обмотал портянкой. Видимо, сделал все вовремя, потому что усиливающийся дождь быстро поднимал уровень воды. Ясно, что через несколько минут, а может быть, и секунд, водный поток сметет людей с мокрого валуна и разобьет их о береговые скалы. И тут Федосеев увидел, что к ним приближается огромная лиственница, даже с корнями — видно, где-то выше по течению подмыло берег. Перед порогом она сбавила скорость, стала разворачиваться.

Решение принято мгновенно — ухватиться за ветви дерева. Но Василий недвижим. Он умоляет: «Плыви, оставь меня!». Федосеев снимает ремень, прикрепляет его к своей левой руке, а другой конец крепко-накрепко привязывает к поясному ремню друга. Вот она, лиственница — зыбкая надежда на спасение. Григорий Анисимович бросается к ней, правой рукой хватается за надежный сук, стремительно несется вниз по течению, вдруг чувствует, что левая рука легка и свободна, и слышит: «Прощай!». Догадался, что Василий Николаевич нашел силы, чтобы достать нож и в последний момент перерезать ремень — он знал, что вдвоем не спастись.

Трофим Королев, чудом выбравшийся из воды, вспомнил: когда бурный поток нес их плот к перекату, у берега мелькнул наносник — куча вывороченных водой деревьев, бревен, хвороста. Пошел вверх по течению, выбрал обломки бревен, связал их лентами тальниковой коры и оттолкнул салик от наносного островка. Василия он снял с валуна в последний момент, когда тот уже захлебывался. Потом нагнал и лиственницу. Маленький плот оказался надежным, вертким.

В повести «Смерть меня подождет» Федосеев, описывая встречу в лагере геодезистов и рассказывая о своих мужественных соратниках, упомянул одного из самых молодых специалистов экспедиции — Петю Карева, начальника. Собирая материалы для данного очерка, я узнал, что этот Петя живет и здравствует в Новосибирске. Созвонился с ним и через пятнадцать минут был гостем Петра Александровича Карева, профессора геодезической академии. Он и рассказал о работе геодезистов в те годы.

Данные геодезистов были необходимы не только для разрешения земных проблем. Они служили исходным материалом для определения формы и размеров математического тела Земли. И когда люди проникли в космос и на орбиту вышли спутники с новейшими приборами, когда космонавты со сто-

роны любовались планетой, фотографировали ее, то выяснилось: измерения, произведенные в СССР, являются лучшими в мире. Они наиболее точно отображают поверхность эллипсоида под названием Земля.

В Советском Союзе была поставлена задача: построить Государственную геодезическую сеть первого класса и провести картографирование страны. Особенно трудно это было сделать в Сибири — тундра, болота, тайга, гористые массивы, малонаселенные территории, зачастую недоступные. Заснеженные хребты с множеством гольцов и бездонных цирков, могучие реки и злобные непредсказуемые речушки на каждом шагу подготовили преграды, смертельные ловушки. Преодолеть их могли только отважные, сильные, уверенные в успехе люди. Среди них не мог не оказаться Григорий Анисимович Федосеев.

— *У этого человека было физическое тяготение к самым трудным местам,* — вспоминал Карев.

Да и сам Федосеев признавался в своих произведениях: *Я не люблю спокойное море, дремлющую на солнце тайгу, отполированное синевою небо. Предпочитаю бурю. Радуюсь, когда надо мною воет пурга, и я ощущаю ее беспощадность. Потоки диких рек и грозы меня всегда пленяют. С какой-то особой доверчивостью я отношусь к дождю… Вижу, точно в яви, костер под старым чинаром. Там в детских мечтах раскрывался мне загадочный мир… Там, у тлеющего огня, родилась неугомонная мечта увидеть невиданное. Это ты, угрюмый лес моего детства, научил любить природу, ее красоту, первобытность. Ты привел меня к роковому перекату. Но я не сожалею.*

Григорий Анисимович Федосеев родился 19 января 1899 года в станице Кардоникской Ставропольского края. Мать Анна Васильевна воспитывала его одна. Из крестьянской семьи, она еще в детстве научилась шить, что и помогло ей в жизни. За непоседой трудно было уследить. Как завороженный он любовался сияющими под солнцем пиками Кавказских гор, стремился забраться на скалы, проникнуть в ущелья. Желая дать сыну образование, Анна Васильевна переехала в Баталпашинск, впоследствии — Черкесск, где была гимназия. Григорий учился прилежно, при любой возможности старался заработать деньги — то на сыроварне, то давая уроки сынкам богатых родителей; знал, как трудно маме платить за его обучение. Как-то она с ужасом узнала, что Гриша, которому исполнилось двенадцать, поднялся на Аксуанский ледник. С малых лет увлекался охотой, приносил домой лесные трофеи и этим тоже помогал семье. Все каникулы проводил в родной станице. После гимназии удалось поступить в Краснодарский политехнический институт. Стал геодезистом, работал в полевой партии прорабом, а затем начальником, и теперь мама не знала нужды.

Первые маршруты пролегали по Закавказью. Затем — Кольский полуостров, где срочно требовались карты для разработки месторождения апатитов. На голом месте геодезисты поставили небольшой домик, затем появились другие строения, а вскоре обозначился город Кировск.

Манила Сибирь, особенно Восточная, где «белые пятна» сливались одно с другим и нуждались в «раскраске». Этот необъятный край, скрывающий в своих кладовых несметные сокровища, был мало исследован. Карты были далеко не полными, частично сделанными по рассказам местных жителей — якутов, эвенков, представителей других народностей. А как взять эти богатства, если не знаешь, с какой стороны к ним подойти?

На берега Лены, Енисея, Амура, в таежные дебри были направлены лучшие специалисты. Саянскую экспедицию, которой предстояло работать в наиболее сложных условиях, возглавил Федосеев — опытный, умный и дерзкий руководитель.

Ранним мартовским утром тридцать восьмого года небольшой отряд покинул село Черемшанка Минусинского района. Этот населенный пункт, приютившийся у Можарских озер, был последним на границе с тайгой. Отсюда начинался путь геодезистов в глубь Восточного Саяна. Первый же день показал, насколько трудным и необычным будет путешествие.

Людей встретил мертвый лес. Это было гигантское кладбище деревьев — могучих великанов и подростков. Оказывается, семь лет назад на зеленое море напали смертельные вредители пихты — пяденица, непарный шелкопряд, монашенка, усач. Они сожрали все живое, зеленое — и растения на земле, и листву на деревьях. Тайгу покинули птицы и звери, погибли муравьи.

Деревья падали, и с каждым годом все больше. Стволы и сучья покрыли пожелтевшую хвою. Тайга вымерла более чем на миллионе гектаров. Геодезисты за полмесяца прошли 23 километра. При этом не касаясь подошвами земли, только по поверженным деревьям, прорубая топорами тропу. Наконец добрались до живого леса. Горная речка, которая только что вскрылась. Штурм первой вершины гольца Козя. В тот момент, когда Федосеев спускался вниз, разразился буран. Ледяной ветер обжигал лицо, пронизывал одежду насквозь. Снежный обвал. Федосеев теряет сознание. А когда пришел в себя, понял, что находится под толщей снега. Выбрался, но потерял силы. Мороз сковывал тело. Забытье. Очнулся от теплого прикосновения к лицу. Его нашла собака Черня. Через некоторое время Трофим Пугачев и Кирилл Лебедев растирали снегом тело. Сто граммов спирта внутрь. Спальный мешок. Но и через три дня Федосеев не мог ходить. Лицо покрылось струпьями. Друзья решили тащить больного на трех скрепленных лыжинах. Через несколько дней спала опухоль, отступила боль. И снова подъем на Козю. Произвели все замеры, установили тур — первый геодезический знак на Восточном Саяне.

Лошади, покалеченные, некоторые со сломанными ногами, дальше пройти не могли. Люди сами впряглись в нарты, обходили завалы, прорубали бурелом, а иногда перетаскивали на руках и нарты, и груз. Продвигались медленно, упорно, строго придерживаясь маршрута.

А спустя несколько дней — встреча с хозяином тайги. То ли пришла пора проснуться, то ли разбудили собаки, но из-под корней поваленного дерева выскочил разъяренный медведь и напал на Прокопия Днепровского, сбил

его с ног. Геодезист, отважный и хладнокровный, который еще недавно с одним ножом вступил в схватку с медведицей и победил ее, на сей раз не был готов к поединку. На зверя напали собаки, отвлекли его. Отбросив их, медведь бросился к Федосееву, и тот поразил его с пяти метров. У Днепровского сочилась кровь из разодранного плеча и поцарапанной когтями головы, он не мог ступать на ногу с вывихнутой ступней.

По речке Кизыр до устья Таски, где возвышался голец Чебулак, шли на долбленках, которые сделали тут же из толстых тополиных стволов, затем, по расширившемуся руслу — на плоте. На одном из порогов плот разбился. Тонул Павел Зудов, его спасли. Стали сооружать еще один плот. Связывать бревна было нечем. Сняли пояса, срезали ремни с рюкзаков, использовали подвязки ичигов и даже белье… Прорвались!

Уходя из Черемшанки, геодезисты взяли с собой продуктов на три месяца. По истечении этого срока Пантелеймон Мошков и Степан Козлов должны были доставить продовольствие в заранее намеченный пункт. Уже заканчивался второй месяц, а от них никаких вестей не поступало. И вдруг как-то вечером геодезисты внизу, на берегу речушки, заметили костер. Осторожно пошли в разведку. У костра, прикрывшись рваными телогрейками, спали двое. Это были Мошков и Козлов, полураздетые, исхудалые, измученные… Убедившись в том, что из-за состояния аэродрома продовольствие, одежду, инструменты невозможно доставить, они решили догнать отряд и сообщить товарищам о сложившейся ситуации. Рассчитывали, что сделают это за четыре дня, но вот уже прошло одиннадцать…

Пять дней они ничего не ели. Мошков бережно, на веревочке, носил левую руку, перевязанную грязной тряпкой. Сняли этот «бинт» и увидели распухший почерневший большой палец. Вообразили, что это надкостный нарыв, стали наперебой демонстрировать медицинские знания — чем-то мазали, прикладывали листья разных растений. И всякий раз, перебинтовывая, убеждались, что положение ухудшается, разрастаются и опухоль, и чернота. Пантелеймон не выдерживал боли, не спал. Тогда было произнесено это страшное слово — гангрена. А это означало…

Обязанности хирурга взял на себя Федосеев. Все знали, что коробка с мединструментом была частью поклажи, которую должен был доставить самолет. Стали точить охотничий нож, готовить шелковые рыболовные лески, обыкновенные швейные иглы — прокипятили, промыли спиртом. Мошков взмолился:

— Григорий Анисимович, лучше руби топором…

Руку накрепко привязали к дереву. Федосеев отрезал первую фалангу. Мошков не почувствовал боли, не выступила кровь. Значит, половина пальца уже была мертва. Пришлось отсекать еще одну фалангу. Больной закричал, брызнула кровь. Обработали йодом, забинтовали. Пантелеймону выдали «наркотическое» — полкружки спирта. Он впал в забытье.

А какова судьба экспедиции? Продукты на исходе, спичек мало, одежда и обувь изношены. Кормиться придется только за счет охоты и рыбалки. Но и

запас патронов тает, их вынуждены выдавать по счету самым метким. Федосеев поставил перед коллективом вопрос: несмотря ни на что идти вперед или поворачивать назад? Все до одного высказались за то, чтобы продолжать поход.

И снова беспокойные дни и ночи, преодоление скал и рек, на каждом шагу — ловушки, опасности. И все-таки вот он, центральный узел Восточных Саян. Но было ясно, что кому-то придется добираться до Новосибирска и снаряжать самолеты, которые бы сбросили так необходимый груз. Добровольцем вызвался Мошков, который окончательно выздоровел. С ним отправлялись Околешников, Богодухов, Берестов. Рано утром двенадцатого июня две лодки оттолкнулись от скалистого берега.

В хлопотах стремительно летели дни. В назначенный день группа поднялась на вершину Кинзилюка, где договорились встречать самолеты. Из березовой коры выложили огромную букву «Т», развели костры. Небо было ясным и тихим. Но ни в тот день, ни в последующие несколько моторы не нарушили спокойствия горной страны. Значит, и на сей раз — неудача. Никаких возможностей продолжать маршрут не оставалось. Но люди, ослабевшие и оборванные, решили во что бы то ни стало оседлать главный пик Восточных Саян — Грандиозный. И сделали это, установили геодезический знак. Спустились с трехтысячеметровой высоты, вышли к реке Негота. На третьи сутки увидели собачонку, а вскоре и барак. В нем находились две семьи старателей, а также начальник приискового управления и сборщик золота. Тут геодезисты получили несколько телеграмм. Содержание одной из них ошеломило:

«Из Новосибирска Прииск Караган Саянская экспедиция Федосееву — Мошков и Околешников шестнадцатого июня погибли порогах Кизыра тчк Богодухов и Берестов тяжелом состоянии доставлены рыбаками больницу поселок Ольховка зпт сообщению врача их здоровье улучшается тчк».

Впоследствии товарищи по экспедиции узнали подробности трагедии. Шедшие первыми, Мошков и Околешников увидели выступающую из воды скалу, поняли, что смертельный удар неизбежен, крикнули товарищам:

— Берите вправо!

Богодухов и Берестов направили лодку к берегу, но она все-таки ударилась о валун, раскололась. Люди чудом добрались до берега. Один с поврежденным позвоночником, другой с перебитыми ногами семь суток ползком продвигались вперед…

Транспорт с материалами и продовольствием все-таки пришел. Отряд продолжал путь.

Спустя десятилетие, в сорок девятом году в редакцию журнала «Сибирские огни» пришел объемистый пакет. Главный редактор Савва Кожевников, ознакомившись с письмом, передал его Кондратию Урманову и попросил связаться с автором и помочь ему подготовить рукопись для публикации. Знаменитых в то время писателей заинтересовали и тема, и герои, и литературный стиль автора, обладающего несомненным талантом. Завязалась переписка. Кон-

верты с Дальнего Востока шли один за другим. Урманов подготовил двенадцать рассказов, которые были опубликованы в журнале и в 1950 году выпущены Новосибирским издательством отдельной книгой «Таежные встречи». В следующем году вышли в свет записки «Мы идем по Восточному Саяну».

— Как-то мы ехали с Григорием Анисимовичем в одном купе от Новосибирска до Тынды шесть суток, — вспоминает П.А.Карев. — Он не расставался с толстой тетрадью, постоянно что-то писал.

Федосеев, страстный путешественник и любитель природы, более тридцати лет вел дневник. Он делал записи в палатке, рано утром у костра, когда еще спали товарищи, или прислонившись спиной к кедру, на плоту, на тысячеметровых гольцах… В тетрадях и блокнотах велся непрерывный рассказ о производственных делах и проблемах, о друзьях-товарищах, для которых героическая жизнь стала буднями, о таежном мире. Все это послужило основой его художественных произведений. Первые рассказы были опубликованы, когда ему исполнилось пятьдесят лет. А к шестидесятилетию он стал известным автором. Его произведения «Пашка из Медвежьего лога», «Злой дух Ямбуя», «В тисках Джугдыра», «Смерть меня подождет» печатались не только в отечественных центральных, республиканских и областных издательствах, но и в Англии, Франции, Германии, других странах. Его товарищи — самые обыкновенные, простые люди: инженеры, рабочие, конюхи и даже воришки, способные на подвиги, на благородные поступки, на самопожертвование, — стали героями его повествований. Люди чести, люди долга, бесхитростные и бескорыстные, готовые без раздумий рисковать своей жизнью ради спасения товарища, полюбились миллионам читателей разных стран и наций.

После саянского похода Федосеев возглавил Нижне-Амурскую геодезическую экспедицию, еще четыре года «раскрашивал» последние «белые пятна» на восточной окраине страны. И когда полностью выполнил задание по созданию высокоточной государственной карты, когда сделал все что мог для присоединения несметных сокровищ Сибири и Дальнего Востока к народным фондам страны, он ушел на пенсию. Для того, чтобы целиком отдаться писательскому труду, чтобы и свои душевные сокровища оставить людям.

В январе 1959 года новосибирцы торжественно отметили шестидесятилетие Григория Анисимовича Федосеева. Съехались геодезисты, астрономы, картографы, геологи, писатели, присутствовали представители государственных учреждений. Были в зале и рядовые экспедиций, которые добирались до железнодорожных станций и аэродромов на нартах. И старые друзья с радостью отмечали, что он еще молод и энергичен, что серебряные паутинки еще только слегка подкрасили виски.

А через пять лет в Краснодар, где жил тогда Федосеев, пришла горькая весть — умер его любимый герой Улукиткан. Умер человек, о котором писатель сказал: *Для меня прожитые вместе с ним годы были академией.* Этого эвенка знали еще военные топографы царской армии, он был их проводником. Но никогда он не совершал таких рискованных переходов, которые пришлось де-

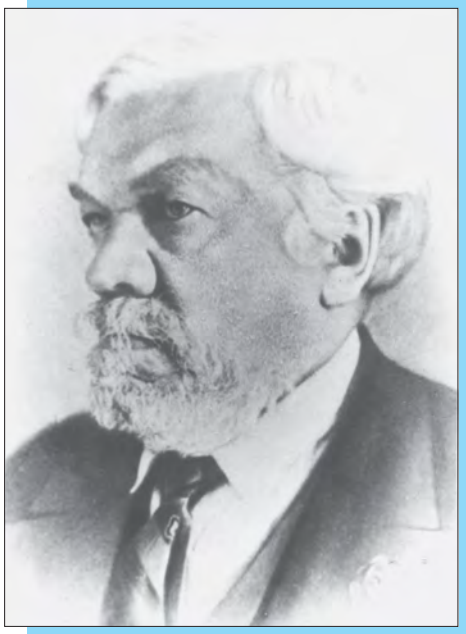
лать с Федосеевым, — боялся злых духов. Подружившись с инженером, поверив ему, шел в самые гиблые места. Находил старые звериные тропы, показывал наиболее удобные и, наверное, единственные пути, которыми можно преодолеть хребты. По изменениям в поведении птиц и зверей предугадывал грозу или пургу. Спасал от верной гибели геодезистов и астрономов, а бывало, что и весь отряд целиком. Не расставался с первопроходцами до глубокой старости. В произведениях Федосеева живут его крылатые слова: «Мать дает жизнь, годы — мудрость», «Когда мяса нет, то и вчерашние кости хороши», «Если голова худой, сила не помогает», «Сколько не бей оленя, сохатым не станет» и много, много других. И вот на девяносто втором году жизни он ушел…

Я счел своим долгом написать об Улукиткане повесть, поставить памятник на могиле этого великого труженика и сделать этот памятник своими руками, — писал Григорий Анисимович. Он приехал в поселок Бомнак, стоящий на берегу Зеи, на могиле старого следопыта соорудил четырехгранный железобетонный тур, какие ставят геодезисты на горных пиках, вмонтировал чугунные плиты. На одной из них — литые слова: *С тобой, Улукиткан, геодезисты и топографы штурмовали последние белые пятна на карте нашей Родины.*

Федосеев сдержал слово, написал повесть «Последний костер» — душевное, мудрое, видимо, свое лучшее произведение. Но опубликованным его не увидел. Он умер 29 июня 1968 года. Сердце не выдержало чрезмерных нагрузок. Урну с прахом захоронили у пика Грандиозного, как и завещал писатель. Перевал по предложению общественности и решению правительства на карте страны обозначен как перевал Федосеева. У П.А. Карева хранится копия письма супруги писателя Е.И.Федосеевой, в котором она сообщала, что именем Григория Анисимовича названы перевалы на Кавказе, на Памире. В Новосибирске на доме 35 по Красному проспекту установлена мемориальная доска. В Октябрьском районе имя Федосеева носит одна из улиц.

Если бы в эти дни жил мудрый Улукиткан, он бы сказал: *Гольцы из множества книг некоторых нынешних писателей со временем развеются прахом, а произведения Григория Анисимовича — героические, бесхитростные, целомудренные — воскреснут, как могучие кедры в мертвом лесу близ Черемшанки.*

Геннадий САССА



Окрыленность

Видимо, так уж предначертано звездами, что Новосибирску суждено было стать одним из тех городов на планете, с которыми связано освоение человеком небесного и космического пространства. Здесь работал прародитель космических проектов Юрий Кондратюк, здесь закончил свой земной путь ученый, стоящий у истоков развития мировой авиации — Сергей Чаплыгин. Судьбы двух выдающихся людей, обогнавших время, в которое им выпало жить, переплелись с историей сибирского города.

В начале 20 века еще не существовало ни одной области техники, где можно было бы воспользоваться теоретическими открытиями Чаплыгина. Но уже тогда один из дальновидных его современников замечательный ученый Климент Тимирязев, присутствовавший при защите док-

торской диссертации 33-летнего соискателя ученой степени под названием «О газовых струях», сказал ему:

— *Я не понимаю всех деталей вашего исследования, которое лежит далеко от моей специальности, но я вижу, что оно представляет вклад в науку исключительной государственной ценности.*

Чутье не обмануло великого естествоиспытателя. Исключительную важность открытия молодого математика подтвердили первые попытки создания летающих машин, которые, собственно, и стали возможны благодаря идеям Чаплыгина, его учителя Жуковского и их коллег. В 1935 году на Всемирном конгрессе в Риме, посвященном вопросам больших скоростей в авиации, без ссылок на работы русского ученого не обходился ни один докладчик, его открытия были признаны крупнейшим вкладом в мировую науку.

Самому Сергею Алексеевичу исполнилось к тому времени уже 66 лет. Он возглавлял Центральный аэродинамический институт (ЦАГИ), по-прежнему занимался наукой, вел активную преподавательскую и хозяйственно-административную работу и даже не предполагал, что через несколько лет судьба забросит его далеко от Москвы, в молодой сибирский город. Позади были годы, наполненные творческими озарениями и житейскими проблемами, годы горьких утрат и заслуженного признания. Казалось, совсем недавно он, студент второго курса физико-математического факультета Московского университета, внимал речам знаменитого профессора Николая Егоровича Жуковского.

— Галилей однажды сказал: легче узнать законы движения светил небесных, чем движения воды в ручейке! Так оно и есть! — Жуковский посмотрел на молодые лица студентов, как бы призывая их в свидетели галилеевской истины.

— Природа любит простоту, — высказал свое мнение Сергей. — Если у нее спрашиваешь верно, она ответит просто.

— Значит, Галилей не умел спрашивать! — насмешливо крикнул кто-то, все рассмеялись и начали расходиться. Профессор пошел рядом с Чаплыгиным.

— Нет, вы хорошо сказали, коллега. Верно спросить — наполовину ответить. Вы, кажется, с моего курса? Как ваша фамилия?

Чаплыгин назвал себя. Так произошло знакомство этих двух замечательных людей, переросшее затем в крепкую дружбу. У них было много общего: взгляды на жизнь и роль науки в ней, человеческая открытость и порядочность, их объединяла одна мечта — чтобы человек обрел крылья и мог летать высоко и свободно. Они были настоящими единомышленниками, что нашло отражение даже в научном термине. Специалисты хорошо знают, что такое постулат Чаплыгина-Жуковского — формула, без которой было бы невозможным развитие авиации.

Николай Егорович Жуковский еще в 80-х годах XIX столетия уверенно заявил: *Человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего*

разума. Он первым приступил к исследованиям по авиации, тогда еще отрасли чисто теоретической. Опираясь на опыты, Жуковский раскрыл миру тайну летающего тела, разъяснив все, что происходит с предметом в воздухе. В 1906 году ему удалось найти ответ на вопрос, мучивший человечество несколько тысячелетий — откуда берется подъемная сила у крыла и как ее теоретически выразить. Но воспользоваться этим открытием люди не смогли бы еще долго, если бы рядом с «отцом русской авиации» не оказалось его лучшего ученика и сподвижника, блестящего математика Сергея Чаплыгина.

На одном из заседаний секции воздухоплавания, объяснив студентам, как возникает подъемная сила крыла и начертив на доске формулу, Николай Егорович с улыбкой сожаления добавил:

— Воспользоваться этой теоремой нельзя, для этого нужны аэропланы, а их пока практически не существует…

Слушатели понимающе засмеялись, зааплодировали. Лишь Чаплыгин сидел в задумчивости. Слушая лекцию, как всегда за ним замечалось, с полузакрытыми глазами, словно в полудреме, он неожиданно пришел к мысли, что формулу можно решить и без аэроплана, чисто аналитическим способом.

— Разность давления сверху и снизу крыла при его движении дает подъемную силу, — с жаром сказал Сергей, отведя профессора в сторону после доклада. *— Значит, увеличивая скорость частиц воздуха на верхней поверхности крыла и уменьшая ее в нижней, можно увеличить подъемную силу.*

И он выдвинул мысль о так называемом добавочном циркулярном потоке частиц воздуха, стекающих с верхней поверхности у задней острой кромки крыла, которая дала возможность применить теорему Жуковского для задач практической авиации и легла в основу современной технической аэродинамики. После этого в России был построен первый летательный аппарат, который на международной выставке воздухоплавания в 1912 году получил золотую медаль. Как они тогда радовались!

Теперь, больше двадцати лет спустя, Сергей Алексеевич, уже сам старший среди коллег —ученых и конструкторов. Похоронив в 1921 году своего замечательного учителя, он возглавил научный центр авиации, созданный Жуковским в 1918 году. Институт, под крышей которого шло бурное развитие теоретической механики, самолетостроения, еще переживал годы своего становления. Не хватало элементарного: оборудования, материалов, лабораторий. Остро стояла необходимость расширения научного центра. Но на это требовалась гигантская сумма — не менее полумиллиона рублей. Обратиться с такой сметой в правительство, когда страна требовала огромных расходов на восстановление самых необходимых отраслей народного хозяйства, казалось просто немыслимым. Надо сначала доказать, что молодой институт имеет право на получение денег, что они будут растрачены не напрасно. В журнале «Техника Воздушного Флота» начинают ежемесячно появляться статьи, рядом с ав-

торскими подписями которых неизменно стоит еще многим незнакомая аббревиатура «ЦАГИ».

Были среди них и работы самого Чаплыгина. Взвалив на себя груз администраторских и хозяйственных забот, он не забывал о главном деле своей жизни — науке. Стала крылатой его фраза: *Научный труд — не мертвая схема, а луч света для практиков.* Сергей Алексеевич обладал удивительной способностью выдвигать и разрешать теоретические задачи, которые еще не были сформированы авиационной техникой. Он как бы заранее предугадывал их, и каждая его работа сразу после опубликования становилась необходимой для инженеров и конструкторов.

Будучи теоретиком в науке, в жизни Чаплыгин был очень практичным и деловым человеком, хотя в доме у него не было даже молотка. Практическая его сметка воплощалась не в мелких житейских заботах, а в делах глобальных. Как руководитель строительной комиссии при возведении крупнейших сооружений ЦАГИ, на которые правительство выделило миллион рублей, он с дотошным вниманием относился ко всему, вплоть до мелочей. По завершению строительства Московский институт аэрогидродинамики стал одним из крупнейших в этой отрасли научно-исследовательских центров мира, а по мощности аэродинамических труб даже превосходил их. Конструкторы и инженеры страны получили широкую возможность проводить на этой мощной базе эксперименты и испытания не только самолетов. Здесь «обкатывался» проект Днепрогэса, в сооружение которого, кстати, тоже вложена частица научного озарения Чаплыгина, создавшего теорию струйного движения жидкости и безвихревого обтекания твердого тела. Конструировали в ЦАГИ и ветродвигатели, а позднее — элементы космической техники.

Немногим, прокладывающим новые пути, выпадает при жизни получить заслуженное признание. Сергею Алексеевичу в этом плане, можно сказать, повезло. Его ценили и уважали не только коллеги. Он награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, а в феврале 1941-ого, когда торжественно отмечалось 50-летие научной деятельности Чаплыгина, ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. Это был первый в истории страны случай, когда такое звание присваивали ученому, тем более теоретику.

Казалось бы, добившись столь высокого признания, можно почивать на лаврах. Но не таков был у Чаплыгина характер. Когда началась война и Москва стала подвергаться вражеским бомбежкам, он наотрез отказался выехать вместе с другими академиками в один из санаториев Казахстана, считая своим долгом оставаться в ЦАГИ. Столицу Сергей Алексеевич покинул только тогда, когда враг подступил к Москве, — последним пароходом направился с семьей в Казань, а затем дальше, в Сибирь.

Октябрь 1941 года в Новосибирске выдался снежным и студеным. По двум вычищенным в центре улицам — Красному проспекту и Ленина, имев-

шим вполне городской вид, гуляла метель, а за ними, в глубине, просторно стояли за заборами, утопая в снежных сугробах, одноэтажные деревянные дома. Над городом уже опускались ранние зимние сумерки, когда на станцию прибыл очередной эшелон с эвакуированными, в котором, как знало местное руководство, находился и академик Чаплыгин. Встретили московских гостей радушно. Сергея Алексеевича с семьей сразу же отвезли в гостиницу, остальные работники ЦАГИ, нагруженные чемоданами и узлами, направились по узким тропинкам, проложенным среди сугробов, к общежитию авиационного техникума, где им предстояло разместиться.

Впереди их ждала напряженная работа. Постановлением Государственного комитета обороны СССР в Новосибирске предписывалось создать вторую в стране научно-исследовательскую базу авиации — филиал Центрального аэродинамического института имени Жуковского. Около пятисот ученых, инженеров, рабочих ЦАГИ приехали сюда из Москвы, доставив демонтированное оборудование и техническую документацию на первоочередные сооружения нового института. Возглавлял группу С.А. Чаплыгин.

Сергею Алексеевичу шел тогда уже семьдесят третий год. Что каждого поражало при встрече с ним, так это лицо. Вот как вспоминают современники ученого: характерные крупные черты, не очень ровная бородка, несколько насупленные брови, суровое сосредоточенное выражение. Но весь облик в целом и особенно посадка головы создавали впечатление обаятельной выразительности и своеобразия. Чаплыгин всегда ходил с высоко поднятой головой, которая при не очень крупной фигуре представлялась несколько большой. Несмотря на довольно суровую внешность, Сергей Алексеевич был чрезвычайно отзывчивым человеком, добрым, мягким, хотя и принципиальным в то же время, как отмечает один из его сподвижников.

В первые же дни своего пребывания в Новосибирске академик активно включился в работу. Уже на следующий день после приезда в гостиничный номер, где он остановился, то и дело заходили посетители: одни с деловыми соображениями, другие — предложить помощь, третьи — просто засвидетельствовать почтение. «Большая» наука пришла в Новосибирск гораздо позднее, и выдающийся московский ученый стал, можно сказать, первой ласточкой, предвосхитившей ее широкие перспективы в Сибири.

Сам Чаплыгин был родом из небольшого уездного городка с европейским названием Раненбург Рязанской губернии. Того самого, где любимец Петра I Александр Меньшиков построил на горе игрушечную крепость с пятью воротами, соответствующими пяти чувствам — зрению, слуху, вкусу, осязанию и обонянию. Ворота осязания смотрели на Воронеж — именно в этот город после смерти отца — молодого купца Алексея Тимофеевича, подкошенного холерой в 24-летнем возрасте, — приехали Сережа с матерью Анной Петровной, здесь прошло его детство.

Большеголовый мальчуган с внимательными глазами, не падкий на детские шалости, он ранних лет удивлял мать и отчима своей серьезностью, а для младших братьев и сестер был непререкаемым авторитетом. В 1877 году, когда Сергею исполнилось восемь лет, ему купили большую фуражку с серебряным гербом, серую куртку, длинные брюки, новую шинель с серебряными пуговицами и синими петлями, ранец — снарядили на учебу. Так, отправившись по длинной Дворцовой улице в Воронежскую классическую гимназию, начал свой путь в науку юный Чаплыгин, чтобы идти по нему всю жизнь.

Способностями ума он поражал не только сверстников, но и преподавателей. *Сознавая пользу учения, питает к нему необыкновенную любовь*, — отмечалось в решении педагогического совета. Учеба давалась Сергею легко. Готовясь к урокам или экзаменам, ему совершенно не нужно было, как другим, повторять пройденное — он без этого помнил все, что читал ранее или слышал от учителей. Как-то уже в студенчестве он на пари дважды прочитал учебник химии, а затем повторил его слово в слово. Это замечательное свойство своей памяти Чаплыгин сохранял в течение всей жизни, чем очень гордился. Достаточно было в его присутствии что-нибудь рассказать, привести какую-то формулу, дату, номер телефона, чтобы много лет спустя, при случае, услышать от него точное воспроизведение сказанного.

И работу в Новосибирске Сергей Алексеевич начал с того, что утвердил в своей памяти все имена, должности, адреса и телефоны нужных ему людей. Почти сразу после приезда, взглянув на отведенную для постройки института территорию, познакомившись с людьми, он взялся за дело. Уже через несколько часов все знали, кому что делать, все задвигалось. Не потерявшая стройности фигура академика, крупная голова с шапкой седых волос возникали то на стройплощадке, то в авиационном техникуме, то в обкоме партии. Что характерно, он абсолютно одинаково относился ко всем, с кем сталкивала его работа или житейские вопросы, будь то высокий начальник, коллега-ученый или простой рабочий. Каждого умел выслушать, при необходимости подсказать выход из сложного положения, помочь. При этом никогда не давал почувствовать, что заботы, тревожащие собеседника, пустяки по сравнению с проблемами, над которыми работает он сам.

Возведение лабораторий в Новосибирске напоминало Чаплыгину его первый опыт в строительстве. До сих пор в Москве, там, где больше века назад был пустырь, называемый Девичьим полем, стоит великолепное университетское здание, построенное по инициативе и под руководством Чаплыгина для Московских высших женских курсов. Сергей Алексеевич руководил ими много лет, одновременно читая там лекции. Это первое в России высшее учебное заведение для женщин, появившееся благодаря стараниям научной общественности Москвы, существовало, в основном, за счет платы, вносимой студентками, и небольшой субсидии от министерства просвещения и ютилось в двух квартирах жилого дома. Мечта о собственном здании казалась абсолютно не-

реальной. Но математический гений Чаплыгина, видимо, подсказал ему пути решения этой почти фантастической задачи. Хотя, конечно, сыграло роль и человеческое обаяние Сергея Алексеевича, его целеустремленность и настойчивость в достижении цели.

Ему удалось добиться постановления Московской городской думы об отводе земли под постройку здания. После чего, имея на руках всего 60 тысяч рублей, в десятки раз меньше, чем требовалось для строительства, профессор смог не только начать работы на объекте, но и успешно их завершить, проявив при этом предприимчивость, какую редко можно наблюдать у людей, углубленных в науку. Прежде всего, он отправился в Земельный банк и заложил участок, отведенный под постройку. Полученной под залог суммы хватило на возведение первого этажа. Далее Чаплыгин добился выделения ссуды в Городском обществе взаимного кредита, а достроив на эти средства здание, заложил его целиком в Государственный банк и таким образом расплатился с прежними долгами и выполнил свою задачу.

Конечно, проблемы решались не так гладко и быстро, как «сказка сказывается». При обсуждении в Гордуме, например, вопросов постройки здания разгорелись такие бурные прения, что даже звучали требования отдать директора курсов под суд за незаконный залог государственного земельного участка. Но слышались и другие реплики:

— Молодец директор!

— За что судить? Все так делают!

Когда позднее Сергею Алексеевичу напоминали об этих событиях, он только посмеивался. Но в тот момент, когда они происходили, ему было не до смеха.

Вообще Чаплыгин при всей глубине его научных изысканий мало напоминал «ученого мужа». Человек открытый, эмоциональный, увлекающийся, умеющий радоваться жизни, он дважды был женат, обожал детей. Любил музыку, хорошо играл на гитаре, замечательно пел. Не случайно его дочь Людмила, обладая несомненными математическими способностями, все же, несмотря на первоначальное неодобрение отца, предпочла науке искусство — она стала балериной. В столичной жизни замкнутые рамки научной лаборатории были явно тесны для такого человека-глыбы, как Сергей Алексеевич. Он постоянно был в гуще общественных дел, его окружало множество знакомых. С Жуковским они общались почти как родственники, дружили семьями. Всегда желанными гостями в доме Чаплыгина были Климент Тимирязев, Иван Сеченов, Владимир Вернадский, другие замечательные ученые, составляющие и ныне славу российской науки.

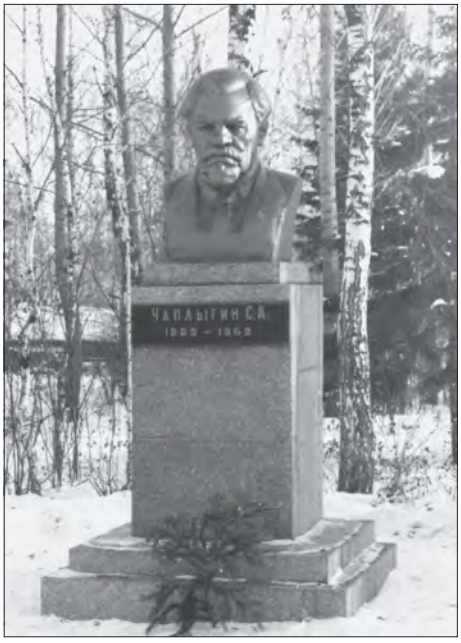
Уже один только перечень должностей и регалий Чаплыгина дает понять, насколько энергичным и многогранным был этот человек: доктор прикладной математики, действительный член АН СССР, член Московского общества воздухоплавания, секретарь Московского математического общества,

почетный член Московского общества испытателей природы, председатель Центрального научно-технического совета НТО ВСНХ, председатель Всесоюзной ассоциации математических учреждений, директор Московских женских курсов, преподаватель Московского университета, ректор 2-го Московского государственного университета, профессор механики лесотехнического института, заместитель председателя коллегии Кучинского аэродинамического института, член Комиссии особых артиллерийских опытов при Главном артиллерийском управлении, директор, председатель ученого совета ЦАГИ…

В Сибири Сергей Алексеевич тоже являлся не только научным руководителем филиала аэродинамического института. В конце января 1941 года его избирают председателем научного комитета ученых Новосибирска, назначают членом редколлегии журнала «Техника Воздушного Флота», председателем ученого совета филиала ЦАГИ. Он участвует во всех общегородских собраниях, активно призывает научных работников города сконцентрировать свое внимание на актуальных задачах, имеющих непосредственное народнохозяйственное и оборонное значение. И далеко от привычной Москвы Чаплыгин чувствовал себя на своем месте.

После уютных московских кабинетов работа в суровых сибирских условиях некоторых выбивала из колеи. Но Сергей Алексеевич, казалось, не замечает ни холода (здание авиационного техникума, где размещался его кабинет, почти не отапливалось), ни бытовых неудобств (первое время его семья жила в гостинице, затем переехали в просторную квартиру на улице Фрунзе,8). Он продолжает научную работу — вместе с сыном Юрием он пишет статьи, ежедневно занимается вопросами строительства. Будучи

Аэродинамическая труба Т-203 в Сибирском НИИ авиации им. С.А. Чаплыгина



человеком очень честным и твердым на слово, он недоумевает по поводу строителей: «Как же они не выдержали срок? Ведь сами же его назначили?»

«Решение ГКО N519 от 19 августа 1941 г. о постройке лаборатории с пуском ее в эксплуатацию в мае 1942 года не реализовано, — с беспокойством пишет он секретарю Новосибирского обкома ВКП (б) Кулагину. — …При нынешней практике финансирования, снабжения материалами и назначения объемов строительных работ по кварталам нет никаких перспектив пуска в ход лаборатории в практически целесообразные сроки».

«По-видимому, трест считает, что строительство аэродинамической трубы ЦАГИ является непервостепенным, — снова бьет ученый тревогу через несколько месяцев. — Я считаю, что такая точка зрения совершенно неправильна. Прошу принять следующие меры: увеличить число арматурщиков на 4 человека к 2.IX-42 г., увеличить число плотников на 15 человек к 3.IX-42 г., доставить 35 куб.м деревоплиты к 3.IX-42 г., 60 тонн цемента к 5.IX-42 г…».

Во второй половине сентября рабочих и специалистов стали посылать в колхоз на уборку картошки. Сергей Алексеевич попросил срочно соединить его с секретарем обкома и, поздоровавшись, тут же круто начал разговор:

— Стройка стоит, материала нет…

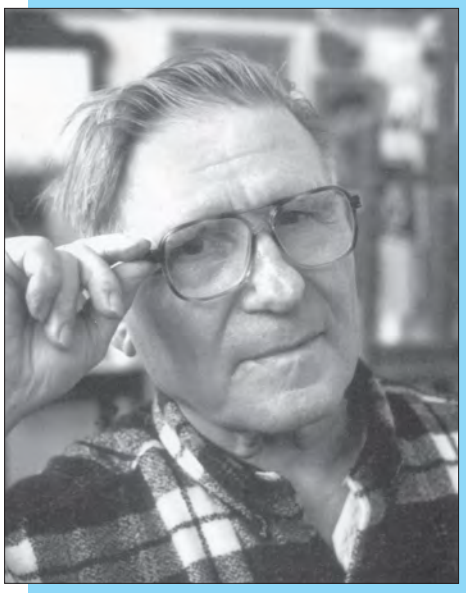
В этот же день в бодром настроении и как всегда приветливо Чаплыгин встречал в своем кабинете начальника лаборатории, только что приехавшего из Москвы. Они сидели за столом, гость рассказывал о событиях в столице, о попутчиках. Сергей Алексеевич слушал внимательно, полузакрыв глаза, как он обычно делал. Но вдруг уронил голову на стол и начал медленно сползать со стула. Кровоизлияние в мозг — определили врачи. 8 октября 1942 года Чаплыгина не стало.

Оборвалась жизнь, сравнимая с высоким полетом. Отдавая все свои мысли, знания и силы тому, чтобы человек обрел крылья и покорил воздушное пространство, Сергей Алексеевич сам был из тех людей, которых принято называть окрыленными. И то, что свой мощный стремительный полет великий ученый завершил на новосибирской земле, по-своему символично. Через десять с небольшим лет после его смерти именно здесь начал расти крупней-

ший за Уралом научный центр, основателями которого стали не менее гениальные, чем он сам, ученики Чаплыгина, которых он ценил и уважал, — Михаил Лаврентьев, Сергей Христианович и другие.

…Похоронили ученого на территории строящегося института. В 1961 году в сквере, недалеко от могилы, установлен его бюст работы новосибирского скульптора Лилии Бурлаковой. Имя Чаплыгина носит сегодня и сам Сибирский НИИ авиации, а также одна из центральных улиц Новосибирска. Память об этом замечательном человеке увековечена в названии его родного города в Рязанской области, в мемориальном комплексе «Квартира-музей С.А Чаплыгина» и в памятниках в Москве, его именем назван кратер на обратной стороне Луны.

Галина ТРОИЦКАЯ



Три жизни Вениамина Чебанова

На войне лейтенант Чебанов несколько раз бывал на волосок от смерти, но — везло, оставался живой, отделывался ранениями, контузией. Знать, судьба оберегала будущего художника, чтобы следующие поколения смогли лицезреть в его работах беспощадный лик войны.

...Много позже, на дне рождения сына Анна Федоровна выскажет ему свое пожелание:

— Три жизни тебе прожить, Веничка! Одну свою и по одной за каждую спасенную душу...

Совсем недавно Чебанов спас трехлетнюю девчушку, вытащил ее за платьице из водоворота. А первую душу — раненого, истекающего кровью немца — он подобрал на обочине дороги зимой 44-го и доставил в госпиталь, мать знала об этом из его рассказов.

В то военное время карандашные зарисовки фрагментов боев, лиц товарищей и поверженных врагов накапливались в полевой сумке. Тогда он еще не мог точно сформулировать все, что по-

нимал наитием. Разве на пороге двадцатилетия раздумываешь о сути бытия, предназначении человека, мере его сил, возможностей и ответственности перед другими людьми за каждый свой день и поступок? Это потом сознание Вениамина Карповича с помощью Богом данного таланта «переварит» войну пером, резцом и кистью так, что перед полотнами этого художника едва ли ни каждый «услышит» эти вечные вопросы.

Само по себе любое художественное дарование — лишь подарок судьбы. Необходимое, но недостаточное условие для проявления таланта. Мастерство вообще — производное ума, души и жизненного опыта.

И вот что странно: именно на войне, абсурдной по своей сути, начинающему художнику дано было постижение сути добра и зла во всех их многочисленных оттенках. Сегодня все это нашло отражение в его графических и живописных работах: «Говорит Совинформбюро». «Прощание», «Привал…», «Атака», ставший графической классикой лист «Победа»...

Откуда у 19-летнего солдата эта зоркость души и гражданский пафос, психологическая точность момента и ситуации, нашедшие потом отражение в его полотнах?

— *Первым художником в нашей семье,* — неизменно утверждает Вениамин Карпович, — *был мой отец. А «патриотический дух», должно быть, достался мне от дядьки Павла Диевича — старшего из братьев Чебановых. Это был первый «сибиряк» в украинской семье. Еще в 1905 году сослан сюда за революционную деятельность. Да и отец художника, в юности проживавший в Херсонской губернии, носил прокламации. — Но не в этом дело,* — уточняет продолжатель славного рода. — *Главное, что все в родне были совестливыми, порядочными людьми. Свою хату не считали центром мира, и детей растили в соответствии со своими представлениями о семейной чести, патриотизме и служении Отечеству.*

От отца достались и верный глаз, точная рука и художественный вкус. Карп Диевич, до того как стал столярничать в паровозном депо станции Инская, уже был отмечен музами. С детства его зачаровывала скрипка. Столярное мастерство в нем словно жило с пеленок, и уже в юности он слыл мастером-краснодеревщиком. Вся мебель и утварь в родительском доме — произведения его рук. Но больше всего он любил ладить музыкальные инструменты. Заготовки для гитар, балалаек и домр уже после смерти отца художник перевозил потом с квартиры на квартиру как самое дорогое наследство.

Война скорректировала биографию целого поколения. Вместо гражданской профессии пришлось осваивать военную и Вениамину Чебанову, ставшему курсантом военно-пехотного училища. Но и там в нем угадали «художника», поручили всю оформительскую работу. Хотя не менее талантливым оказался Чебанов и в военном искусстве. Стрельба по «бегущему оленю» — только на «отлично»! Командиры усматривали в том снайперские задатки, опять же — точный глаз художника!

Это подметил потом и замкомполка военно-полевого училища. Перед отправкой выпускников на фронт Хасан Гиреевич Ефаев пригласил младшего лейтенанта к себе и, смущаясь, предложил: «Оставайся в училище… Художником. Война есть война, а у тебя талант…». Вениамина словно кипятком ошпарили. «Да как же я погляжу в глаза тому же Ване Плотникову, с которым рядом спали? Ты, мол, иди, Родину защищай, а у меня — талант?!». «Ладно. Береги себя!», — только и сказал комиссар.

Но беречь себя командиру на войне не положено.

— Обязанность у меня была такая, — рассказывает о своей «работе» на войне Вениамин Карпович, — поднимать солдат в атаку…

— А страх смерти?

— Не было у меня поначалу этого страха. Просто мысли такой не приходило, что тебя могут убить. Ранить — да, а убить? Молодые же были, а для молодости смерть — состояние противоестественное. Ну а потом … у меня со смертью «не сложились отношения». Много раз она примеривалась ко мне, но отступалась. Хотя я с нею в прятки не играл. На войне ведь командир поднимается первым и первым попадает на мушку. Особенно в пехоте.

Конечно, может, был то оптимизм молодости, подавлявший инстинкт самосохранения? Не так ли случилось под Опельном, когда его угораздило вторично попасть на «мушку». С криком: «В атаку!» он выскочил из окопа, поднявшись во весь рост. Это была тактическая ошибка. И первый урок: бесшабашная храбрость — сродни предательству. «Снесли бы тебе башку, — корил он себя, — одной боевой «единицей» в наших рядах стало бы меньше».

Солдат, что оказался рядом, стащил его в укрытие, как смог, заткнул рану. «Бери мой автомат, — скомандовал командир, — и давай в цепь! А мне оставь карабин».

Рука не поднималась, кровь заливала грудь, но Чебанов как-то выбрался из ямы и, извиваясь гусеницей, пополз. Странно, но он добрался до артиллерийских позиций. Видно, значение той операции было велико, когда на передовой оказался сам командующий артиллерией 39-й армии генерал-майор Дорофеев.

Истекающий кровью раненый командир еще попросил генерала помочь его солдатам снять вражескую огневую точку с кирхи, потом провалился в небытие.

Санбат, где на его глазах ножовкой отпиливали раненому солдату часть ноги под коленом и чулком задирали живую плоть, остался в памяти художника навсегда. Его боль, казалось, Чебанов испытал на себе.

Не знаю, сформулировал ли он тогда словами пронизывающую сегодня все его батальные полотна мысль, что любая война несправедлива. По отношению к человеку. Ведь люди рождаются для жизни, и праведно ли это — смерть за смерть? Неужели от Бога кому-то уготован такой удел — своей жиз-

нью заплатить за чьи-то преступления? Но ведь и твоя жизнь — не твоя только. Есть люди, для которых наша смерть — конец их счастья и покоя. Отцы. Матери. Дети. Любимые… Им достается рикошетом.

В картинах Чебанова остро ощущается это эхо войны. Бывало, накануне последнего боя он посылал чьей-то маме, по просьбе сына, карандашом рисованный дорогой портрет. И все парни на его рисунках были веселыми и мужественными. Потом смерть выбирала из них самого лучшего.

Каждый по-своему «читает» картины художников. Я именно так понимаю чебановскую «Мать» — одну из монументальных работ его цикла «Воспоминаний о войне», который он подготовил для своей первой персональной экспозиции накануне Дня победы в мае 1967 года. Спустя 20 лет после того, как он закончил свою войну, пройдя с освободительной миссией по военным дорогам Польши, Германии, Чехословакии, Австрии. На выставке представлено более ста работ: книжная графика, портреты, пейзажи… Но преобладали сюжетные композиции военной темы.

Этот вернисаж подготовлен двумя десятилетиями гражданского осмысления бытия, феномена Родины. Именно с большой буквы. Как великой и самой справедливой страны, которая победила именно силой духа своих сынов, веривших, что есть нечто более важное, чем твоя жизнь и смерть.

Примерно в таком контексте рождалось это монументальное произведение, которое профессиональная критика трактует как аллегорический образ Родины. Это, конечно, безошибочная оценка, ибо в художественном сознании слово «мать» стало неотъемлемым приложением — символом Родины. Но в простой, даже несколько приземленной фигуре женщины без возраста, в старом полушалке, страдания, возможно, даже больше, чем величия. И ее взгляд на запад, туда, где у горизонта угадываются уходящие на передовую эшелоны, ее согбенная спина выражают неподъемное горе. А скромный обелиск под пригорком трудно воспринять как символ памяти о великом подвиге Солдата Отечества. Скорее это — скорбная «зарубка» на земле, пометившая место исчезновения еще одной несостоявшейся жизни. Или нескольких… Такие захоронения теперь называют могилами Неизвестного солдата. И каждая мать, подобная этой, на полотне, не знающая, где покоится прах ее чада, считает какую-то из них последним покоем своего сына.

Противоречат ли друг другу эти два образа — величавый и приземленный — в картине Вениамина Чебанова? Думаю — нет. По-моему, это две стороны одной «медали». Одна сторона — «За Родину», вторая — «За Отвагу». И той, и другой достойна каждая мать, провожавшая военные эшелоны.

По всем законам социалистического реализма, эта драматическая картина проникнута духом оптимизма. Сквозь хмурое утро на востоке снова поднимается солнце.

Вспоминая войну, Вениамин Карпович говорит, что т а м его больше всего поразило, как сочетаются во времени и пространстве хрупкость жизни и стойкость духа. Как быстро человек «переналаживается».

— Только отобьем у врага какой-то населенный пункт, еще земля горяча и танки тлеют… Казалось, в этом аду уже не осталось ничего живого, но вдруг откуда-то появляются люди. Плачут и улыбаются. И тут же начинают обустраиваться. Подберут бесхозный котелок. А дети есть дети, смотришь, уже взгромоздились на разбитый танк…

Это настроение он передал в линогравюре «Конец войне», в которой можно, помимо жизнеутверждающей силы, при желании найти приметы умозрительности и излишнего умиления. Но я бы не взяла на себя смелость учить художника-фронтовика правде жизни, корректности переживаний. Тот «фердинанд», на котором ребятишки устроили качели, он не списал с чужой «картинки». «Но причем тут гуси-лебеди?», — возмущались некоторые. Так разве кто-то уже отменил право детства на мечту, символом которой они и воспринимаются?

Дети, подростки в творчестве Чебанова в основном представлены в портретах. Ему нравится угадывать будущую личность. Есть и сюжетные картины «детской» темы. Одна из них посвящена покойной Татьяне Романовне, супруге художника. Это память о послевоенной поездке в ее разрушенное детство. В деревню, которую немцы стерли с лица земли. На пепелище дома ее деда.

Долго гнали они тогда такси по запущенной дороге, чтобы найти в бурьяне несколько бугорков да старую вишню, которая сберегла для них с десяток сочных плодов. Посидели под деревом и вернулись. Но рассказ Тани о дедушке, его мельнице, их беседах на пригорке был так ярок, что скорее хотелось попасть в мастерскую и развести краски.

«Дед и внучка» — пожалуй, это камерная работа, но на выставках она приковывала внимание несовместимостью настроений оптимизма и …тревоги. Этой работой художник старается удержать в своих руках хрупкую нить связи поколений. За плечами деда — вся биография Родины, впереди у безмятежной внучки, уплетающей свежую вишню, — дороги неизвестного будущего.

Но между двумя этими полюсами творчества пролегла широкая полоса смакования терпкого вкуса жизни. Вернувшись с военной службы без специальности, молодой Чебанов устроился художником в ДК железнодорожников станции Инская. Он был счастлив уже от того, что — Мир! Что довелось встретить Таню, почти «фронтовую» подругу. Это ее он изобразил в одной из самых сильных своих работ — медсестрой в редкую минуту отдыха. Помните: молодая женщина устало привалилась к стенке окопа? Как была — в пилотке, только шинель не по форме, а свободно наброшена на плечи. Прекрасное, но очень усталое лицо, взгляд устремлен в себя.

Есть у Ольги Бергольц такие строки:

И я окликаю — ну где ты?
О, знал бы, откуда зовешь…

Это была девочка с трагическим прошлым. К 16 годам она испытала столько боли, что хватило бы на полноформатную жизнь. Сиротство. Детский дом под бомбежкой. Скитание по фронтовым дорогам под фашистским обстрелом. Унижение и голод — вот ощущения первых лет осознанной жизни. И как награда — любовь.

К мирной жизни привыкали вместе. Только Вениамин осмысливал новую реальность с помощью карандаша, кисти. А потом взялся за резец. Черно-белый рисунок войны отложил отпечаток на психику. Душа просила красок, полноцветия! Глаз выхватывал в обыденной жизни многозначные сюжеты. Душа просилась на холст, чтобы высказаться, оценить. Поразмышлять…

Чебанов все более осознавал, что должен учиться искусству художественного самовыражения. Ведь в багаже имелось лишь несколько уроков в кружке ИЗО 128-й средней школы, но у талантливого учителя — Александра Степановича Ботанина, позже художника-реставратора Третьяковской галереи. (Став художником, Чебанов напишет его портрет, в котором чувствуется преклонение перед Мастером).

Но это было потом. А пока Вениамин со скромным художественным багажом отправился в НИСИ. На архитектурный факультет.

Чебанов с детства силен в рисунке. Линия удавалась ему точно и выразительно. А тут, в институте, он попал на выучку к заведующему кафедрой рисования талантливому мастеру рисунка Александру Иосифовичу Беляеву. Оценив незаурядные способности студента, Беляев определил его к себе на кафедру, ассистентом. С соответствующей зарплатой, что было немаловажно для молодой семьи. Но однажды учитель вызвал студента на откровенный разговор, сделав ему неожиданное предложение:

— Знаешь, бросай-ка ты наш институт…ты же — способный художник. Что тебе делать в современной архитектуре? Ведь не графские особняки проектируют, переходим на индустриальное строительство. Тут только и надо — уметь чертить горизонтальные да вертикальные линии. И то не вручную…

Заметив недоумение на лице любимого ученика, сформулировал задание:

— Переходи-ка в Иркутское художественное училище. Я помогу с переводом…

Так, в 1954 году с рекомендательным письмом Беляева Чебанов был зачислен сразу на третий курс художественного училища, которое блестяще окончил. Правда, причитавшуюся ему, «красную корочку» он «уступил» товарищу. С помощью определенной хитрости он «подарил» ему свою «пятерку» по композиции. Друг собирался учиться дальше, а тридцатилетний «семейный» Чебанов не мог позволить себе дальнейшего образования.

Пожалуй, именно материальные соображения определили значительный этап его творчества, связанный с книжно-оформительской деятельностью и серьезным увлечением графикой. Она стала новым университетом. Чебанов много читает, заново открывает для себя Пушкина.

А познакомились они тогда, в 1944-м, когда Вениамин валялся в госпитале с тем страшным ранением в шейные позвонки. Лежать он мог только на животе, а перед собой, на уровне подбородка, ухитрялся держать растрепанный томик Пушкина, без конца и без начала. Только ранняя поэма «Братья-разбойники» оказалась в целости и сохранности. Он читал ее до бесконечности. С упоением, наслаждаясь каждым звуком, впитывая музыку стиха и восхищаясь дерзкими, точными и колоритными образами. Наверное, он их «видел», осязал чисто зрительно, специфическим восприятием художника. Мозг «сфотографировал» многостраничную поэму до запятой и сохранил навечно. Даже теперь, спустя более чем полвека после того пушкинского «урока», Вениамин Карпович охотно читает в застольях по просьбам друзей «Братьев-разбойников», хотя в кладовые его памяти с тех пор переместился почти «весь Пушкин». А сознание сотворило с ним такую штуку: Александр Сергеевич для него — реальный, живой человек, которого Чебанов знает и понимает.

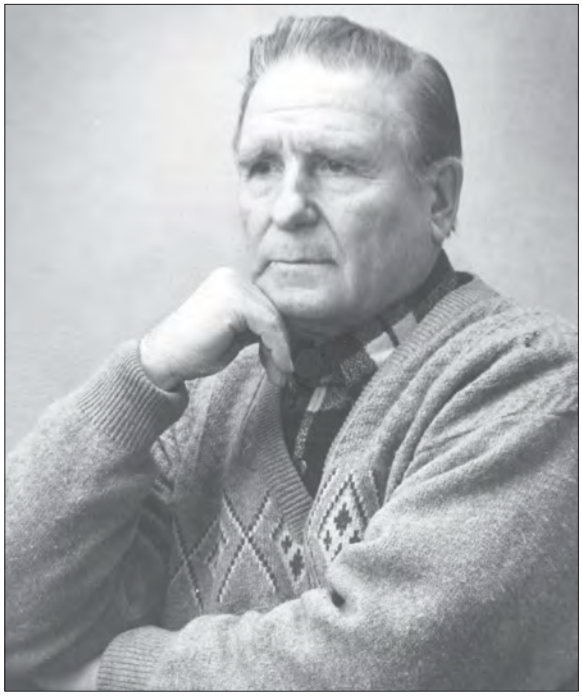
Пришел час, и художник создает триптих, представивший нам «своего» Александра Сергеевича.

Этот цикл появился на свет в пору безвременья, на грани восьмидесятых и девяностых годов, когда беспощадно крушили «социалистические ценности», сбрасывали с пьедестала всю социалистическую героику. Пошла мода на «развенчания». Все, чем гордились, втаптывалось в грязь. Отвергалось значение всей материальной культуры, созданной самоотверженным трудом советских людей за шесть десятилетий. Ряды ниспровергателей возглавила творческая интеллигенция. Началась ревизия искусства социалистического реализма, ярким представителем которой был к тому времени уже заслуженный художник РСФСР Вениамин Карпович Чебанов. Стала невостребованной самая плодотворная тема — свободного, вдохновенного труда. Для Чебанова она стоила десятилетий творческого удовлетворения. Ведь ему довелось испытать на собственном опыте силу коллективистского духа, в порыве которого можно преодолеть все: слабость, страх, даже инстинкт самосохранения.

Вот именно это знание, а не пропагандистский «долбеж», воодушевило художника на создание самого значительного творческого цикла — «Сибирь социалистическая», с которой он дебютировал на первых областных и первой республиканской художественных выставках. Кроме живописных, там представлены и лучшие графические работы.

Но и каждая «мирная» работа Чебанова — будь то графический лист или живописное полотно — по-прежнему проникнута несгибаемым духом народа-победителя. И в то же время кричит! о противоестественности войны. Разве не парадоксально словосочетание — «поле боя»? Ведь поле — это лоно матери-земли, кормилицы человечества. И ничего нет более величавого на земле, чем хлебный колос.

Об этом в публицистической манере, не чуждой некоторого пафоса, говорит линогравюра «Хлеб» из цикла «Земля и люди», созданного в 1969 году.



Земля-кормилица, представленная в стилизованной форме круглого и пышного хлебного каравая, с рекой и лесом на горизонте — это и щедрая нива, на которой дружно трудятся крестьяне, и былинный источник силы, и ласковая мать, на груди которой спокойно отдыхает притомившаяся жница.

Близка по стилистике этой работе и монументальная линогравюра этого цикла «Родина». Та же, что и в «Хлебе», гармония круга, повторяющегося на воде. Только величественная фигура мужчины с ребенком на плечах, его налитые силой крутые плечи придают лирической картине приволья земли символическое звучание.

Мощная тема труда на благо Родины в творчестве Чебанова воспринимается неоднозначно. Сталевары, шахтеры, строители кисти этого художника несут на себе печать величия и, как говорилось, социалистического оптимизма. За этот пафос ему доставалось. Но разве не о таком празднике труда мечтали все фронтовики, на глазах которых фашисты рвали и топтали нашу землю, стремясь лишить великий народ будущего? А ведь графический цикл «Воспоминания о войне» представлен на многих всесоюзных и российских выставках, экспонировался за рубежом, в том числе в Италии и во Франции, и самая взыскательная публика отмечала в отзывах как достоинство мастера, а не как издержки социалистического реализма, конкретно-исторический аспект этих его работ.

Монументальность решения двух великих для художника тем — войны и мирного труда — не имеет ничего общего со стремлением приукрасить действительность. Да, война была черной, грязной, страшной работой, но наш народ выполнил ее на высоте подвига. И Чебанов в этом «не виноват». Его «вина» состоит в том, что своим небольшим гражданским опытом художник нравственно дозрел до восприятия величия простоты и естественности дел и поступков народа в пору испытаний на излом. Причем, публицистическая манера воспроизведения важнейших вех жизни народа-борца и созидателя никому не казалась выспренной. Напротив, первые же выставки, на которых пред-

ставлены произведения Чебанова, вызвали повышенный интерес к их автору как к большому мастеру большой гражданской темы, которую он решал искренно и страстно.

Отличительно то, что, отображая войну, он не акцентировал состояния ненависти к врагу. Это ведь издали да с расстояния времен враг не имеет лица и характера, абстрактное зло — без судьбы, без чувств. А там нередко сходились глаза в глаза вчерашние мальчишки. Раненые, каждый на своем языке, стонали «мама…» В программу срочной военной подготовки не включалась психология войны. Советский солдат и так шел в бой, хорошо понимая, за что и почему, полный праведного гнева. Ведь не мы, а они затеяли бойню. Не мы ступили на их землю, а они — на нашу. И не мы зверствовали на занятых территориях, а они. Но почему так трудно было проезжать мимо истекающего кровью вражеского солдата?

Это чувство сострадания, наряду с пафосом народного подвига в защиту Отечества, стало одним из основных мотивов послевоенного творчества Чебанова. Думал ли Вениамин Карпович, что во многих его военных сюжетах, выписанных по следам памяти, вскоре можно будет «угадать» фрагменты будущего? Ведь солдаты Великой Отечественной не сомневались, что это — последняя война на земле. Что человечеству навеки хватит такого урока, чтобы в будущем никогда не выяснять отношения с помощью огня.

Но память человечества оказалась короче памяти одного солдата, а жизнь «простого человека» стала «отходами производства» большой мировой политики. Пришел черный октябрь 1993 года. Чебанов пишет монументальное полотно — «Реквием». Золотая полоска света от траурных свечей справа, слева — бетонная стена с портретами невинно убиенных… тоже защитников Отечества. Того социалистического Отечества, за которое они в далекие сороковые проливали свою и чужую кровь.

На юбилейной персональной выставке художника в 2000 году представлено еще несколько работ, отразивших новую трагедию нашего народа-победителя, который оказался поверженным в необъявленной, тихой третьей мировой войне. Огромной символической силы полотно «Улица Дружбы народов, □ 91». Под стеной рухнувшего дома, в котором проживали и русские, и чеченцы, и евреи — словом, «дружба народов», истерзанные болью и ужасом бывшие жильцы — чеченцы, русские. Стар и млад. И война, и беда у них теперь одна на всех. И кто тут «свой», кто — «чужой»?

Та же тема в картине «В зоне общечеловеческих ценностей». Кровь и боль — во имя какой такой правды? И четкая параллель с «настоящей» войной явно просматривается в картинах «Проводы товарища», «Из поиска», «Блокпост»… Малых войн не бывает — угадывается мысль художника. Кровь и смерть везде одинакова. Как и боль, ужас их близких.

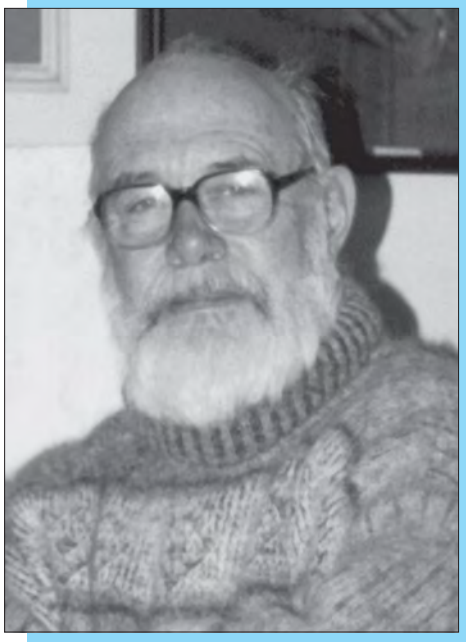
Чеченская «операция» стала переломным моментом в творчестве художника. Все глубже «забирают» его сомнения по поводу разумности нового мироустройства, все труднее вспоминать Великую Отечественную. Ведь все

это было во имя прекрасного будущего. Пусть не твоего — других поколений. Но такая цель стоила любых жертв. А как отнестись к этому теперь, когда победители унижены, а великая Родина в одночастье стала несчастной и бедной Россией?

«Куда идешь, человек?» — спрашивает каждого из нас художник Чебанов, который хочет своим полотном под таким названием еще раз, как боец за Родину, послужить своему народу. На переднем плане огромного полотна — молодой мужчина, само воплощение силы. В одной руке он держит автомат, другой придерживает ногу сидящего у него на плече ребенка. Справа — апокалиптическая картина расплавленного металла, обломки стен, поверженная в прах скульптура — обломки цивилизации, слева библейская картинка, символизирующая любовь и благодать. Но… силуэт Храма уже позади.

Остановись, человек, оглянись! Еще есть возможность выбрать праведный путь...

Л. ВОЛГИНА



Творчеством одержимый

Есть в Новосибирске несколько мест, которые по праву считаются исторически ми достопримечательностями, почти святынями. Они уже и не воспринимаются как творения рук человеческих. Кажется, будто однажды земля вздыбилась, и из чрева ее медленно поднялись к небу гранитные пилоны, густо усеянные бесчисленной вязью фамилий, из летней грозовой тучи упала молния и зажгла в чаше огонь негасимый, а ночью, не потревожа спящих, пришла женщина-мать и навеки застыла в непреходящей скорби своей над могилою Неизвестного солдата.

А в сквере Героев Революции на стене сами собой проявились участники давней гражданской усобицы: убиенные и оплакивающие, мстители и

заступники. И не резец скульптора, но ветра и дожди высекли эти суровые слова: МУЖЕСТВО ВАШЕ И ДОБЛЕСТЬ ЧТЯТ БЛАГОДАРНО ПОТОМКИ.

У музыкантов города своя достопримечательность — огромное, во всю стену на три этажа панно в вестибюле Новосибирской государственной консерватории. На выполненных из золотистого кедра ликах знаменитых русских композиторов флер героической античности. Строгие, как апостолы, встречают служителей муз Эрато и Полигимнии М.И. Глинка, П.И. Чайковский, М.П. Мусоргский, А.С. Даргомыжский, Н.А. Римский-Корсаков, А.П. Бородин, А.К. Глазунов, М.А. Балакирев, С.И. Танеев, А.Н. Скрябин, С.В. Рахманинов.

А в самом центре города (не с неба ли спустилась) чудо-часовенка с золотыми куполами. В солнечные дни сиянье от них разливается по всему проспекту, вселяя в душу благость и умиротворение.

Все эти достопримечательности (панно в сквере Героев Революции и в консерватории, роспись в часовне и Мемориал Славы) объединяет одно: их создатель — известный художник-монументалист Александр Сергеевич Чернобровцев.

Не будучи коренным новосибирцем (родился в 1930 г. в Липецке) Александр Чернобровцев сумел проникнуться духом сибирской столицы, вписать свой талант художника-монументалиста органично и значимо, не выпячивая по-церетелевски собственную индивидуальность, но подчиняя ее и канонам градостроения, и историческим традициям, что в конечном итоге явило образцы гармонии и подлинного искусства.

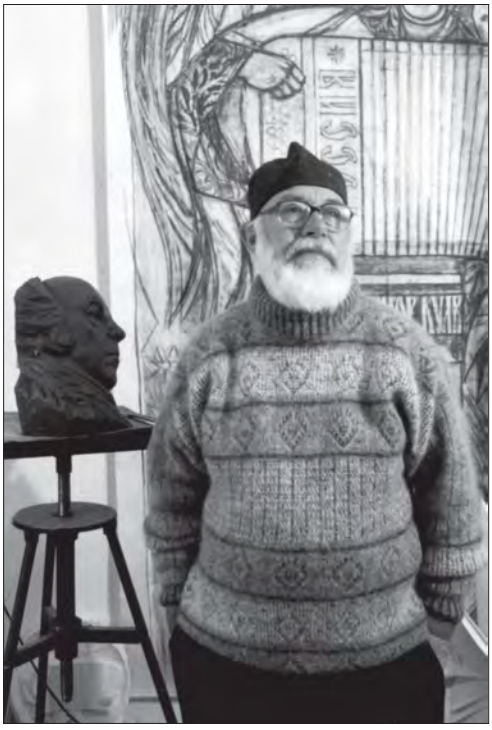
Теперь уже можно определенно сказать, что Новосибирску с Чернобровцевым повезло. Впрочем, как и Чернобровцеву с Новосибирском. Понятно, что художник с такой неистовой жаждой созидания не затерялся бы и в других местах. Но ведь не приняли же в свое время молодого художника, с отличием окончившего Ленинградское высшее художественное училище имени барона Штиглица (впоследствии имени В.И. Мухиной) в Новокузнецке (тогда Сталинске), предложив прибывшему по официальному запросу городских властей молодому специалисту издание стенной газеты на КМК (Кузнецкий металлургический комбинат). И пришлось несостоявшемуся редактору покинуть этот не сулящий никаких перспектив город и искать свою судьбу в Новосибирске.

Было бы большим преувеличением утверждать, что неофициальная столица Сибири встретила беглеца традиционными хлебом и солью. Долгое время она приглядывалась к нему, испытывая на терпение и прочность. Отсутствие жилья, условий для работы, постоянного заработка да и серьезных заказов угнетало, но не убивало. Была уверенность, что все непременно образуется. А к трудностям ему не привыкать. Он их с детства хлебнул столько, сколько иному бы на три жизни хватило! И в довоенном Ленинграде, где с матерью ютился в крохотной комнатушке общежития архитектурного института, а пятилетним вместе со взрослыми рисовал в этом же институте (там училась мать) натуру, поскольку устроиться в детский сад было сложно. И в Чите,

куда за два месяца до войны мать выехала в поисках перспективной работы. И в войну, когда получал суточный паек — 300 граммов хлеба и вынужден был ездить в школу за много километров от жилья. И в разрушенном до основания Воронеже, где после окончания войны они с матерью пытались закрепиться. А восьмилетняя учеба в Ленинградском художественном училище — это тоже не санаторий с четырехразовым питанием и послеобеденным сном.

И приходилось будущему создателю новосибирских достопримечательностей устраиваться на ночлег то у сердобольных друзей, а то и просто под открытым небом в Первомайском сквере, благо еще холода не наступили.

А город ему понравился. Сразу. Был он очень молод и кипуч. Не подвергавшийся обстрелам и бомбардировкам, город стремительно рос и развивался. Каждый год был отмечен пуском новых предприятий, открытием новых институтов и школ, больниц и детских садов, магазинов и столовых и других объектов. Крохотный соцгородок на левом берегу, состоявший практически из одной улицы им. Станиславского и частного сектора станции Кривощеково, примечательный пустырями, картофельными посадками и болотцем, на котором осенью стреляли уток охотники, разрастался в будущие Ленинский и Кировский районы сибирского мегаполиса.



Город пока никому из приезжих ничего не обещал, но в темпах развития, в размашистой поступи его, в заинтересованности концентрации у себя всего самого талантливого и передового как бы само собой усматривалось разрешение в будущем многих социальных проблем.

И хотя вопрос с жильем был чрезвычайно острым, здесь уже накапливались будущие созидатели.

Не было у этого поколения особых запросов, не умело оно «оттягиваться со вкусом», гоняться за «райским наслаждением», единственной привилегией своей считая работу до изнеможения, без продыху и отпусков. «Жила бы страна родная, и нету других забот» — это был девиз, с которым победивший в страшной войне народ отстраивал порушенное государство и готовил прорыв в космос.

В этой «лихорадке будней» повезло наконец и Александру Чернобровцеву: он получил заказ на оформление рыбного магазина на Красном проспекте, а затем — кафе «Снежинка» на улице Ленина у главпочтамта. В плане творческом это были первые робкие попытки заявить о себе, но и в них, этих ранних экзерсисах, была видна попытка привнести нечто свое, индивидуальное. На синем фоне стен кафе, как в голубых зимних сумерках, красовались сказочные снежинки разных размеров, создавая иллюзию тихого рождественского снегопада и привнося в душу ощущение праздника.

И вот однажды скульптор Меньшиков пригласил молодого художника к сотрудничеству в оформлении сквера Героев Революции. Задача была не ахти какая трудная, но требовавшая опыта художника-монументалиста и определенного художественного чутья: соорудить постаменты под бюсты видных партийных деятелей и руководителей партизанского движения в Сибири. Заказ был выполнен, однако Чернобровцеву этого показалось явно недостаточным. Для завершения композиции чего-то не хватало.

Поблизости в сквер выходила наружная стена склада декораций ТЮЗа (он тогда находился в доме Ленина). Что если на ней разместить панно, посвященное трагическим событиям 1920 года?

Идея эта получила одобрение и поддержку городских властей, можно было приступать к работе. В подвале магазина «Под строкой» художнику отвели помещение для изготовления панно. Начался пресловутый «творческий процесс». Но дело в том, что у монументалистов он, кроме всего, связан с грубой физической работой, требующей сил и терпенья.

Проблемы стали возникать с самого начала: шлакоблочная кладка стен выполнена в один блок и наклонно, разве выдержит она 90-тонное панно? Значит, необходимо оригинальное решение. Какое? Соорудить новый фундамент параллельно стене, установить на него панно, связав его крепями со старой стеной. Размеры изделия велики: высота 10,4 м, ширина около 50 м. Эскизы, чтобы потом перенести их на изделие, желательно изготовить в масштабе один к одному. Но где возможно нарисовать и повесить такие «картины»? Во Дворце культуры имени Горького вроде бы нашлись такие стены. Художнику удалось нарисовать на бумаге и вывесить в зале один из эскизов, но, придя на следующее утро, он обнаружил его обрушенным и порванным. Изделие не выдержало собственного веса и «самоликвидировалось». Пришлось изменить масштаб. А как выполнять? Напрашивался технический прием «сграфитто», когда на подготовленную стену наносится несколько слоев цветной краски, а затем необходимая как бы извлекается путем соскабливания верхних слоев. Но в суровых сибирских климатических условиях даже маленький комочек извести в «основе» мог вызвать вспучивание и отслаивание верхних слоев краски. Поэтому прием этот был отвергнут, а предпочтение художник отдал классической бетонной кладке, когда весь рисунок как бы разрезается на части, изготовляются блоки, а затем на рабочем месте собирается, как мозаика. А типажи? Их ведь тоже необходимо было не выдумать — найти. Чтобы они максималь-

но соответствовали типу того времени и сохранили характерные этнические черты. Все должно быть правдиво, ибо когда в основе искусства тенденция — оно мертво, когда в основе правда — вечно.

Наконец композиция окончательно утверждена, техническое решение принято, материалы завезены, в подвалах магазина «Под строкой» на улице Горького закипела работа. Сказать, что тесные эти помещения были мало приспособлены для воплощения такого грандиозного замысла, значит ничего не сказать. Здесь можно было изготавливать только отдельные блоки да составлять из нескольких фрагменты будущей композиции. Как все сложится в единую картину — было загадкой не только для непосвященных, но и для самого создателя. К тому же в подвале отсутствовала вентиляция и образующийся конденсат обильно стекал по стенам и дверям «мастерской». Одежда всегда была влажной, дышалось трудно. Три года непрерывной работы без отпусков и перерывов! Как не заболел, не разуверился в себе молодой художник? Как не надорвал жилы, ворочая в подвале 90-килограммовые блоки? Ведь в принципе можно было бы прожить и подпитываясь небольшими «шабашками». Но это был не просто заказ. Это был экзамен на зрелость, на право называться мастером, это было оправданием потраченного на учебу времени и доказательством верности избранной профессии.

И наконец наступил долгожданный день 1960 года, когда из распахнутых дверей подвала на веревках и на руках поплыли наверх готовые бетонные блоки с фрагментами суровых и скорбных ликов, которые затем, соединившись воедино, станут своеобразным реквиемом ста четырем убиенным, многие из которых так и остались безвестными.

В сущности тогда, в далеком 1960-м, тридцатилетний Чернобровцев совершил творческий подвиг. В сибирском городе появился мемориал, подобный знаменитой «Стене коммунаров» на кладбище Пер-Лашез в Париже, сооруженный в память о Парижских коммунарах. Еще были живы участники гражданской войны, еще были зрелы и полны сил вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной, и это панно стало данью памяти и уважения погибшим за дело социалистической революции в России.

Значение свершенного художник оценил только позже, когда пошли благодарственные письма и приветственные телеграммы от граждан города и области, когда появились хвалебные статьи в журнале «Художник», когда состоялся прием в члены Союза художников, и сам он стал регулярно избираем в члены различных комитетов и комиссий. Жизнь странным образом переменилась: общественная деятельность, преподавательская работа в студии, ходатайства, поручения, выступления, почетные представительства. И тревожное осознание необратимости уходящего времени, потому что шедевра, сидя в президиумах не высидишь, а на меньшее Чернобровцев был не согласен.

Оформление краеведческого музея и музея Сибирского военного округа — работы в некотором роде промежуточные — не принесли художнику

полного удовлетворения. Будучи в расцвете сил и таланта, хотелось исполнения некоей сверхзадачи.

И судьба снова дает ему шанс: поступает заказ на создание мемориала Славы в память о воинах-сибиряках, павших в Великой Отечественной войне.

Об организационных мытарствах, чиновничьем волюнтаризме — разговор особый. Еще три года воистину каторжного труда, пролетевшие, как один день.

Но вначале был мучительный поиск средств и форм воплощения. Война воистину многолика. Здесь, как в огромном котле, перемешаны боль и кровь, радость жизни и страдание, вера в победу и отчаяние, страх и отвага. Где найти художественный эквивалент всему этому? Каковой должна быть рукотворная метафора небывалой в истории человечества трагедии? И решение пришло. Композиция должна состоять из нескольких бетонных блоков, отождествляющих различные грани войны: готовность народа отразить агрессию; неисчислимые разрушения, горе, страдания, и трудовой героизм; сокрушение самой мощной в мире армии и великая Победа; воцарение мира на земле.

Как у медалей, у пилонов должны быть внешняя и обратная стороны и два оттенка — светлый и темный.

Светлый отождествляет высокий моральный дух народа, его готовность к самопожертвованию, радость победы и счастье мирной жизни.

Темный — символ беспощадного, сеющего смерть нашествия, горьких утрат и невосполнимых потерь, страданий и слез, невзгод и лишений, перенесенных нацией за время войны.

На внешней стороне пилонов — символические сцены вероломного нападения, руины, самолеты со свастикой и поднявшиеся на защиту Отечества его сыновья, ставшие в военной форме на одно лицо, сцены великого горя и скорби, сверхчеловеческого напряжения сил в тылу, блистательных побед над врагом, массовая его сдача в плен и, наконец, майский три-

умф в Берлине и пришедший на землю мир. И по всем пилонам — строки из фронтовых писем, непридуманные, написанные самим сердцем — документальные свидетельства несокрушимой веры в победу над врагом и готовности заплатить за нее самую высокую цену.

На обратной стороне, на черном, — цена победы, эти тысячи фамилий, означающих тысячи безвременно ушедших жизней, и рядом — вечный огонь, могила Неизвестного солдата, а над всем этим фигура безутешной матери-Родины, вечно помнящей и скорбящей.

С чем сравнить ощущения, охватывающие при посещении мемориала?

Пожалуй, с исполнением героической симфонии, где разные группы инструментов ведут свои партии, искусно вплетаясь в мощную многоголосую тему.

Это и вправду симфония. В камне. В честь исторического подвига русского народа.

Что же касается воплощения…

Воистину справедлива пословица «Русские долго запрягают, да быстро едут».

Не найдя понимания в горкоме партии, художник обращается в райком Ленинского района. Секретарь райкома В.Ф. Волков зажигается идеей монументалиста и обещает «поднять» на стройку весь район. И делает это! К участию в возведении мемориала привлекаются заводы, строительные организации, жители района. Некогда вытоптанный пустырь превращается в огромную строительную площадку. Энтузиазм и самоотдача людей неимоверны. Бригада отделочников, которой поручили отпескоструить пилоны, а техника безопасности предписывала делать это в защитных масках, дружно отказывается от них, ибо контролировать качество работ, соблюдая такие меры предосторожности, совершенно невозможно. И секла лица, запорошивала глаза и проникала в самые легкие пыль, но ни один не пожаловался на условия, ни один не прекратил работу. Понимали, вершат — на века!

Да, рядом с Чернобровцевым невозможно работать по-другому, потому как поблажки себе не делает ни в чем. Приходит на работу чуть свет, на прием пищи — не более 15 минут, уходит — заполночь. В качестве резиденции и мастерской использовалась бывшая пирожковая на первом этаже жилого дома неподалеку. 26 тонн гипса (целый вагон) перетаскал художник в кухню бывшего общепитовского заведения, в общей сложности год просидел на корточках, выполняя глиняные формы, про семью — забыл, ночевать ходил к матери, жившей поблизости. Еле волочил ноги от усталости, шагая по ночным улицам, и от полноты чувств… пел. А у матери засыпал за столом с куском хлеба в руке. Усталый и опустошенный. А чуть свет — назад на площадку.

7 ноября 1967 года состоялось зажжение Вечного Огня, означавшее, что работа по созданию мемориала Славы завершена.

Сколько людей побывало здесь с той поры! Из разных уголков города и необъятной страны приезжают сюда поодиночке и семьями почтить память своих родных и близких, отметить украдкой их фамилии бронзой или серебрянкой. В дни Победы у Вечного Огня собирались ветераны войны, вспоминали минувшие испытания, фотографировались, щурясь от майского солнышка.

У Вечного Огня в торжественном карауле замирали школьники. А рядом вились малыши, мечтая о том времени, когда заступят на почетный пост, сменив нынешних счастливчиков. Подходят свадебные процессии, и смущенные вниманием невеста и жених возлагают букеты к могиле Неизвестного солдата и к Вечному Огню.

И этим праздником памяти и благодарности новосибирцы обязаны ему — замечательному художнику-монументалисту Александру Сергеевичу Чернобровцеву, спрыгнувшему в далеких пятидесятых безвестным полуголодным юношей на перрон из задымленного поезда «Сталинск—Новосибирск».

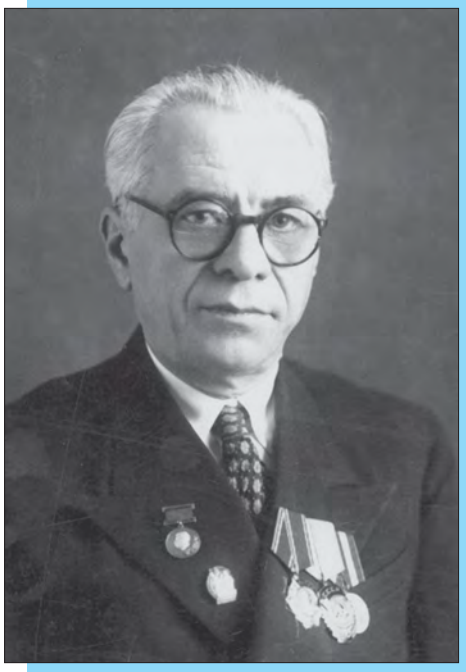
Но время неумолимо. Уже и самым молодым участникам войны под 80. И уже редко можно увидеть боевые награды тех времен на пиджаках и кофтах собравшихся у мемориала. Другое поколение приходит к монументу и с таким же любопытством и надеждой выискивает в нескончаемых списках свои фамилии, надеясь на подтверждение родства с этими, ставшими легендой, ушедшими в зарево далекой войны героями.

И так будет вечно, пока стоят эти пилоны, пока горит Вечный Огонь у подножия их.

А что же художник? Он в новом поиске. В его мастерской ждет воплощения новый грандиозный проект — реконструкция набережной возле речного порта «Октябрьская». И снова он ходит по кабинетам власть предержащих, убеждая в необходимости такого сооружения в городе. И снова наталкивается на непонимание и равнодушие чиновников. Но верится, что и в очередной раз фортуна все же вознаградит его за упорство, и красивые серебристые крылья — основа будущей композиции — перекочуют с его рабочего стола на обской берег и расправятся, ловя воздушные потоки для взлета.

А.С. Чернобровцев не дал кануть в Лету героическому прошлому Сибири. Теперь он дарит ей крылья для полета в будущее!

Евгений МАРТЫШЕВ



Земное тяготение

Горный инженер, изобретатель, ученый, Николай Андреевич Чинакал попал в Сибирь невольником. А вот остался здесь по собственному желанию. И больше уж не менял места жительства. Почти пятьдесят лет из отпущенных ему девяноста с небольшим.

Полвека в горном деле Сибири — путь к высокочтимому и сегодня имени. Путь тяжкий, не позавидуешь. Но зато и имя переоценке не подвергается: сделанного не зачеркнуть, да и сфера деятельности к верхоглядству не располагает. Собственноручно обустраивать преисподню угольных шахт охотников немного.

Тут каждое решение — на свой страх и риск, а результат — он под такими крутыми пластами, что поверить в него способен разве что… сказочник. Так и назвали когда-то Николая Анд-

реевича Чинакала, предложившего принципиально новую технологию освоения сложных месторождений угля.

«Сказочник» результата добился. Имя обретало нешуточный вес. И помогало в земных хлопотах об облегчении подземного труда. Труд этот в молодости произвел на него неизгладимое впечатление тяжестью и опасностью. Убежать бы подальше от беспросветной доли «детей подземелья». А он этой беспросветности жизнь посвятил — с верой идеалиста и фанатизмом изобретателя. Характер.

— *Жизнью я не был избалован,* — скажет Николай Андреевич, оглядываясь на прожитое. Биография подтверждает — хлебнул лиха, и общего и прицельного. Устоял. Создал свою систему защиты «от судеб»?

Родился 7 (20) ноября 1888 года в деревне Нур-Али Евпаторийского уезда Таврической губернии в семье сельских трудяг. Глухая деревня — до сих пор, говорят, не дошла до нее железная дорога.

В семье три сына и три дочери. Николай — старший. Стало быть, в посильных домашних заботах. Но учился отменно — в числе первых окончил начальную сельскую школу. Родители готовы дать старшему хорошее образование. И только благодарны учителю, подготовившему одаренного мальчика к поступлению в Симферопольское реальное училище.

Его Николай и оканчивает на «отлично» в 1906-м, мечтая о высшей школе. Год уходит на сбор необходимых средств — что-то заработал сам частными уроками, что-то дали родители, поощрявшие тягу старшего сына к образованию.

В 1907 году Николай прошел по конкурсу в Екатеринославское высшее горное училище (позже — Днепропетровский горный институт). По мнению биографов, на выбор профессии повлияла фантастика Жюля Верна, которым реалисты зачитывались («Путешествие к центру Земли», «Черная Индия»…).

А вуз, наверное, и выбирать не пришлось. В начале минувшего века Россия имела три высших горных школы: в Петербурге, в Екатеринославле и в Томске (отделение технологического института).

Томск — бог знает где (хотя со временем Чинакал узнает, где именно, и впишет здесь незаурядные страницы в книгу своей долгой жизни). Петербург провинциалу был недоступен: почти половина студентов прославленного горного института северной столицы — дети крупных чиновников и государственных деятелей — зачислялась по протекции Министерства земледелия и государственных имуществ. Да и содержание в Петербурге пугало семью с более чем скромным достатком.

Екатеринослав — поближе и не так претенциозен.

К тому же, это центр большого горно-металлургического района. Донецкий бассейн с угольной и металлургической промышленностью. Криворожская железорудная база. И на юге, и на севере — месторождения каменной соли. Развита сеть железных дорог. Растет спрос на специалистов. Наверняка не останешься без работы после окончания учебы.

Приемный экзамен в горное училище в 1907 году держали 300 человек. Приняли 73. В их числе — Николай Чинакал. Покровителей у него не было. Выручили природная одаренность и огромное желание учиться.

Училище это открылось в сентябре 1899 года по ходатайству местной администрации и XXI съезда горнопромышленников юга России. Разместилось сначала в бывшем Потемкинском дворце, потом получило специально построенное для него здание. Хорошо оборудованные аудитории, чертежные залы, кабинеты горного искусства и геологии, лаборатории минералогии, общей химии, физики и электротехники, машинный зал, сеть библиотек — при каждом учебном кабинете.

Но главное — к преподаванию привлечены первоклассные специалисты горного дела и металлургии. Что ни преподаватель, то личность. Имена, отлично известные поколениям профессионалов.

И обязательным было для студентов «погружение» в производство. Уже после первого курса будущие горняки разъезжались по шахтам и рудникам. В аудиториях — теория, расчеты воображаемых конструкций, красивые проекты, на предприятиях — неприглядные картины изнурительного и опасного труда. Состояние подземной реальности удручало. Но для тех, кого «горное дело» не оттолкнуло своей неприглядностью, такая реальность означала одно — ее надо менять.

Так определялась доминанта судьбы Николая Андреевича Чинакала, не предавшего интересы «подземелья» ни в помыслах, ни в деяниях, ни в надеждах.

Студенческие практики он растягивает на все лето, забывая о каникулах. То помощником врубмашиниста. То даже заведующим небольшой шахты. Уж если постигать азы профессии инженера, то рядом с шахтерами, опыт которых — бесценный учитель. К тому же не оставляла и забота о прокорме (не только себя, но и брата, нуждавшегося в помощи).

Жилье приходилось снимать — общежития училище еще не имело. Делил частную квартиру с сокурсником Львом Шевяковым (впоследствии академиком), и эту светлую дружбу молодости они пронесли через все невзгоды и испытания.

Оба прекрасно окончили училище в 1912-м, и обоих оставили при институте — собирать материалы для монографии «Описание Донецкого бассейна».

Чинакал объехал все антрацитовые рудники бассейна. И так квалифицированно выполнил первое поручение (работу заказывал Совет съездов горнопромышленников Юга России), что ему предложили должность ассистента в родном училище. Отказался. Предпочел производство. Шахты, рудники. Ни революция, ни гражданская война не вынудили его к эмиграции. Принял единственно приемлемое для себя решение: работать — на Родине и для Родины, так нуждавшейся в технических специалистах.

Он активно участвует в восстановлении угольного Донбасса. Проводится инвентаризация горных выработок и оборудования шахт, вырабатыва-

ется детальный план их реконструкции и обновления. Выполнение плана по разделу «механизация угольных шахт» поручается Чинакалу. Его назначают заведующим отделом механизации «Донугля» (Харьков). Эту бессонную работу все пять лет (1923-1928 гг.) он совмещает с членством в редколлегии журнала «Горный инженер».

Запущены, кажется, все бездействовавшие врубовые машины, конвейеры, бурильные установки. И Всероссийский Совет Народного хозяйства командирует группу горняков во главе с будущим академиком А. А. Скочинским на угольные предприятия США, Англии, Германии — поучиться механизации угледобычи у благополучных капиталистов. Это, кажется, первый крупный выезд советских специалистов за рубеж.

Вернувшись, Н. А. Чинакал опубликовал статью «Соображения об использовании опыта и достижений угольных рудников Америки и Великобритании для Донбасса». И биографы утверждают: опубликованные предложения, результат заграничной командировки, приняты и реализованы — как в проектах новых шахт, так и в практике действующих.

И подводят итог. Почти шесть лет Николай Андреевич занимался механизацией подземных работ в Донбассе. И за эти годы достигнуты такие темпы роста, которых потом уже никогда не знали ни Донбасс, ни другие угольные районы страны. Если в 1922 году механическая добыча угля в Донбассе составляла лишь 180 тысяч тонн, то уже в 1927 году она выросла до 3-х миллионов тонн, то есть — в 16,6 раза.

Но страна огромная, и кому-то кажется, что надо поискать места, где уголь добывается легче, чем в Донбассе. После заграницы Чинакал в составе специальной комиссии отправляется в Сибирь.

— *Необжитый, суровый край,* — вспоминал Николай Андреевич. — *Запомнился в Прокопьевске Поварнихинский лог, где угольные пласты выходят на поверхность. Вот когда я познакомился с богатствами Кузбасса. И пленился Кузбассом навсегда.*

Однако не по зову горняцкого сердца «приземлился» он в Сибири. Сам бы, может быть, решился на такой шаг, пленившись Кузбассом. Но опередило его время непредсказуемых мрачных сюжетов.

Весна 1928-го. В Верховном суде СССР слушается «шахтинское дело». К судебному разбирательству привлечено — ни много ни мало — пятьдесят три человека. Среди них — 35 горных инженеров (а их в стране считали тогда едва ли не «поштучно»). Чинакал — в числе подсудимых.

И он узнает о себе, что, восстанавливая угольный Донбасс, заботился о старых хозяевах — «дабы принадлежавшие им предприятия могли быть им возвращены в неприкосновенности».

И что состоял «членом вредительской контрреволюционной организации…» И что «знал и молчал…» И…

Документ безумный. Нет ни сил, ни нужды цитировать. Из пятидесяти трех осужденных одиннадцать приговорили к расстрелу. (Позднее шестерым

расстрельный приговор смягчили). Чинакалу повезло: всего шесть (!) лет лишения свободы со строгой изоляцией, поражением в правах на три года и конфискацией трети имущества.

Вот и здравствуй, Сибирь…

В июле 1930-го в Новосибирске Чинакал становится заместителем главного инженера **особого** проектно-строительного бюро □ 14. Биографы предполагают, что осужденный Чинакал угодил в сибирскую «шарашку» — власти все больше нравилось остроумное свое изобретение: осчастливить бесплатным, но интеллектуальным трудом зеков, обладающих знаниями, умом, талантом.

Парадоксально, но работа по специальности, даже в условиях неволи, а, может быть, особенно — в неволе, оказывалась спасительным благом для людей, только в любимой работе обретающих равновесие и чувство собственного достоинства.

Под руководством Чинакала загадочное бюро проектирует несколько новых шахт Осинниковского и Новокузнецкого районов Кузбасса.

В марте 1931-го Чинакала переводят в комбинат «Кузбассуголь», находившийся тогда тоже в Новосибирске. Здесь у него меняются должности, но характер работы соответствует уровню горного инженера: анализ, проектирование, консультации.

В 1933-м — досрочное освобождение (не нужно еженедельно отмечаться в органах НКВД, разрешается выезд без оформления бумаг и другие послабления), однако Николай Андреевич уже не хочет расставаться с Сибирью.

С июля 1935-го он выполняет функции заместителя начальника проектного отдела комбината по технической части. За время его работы в этой должности «Кузбассуголь» сдал в эксплуатацию десять новых шахт. Проекты, строительство, пуск нового оборудования, сдача объектов — все при участии или под непосредственным руководством Чинакала.

А он — при таких нагрузках — вынашивает идею своей щитовой системы. И переходит с престижных комбинатовских должностей на низовые, поближе к пластам, контрастно его поразившим: мощностью — и примитивностью систем их разработки.

Что такое «щиты Чинакала»?

Тут уместно обратиться к компетентному мнению.

Г. И. Кулаков, доктор технических наук:

Не горняку трудно оценить, какой революционный переворот совершила щитовая система, — надо знать, что такие системы разработки горизонтальными и наклонными слоями, трудоемкие, требующие большого расхода леса на крепление очистных забоев.

Щитовая система на несколько десятилетий стала наиболее производительной в Кузбассе (вплоть до появления современных механизированных комплексов на пологих пластах). Производительность щитового забоя на пластах мощностью 6 м достигала 1000 т в сутки, что было абсолютно недосягаемо

для всех известных в те годы (конец тридцатых, сороковые, пятидесятые) систем. И в таком высокопроизводительном забое работали всего два забойщика в смену.

Изобретение Чинакала стало первой в мировой практике и по существу пока единственной до сих пор системой разработки, обеспечившей использование сил горного давления в технологии выемки угля. Щит движется вперед (вниз по падению) исключительно за счет сил горного давления. Впервые человеку удалось «приручить» разрушительную природную силу, заставить ее работать на пользу человеку.

Удалось…

А когда в середине тридцатых Николай Андреевич впервые изложил угледобытчикам свою идею, то и услышал от главного инженера комбината:

… надо добывать уголь, а вы нам сказки рассказываете. Вы хотите оседлать такую грозную силу, как горное давление. Это — стихия! Вас первого и раздавит под таким щитовым креплением. Когда бы это чудо покорения горного давления было возможно, то, уверяю вас, немцы давно бы решили эту задачу.

И дальше… дальше чего только не было… Доводил расчеты, писал «записки», готовился к выступлениям… Убеждал, уговаривал, увлекал… Добился — получил экспериментальные участки на двух шахтах в Киселевском и Прокопьевском районах. И первый же эксперимент закончился неудачей: щит прошел одиннадцать с половиной метров как по маслу, и вдруг — пожар. Загорелся уголь. Несчастный случай — нелепое совпадение. Он это тяжело пережил, но огонь, оборвав эксперимент, не зачеркнул его значения. Пройденные метры укрепили дух новатора. И расширили круг его сторонников, хотя пока не поубавили противников.

Он получил хоть и скудное, но финансирование на продолжение опытов. Перебрался в Прокопьевск. По нескольку смен не выходил из экспериментального забоя, где монтировал щитовое перекрытие. То одно не ладилось, то другое. И был момент, когда, по воспоминаниям очевидцев, все, «кроме рабочих, от него отвернулись. Продал много вещей…». Продал — потому что продолжал работы на собственные средства.

И второй щит (заново собранный после череды поломок) прошел уже 25,5 метров «по падению». И общее собрание инженерно-технических работников шахты полностью поддерживает идею щитовой разработки и ее использование. Январь 38-го года.

А 13 декабря 1941 года в докладной записке наркому угольной промышленности Чинакал писал:

Детские болезни освоения системы остались позади. В этом году щитовое крепление даст стране свыше 2000000 тонн угля. Таким образом, страна в исключительно ответственный момент получит дополнительно 150000 тонн угля.

Жены шахтеров заменяли в забоях ушедших на фронт мужей. Без угля нет металла, а металл нужен фронту.

Уже к концу первого года войны с помощью щитов на шахтах Прокопьевска добывалась треть, а на таких, как Коксовая, им. Калинина, им. Ворошилова — почти половина угля.

С оккупацией Донбасса Кузнецкий бассейн становится важнейшим поставщиком коксующихся углей, обеспечивая оборонную, металлургическую и коксохимическую промышленность сырьем, а транспорт и электростанции — топливом.

Основную долю прироста добычи в Кузбассе взяли на себя «щиты Чинакала».

В воспоминаниях он поклонился рядовым рабочим, которые главную тяжесть первых опытов, неудач вынесли на своих плечах, не предъявляя особых требований и не ожидая поощрений… Они верили в успех больше, чем кто-либо.

Но уж, конечно, не больше, чем сам автор системы. Если бы он сломался от первых неудач…

Не сломался. Собственная защитная система помогла и его щитам. Как эту систему сформулировать? Талант? Труд? Воля? Характер? Штампованный набор Личности. Штампованный, но отчего Личности так не часты?

Работая на шахтах Киселевска и Прокопьевска, Чинакал нуждался в поддержке не только рабочих, но и ученых. И нашел единомышленников на горном факультете Томского индустриального института, позже — Томского политехнического (ТПИ). Здесь выступал с докладами по щитам, печатался в институтских сборниках, наставлял студентов. И в 1940-м перешел в ТПИ на научно-педагогическую работу.

Еще до перехода академик Л. Д. Шевяков обратился в ученый совет Томского института и в КузНИИ с отзывом-ходатайством о правомерности постановки вопроса перед соответствующими организациями о присуждении Чинакалу звания профессора и ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации.

Реакция среды была благожелательной. Отзывы, письма, характеристики скапливались самые положительные — теперь уже «щиты» работали на их автора. Но решения ВАКа появились в 41-м, и доктором наук Чинакал стал уже в военное время, в ноябре того же года.

Первое сибирское десятилетие завершилось для Николая Андреевича официальным признанием его научных заслуг. Профессор, доктор, заведующий кафедрой в известном вузе… Хватит практических задач?

И время не то, и человек не тот. В письме ректору ТПИ А. А. Воробьеву Николай Андреевич писал в октябре 67-го:

В Томске я прожил четыре тяжелых года для нашей страны… всем нам было нелегко работать. Тем не менее, все мы отдавали все силы для того, чтобы помочь выиграть войну и не только готовили кадры, но и всемерно помогали перебазировавшейся в глубокий тыл промышленности быстрее и лучше налаживать производство в новых, часто непривычных условиях. В этом отношении заметную положительную роль сыграл Томский комитет ученых…

И — дальше:

Серьезным событием в научном мире, да и для развития производительных сил Сибири была организация Западно-Сибирского филиала в Новосибирске в начале 1944-го…

Речь — о филиале Академии наук СССР.

Неравнодушен горный инженер к науке. Еще в 1942-м обращался он в директивные органы с докладной запиской, в которой говорил о необходимости «создания крупного научно-исследовательского и учебного центра в месте, где скрещиваются интересы угольной, рудной и металлургической промышленности». А в 1943-м при Томском электротехническом заводе Главуглемаша создано специальное проектно-конструкторское «Бюро Чинакала». (Так и значилось в распорядительном документе).

И в этом же 1943-м, 21 октября, Совет народных комиссаров СССР принял решение об организации в Новосибирске Западно-Сибирского филиала Академии в составе четырех институтов.

Президиум Академии наук в феврале 1944-го утвердил директором Горно-геологического института Николая Андреевича Чинакала.

Отвоевал недавний зек у судьбы право на создание **своего** академического института…

В 1969 году Институту горного дела исполнилось двадцать пять лет. Будучи корреспондентом областной газеты, я напросилась на юбилейную беседу к директору Института, лауреату Ленинской и Государственной премий, члену-корреспонденту АН СССР Николаю Андреевичу Чинакалу.

Он говорил:

Основное направление нашей деятельности — исследование физико-технических проблем разработки полезных ископаемых. Что это значит, поясню хотя бы на одном примере. Более десяти миллионов тонн угля добывается сейчас в Кузбассе из забоев со щитовым подвижным креплением. Его появление в угольных шахтах вызвало переворот в технике крепления подземных горных выработок — так оценили в свое время нашу новую систему участники Международного горного конгресса в Париже…

Идея движущегося крепления оказалась настолько прогрессивной, что стала ведущей при разработке самых совершенных горных машин и комплексов. Передвижное крепление различных конструкций широко применяется в горной промышленности многих стран.

За четверть века институт участвовал в развитии железорудной базы для Кузнецкого металлургического комбината, в обосновании прогнозов на нефтегазоносность Западной Сибири, в решении задач комплексного использования руд черных и цветных металлов… И теоретические исследования вели, и создавали оригинальные технические средства механизации и автоматизации горных работ. Знаем, чего хотим добиться — облегчив труд горняков, повысить его производительность, позаботиться не только о комфорте, но и о безопасности шахтеров…

Сидел передо мной старый человек, но не угнетала его старость. И меня старость собеседника не угнетала — наоборот, казалось, подзаряжаюсь энергетически: такой напор, такая ясность мысли, такое светлое отношение к предмету разговора.

«Предмет» ему безмерно дорог: ***его*** академический институт — ***его*** не избалованному вниманием науки горному делу.

Создание Института Чинакал считал вершинным событием своей далекой от безмятежности судьбы. «Намаявшись с внедрением щитов, — пишут коллеги, — Николай Андреевич понял, что большие открытия и свершения под силу только коллективу».

И он собирал коллектив, используя наработанные связи, — с предприятиями, отраслевой, вузовской наукой. Знал, какие люди нужны для плодотворной совместимости творческих индивидуальностей, и умел находить таких людей. В том лучшем слое технической интеллигенции, где дорожат не только профессиональными, но и нравственными качествами.

За год до институтского юбилея отмечало первое десятилетие Сибирское отделение Академии наук.

Председатель СО АН, академик М. А. Лаврентьев отдал должное горнякам, вошедшим в состав СО АН уже сложившимся коллективом:

…в области внедрения больших успехов добился Институт горного дела во главе с Н. А. Чинакалом. Этот успех продолжает развиваться, за десять лет институт вырос в десять раз, а машины, созданные в нем, известны во всем мире.

Академик А. А. Трофимук добавил, что по полученному экономическому эффекту Институт горного дела занимает первое место в Сибирском отделении.

Новые технологии, машины, устройства, приборы — «академический» ответ практике горного дела. Сотни авторских свидетельств, десятки патентов — убедительные доказательства творческой дееспособности коллектива, который начинал собирать Чинакал в хорошо ему знакомой Сибири изобретательных одаренных людей.

А тернистый путь самого директора и многих его соратников из практики в науку умудрил их и закалил в борьбе с бюрократией и косностью за признание и тиражирование новых технических идей.

На базе Института горного дела формировались и поднимались новые академические организации — Институт горного дела Севера в Якутске, Институт природных ресурсов в Чите, Институт угля в Кемерове, специализированный отдел в Красноярске.

На циферблате жизни Чинакала часовое время не соответствовало душевному состоянию. Лет много, а настроение — точно на подъеме. Так он себя ощущал — имея к тому веские основания.

…За шесть лет до кончины (1979-й) он отказался от директорства, но оставался научным консультантом и заведовал горным отделом. И, конечно, вспоминают его ученики и сотрудники, по-прежнему «болел» за весь институт, не производя впечатления безнадежно уставшего человека с угасающей памятью.

Когда отмечали его 90-летие, он выступил с речью, где, в частности, сказал:

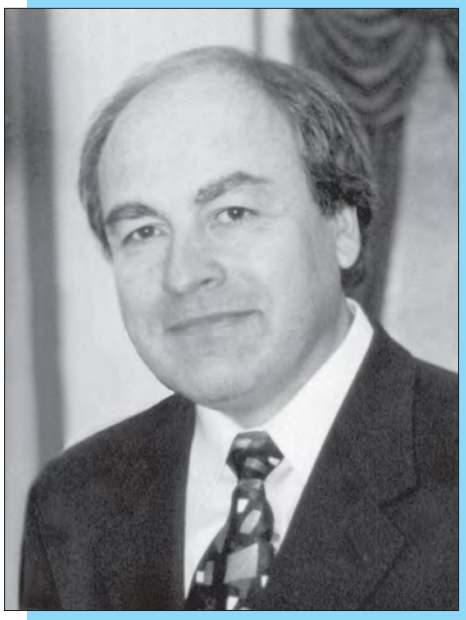
— Вы знаете, двадцать семь лет назад, когда я перешагнул пенсионный рубеж, Президиум Академии вынес постановление: освободить меня от должности директора по состоянию здоровья. Потом, правда, решение отменили. Но когда меня спрашивают, как мне удается так долго сохранять работоспособность, чем я могу это объяснить, я всегда говорю: тем, что уже двадцать семь лет назад начали беспокоиться о моем здоровье. И мне после пенсионного рубежа удалось сделать значительно больше, чем до шестидесяти.

Защитная система Чинакала — работа? Самоотдача? Самовзыскательность? Наверное. Без этого тоже нет Личности. А ее роль в формировании окружающей среды все-таки трудно переоценить.

Сотрудники Института горного дела говорят, что и сегодня, в нелегкие для науки времена, им помогает жизнь Учителя, с честью выходившего из испытаний «на выживание». Помогает верить и надеяться. Верить в силу созидательного духа. Надеяться на неизбывность высоких и добрых традиций служения Отечеству.

Замира ИБРАГИМОВА

P. S. Мне довелось редактировать рукопись книги Л. В. Зворыгина и М. В. Курлени «Николай Андреевич Чинакал». Без этой работы невозможны были бы мои заметки. Спасибо биографам, коллегам и ученикам Николая Андреевича.



Главная тема

То, что происходит с нами в жизни, лучше всего передавать образами искусства.

Сократ

Россия, 90-е годы. Покупают, продают и продаются, обжираются, голодают, стреляют, воруют, богатеют, разоряются, одухотворяются, выживают и просто живут… — в общем, все признаки обуржуазивающегося постсоциалистического общества, в котором документальное кино вдруг оказалось никому не нужным.

Есть разные точки зрения на то, почему так случилось. Та, что попроще, объясняет все причинами чисто экономическими — мол, документальное кино дело не прибыльное, его должно содержать государство, а у государства сейчас на непроизводительные культурные расходы средств нет. Впрочем, и на все остальное из области культуры, науки, образования, здравоохранения — тоже нет.

Время и общество изменились — выживайте как можете. Какое уж тут документальное кино, требующее для своего существования развитой технической базы, современной кинопленки, штата профессионалов, которым надо платить не только зарплату, но и оплачивать командировочные расходы (сидя на месте, документальное кино не снимешь). А еще нужен прокат, фестивали, учеба… Не проще ли одним махом отрубить все концы этого весьма накладного вида киноискусства, заодно отказав ему в праве вообще считаться искусством. Очень хитрый ход — раз не искусство, значит, информация, документ. А кому нужна такая дорогая информация? Вон телевидение каждые сутки выдает в эфир целые горы этой информации. Мы и без того в ней захлебываемся и часто уже не в силах разобраться в ее значимости, соотнести с собственным существованием в окружающем мире.

Есть и другая точка зрения, позамысловатей, приоткрывающая второе дно этой вдруг обозначившейся проблемы нелюбви к документальному кино, как бы в пику прежней власти, которая это кино содержала, опекала, щедро предоставляла ему экраны телевизионных каналов и тысяч кинотеатров. Суть этой точки зрения в том, что нынешняя власть боится оставлять следы. Ведь кинопленка — это вечный носитель. Это не видео, которое сегодня сняли, завтра размагнитили и сняли новое. А пленка идет в архив. Может быть, все дело в том, что прежняя власть думала, что она навсегда, а эти знают про себя, что они временщики? И им не нужны улики, по которым можно будет судить о том, как мы сегодня живем.

Есть и еще одна точка зрения, которую не раз открыто высказывал герой нашего очерка кинорежиссер Владимир Эвальдович Эйснер:

— Телевидение сегодня создает виртуальную реальность нашей жизни. Если верить экрану, в стране только кровь, грязь, секс и насилие. На одном канале — мордобой, на другом — стрельба, на третьем — развороченные трупы… Нас приучают к мысли, что ничего другого в России уже не осталось. А когда по телевидению идет документальный фильм о невымышленной жизни, о простых людях с их простыми человеческими заботами, виртуальная реальность терпит крах. Кому-то это, возможно, невыгодно.

Думается, правомерны и та, и другая, и третья точки зрения, как это всегда бывает при толковании событий, не имеющих простого и разумного объяснения. Но ведь действительно, трудно объяснить, почему вдруг нашему государству на определенном этапе оказался не нужным самый правдивый вид киноискусства, заставляющий людей не просто поглощать поток информации, а размышлять и сопереживать увиденному, учиться видеть. Оказывается, умение видеть — это очень непросто. Именно с этого первого шага и начинается настоящее искусство. И уметь видеть может научить только очень большой мастер, который, как правило, сам начинает с того, что учится видеть, размышлять и сопереживать показанному. А потом эти свои мысли, чувства, свою боль и свою веру переносит на экран, приближая нас к смыслу и значению проживаемой нами жизни. Всегда ли власть — особенно, когда она не уверена

в своей праведности и вечности — хочет, чтобы мы понимали смысл и значение происходящего с нами?

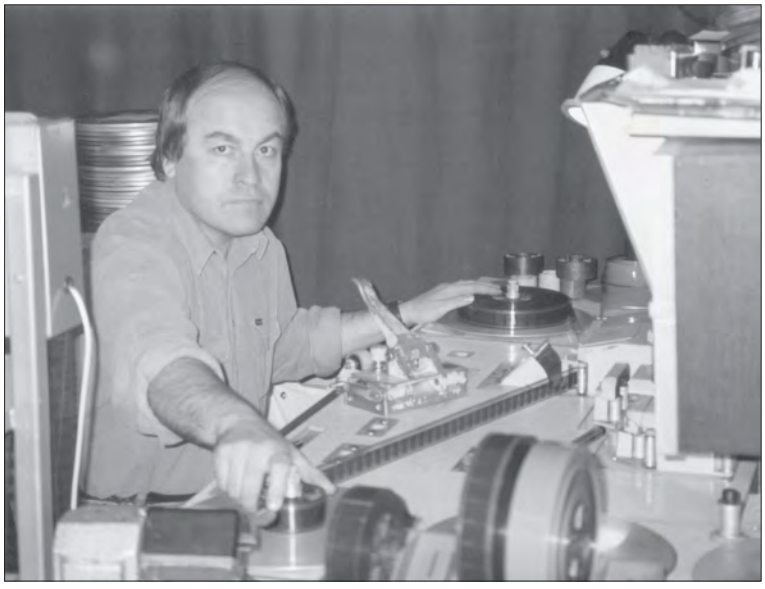
Складывается парадоксальная ситуация. Современная цивилизация основана на использовании информационных процессов. Объективность информации стала осязаемой. Но эту объективность по-прежнему связывают лишь с нервными импульсами и сигналами, а такие важнейшие характеристики информации, как **Смысл** и **Значение,** в повседневной жизни либо вовсе упускаются из виду, либо считаются лишь субъективно-психологическими условностями. А ведь даже в современной космологии **Информация**, Смысл и Значение занимают фундаментальное место. Смысл и Значение огромному потоку каждодневно обрушивающейся на нас информации может дать лишь документально-художественное ее осмысление. Так начинается документальное кино. И сложность работы режиссера-кинодокументалиста в том и состоит, чтобы заставить зрителя обратить внимание на хрупкие и мимолетные моменты Истины.

Казалось бы, к чему столь долгое вступление? Цель одна — обозначить глубинную суть и особенности работы в таком непростом виде киноискусства, как кино документальное, снимать которое, работать в котором у нас сейчас неимоверно сложно, и в котором режиссер киностудии «АЗИЯ-ФИЛЬМ» Владимир Эвальдович Эйснер уже свыше пятнадцати лет подряд и теперь уже навсегда стоит на одной из высших ступенек мастерства, признан выдающимся мастером не только у нас в стране, но и в мире. Свидетельство этому — множество высших призов, дипломов и наград всесоюзных, всероссийских и самых престижных международных фестивалей, недавнее вручение Государственной премии в области киноискусства. Но лучшее тому подтверждение — его фильмы.

Хотелось бы еще написать про широкую известность и популярность у зрителя, которую сейчас с легкостью зарабатывают ведущие очередного полупорнографического шоу или авторы до неразличимости безликого, переполненного стрельбой и трупами сериала. В отличие от подобной продукции документальные фильмы до широкого зрителя почти не доходят. У нас уже выросло целое поколение людей, не знающих, что это такое — настоящее документальное кино. Хотя оно всегда было. Есть и сейчас. И по-прежнему одно из лучших и признанных в мире. Существующее как бы вопреки всему. И творчество Владимира Эйснера — лучшее тому доказательство.

В автобиографическом изложении путь к сегодняшнему признанию укладывается буквально в несколько строк. Вырос в Алтайском крае, в селе Тюменцево в шестидесяти километрах от Камня-на-Оби. Здесь же окончил школу и некоторое время работал фотокорреспондентом в районной газете «Вперед». Потом было Новосибирское театральное училище, служба в армии, два месяца актерской работы в Омском театре юного зрителя. И лишь затем — Всесоюзный институт кинематографии, который он окончил с отличием и уехал работать в Иркутск на Восточно-Сибирскую студию кинохроники.

Первые же фильмы молодого кинорежиссера привлекли внимание коллег по цеху, критиков и тогда еще довольно широкого круга зрителей, поскольку не раз были показаны и по Центральному телевидению, и на экранах кинотеатров. «Ищу и нахожу», «Александр Вампилов», «Жили-были семь Симеонов», «Из театральной жизни Семена Станиславского», «Полный вперед!», «Молитва», «Тихая обитель» — все это фильмы иркутского периода его жизни. Очень разные и по темам, и по стилистике, но в то же время объединенные неповторимой, присущей только В. Эйснеру интонацией, которая позволяла сквозь «информационный сор документальности» разглядеть, почувствовать философию подлинной жизни, те самые ее СМЫСЛ и ЗНАЧЕНИЕ, без которых не бывает настоящего искусства. Именно ими обозначалась и отстаивалась подлинная позиция автора в вопросах, которые касаются всех и имеют отношение ко всему. Любая фальшь, любая отстраненность могли выдать с головой, лишить зрительского доверия. Доверие к автору, к подлинности увиденной и запечатленной им жизни, к его искренности и чисто человеческой боли за происходящее, почти во всех фильмах Эйснера абсолютное. И добивается он этого не указующим перстом, не акцентированием шокирующих или сенсационных кадров, не формой изысканного монтажа или нарочитого контрапункта, чем так грешат молодые начинающие кинорежиссеры. Интонация правдивости и глубокого проникновения в суть происходящего на экране возникает незаметно, исподволь. Зритель постепенно, через многочисленные ассоциации и собственные постижения и догадки начинает выстраивать как бы второй, глубинный план запечатленной камерой жизни, раскрывает в ней свои собствен-



ные СМЫСЛ и ЗНАЧЕНИЕ, забывая о том, что к ним буквально за руку привел его автор фильма.

Что это? Мастерство? Или запредельное чувство «документа», которое иногда бьет ниже пояса? Это мастерство! Рука большого режиссера, художественный секрет его фильмов, тончайшая современная форма художественности. Фактура документальная, а смысл художественный. Из достоверной фактуры извлекается смысл высокий, духовно-практический, и он тем выше и чище, чем «грязнее» фактура, грубее основа — документ, факт.

В Новосибирск Владимир Эйснер приехал в 1994 году, в самое, пожалуй, трудное для нашего документального кино время. Совсем перестали снимать фильмы на Восточно-Сибирской студии кинохроники, закрылся красноярский филиал Свердловской киностудии, еле теплилась жизнь на Западно-Сибирской киностудии. Почти все творческие работники — режиссеры, операторы, звукорежиссеры, редакторы и сценаристы были выведены за штат, сменили место работы, перебивались случайными «левыми» заработками. Большинство рабочих помещений только что построенного, прекрасного здания киностудии пришлось сдавать в аренду, чтобы хоть как-то спасти оставшееся оборудование, уникальное помещение для звукозаписи и несколько монтажных. Прекратил свое существование «Новосибирсктелефильм» — одна из лучших студий страны, снимавшая для Центрального телевидения художественные и документальные фильмы. Некогда широко распространенный в кинематографической среде и даже вошедший в киноэнциклопедии термин «сибирская школа документального кино», который связывали, прежде всего, с работой кинорежиссеров, кинооператоров и сценаристов Новосибирска, теперь звучал скорее как насмешка, вызывая щемящую ностальгию по прошлому, когда документальное кино Сибири с триумфом завоевывало награды почти на всех всесоюзных, российских и международных фестивалях документального кино.

Казалось бы, на что было надеяться здесь приехавшему из Иркутска кинорежиссеру, когда свои, такие же известные и талантливые, сидят без работы? Причисленный к десятку лучших режиссеров-документалистов мира Ю.А. Шиллер, спасая киноархив «Новосибирсктелефильма», числился на какой-то непонятной должности на студии телевидения, проделывая огромную работу по спасению исходных материалов бесценного собрания и получая за это буквально копейки. Вынужден был снимать случайные заказные фильмы прекрасный режиссер, заслуженный деятель искусств В.В. Соломин. Без работы остались М. Халина, Э. Давлетшина, В. Новиков, В. Гнедков. И все-таки здесь было намного легче, чем в Иркутске. Вокруг был город, который В. Эйснер считал почти родным, где жили всегда готовые поддержать и помочь друзья. А еще был старенький «Конвас», несколько сот метров сбереженной кинопленки, прекрасный оператор, соратник и друг Евгений Корзун, готовый по первому зову поехать в самый отдаленный угол Сибири. Кроме того, были интереснейшие замыслы новых фильмов и непреодолимое желание работать — увидеть,

осмыслить, запечатлеть катастрофический для страны обвал перемен, обернувшийся в основном разором, упадком и личными трагедиями. И вот на Западно-Сибирской киностудии арендуется крохотная монтажная, быстро оформляются документы, и вот уже в титрах первого заказного, снятого в Новосибирске режиссером В. Эйснером фильма появляется название киностудии: «АЗИЯ-ФИЛЬМ».

Скоро о студии заговорили в городе, потом заинтересовались в Москве, а после завоеванного в Японии на международном кинофестивале «Человек и море» главного приза «Золотой краб» за фильм «Рыбацкое счастье», студия В. Эйснера «Азия-Фильм» становится одной из самых известных и результативно работающих частных студий страны. Впрочем, «скоро» — это взгляд со стороны, через призму прошедших с той поры лет. Это «скоро» было до отказа заполнено самой неистовой, самой напряженной, самой безразмерной работой. Пожалуй, из многих знакомых мне кинорежиссеров никто не работает так неистово, как Владимир Эйснер. В пору обустройства и становления своей студии он не брезговал никакой, даже самой «черной» заказной работой. Снимал фильмы о новосибирских заводах, о юбилее Колывани, о хореографическом училище, об институтах Академгородка и новосибирских вузах, о Левобережье. Но даже в этих, казалось бы, сугубо прикладных, сделанных по продиктованным заказчиком параметрам фильмах, высокий профессионализм и рука настоящего мастера творят настоящие чудеса. Я своими глазами видел, как вытирали слезы ветераны НЗКХ после просмотра фильма об их заводе. В зале долго не смолкали аплодисменты, а министр, приехавший на юбилей завода, сказал:

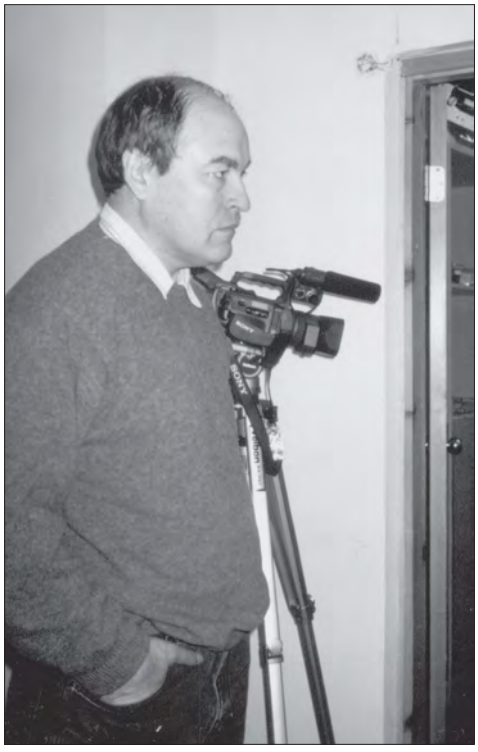
— *Этот фильм — самое лучшее и самое убедительное доказательство нашего права на существование.*

Заработанные на заказных фильмах деньги до копейки вкладывались в новое оборудование, цифровые видеокамеры, компьютеры, радиомикрофоны. И сейчас студия «Азия-Фильм» одна из самых технически оснащенных и активно работающих киностудий города.

Одним из первых в стране В. Эйснер получает заказ от телеканала «Культура» на съемки видеофильмов в рубрику «Архимедов рычаг». В этих фильмах предлагалось рассказать о людях, которые всей своей жизнью и творчеством утверждают возможность и необходимость активного творческого сопротивления негативным явлениям нашей жизни и на примере собственных открытий и достижений доказали как много может сделать убежденный и деятельный человек. Новосибирск, пожалуй, как ни один город в России богат такими людьми, и В. Эйснер блистательно доказал это. После многолетнего перерыва на канале «Культура» один за другим демонстрируются снятые им фильмы: «Земля и небо», «Школа Бороздина», «Зеркала Козырева», «Экспромт», «Точка опоры». В этих фильмах мы знакомимся с замечательными людьми — академиком и педагогом, художником и студентами консерватории, кинорежиссером и изобретателем.

В отзывах, которые потоком хлынули в редакцию канала, люди благодарили за светлые и добрые чувства, за надежду и веру, которые пробудили в них герои фильмов В. Эйснера. *После потоков крови, грязи, насилия, сатанизма и безвкусия, переполняющих экраны наших телевизоров, фильмы эти, как светлый луч, как тепло человеческого сердца, согревающего наши души*, — пишет один из телезрителей.

А теперь самое время коснуться еще одной наиважнейшей стороны работы режиссера-документалиста — работы, как говорят в кино, «с натурой», т. е. непосредственного во время съемок общения с людьми, участниками и героями будущего фильма. Тут мало быть хорошим психологом, обладать сильным, подчиняющим себе характером, уметь органично вписаться в ситуацию или сделаться незаметным для окружающих. Конечно, и то, и другое, и третье необходимо в работе руководителя съемочной группы, которая даже в документальном кино достаточно навязчива и громоздка. Чтобы убедить человека стать участником фильма, вызвать его на откровенность, заставить быть естественным и правдивым, необходимо, чтобы он тебе поверил. А это удается далеко не каждому режиссеру. И сколько мы уже видели таких, якобы «документальных» фильмов, где их герои с застывшими лицами, боясь сделать лишнее движение, оттарабанивают заранее вызубренный текст, который затем при монтаже стыдливо прикрывается набором иногда подходящих, а чаще совершенно случайных кадров.



Экран безжалостен к фальши. А фальшь начинается тогда, когда между «натурой» и режиссером не проскакивает искры согласия в общем деле. Но прежде чем начать устанавливать отношения с героем, надо еще этого героя найти. А это тоже дано далеко не каждому, потому что вопреки расхожему мнению, будто каждый человек по-своему интересен, любой профессиональный автор и режиссер прекрасно знает, что далеко не каждый интересен настолько, чтобы быть интересным всем. Человека, о котором берешься снимать фильм, надо либо любить, либо ненавидеть. Равнодушие авторов способно погубить самый интересный материал. Владимир Эйснер, как правило, любит своих героев.

Или, во всяком случае, относится к ним с глубочайшим уважением и сочувствием.

Вот только один пример: Борис Ефимович Егоров, герой одного из последних фильмов В.Эйснера «Последний срок». Более безысходную и трагическую судьбу, чем у него, трудно сыскать. Бывший разведчик, кавалер орденов Славы, Отечественной войны, Красной Звезды и прочих многочисленных — не то придуманных, не то на самом деле заслуженных — наград, ставший после войны профессиональным карманником и растерявший по тюрьмам и лагерям почти сорок шесть лет своей окончательно изломавшейся жизни, он доживает свой век в сельском доме престарелых, затерявшемся в бескрайних просторах сибирской глубинки…

Потрясающий фильм! Смотришь и вспоминаешь то гравюры Гойи, то босховский Апокалипсис, то уродов Брейгеля Старшего. Ассоциативный ряд можно продолжать до бесконечности. На первый взгляд, этот маленький дом престарелых напоминает утлый ковчег, в котором собрались даже не люди, а осколки, обломки людей, судьба каждого из которых отнюдь не легче, а то и пострашнее, чем у Бориса Ефимовича. Но если тот то и дело начинает философствовать, не то врать, не то вспоминать прожитую жизнь, то остальные либо молча, не замечая камеры, проходят мимо, либо отрешенно смотрят мелькающие на экране телевизора мировые новости, которые должны им казаться новостями с другой планеты или даже другого пространственного измерения, настолько не совпадает увиденное с их сегодняшней жизнью…

Кто-то, сидя в углу, негромко наигрывает на гармошке, давным-давно популярный простенький мотивчик. Как ни странно, но именно этот, то и дело фальшиво сбивающийся мотив, подсказывает вдруг такую неизбывную боль, а монтажное соприкосновение неподвижного взгляда и беснующейся на экране телевизора толпы фанатов рока раскрывают такие глубины навсегда разделенных временем пластов жизни, что не надо никаких объяснений, никаких философских трактатов, никаких экономических выкладок и статистических таблиц. Запутанная суть сегодняшнего бытия вдруг проясняется сразу, как в молитвенном прозрении. И вот уже дом престарелых не утлый ковчег, а бесконечно старый космический корабль, заблудившийся во времени и во Вселенной, летящий неведомо куда, с неведомой никому из обитателей целью.

И как бы в заключение — слова единственного говорящего в фильме героя о том, что как бы ни была неправедна его жизнь, он ни разу он не украл кошелька у старушки, не обидел ни одного ребенка. В сопоставлении с миллионами сегодняшних обиженных подобное признание оглушает. И снова ни слова авторского текста, ни малейшего нажима и аффектации. Экран при всех его звуках почти безмолвен. Но ощущение, что все эти люди смотрят на нас глазами фресок «Страшного суда» Микеланджело, не оставляет потом долго-долго после окончания просмотра.

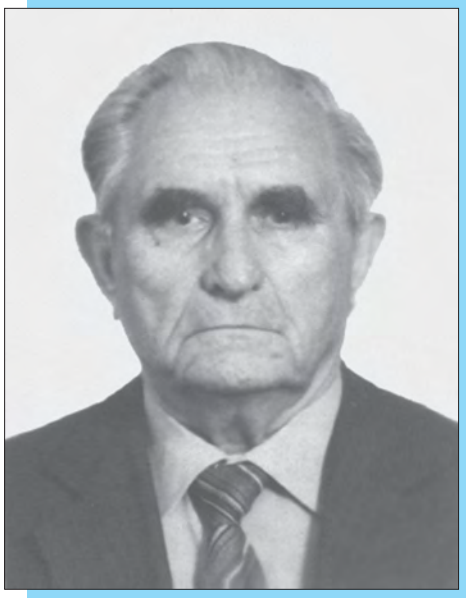
…Рассказывать фильмы В.Э. Эйснера — занятие неблагодарное, если не сказать — бессмысленное. Ему дан поразительный дар неожиданного взгляда

на привычное. Как правило он видит то, чего не смогли увидеть другие. Поэтому фильмы его получаются неожиданными и… неопровержимо достоверными. Поиск правдоподобного отражения ритма и смысла жизни, может быть, самое главное в его работе. Он отыскивает этот смысл повсюду — в чукотской тундре, в забайкальских степях, в апокалиптической суете больших городов, в научной лаборатории и мастерской художника, в богадельне и документальных свидетельствах старой кинохроники. Смысл этот открывается ему с той степенью достоверности и глубины, которую в состоянии осмыслить и донести до зрителя только очень талантливый и очень сострадающий жизни человек.

Когда я однажды спросил В. Эйснера — что значит для него работа в кино? — он, по обыкновению помолчав в раздумье, ответил: *Способ постижения жизни и способ борьбы.* Ответ меня не удивил. Я давно и, думаю, неплохо его знаю, чтобы понять — это не пустые слова. Он верит, что настоящее кино не может не воздействовать на зрителя. Не может не заставлять его думать, сравнивать, сопереживать. А это уже самое настоящее начало борьбы.

Один из умнейших людей прошлой России И.А. Гончаров сказал, что очень легко быть злым и умным, но очень трудно оставаться умным и добрым. В наше время оставаться добрым и умным во много раз труднее, чем во времена И.А. Гончарова. Фильмы В. Эйснера добрые и умные. В каждом из них сокрыта его главная тема — его дума о России, о нашей общей судьбе. Он не навязывает ее нам. Мы начинаем думать сами.

Александр КОСЕНКОВ



Четверть века на благо города

В истории развития города Новосибирска немало знатных имен, которые нынешнему молодому поколению почти неизвестны. Среди них Иван Дмитриевич Яковлев, один из наиболее авторитетных новосибирских руководителей в 40-50-е годы XX столетия.

В 14 лет — комсомолец, вожак пионерии; в 18 лет — коммунист, секретарь райкома ВЛКСМ, редактор районной газеты на Алтае; в 20 лет по призыву Сибкрайкома ВКП(б) возглавил первую в городе многотиражную газету; в 30 лет — председатель Новосибирского горисполкома, секретарь горкома партии; в 38 лет — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС.

Родился Иван Яковлев 5 (18) января 1910 года в селе Саввушка Курьзинской волости Змеиногорского уезда Алтайской губернии в крестьянской семье, родители занимались хлебопашеством.

С начала 1933 года работали в колхозе имени Тельмана. Отец умер в 1951 году, а мать — в 1964 году.

В семье было пятеро детей, Иван — старший. С ранних лет он проходит трудовые университеты крестьянской жизни. С 14 лет ему, комсомольцу, поручают работу вожатого в пионерском отряде.

Последние два года учебы его избирают секретарем комсомольской ячейки школы, членом бюро райкома ВЛКСМ и членом Рубцовского окружкома ВЛКСМ. В сентябре 1927 года парторганизация Змеиногорска принимает его кандидатом в члены ВКП (б).

В 1928 году он окончил Змеиногорскую школу второй ступени с педагогическим уклоном, получил аттестат зрелости и звание учителя начальных классов. Его направляют на двухмесячные курсы комсомольских пропагандистов в Томск, а затем утверждают заведующим агитпропом Поспелихинского райкома комсомола. Через два месяца он уже секретарь райкома комсомола и в этом же году становится членом ВКП(б).

Столь же стремительно развивалась и его журналистская карьера: 15 апреля 1930 года райком партии утверждает Яковлева редактором районной газеты «За сплошную коллективизацию», а через месяц Рубцовский окружком ВКП(б) направляет его заведующим партийным отделом окружной газеты «Степная коммуна».

В это время на левом берегу Оби, напротив Новосибирска, был заложен крупнейший в Сибири завод сельскохозяйственных машин «Сибкомбайн». Управление «Сибкомбайнстроя» обратилось к населению с призывом идти на стройку. Иван Дмитриевич откликнулся на этот призыв и 15 ноября 1930 года стал редактором многотиражной газеты «Сибкомбайнстроя» — «Даешь комбайн».

20 августа 1931 года вместе со всем многотысячным коллективом он радовался испытанию первой, невиданной до сих пор машины — сибирского комбайна. Модель этого комбайна, изготовленная комсомольцами завода, была вручена делегатам IX съезда комсомола в Москве.

4 декабря 1931 года Яковлева избирают секретарем комитета ВЛКСМ «Сибкомбайнстроя» (название предприятия в дальнейшем менялось в зависимости от профиля завода: 1930-1932 годы — «Сибкомбайн»; 1933 год — «Сибтекстильмаш», 1933-1946 годы — «Сибметаллстрой», 1946-1977 годы — «Сибсельмаш», с 1978 года — Новосибирское производственное объединение «Сибсельмаш»).

Через полгода городской комитет партии переводит его (тогда существовал термин «перебрасывает») на новое строительство — «Сибмашстрой» (завод горного оборудования). Здесь его избирают секретарем первичной партийной организации комбината производственных предприятий и заведующим культпропом парткома.

В 1932 году И. Яковлев призван на Тихоокеанский флот в береговую артиллерию морских сил Дальнего Востока.

На втором году службы он стал командиром для поручений у коменданта Владивостокского укрепрайона, вел большую общественную работу.

В декабре 1934 года, после увольнения в запас, вернулся в Новосибирск на «Сибметаллстрой», где сразу был избран заместителем секретаря парткома и заведующим парткабинетом. На заводе он познакомился со своей будущей женой Антониной Кузьминичной Вилковой.

Вскоре они поженились, их семейный союз оказался крепким и дружным. Они вырастили двоих детей: Лариса впоследствии окончила Томский университет, а Юрий — НЭТИ.

Пройдя еще несколько ступенек по служебной лестнице, И. Яковлев утверждается заведующим отделом партийных кадров Новосибирского горкома партии. Но через два месяца на городской партийной конференции по клеветническим заявлениям группы коммунистов, обвинявших его в либерализме к врагам народа, И. Яковлев был освобожден от работы в аппарате горкома партии.

Созданная впоследствии специальная комиссия сняла с него все обвинения, и 11 июля 1940 года решением ЦК ВКП(б) он утвержден секретарем Новосибирского горкома партии (по промышленности), а вскоре избирается председателем Новосибирского горисполкома.

Начавшаяся война с фашистской Германией вызвала необходимость внести коррективы в расстановку руководящих кадров. И. Яковлев возвращается в «высший эшелон» партийных органов: горком и обком ВКП(б).

Незаурядный природный ум Ивана Дмитриевича, организаторская хватка, умение управлять людьми, упорство в достижении поставленной цели ускорили его вхождение во все сферы жизнеустройства города. Он стремился лично во все вникнуть, все увидеть собственными глазами. Это привлекало к нему людей, приносило ему известность и создавало авторитет.

В годы войны на долю руководителей Новосибирска выпала особенно ответственная и сложная задача. Город оказался одним из удобнейших пунктов для размещения значительной части заводов, эвакуированных из прифронтовой полосы. С июля по ноябрь 1941 года сюда перебазировано свыше 50-ти промышленных и других предприятий. Их надо было принять и в сжатые сроки пустить в эксплуатацию. Вместе с тем, следовало устроить десятки тысяч рабочих, членов их семей, прибывших из западных районов страны.

В неимоверно трудной обстановке шло не только воссоздание заводов, но и досрочное выполнение заказов фронта. И это в условиях, когда большая часть опытных кадровых рабочих, инженеров, техников, служащих уходили в действующую армию, а их заменяли рабочие, ушедшие по старости лет на пенсию, инвалиды, женщины, никогда не видевшие заводских цехов, подростки. К концу 1941 года на предприятия города пришло 13000 домохозяек и людей, не работавших ранее на производстве.

Одна из важнейших тогда проблем — мобилизация жилого фонда для эвакуированных семей. В течение нескольких дней в городе было освобождено

свыше 10 тысяч квадратных метров жилья. Тысячи новосибирцев потеснились («уплотнились», как тогда говорили), высвобождая комнаты для прибывших.

Историческая справка. К началу войны в Новосибирске было 450 тысяч жителей. Жилой фонд составлял 1 млн 480 тысяч квадратных метров.

Фактическая норма заселения была чуть больше 3 кв. метров на человека. В 1945 году численность населения города увеличилась до 605 тысяч, а жилой площади за годы войны построено лишь 374 тысячи квадратных метров. Поэтому в 1945 году фактическая норма заселения на одного человека снизилась до 2 квадратных метров.

Главное, на что уходили почти все силы и время, был напряженный труд. Люди отказывались от всего привычного, ограничивая себя в самом необходимом, лишь бы добиться быстрейшей победы.

Неделями не уходили они из цехов, отдыхая урывками где-нибудь в неуютной бытовке. Исчезли из употребления слова: «невозможно», «нельзя», «не могу». Каждый понимал, что работа в тылу решала успех армии на фронте.

Новосибирская партийная организация сумела обеспечить выполнение заданий Государственного Комитета Обороны по производству вооружения и боеприпасов. В годы войны город превратился в опорный край державы. Он поставил фронту 125 млн снарядов и мин, почти 27 процентов всех снарядов, израсходованных действующей армией, 15797 самолетов, 6 бронепоездов, около 4 млн комплектов летнего и зимнего обмундирования.

Новосибирцы сдержали клятву, данную сибирякам-гвардейцам, уходившим на фронт: *Мы превратим производственный график в устав воинской службы, невыполнение которого есть преступление перед Родиной.*

Это был всенародный подвиг. Руководители тех лет и, в частности, И.Д. Яковлев, старались во всем содействовать самоотверженному труду, организовать его, с максимальным вниманием к людям. Вот какую характеристику дал первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М. В. Кулагин: *Организационные способности тов. Яковлева как политического руководителя особенно проявились в период военного времени на посту второго секретаря Новосибирского горкома ВКП(б), когда перед Новосибирской партийной организацией встали серьезные задачи не только перестроить всю промышленность на военный лад, но и разместить большое количество эвакуированных заводов и строительство новых, обеспечить бесперебойное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны по производству боеприпасов и вооружений для Красной Армии.*

С решением этих задач городская Новосибирская партийная организация справилась. За образцовое выполнение заданий правительства по выпуску боевых самолетов Президиумом Верховного Совета СССР в 1944 г. тов. И. Яковлев награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Новосибирская партийная организация оказывала большую помощь сельскому хозяйству области в проведении важнейших сельскохозяйственных кампаний.

За личную инициативу в этом деле тов. Яковлев награжден в 1942 г. орденом «Знак Почета». Товарищ Яковлев воспитал в себе лучшие качества партийного руководителя — настойчивость, принципиальность, непримиримость к недостаткам, чуткость и скромность. Благодаря этим качествам, тов. Яковлев пользуется большим авторитетом и уважением не только среди партийного актива города и области, но и среди беспартийных трудящихся.

25 сентября 1944 года решением ЦК ВКП(б) И. Д. Яковлев утвержден вторым секретарем Новосибирского обкома партии (куратором оборонной промышленности), а 18 января 1949 года пленум обкома ВКП(б) избрал И. Д. Яковлева первым секретарем Новосибирского обкома партии.

В эти годы он неоднократно представлял новосибирцев в областном и Верховном Советах депутатов.

В эти годы объем индустриального производства последовательно возрастал, превзойдя в 1950 году уровень 1945 года. Высокие темпы роста промышленности сохранялись и в 1951-1953 годах. Наряду с расширением и реконструкцией уже существующих предприятий возводились новые: «Сибэлектротяжмаш», «Сибэлектротерм», «Сиблитмаш» и другие.

Благодаря инициативе руководителей области Совет Министров СССР в 1951 году принимает решение о строительстве в Новосибирске гидроэлектростанции и моста через Обь. Он был построен за четыре года и начал действовать с 20 октября 1955 года.

К сожалению, темпы восстановления сельского хозяйства в области оставались крайне низкими. Довоенный показатель посевных площадей удалось довести лишь в 1953 году.

После мартовского (1954г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» проблемы сельского хозяйства стали главной головной болью руководства области. В 1954-1955 годах в колхозы, МТС и совхозы было направлено 12 тысяч юношей и девушек Новосибирска и районных центров области. За короткое время организовано шесть новых совхозов. Хозяйства области получили десять тысяч тракторов, семь тысяч комбайнов, три тысячи автомашин и много других сельскохозяйственных машин и оборудования. В строительство и оснащение МТС и совхозов вложено около 1 млрд рублей.

Особое внимание в этот период И. Яковлев уделяет подбору кадров. Известно, что хороший руководитель повторяет себя в своих подчиненных, они перенимают его убеждения, отношение к труду, его эрудицию, методы работы.

Чтобы заполучить стоящего человека, И.Д. Яковлев обратился даже в ЦК партии с просьбой вернуть в область бывшего начальника управления сельского хозяйства Новосибирской области Н. Жуковского (с его согласия), работающего в Министерстве сельского хозяйства СССР начальником управления научно-исследовательских учреждений и заместителем начальника Главка сельскохозяйственной пропаганды, редактором журнала «Достижения науки и передового опыта в сельском хозяйстве».

ЦК партии поддержал его просьбу. 26 апреля 1954 года Н. Жуковский стал первым заместителем председателя Новосибирского облисполкома, а через полтора года — вторым секретарем Новосибирского обкома партии. Его высокий профессионализм, знание людей, конкретных условий и особенностей каждого района области давали ему возможность умело и оперативно решать многие вопросы.

1954 год был урожайным, в среднем с каждого гектара было получено по 13,7 центнера. Область стала участником вновь открывшейся Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и получила золотую медаль. После 1954 года по всей области развернулось строительство элеваторов и зерноскладов.

В 1956 году новосибирцы сдают 100 млн пудов зерна, вместо 60 млн по плану. За эти достижения, а также освоение 1534 тысячи гектаров целинных и залежных земель область награждена орденом Ленина.

8 августа 1955 года, в связи с рекомендацией ЦК КПСС направить И. Яковлева вторым секретарем ЦК компартии Казахстана, пленум Новосибирского обкома партии освободил его от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома КПСС. Приобретенный в Новосибирске опыт позволил ему успешно работать в национальной республике, представлять ее в Верховном Совете Казахской ССР (четвертого созыва).

После XX съезда КПСС, в марте 1956 года, он избирается первым секретарем ЦК компартии Казахстана. В 1957 году за достижения республики в освоении целинных и залежных земель, увеличении производства зерна и сдачи государству хлеба И. Яковлев награжден орденом Ленина.

В декабре 1957 года по его личной просьбе он был отозван из Казахстана и рекомендован ЦК партии на работу в Ульяновскую партийную организацию, где был избран первым секретарем обкома КПСС. 16 января 1960 года за успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства Ульяновской области и в связи с 50-летием со дня рождения, И.Д. Яковлев награжден вторым орденом Ленина.

В 1961 году у него возникли сложности с руководством ЦК партии из-за критического отношения к политике диктата в сельском хозяйстве. Иван Дмитриевич не одобрял нажим на посев кукурузы в явно неподходящих для нее районах. В августе 1961 года он был откомандирован в распоряжение Омского обкома КПСС для использования на руководящей работе в советских органах.

Омичи избирают его депутатом городского Совета (восьмого, девятого, десятого созывов), председателем горисполкома. С декабря 1964 года он — председатель Омского исполкома областного Совета депутатов трудящихся. До ухода на пенсию в июле 1973 года он пять раз избирался депутатом областного Совета.

Всюду, где работал И.Д. Яковлев, он проявлял упорство и настойчивость, партийную принципиальность и ответственность за порученное дело, действовал как опытный и мудрый руководитель, государственный деятель.

Открытый, искренний, он умел расположить к себе людей: и молодых, и старшее поколение, у него не было явных недоброжелателей.

За заслуги перед Родиной И.Д. Яковлев награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами «Знак Почета» и Октябрьской Революции, тремя медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За освоение целинных земель», «За доблестный труд».

Высокая работоспособность, умение выделять главные цели и реализовать их, требовательность и неизменная забота о людях снискали ему всеобщее уважение. На его авторитет влияло не служебное положение, право старшего, а широкая эрудиция, политическое чутье и низкий болевой барьер, он обладал счастливым даром понимать людей.

26 декабря 1999 года И.Д. Яковлев умер; похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище.

Такие коммунисты, как он, являлись совестью партии.

Изучая биографии знатных людей, я не раз убеждался: ничто так широко не раздвигает умственного кругозора, не воздействует на характер, не обогащает познание и не развивает организаторские способности, как непосредственное, живое участие в общественной жизни. Справедливости ради стоит заметить, что пионерия, комсомол, профсоюз, Советы депутатов и партия взрастили немало талантливых организаторов, умных и честных руководителей.

Дальнейшее повышение качества всей нашей жизни зависит от того, какой состав руководителей придет им на смену.

Кто же такой руководитель?

Это самый обыкновенный специалист, профессионал, будь он инженером, агрономом, врачом или учителем, но у него есть одна особенность. Это человек с высшим проявлением сознания и нравственности, своего гражданского и общественного долга.

Так, во всяком случае, должно быть.

Иван ЦЫПЛАКОВ

Содержание

Н. Синиченко. Сто характеров — и одна судьба (АЛЕХИНА Г.А.) 3
З. Ибрагимова. «Жизнь — это стресс» (БЕЛЯЕВ Д.К.) 13
Г. Троицкая. Не ради выгод, славы и призов… (БЕРНАДСКИЙ Ю.И.) 24
Е. Буторина. Версии жизни Владелена Бирюкова (БИРЮКОВ В.Е.) 36
З. Ибрагимова. Спектр лидерства (БОРЕСКОВ Г.К.) 44
А. Сурнин. На переднем крае (БРЫКИН А.И.) 55
Г. Журавлева. Жизнь актрисы (БУЛГАКОВА З.Ф.) 64
Е. Плитченко. Улица Власова (ВЛАСОВ П.С.) 71
В. Дегтярев. Обретение высоты (ГАЛУЩАК Б.С.) 77
И. Некрасова. Из «сибирских американцев» (ГОРОХОВ В.А.) 86
Т. Афанасьева. Феномен Деревянко (ДЕРЕВЯНКО А.П.) 94
А. Антонов. «Мы были первыми» (ДЕМИН В.И.) 103
Р. Нотман. «Исторический» сибиряк родом из Питера» (ДОБРЕЦОВ Н.Л.) 111
Т. Шипилова. А корабль плывет... (ЕГУДИН В.Г.) 121
З. Ибрагимова. «Я вырос вместе с ЭВМ...» (ЕРШОВ А.П.) 131
И. Косарева. «За труды на пользу города...» (ЖЕРНАКОВ В.И.) 142
Г. Кайгородов. Те заводские проходные... (ЗАБАЛУЕВ В.Т.) 149
И. Цыплаков. Судьба Стефана Завадовского (ЗАВАДОВСКИЙ С.Н.) 157
Н. Синиченко. По звездной дороге (ЗАВОЛОКИН Г.Д.) 165
А. Косенков. Русская душа (ИНДИНОК И.И.) 174
А. Скляренко. Чемпион на все времена (КАРЕЛИН А.А.) 187
Ю. Магалиф. Годы, жизнь и тоненькая палочка (КАЦ А.М.) 195
И. Цыплаков. Сказание об учителе (КОЗЛОВ Н.В.) 207
Г. Троицкая. Человек высокой энергетики (КОМИССАРОВ В.А.) 214
Н. Притвиц. «Светя другим, сгораю сам» (КОПТЮГ В.А.) 223
Ю. Чернов. Имени Михаила Королева (КОРОЛЕВ М.Н.) 233
Н. Безрядин. «Ни часу отдыха, ни шагу без цели» (КУЛАГИН М.В.) 242
В. Лендов. Единожды взлетев... (ЛЕЛЕКОВ Ю.С.) 250
А. Антонов. Все остается детям (ЛЫКОВ Г.Д.) 257
И. Косарева. Завещание ректора Лыщинского (ЛЫЩИНСКИЙ Г.П.) 267
Н. Притвиц. Алгоритмы академика Марчука (МАРЧУК Г.И.) 276
Л. Веремьянина. Команда начинает и выигрывает (МАСАЛОВ А.К.) 289
И. Цыплаков. Зачинатель кинодела в Новосибирске (МАХОТИН Ф.Ф.) 300
Е. Плитченко. Дистанция пути — жизнь (МЕЖЕНИНОВ Н.П.) 307
Т. Афанасьева. Сердечных дел мастер (МЕШАЛКИН Е.Н.) 312

Р. Нотман. Человек с интересной фамилией (МОЛОДИН В.И.) 321
Н. Манторова. Жизнь поверх барьеров (МУРОВ А.Ф.) 329
Е. Городецкий. Династия хирургов (МЫШ В.М.) 338
З. Ибрагимова. «Археолог должен спешить» (ОКЛАДНИКОВ А.П.) 346
Т. Коньякова. «Это мой город и это мой театр...» (ПОКИДЧЕНКО А.Я.) 357
Л. Тучина. В «скоростном» режиме (ПОХИЛ Ю.Н.) 366
В. Лендова. Манящая цель — театр (РЕДЛИХ В.П.) 374
С. Костин. Инженер Роецкий (РОЕЦКИЙ В.И.) 384
С. Сиваковская. Точка кипения (СЕВАСТЬЯНОВ И.П.) 388
И. Цыплаков. В искусство — по зову сердца (СОКОЛОВ Г.А.) 396
Л. Семенова. Когда снимали рельсы и... начальников (СТАРОСТЕНКО В.И.) 403
Л. Соколова. На войне, как на войне (ТИТОВ М.В.) 415
Л. Семенова. Жизнь набело... (ТОМИЛОВ В.Г.) 424
Г. Сасса. Перевалы Федосеева (ФЕДОСЕЕВ Г.А.) 433
Г. Троицкая. Окрыленность (ЧАПЛЫГИН С.А.) 441
Л. Волгина. Три жизни Вениамина Чебанова (ЧЕБАНОВ В.К.) 451
Е. Мартышев. Творчеством одержимый (ЧЕРНОБРОВЦЕВ А.С.) 461
З. Ибрагимова. Земное тяготение (ЧИНАКАЛ Н.А.) 469
А. Косенков. Главная тема (ЭЙСНЕР В.Э.) 479
И. Цыплаков. Четверть века на благо города (ЯКОВЛЕВ И.Д.) 488

СОЗИДАТЕЛИ
Книга очерков
Том 2

Компьютерный набор и верстка О. Санбельгина
Корректор И. Литвинова

Сдано в набор 00.00.2002. Подписано к печати 00.00.2003. Формат 70x100/16. Бумага легкомелованная. 80 грамм. Печать офсетная. Усл. печ. л. Уч.–изд. л. Тираж 3000 экз. Заказ □

Отпечатано в ГП «Новосибирский полиграфкомбинат». Красный проспект, 22.